РУССКИЕ ТАЙНЫ

С. СТЕПАНОВ

ЧЕРНАЯ СОТНЯ

Сканировал и создал книгу - vmakhankov

С. СТЕПАНОВ

ЧЕРНАЯ СОТНЯ

МОСКВА ▪ ЭКСМО ▪ ЯУЗА

2005

ББК 66.1(0)
С 79

Оформление художника *А.Козаченко*

Степанов С.
С 79 Черная сотня. — М.: Изд-во «Эксмо», Изд-во «Яуза», 2-е издание, доп. и перераб., 2005. — 544 с., ил.

ISBN 5-699-08156-9

Еврейские погромы и Кровавый навет, «Протоколы сионских мудрецов» и террористические акты, возрождение традиций допетровской Руси и утверждение Православия — все это Черная сотня.

За этими суровыми словами не только судьбы десятков тысяч русских людей и таких организаций, как «Союз русского народа» или «Союз Михаила Архангела», но и трагическая попытка последних рыцарей Империи сплотить русских людей под знаменами Самодержавия, Православия и Народности.

Эта книга — блестящий и полный рассказ об истории черносотенного движения, с ее страниц встают яркие портреты его лидеров — таких, как А.Дубровин, Н.Марков-второй, В.Пуришкевич.

ББК 66.1(0)

© С. Степанов, 2004
© ООО «Издательство «Эксмо», 2005
© ООО «Издательство «Яуза», 2005

ISBN 5-699-08156-9

ВВЕДЕНИЕ

Данная книга является вторым, дополненным и переработанным изданием монографии о деятельности черной сотни в России. Основной материал был собран еще в эпоху так называемого развитого социализма, когда доминирующее место в историографии занимало изучение (точнее, восхваление) КПСС. В ту пору автор был студентом исторического факультета Московского университета, и ему настойчиво объясняли, что заниматься историей других партий, а тем более черносотенных, является бесперспективным делом. Тем не менее автор проявил настойчивость, продиктованную, наверное, самым обыкновенным любопытством. В учебниках и энциклопедии черносотенцам отводилось несколько строк, причем необъективность оценок бросалась в глаза даже самому неискушенному читателю. Почти все документы, касавшиеся истории черносотенных организаций, были попрятаны по спецхранам. Факты приходилось добывать буквально по крупицам. Однако трудности с лихвой окупались маленькими открытиями, которые автор делал буквально на каждом шагу. Собственно говоря, это не были научные открытия в подлинном смысле слова, а скорее освобождение от стереотипов. Во всех учебниках утверждалось, что черносотенцы не имели массовой поддержки, между тем архивные материалы свидетельствовали, что по своей численности черносотенные союзы превосходили все политические партии России, вместе взятые. Было принято считать, что в черносотенных союзах состояли малограмотные темные люди, но среди членов Главного совета Союза русского народа были профессора и один академик. И совсем удивительным был тот факт, что Путилов-

ский завод в Петербурге, считавшийся цитаделью большевизма, долгое время являлся оплотом черносотенных рабочих организаций.

Предвзятое отношение к черносотенцам брало свое начало еще с той поры, когда Союз русского народа и другие монархические партии активно действовали на политической арене. Не углубляясь в историографию проблемы, следует дать самый сжатый обзор литературы о черносотенцах[1]. Дореволюционные публикации четко подразделялись на две категории: подготовленные самими черносотенцами, что предопределяло их апологетический характер, и исходящие из противоположного лагеря, следовательно, резко критические по содержанию. Некоторые из видных деятелей крайне правых опубликовали сборники своих статей и даже многотомные собрания сочинений[2]. Но в сущности черносотенные статьи и брошюры, рассказывающие о задачах и целях монархических союзов[3], являлись разновидностью пропагандистской литературы. В этом ряду можно выделить лишь опубликованную под псевдонимом книгу одного из лидеров фракции крайне правых в III Государственной думе Г.Г. Замысловского — своеобразный отчет о деятельности правых депутатов в Думе[4].

Таким же продолжением политической борьбы были публикации, принадлежавшие перу противников черной сотни[5]. Независимо от своей партийной принадлежности, большевики, меньшевики, народные социалисты, кадеты — все они сходились в том, что черносотенство является синонимом самой дикой реакции, мракобесия и обскурантизма. Черносотенные союзы называли порождением охранного отделения, утверждали, что их программа состоит в том, чтобы повернуть вспять колесо истории, а сами они состоят в основном из деклассированных элементов. Впрочем, демократический облик черносотенных союзов до известной степени признавался. Меньшевик В. Меч (В.Д. Мачинский) определял черносотенную идеологию как «мелкобуржуазный вульгарно-демократический национализм»[6], лидер большевиков В.И. Ленин (Ульянов) отмечал наличие в черносотенной среде

«темного мужицкого демократизма, самого грубого, но и самого глубокого»[7]. Более или менее научной по форме был очерк деятельности правых партий в России, подготовленный меньшевиком В. Левицким (В.О. Цедербаумом) в рамках коллективного труда по истории общественного движения в России[8]. Однако даже эта работа не избежала полемической заостренности. По уже сложившейся в левой публицистике традиции автор абсолютизировал зависимость черносотенных союзов от правительства, департамента полиции и Постоянного совета объединенных дворянских обществ.

После октября 1917 г. все партии, кроме большевистской, были провозглашены реакционными и ренегатскими. Но это не помешало большевикам использовать все негативные оценки черной сотни, которые ранее использовались меньшевиками или кадетами. В 20-х — начале 30-х гг. был опубликован ряд статей и брошюр, посвященных различным аспектам деятельности крайне правых. Общие работы В.П. Викторова[9] и В. Залежского[10] о монархических партиях дополнялись публикациями, затрагивающими деятельность черносотенцев в отдельных городах и губерниях[11]. Увидела свет статья Б. Брусянина[12], в которой исследовалась черносотенная агитация в рабочей среде. Появились брошюры А.Е. Евгеньева (А.А. Кауфмана), И. Когана, А. Киржница об участии черносотенцев в погромах[13]. Отдельной темой была история взаимодействия Русской православной церкви с крайне правыми организациями[14]. В жанре политического портрета были представлены некоторые лидеры правого лагеря[15]. Дважды была издана книга А.С. Тагера о деле Бейлиса[16].

Все эти работы имели разоблачительный характер в полном соответствии с пропагандистскими задачами, которые ставила официальная идеология. Многие работы были написаны не столько с марксистских позиций, а в духе господствовавшей тогда исторической школы М.Н. Покровского, для которой были характерны вульгарное понимание классового подхода, поспешность и необоснован-

ность оценок. И тем не менее было бы неправильно полностью сбрасывать со счетов историческую литературу 20-х — начала 30-х гг. В этот период в научный оборот была введена масса архивных документов, некоторые статьи и книги при всей их необъективности содержали богатый фактический материал. Это особенно контрастировало с последующими десятилетиями, когда в советском обществе возобладала тенденция строгого контроля над всеми проявлениями общественной мысли и нетерпимости к малейшим отклонениям от официальных канонов. Черносотенное движение фактически выпало из узкого круга разрешенных тем. Если в конце 20-х гг. был издан документальный сборник о Союзе русского народа, то сборник материалов о черной сотне в целом, подготовленный в 1934 г., так и не увидел света. Из исторической литературы исчезли статьи и брошюры по этой тематике. В дальнейшем источники стали недоступными не только для широкого читателя, но и для профессиональных историков. Почти четыре десятилетия были закрыты основные архивные фонды черносотенных организаций.

Толчком для запрета могли послужить бытовавшие в литературе аналогии черносотенства с фашистским движением. Данная тема оставалась острой, потому что была тесно связана с национальным вопросом и антисемитизмом. Очевидно, по этой причине предубеждение против черной страницы русской истории сохранилось надолго. Она оставалась надежно прикрытой даже в 50—60-е гг., когда возможности историков значительно расширились.

Некоторые сдвиги наметились только в 70—80-е гг. Это было связано с объективными тенденциями в советской исторической науке, пытавшейся в рамках марксистской концепции нащупать новые исследовательские темы. Процесс изучения классов и их политических организаций, затянувшийся из-за отвлечения исследовательских сил на конъюнктурные темы, привел к необходимости создания обобщающих курсов по истории политических партий[17], в коллективные труды были включены разделы о черносотенных союзах[18].

Дискутировались вопросы о различиях в позициях правительства и крайне правых[19]. Впервые крайне правые организации стали предметом диссертационных исследований[20]. Появились статьи о деятельности черносотенцев в Поволжье[21]. Сейчас большинство этих работ, наверное, производят странное впечатление. Основной акцент в них делался на победоносную борьбу партии большевиков с черносотенцами, история крайне правых воспроизводилась через призму взглядов их злейших противников, а цитат из сочинений В.И. Ленина было намного больше, чем документов самих черносотенцев. Но по условиям времени даже такой подход был настоящим прорывом. По крайней мере в исторической литературе появилось упоминание о черной сотне как о серьёзной политической силе.

Возможность по-настоящему рассказать о политических партиях, противостоявших большевикам, появилась только в начале 90-х гг., когда произошли коренные изменения в политическом и социальном строе России. Вряд ли можно утверждать, что перемены благотворно отразились на всех сферах жизни нашего общества, в том числе на науке и образовании. Но исчезновение строжайшего идеологического диктата и упразднение цензурных запретов способствовали выходу в свет множества исследований по самой разнообразной тематике. В поле зрения историков попали и крайне правые, тем более что на российскую политическую сцену неожиданно для многих вышли идейные преемники черной сотни. Возродились организации, прямо провозглашавшие себя наследниками и продолжателями дела Союза русского народа, начали выходить газеты и журналы с теми же названиями и лозунгами, которые использовали дореволюционные черносотенцы. Одними из первых на это явление откликнулась группа петербургских ученых, подготовивших историко-социологические очерки «Национальная правая прежде и теперь»[22].

Автору этих строк удалось опубликовать монографию «Черная сотня в России. 1905—1914 гг.»[23], в которую частично вошли материалы из ранних публикаций[24]. Книга,

подготовленная к печати еще в советский период с оглядкой на цензурные запреты, тем не менее вызвала большой интерес у читателей, может быть, не столько из-за своих достоинств, сколько из-за того, что была первым большим исследованием на данную тему. В дальнейшем автор неоднократно обращался к различным аспектам деятельности черной сотни в научных и научно-популярных статьях, энциклопедиях, учебниках и учебных пособиях[25].

С тех пор был сделан значительный шаг вперед. За последнее десятилетие о черносотенцах было опубликовано больше статей, чем за весь предшествовавший век. Большим подспорьем для исследователей стало издание массива документов российских политических партий, в том числе партий правого направления[26]. Неоценимый вклад в реализацию этого сложнейшего проекта внес Ю.И. Кирьянов, опубликовавший ряд статей[27] и две монографии о правомонархическом движении[28].

Характерной чертой историографии черносотенства в последнее десятилетие стало появление большого числа исследований, посвященных деятельности крайне правых в губерниях Центральной России, Поволжье, на Урале и в Сибири. Прежде всего это кандидатские диссертации[29], статьи[30] и монография о черносотенцах в Сибири[31]. Ценность данных работ состоит в том, что авторы используют областные архивы и провинциальную прессу (вплоть до уездных вестников), что позволило существенно расширить источниковую базу. Практически во всех случаях оказывалось, что деятельность местных крайне правых организаций была масштабнее и разнообразнее, чем об этом можно было судить по документам центральных архивов.

Зарубежная историография, находившаяся в более благоприятных условиях с точки зрения выбора научной проблематики, тем не менее не добилась особых результатов в деле изучения правого лагеря. Это особенно бросается в глаза по сравнению с обширной литературой, посвященной другим политическим партиям. Слабая изученность правых партий обусловлена как традиционной ориентацией на

историю либерально-буржуазных течений, так и труднодоступностью источников. В некоторых исследованиях деятельность крайне правых рассматривается в связи с политикой объединенного дворянства[32], в контексте еврейского вопроса[33]. Партийная структура крайне правых освещается в основном в диссертационных работах[34]. Наиболее известная работа о черной сотне принадлежит перу американского исследователя У. Лакера. Однако в этой книге, переведенной на русский язык[35], основное место уделяется не столько истории, сколько современности.

Наконец, нельзя обойти вниманием целый пласт апологетической литературы, провозвестником которой стала брошюра В.М. Острецова,[36] изданная в начале 90-х годов огромным тиражом. Весьма положительную оценку черной сотне дал В.В. Кожинов, авторитетный филолог, посвятивший свои последние книги историческим темам[37]. Стремление освободиться от стереотипов, связанных с исключительно негативной оценкой черносотенных союзов, было закономерным. К сожалению, развенчание старых мифов привело к созданию новых. Конечно, черносотенцы не были сплошными погромщиками и темными личностями, но столь же странно зачислять их всех подряд в ряды подвижников русской земли, как это делают некоторые авторы[38]. Мне кажется, идейные пристрастия не должны лишать авторов объективности в оценке фактов. Что касается публикаций в газете «Черная сотня» и в других изданиях, в том числе в сетевых, то я сознательно исключаю их из перечня научных исследований, так как они являются скорее источниками для изучения современного черносотенства.

В данной книге сделана попытка проследить историю черносотенных союзов с момента их зарождения до крушения. Книга базируется на широком круге источников: фондах Союза русского народа[39] и Русского народного союза имени Михаила Архангела[40], Департамента полиции[41], Министерства юстиции[42], Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства[43], Главного управления по делам печати[44], судебно-следственных материалах[45], личных фон-

дах лидеров правого лагеря[46]. Использованы мемуарная литература и дневники политических деятелей различного направления. Привлечены стенографические отчеты Государственной думы.

Ценным источником стала публицистика и периодическая печать черной сотни и ее противников. Ряд материалов впервые вводится в научный оборот. Документы в книге воспроизводятся в соответствии с правилами современной орфографии.

Глава I

У ИСТОКОВ ЧЕРНОСОТЕННОГО ДВИЖЕНИЯ

1

Идеология черной сотни

Термину «черная сотня» суждено было родиться дважды. В политический лексикон начала XX в. это словосочетание вошло как презрительная кличка участников патриотических манифестаций и погромов. Задолго до этого на Руси черной сотней называли тяглое посадское население. Монархисты умело обыграли историческую параллель. В «Руководстве монархиста-черносотенца» говорилось: «Враги самодержавия назвали «черной сотней» простой, черный русский народ, который во время вооруженного бунта 1905 года встал на защиту самодержавного царя. Почетное ли это название «черная сотня»? Да, очень почетное. Нижегородская черная сотня, собравшаяся вокруг Минина, спасла Москву и всю Россию от поляков и русских изменников»[47]. Аналогия с патриотическим подъемом, положившим конец Смутному времени, была особенно популярна среди черносотенцев. Архиепископ Антоний писал в письме к Н.А. Бердяеву: «Да и самое название черносотенцев откуда взято как не от защитников Сергиевой лавры, прозванных так поляками в 1612 году?» Черносотенцы любили именовать себя «патриотами» и «истинно русскими», а также применяли к себе такие термины, как крайне правые и монархисты.

Все эти названия использовали несколько десятков союзов и организаций, наиболее крупными из которых являлись Русское собрание, Монархическая партия, Союз рус-

ского народа и Союз Михаила Архангела. Как всякое политическое течение, черная сотня подняла свое идейное знамя. Идеологию черносотенства нельзя представлять сорняком, занесенным на российскую ниву чужими ветрами. Корни этой идеологии уходят в почву, взрыхленную многочисленными предшественниками. Черносотенцы вобрали в свои программы важнейшие принципы ряда доктрин и учений прошлого века. Все это было переработано и приспособлено к новым историческим условиям.

Многие положения черносотенной идеологии переплетались с официальной монархической доктриной, платформой националистов, а в некоторых случаях с октябристской программой. Эта идеология не была единой, как не было монолитным все черносотенное течение. Между союзами и организациями существовали разногласия по отдельным проблемам. Черносотенцы брали отдельные положения у публицистов, не имевших непосредственного отношения к крайне правым. Наконец, следует учитывать, что черносотенная идеология являлась идеологией массового политического движения. Ее постулаты преподносились в упрощенной, вульгаризированной форме. Сами черносотенцы провозглашали себя наследниками славянофилов: «Если бы были живы апостолы славянофильства Хомяков, Аксаков и другие с одной стороны, и Катков, граф Толстой с другой стороны, то все они были бы в наших рядах»[48]. Одно перечисление имен говорит о том, что черносотенцы ставили на одну доску славянофилов и консерваторов охранительного типа, а также не делали различий между классическим славянофильством и эпигонскими учениями.

О так называемых «эпигонах» славянофильства философ В.С. Соловьев, сам в прошлом близкий к славянофильскому учению, говорил, что ныне «славянофильская идея никем не представляется и никем не развивается, если только не считать ее развитием тех взглядов и тенденций, которые мы находим в нынешней «патриотической» печати. При всем различии своих тенденций от крепостнической до народнической, от скрежещущего мракобесия до бесшабаш-

ного зубоскальства, органы этой печати держатся одного общего начала — стихийного и безыдейного национализма, который они принимают и выдают за истинный русский патриотизм...»[49].

Вместе с тем следует отметить, что взгляды поздних славянофилов зачастую вызывали настороженное отношение со стороны властей предержащих. Непониманием были встречены труды двух своеобразных мыслителей — Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева. Первый из них в своем оригинальном труде «Россия и Европа» развивал один из главнейших славянофильских тезисов о противоположности России и Запада. Он восставал против копирования чужих культурных и политических моделей, в частности парламентской демократии. Его мысли были восприняты К.Н. Леонтьевым, считавшим, что русское государство сложилось под сильнейшим влиянием византизма, под которым он понимал абсолютистскую монархию, основанную на подчинении церкви государству, твердой дисциплине, жесткой иерархии, сословности. «Сила наша, дисциплина, история просвещения, поэзия, одним словом, все живое у нас сопряжено органически с родовой монархией нашей, освященной православием, которого мы естественные наследники и представители во вселенной. Византизм организовал нас, система византийских идей создала наше величие, сопрягаясь с нашими патриархальными простыми началами», — писал Леонтьев[50]. Политические свободы, конституции — все это, по мнению Леонтьева, было глубоко чуждым России. «Русская нация специально не создана для свободы!» — подчеркивал он.

Черносотенцы использовали славянофильские тезисы, противопоставляя Россию Западу, под которым подразумевались страны Западной Европы и Северной Америки. Вслед за К.С. Аксаковым, заявлявшим, что «в основании государства Западного: насилие, рабство и вражда. В основании государства Русского: добровольность, свобода и мир»[51], черносотенцы повторяли: «Необходимые свойства европейской цивилизации, бездуховной по существу — вражда, не-

нависть, разобщенность, узкий личный материалистический эгоизм, господство материальной силы рабство духа и души»[52]. Общепризнанным в черносотенной среде был тезис о загнивании Запада. О западных странах черносотенные брошюры вещали: «...они уже давно умерли, разлагаются и издают невыносимое зловоние и скоро, скоро совсем разрушатся»[53].

Черносотенцы не отрицали научных и технических достижений Запада. Однако европейская цивилизация объявлялась порождением несовершенного человеческого разума. Материальный прогресс неминуемо оборачивался потерей духовности. Один из представителей позднего славянофильства М.В. Юзефович заявлял, что покорение сил природы суть приготовительный класс развития человечества. Запад более или менее справился с этой задачей. «Западноевропейские народы оказали человечеству величайшую услугу, приготовив для будущего человека, каким он быть должен, вполне возделанную почву»[54]. Сеятелем на этой почве станет русский народ.

При возникновении славянофильского учения идеализация патриархальной старины была своеобразной реакцией на пороки буржуазного строя. Имело смысл подчеркивать различие России и Запада, когда страна еще не вышла из феодального состояния. В XX в. это выглядело анахронизмом. Социально-экономическая отсталость страны возводилась в культ. Правой пропаганде нелегко было противопоставлять идентичные общественно-экономические формации. Конечно, черносотенцы не упускали случая указать на ужасы капиталистического мира. «Хороши же хваленые братство и равенство, — сокрушалась правая пресса, — лошади едят на серебре, а тысячи бедноты погибают с голода в грязных кварталах Нью-Йорка, Вашингтона, Чикаго и других республиканских городов»[55]. Но контрасты можно было наблюдать не только в заокеанских городах, но и в трущобах Петербурга и Москвы. Крайне правые не могли не признать социальных противоречий, но усматривали их причину в трагическом зигзаге русской истории, которая

делилась ими на два различных периода: московский и петербургский. Грань между ними провел Петр I.

Здесь черносотенцы также использовали славянофильскую схему. А.С. Хомяков указывал, что «с Петром начинается новая эпоха. Россия сходится с Западом, который до того времени был совершенно чужд ей»[56]. Великий преобразователь России был единственным монархом, которого осуждали монархисты: «Но вот пришел Петр и своим могучим порывом не только «прорубил окно в Европу», но настежь открыл ворота из Европы в Россию и, превратив Московское царство во Всероссийскую Империю, приказал ей забыть самобытные Русские предания, броситься в погоню за европейскими обычаями и учреждениями безо всякого разбора, не отличая в них драгоценного золотого от обманчивой мишуры»[57].

Вопреки историческим фактам, черносотенцы идеализировали допетровскую Русь как общество социальной гармонии. Вряд ли можно утверждать, что черная сотня стремилась загнать страну обратно в XVII в. Московское царство скорее представало в образе реакционной утопии, помещенной фантазией крайне правых не в будущее, а в прошлое. Сверяя эту утопию с общественным строем России начала XX в., крайне правые обнаруживали расхождение буквально по всем пунктам. Черносотенцы не признавали существования капитализма в России. Но анализ программных документов и публицистики крайне правых показывает, что они не покушались на основы капиталистического строя. Черносотенцы подчеркивали неприкосновенность частной и особенно земельной собственности. Но они считали недопустимым распространение буржуазных отношений во всех сферах жизни. Особый упор делался на неравноправные экономические связи с более развитыми капиталистическими странами. Черносотенцы провозглашали, что «финансовая и экономическая политика должна быть направлена к освобождению от зависимости от иностранных бирж и рынков»[58]. Подобные требования объяснялись и военными интересами: «...все необходимое для государственной

обороны должно создаваться внутри страны ее средствами и трудом ее народа»[59].

Продиктованные черносотенцами меры в случае их претворения в жизнь наглухо отгородили бы Россию от мировой экономики. Достаточно сказать, что черносотенцы предлагали отказаться от золотого стандарта и ввести собственную, не имеющую мировых аналогов валюту — «национальный кредитный рубль». Желание видеть в России патриархальный оазис прослеживается в программных требованиях черносотенных организаций. В 1905 г. они подчеркивали, что «хозяйственная политика должна иметь своим руководящим началом взгляд на Россию как на страну преимущественно крестьянскую и земледельческую»[60]. Крайне правые не усматривали противоречий в своих собственных требованиях, в частности не видели ничего невозможного в том, чтобы сохранить за аграрной страной ранг великой державы и обеспечить ее военную неуязвимость. Впрочем, через несколько лет черносотенцам пришлось признать очевидные факты. В 1912 г. монархический съезд констатировал: «Россия ныне есть уже страна не только земледельческая, но также фабрично-заводская и торгово-промышленная. При этом денежное или финансовое хозяйство внедрилось в «натуральное» хозяйство»[61].

Крупному промышленному производству крайне правые предпочитали народные промыслы, ремесленные мастерские, небольшие частновладельческие предприятия: «Для народного труда выгоднее десять мелких фабрик, чем одна большая, так как десять фабрик будут доставлять больше заработков и чернорабочим, и образованным людям»[62]. Черносотенцы обрушились на капиталистические монополии. Монархические газеты требовали «объявления всех существующих синдикатов и трестов и «соглашений» «Продамет», «Продуголь», «Кровля» и прочих вне закона...»[63]. Раздавались призывы судить фабрикантов за создание монополий точно так же, как рабочих за политические стачки.

Противоречивость позиции крайне правых заключалась в том, что они намеревались обуздать монополию ка-

питала посредством монополии государства. Черносотенцы не думали о расширении государственного сектора. Напротив, они предлагали передать часть казенных земель крестьянам. Но государственное регулирование, в том числе ограничительные меры, с их точки зрения, следовало применять гораздо активнее. Частнопредпринимательскую инициативу надлежало поставить под контроль прежде всего в сельскохозяйственной сфере: ликвидировать частные земельные банки и передать их операции общегосударственному земельному банку, гарантировать экономическую стабильность крестьянских хозяйств и т.д.

В России политическая надстройка всегда оказывала серьезное воздействие на базис. На этой почве у ряда представителей общественной мысли крепла убежденность во всесилии государственной власти. Эту веру разделял, например, идеолог пореформенного самодержавия М.Н. Катков. Однако ни один из представителей охранительного направления в XIX в. не предлагал такого широкого государственного вмешательства, как черносотенцы в начале XX в. По сути, правительство должно было в законодательном порядке отменить свободную конкуренцию, произвольно закрыв двери перед одними предпринимателями и широко распахнув их перед другими, — и все это по выбору и указанию патриотических сил.

Характерно, что государственное регулирование не должно было распространяться на социальную сферу. Здесь размашистая поступь черносотенцев сменялась робкими шажками. Программы монархических союзов ограничивались уклончивыми фразами о «неустанном попечении о благе народа». Черносотенная утопия никоим образом не походила на социализм, который трактовался как антихристианское учение. Вообще, идеологи черносотенства считали, что Царствие Божье принадлежит небу и его невозможно осуществить на земле. Они пророчествовали, что мечты о создании нового общества кончатся так же, как попытка построить Вавилонскую башню.

Крайне правые были в числе тех, кто не соглашался с материалистическим пониманием истории. Синодальный миссионер И.Г. Айвазов, обратившись к «Нищете философии» и «Капиталу», писал: «У Маркса все вверх дном: «образ жизни определяет совесть человека», а не наоборот: не совесть человека определяет его образ жизни. В принципах морали, права, религии и т. д. он видит не «вечные истины», а «исторические категории», превращение которых зависит от изменений в экономическом строе»[64]. Ложность марксизма была аксиомой для черносотенцев. С одной стороны, они намеренно отказывались, с другой — у крайне правых просто не было теоретиков, способных понять марксистское учение. Единственным исключением был Л.А. Тихомиров, народоволец, превратившийся в монархиста. Хотя сам Л.А. Тихомиров уклонился от вступления в какую-либо правую организацию, его сочинения пользовались большим спросом в черносотенной среде. Идеолог монархизма признавал закономерность возникновения социализма как протеста против безжалостной капиталистической эксплуатации. Он был готов признать возвышенный характер утопического социализма. Однако развитие социализма от утопии к науке вызывало у него негативную оценку. Социализм «становился все более грубо материалистическим, все более забывал идею общечеловеческую и проникался идеей классовой, все свои оценки и стремления стал мерять с точки зрения того, выгодно это или невыгодно для пролетариата»[65].

Совершенно неприемлемой перспективой для крайне правых были марксистские лозунги экспроприации капиталов и установление социалистического строя. «Христианин добровольно отдает свое, а социалист насильно берет чужое», — негодовал протоиерей И.И. Восторгов[66]. Л.А. Тихомиров подчеркивал, что существовавшие до сих пор фаланстеры и коммунистические общины потерпели крах. То же самое, по его мнению, произойдет и в случае установления во всем мире диктатуры пролетариата. «Последователям Фурье, Оуэна или Луи Блана легко было при первом

же разочаровании уйти в «старый строй», чтобы жить там на своей воле и зарабатывать втрое больше. Если же повсеместная «диктатура пролетариата» все захватит в свои руки и принудительно заключит человечество в рамки социалистического строя, то уходить будет некуда. Однако такая безвыходность положения не спасет социалистическое общество от внутреннего банкротства и нищеты»[67].

Л.А. Тихомиров утверждал, что социализм не сможет выдержать испытания прежде всего как экономическая система: «При уничтожении личной собственности, а стало быть и свободного труда, энергия деятельности людей, а стало быть и производительности труда, должны неизбежно упасть. Поэтому обещание социализма дать все необходимое членам будущего общества в большем количестве, чем при свободе, совершенно неисполнимо»[68]. О будущем пролетарском государстве он писал: «Семья — самый интимный уголок самостоятельности человека — упраздняется. Власть же «начальства» безмерно усиливается. Прежде пролетарий имел единоличного «хозяина». Теперь «хозяином» делается общество, т. е. в действительности люди, подчинившие себе мысль пролетария, те самые владыки партии, социалистическая интеллигенция, которой пролетарий еще в «старом строе» подчинил свой разум. Власть этого общества возрастает безмерно. Прежде пролетарий был подчинен людям часть дня. Теперь он подчинен вечно. Прежде он самостоятельно распоряжался хоть теми грошами, которые получал от своего эксплуататора. Теперь он ничем не распоряжается самостоятельно»[69].

Крайне правые не выделяли пролетариат в особый класс и, конечно, не признавали его особой исторической миссии, что было одним из главнейших тезисов марксистского учения. Но Л.А. Тихомиров видел особенности пролетариата и перечислял их прямо по марксистской литературе. Разница состояла в том, что для марксистов такие качества, как отсутствие у пролетариата собственности на средства производства, организованность, дисциплина и сознательность, были преимуществами, а под пером монархиста превраща-

лись в недостатки. Дисциплина, писал Л.А. Тихомиров, хороша только для революционного боя. Труд на громадных предприятиях, к управлению которых пролетарий не имеет никакого отношения, превращает его в простого исполнителя. Так же механически пролетариат усваивает социалистическое сознание, выработанное интеллигенцией.

Совсем иной облик имели ремесленники и крестьяне — независимые, инициативные и творческие труженики. Крайне правые правильно представляли взаимоотношения пролетариата и социал-демократии. Рабочий — песчинка в партии. Протоиерей Е. Аквилонов писал: «Еще нет и не было на свете такого деспотического тирана, который требовал бы себе настолько слепого, унизительного и бессмысленного послушания, которое принуждены оказывать «товарищи»-пролетарии своим властолюбивым вождям. На социал-демократическом знамени начертана «свобода», а под ним дрожит замирающая от страха неволя»[70].

Критикуя капитализм и социализм, крайне правые предлагали идти самобытным путем. Но указанный ими путь являлся тем же самым капитализмом, отягченным феодальными оковами. Открещиваясь от западного мира и революции, черносотенцы видели спасение в исконно русских принципах. В самом сжатом виде эти принципы сформулировал Н.А. Энгельгардт, который на одном из монархических съездов предложил вместо обширной и невразумительной программы начертать на черносотенном знамени «несколько кратких и сильных выражений, которые приятны русскому слуху: «Россия для русских! За Веру, Царя и Отечество! За исконные начала: Православие, Самодержавие и Народность! Долой революцию! Не надо конституции! За самодержавие, ничем на земле не ограничиваемое!»[71].

Трехчленная формула «теории официальной народности», созданная С.С. Уваровым и М.П. Погодиным в царствование Николая I, дожила до царствования Николая II. Другое дело, что в эту формулу вкладывалось различное значение и в черносотенной среде также имелись различные

взгляды. На это указывал архиепископ Антоний (Храповицкий) в уже упоминавшемся письме к Н.А. Бердяеву: «Леонтьев, Катков, Победоносцев и значительная часть членов Русского Собрания и главарей Союза русского народа очень резко различаются от другой части этих учреждений и от первых славянофилов, также от Достоевского и Рачинского. Правда, те и другие держались за николаевскую идейную триаду, те и другие объединяются в одни и те же общественные учреждения, но между их убеждениями и симпатиями лежит огромная пропасть».

Черносотенцы подчеркивали, что русский народ связан не просто с христианством, а с православием — «единой истинной, апостольской и отеческой церковью». Крайне правые требовали сохранить господствующее положение православной церкви в России. Миссионерская деятельность дозволялась только официальной церкви. «Инославным и иноверным исповеданиям, — провозглашал Союз русского народа, — предоставляется полная свобода отправления их обрядов и религиозной жизни, но пропаганда этих исповеданий безусловно воспрещается во всей Империи»[72]. Вместе с тем политические интересы заставляли черносотенцев проявлять веротерпимость. Они пользовались поддержкой некоторых старообрядческих общин, чем вызывали раздражение православного духовенства. Следует отметить терпимое отношение крайне правых к католикам и лютеранам. Черносотенцы заявляли, что Союз русского народа «из иноверцев выражает свое особое благорасположение содержащим Магометов закон». Одно время разрабатывался план создания дочерней организации под своеобразным названием «Мусульманский союз русского народа из казанских татар». Проект устава, одобренный руководителями Союза русского народа, предусматривал оказание содействия в строительстве медресе и мечетей.

Крайне правые осознавали, что церковь потеряла значительную часть своего авторитета. Монархическая партия констатировала, что православная церковь не находится на должном уровне и не руководит духовной жизнью и

нравственностью. Основной порок заключался в казенном характере церкви. «Православие в России стало ведомством особого лишь министерства с канцеляриями и присутствиями, а пастыри церкви — чиновниками, все более и более отдаляющимися от народа», — сокрушался черносотенец С.С. Володимиров[73]. Последователь славянофильства А. Васильев разработал целую программу реформ: «Восстановление патриаршества, обращение к соборному началу, возобновление деятельности и живого общения с другими православными церквями оживят и одухотворят и нашу церковную жизнь, исцелят многие наши общественные язвы и, быть может, восстановят духовную целость Русского народа и всего Православного Востока»[74]. Эти предложения были отражены в некоторых программных документах черной сотни. «Основоположения» — своеобразный символ веры Союза русского народа настаивали на восстановлении патриаршества. В этот же период вопрос о церковных реформах был поднят государственной властью. Но вскоре политическая конъюнктура изменилась. Когда непосредственная опасность миновала, у самодержавия пропало желание реформировать православное ведомство. Иначе заговорили и о патриаршестве и черносотенцы: «Еще большой вопрос, можно ли ожидать от него блага для православной церкви»[75].

Гораздо больше внимания по сравнению с православием было уделено второму символу трехчленной формулы, т. е. самодержавию. Защищая монархию, черносотенцы обрушились на демократические принципы. Они пытались доказать, что сторонники демократии не понимают сути государственной власти, испытывая слепое преклонение перед большинством голосов. Но в решении сложных государственных вопросов более правильную позицию может занять опытное и образованное меньшинство. В рассуждениях черносотенцев скрывалось противоречие. Ведь монархисты доказывали, что они говорят и действуют от имени многомиллионной «черной сотни». В этом случае демократические процедуры только укрепили бы монархию. Но в том-то

и дело, уверяли черносотенцы, что свобода слова, собраний, наконец прямые или косвенные выборы не выявляют волю народа. «Как бы ни устраивалась система выборов, народная масса всегда участвует лишь в слабой доле в голосовании»[76].

Черносотенцы с готовностью подчеркивали недостатки буржуазной демократии. Лидеры Союза русского народа подсчитывали, сколько тысяч франков требуется французскому гражданину для избрания в парламент. Правые газеты неоднократно печатали рассказ Марка Твена «Как меня выбирали губернатором», в котором сатирически описывались нравы американской избирательной кампании. Не только выборы, но и выборные учреждения не удовлетворяли черносотенцев. С их точки зрения, слово «демократия» было обманом. В этом они вполне присоединялись к обер-прокурору Синода К.П. Победоносцеву, который называл конституцию «великой ложью нашего времени», а представительные учреждения, о которых мечтали либералы, вредной говорильней. «Если бы потребовалось истинное определение парламента, — писал он, — то надлежало бы сказать, что парламент есть учреждение, служащее для удовлетворения личного честолюбия и тщеславия и личных интересов представителей»[77]. Он утверждал, что только монарх, располагающий абсолютной властью и независимый от воли толпы, способен проводить полезные преобразования. «История свидетельствует, — подчеркивал он, — что самые существенные, плодотворные для народа и прочные меры и преобразования исходили от центральной воли государственных людей или от меньшинства, просветленного высокой идеей и глубоким знанием; напротив того, с расширением выборного начала происходило принижение государственной мысли и вульгаризация мнения в массе избирателей...»[78].

Л.А. Тихомиров излагал те же мысли следующим образом: «После вековой практики ни для кого не может быть сомнительным, что в парламентарных странах воля народа представляется правительством до крайности мало.

Роль народа состоит почти исключительно в том, чтобы выбрать своих повелителей, да в случае особенной произвольности их действий — сменить их, хотя и последняя задача — при хорошей организации политиканских партий — далеко не легка»[79].

Крайне правые были убеждены в превосходстве монархии над республикой, но проявили теоретическую беспомощность в обосновании этого тезиса. Они не могли дать удовлетворительный ответ даже на вопрос о происхождении монархии. Словно подтверждая архаичность самодержавия, теоретические искания крайне правых уводили их все дальше от современной науки. Монархисты не восприняли теорию классового происхождения государства (XIX в.), прошли мимо рационалистических объяснений необходимости самодержавия (XVIII в.), отвергли доктрину общественного договора (XVII в.). Шествие в глубину веков вывело черносотенцев на древнюю идею божественного происхождения царской власти. Они выдвигали тезис о надклассовом характере монархии. Такова была государственная доктрина.

Монархист Н.И. Черняев, называвший самодержавие разновидностью арийской монархии, с военной прямотой писал: «Русское самодержавие есть последствие безмолвного и подразумеваемого согласия, готовности, умения, способности и потребности многомиллионного русского народа и вообще всего населения империи, состоящей из людей, имеющих различные взгляды, привычки, нужды, жить заодно, всем жертвуя ради сохранения порядка, единства, целости, независимости и могущества государства». Он подчеркивал, что русское самодержавие есть лучший способ «приведения к одному знаменателю 140 миллионов умов и воль», что оно есть тот «аппарат, благодаря которому Россия в любую минуту и притом в самых трудных случаях своей жизни может превратиться как бы в один вооруженный стан, одухотворенный одной мыслью и способный как к несокрушимому отпору, так и к грозному натиску»[80].

Перед монархистами стоял щекотливый вопрос: что, если неограниченная власть попадет в руки недостойного венценосца? Ответы были разными, но одинаково неубедительными. Князь В.П. Мещерский писал, что «самодержавный русский царь ответственностью перед богом и своею совестью несравненно более ограничен, чем президент французской республики...»[81]. Л.А. Тихомиров соглашался, что слабый или порочный монарх может принести большой вред, но этот вред все же предпочтительнее борьбы за власть между политиканами. В этом монархисты противоречили самим себе, потому что неограниченная власть по идее могла принести неограниченный вред. Ведь, по их утверждению, Россия два столетия не могла оправиться от удара, нанесенного державной десницей Петра I.

Крайне правые пришли к тому же самому выводу, за которые в свое время попали под подозрение славянофилы, а именно: современная монархия не имеет ничего общего с древнерусским самодержавием. Согласно славянофильской схеме, разрыв произошел в начале XVIII в. Союз русского народа утверждал, что «...русские государи, начиная с Петра I, хотя и продолжали именовать себя самодержавными, но это самодержавие было уже не православно-русским, а весьма близким к западноевропейскому абсолютизму, основанному не на православно-церковном и земско-государственном единении и общении царя с народом, а на праве сильного...»[82]. Отчуждение произошло по вине «бюрократического средостения». «Союз русского народа признает, — гласили его «Основоположения», — что современный чиновничий строй, осуществляемый в громаднейшем большинстве случаев безбожными, нечестивыми недоучками и переучками, заслонил светлый образ царя от народа»[83].

С момента своего возникновения бюрократия подвергалась постоянным нападкам сверху, снизу и даже изнутри, что не мешало ей разрастаться после каждого выпада. Свою лепту во всеобщее осуждение внесли и черносотенцы. Не было ругательств, которых бы они не пускали по адресу

бюрократии. Вожди черной сотни клялись до последней капли крови сражаться с административным чудовищем. Крайне правые пошли по пути искусственного отделения идеи самодержавия от его практического воплощения, т. е. бюрократической машины. По логике черносотенцев, самодержавие сводилось к одному самодержцу. На вопрос о том, как один человек может управлять огромной империей, ответа, разумеется, не было. Они полагали, что бюрократия пришла вместе с париком и иноземным камзолом, как будто приказные порядки и знаменитая волокита возникли не в Московской Руси.

Черносотенные идеологи выдвигали идею соборного единения всей русской земли. Этим они отличались от консерваторов, идеолог которых М.Н. Катков по поводу земского собора вопрошал: «Не была ли бы такая мысль, даже негласно в сферах власти сказанная, торжеством крамолы!»[84]. Но в 1905 г. эта крамольная мысль широко обсуждалась в монархических кругах. В глазах черносотенцев земский собор имел очевидные преимущества перед Государственной думой, так как его можно было созывать от случая к случаю. «В том-то и дело, — убеждала черносотенная печать, — что собор скажет свое слово и удалится». Кроме того, этот совещательный орган должен был состоять из «излюбленных коренных русских людей». В таком случае самодержавие осталось бы незыблемым. Другое дело, что, пока черносотенцы обсуждали, не попадает ли требование созвать собор под понятие государственной измены, стремительная поступь событий отбросила эту архаичную мысль на обочину истории.

Идея «народности» в основном воспринималась черносотенцами в русле национального вопроса — одного из острейших в многонациональной Российской империи. Процесс политической дифференциации привел к тому, что появились партии, имевшие ярко выраженную националистическую окраску и рассматривавшие все общественные события через призму интересов собственного народа. Начало этому явлению было положено на окраинах империи.

В свою очередь, сепаратизм окраин породил ответную реакцию в центре страны. Поскольку ни одна из общероссийских партий либерального или демократического направления не связывала себя исключительно с русским населением, черносотенцы быстро заполнили пустовавшую нишу.

Идеология черносотенства была пронизана духом великодержавности и ксенофобии. Эти настроения имели глубокую подоплеку. Непрерывное расширение пределов империи привело к результатам, которые не предвидел никто из полководцев, покорявших другие народы, или дипломатов, оформлявших трактаты о добровольном воссоединении. К концу XIX в. русские (великороссы) составляли уже менее половины населения страны. Началось пробуждение национального самосознания нерусских народов в культурной и политических сферах, наметилась тенденция увеличения удельного веса окраин в народном хозяйстве. Сознание людей, воспитанных в традициях унитарного государства, не могло смириться с этим. Национальное движение на окраинах воспринималось ими как мятеж, а политические партии, поддерживавшие лозунг права наций на самоопределение или хотя бы признававшие право на автономию, заносились в категорию изменнических организаций.

Призывы к защите русского народа от инородческой опасности вызывали отклик у широких слоев населения. Хотя национальные меньшинства считали Россию «тюрьмой народов», это была весьма своеобразная тюрьма, где положение русских было столь же незавидным, как и положение жителей окраин. Даже после освобождения от крепостной зависимости русское крестьянство оставалось юридически неравноправным. Занимаясь тяжким сельским трудом, являясь главным плательщиком податей и неся основное бремя государственных повинностей, население великорусских губерний чувствовало себя не менее угнетенным, чем население национальных окраин.

Коллективная память русского народа сохранила недобрые воспоминания о господстве чужеземцев. Насторожен-

ному отношению ко всему иностранному способствовал тот факт, что периоды глубоких реформ в России, осуществлявшихся, как правило, за счет народа, всегда ассоциировались с иностранцами и инородцами. В недоверии и неприязни ко всему чужестранному сходилось и малограмотное простонародье и просвещенная интеллигенция славянофильского толка.

Черносотенцы провозгласили лозунг «Россия для русских!». Следует отметить, что этот лозунг в той или иной степени был взят на вооружение сразу несколькими политическими течениями. Однако черносотенцам принадлежала его крайняя трактовка. Черносотенцы выступали за единство и неделимость Российского государства. Их программы не допускали возможность предоставления национальным окраинам самоопределения в какой бы то ни было форме. Они провозглашали, что «русская народность, как собирательница земли Русской и устроительница Русского государства, есть народность державная, господствующая и первенствующая»[85]. Идеологи правых разделили территорию страны на «коренные русские области» и национальные окраины: Польшу, Финляндию, Среднюю Азию и Закавказье. При этом они причислили к коренным русским землям часть Польши, Литвы и Средней Азии. Черносотенцы считали необходимым закрепить господство русской нации политическими средствами. Первоначально они заявляли, что если допустить создание выборных учреждений, то только русских по составу. В дальнейшем они пошли на некоторые уступки, соглашаясь на ограниченное представительство национальных окраин.

Черносотенцы считали, что русский народ должен был получить ряд преимуществ и привилегий. Русский язык должен был сохранить значение государственного, а школа всех видов и степеней должна была превратиться в русскую школу. Крайне правые требовали обеспечить право на службу в железнодорожном, морском и речном ведомствах только русским. Очевидно, черносотенцы полагали, что свое господство русское население могло обеспечить, только заняв

стратегические позиции в хозяйственной сфере. Русским также должны были быть предоставлены преимущественные права на приобретение и аренду казенных земель, заселение свободных территорий. Привилегии распространялись на всю империю. Что касается «коренных областей», то там преимущественные права превращались в исключительные. Например, в «коренных областях» черносотенцы требовали продавать и сдавать в аренду частные земли только русским людям.

По отношению к другим народам черносотенцы руководствовались выборочным подходом, заявляя, что «племенные вопросы в России должны разрешаться сообразно степени готовности отдельной народности служить России и Русскому народу в достижении общегосударственных задач»[86]. Все нации были разделены на «дружественные» и «враждебные». Дружественное население могло рассчитывать на неприкосновенность веры, языка, быта и общественного строя. От имени русского народа было торжественно провозглашено, «что все нерусские народности, имеющие исконную племенную оседлость в коренной России и живущие извечно среди русского народа, он признает равными себе, своими верными и добрыми соседями, друзьями и сородичами»[87]. Остается гадать, как можно было увязать эту клятву с длинным перечнем исключительных привилегий для русского населения.

«Дружественность» или «враждебность» зависела от участия представителей той или иной нации в национально-освободительном или революционном движении. Например, нерусское население Поволжья, Средней Азии и Сибири считалось лояльным, тогда как армяне, поляки и особенно финны включались в список враждебных инородцев, которых требовалось держать в крепкой узде. Под серьезным подозрением пребывали и кавказские «туземцы». Вместе с тем черносотенцы весьма расширительно толковали термин «русский народ», включая в его состав украинцев и белорусов. Культуре этих народов отказывали в самостоятельности, их языки считались всего лишь местными диа-

лектами русского. Большинство черносотенных организаций действовали на Украине и в Белоруссии, что должно было привести к трениям между сторонниками неделимой России и украинскими сепаратистами. Правда, в первые годы существования крайне правых союзов украинофильство еще не воспринималось ими в качестве серьезной силы. Но в предвоенные годы уже наблюдались столкновения между черносотенцами и украинскими националистами вплоть до уличных стычек в Киеве во время празднования столетнего юбилея Тараса Шевченко. В период Первой мировой войны крайне правые заговорили во весь голос об опасности «мазепинства», охарактеризовав его как сепаратистское движение, «имеющее целью расчленение Руси и создание несуществующей «украинской» народности, воспитанной в ненависти ко всему русскому»[88].

На деле черносотенцам никогда не удавалось последовательно проводить шовинистические идеи. Список «истинно русских» вождей пестрил молдавскими, греческими, грузинскими и немецкими фамилиями. Немцы вообще находились на особом положении. Если можно было говорить о чьем-либо засилье, то прежде всего о непропорционально большой доле немцев в административной и военной областях. Но, с точки зрения черносотенцев, поколения остзейских баронов доказали свою лояльность к православной монархии. Устав Союза Михаила Архангела из всех нерусских народов делал исключение для немецкого населения, «оставшегося верным престолу и русской государственности в дни пережитых смут». Для черносотенцев термин «истинно русский» указывал прежде всего на верность престолу и отечеству. Национальность и вероисповедание играли второстепенную роль. С такой точки зрения представлялось вполне естественным, что генералы Думбазе и Мин были «истинно русскими». В то же время Рюриковичи по крови князья Павел и Петр Долгоруковы, являвшиеся членами кадетской партии, в глазах черносотенцев не принадлежали к русскому народу, а вот их отец князь Дмитрий Долго-

руков, человек монархических убеждений, был «истинно русским».

Черносотенцы не были сторонниками идеи всеславянской общности, что резко отличало их от панславистов. В представлении черносотенцев создание славянской федерации было равнозначно приумножению внутренних врагов России, какими уже являлись поляки. Крайне правые проявляли сдержанность по отношению к экспансионистским планам. Мираж черноморских проливов не заколдовал их. В период Боснийского кризиса 1908—1909 гг. крайне правые указывали, что балканские славяне не заслуживают сердечного отношения со стороны русских. Черносотенные газеты писали, что было бы глупо воевать за «всю эту братию». Во время Балканских войн 1912—1913 гг. крайне правые изложили свои взгляды на историю борьбы славян с турецким игом: «Мы вели целый ряд войн с Турцией во имя освобождения славян. Все области, населенные славянами, мы и освободили. Сами же получили за это: два памятника и массу симпатий»[89]. Крайне правые считали, что России впору не перекраивать, а хотя бы сохранить прежние границы. Они извлекли уроки из дальневосточного столкновения, задуманного как «маленький победоносный поход» для обуздания революции и обернувшегося потрясением государственных основ. Вплоть до начала Первой мировой войны крайне правые выступали за миролюбивую и оборонительную внешнюю политику.

Исключительное место в идеологии черносотенцев занимал антисемитизм. Он не имел под собой расовой основы. И хотя один из идеологов российского антисемитизма А.С. Шмаков рассуждал в своих сочинениях о том, как в незапамятные времена одна ветвь арийцев направила «свет арийского духа» на монголов, а другая двинулась из Индостана, «отбиваясь от жестоких и развратных семитов», расовая теория не пользовалась популярностью в черносотенной среде, может быть, из-за своей терминологической недоступности для широких масс, никогда не слышавших об арийцах. Более распространенным был мотив религиоз-

ной розни, являвшийся (по крайней мере внешне) лейтмотивом преследования евреев в Средние века. Однако противопоставление иудаизма и христианства имело серьезный изъян, с точки зрения антисемитской пропаганды. Эта аргументация легко могла быть опровергнута указанием на то, что Тора иудеев вошла составной частью в христианское Священное Писание, а Иисус Христос был евреем по рождению. Черносотенные теоретики нашли, как им казалось, беспроигрышный ход. Они утверждали, что «древнее ветхозаветное благочестивое иудейство» нельзя смешивать с «талмудическим жидовстом», возникшим после второго изгнания евреев. В антисемитской литературе часто цитировались талмудические тексты, свидетельствовавшие о неукротимой ненависти иудеев к гоям. Зачастую это была явная подтасовка фактов, основанная на выуживании отдельных изречений из запутанных древних трактатов. Действительно, талмуд, сложившийся во II—V вв. н. э., когда речь шла о выживании еврейского народа, был пронизан духом национальной исключительности и религиозной нетерпимости. Но в XX в. талмудические предписания нельзя было назвать господствующими. Тем не менее черносотенцы продолжали настаивать на том, что все без исключения евреи повинуются только талмуду и раввинам.

Религиозный мотив в антисемитской пропаганде усилился после 1911 г. в связи с делом Менделя Бейлиса, обвиненного в совершении ритуального убийства. Несмотря на заявление инициаторов судебного процесса, что они подозревают в тайном культивировании кровавых ритуалов не иудейскую религию, а лишь фанатиков-сектантов из числа хасидов, антисемитская пропаганда распространяла это обвинение на всех евреев. Несмотря на провал процесса, кровавый навет по-прежнему оставался излюбленной темой для черносотенной печати. В годы Первой мировой войны монархические совещания предлагали «пересмотр государственных законов о жидовстве и признание его изуверной религией, губящей христианские Царства»[90].

И все-таки главными факторами, обусловившими распространение антисемитизма в России, являлись экономический и политический. Черносотенцы утверждали, что евреи избрали Россию в качестве объекта экономической экспансии. «Русский характер, черты национального уклада русских людей, отменное историческое гостеприимство славян вообще, и в особенности русских, прекрасно взвешены и учтены евреями. Недаром Россия буквально осаждена евреями»[91]. На самом деле царизм сам породил еврейский вопрос, приняв участие в разделах Польши. В состав Российской империи были включены территории со значительным количеством еврейского населения. Юго-западные районы России трудно было назвать землей обетованной, но все же за столетие еврейское население выросло в 8 раз. Перепись 1897 г. насчитала в России 5 215 800 евреев, т. е. примерно половину евреев всего мира. К 1913 г. с учетом ежегодного прироста и вычетом эмиграции еврейское население должно было достигнуть 6,8 млн человек. Хотя это составляло немногим более 4% населения страны, царизм проявлял к евреям повышенное внимание. Их правовое положение выглядело уникальным даже на общем бесправном фоне. Более полутысячи параграфов правил, циркуляров, разъяснений регламентировали жизнь российских подданных иудейского вероисповедания. Им запрещалось состоять на государственной службе, участвовать в земском и городском самоуправлениях, быть присяжными заседателями и т.п. Существовали процентные нормы для учащихся-евреев. 93,9% еврейского населения не имели права жить вне «черты оседлости», включавшей 26 губерний. Наиболее суровым был режим в 15 российских губерниях «черты». Здесь евреи не могли проживать в сельской местности. Одновременно им был затруднен доступ в крупные города.

Тема «черты оседлости» постоянно дебатировалась в обществе. Еврейское население было чрезвычайно раздражено ограничительными законами, запутанными и плохо

согласованными друг с другом. Без взятки в «черте оседлости» нельзя было и шагу ступить. Российская прогрессивная печать осуждала «черту оседлости» как позорный анахронизм, недостойный цивилизованного государства. За ликвидацию «черты оседлости» выступали и некоторые администраторы. Князь С.Д. Урусов, хорошо знавший порядки «черты оседлости» по своему опыту губернаторства в Бессарабии, вспоминал: «Мне приходилось замечать, что ненависть полицейских чиновников к еврейскому населению питается отчасти теми хлопотами, нареканиями, жалобами, объяснениями, ошибками и ответственностью, которые постоянно приходится испытывать чинам полиции, как последствие совершенно бессмысленного и не достигающего цели законодательства о евреях»[92]. Вопрос о смягчении ограничительного законодательства неоднократно ставился на обсуждение в правительстве, но блокировался министрами консервативного направления и самим царем.

Крайне правые были категорически против предоставления евреям права жительства по всей России. Черносотенная пресса подчеркивала, что в губерниях «черты» проживает 44 миллиона христиан: «Им не тесно, а 7 миллионов евреев, как оказывается, задыхаются». Крайне правые настаивали не только на строгом исполнении ограничительного законодательства, но и на дальнейшем его ужесточении. Они требовали лишить евреев права голоса, изгнать их из всех учебных заведений, где учатся христианские дети. Одновременно евреям запрещалось открывать собственные учебные заведения. Список закрытых для евреев профессий и промыслов охватывал почти все виды человеческой деятельности. Черносотенцы домогались, «чтобы все проживающие в России евреи были немедленно признаны иностранцами, но без каких бы то ни было прав и привилегий, предоставляемых всем прочим иностранцам»[93].

Черносотенная пресса откровенно писала: «Жидов надо поставить в такие условия, чтобы они постоянно вымирали»[94]. Но главной целью было возбудить «энергию евре-

ев в деле скорейшего переселения в собственное царство и обзаведения собственным хозяйством». В своих предвыборных программах черносотенцы обещали, что поднимут вопрос о создании еврейского государства и будут содействовать переселению туда евреев, «каких бы материальных жертв такое выселение ни потребовало от русского народа»[95]. Как последовательные антисемиты, черносотенцы имели общие цели с сионистами. Более того, черносотенцы даже ставили вопрос о практическом сотрудничестве с сионистами в деле переселения евреев из России. Руководители черной сотни говорили, что сионистское движение «было бы весьма симпатичным, если бы оно преследовало только выселение евреев на отдельную территорию». Однако, поскольку российские сионисты активно поддерживали революционное движение, среди черносотенцев возобладало мнение, что «так называемый «сионизм», столь распространенный среди иудейской интеллигенции в России, имеет лишь внешним предлогом план переселения иудеев в Палестину, в сущности же является революционной организацией, сливающейся с иудейским «Бундом»[96].

Черносотенцы выставляли свою антисемитскую программу как естественную защитную реакцию. Крайне правые доказывали, что толки о равноправии евреев лишены всякого смысла. «Кому характер еврейского народа мало-мальски знаком, тот знает, что еврейский народ признает себя удовлетворенным лишь тогда, когда утвердится на Руси не равноправие, а полное его господство, когда евреи станут фактическими хозяевами всей экономической и политической жизни страны, когда им будут открыты все сферы деятельности, все карьеры, не исключая и политической власти»[97]. Черносотенцы утверждали, что еврейское население благоденствует по сравнению с соседями по «черте оседлости». Действительно, объективные статистические данные, относящиеся к началу XX в., подтверждают, что по некоторым показателям, весьма важным для оценки качества жизни, еврейское население стояло выше среднего

уровня. Это прежде всего смертность (16,3 против средней по стране 26,3 на 1 тыс.)[98], болезни и тяжелые физические недуги (3,27 против 4,17 на 1 тыс.). Грамотность еврейского населения превосходила средний уровень: 38,9% против 21,1 %[99]. По российским законам численность учащихся-евреев не должна была превышать 3—15% в средних и 3—10% в высших учебных заведениях, что примерно соответствовало доле евреев среди местного населения. Но процентные нормы не могли сдержать наплыва учащихся. В 1913 г. на 10 тыс. еврейского населения приходилось 5,6 студента (против 3,7 в среднем по стране) и 116 учащихся средних учебных заведений (против 43 в среднем по стране)[100]. С точки зрения черносотенцев, эти цифры означали, что евреи процветают за счет России. Кстати, подобные обвинения предъявлялись и другим народам, например финнам. Не учитывалось, какие социальные слои еврейского населения жили относительно благополучно.

Чрезвычайно характерной для черносотенцев являлась убежденность в том, что весь еврейский народ представляет собой монолитное целое, что укладывалось в концепцию преобладания национального над классовым. Наиболее безапелляционно этот тезис был сформулирован А.С. Шмаковым: «Не существует пятнадцати миллионов евреев, как их насчитывают на обоих полушариях, причем больше половины размножается в России, а есть всего *один* еврей, но отпечатанный в *пятнадцати миллионах* экземплярах»[101]. Безусловно, еврейское население демонстрировало высокую степень сплоченности, особенно когда речь шла о защите против ритуальных обвинений, погромов и т.д. В таких случаях выражение еврейских авторов, что «весь Израиль поднимался как один человек», не звучало риторическим преувеличением. Еврейская диаспора сохранила религию, культуру и язык. Однако в начале XX в. никак нельзя было говорить о социальном, идейном и политическом единстве евреев. Черносотенцы не видели или, точнее сказать, не хотели видеть перемен. В их глазах еврей-

ское население по-прежнему оставалось средневековой общиной и являющейся чужеродным телом, государством в государстве.

Вопреки тезису о монолитном характере еврейской общины, она отнюдь не избежала социальной дифференциации. И хотя в нашем распоряжении имеются сведения только за 80-е гг. XIX в., даже они наглядно показывают, насколько далеко зашло социальное расслоение еврейского населения. Менее одного процента (0,7%) самодеятельного еврейского населения существовало сельским хозяйством, 42,6% занимались ремеслом и извозом, 3,2% трудились на фабриках и заводах, 7,3% были чернорабочими[102]. Таким образом, более половины евреев добывали пропитание своим трудом. Их жизнь мало чем отличалась от жизни пролетарской массы. Тем не менее социальное напряжение существовало. Привычным делом была конкуренция на предприятиях «черты оседлости». Еще острее было соперничество среди ремесленников. Почти даровые рабочие руки в еврейских местечках отбивали хлеб у русских и украинских мастеровых.

В 80-е гг. XIX в. 38,7% самодеятельного еврейского населения занимались торговлей. Иными словами, из каждой тысячи жителей «черты оседлости» торговцами были 390 евреев и 38 представителей других национальностей. Десятикратное преобладание евреев в значительной мере объяснялось мелким характером торговли. Вот отзыв современника о типичной лавке «черты оседлости»: «Торгуют на 6—8 руб. в неделю, прибыли 1 руб. в неделю, т. е. ровно столько, чтобы не умереть с голоду; торгуют женщины. Более доходна — кожевенная лавка, которая продает кожи многочисленным сапожникам на 40—50 руб. в неделю, выручая по 4—5 руб. прибыли; это уже местный торговый крез»[103]. Бывший бессарабский губернатор князь С.Д. Урусов недоумевал: «В маленьких городах, жители которых в большинстве не имеют часов, можно насчитать десятки мастеров часового дела, и вообще трудно понять, на каких покупателей и заказчиков рассчитывают все эти ре-

месленники, нередко составляющие 75% всего населения города или местечка»[104]. Вместе с тем нельзя не отметить, что на рубеже XIX—XX вв. сложилась многочисленная буржуазия еврейского происхождения. Накопленный многими поколениями опыт торговых операций и хорошо налаженные связи с зарубежными финансовыми центрами превратили банкиров и промышленников в ермолках в один из наиболее мобильных отрядов российского капитала. Богатейшими банкирами являлись Евзель Гинцбург, Яков, Самуил и Лазарь Поляковы, А. Соловейчик, И. Блиох и другие. Они владели и управляли крупнейшими кредитными учреждениями: Азово-Донским Коммерческим банком, Московским Земельным банком, Донским Земельным банком, Международным банком, Сибирским Торговым банком, Варшавским Коммерческим банком. Важную роль играли иностранные банкиры еврейского происхождения Ротшильды, Мендельсоны, Морган, Яков Шиф, к которым для организации займов часто обращалось русское правительство. Огромные состояния были нажиты евреями-концессионерами в период железнодорожного бума, и в числе железнодорожных магнатов были многие из владельцев банков. Другое дело, что даже в финансовой сфере, традиционно привлекательной для евреев, они не имели абсолютного контроля над всеми банками.

По данным середины 80-х гг., евреи составляли 18,4% купцов первых двух гильдий по стране в целом. В «черте оседлости» показатели были значительно выше: 40,3% купцов I гильдии, 56,2% купцов II гильдии, 49,2% мелких торговцев. В 15 российских губерниях «черты» буржуазии еврейского происхождения принадлежало 37,8% промышленных предприятий, 59,1% питейных точек[105]. Фрагментарные сведения позволяют говорить о том, что в последующие десятилетия удельный вес этой буржуазии вырос. Их конкуренты в лице русского купечества были весьма восприимчивы к антисемитской пропаганде. Для остального населения «черты» евреи сливались в сплоченную касту лавочников и шинкарей. Черносотенная пресса чуть ли не

ежедневно приводила разнообразные данные, призванные убедить читателей в том, что в торговле процветает еврейское засилье. Например, сообщалось, что из Петербургской купеческой управы выбраны за 1910 г. свидетельства купцов первой гильдии 561, причем из них 427 — евреями[106], а из 117 петербургских аптек 70 принадлежали евреям[107]. Печатался список севастопольских купцов, из которого следовало, что из 222 купцов было 167 евреев[108].

Однако социальная напряженность в «черте оседлости» лишь частично проясняет вопрос. С тем же рвением велась антисемитская пропаганда в регионах, где еврейское население составляло доли процента или вовсе отсутствовало. Непропорционально большое место, которое антисемитские лозунги занимали в программных документах черносотенных союзов, заслуживает особого пояснения.

Крайне правые видели в евреях главных виновников революционного движения. Это мнение разделяли многие, в том числе высшие сановники и министры. Национальные меньшинства действительно принимали активное участие в революционной борьбе, причем степень этого участия возрастала с каждым десятилетием. Среди народников, привлеченных к судебной ответственности в 1866—1895 гг., 9% были евреями[109]. В начале XX в., когда сложилась черносотенная идеология, процент евреев среди революционеров становится выше. Крайне правые доказывали, что 9/10 революционеров — это евреи. Но такого не было даже в «черте оседлости». Например, среди привлеченных к ответственности за политические преступления в 1901—1904 гг. по Виленскому судебному округу было 64,9% евреев, Киевскому — 48,2%, Одесскому — 55% евреев[110]. Из 1178 народников и эсеров, привлеченных к ответственности в 1900—1902 гг., было 15,4% евреев. Из 5047 марксистов и социал-демократов, привлеченных в 1892—1902 гг., было 23,4% евреев[111]. В годы первой российской революции в партии большевиков насчитывалось 18,9% евреев[112].

Евреи были представлены в руководящих органах подпольных организаций. В 1905—1907 гг. из 25 человек, из-

биравшихся членами ЦК РСДРП, было 4 еврея (1 большевик и 3 меньшевика), из 39 членов и уполномоченных ЦК партии эсеров — 11 человек[113]. Таким образом, хотя представительство евреев в левых политических партиях было непропорционально большим по отношению к их доле среди всего населения, ни в одной из общероссийских партий евреи не занимали доминирующего положения. Разумеется, были партийные организации, по большей части состоящие из евреев, например, анархистские группы в «черте оседлости». В конце XIX — начале XX в. в России возникли национальные еврейские партии: Бунд, СЕРП, Поалей-Сион. Развернули свою деятельность сионисты, создавшие, по разным оценкам, от 373 до 800 организаций.

Все эти политические организации имели разные цели и чаще всего беспощадно конкурировали между собой, например, большевики и меньшевики. То же самое происходило и среди национальных еврейских партий. Были случаи, когда бундовцы разоружали поалей-сионистов. Кроме того, следует учитывать, что в еврейской среде далеко не были убеждены в необходимости участвовать в революционном движении. Известный еврейский историк С. Дубнов обвинял евреев, членов революционных партий, в национальной измене: «Та многочисленная армия еврейской молодёжи, которая занимает самое видное место в рядах Российской Социал-Демократической Партии и выдвигает там даже своих «командиров», формально порвала всякие связи с еврейством... Вы не творцы, а батраки революции или маклеры ее». Видный идеолог сионизма В. Жаботинский считал, что евреям незачем вмешиваться в чужие для них дела: «Когда евреи массами кинулись творить русскую политику, мы предсказали им, что ничего доброго отсюда не выйдет ни для русской политики, ни для еврейства»[114].

Черносотенцы, для которых все партии от анархистов до октябристов сливались в неразличимую мятежную массу, утверждали, что в основе революционного движения лежит борьба за всемирное владычество еврейства. Будущее

революционной России рисовалось мрачными красками: «По-видимому, будет существовать русское государство, но только по-видимому, а на самом деле государство будет еврейским. Русские же люди будут нести в нем самую тяжелую долю, будут его рабочей силой, будут обрабатывать землю (каждый поровну, земля общая), будут сохнуть на фабриках у станков (фабрики — собственность рабочего класса), будут защищать границы еврейского государства от внешних врагов, будут усмирять внутренних врагов (остатки русского национального самосознания), и евреи повсюду будут господами, помещиками, господствующим классом, хозяевами финансового и материального благополучия страны»[115].

Одним из инструментов закабаления России черносотенцы называли еврейскую печать. Влияние газет и журналов на формирование общественного мнения давно вызывало опасения российских государственных деятелей охранительного направления. В частности, К.П. Победоносцев с горечью отмечал: «Любой уличный проходимец, любой болтун из непризнанных гениев, любой искатель гешефта может, имея свои или достав для наживы и спекуляции чужие деньги, основать газету, хотя бы небольшую, собрать около себя по первому кличу толпу писак, фельетонистов, готовых разглагольствовать о чем угодно, репортеров, поставляющих безграмотные сплетни и слухи, — и штаб у него готов, и он может с завтрашнего дня стать в положение власти, судящей всех и каждого, действовать на министров и правителей, на искусство и литературу, на биржу и промышленность». Эти строки были написаны до провозглашения свободы слова в манифесте 17 октября 1905 г. После манифеста количество оппозиционных газет быстро возросло, причем многие из издателей, редакторов и журналистов были евреями по происхождению. Вообще, профессия журналиста, наряду с профессией адвоката и врача, была особенно популярна среди молодого поколения евреев. Впрочем, и русские издатели и журналисты прогрессивных органов печати в силу своих убеждений однозначно осуждали любые

проявления антисемитизма, а в некоторых случаях объявляли антисемитизмом и обскурантизмом малейшие критические замечания, которые касались деятельности евреев. Все это позволяло черносотенцам утверждать, что русская печать почти полностью находится в руках евреев и защищает их точку зрения.

Черносотенцы говорили, что планы завоевания России и всего мира неоднократно провозглашались самими евреями. Здесь следует остановиться на отношении черносотенцев к «Протоколам сионских мудрецов», подробно описывающим методы завоевания планеты с помощью обмана, шантажа, манипулирования общественным мнением, создания финансовых трудностей и т.д. Возникновение «Протоколов» было окутано туманом недомолвок. По одной версии они были похищены из штаб-квартиры «Общества Сиона» во Франции и были составлены Т. Герцлем. По другой — протоколы были выкрадены у влиятельных масонов. Уже в 20-е гг. XX в. появились сведения, что «Протоколы» являются плагиатом политического памфлета «Диалог в аду между Макиавелли и Монтескье, или Политика Макиавелли в XIX в.», написанного в 1865 г. французским публицистом М. Жоли. Находясь в эмиграции, П.Н. Милюков и В.Л. Бурцев доказывали, что «Протоколы» были сфабрикованы по поручению заведующего заграничной агентурой И.И. Рачковского[116].

Примечательно, что многие черносотенцы также сомневались в подлинности «Протоколов». Их отказался печатать редактор консервативных «Московских ведомостей» В.А. Грингмут, будущий основатель русской монархической партии. И хотя первый вариант документа под названием «Программа завоевания мира евреями» появился в 1903 г. в газете «Знамя», издававшейся будущим известным черносотенцем П.А. Крушеваном, редакция сочла необходимым предупредить, что это может быть подделка, принадлежащая «очевидно... весьма умному человеку», который пришел к «справедливому выводу», что у евреев есть «планы завоевания»[117]. В дальнейшем краткий вариант документа был

опубликован Г. Бутми, а более полным изданием «Протоколов» занимался С.А. Нилус, который в этом деле не пользовался помощью черносотенных организаций. По сведениям В.Л. Бурцева, опиравшегося на конфиденциальные беседы с бывшими сотрудниками Департамента полиции: «С 1908 (1906? 1907?) г. начинается новая эра для «Протоколов». Деятели Союза русского народа, как Шмаков, Марков II и др., обратились в министерство внутренних дел за разрешением широко использовать «Протоколы» для борьбы с воинствующим еврейством». П.А. Столыпин приказал произвести секретное расследование об их происхождении, в результате которого была установлена подложность документа. «Дознание установило совершенно точно подложность Протоколов и их авторов. Столыпин доложил все Николаю II, который был глубоко потрясен всем этим. На докладе же правых о возможности использовать их все же для антиеврейской пропаганды Николай II написал: «Протоколы изъять. Нельзя чистое дело защищать грязными способами»[118]. Никто из правых деятелей эту версию не подтверждал. Взгляд на «Протоколы» по-прежнему был скептическим, хотя в 1911 г. «Московские ведомости» подчеркивали: «Редакции «Московских ведомостей» (это было при В.А. Грингмуте) документ был доставлен еще около 1901 г., и сомнительные его места сами бросались в глаза человеку, несколько способного к критике документов, но с тех пор произошло нечто, подтверждающее, что если это и не «протоколы» в подлинном смысле, то изложение чего-то действительно подслушанного в тайном обществе, именуемом «Сионскими мудрецами»[119]. Свою популярность «Протоколы» обрели гораздо позже, уже после распада черносотенных организаций.

Впрочем, черносотенная пресса пользовалась иными документами, столь же сомнительными, но также излагавшими идею всемирного еврейского заговора. Например, цитировалась так называемая «Речь раввина»: «XVIII век принадлежит нашим врагам, — век настоящий и последующий

должны принадлежать нам, народу израильскому, и непременно будут наши»[120].

Одной из любимых тем черносотенной пропаганды было масонство. Эта нива обрабатывалась черносотенцами для того, чтобы наглядно представить механизм всемирного заговора. Таинственный ритуал и символика, торжественная клятва и испытания новых членов — все это давало пищу для любых домыслов. Закрытые масонские ложи с их строгой дисциплиной и 33 степенями посвящения изображались черносотенцами как центры управления революционным движением. Россию ждет судьба других государств, на которые нацелился масонский орден. «Как только какой-нибудь народ был достаточно подготовлен тем или другим способом, орден старался возбудить в нем взрыв народной массы против властей, т. е. революцию, которую старался раздувать как можно далее и шире. В этом только и заключается механизм всех революций, начавшихся с реформ Лютера»[121].

История российского масонства еще ждет своего исследователя. Известно, что в масонских ложах состояли видные деятели нескольких политических партий. Но «масонская паутина», опутавшая все этажи государственного аппарата, все политические течения и партии, безусловно, относится к области фантастики.

Совершенно неправомерно было бы увязывать масонство с еврейскими организациями. Напротив, европейские масоны долго не допускали в свою среду лиц иудейского вероисповедания. Черносотенцы решили этот вопрос весьма изобретательно. «Вольные каменщики» создали немало легенд о своем происхождении. Среди создателей общества называли Хирама — строителя Соломонова храма, египетских жрецов, французских тамплиеров и т.д. Черносотенцы также пустились в библейские изыскания и объявили масонов наследниками древних ересей Иудеи и Израиля. Впрочем, единого мнения на сей счет не было. Одни считали, что ложи скрывали иудейскую секту саддукеев, другие настаивали на том, что подчинение масонов евреям произошло в

сравнительно недавние времена. Черносотенцы весьма обогатили антимасонскую литературу. Наибольшей популярностью пользовались уже упоминавшиеся сочинения А.С. Шмакова[122] и Г. Бутми[123]. Сами авторы поясняли, что масоны никогда не посвящают в свои тайны посторонних и оставляют только косвенные улики. Между загадкой масонства и исследователем стоит множество лиц, намеренно затрудняющих поиск. Это объяснение было удобным в том смысле, что раз и навсегда исключало антимасонскую литературу из области критического анализа. Когда же в антимасонских трудах появлялся фактический материал, то он не выдерживал критики. Черносотенцы черпали факты из сочинения Л. Таксиля «Дьявол в XIX в.» и Д. Марджиотти «Палладизм», которые являлись грандиозными мистификациями.

В антисемитизме слились разные тенденции. Для народных масс он являлся извращенной формой выражения классового протеста, для правящих классов он был удобным объяснением причин революционного движения и способом направить недовольство масс в русло национальных конфликтов. Столь же многоплановым явлением была черносотенная идеология в целом. В своей основе она имела охранительный характер. Защита самодержавия и сословного строя указывает, что черносотенцы стояли на страже привилегий поместного дворянства. Сложнее был вопрос об отношении черной сотни к буржуазии. Признание незыблемости частной собственности и практически полный отказ от вмешательства в спор между трудом и капиталом делали черносотенную идеологию приемлемой для буржуазных элементов. Вместе с тем черносотенцы ратовали за сохранение полуфеодальных институтов и отвергали буржуазные политические свободы. Их идеология была ориентирована на политически инертные слои российской буржуазии: патриархальное купечество, ростовщиков и мелких лавочников, живших дедовскими заветами.

В то же время черносотенная идеология значительно отличалась от традиционного консерватизма. В связи с этим

возник вопрос о ее близости к фашистской идеологии. Находясь в эмиграции, черносотенцы прямо отождествляли себя с фашистами: «Да, мы фашисты особенные, русские, и искренно завидуем итальянским в том, что мы пока не сокрушили врага»[124]. Бывшие лидеры черной сотни сетовали, что российское правительство не доросло до понимания того, что впоследствии понял Муссолини, и не поддержало черносотенные союзы.

В зарубежной историографии данная проблема рассматривалась американским исследователем Х. Роггером. Он пришел к выводу, что «в русской истории отсутствовал ряд условий, которые в других странах делают возможным фашистское движение и благоприятствуют ему». Х. Роггер понимает фашизм как разновидность радикального движения, направленного против капитализма. Он доказывает, что черносотенцы являлись консервативной силой и шанс развиться в фашизм у них возник, когда разжались «парализующие объятия» самодержавия. Но и в этом случае им было бы трудно добиться власти, поскольку, по мнению автора, население не было убеждено, что ценности и образцы, которыми Европа руководствовалась почти столетие, нуждались в замене. Большинство народа продолжало считать желанным и выгодным для России то, что в Германии и Италии спустя одно-два десятилетия порицалось как порочное. Население все еще верило, что лучшим ответом на их проблемы будут реформы, а не глубокий социальный переворот»[125]. У. Лакер отметил переходный характер черносотенства: «Это движение находится где-то на полпути между реакционными движениями XIX века и правыми популистскими (фашистскими) партиями XX века. Прочная связь «черной сотни» с монархией и церковью роднит ее с первыми, но, в отличие от ранних консервативных движений, она не элитарна. Осознав жизненно важную необходимость опоры на массы, «черная сотня» стала прообразом политических партий нового типа»[126]. Советская историография 20—30-х гг. считала, что «Союз русского народа по существу своему явился первой фашистской организацией

задолго до появления фашизма в Европе»[127]. Следует учитывать, что параллели проводились между черносотенством и итальянским фашизмом. Когда к власти в Германии пришел национал-социализм, в марксистской литературе утвердилось понимание фашизма как диктатуры наиболее реакционных кругов монополистической буржуазии. Это нельзя отнести к российским крайне правым. Однако можно констатировать, что арсенал средств, использованных черносотенцами, во многом совпадал с приемами фашистской пропаганды. Черносотенная идеология предвосхищала фашизм в том, что делала ставку на широкие социальные слои, возбуждаемые шовинистическими и демагогическими лозунгами. В новых условиях это был единственно возможный, но чрезвычайно скользкий путь. Ведь одной рукой черносотенцы поддерживали частную собственность, а другой посягали на имущество части правящей элиты. Поле маневра здесь было ограничено. Принести в жертву помещиков и буржуазию иной национальности означало совершить классовое предательство, чреватое непредсказуемыми последствиями. Проявить классовую солидарность значило оттолкнуть очень многих из вставших под черносотенные знамена.

Социальная демагогия была эффективным оружием. Но критические залпы по бюрократии и монополистам рикошетом били по самодержавию. Еще опаснее было неизбежное воздействие на черносотенную идеологию со стороны низших слоев населения, по тем или иным причинам вовлеченных в черносотенное движение. Как бы ни были опутаны царистскими иллюзиями рядовые члены правых организаций, они не отказались от радикальных требований, прикрытых верноподданнической терминологией. Трансформация массового содержания черносотенной идеологии была очень медленным процессом. Ей сопутствовал раскол черносотенства на соперничающие группировки. И эти противоречия обнажились по мере развития черносотенного движения — от первых организаций до крушения массовых союзов.

2

В защиту самодержавия

Правящие классы не чувствовали необходимости в создании собственной политической партии, пока самодержавие справлялось с защитой их привилегий. Только в кризисные годы крайне правые спешили на помощь царизму, дополняя его карательный аппарат добровольческими формированиями. В 1881 г. в разгар народовольческого террора аристократические круги создали в столице Священную дружину, а в Москве по инициативе К.П. Победоносцева и М.Н. Каткова была организована Добровольная народная охрана. Первая просуществовала немногим более года. Вторая дружина оказалась долговечнее, но она созывалась лишь во время торжеств и приездов в Москву членов императорской фамилии. Только в 1913 г. к 300-летию дома Романовых руководители Народной охраны попытались превратить ее в постоянно действующую организацию, но не нашли поддержки у властей. Включенные в Добровольную охрану благонамеренные и рекомендованные полицией обыватели были разбиты на отделения, сотни и десятки. Самый крупный отдел носил наименование Хоругвеносного. Поэтому членов Народной охраны часто называли хоругвеносцами.

На рубеже двух столетий в противовес оживившему либеральному движению возникло Русское Собрание. У его истоков стояла группа писателей и публицистов: потомок украинского летописца В.Л. Величко, правнук декабриста князь М.В. Волконский, сын автора знаменитых «Писем из деревни» Н.А. Энгельгардт. Руководители новой организации отмечали, что «первая мысль об учреждении Русского Собрания возникла в октябре 1900 г., когда кружок лиц, убедившись в той опасности, которую представляла для русского дела космополитичность высших слоев высшего общества, признал желательным дать жизнь националистическому кружку»[128].

Председателем был избран князь Д.П. Голицын, высокопоставленный чиновник, больше известный под псевдонимом Муравлин, — автор многочисленных романов на досконально известную ему тему об упадке и вырождении аристократических фамилий. Об обожаемом монархе знатный Гедиминович отзывался кратко: «Он Романов, я Голицын». Заместителями председателя был сын издателя консервативного «Нового времени» А.А. Суворин и будущий редактор официоза «Россия» С.Н. Сыромятников.

Согласно уставу, утвержденному 26 января 1901 г., задачами Русского Собрания было «изучение явлений русской и славянской народной жизни в ее настоящем и прошлом; разработка вопросов словесности, художества, народоведения и народного хозяйства... охранение чистоты и правильности русской речи»[129]. Оно должно было взять на себя устройство библиотек и читален, финансирование научных и образовательных поездок. Предполагалось учреждать конкурсы для поощрения лучших научных и художественных произведений в области славистики. Впоследствии была открыта гимназия Русского Собрания. По знаменитым на весь Петербург «пятницам» в Собрании обсуждались доклады и устраивались музыкальные вечера, привлекавшие столичную интеллигенцию. Художник Н.К. Рерих подарил Собранию одну из своих картин. Кипучая творческая жизнь должна была найти отражение в «Летописи Русского Собрания», но дальше первого номера дело не пошло.

Русское Собрание нельзя было назвать мирным кружком любителей славянской старины. Его политическую окраску сразу разглядел министр внутренних дел В.К. Плеве. Он решил запретить не предусмотренную никакими циркулярами организацию, однако вскоре сменил гнев на милость. Н.А. Энгельгардт рассказывал, как это произошло: «В Мариинском дворце, в ротонде, в перерыв заседаний, когда члены Государственного совета пили чай и ели бутерброды, к помощнику государственного секретаря князю Дмитрию Петровичу Голицыну подходит граф Шереметев (С.Д. — московский губернский предводитель дворянства) с любезным

видом и говорит: «Князь, я на днях завтракал у Государя, и он очень хорошо отзывался о вашем Русском Собрании, говорил, что это полезное явление, нужное нам, вполне ему сочувствует...» Голицын отвечал: «Граф, вон у колонны стоит Плеве. Скажите ему то, что вы сейчас мне сказали». — «Охотно. Но на что это вам?» — «Так. Скажите...» Шереметев подошел к Плеве и повторил ему слова Государя. Плеве сейчас же отменил решение закрыть Собрание и выразил желание баллотироваться в число его членов. Что было хуже, трудно сказать»[130].

Пользуясь благоволением Николая II, Русское Собрание значительно увеличило свою численность. В ноябре 1903 г. был открыт харьковский отдел, во главе которого встал профессор А.С. Вязигин. Открытие не обошлось без вмешательства полиции, разогнавшей протестовавших студентов. Один из протестовавших сообщал своему другу: «Группа студентов, преимущественно технологи, решили устроить враждебную демонстрацию этому «собранию опричников» (как их называли в своем листке студенты-революционеры). Так как листком не оповестили о демонстрации, то собралось только 100 студентов. Они гуляли по боковым темным улицам, выжидая удобный момент, чтобы соединиться. Проезжающих членов Собрания приветствовали оглушительным шипением и свистом. Вдруг на них, т.е студентов, понеслась дикая орда и началось «избиение» младенцев Царем «Иродом». Били всех, не разбирая ни пола, ни возраста, били с азартом, с наслаждением...»[131].

Начавшаяся русско-японская война, всколыхнувшая патриотические настроения, ускорила рост организации. Отделы возникают в Варшаве, Казани, Киеве, Одессе, Оренбурге, Перми. Русское Собрание все больше втягивается в политику. Прекратились музыкальные вечера, вместо концертов по пятницам обсуждались злободневные вопросы. После убийства В.К. Плеве в июле 1904 г. министром внутренних дел был назначен князь П.Д. Святополк-Мирский, провозгласивший «эпоху доверия». Заигрывания «Святополка-Окаянного», как немедленно окрести-

ли князя знатоки древних летописей из Русского Собрания, взбудоражили ярых реакционеров. Особую тревогу вызвал подготовленный министром проект привлечения в Государственный совет выборных лиц. В декабре 1904 г. он обсуждался на совещании высших сановников, которые вынуждены были признать целесообразность этого шага. Наиболее последовательную позицию занимал председатель Комитета министров С.Ю. Витте. Однако Николай II призвал к совету свою мать, вдовствующую («злобствующую», как ее называли злые языки) императрицу Марию Федоровну, и дядю — великого князя Сергея Александровича. Другой член царствующего дома — великий князь Константин Константинович — по свежим следам записал о неожиданном повороте событий: «11-го государь потребовал Витте к себе к 6 часам вечера. Там Витте застал Сергея. Государь высказал сомнение относительно 3 пункта и попросил совета Витте, который сказал, что если есть сомнения, то лучше опустить этот пункт. Сергей во всем согласился с Витте. Царь вычеркнул 3-й пункт»[132].

Твердолобые консерваторы могли торжествовать: остальные пункты указа 12 декабря 1904 г. были пустыми фразами. Тем не менее Русское Собрание сочло необходимым указать царю на то, какой опрометчивый шаг он чуть было не сделал, поддавшись ненадежным советникам. Руководители организации посетили царский дворец и предостерегли монарха: «Здесь раздаются голоса, дерзновенно требующие отказа от наших родных святынь. Русское Собрание не может быть молчаливым свидетелем подобного явления»[133]. Делегация Русского Собрания была принята Николаем II в последний день уходящего 1904 г. Новый, 1905 г. принес с собой революцию.

Кровавое воскресенье было воспринято правыми как досадный эпизод, возникший из-за несогласованных действий полицейских и военных властей. Придворная камарилья поспешила воспользоваться этим, чтобы расквитаться с П.Д. Святополком-Мирским, который был немедленно смещен. В день отставки, как поговаривали его недруги,

опальный сановник «пил за то, что благополучно, живым уходит из министров»[134]. Министром внутренних дел был назначен А.Г. Булыгин, но реальная власть перешла к Д.Ф. Трепову. Семейство Треповых славилось служебной ревностностью, которая порой приносила им крупные неприятности. Трепов-старший за учиненную по его приказу расправу с политическим заключенным и рукоприкладство был ранен В. Засулич, которую оправдал суд присяжных. Впрочем, на карьере четырех его сыновей это происшествие не сказалось — все они впоследствии занимали важные посты вплоть до председателя Совета министров.

Злые языки объясняли неизменное покровительство двора семейству Треповых тем, что Трепов-старший появился на свет через 9 месяцев после визита в Петербург прусского принца, будущего императора Германии Вильгельма I. Скорее всего, эти сплетни были вызваны характерной для всех Треповых прусской непреклонностью в выполнении начальственных предписаний, педантичностью и узостью мышления. Усердие Д.Ф. Трепова стало притчей во языцех и обросло множеством анекдотов. Товарищи Д.Ф. Трепова по пажескому корпусу вспоминали, что «любимым занятием Д.Ф. в юные лета была игра в «городовых». Он расставлял игрушечные фигурки, разводил их на посты, ловил при их помощи воров, арестовывал членов преступных организаций»[135]. Навыки детских игр пригодились, когда Д.Ф. Трепов стал московским обер-полицмейстером.

В январе 1905 г. генерал-майор свиты Д.Ф. Трепова заехал в столицу перед отбытием в действующую армию. Но маньчжурским сопкам не довелось стать свидетелями боевых подвигов бывшего обер-полицмейстера. Д.Ф. Трепов кочевал по петербургским салонам, вовсю критикуя действия П.Д. Святополка-Мирского. Назначение Д.Ф. Трепова состоялось в полном соответствии с дворцовыми нравами. Пользовавшийся влиянием при дворе А.А. Мосолов, шурин Д.Ф. Трепова, указал министру императорского двора В.Б. Фредериксу подходящую кандидатуру. В результате вместо действующей армии Д.Ф. Трепов оказался на посту

петербургского генерал-губернатора, а с апреля 1905 г. одновременно и товарища (т. е. заместителя) министра внутренних дел.

Придворная камарилья уповала на твердые меры. Эти настроения выразил видный правый публицист князь В.П. Мещерский. «Что случилось?» — вопрошал он и давал успокоительный ответ: «Случилось только то, что пять месяцев назад во главе Министерства внутренних дел стал человек, который решил попробовать, нельзя ли, распустив не только вожжи, но и все части упряжки, получить, вместо беспорядка, порядок и благосостояние»[136].

Но произвести смену караула в Министерстве внутренних дел было куда легче, чем остановить освободительное движение. По мере развертывания революции Русское Собрание превращалось в центр притяжения всех правых сил. В Русском Собрании обкатывали политические лозунги крайне правых и шел отбор будущих вождей черной сотни. Характерно, что большинство руководителей правых организаций в свое время прошли школу Русского Собрания. На первый план выдвинулся приват-доцент Петербургского университета Борис Владимирович Никольский. Он был сравнительно молодым человеком, 1870 г. рождения. Учился в училище правоведения и в Петербургском университете, получил степень магистра. Он был другом юности будущего советского наркома иностранных дел Г.В. Чичерина, впрочем, их пути-дороги разошлись довольно рано. Юрист по образованию, он вскоре переквалифицировался в филолога, увлеченно занимался историей русской литературы, собрал одну из крупнейших частных библиотек, насчитывавшую несколько десятков тысяч книг. Никольский писал стихи, публиковал поэтические сборники. В Петербургском университете, где он занимал должность приват-доцента по кафедре русской словесности, Никольский стал кумиром учащейся молодежи, несмотря на непривычные для университетской среды консервативные политические взгляды. Никольский редактировал полное собрание сочинений Афанасия Фета, участвовал в Академическом издании собрания сочинений

Александра Пушкина и с гордостью сообщал, что внес в него 23 поправки. Перу Никольского принадлежат несколько специальных работ о жизни и творчестве великого русского поэта. Будучи руководителем студенческого поэтического кружка, Никольский сделал открытие, вписавшее его имя в историю русской литературы. В редактируемом им сборнике стихов дебютировал Александр Блок. Приват-доцент признал в робком студенте гения, проявив удивительную прозорливость. Став членом Русского Собрания, Никольский старался познакомить своих старших коллег с новейшими течениями в русской поэзии. Н.А. Энгельгардт вспоминал: «Никольский приводил и «декадентов», и сам читал символические стихи, и даже Сологуба:

Когда я в бурном море плавал,
Воззвал: Отец мой, Дьявол!
Спаси меня...

Это воззвание к дьяволу с кафедры, за которой на стене висел портрет во весь рост Государя, было очень пикантно»[137].

В историческом архиве в Петербурге хранится дневник Никольского, в котором он скрупулезно фиксировал каждый день своей жизни. Этот документ, с одной стороны, представляет большой интерес для историков и филологов (фрагменты из него были опубликованы), с другой — может служить любопытным материалом для психологов. Никольский страдал ярко выраженной манией величия. «Со спокойной совестью, — писал он в своем дневнике, — предъявлю всем будущим историкам требования найти, понять и оценить меня; иначе они ничего не поймут в нашем времени»[138]. Он мнил себя спасителем России, которого призовут в тяжкую годину и вручат бразды правления Россией.

Никольский считал, что он имеет возможность воздействовать на «сферы» через генерала Е.В. Богдановича, старосты Исаакиевского собора, главного кафедрального собора империи. Занимая сравнительно скромное место члена совета Министерства внутренних дел, Богданович пользо-

вался не меньшим весом, чем все 17 министров, при которых ему доводилось служить. Салон супругов Богдановичей по праву считался штаб-квартирой консервативных сил. По своему влиянию с Богдановичем мог соперничать разве что князь В.П. Мещерский. На самом деле Никольский был на положении своего рода «литературного раба» у генерала Богдановича, писал за него полемические статьи и только своему дневнику доверял саркастические комментарии: «Переписка Богдановича и Мещерского — одно очарование. Давно я так не хохотал, как сегодня, читая письмо Мещерского и сочиняя ответ Богдановича. Вот когда я могу пожалеть, что я не беллетрист: какие чудные страницы можно было бы создать, изображая этих двух подлецов, — злобного, жадного, грубого и подлого бульдога и вороватого, блудливого, беспокойного, ласкового и кусачего сеттера, — даже не сеттера, а борзого. Оба старые, хитрые, подлые, оба друг друга боятся, у обоих рыльце во всех пушках, в какие можно попасть, и — и оба умные, даровитые, лизоблюды, попрошайки, холопы до грации, на все готовые и на все способные»[139].

Можно предположить, что честолюбивые планы были одной из главных причин, побудивших приват-доцента Никольского оставить поэтическую музу ради изменчивой политики. Интересно, что, как поэт, Никольский постоянно обыгрывал тему героя, недоступного пониманию подлой черни. Но как политик, он добивался расположения черной сотни. В правых кругах ценили главным образом его ораторские таланты. В начале 1905 г. Никольскому часто доводилось выступать с докладами, в которых он излагал точку зрения правых на права самодержавного монарха.

Между тем под воздействием революционных событий самодержавие заколебалось. Особенно явственно это проявилось 18 февраля 1905 г., когда были опубликованы три взаимоисключающих акта. Дворцовая камарилья втайне от министров подготовила манифест, сурово и недвусмысленно утверждавший незыблемость самодержавия. Официальное правительство было вынуждено отреагировать на

неожиданный демарш крайне правых. От манифеста открестился даже сам Д.Ф. Трепов. Со стороны А.Г. Булыгина последовало предупреждение о нежелательности столь откровенного заявления в условиях революции. Вмешался министр финансов В.Н. Коковцов, озабоченный поиском иностранных займов. По иронии судьбы о незыблемости самодержавия возвестили на следующий день после приема представителя синдиката европейских финансистов Э. Нецлина, перед которым Николай II развернул радужную картину предстоящих перемен. «Говорил и я на моем докладе, — вспоминал В.Н. Коковцов, — указавши на то, что в Париже просто не поймут этого после приема Нецлина»[140].

Министрам удалось убедить Николая II подписать рескрипт на имя А.Г. Булыгина. В нем говорилось о привлечении достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предложений. По поводу рескрипта не было единства даже в ближайшем окружении Николая II. Сестра царя — великая княжна Ксения Александровна — записала в своем дневнике: «Появился манифест, который поверг нас в уныние, — казалось, что теперь все закончено — в нем только одни слова. К счастью, на заседании Нику убедили подписать рескрипт на имя Булыгина». На следующий день в царском семействе ожесточенно спорили, не воспримут ли рескрипт как конституцию. Великая княгиня была настроена оптимистично: «...это невозможно, чтобы так думали, в рескрипте ясно сказано, в чем дело. Вместо обещанных на сегодня беспорядков — общая радость. Утром, когда здоровалась с Ники, сказала ему «ура» — на что он мне показал кулак!»[141].

Известие о возможности привлечения к государственным делам лиц, облеченных доверием народа, несмотря на туманную формулировку, как громом поразило охранителей. Одними закулисными интригами оказалось невозможным предотвратить уступки. Предстояло заявить о себе в полный голос. Вслед за крайне правыми Петербурга в

борьбу включились консерваторы из Москвы. Среди родовых московских бар существовало некоторое подобие политического объединения. Вокруг братьев графов Павла и Петра Шереметевых образовался кружок дворян. Он не имел четко разработанной программы и, по существу, являлся салоном консервативного направления. Рескрипт 18 февраля подтолкнул членов кружка к мысли о том, что необходимо выйти из аристократических гостиных на широкую улицу политической деятельности. В апреле 1905 г. было объявлено о создании Союза русских людей. Выпущенное по этому поводу воззвание призывало: «Стараться правильно выполнить царскую волю и без корысти выбирать по первому государеву призыву истинно достойных людей»[142].

По-иному отнеслась к маневрам самодержавия Русская монархическая партия, которая начала складываться вокруг редакции «Московских ведомостей». Ее основатель Владимир Андреевич Грингмут происходил из семьи обрусевших немцев. При рождении его нарекли именем Карл Амалия. Он получил прекрасное домашнее образование, слушал лекции в Московском, Берлинском и Лейпцигском университетах, но курса нигде не окончил. Грингмут довольно поздно принял российское подданство и вступил в лоно православной церкви. С пылом новообращенного он стал проповедовать превосходство исконно русских традиций. К этому времени Грингмут уже имел покровителя в лице признанного глашатая реакции М.Н. Каткова и преподавал в катковском лицее, оплоте классического образования. В стенах лицея он прошел путь от младшего тьюторского помощника до директора. В добавление к этому полосы «Московских ведомостей» заполнялись рассуждениями Грингмута о греческих трагедиях, новостях египтологии и необходимости расширить преподавание классических языков — единственном способе вышколить умы необузданной молодежи.

На Грингмута стали смотреть как на самого достойного из «птенцов гнезда Каткова», и через несколько лет после смерти влиятельного покровителя ему предложили встать у руля флагмана консервативной прессы. На посту редакто-

ра-издателя «Московских ведомостей» он заслужил полное доверие охранителей. С марта 1905 г. Грингмут поместил ряд статей о необходимости объединения монархистов. В следующем месяце при редакции «Московских ведомостей» открылось Центральное бюро Монархической партии и начался прием членов. За 10 дней в партию вступили 38 человек, в том числе граф Н.Ф. Гейден, барон Г.Г. Розен и князь Д.Н. Долгоруков. Интересно, что в семье князя разные поколения исповедовали разные политические взгляды. Его сыновья Павел и Петр стали видными деятелями конституционно-демократической партии.

На страницах «Московских ведомостей» были изложены задачи партии. Монархисты признавали, что Россия нуждается во внутренних реформах. Однако эти реформы не смогут принести благих плодов, «коль скоро они будут производиться под натиском теперешнего революционного движения». Монархисты обещали царю полное содействие, если он решится на применение диктаторских мер. «Когда Верховная Власть восторжествует над внутренней смутой и доведет войну с внешними врагами до желанного славного конца, — тогда лишь настанет время для основательных зрелообдуманных государственных реформ»[143]. Монархическая партия не просто предполагала забыть о реформах до полного водворения порядка. Ее сторонники открыто заявляли о том, что в будущем не предвидится никаких значительных перемен. Ведь реформы должны были свестись к «еще большему укреплению неограниченной самодержавной Власти на Руси», «возвеличению единой Православной церкви», развитию «русской национальной идеи».

Говоря о Союзе русских людей, Грингмут подчеркивал, что, сочувствуя общему направлению союза, Монархическая партия расходится с ним относительно оценки рескрипта 18 февраля. С точки зрения Монархической партии, ни о каком привлечении выборных лиц не могло быть и речи. Этот вопрос не был единственным, по которому Монархическая партия заняла правый фланг крайне правых. Сплошные неудачи в Маньчжурии заставили некоторых приверженцев

самодержавия понять, что эта «маленькая победоносная война», задуманная для обуздания революции, грозит обернуться гибелью царской монархии. Сразу после Мукденского сражения В.П. Мещерский в своем «Гражданине» заявил: «Я понял, что, преклоняясь перед этим роком, мы должны в гордой любви к своему отечеству почерпнуть героическую силу, громко и перед целым миром исповедовать свое поражение, свое бессилие этой исторической минуты и с большим подъемом духа, чем после победы, принять от Бога долг и подчиниться движимым условиям мира»[144].

Предложение прекратить огонь в Маньчжурии было встречено в штыки в Москве. «Московские ведомости» заклеймили правого публициста как японского приспешника и дали совет довести войну до победы. В.П. Мещерскому, до сих пор привыкшему доносить на других, оставалось только призвать в свидетели небеса: «Еще Промысел Божий не решил, чей совет вреден и чей совет полезен России»[145].

Весной 1905 г. правящие круги могли надеяться лишь на 2-ю Тихоокеанскую эскадру. Только 12-дюймовые пушки броненосцев адмирала З.П. Рожественского могли переломить ход войны и отложить в долгий ящик возвещенные реформы. Путь эскадры вокруг мыса Доброй Надежды, вспоминал В.Н. Коковцов, «держал всех нас в каком-то оцепенении, мало кто давал отчет в шансах на успех задуманного небывалого предприятия. Всем страстно хотелось верить в чудо, большинство же просто закрывало себе глаза на невероятную рискованность замысла»[146].

Чуда не произошло. Эскадра прошла три океана, чтобы погибнуть 14—15 мая 1905 г. у острова Цусима. Телеграмму о цусимском поражении Николай II получил в поезде. С траурными лицами свита собралась в столовой. «Вошли поодиночке, сели молча. Никто не решался заговорить о зловещей телеграмме. Молчание было прервано царем. Он заговорил о бывших в тот день смотрах войск и других незначительных событиях. В течение часа ни одного слова о Цусиме не было упомянуто. Вся свита была ошеломлена

безучастием императора по такому несчастью»[147]. В отличие от монарха, монархисты были повергнуты в полнейшее отчаяние. «Конец, конец, конец, — писал 19 мая Б.В. Никольский. — Чудес не бывает. Конец той России, которой я служил, которую любил, в которую верил. Конец не навсегда, но мне уже не видеть ее возрождения: надолго ночь. Агония может еще продлиться, но что пользы»[148].

Ближайшее окружение царя сразу пало духом. Об этом свидетельствовало совещание в Царском Селе 24 мая 1905 г., в ходе которого взвешивались шансы на продолжение войны. Генералы высказались против мирных переговоров с Японией, но те, кто совсем недавно, невзирая ни на какие предостережения, ратовал за решительную политику на Дальнем Востоке, теперь дали задний ход. Великий князь Владимир Александрович сознавался: «Мы зарвались в поспешном движении к Порт-Артуру и на Квантунг; мы поторопились; не зная броду, мы сунулись в воду; мы должны остановиться»[149]. Великий князь Алексей Александрович призывал: «Пока нам не нанесен решительный удар, надо зондировать почву относительно условий мира. Южная часть Сахалина с рыбными промыслами могла бы быть уступлена в случае необходимости»[150]. Ему вторил и бывший наместник на Дальнем Востоке Е.И. Алексеев, за переговоры высказался министр двора В.Б. Фредерикс. К мнению камарильи, по существу, присоединился Николай II. Через несколько дней после совещания было принято посредничество президента США Т. Рузвельта. В американский городок Портсмут для переговоров с японской делегацией выехал председатель Комитета министров С.Ю. Витте.

Поражение в войне подстегнуло сторонников маневрирования. В мае 1905 г. сотрудники А.Г. Булыгина закончили разработку проекта законосовещательного органа. Несмотря на умеренность проекта, крайне правые пытались забраковать его. Монархическая партия провозглашала, что она отвергает всякие выборные парламенты, государственные думы и иные лженародные представительства. Русское Собрание протестовало против переговоров о заключении

позорного мира. Единственным, чем готовы были поступиться крайне правые, — так это великими князьями, чье многолетнее хозяйничанье в военном и морском ведомствах немало способствовало поражению. Николай II и сам видел, что придется пожертвовать родственниками. Ушли со своих постов дяди царя — генерал-адмирал Алексей Александрович и командующий гвардией Владимир Александрович. Несколько позже, ввиду необходимости укрепления и омоложения государственного аппарата, 73-летний парализованный председатель Государственного совета великий князь Михаил Николаевич был заменен 72-летним полупарализованным графом Д.М. Сольским. В июне 1905 г. Николая II посетили несколько делегаций крайне правых. Некоторые участники делегаций были приглашены на совещания 19—26 июля в Петергофе, где обсуждался булыгинский проект. Правое крыло представляли граф А.А. Бобринский, граф А.П. Игнатьев, А.А. Нарышкин, А.С. Стишинский, А.П. Струков, князь А.А. Ширинский-Шихматов. Половина группы была членами Русского Собрания, вторая половина вступила в эту организацию позже.

Вопрос о законосовещательной думе был в принципе предрешен. Зато правые постарались внести поправки буквально по каждому пункту проекта, стремясь выхолостить малейшие поползновения в либеральном духе. Они выступили за изменение системы представительства, отстаивая сословные выборы. При смешанных выборах, заявлял А.П. Струков, «над политическим значением и ролью дворянства придется поставить крест»[151]. Когда обсуждалась статья 54, запрещавшая избрание в законодательную думу неграмотных, А.А. Нарышкин высказал свое глубокое убеждение в том, что «неграмотные мужики, будь то старики или молодежь, обладают более цельным миросозерцанием, нежели грамотные. Первые из них проникнуты охранительным духом, обладающим эпической речью»[152]. Несмотря на саркастическую реплику В.Н. Коковцова, что в будущей думе неграмотные будут эпическим слогом пересказывать то, что им подскажут другие, мысль о неграмотном законосовеща-

тельном органе показалась заманчивой. Николай II снял ограничения для неграмотных. Правые также настаивали на том, чтобы будущая дума представляла царю для выбора два мнения. «На практике, — пояснял А.П. Струков, — мнение меньшинства оказывается нередко гораздо более продуманным и основательным, нежели мнение большинства»[153].

Но в целом эти попытки не увенчались успехом. Мнение правой группы не поддержали великий князь Владимир Александрович, К.П. Победоносцев, Д.Ф. Трепов. После совещания был подготовлен манифест об учреждении законосовещательной думы. В.Н. Коковцов с облегчением телеграфировал С.Ю. Витте в Портсмут: «Редакция неважная, но это большого значения не имеет. Колебаний по существу не допускаю, все попытки крайних реакционеров были решительно отвергнуты»[154].

6 августа 1905 г. был опубликован манифест о созыве Думы, получившей название булыгинской. 23 августа С.Ю. Витте подписал в Портсмуте мирный договор с Японией. Но самодержавие не получило передышки. Стачки на заводах и фабриках, крестьянские выступления, восстание броненосца «Потемкин» — все это обесценивало уступки.

Самодержавие запаздывало с уступками, но крайне правые не поспевали даже за этими медленными шагами. Монархическая партия и Союз русских людей фактически бездействовали. Правда, «Московские ведомости» писали о значительном росте монархической партии, успевшей обосноваться более чем в 60 провинциальных городах. Это утверждение вызывает серьезные сомнения. Достаточно сказать, что свое первое собрание монархисты смогли созвать только 1 сентября 1905 г. По отзывам очевидца, собрание партии произвело на него мизерное впечатление. Их было 80 человек, но «с бору да с сосенки», нет ни содержания, ни желания действовать»[155].

Общее собрание монархистов показало, что партия проделала эволюцию от полного отрицания выборных органов до признания булыгинской Думы. Крайне правые обсуди-

ли план предвыборной кампании и выдвинули кандидатом в Думу присяжного поверенного А.С. Шмакова. Месяц спустя была опубликована программа Монархической партии, представлявшая собой расширенный вариант задач партии, провозглашенных весной 1905 г. Вынужденные признать Думу, монархисты подчеркивали ее бесправный характер: «Самодержавной власти Русского Монарха грозит в настоящее время великая опасность. Враги этой Власти хотят ограничить ее посредством Государственной думы, превратив Думу в конституционный парламент, решениям которого Государь должен будет беспрекословно подчиняться. Монархическая партия будет отстаивать Самодержавную Власть в том неприкосновенном виде, в каком Государь получил ее от своих Царственных предков»[156]. Монархисты осознавали, что близится пора, когда придется отстаивать самодержавие с оружием в руках.

Долгое время бездействовавший Союз русских людей призвал к созданию приходских комитетов порядка. В воскресенье 16 октября все верноподданные жители должны были собраться в церквях, образовать комитеты и предложить священникам превратить храмы в опорные пункты монархистов. Комитеты должны были «начать безотлагательные записи всех желающих вступить в образуемые при каждом приходе дружины порядка, имеющие своим назначением личную и непосредственную борьбу со смутой и восстановление нормальной общественной жизни»[157].

Возможно, эта широкомасштабная акция была согласована с церковными властями. Во всяком случае, обращает на себя внимание тот факт, что как раз в тот день во всех московских церквях зачитывали слова митрополита Владимира. Предав анафеме революционеров («Ведь это — так называемые социал-демократы, — это революционеры, давно отрекшиеся от Бога в делах своих»), митрополит давал ответ на вопрос, что делать: «Спроси у своей совести, и она скажет: «Исполняй то, чего от тебя потребуют слуги Царевы, что скажут тебе пастыри церкви»[158]. Искушенные в церковной риторике профессора Московской духовной

академии указали на скрытый смысл поучения: «...церковная кафедра... была превращена в трибуну черносотенной агитации»[159]. Вскоре 76 священников опубликовали заявление о своей «полной несолидарности» с поучением. Другие читали творение митрополита в сокращенном виде. Даже в определении Синода прозвучало порицание, хотя автора черносотенного призыва не посмели назвать по имени[160].

Монархистам не удалось собрать прихожан. Но затея с комитетами порядка была признаком того, что крайне правые нащупывают новые способы действия. Осень 1905 г. стала переломным моментом в истории этого движения. Первые черносотенные организации были узкими и аристократическими кружками. Титулованную знать, испугавшуюся за целость родовых имений, и консервативную интеллигенцию, озабоченную сохранением унаследованных воззрений, объединили первые признаки надвигавшегося шторма. Вначале казалось, что самодержавие быстро минует полосу неудач, и главное — не дать ему сбиться с истинного курса. Поэтому крайне правые стремились поставить у руля доверенного кормчего. Совместно с придворной камарильей они вмешивались в маневры официального правительства, стремившегося всего лишь вывести государственный корабль в спокойные воды.

Революционная буря заставила крайне правых понять, что беда не столько в отсутствии должной твердости на капитанском мостике, сколько в неуправляемости судна. Они осознали, что оказались капитанами без команды, способной выправить положение. Их тактика постепенно меняется. Крайне правые начинают вербовать себе сторонников среди населения, чьим уделом до сей поры считалось беспрекословное повиновение. Но если правые искали, кем руководить, то пробудившиеся черносотенные массы сами искали руководителей. Будущая опора трона заявила о себе, как только самодержавие сделало первую серьезную уступку.

Последний самодержец и его окружение не хотели отказываться даже от незначительной части своей власти.

Но слияние сентябрьских стачек во всероссийскую политическую забастовку поставило царизм на грань краха. Еще 13 октября 1905 г. Д.Ф. Трепов отдал приказ по Петербургскому округу патронов не жалеть, холостых залпов не давать. «Понимаешь ли ты, что после этого тебя будут называть не Треповым, а «генералом патронов не жалеть»?» — спросил свитский генерал А.А. Мосолов, увидев черновик приказа. «Знаю это, — отвечал Д.Ф. Трепов, — и знаю, что это будет кличка непочетная, но иначе поступить по совести не могу»[161]. Но бравада Д.Ф. Трепова была напускной: через день-другой временщик начал поговаривать о конституции. Это запретное слово начинает все чаще звучать в правительственных сферах. Столь же часто упоминается имя С.Ю. Витте, только что вернувшегося в Россию после заключения Портсмутского мира.

6 октября начались переговоры с С.Ю. Витте, а через три дня он вручил Николаю II всеподданнейшую записку, в которой излагалась программа реформ. Но, обратившись к посредничеству С.Ю. Витте, Николай II вел игру с оглядкой. В Петергоф были тайно вызваны известные реакционеры А.А. Будберг и И.Л. Горемыкин, отвергавшие один вариант проекта за другим. Но переезды С.Ю. Витте из столицы в царскую резиденцию и обратно не могли продолжаться бесконечно. Надо было принимать какое-то решение. До последней минуты Николай II колебался, не дать ли вместо ограниченных свобод неограниченную диктатуру. Но 16 октября отпала надежда на Д.Ф. Трепова. На прямо поставленный вопрос, сколько дней он может удерживать порядок в столице, генерал-губернатор ответил, что никаких гарантий давать не берется и уповает лишь на милость Божью. «Свобода печати, совести, собраний и союзов, — высказал свое мнение Д.Ф. Трепов, — должна быть дана»[162].

Подвел и второй кандидат на пост диктатора — великий князь Николай Николаевич, спешно вызванный в Петергоф из своего тульского имения. Утром 17 октября он заявил министру двора В.Б. Фредериксу: «Надо спасти го-

сударя! Если он сегодня не подпишет манифест, то я застрелюсь у него в кабинете! Если я сам этого не сделаю, то ты обещай застрелить меня»[163]. На нервную выходку великого князя, возможно, оказала влияние обстановка путешествия из-под Тулы в Петергоф. Тульский губернатор М.М. Осоргин, отвечавший за доставку августейшей особы, вспоминал, что в Серпухов великого князя привез окольной дорогой отряд переодетых казаков, изображавших охотничью компанию. Встречавшему там московскому губернатору В.Ф. Джунковскому «удалось доставить великого князя по железной дороге в вагоне, прицепленном к паровозу, шедшему с потушенными огнями. Доехали так до последней станции по Курской дороге, откуда Джунковский на автомобиле перевез великого князя на станцию Химки Николаевской дороги, где опять ожидал такой же вагон и паровоз без огней»[164]. Когда члену царствующего дома приходится добираться до столицы, как вражескому лазутчику, необходимость реформ становится очевидной.

После беседы с Николаем Николаевичем В.Б. Фредерикс подвел итог: «Все от диктаторства уклоняются, боятся, все потеряли головы, поневоле приходится сдаться графу Витте»[165]. Наконец Николай II решился. В письме к Д.Ф. Трепову царь излил чувства, обуревавшие его перед подписанием манифеста: «Да, России даруется конституция. Немного нас было, которые боролись против нее. Но поддержки в этой борьбе ниоткуда не пришло, всякий день от нас отворачивалось все большее количество людей, и в конце концов случилось неизбежное!»[166].

До какой степени царизм затянул с уступками, говорит такой факт: в страхе, что через час-другой будет уже поздно, небольшой документ побоялись отдать «рондистам» — писарям по особо важным государственным актам. Вопреки всем правилам, он был отпечатан на машинке, и лишь после ему был придан положенный вид. Манифест был подписан 17 октября 1905 г. между 5 и 6 часами вечера. «После такого дня голова стала тяжелой и мысли путаться.

Господи, помоги нам, усмири Россию», — записал Николай II в своем дневнике[167].

Манифест 17 октября возвещал о даровании населению «незыблемых основ гражданской свободы» на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов. Важным было обязательство превратить булыгинскую законосовещательную Думу в законодательную. Провозглашалось, что никакой закон не может получить силу без одобрения Государственной думы. Манифест 17 октября был значительным шагом на пути превращения самодержавия в конституционную монархию. Сторонники неограниченного самодержавия потерпели поражение и жаждали реванша.

Глава II

ПОГРОМНЫЙ ДЕБЮТ

Подготовка манифеста 17 октября проходила в глубокой тайне. К его разработке и обсуждению было привлечено всего 11 человек из ближайшего царского окружения, а также из числа сотрудников С.Ю. Витте. В полном неведении находились министры и члены царствующего дома. Военный министр А.Ф. Редигер лишь по громким голосам, доносившимся из-за закрытых дверей царского кабинета, догадался, что там идет важное совещание[168]. Осведомленные источники утверждают, что «сам министр внутренних дел узнал о манифесте одновременно с прочими столичными обывателями»[169]. Министр финансов В.Н. Коковцов также вспоминал, что узнал о манифесте из газет.

Неудивительно, что смена правительственного курса застигла врасплох местные власти. Наместник Кавказа граф И.И. Воронцов-Дашков запрашивал столицу: «Сегодня получил указ о свободе слова, союзов и прочее, подписанный 17 октября. Считать ли его действительным? Отвечайте шифром»[170].

Добавим, что забастовка отрезала от центра обширные районы. В пограничную Кяхту весть о манифесте быстрее дошла через Пекин, чем из глубин России. Иркутский губернатор граф П.И. Кутайсов через 4 дня после подписания манифеста объявлял населению: «По городу распространяется слух о получении какого-то манифеста. Считаю своим долгом известить, что лично я ничего подобного не получал по самой простой причине, что телеграфное сообщение между С.-Петербургом и Иркутском не восстановлено»[171].

Тем не менее в большинстве крупных центров сообщение о манифесте было получено 18 октября. Несколько телеграфных строк резко повысили пульс общественной жизни. Диапазон мнений был весьма широк. Но в целом, если авторы манифеста рассчитывали на восторг и благодарность населения, то они жестоко просчитались. Правые круги были ошеломлены уступками, либеральная буржуазия указывала на их недостаточность. Демократические силы восприняли манифест как сигнал к усилению натиска на самодержавие.

Непримиримую позицию заняли левые партии. Костромской комитет РСДРП обратился к рабочим города с листовкой: «Нет, товарищи! Царские уступки не обманут рабочий класс! Он должен бороться до конца! Самодержавие разбито, не не уничтожено!»[172]. Орехово-Зуевская группа окружной организации Московского комитета РСДРП призвала ответить на манифест забастовкой: «...когда народ восстал, когда пронесся клич рабочего класса: «К оружию!», самодержавие сочло нужным бросить возмущенному народу огрызки гражданских прав»[173].

Почти во всех городах состоялись митинги, на которых прозвучали призывы к свержению царского строя, и прошли демонстрации под красными флагами. Объявленная 21 октября амнистия привела к освобождению некоторых категорий политических заключенных, причем зачастую ворота тюрем распахивались силой. В ряде городов коалиционные комитеты взяли на себя всю полноту власти. Даже некоторые городские думы (Казань, Томск и др.) попытались устранить губернскую администрацию.

Умеренные наблюдатели с удивлением описывали типичные для октябрьских дней сцены. Один из лидеров кадетской партии В.А. Маклаков вспоминал о митинге в здании московской консерватории 18 октября: «В вестибюле уже шел денежный сбор под плакатом «на вооруженное восстание». На собрании читался доклад о преимуществах маузера перед браунингом»[174].

Но одновременно с этим в борьбу вступили и правые силы. Прежде всего отметим, что часть военно-полицейского аппарата продолжала действовать, невзирая на объявленные свободы. В Ташкенте военный губернатор Федотов предложил разойтись представителям населения, собравшимся на площади для обсуждения манифеста. После отказа подчиниться этому требованию в дело вступили казаки. В итоге — 3 убитых, 18 раненых[175].

Подобную расправу можно было бы объяснить отдаленностью и жестокими нравами Сыр-Дарьинской области, если бы точно так же не действовали в столице. В день объявления манифеста войска петербургского гарнизона неоднократно пускали в ход оружие. После лихой атаки конногвардейцев у Технологического института на поле боя остались десятки раненых, среди которых был известный историк Е.В. Тарле.

Вмешательство войск было обыденным событием. Новым явлением было вступление в политическую игру черной сотни. Первые столкновения вызвало само известие о манифесте. Так, на железнодорожной станции Ставрополь-Кавказский черносотенцы сочли, что манифест о свободах подложный и выдуман учащимися железнодорожного училища. Толпа окружила училище, и только вмешательство железнодорожников предотвратило его разгром[176]. Впрочем, и при отсутствии сомнений в подлинности царского манифеста попытка публично зачитать его была сопряжена со смертельной опасностью. Например, в Екатеринбурге «одной из первых жертв разъяренной черни стал сотрудник газеты «Уральская жизнь» П.А. Соловьев, который хотел прочитать перед толпой Манифест 17 октября. Его окружили какие-то темные личности, ударом дубины по голове сшибли с ног и ножами нанесли ему несколько ран»[177].

Однако не сам манифест, а последовавшие за ним революционные митинги и демонстрации вызвали взрыв ненависти у крайне правых. Участник митинга, состоявшегося 19 октября в Костроме, делился своими впечатлениями:

«Появилась шайка мясников, лабазников и др. темных личностей и с криком «ура» бросилась на нас... Ломовики, извозчики распрягали лошадей, оставляли их у телег и оглоблями и дугами били учащихся»[178]. В Курске черносотенцы напали на демонстрацию, шедшую под красными флагами. После этого черносотенцы разделились на две части. «Первая партия, — сообщали очевидцы, — не исполнила своей задачи, а вторая «на славу» поработала»[179].

Столкновения во время митингов и демонстраций были лишь первым актом всероссийской трагедии. Демократическим демонстрациям крайне правые противопоставили «патриотические» манифестации. После погромов некоторые очевидцы уверяли, что шествия начались по инициативе низов. Один из видных деятелей правого лагеря В.В. Шульгин утверждал, что киевские монархисты пытались удержать население от выхода на улицы. В редакцию консервативной газеты «Киевлянин» явились рабочие и заявили, что надо организовать патриотическую контрдемонстрацию. Редактор газеты Д.И. Пихно уговаривал их успокоиться и разойтись по местам. То ли речь его прозвучала неискренне, то ли рабочие слышали только то, что хотели слышать, но выступавший после редактора слесарь сделал неожиданный вывод. «Правильно, — заключил рабочий, — бей их, сволочь паршивую!!!»[180].

Разумеется, нельзя сбрасывать со счетов элемент стихийности. Следует учитывать, что Всероссийская октябрьская политическая стачка сковала всю страну. Неизбежным следствием этого было нарушение экономических связей, перебои в снабжении и рост цен. Для простых обывателей забастовка означала только падение жизненного уровня, а Манифест 17 октября таил угрозу привычному укладу жизни.

В данной ситуации призыв продемонстрировать верность престолу легко нашел отклик. Трудно сказать, кто бросил клич собираться у стен храмов. В конце концов ничего необычного в шествиях с иконами и царскими порт-

ретами не было. Важно то, что местные власти и правые круги с готовностью ухватились за эту мысль. Впрочем, в тех случаях, когда власти считали манифестации ненужными, черносотенцы обходились без их поддержки. В Баку генерал-губернатор С.А. Фадеев запретил всякие сборища. Но вот к его дому явились черносотенцы с требованием разрешить патриотическую манифестацию. «После долгих и настойчивых просьб и требований толпы генерал-губернатор уступил, заявив, что слагает с себя ответственность за последствия»[181].

Тульский губернатор М.М. Осоргин вспоминал, что его «встретила какая-то группа полупьяных людей, отрекомендовавшаяся мне как депутация правых рабочих, с заявлением, что они меня ищут, чтобы сказать мне, что они полицией довольны и чтобы я не верил бы революционерам. С полупьяными людьми нельзя было и разговаривать, и я им посоветовал идти по домам»[182]. Но черносотенцев поддержал вице-губернатор А.Н. Хвостов, с разрешения которого была устроена манифестация.

Практически все сведения об организаторах манифестаций противоречивы. Так, некоторые свидетели в Томске указывали, что отстраненный от власти полицмейстер и несколько купцов собрались на тайное собрание и решили: «Утром 19-го переодеть несколько городовых, которые должны будут идти на базар и приглашать чернь устроить «патриотическую» манифестацию, а после устроить избиение студентов и евреев, и если найдется на это дело мало желающих, то предложить им плату от 1 р. 50 коп. до 4 рублей, каковые деньги обязались уплатить названные выше купцы»[183].

Однако следственные органы не установили такой подготовки манифестации. На суде выяснился скорее стихийный характер манифестации. «Стали собираться кучки народа, по-видимому, состоящие из рабочего люда и мелких торговцев, причем из их среды слышались возгласы, что надо бить евреев, поляков, студентов, железнодорожных служа-

щих и забастовщиков»[184]. В то же время суд установил двуличное поведение томского губернатора Азанчеева-Азанчевского, к которому явились депутаты от толпы — ломовой извозчик И. Богун и сиделец пивной лавки И.М. Трофимов. Сам губернатор уверял, что он призвал толпу к спокойствию. Но вожди черносотенцев после этой беседы заявили: «Нам разрешили, и мы три дня будем гулять». В некоторых городах участники шествий благодарили царя за Манифест 17 октября. Но поскольку в большинстве случаев среди манифестантов господствовали иные настроения, поводом для шествий стали 9-летняя годовщина восшествия на престол Николая II (21 октября) и праздник иконы Казанской Богоматери (22 октября). Все это сопровождалось церковными службами, крестными ходами, а там, где позволяла обстановка, — церковными парадами.

Патриотические шествия всегда начинались у стен храмов. Вышедшие из соборов манифестации с каждым шагом теряли христианское смирение. В Вятке «...в самом начале шествия, как рассказывают очевидцы, стали выделяться из толпы группы лиц, которые останавливали каждого встречного, шедшего в шапке, и предлагали снимать пред портретом Государя. От требований группы стали переходить к насилию над теми, кто не подчинялся»[185].

Как бы ни были взвинчены толпы черносотенцев, для насилия требовался повод, например выстрелы из-за угла, выстрелы по монархическим манифестациям.

Относительно нападений на манифестации высказываются прямо противоположные суждения. Черносотенцы единодушно утверждали, что их действия не выходили за рамки необходимой обороны. Полицейские рапорты почти всегда поддерживают эту версию. Демократическая пресса прямо называла выстрелы либо мифом, либо провокацией. Показания свидетелей довольно сбивчивы и зависят от принадлежности очевидцев к той или иной из противоборствующих сторон. Например, одна из тифлисских газет сообщала, что поводом для погрома послужили несколько камней, кото-

рыми местные гимназисты были вынуждены отбиваться от наседавшей на них толпы[186]. Но другие органы печати уточняли, что патриотическую манифестацию действительно обстреливали из нескольких домов, в том числе из здания гимназии[187]. Более того, рядом прогремели взрывы. Подобные обстрелы имели место и в других городах.

Трудно сказать, на ком лежала ответственность за нападения на монархические манифестации. Участники нападения скрывались или оставались неопознанными. В том же Тифлисе полиция смогла установить только кавказское происхождение нападающих: «Двое туземцев несли в корзине бомбы, которые по неосторожности взорвались, причем оба туземца были убиты, а один из проходивших ранен»[188].

В черносотенные шествия в Одессе были брошены три бомбы. Охранка установила личность одного из покушавшихся, который также подорвался на собственной бомбе. Им оказался анархист Яков Брейтман. Этот факт подтверждается другими источниками. О Яше по кличке Портной, метнувшем бомбу в черносотенцев и погибшем при взрыве, упоминается в воспоминаниях руководителя одесских анархистов Д.И. Новомирского[189].

Но нельзя исключить и провокацию. Так, следствие по одесскому погрому пришло к выводу, что некоторые городовые стреляли в воздух, а затем показывали войскам на дома, откуда якобы прозвучали выстрелы[190]. В любом случае ответные действия черносотенцев отличались необычайной жестокостью.

Сколько было погромов в октябре 1905 г.? Наивысшая цифра, встречающаяся в литературе, — 690; наиболее полный перечень погромов включает 102 населенных пункта[191]. В две октябрьские недели оказались спрессованы разнообразные события, хронологическое и географическое переплетение которых затрудняет решение поставленной задачи. На наш взгляд, главное, позволяющее выделить погромы из общего потока событий, — это участие на стороне правительства (наряду с войсками и полицией) широких

слоев населения; общие хронологические рамки (после опубликования Манифеста 17 октября); поводы (революционные митинги и демонстрации); лозунги (защита самодержавных устоев); объекты нападения; способы нападения. Чтобы восстановить картину погромов, пришлось привлечь множество документов: от судебно-следственных материалов до периодической прессы. Были просмотрены практически все русскоязычные газеты, выходившие в октябре—ноябре 1905 г. Из архивных документов наиболее ценным оказался комплекс дел о помиловании погромщиков, впервые вводимый в научный оборот[192].

С оговоркой, что наши данные не претендуют на исчерпывающую полноту, отметим, что с 17 октября по 1 ноября 1905 г. погромы прокатились в 358 населенных пунктах. Они начались в городах (108), посадах и местечках (70), а затем перекинулись в села, деревни и хутора (180). Подавляющая часть их пришлась на Европейскую Россию (339 из 358), Сибирь пережила 7 погромов, Кавказ — 2, Средняя Азия — 1, Польша — 2. В населенных пунктах неустановленной административной принадлежности — 5.

В «черте еврейской оседлости» было 292 погрома. Печальное первенство удерживала Черниговская губерния — 90 погромов, за ней шли Киевская — 45, Екатеринославская и Полтавская — по 29, Херсонская — 26, Бессарабская — 20.

Наиболее «урожайными» (158) на погромы стали 4 дня, с 21 по 24 октября. Кое-где черносотенцы ограничились нападением на демонстрации и митинги, в других случаях толпа выбивала стекла в домах. Однако в большинстве случаев шел разнузданный грабеж. В Одессе было разграблено 1632 помещения[193], в Киеве около 1500[194] (по сведениям полиции — 1800). Вслед за Киевом и Одессой наибольший ущерб понесли Ростов-на-Дону — 580 жилых и торговых помещений, Богополь и Голта — 374, Умань — 350, Херсон — 330, Екатеринослав — 250, Нежин — 250, Измаил — 220, Аккерман — 183, Кривой Рог — 129, Саратов — 117. Всего, по нашим подсчетам, пострадало 10 093 дома. В это число входят также магазины, лавки и квартиры.

Значительные трудности возникают при попытке определить ущерб в денежном исчислении. Современники называли различные цифры. Наивысшая — 52 119 703 р. (за год с 17 ноября 1905 г. по 17 октября 1905 г.)[195]. По нашим подсчетам, за две октябрьские недели был нанесен ущерб в 25 641 451 р. 88 к. Хотя сумма вычислена с точностью до копейки, ее следует рассматривать как достаточно условную.

Мы располагаем сведениями о денежных потерях лишь по 97 погромам. Отсутствуют сведения об убытках от крупных погромов в Баку, Аккермане, Кишиневе, Саратове, Симферополе, Феодосии, Тифлисе, Туле и других городах. Невелика достоверность имеющихся данных. В одних случаях приходится использовать весьма приблизительные, сделанные «на глазок» оценки. В других случаях убытки, подсчитанные самими потерпевшими, чрезвычайно завышены. Но какими бы приблизительными ни были наши подсчеты, одно можно утверждать вполне определенно: никакое стихийное бедствие не нанесло России такого ущерба, как прокатившаяся по стране погромная волна.

Сколько человеческих жизней унесли погромы? Современники упоминали о 985 убитых и 1442 изувеченных[196]. По другим данным, было убито 810 и ранено 1770[197]. Но наибольшее распространение получили сведения о 4 тыс. убитых и 10 тыс. раненых. Именно эти цифры назвал в «Докладе о революции 1905 года» В.И. Ленин[198], эти же цифры приводятся в трудах по истории КПСС[199]. Однако эти данные нуждаются в существенном уточнении. В.И. Ленин, находившийся в эмиграции, не имел возможности обратиться к источникам. При подготовке доклада он воспользовался книгой Л.Д. Троцкого «Россия и революция», изданной на немецком языке в 1909 г., откуда и почерпнул сведения о жертвах погромов[200]. Л.Д. Троцкий, в свою очередь, использовал данные В. Обнинского, который также не обращался к первичному материалу, а привел данные из журнала «Право». Редакция этого юридического издания располагала только корреспонденциями с мест — зачастую неполными и не всегда достоверными.

По нашим сведениям, во время октябрьских погромов погибли 1622 и были ранены 3544 человека. Разумеется, указанные цифры нельзя считать окончательными и бесспорными. В частности, учтены только те раненые, кто обратился за врачебной помощью. Легкораненые и избитые не регистрировались документами. В ряде случаев число пострадавших не вызывает сомнения. Это касается погромов в Баку (51 убитый и 83 раненых), Кишиневе (53 и 87), Вильно (9 и 27), Екатеринославе (68 и 231), Минске (52 и 100, из них 63 тяжелораненых), Орше (28 и 23), Саратове (8 и 78 плюс 53 легкораненых), Симферополе (42 и 68), Томске (68 и 86), Тифлисе (36 и 66), Туле (22 и 65), на станции Раздельная (13 и 27).

Особо следует остановиться на киевском и одесском погромах. Комиссия сенатора Е.О. Турау установила, что с 18 по 21 октября в Киеве было убито 47 и ранено 205 человек. «Однако цифры эти, — отмечалось в докладе комиссии, — нельзя назвать точными, т. к. было замечено, что убитые и раненые уносились толпой»[201]. Действительно, в Киеве было зарегистрировано 47 убитых. Но, согласно отчету скорой медицинской помощи, были перевязаны 222 раненых, а городские больницы приняли 147 человек. Из общего числа 369 пострадавших скончался от ран 21 человек[202]. Таким образом, за время киевского погрома 68 жителей погибло, а 301 человек был ранен.

Наиболее кровопролитными оказались события в Одессе. Подытожив рапорты полицейских чинов и охранного отделения, начальник одесского жандармского управления сообщал, что к 22 октября насчитывалось свыше 900 раненых и более 200 убитых. Газеты писали о 800 убитых и 5000 раненых[203]. В докладе сенаторской комиссии приводятся сведения о 618 убитых и 561 раненом. Однако можно согласиться, что «число убитых и раненых частных лиц даже приблизительно не может быть определено»[204].

Октябрьские погромы часто называют еврейскими, что не совсем справедливо. Определение национальности пострадавших было сложной задачей. Учитывались: прямые ука-

зания на национальность или вероисповедание пострадавших, сообщения о погребении на кладб ще, сведения о лечении раненых в больницах, фамилии и имена пострадавших. Удалось установить национальную принадлежность двух третей пострадавших. Среди них евреи составили 711 убитых и 1207 раненых; русские, украинцы и белорусы — соответственно 428 и 1246; армяне — 47 и 51; грузины — 8 и 15; азербайджанцы — 5 и 7; поляки — 4 и 6; латыши — 2 и 1; немцы — 1 и 7; греки — 1 убитый; караимы — 1 убитый; молдаване — 7 раненых; литовцы — 2 раненых; народности Кавказа (в источниках «кавказцы», «туземцы» и т.д.) — 10 убитых и 53 раненых. Национальность 404 убитых и 932 раненых осталась невыясненной.

Погромы не были направлены против представителей какой-либо конкретной нации. Тем не менее антисемитские настроения были весьма ощутимы. Черносотенцев возбуждали слухами о глумлении, учиненном инородцами над русскими национальными и религиозными святынями. Молниеносно распространялись леденящие душу рассказы о сожженных храмах и поруганных иконах. В Киеве говорили о Голосеевском монастыре, якобы взорванном крамольниками. Между тем любой желающий мог убедиться в том, что за стенами обители течет обычная монастырская жизнь.

В Херсоне известию, что «жиды поймали православного ребенка и вбили ему гвозди»[205], не поверили даже самые наивные. Впоследствии выяснилось, что все слухи о поджогах были ложными. Причем единственный документально установленный поджог христианского храма в с. Семеновки Черниговской губернии был осуществлен явно не евреями. При расследовании дела об этом пожаре полицейский урядник засвидетельствовал, что «поджог церкви был произведен злоумышленниками с целью именно вызвать погром»[206]. Частично оказались вымышленными рассказы об уничтожении царских портретов. Но наглядное опровержение их почти никогда не останавливало толпу. Во время черносотенного шествия в Туле «распространяется слух, что «социалисты» стреляли в царский портрет. Идущий ря-

дом с портретом офицер, капельмейстер военного оркестра, категорически отвергает это; но слух бежит дальше в толпу»[207]. Вместе с тем надо учитывать, что участники митингов и демонстраций под лозунгом «Долой самодержавие» не имели намерений щадить атрибуты монархической власти. Сбрасывались императорские вензеля, крушились портреты венценосца и бюсты его царственных предков. Кое-где собирались деньги «на гроб Николаю II». Все это вызывало сильное раздражение консервативных слоев населения.

После погромов следственным органам не удалось доказать, что символы царской власти уничтожались исключительно нерусским населением. Имеется ряд прямо противоположных сведений. Так, в Иваново-Вознесенске черносотенцы потребовали у большевика В.Е. Морозова снять шапку перед царским портретом. В ответ В.Е. Морозов назвал царя сволочью, прострелил портрет и убил двух портретоносцев и сам был избит до полусмерти. Феноменальная физическая сила позволила В.Е. Морозову выжить, но с больничной койки он отправился прямо на 10-летнюю каторгу[208].

Многие видели на балконе Киевской городской думы человека, который, вырезав в царском портрете отверстие и просунув туда свою голову, кричал: «Теперь я государь!» О национальности его приходится только гадать. Тем не менее черносотенцы без колебаний приписывали все сомнительные и невыясненные случаи евреям.

Издевательское отношение национальных меньшинств к христианским святыням просто не могло иметь места, так как при громадном численном преобладании русского населения в «черте оседлости» подобное поведение было бы самоубийственным. Но надо подчеркнуть, что проповедь избранности, свойственная националистическим кругам, легко переходила грань уважительного отношения к другим народам.

Посильный вклад в национальную рознь вносили еврейские националисты. Например, 11 мая 1905 г. в Нежине, уездном городе Черниговской губернии, были задержаны Янкель Брук, Израиль Тарнопольский и Пинхус Кругер-

ский, которые разбрасывали воззвания на русском языке: «Народ! Спасайте Россию, себя, бейте жидов, а то они сделают вас своими рабами»[209]. Когда-то такой способ использовали революционные народники, пытавшиеся поднять народные массы. В данном случае прием был еще подлее, так как одновременно с антисемитскими листовками в Чернигове сионисты-социалисты распространяли воззвания на еврейском языке, призывавшие «израильтян» вооружаться. В октябре 1905 г. сионисты-социалисты шли на демонстрациях под знаменами с надписями «Наша взяла!», «Сион».

Какие слои еврейского населения пострадали от погромов? Можно констатировать, что прорвалось долго сдерживаемое негодование против имущих классов, это негодование отчасти оказалось выборочным, затронув купцов еврейского происхождения и обойдя русских торговцев. Екатеринославские домовладельцы, как сообщали газеты, «повесили на ворота национальные флаги и иконы. Стены домов испещрены крестами, и на некоторых воротах надписи — «дом русский»[210]. Саратовские черносотенцы подготовились основательнее и в подобных знаках не нуждались. Вот картина погрома: толпа останавливается перед домом, начинаются расспросы, «из толпы громил кто-то нетерпеливо закричал главарю ее: «Да что спрашивать-то, давай сюда книгу и посмотрим в ней». Главарь раскрыл объемистую книгу и, перелистав ее, сказал: «Да, да, это дом Шубиной, внизу живет сама хозяйка, вверху Неверов, служит в Управлении, православные. Пойдем дальше»[211]. Впрочем, иной раз погромы выходили за предписанные рамки. В с. Окны (Балтский уезд Подольской губернии) были разгромлены и дома русских владельцев, а купец Соколов едва откупился от громил[212]. В Баку был разгромлен дом вице-губернатора Ледоховского[213].

В то же время не остались в стороне беднейшие слои еврейского населения. Сопоставим впечатления двух очевидцев киевского погрома. Вот описание центра города: «Что из себя представлял Крещатик, я даже не могу вообразить, это был какой-то ад, где все посмешалось и подверглось

разгрому. Вся улица была в дорогих коврах, перьях; валялись рояли, чудные стоячие лампы, разбитые зеркала и домашняя утварь. Извозчику трудно даже было проехать»[214]. Действительно, из 26 еврейских магазинов на Крещатике уцелело лишь торговое заведение Людмера, который догадался поставить в витрине иконы.

Иначе выглядела окраина города. В.В. Шульгин увидел следующее: «Страшная улица... Обезображенные жалкие еврейские халупы... Все окна выбиты... Местами выбиты и рамы... Точно ослепшие, все эти грязные лачуги. Между ними, безглазыми, в пуху и грязи — вся жалкая рухлядь этих домов, перекалеченная, переломанная...»[215].

Богатство и связи часто помогали избежать общей участи. В Гадяче «целый квартал, населенный самыми бедными евреями-нищими, «разлетелся» часа за два. Работали чисто — в домах оставались одни голые стены. Остался нетронутым лишь дом самого богатого гадячского еврея Зороховича, который дал «выкуп» в довольно крупных размерах»[216].

Во время киевского погрома единственными евреями, о ком власти проявили заботу, были обитатели фешенебельного района Липки. После погрома вице-губернатор оправдывался, что как только узнал о появлении погромщиков в этом районе, то «приказал полицмейстеру прекратить доклад и экстренно отправиться в Липки, чтобы на месте принять соответствующие меры к охране как дома Бродского, так и других расположенных там еврейских домов-особняков»[217]. Войска не смогли спасти от разгрома особняки барона Гинцбурга, Ландау, Зайцева, Бродских, но жизни богатейших негоциантов ничего не угрожало. Когда сыновья А.И. Бродского застрелили из винтовок двух и ранили трех нападающих (в том числе по ошибке убили помощника пристава, охранявшего дом), власти ограничились мягким порицанием. В этот же день в бедных кварталах десятки сверстников Г.А. и И.А. Бродских поплатились жизнью за попытку укрыться от толпы, испуганный взгляд, подозрительный вид и т.д.

Во время погромов разрушались синагоги, выбрасывались на улицу и подвергались надругательству предметы культа. Однако ортодоксальные еврейские круги, в отличие от революционизированной молодежи, находили возможность засвидетельствовать свои верноподданнические чувства. После прокатившихся по стране погромов астраханский раввин Шухер униженно благодарил Николая II, «которому мы, евреи, в особенности должны быть признательны за все эти блага человеческие». В речи его прозвучало предостережение демократически настроенной части еврейского населения: «Участие немногих из вас в демонстрациях может погубить всех нас, всю еврейскую нашу общину, так как в лице двух-трех участников социал-демократических демонстраций или одного несущего красный флаг неразвитая чернь видит всю еврейскую общину»[218].

Впрочем, выражение верноподданнических чувств со стороны евреев иной раз заканчивалось плачевно. Член социал-демократической организации «Искра» в г. Балты Х. Миронер вспоминал: «Еврейская знать с казенным раввином во главе решила навстречу крестному ходу выйти с музыкой и со свитками торы. Тут должно было произойти братание благомыслящей и верноподданнической части еврейского народа с патриотами из черной сотни. Этим еврейская знать думала искупить грех еврейских рабочих и предотвратить погром»[219]. Дальнейшее описано в докладе министра юстиции И.Г. Щегловитова императору Николаю II. При виде еврейской демонстрации с царским портретом и трехцветными национальными знаменами «патриоты» оцепенели от неожиданности. Затем в толпе раздались крики: «Как вы смеете погаными руками держать царский портрет». «С этими возгласами часть русских манифестантов бросилась на раввина и еврея, несшего портрет Вашего императорского величества, и нанесла им побои, а также изодрала и затоптала в грязь свитки торы»[220].

Во время октябрьских погромов наглядно проявился тот факт, что деление на избивавших и избиваемых осуществлялось не только и даже не столько по национальному, как

по политическому признаку. Излюбленными объектами нападения для черной сотни были революционеры, демократическая интеллигенция и учащаяся молодежь. В октябре 1905 г. пали несколько видных деятелей революционного лагеря. Огромный общественный резонанс вызвало убийство Н.Э. Баумана. 18 октября, только что освобожденный под залог, он возглавил демонстрацию рабочих, которые по решению Московского комитета партии отправились освобождать узников Таганской тюрьмы. С красным знаменем Н.Э. Бауман подъехал к группе мастеровых у фабрики Щапова на Немецкой улице и пригласил их присоединиться к демонстрации. Стоявшие поодаль дружинники увидели, как его ударили по голове обрезком газовой трубы. Дружинники бросились на выручку, но через несколько минут «принесли бездыханный труп «дяди Коли», убитого черносотенцем»[221]. Похороны Баумана вылились в грандиозную революционную демонстрацию.

Иначе обстояло дело в Иваново-Вознесенске. Черносотенцам давно мозолил глаза и первый в России Совет рабочих депутатов, и митинги на красной Талке. Подходящий случай сквитаться представился в октябрьские дни. Тогда были разгромлены квартиры рабочих, известных своей революционной деятельностью, в том числе квартира председателя Иваново-Вознесенского совета А.Е. Ноздрина. 22 октября на р. Талке столкнулись казаки и рабочая демонстрация. Казаки потребовали выслать на их берег парламентеров. Для переговоров были направлены Ф.А. Афанасьев и П. Павлович. Как только они вдвоем вступили в казачий круг, неизвестно откуда появились черносотенцы и с воплями «Дайте нам евреев» набросились на одного из вдохновителей Иваново-Вознесенской стачки Ф.А. Афанасьева. Депутат Совета большевик Ф.Н. Самойлов писал: «Невыносимо мучила кипевшая в нас бессильная злоба; в особенности сильно волновался М.В. Фрунзе («Трифоныч-Арсений»). Он все время, держась за рукоятку револьвера, покушался кинуться к мостику, чтобы подоспеть помочь товарищам; но все считали это безумием, преградив ему дорогу, всеми

силами удерживали от этого шага, который послужил бы непременно лишь причиной новых тяжелых потерь»[222]. Черная сотня на несколько дней превратилась в хозяйку улиц Иваново-Вознесенска. Большевик И. Косарев вспоминал: «24 октября, т.е. когда погром достиг кульминационного пункта, наша организация была парализована. Порвались всякие организационные связи. Каждый партийный товарищ очутился в одиночестве»[223].

Мы мало знаем о потерях среди эсеров, бундистов и других нелегальных партий. Из большевиков были убиты Н.Э. Бауман, Ф.А. Афанасьев. В Ярославле ранен Н.И. Подвойский. Значительное число пострадавших было среди подозреваемых в связях с социал-демократами. В с. Веркиевка (Черниговская губерния) «были разгромлены дома 23 лиц, заподозренных во враждебном отношении к правительству, причем были нанесены побои учителю казаку Гаврилею, считавшемуся главою местных социал-демократов»[224].

Толпы погромщиков, даже направляемые полицией, слабо разбирались в политических оттенках и огульно зачисляли в социалисты всех неугодных. Примером может служить жандармское сообщение из Барнаула: «Толпы избивали представителей революционных партий и их сторонников. Разрушены дома городского головы и еще двух лиц»[225]. На самом же деле в Барнауле пострадали и лавки богатых купцов, и дома рабочих-пимокатов, словом, всех «так или иначе причастных к общественной или политической жизни города»[226].

Глубокую неприязнь черносотенцев вызывала сама принадлежность к интеллигенции. Присяжный поверенный, врач, учитель — вот далеко не полный перечень профессий, вызывавший «праведный» гнев черносотенцев. «Образованные», «ученые» в сознании крайне правых были повинны в колебании вековых устоев. Попавшийся черносотенцам человек интеллигентного вида непременно подвергался издевательствам. Лидер кадетской партии П.Н. Милюков описывал свою встречу с черносотенцами: «Утром на Малой Никитской я встретил толпу, которая от Охотного Ряда подни-

малась к Никитским воротам. Это была толпа в картузах и в «чуйках», которую мы в те времена так и называли «охотнорядцами», разумея под этим очень серого обывателя черносотенного типа. В руках знаменосцев, шедших впереди толпы, был большой портрет государя и еще какие-то изображения — или иконы, — которые я не успел рассмотреть. Толпа что-то выкрикивала и пела — но, кажется, не гимн — и попутно сбивала шапки с прохожих, не успевших обнажить голову. Признаться, я испугался за судьбу своего интеллигентского котелка и свернул в ближайший переулок»[227].

Наиболее часто объектами нападения становилась учащаяся молодежь. На протяжении десятилетий российское студенчество немедленно отзывалось на малейшие перемены в общественной жизни. Студенческие волнения, как правило, предшествовали крупным революционным событиям, а высшие учебные заведения превращались в революционные клубы. В бурном 1905 г. революционным брожением оказались охвачены учащиеся не только высших, но и средних учебных заведений. Соответственно с этим действовала и черная сотня. В Костроме она разогнала митинг, устроенный гимназистами и семинаристами. При этом 1 семинарист был убит, 3 тяжело ранены и 57 отделались легкими повреждениями. Министр юстиции в докладе царю признал, «что со стороны учащихся никаких возгласов или криков, или иных действий, оскорбляющих чьи-либо патриотические чувства, допущено не было»[228]. Налеты черной сотни и войск на высшие учебные заведения не прекращались весь октябрь. В настоящей осаде оказались Харьковский и Новороссийский (г. Одесса) университеты. В Ярославле после нападения на Демидовский лицей «появление семинаристов, гимназистов и в особенности студентов стало опасным, почему учащейся молодежи в форменной одежде почти совсем на улицах не встречается»[229].

Нежинские жандармы телеграфировали, что черносотенцы явились в лицей, «потребовали там большой царский портрет, заставив таковой нести студентов, каковая про-

цессия с пением гимна ходила по городу до 7 вечера. Кроме того народ всех русских демократов ловил по улицам, выводил из квартир, заставлял публично становиться на колени перед портретом, присягать, а в процессии идти и петь гимн»[230]. Профессора и студенты нежинского лицея бежали от погрома в Киев, но, прибыв на киевский вокзал, поняли, что попали из огня да в полымя. Большую категорию пострадавших составили люди, чья вина заключалась в том, что они оказались на пути черносотенной толпы. Наиболее ярким примером бессмысленного убийства служит поджог богадельни армянского человеколюбивого общества в Баку. «Слепые старики и старухи, — замечали газеты, — несомненно отчаянные революционеры»[231].

Однако было бы ошибкой представлять всех погибших покорными и бессловесными жертвами. Во многих местах удалось дать отпор черной сотне. Большая заслуга в этом принадлежала так называемой самообороне, созданной левыми партиями. Погромы удалось предупредить там, где за действиями черной сотни внимательно следили. В Нижнем Новгороде — классическом центре босяцкого мира — казалось, были все предпосылки для погрома, тем более что в июле 1905 г. город пережил нечто подобное. Чтобы не повторились летние события, после опубликования манифеста была развернута разъяснительная кампания. Отрезвляюще подействовала на черносотенцев готовность сормовских рабочих по первому сигналу прислать в город несколько сот вооруженных дружинников. Печальный опыт был учтен в других городах. 29 октября на заседании Петербургского Совета рабочих депутатов в связи с упорными слухами о предстоящем погроме были заслушаны доклады с заводов. Выступавшие сообщили о повсеместной подготовке дружин и назначении патрулей[232]. При двинском комитете РСДРП была создана дружина, насчитывавшая в декабре 1905 г. около 200 рабочих железнодорожных мастерских и кожевников. Боевики неоднократно выезжали в Витебск и в местечки Двинского уезда, где возникала угроза погромов[233].

О том, как была прекращена погромная пропаганда в Либавском порту, сообщала докладная записка на имя царя: «В Либаве рабочий комитет приговорил к смерти регистратора полиции Клуге, обвиняя его в подготовке погрома, арестовал и убил его»[234]. В ряде городов действовали бундовские и эсеровские дружины. Использованная большевиками тактика левого блока позволяла объединить силы. Так, в Туле успешно действовала дружина временного объединенного комитета социал-демократов и социалистов-революционеров. В Новороссийском университете «был организован коалиционный совет из представителей различных партий, но фактически вся организация обороны и борьбы с погромами находилась в руках большевиков»[235]. Коалиционному совету подчинялись 15 отрядов, именовавшихся по буквам греческого алфавита: альфа, бета и т.д. Особенно отличился отряд мореходного училища.

Часто дружины самообороны состояли из представителей различных партий. Казанские боевики после неудачной попытки нападения на штаб военного округа влились в народную милицию, созданную из студентов и гимназистов по решению городской думы. В милиционную комиссию наряду с гласными думы вошел член Казанского комитета РСДРП Н.И. Дамперов[236]. 21 октября милиционеры встретили монархическую демонстрацию у здания городской думы. В манифестацию был брошен разрывной снаряд, после чего погромщики и войска осадили думу. К месту столкновения прибыл губернатор. «Оставшимся в думском зале он заявил, что если они через четверть часа не выйдут из здания с поднятыми руками, он прикажет пустить в ход артиллерию»[237]. Осажденные вынуждены были сдаться. Народные милиции, возникшие во многих городах после Манифеста 17 октября, превращались в заслон на пути черной сотни. Бесчинства погромщиков вызывали возмущение у людей самых различных взглядов. Поэтому состав городских милиций и отрядов самообороны был очень пестрым.

В чрезвычайной обстановке люди раскрывались с неожиданной стороны. Участник ростовской самообороны М.

Милованов рассказывал о своем сослуживце: «Он все время и всегда был против наших выступлений, забастовок. Рабочее движение он рассматривал как происки японцев и англичан при посредстве евреев, которых он иначе, как жидами, не называл. Но когда начался погром, железнодорожниками была организована самооборона для борьбы с черной сотней, он один из первых вступил в эту самооборону и в первый же день ее выступления был убит пулей охранника или черносотенца»[238].

Следует сказать об отрядах еврейской самообороны, которые создавались при угрозе или в ходе погромов. Зачастую местные жители не шли дальше дежурств по подъездам и оповещения соседей. Иногда такие отряды выступали с оружием в руках. Население Богополя, узнав о погроме в расположенном на другом берегу Буга местечке Голта, развело мосты и организовало оборону. Одновременно с этим часть богопольцев переправилась на лодках через реку, чтобы помочь своим соотечественникам. Но ни спасти Голту, ни уберечь Богополь не удалось. Более удачно действовала самооборона в Стародубе: «...к месту погрома явилась еврейская организация самообороны, состоящая из 150 человек молодых евреев, и револьверными выстрелами разогнала толпу громил и рассеяла по улицам города»[239].

Как оценить действия самообороны в целом? Не везде отряды самообороны действовали удачно. Средства на самооборону были ограниченны. Партийные кассы были небогатыми, пожертвования со стороны еврейской буржуазии были единичными. Недостаток средств сказывался на вооружении. У иваново-вознесенских дружинников были «допотопные револьверы системы «Бульдог», пули которых даже при стрельбе в упор не пробивали шинелей». Херсонская дружина «имела несколько заржавленных револьверов, с которыми никто почти толком не умел и обращаться». В Одессе было 350 револьверов, «из которых было легче самому искалечиться, чем застрелить другого». В лучшем случае отряды самообороны использовали револьверы «Смит и Вессон», редкостью были «Браунинг», винтовки «Бердан»

насчитывались единицами. Многим дружинникам приходилось довольствоваться холодным оружием, изготовленным на заводах.

Самооборона несла крупные потери из-за недостатка опыта. Малейшая оплошность оборачивалась трагедией. Полоцкий отряд по неосторожности выдал свое местонахождение в гостинице «Золотой якорь» и был разоружен солдатами. После этого в гостиницу вломились черносотенцы и железными брусьями из разграбленной скобяной лавки разделались с задержанными[240]. Страшные события разыгрались в Орше. 22 октября в город прибыл отряд рабочих ткацкой фабрики в Дубровне. Но он был обнаружен еще на окраине и укрылся в чьей-то хате. Черносотенцы окружили убежище и убили 10 дружинников. Оставшиеся в живых 13 человек спрятались в другом доме и утром 23 октября попытались покинуть Оршу. На сей раз черносотенцы убили семерых.

На этом череда убийств не кончилась. В тот же день из Шклова прибыл еще один отряд самообороны численностью в 11 человек. При отправлении он был выслежен шкловскими жандармами, которые телеграфировали об этом в Оршу. Черносотенцы поджидали отряд самообороны со словами: «Вот сейчас с этим поездом демократы едут, мы им дадим»[241]. Прямо на вокзале были забиты насмерть еще семь человек. Схожий случай вспоминает большевик Я. Шумацкий. Когда бундовский отряд из Гомеля отправился в Речицу, его руководитель Лейба «Страдалец» возбудил подозрение тем, что приобрел в кассе билеты сразу на всех. С поезда бундовцы попали в руки черносотенцев. Сам «Страдалец» погиб, получив 11 штыковых ран[242].

Во время общей беды проявилось подлинное братство и взаимовыручка. Жители местечек нередко с опасностью для жизни укрывали соседей-евреев. Капитан парохода Замиховский, «несмотря на угрозу, принял на борт евреев, бегущих в Каховку»[243]. Несколько пострадавших семейств из Кривого Рога нашли убежище у крестьянина А. Федоренко, «который предоставил им свой дом, потребовал для него ка-

зачью охрану, и он же в течение трех дней доставлял безвозмездно пострадавшим провианты»[244].

Вступавшиеся за избиваемых не были благородными одиночками. Иногда на защиту вставали целые селения. Крестьяне с. Голая Пристань (Таврическая губерния) «с дубинами в руках встретили падких до лакомого куска хулиганов других сел и, когда те начали громить магазины, вступили с ними в борьбу»[245]. В Елисаветграде 13 русских пекарей отнимали у громил захваченное: «Были случаи, когда рабочие эти, отнимая грабленое, подвергались избиению нагайками со стороны казаков; и под ударами этих казацких нагаек они отнимали грабленое имущество»[246]. Факты дружественной поддержки были многочисленными. Елисаветградские газеты напечатали письма-благодарности местных жителей еврейской национальности 337 лицам, защищавшим соседей во время погрома.

Были случаи, когда отрицательное отношение к резне на национальной почве выражали представители мусульманской общины. В Карасубаре 21 октября погром затронул ремесленников-евреев. «К вечеру один из представителей местных мусульман Аджи Джепар во главе нескольких человек своих друзей обошел дома всех джанкойских цыган, принимавших участие в грабеже, и без сопротивления отобрал награбленный товар, который тут же был передан беднякам»[247]. После тифлисского погрома по городу распространялись листовки, обращенные к мусульманскому населению: «Пролитая до сих пор со стороны мусульман и армян невинная кровь и разорение имущества не удовлетворяют подлых провокаторов-шайтанов. Они хотят превратить в Баку и другие города и наш спокойный до сих пор и мирный Тифлис... Знайте, что слухи распространяются среди нас теми хулиганами, цель которых при случаях народных бедствий — грабеж и воровство»[248].

Перед современниками неизбежно встал вопрос о том, кто же несет ответственность за взрыв насилия в октябрьские дни. Общественное мнение сразу бросило обвинение высшим властям. Газеты в городах, переживших погро-

мы, указывали: «Самая грандиозность всероссийской организации контрманифестаций со всеми их возмутительными вариантами доказывает, что это дело властной руки, имеющей возможность распоряжаться государственными, но не слабыми частными средствами»[249]. Это мнение прочно укрепилось в дореволюционной и советской литературе.

Современники, не имея возможности высказаться открыто, подразумевали, что погромная волна обрушилась по мановению царственной руки. Сами погромщики не сомневались в одобрении сверху и ссылались на широко распространившиеся слухи, что царь дозволил три дня бить крамольников. Очевидцы в Томске наблюдали, как толпа с царским портретом подошла к магазину: «Один из стоящих впереди толпы, обращаясь к портрету царя, зычно кричит: «Ваше Величество, разрешаете громить?» Держащий в руках портрет отвечает: «Разрешаю»[250].

При таких обстоятельствах прямое указание с высоты трона было излишним. Достаточным было негласное покровительство, на которое уповали зачинщики погромов. Вообще, наивно было бы рассчитывать, что удастся обнаружить сведения об организации погромов даже в секретном делопроизводстве. По официальным каналам шли документы, свидетельствующие только о желании властей немедленно прекратить избиение вверенного их попечению населения.

Общественное мнение с редким единодушием видело автора сценария и режиссера октябрьской трагедии в руководителе полицейского ведомства Д.Ф. Трепове. Но это обвинение не подкреплено неопровержимыми доказательствами. Прежде всего неясны мотивы действий Д.Ф. Трепова. Пресса указывала, что погромы были вызваны желанием царского временщика «посильнее хлопнуть дверью» при уходе в отставку из-за несогласия с Манифестом 17 октября. Однако Д.Ф. Трепов был одним из сановников, предложивших пойти на уступки в целях сохранения монархии. Как товарищ министра внутренних дел, Д.Ф. Трепов начал расследование действий киевской администрации. Он док-

ладывал: «По моему мнению, главным виновником, допустившим вышеупомянутые беспорядки, является и. д. киевского губернатора д. с. с. Рафальский»[251]. Он обвинил также военные власти. Генерал-губернатор В.А. Сухомлинов отмахнулся от этих обвинений, ибо, как подчеркивал он в своем рапорте, «в настоящее время в достаточной мере выяснилось честное и самоотверженное несение тяжелой службы войсками Киевского гарнизона во время октябрьских беспорядков»[252].

Д.Ф. Трепова обвиняли в том, что он намеренно закрывал глаза на незаконную деятельность своих ближайших сотрудников, которые оборудовали тайную типографию в здании Департамента полиции. Прямого отношения к октябрьским событиям типография не имела, т.к. начала свою работу в декабре 1905 г. Однако в литературе указывалось, что «наличие такой организации после октябрьских дней делает весьма вероятным существование ее и в предоктябрьские дни»[253]. Сведения об этом были представлены горнопромышленником Ф.А. Львовым в записке, составленной для С.Ю. Витте. Не дождавшись ответа от сановника, Ф.А. Львов передал свои разоблачения петербургской газете «Наша жизнь»[254]. В записке говорилось, что «адский план огнем и мечом утвердить на Руси самодержавие» был составлен «генералом от Исаакиевского собора» Е.В. Богдановичем при содействии членов Русского Собрания, причем прямыми пособниками являлись 103 представителя бюрократической верхушки.

Е.В. Богданович полтора года разъезжал по всем главным городам страны. Он создал из членов общества хоругвеносцев боевую дружину, делегаты которой («сотейники») в начале октября съехались в Петербург, чтобы получить инструкции. Кровавая баня была задумана гораздо раньше и совершенно в иных целях, чем осуществившаяся на деле вслед за Манифестом 17 октября, но «сотейников» задержала в столице всеобщая забастовка. По сообщению Ф.А. Львова, черносотенцам помог фатальный случай. 14 октября забастовщики выпустили санитарный поезд, на кото-

рый охранное отделение тайком посадило «сотейников». Хоругвеносцы прибыли в Москву, откуда и начались погромы, «...где по телеграфу с лозунгом «За царя» и дополнительными, по вдохновению и глядя по обстоятельствам».

Поскольку Ф.А. Львов не раскрыл источников своей записки, пришлось провести самостоятельное расследование. Не случайно всплыло имя старосты Исаакиевского собора генерала Е.В. Богдановича, уже упоминавшегося в предыдущей главе этой книги. Летом 1905 г. Е.В. Богданович действительно совершил длительную поездку по южным губерниям «в целях отдыха» — не очень убедительное объяснение в устах 75-летнего старца. Судя по черновикам писем Е.В. Богдановича царю, генерал еще в августе прозрачно намекал на предстоящие погромы: «...я вынес такое впечатление, что каждая минута на юге и юго-западе может ознаменоваться такими побоищами, перед которыми совершенно побледнеют все прежние еврейские погромы»[255].

Не относится к вымыслу и поездка хоругвеносцев в Петербург. В делах Департамента полиции сохранилась переписка о поездке в столицу делегации добровольной охраны. Появление этой делегации было эпизодом сложной политической борьбы в правительственных кругах. Д.Ф. Трепов намеревался ввести в игру хоругвеносцев, благодарящих царя за законосовещательную булыгинскую Думу, именно в тот момент, когда решался вопрос о законодательной думе. В дневнике Николая II от 10 октября сохранилась запись: «Принял на ферме депутацию в 10 чел. от Московской добровольной охраны. Трогательные люди непременно хотели увидеть Аликс и маленького — и достигли своего»[256].

Не является мифом и возвращение хоругвеносцев обратно в Москву на санитарном поезде. Власти приложили все усилия, чтобы черносотенцы вырвались из изолированной забастовкой столицы. Сохранилось письмо одного из ближайших сотрудников Д.Ф. Трепова, заведующего особым отделом Департамента полиции Тимофеева от 15 ок-

тября к генералу Н.Н. Левашеву, в котором излагалась следующая просьба: «По имеющимся сведениям сегодня в 1 час. ночи в г. Москву отправляется санитарный поезд... смею попросить не отказать в зависящем распоряжении о разрешении приема на означенный поезд 10 депутатов Московской добровольной охраны... которым необходимо быть завтра в Москве»[257].

Нет сомнения в том, что просьба Д.Ф. Трепова была выполнена. Московские газеты сообщали, что уже 18 октября хоругвеносцы докладывали о беседах с царем на собрании Монархической партии. И все же от версии Ф.А. Львова придется отказаться. Записка Ф.А. Львова рисовала Е.В. Богдановича человеком, который по своему усмотрению мог начинать и прекращать погромы. Но письма Е.В. Богдановича царю показывают, что он постоянно предрекал вспышки насилия по самым разным поводам. Однако ни разу, за исключением октября, его пророчества не сбылись.

Являлись ли хоругвеносцы реальной силой? Ни до, ни после опубликования Манифеста 17 октября в Москве не было видно следов черносотенной организации, якобы игравшей роль застрельщицы.

Не было слышно о хоругвеносцах и во время декабрьского вооруженного восстания. В дни монархических торжеств в списках добровольной охраны были тысячи, но не набралось и десятков, когда монархии угрожала опасность. В Москве погром не достиг и доли того размаха, который он обрел в других городах. Ни в одном из сотен населенных пунктов, переживших погромы, не были зафиксированы телеграфные приказы из центра. Впрочем, бастовавшие служащие почты и телеграфа просто не пропустили бы подобных приказов. Что же касается эмиссаров из центра, то в Киевской, Черниговской и некоторых других губерниях отмечались случаи прибытия погромных агитаторов, но они всегда приезжали из ближайших городов, уже подвергшихся разгрому.

Следует признать, что в распоряжении исследователей пока нет достоверных данных о существовании единого

центра, руководившего погромами. Убеждение современников в их организованности могло сложиться под воздействием различных факторов. Представители демократического лагеря в обстановке подъема революции не хотели верить в то, что у народа еще сохранялись монархические иллюзии. А для либерально-буржуазного лагеря всегда было характерно представление о социальных низах как об инертной массе, не способной на самостоятельные действия. В этом контексте любые антиреволюционные выступления рассматривались как организованные сверху.

Что же касается местных властей, то их позицию во время погромов во многих случаях можно охарактеризовать как умышленное самоустранение. В Киеве между генералом Бессоновым, отвечающим за военную охрану города, и одним из прохожих произошел такой разговор: «Ваше превосходительство! Идет погром, меры не принимаются — как прикажете понимать это? — Какой же это погром? — был ответ мне. — Я вас не понимаю, генерал: ведь вот грабят магазины на наших глазах; это ли не погром? — Нет, это манифестация»[258]. Всю Россию облетел ответ одесского градоначальника Д.Б. Нейдгарта жителям, умолявшим прекратить погром: «Я ничего не могу сделать, вы хотели свободы, вот вам жидовская свобода»[259]. В Речице (Минская губ.) черносотенцы потребовали вооружить их для «самозащиты», угрожая в противном случае разбить арсенал. Перепуганный воинский начальник приказал выдать 120 винтовок и по 5 патронов каждому желающему[260]. Погромщики защищались столь рьяно, что успели до изъятия оружия отправить на тот свет 7 и ранить 24 человека.

Самоустранение местной администрации развязало руки полицейским, жаждавшим отомстить крамольникам. В Одессе еще летом видели городовых, упражнявшихся в рубке чучел с надписями «забастовщик», «студент». Неудивительно, что во время погромов полицейские нередко натравливали погромщиков или сами участвовали в побоищах. Беспристрастный язык обвинительного заключения запротоколировал подвиги симферопольского городового С.Н. Ермоленко,

который «ударил шашкой Исаака Левчика, оказавшегося затем убитым, ударил два раза обнаженной шашкой по рукам Якова Кравца, схватил за косу одну девушку и топтал ее ногами; в участке бегал от одного раненого к другому и наносил им удары, между прочим раскровянил нос Хаиму Борлину и с криком «вот, жид, тебе свобода!», а также по животу бил Марию Рохлин»[261].

Некоторые факты указывают на способность полиции манипулировать, казалось бы, необузданной стихией. От внимательных наблюдателей не укрылось, что заповедным островком в киевском погроме остался Лукьяновский базар: «Существует мнение, что причиной того, что громилы не были допущены на Лукьяновский базар, была боязнь полиции, как бы хулиганы не пробрались к тюрьме, где могли освободить в помощь себе большее число уголовных арестантов»[262].

Уже отмечалось, что войска после объявления свобод продолжали по-старому расправляться с участниками митингов и демонстраций. Новым было вмешательство войск на стороне погромщиков. С особой отчетливостью это проявилось в Томске, где между толпой черносотенцев и войсками произошло разделение труда. В советской литературе указывалось, что погромщики подожгли там театр, где собрались на митинг 3 тыс. рабочих, многие из которых были убиты и ранены. Возникает вопрос, существовало ли в провинциальном Томске здание, способное вместить такую массу народа.

На самом деле трагедия произошла в здании управления тяги Сибирской железной дороги. Погромщики подожгли здание. Чудом уцелевший член отряда городской милиции вспоминал: «Мы не отходили от телефона, забрасывали просьбами всех, с кем можно было перезвониться, в ответ нами получались уверения, обещания»[263]. А в это время «многих показавшихся в окнах, вылезавших на крышу и спускавшихся по водосточным трубам солдаты, принявшие сторону толпы, пристреливали из винтовок»[264].

Пустой театр, находившийся неподалеку, также сгорел, а под руинами железнодорожного управления были погребены 68 человек — в большинстве своем посторонние люди, пришедшие получить жалованье. Впоследствии полиция была вынуждена признать, что только один из погибших в томском пожаре имел отношение к революционному движению, причем его дело было прекращено ввиду маловажности[265].

В других городах пособничество войск осуществлялось не в столь откровенной форме. В Москве черносотенцы устроили засаду на возвращавшихся с похорон Н.Э. Баумана. Дружинники легко потеснили черносотенцев, но тут из окон манежа началась стрельба залпами. На следующий день ректор Московского университета Мануйлов отправился в манеж, «где казачий офицер заявил, что он не давал приказания стрелять. Произведенный подсчет боевых винтовочных патронов показал, что около 80 их израсходовано». Допрошенные казаки «все сознавались, что стреляли в толпу демонстрантов, некоторые по одному, а другие — по два-пяти раз»[266]. Иногда о преступном участии войск в погромах говорят косвенные улики. Во время киевского погрома, согласно отчету скорой медицинской помощи, были подобраны и доставлены в больницы 199 раненых. Из них 71 имел огнестрельные раны, 6 человек были ранены шашками, 8 — штыками. Остальные 114 человек были избиты черносотенцами[267].

Однако поддержка со стороны войск не была столь единодушной, как со стороны полицейского аппарата. Иногда одна воинская часть действовала по-разному. Так, 21 октября на станции Раздельная погромщики ворвались в вагоны поезда № 3 и убили на месте 9 пассажиров. На станцию назначения поезд доставил 40 раненых, из которых еще 4 человека скончались в пути[268]. Самое непосредственное участие в этом избиении приняли солдаты Ларго-Кагульского полка. Но на следующий день в Аккермане рота того же полка открыла огонь по погромщикам, потерявшим трех человек. Силой оружия подавлялись погромы в Из-

маиле и с. Калараш Бессарабской губернии, а также в Херсоне и Кривом Роге.

Особого внимания заслуживает позиция церкви. Сразу оговоримся, что официальные представители ее осудили разгул насилия. Синод разослал «Пастырское поучение народу православному», в котором призывал одуматься, пока еще есть возможность не запятнать свои руки кровью. Порицание погромщикам прозвучало в воззвании архиепископа Херсонского и Одесского Димитрия: «Жертвой насилия оказались честные труженики и торговцы, большей частью бедняки, которых вы своим буйством и разорением их убогого имущества лишили крова и куска хлеба»[269]. Духовные власти опровергали слухи о том, что погромы благословлены церковью. Архимандрит Киево-Печерской лавры Антоний заявил, что распространенные по городу листки «великого отшельника лавры» с призывом к избиению иноверцев являются подделкой, а сам отшельник нелепой выдумкой»[270].

Были случаи, когда представители духовенства вставали на пути защитников веры, царя и отечества. В с. Обухове (Киевская губ.) «из местной церкви выходил в полном облачении и с крестом в руках священник, который уговаривал толпу образумиться и не грабить чужого имущества, но толпа не обращала внимания»[271]. Священник Н. Владимирский из Феодосии добился несколько большего внимания от благочестивых прихожан, устроивших погром: «Люди подходили к кресту, целовали его, но все-таки оставались на своих местах»[272].

Порой неуемная паства набрасывалась на неугодных пастырей. В Елисаветграде священник Ирыгин увещевал прекратить погром, за что получил камнем в бок. В Егорьевске (Рязанская губ.) была разгромлена квартира священника Богословского. 19 октября саратовский епископ Гермоген перед началом молебна призвал всех соединиться в тесный союз, дабы дать отпор крамольникам, облик коих был обрисован в епископском послании: «Еще не дано никакой конституции, а уже у нас разные фантазеры раздира-

ют в своих конституциях ризы русского единства, отдают наши земли инородцам, заведя федеративный строй. А самые рьяные и этим не довольствуются и выставляют на красных знаменах надписи: «Да здравствует социализм!»[273]

Не менее откровенный урок преподал томскому духовенству архиепископ Макарий. Уже по пути к его резиденции черносотенцы убили двух человек. Затем Макарий их благословил и отправил на соборную площадь, где разыгрались главные события. По свидетельству одного из прислужников архиепископа, «во время пожара два священника пришли к владыке и умоляли его, стоя на коленях, выйти и уговорить черносотенцев и губернатора прекратить все, но владыка не только им отказал в просьбе, но даже выгнал вон, обещая их лишить места»[274]. Среди явных подстрекателей современники называли екатеринбургского епископа Владимира, викария ярославской епархии епископа угличского Сергия и других.

Священники возглавляли патриотические манифестации, но в погромах не участвовали. Впрочем, когда требовалось вразумить семинаристов, священнослужители не чурались черной работы. В Костроме семинарист Покровский был избит до полусмерти, «и когда он, спасаясь от преследований, забежал в часовню, то находившаяся там монахиня выгнала его, избив палкой. Семинариста Груздева бил попавшийся ему навстречу священник А. Поспелов»[275]. В патриотических шествиях в городах и местечках западных губерний участвовали также некоторые представители католичества, а мусульмане Казани, возглавлявшиеся муллой Г. Баруди, сочли своим долгом присоединиться к православному шествию, переросшему в погром[276].

Кто же совершал во время погромов то, что даже на сухом языке судебно-следственных документов именовалось «проявлениями нечеловеческой жестокости»? Можно с уверенностью сказать, что черная сотня обладала многократным численным превосходством над своими противниками. Тысячи жертв сами по себе свидетельствуют о десятках тысяч погромщиков. Этот факт подтверждают современники,

отмечавшие, что монархические манифестации собрали массы людей: в Красноярске — до 30 тыс., Нежине — 5 тыс., Тифлисе — до 25 тыс. и т.д. Точное число установить невозможно. Однако сохранились сведения об осужденных за насильственные действия и грабежи во время погромов. Перед нами лишь часть участников. К тому же мы располагаем сведениями только о тех осужденных, кто обратился за помилованием. И все-таки даже на основании этих данных можно составить представление о погромной толпе в целом.

Удалось выявить 1860 лиц, причастных к бесчинствам в октябре 1905 г.[277]. Подавляющее большинство — мужчины, женщин всего 12. Самому старшему из погромщиков было 75 лет. Ни преклонные лета, ни телесная немощь не ограждали против погромного безумия. 66-летний житель Орши И.Ф. Битюков поднялся чуть ли не со смертного одра и приковылял к месту побоища. Не имея сил убивать, он наслаждался тем, что ковырял костылем в мозгах убитых[278]. Погромы не были делом рук легко возбудимой и податливой на посторонние влияния молодежи. Только десятая часть погромщиков не достигла совершеннолетия (21 год), тогда как более половины перешагнули 30-летний рубеж. В то же время нельзя списать все на религиозное изуверство и предрассудки старшего поколения, так как менее 8% погромщиков были старше 50 лет. Более 63% осужденных за погромы были в возрасте 21—40 лет.

По отзывам очевидцев, погромные толпы отличались исключительным разнообразием. Киевские магазины разбивали «мужчины разных возрастов и не только простые, но даже и в красных околышках (так называемых дворянских шапках), попадались солдаты в шинелях нараспашку и в сюртуках, ученики городских училищ, и изредка встречались и гимназисты с ломами. Среди женщин преобладал тип кухарок и торговок, но участвовали и в шляпах и ротондах, нагруженные всяким магазинным товаром до смешного»[279]. Если это описание верно, то пестрая стая погромщиков легко прошла сквозь сети юстиции, оставив более однородный улов.

Привилегированные слои населения редко принимали непосредственное участие в погромах. Были осуждены 3 дворянина и 5 потомственных и личных почетных граждан. Полтавский помещик П. Кривошеин поднял ночью работников в своем имении и с обнаженной шашкой руководил разгромом. Однако дело было прекращено, а П. Кривошеин «признан был учинившим преступление в состоянии болезненного беспамятства, на почве хронического алкоголизма»[280]. Более отчетливо прослеживается участие крупного купечества. В Кременчуге газеты обвиняли в натравливании и подпаивании хулиганов владельца винного магазина Мищенко. В Николаеве погромщиков возглавили владелец писчебумажного магазина Пархоменко, городской подрядчик Савин. С особым усердием орудовали мясоторговцы.

Зачастую за патриотическими призывами стояло стремление потеснить конкурентов. Звон разбитых витрин в еврейских магазинах отзывался звонкой монетой в русских лавках. Отмечены случаи, когда торговцы выплачивали громилам деньги за нападение на конкурентов. Томские блюстители нравственности разбили публичный дом, который содержал Хаим Захир, оставив нетронутыми такие же заведения, принадлежавшие русским. Тугая мошна позволяла выходить сухим из воды. В крайнем случае перед судом оказывались «молодцы» — приказчики и служащие, натравленные хозяевами. Не повезло только костромскому купцу I гильдии К. Русину и владельцу известной табачной фирмы В.К. Месаксуди из Керчи, которые были осуждены как непосредственные устроители погромов. Впоследствии оба были помилованы и стали председателями отделов Союза русского народа.

Вопреки распространенному мнению, обитатели дна оказались в стороне от погромных течений. Всего 7 осужденных принадлежали к группе деклассированных элементов. С другой стороны, от внимательных наблюдателей не укрылась профессиональная сноровка многих погромщиков. Криворожские жандармы «указывали на наличие в толпе громил

со специальными приспособлениями для взлома, которыми и открывали лавки»[281]. В Екатеринославе «к каждому дому, где производился грабеж, подъезжал фаэтон, нагружался, куда-то уезжал с какими-то субъектами и затем вновь возвращался»[282]. Ростовские громилы спешили за бесценок спустить награбленное: золотые часы продавались по рублю, швейные машины по полтине. Когда в Киеве начались обыски, воровские шайки избавлялись от улик. Почему выходцы из уголовного мира не составили и одной сотой захваченных с поличным? Можно предположить, что при малейшей опасности профессионалы скрылись, подставив под удар незадачливых любителей.

Свыше 99% участников погромов, чью сословную принадлежность удалось установить, были мещане и крестьяне. Хотя мещанами назвался 251 человек, горожан среди погромщиков было значительно больше. Объясняется это тем, что осевшие в городах сельские жители продолжали считаться крестьянами. Например, за участие в ярославском погроме были осуждены 4 мещанина и 9 крестьян, хотя все они были городскими жителями.

Мелкая городская буржуазия оказалась особенно восприимчивой к черносотенным призывам. Некоторые погромы являлись извращенной формой классового протеста. Так, в г. Вознесенске (Херсонская губ.) недовольство населения было вызвано низкой платой за перевозку хлеба на пристань, установленной владельцами складов. А в г. Кролевец (Черниговская губ.) торговцы обвинялись в повышении цены на керосин.

В 14 городах и поселках погромный угар захлестнул рабочих. В одних случаях беспорядки устраивались сезонниками, в других — рабочими крупных предприятий. Например, в Таганроге в монархической манифестации шли рабочие металлургического, котельного и кожевенного заводов, а также железнодорожных мастерских[283]. Распространению погромных настроений способствовала не только национальная, но и социальная неоднородность рабочего класса.

Наивно считать, что фабрично-заводской котел, в который вливались все новые и новые пополнения, вмиг очищал от многовековых предрассудков.

Серьезные разногласия возникали по вопросу о забастовках. Далеко не все разделяли уверенность в необходимости даже экономической борьбы. Рабочие завода Новороссийского общества в Юзовке отказались примкнуть к забастовщикам. Положение осложнили излишне горячие головы из числа демонстрантов, допустившие стычку, в которой погиб рабочий-подросток. Вслед за этим последовало избиение демонстрантов[284].

Однако признание экономической борьбы еще не свидетельствовало о высокой сознательности. Бастующие на шахтах близ Кривого Рога сочли начавшийся в городе погром удобным случаем поправить свое положение. 25 октября они разбили лавки торговцев в с. Веселые Терны, а затем направились к Кривому Рогу. «Проходя мимо рудников Колачевского, Брянских, Цыбульки, Новороссийского, Ростовского, Дубовой Балки, Шмаковского, Галковского, Карнаватского и других, рабочие требовали прекращения добычи и уводили с собой людей»[285]. «27 октября в м. Кривой Рог из соседних местностей прибыли толпы шахтеров, в числе около 5 тыс. человек, и погром еврейских жилищ вспыхнул с новой силой»[286]. Помимо Кривого Рога погромы охватили 4 шахтерских поселка в Славяносербском уезде Екатеринославской губернии[287].

Сказалась также усталость определенной части рабочих от продолжавшихся почти целый год забастовок. Ведь хозяева не останавливались перед закрытием бастующих предприятий. В с. Серединная Буда (Новгородсеверский уезд Черниговской губ.) погром затеяла «прибывшая с шахт возвращавшаяся домой, в Севский уезд, по случаю забастовки толпа рабочих»[288]. Следует учитывать разногласия внутри самого рабочего класса. Наиболее ярким примером стали события в г. Рыбинске. Часть рыбинских рабочих составляли железнодорожники (около 1000 человек). Но подавляющее

большинство (7600 человек) были чернорабочие на пристани[289], которые были и низкооплачиваемыми и весьма далекими от всякой политики. К тому же более половины грузчиков являлись сезонными рабочими, пришедшими в город на время навигации. Железнодорожные забастовки углубили разногласия. Еще 15 октября жандармский доклад предупреждал: «Так как вагоны для погрузки не подаются, то грузчики остались без работы, а стало быть без хлеба, и сейчас слышится недовольство на забастовавших»[290]. 20 октября крючники устроили засаду на пути демонстрации железнодоржников и избили ее участников. В числе наиболее пострадавших были большевики А.С. Сыромятников и Комендантова.

Наконец, свою роль сыграло прямое натравливание со стороны хозяев. В г. Горбатово (Нижегородская губ.) земские служащие Романов и Горбунов пытались создать среди прядильщиков кредитное товарищество. Местные богатеи решили расправиться с мутившими воду интеллигентами. «Поднес хозяин водки, сказал: «Вон «земские» бунтуют против царя, от этого плох промысел стал, платить вам нечем, бей их», — и одичавшие от темноты, нужды и проклятой водки люди окончательно озверели»[291].

Необходимо подчеркнуть, что черносотенцам не удалось полностью возобладать ни на одном предприятии. Отрезвление наступало быстро. Рабочие елисаветградского завода Эльворти отблагодарили хозяев, устроивших выходной в честь царского манифеста. Революционная демонстрация, пропущенная на заводской двор, была избита. Но после этого рабочие разделились на несколько групп: одна призывала выйти в город для продолжения погрома, другая уже начала раскаиваться в содеянном. «Третья партия сильно порицала товарищей за необдуманный поступок. Один из этой партии кричал: «Вы как разбойники заманили народ в завод, вы — черная сотня, убийцы! Как вы смели не посоветоваться с товарищами о встрече братьев? Они шли к

нам с открытой душой». Кто-то из рабочих крикнул, что черную сотню нужно выдать прокурору и т.д.»[292].

Рабочих, позволивших вовлечь себя в погром, резко осуждали их собратья на других предприятиях. Иваново-Вознесенский комитет РСДРП выпустил обращение к погромщикам: «Товарищи рабочие! Нет, впрочем, не товарищи! После всего происшедшего вы не достойны этого имени»[293]. Рабочие железнодорожных мастерских юго-западной дороги в Киеве решили на митинге «требовать немедленного увольнения тех из рабочих, у которых будут обнаружены какие-либо вещи, награбленные во время погрома»[294]. Аналогичные решения принимались на рабочих митингах в других городах.

Почти 83% задержанных погромщиков являлись крестьянами. Отклик деревни на царский манифест был менее бурным, чем в городе. Либеральный деятель князь П.Д. Долгоруков передавал свои впечатления от курской деревни: «В большинстве случаев чтение манифеста вызывало у слушателей некоторое разочарование, так как там ничего не говорилось о наделении землей, и манифест получил наименование «господского»[295]. В деревне почти не было революционных демонстраций и монархических контрдемонстраций. Имели место, но не приняли массового характера нападения на представителей революционно-демократического лагеря. Интеллигенция была слишком редкой гостьей в деревне, чтобы подвергнуться серьезной опасности. Деревенские погромы во многом являлись попыткой разорвать долговую петлю, которую затянули на крестьянстве лавочники, ростовщики и шинкари. По примеру горожан крестьяне осмелились тронуть только часть торговцев, причем выбор определялся национальностью. Большинство деревенских погромов пришлось на воскресный базарный день. Поводом служили обычные ссоры между продавцами и покупателями, которые в обычные ярмарки заканчивались мирными сделками, но в октябрьские дни могли завершиться побоищами.

Вряд ли все можно списать на отсталость крестьянских масс. Самые темные люди не теряли чувства самосохране-

ния. Крестьяне прекрасно усвоили, что за посягательство на частную собственность следует суровая кара. Вместе с тем политика правительства наталкивала на мысль, что по отношению к имуществу инородцев будет сделано исключение. Ходили слухи, что царь (варианты: губернатор, земский начальник и т.д.) разрешил бить евреев. Эти слухи нельзя считать вздорными, как пытались доказать власти после погрома. Например, в черниговских селах крестьяне ссылались на разрешение, которое дал губернский предводитель дворянства князь Голицын. До нас дошли дневники его дочери, позволяющие судить о настроениях в княжеском семействе. Когда аристократическое общество узнало о погроме в соседней деревне, они «...как безумные завопили «ура». Чувство гордости за мужика, которого евреи и агитаторы совращали с пути истинного... это чувство, чувство гордости за мужика охватило нас... «Молодцы, вот так молодцы!», «Вот тебе и революция», «Вот вам монархический народ!» — кричали мы все наперерыв, охваченные, как дети, восторженным порывом»[296].

Подстрекательскую позицию заняли сельские власти. В с. Лычищи (Черниговская губ.) волостной судья И. Дюба уговорил односельчан устроить погром. На следующий день из г. Стародуба приехал сельский староста Л. Михалдык, который рассеял последние сомнения и пояснил, что в город пришло распоряжение бить евреев. Поскольку евреев в селе не было, крестьяне отправились к мельнику П. Гречихе, опрометчиво принимавшему зерно от всех жителей округи. «Михалдык стал бранить Гречиху за то, что он прячет еврейское добро, и ударил его гирею в грудь, тогда Гречиха указал мешки с зерном, а толпа разорвала их и высыпала зерно в грязь»[297].

Отдельные крестьяне поспешили в соседние города на помощь погромщикам. Зачастую они подчинялись прямому приказу сельской администрации. Так, появившиеся в г. Орше крестьяне, вооруженные железными прутьями, объясняли: «Мы ничего не знаем, нам сказал староста явиться в город с каким-нибудь орудием, кто с чем может. Если же

кто не пойдет, то должен будет заплатить 30 рублей штрафа»[298]. Иногда сельские жители проявляли своеобразную предприимчивость. Очевидцы наблюдали в Курске такую сцену: «На Московской улице к офицеру подходит деревенский мужичок в полушубке и лаптях. «Ваше благородие, — спрашивает он офицера, — где здесь нанимают?» «Куда нанимают?» — переспрашивает офицер. «Да, значит, сказывали, нанимают еврейские лавки бить... Хочется заработать, да не знаем, — к кому, в какую контору»[299].

Масштаб и вопиющий характер преступлений, совершенных во время октябрьских погромов, не позволяли предать их забвению. В Киев и Одессу были направлены сенаторские комиссии. Доклады комиссий были опубликованы и получили широкий резонанс. На эти материалы в своей последней книге «Двести лет вместе» опирался А.И. Солженицын. В других городах следствие проводилось с меньшим размахом. Тем не менее судебная машина была запущена на полный ход. По нашим подсчетам, к судебной ответственности были привлечены и осуждены 1860 человек. Большинство обвинялось по статье 269 п. 1 уложения о наказаниях, предусматривавшей ответственность за участие в толпе, которая учинила насилие над личностью и похищение, либо истребление имущества. Сама статья была включена в уложение после погромов в начале 80-х гг. XIX в. Впоследствии данную статью начали широко применять для участников аграрных волнений.

Состоялось как минимум 205 процессов по погромным делам. Некоторые участники отделались тремя неделями или несколькими месяцами содержания при полиции. Более половины осужденных получили 8 месяцев арестантских отделений. Максимальное наказание за убийства во время погромов — 10 лет каторжных работ. Черносотенцы возлагали надежды отнюдь не на гласный и состязательный суд. Приговоры они по погромным делам рассматривали лишь как промежуточный этап.

Крайне правые постарались наладить безостановочный конвейер помилования. В игру включились недавно возник-

шие черносотенные союзы, в том числе Союз русского народа и Русский народный союз имени Михаила Архангела. Черносотенцы заручились поддержкой министра юстиции И.Г. Щегловитова, стараниями которого был предельно облегчен путь прошений о помиловании. Отправляясь с ежемесячным докладом в царскую резиденцию, министр юстиции захватывал кипу всеподданнейших записок. Документы составлялись по трафарету. Вкратце излагалась суть дела, причем упор делался на смягчающие обстоятельства. Формулировки тщательно взвешивались и оттачивались в канцелярии министерства. При подготовке окончательного варианта частенько вмешивался сам министр.

По нашим подсчетам, в помиловании было отказано только 78 погромщикам, судьба 147 прошений неизвестна, 1713 человек были сочтены достойными царской милости. Однако для некоторых царская милость запоздала — они полностью или частично отбыли наказание. Точнее говоря, полностью отбыли определенный судом срок 446 человек, две трети срока — 348, половину срока — 210, одну треть срока — 436. Только 195 погромщиков не отбывали наказания совсем.

Погромы явились своеобразной пробой сил, дебютом черной сотни на политической арене. Они показали, что сторонники неограниченного самодержавия имеют поддержку в достаточно широких слоях населения. Черносотенная стихия проявила себя. Дело было за ее организационным оформлением.

Глава III

ЧЕРНОСОТЕННЫЕ СОЮЗЫ: СТРУКТУРА, ЧИСЛЕННОСТЬ, СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ

После октябрьских погромов черносотенное движение начинает приобретать размах. Бурную деятельность развили Монархическая партия, Союз русских людей, Русское Собрание.

Монархическая партия к марту 1906 г. открыла 13 районных отделов в Москве, а также отделы в Богородске, Егорьевске, Павловском Посаде, Рузе. В Тамбове возник филиал Союза русских людей. Произошло это следующим образом. На квартире ректора духовной семинарии с начала октября устраивались собрания местных правых. Обсуждался вопрос, к какой из столичных организаций присоединиться. Устав Русского Собрания показался слишком академичным, поэтому выбрали Союз русских людей. 6 ноября 1905 г. состоялось открытие отдела[300].

Как грибы после дождя, начинают расти всевозможные черносотенные организации. Одно их перечисление займет немало места: Братство свободы и порядка (Петербург), Военно-Сергиевское Пантелеймоновское братство (Москва), Всероссийский союз землевладельцев (Москва), Всесословный народный союз (Екатеринбург), Дружина «За веру, царя и отечество» (Тула), Кружок монархической молодежи (Москва), Кружок русских деятелей (Финляндия), Кирилло-Мефодиевское братство (Бердичев), Лига монархической молодежи (Варшава), Общество активной борьбы с революцией (Петербург, Москва), Общество русских патриотов (Москва), Общество старообрядцев и правых (Витебск), Партия народного порядка

(Курск), Патриотическое общество (Тифлис), Патриотическое общество молодежи «Двуглавый орел» (Киев, Екатеринослав, Нежин), Патриотическое общество «За веру, царя и отечество» (Бобруйск), Патриотическое содружество рабочих (Киев), Патриотический союз (Владимир), Покровское братство (Севастополь), Православно-софийское братство (Гродно), Русское братство (Киев), Русская партия (Седлец), Русская партия народного центра (Петербург), Самодержавно-монархическая партия (Иваново-Вознесенск), Союз «Белое знамя» (Нижний Новгород), Союз законности и порядка (Орел), Союз русских православных людей (Шуя), Союз русских рабочих (Запорожье-Каменское), Царско-народное общество (Казань).

Названия подчеркивали национальный, патриотический облик организаций. Использование патриотической и религиозной символики вообще было характерным для крайне правых. Отделы черносотенных организаций нередко добавляли к своим названиям имена почитаемых святых (Серафимский отдел в Тамбове) или русских исторических деятелей (отдел Козьмы Минина в Красноярске).

Большое значение придавалось религиозной символике. Черносотенные отделы в провинции выписывали из столицы иконы и хоругви. На этой почве вырос целый промысел. Предприимчивые торговцы печатали рекламные объявления о приеме заказов на изготовление знамен союзов. Выбор был на любой вкус: от дорогостоящих металлических сооружений с эмалью и позолоченными древками до дешевых знамен из полубархата и атласа. Наложенным платежом высылались значки союзов от серебряных до латунных. Некоторые изделия представляли художественную ценность. Хоругвь Монархической партии была изготовлена по эскизу знаменитого художника — знатока древнерусской живописи В.М. Васнецова. Но, как правило, заказчики требовали побольше украшений и сусального золота, рассчитывая блеском и пышностью привлечь неискушенных зрителей. Расчет был верным, хотя не обходилось без курьезов. Известны случаи, когда крестьяне требовали убрать из церк-

вей знамена союзов с «непристойными рисунками зверя и лягушек». Им было невдомек, что это гербы древних русских городов.

Как отмечают нижегородские историки, белое знамя впервые появилось на массовых общественных мероприятиях правых 21 октября 1905 г., а на следующий день черносотенцы Нижнего Новгорода официально объединились в Союз «Белое знамя»[301]. Местная либеральная пресса сообщала, что 23 октября 1905 г. нижегородские черносотенцы присутствовали на митинге социал-демократов. После изложения программы «женщина-оратор предложила поднять руку всем, кто за белое знамя. Поднятых рук как будто было не видно. Белые собрали свои знамена и пошли из зала, сопровождаемые смехом»[302]. Современные исследователи, наоборот, отмечают: «Черносотенное движение охватило массу нижегородцев и превратилось в самое мощное общественно-политическое движение в крае в начале века»[303].

Уязвимым местом черносотенцев была слабая организованность. Союзы их действовали вразнобой, отношения между ними были крайне запутаны. В этом они заметно отставали от либеральной буржуазии, успевшей создать кадетскую партию. Октябристы также опережали черносотенцев по степени сплоченности. Русское Собрание на правах старейшей организации попыталось направить черносотенное движение по упорядоченному руслу. В феврале 1906 г. был созван Всероссийский съезд Русского Собрания. В работе его приняли участие не только 5 отделов Русского Собрания, но и представители 23 черносотенных организаций. С этого времени монархические съезды вошли в практику. В 1906—1907 гг. состоялось четыре съезда в Петербурге и Москве[304]. В последующие годы съезды созывались гораздо реже. Кроме того, нерегулярно устраивались областные съезды, совещания представителей и уполномоченных отделов и т.д. Официально съезды именовались либо по названию организации, под эгидой которой они были созваны, либо съездами русских людей.

Монархические съезды не имели юрисдикции над черносотенными организациями, их решения не носили обязательного характера. Каких-либо норм представительства не существовало. Они проходили, как театральные спектакли. В зал вносили хоругви и знамена, сами заседания прерывались общими молитвами и церковными песнопениями. Делегаты направляли верноподданнические приветственные телеграммы в самые различные инстанции. Решения принимались за кулисами этого театра. Делегатам оставалось только аплодировать и выражать свой восторг криками «ура».

Резолюции первого съезда свидетельствуют о том, что руководителей черной сотни беспокоило распыление сил. Съезд постановил: «1) Желательно, чтобы организации, существующие в одних и тех же городах и соседних с ними местностях, объединялись по округам. Такое объединение не должно служить препятствием к соединению отдельных организаций между собой, независимо от поместного объединения. 2) Формы окружного объединения и способы его осуществления должны быть предоставлены усмотрению самих организаций, вступающих в окружную группу. 3) Число окружных групп должно быть в пределах возможностей невелико»[305].

Намеченная программа объединения была реализована только на III съезде в октябре 1906 г. Впервые черносотенцам удалось собрать представительный съезд. В зале Киевского купеческого собрания разместились 166 делегатов. Все понимали необходимость объединения. На поставленный В.А. Грингмутом вопрос: желательно ли объединение, был получен единодушный утвердительный ответ. Но дебаты показали, что черносотенцы не выработали общего взгляда на способы объединения.

Представители Русского Собрания Б.В. Никольский и А.С. Вязигин доказывали совершенную невозможность для широкой русской души сплотиться в узкую организацию и подчиниться строгой дисциплине. Их поддержал руководитель казанского царско-народного общества В.Ф. Залесский, предложивший оставить все как есть. В то же вре-

мя Б.Л. Пеликан, С.А. Чернышев, В.Г. Орлов, В.М. Пуришкевич, ссылаясь на опыт политических соперников, отстаивали объединение в рамках одной организации. III съезд принял компромиссное решение по схеме, предложенной Русским Собранием еще в феврале 1906 г. Был создан коалиционный орган — Главная управа объединенного русского народа, в которую вошли представители от трех крупнейших черносотенных организаций. Противники объединения в одну организацию постарались, чтобы Главная управа получила чисто номинальную власть.

В решениях съезда подчеркивалось, что «деятельность Главной управы не должна носить властный характер. Сообщаемые ею местным организациям предположения исполняются последними только в том случае, если они ими одобрены»[306]. Поскольку члены Главной управы проживали в разных городах и не имели возможности собираться регулярно, это исключало возможность создания крепкого ядра управления. На местах были созданы аналогичные коалиционные объединения — областные управы, которые должны были осуществлять руководство черносотенными организациями довольно обширных районов. Например, Ярославская управа руководила монархическими союзами Вологодской, частично Владимирской, Костромской и Ярославской губерний.

Наряду с этим предпринимались и другие попытки объединения черносотенного лагеря. Так, в Москве шесть монархических организаций объединились во Всенародный русский союз, приняли общий устав[307]. Одно время этот союз претендовал на лидирующую роль в черносотенном движении, но вскоре захирел.

Тем временем выдвинулась другая организация, с которой обычно ассоциируется все черносотенное движение, — Союз русского народа. Впоследствии крайне правые попытались создать романтический ореол вокруг учреждения Союза русского народа в Петербурге: «...вышли на борьбу два доктора, шесть купцов, две, три старухи-писательницы

да десяток, другой простого русского люда — рабочие, приказчики, мещане и крестьяне — и только»[308].

На самом деле в создании Союза русского народа принимали участие влиятельные силы, прежде всего Русское Собрание и правые круги, устроившие делегацию Московской добровольной охраны в октябре 1905 г. Хоругвеносцы не были инициаторами погромов, но их посещение столицы не пропало даром для крайне правых. Б.В. Никольский вспоминал, что застал хоругвеносцев у Е.В. Богдановича. Они самозабвенно врали, как обеспечили «порядок» в Москве. На Б.В. Никольского хоругвеносцы произвели огромное впечатление: «Я все время не чувствовал под собой живой простонародной почвы. Что она есть, я в том не сомневался, но где она — не знал, соприкосновения не было. И вдруг — живое соприкосновение. Понятно, что я верил, как мальчишка»[309]. Особенно запомнился некий К.К. Полторацкий — сотрудник московского охранного отделения, прикомандированный к делегации «по личной просьбе членов ее». Его фамилия была хорошо известна Д. Ф. Трепову, для которого 1905 г. начался с покушения на его жизнь на Николаевском вокзале. К.К. Полторацкий опознал в покушавшемся студенте своего племянника, а тот по примеру дяди-охранника выдал 25 коллег-эсеров. Б.В. Никольский писал: «Я восхитился им насквозь. Вот, думалось мне, самородок! Вот он, московский мещанин, скромный титан, вот та почва, на которой мы стоим, живем и строим»[310]. Б.В. Никольский свел московского мещанина (выслужившего личное дворянство за сыскные заслуги) с руководителями Русского Собрания, где давно вынашивалась мысль о создании массовой монархической партии. Начались совещания, на которые бросились все деятели Русского Собрания.

После отъезда хоругвеносцев эти совещания не прекратились. Наоборот, Манифест 17 октября и прокатившиеся по стране погромы ускорили образование союза. Можно согласиться с утверждением, что учредителями союза стали выходцы из различных слоев: интеллигенты («все отбросы Русского Собрания», по выражению Б.В. Никольского),

настоятель одного из монастырей Арсений со своей братией, купцы. Впоследствии один из них описывал свой путь в Союз русского народа: «Вскоре после издания Манифеста 1905 г. 17 октября стали идти разговоры о том, что нам, торговцам (я тогда занимался мясной торговлей), лучше будет жить по-старому, а не по-новому»[311].

Инициатива правых кругов не прошла незамеченной мимо Департамента полиции. Начальник петербургского охранного отделения А.В. Герасимов сообщал о своей беседе с заведующим политической частью Департамента полиции П.И. Рачковским: «Вспоминаю, что еще в октябре 1905 г. (до издания Манифеста 17 октября), в то время, когда повсюду шли демонстрации и стачки, я как-то в разговоре с Рачковским высказал удивление, почему не делаются попытки создать какую-нибудь открытую организацию, которая активно противодействовала бы вредному влиянию революционеров на народные массы. В ответ на это мое замечание Рачковский сообщил мне, что попытки в этом отношении у нас делаются, и обещал познакомить меня с доктором Дубровиным, который взял на себя инициативу создания монархической организации»[312]. Инициаторам устроили негласную встречу с великим князем Николаем Николаевичем. Содержание беседы с великим князем осталось неизвестным. Очевидец только отметил, что «после ухода великого князя все были довольны и сияли»[313]. Спустя месяц лидерам новой организации удалось добиться официальной аудиенции у Николая II. Царь закончил свою беседу с черносотенцами словами: «Я рассчитываю на вас».

Союз русского народа был создан на собрании учредителей 8 ноября 1905 г. Председателем Главного совета союза был избран Александр Иванович Дубровин — сравнительно малоизвестный персонаж русской истории. Он родился в 1855 г., окончил Медико-хирургическую академию, служил военным врачом, защитил докторскую диссертацию, затем осел в Петербурге, где работал в детском приюте. Во время учебы А.И. Дубровин не смог внести плату за два курса, но в 1905 г. статский советник, доктор медицины А.И. Дубро-

вин был владельцем пятиэтажного доходного дома и держателем ценных бумаг. Злые языки говорили, что он нажил состояние, врачуя детей богатых евреев. Кстати, противники А.И. Дубровина докопались (и документально подтвердили) некоторые неблаговидные факты из личной жизни главного поборника антисемитизма. Оказалось, что он сожительствовал с еврейкой, обещал жениться, а потом бросил ее с ребенком. О политических взглядах А.И. Дубровина известно только то, что он был членом Русского Собрания, ничем, впрочем, себя не проявившим. По общему мнению, А.И. Дубровин попал в председатели случайно, будучи радушным хозяином квартиры, на которой проходили собрания черносотенцев.

Начальник петербургского охранного отделения А.В. Герасимов, встречавшийся с организаторами Союза русского народа осенью 1905 г., вспоминал: «Доктор Дубровин произвел на меня впечатление очень увлекающегося, не вполне положительного человека, но искреннего монархиста, возмущенного революционной разрухой, желающего все свои силы отдать на борьбу с революционным движением. После мне рассказали, что он имел в качестве врача очень большую практику и хорошо зарабатывал, но забросил ее ради своей деятельности в монархической организации. Однако все его многоречивые рассуждения свидетельствовали о некоторой неосновательности его. Если поверить его словам, то стоило ему только клич кликнуть, и от революционеров следа не останется»[314].

Ораторскими талантами А.И. Дубровин не блистал. «Говорил он некрасиво, — вспоминал один из учредителей союза, — но с огромным подъемом, что действовало на простых людей, из которых и состояло большинство членов Союза русского народа»[315]. Зато А.И. Дубровин оказался незаурядным мастером закулисных интриг и довольно скоро установил в союзе режим личной диктатуры. На монархических съездах председателя Союза русского народа всячески превозносили. В.А. Грингмут говорил: «После 17 октября, когда все общество растерялось, он первый в Петербур-

ге собрал около себя кружок лиц для защиты устоев самодержавия», организовал «стихию, которая известна под названием «черной сотни» для борьбы с революцией[316].

Товарищ председателя Главного совета Владимир Митрофанович Пуришкевич, в отличие от председателя, пользовался всероссийской известностью. Он называл себя «великороссом», подчеркивал, что «имеет счастье принадлежать к благородному сословию», и с гордостью провозглашал «правее меня только стена». На самом деле семья Пуришкевичей по мужской линии принадлежала к духовному сословию и имела молдавские корни. Как вспоминал бессарабский губернатор князь С.Д. Урусов, «родоначальником этой семьи, составившим ей имя и состояние, был знаменитый в свое время бывший священник кладбищенской церкви, впоследствии член кишиневской консистории, составивший себе среди бессарабского духовенства громкую репутацию, отец протоиерей Пуришкевич, выслуживший для своего сына посредством Владимирского креста дворянское звание». Не считая второстепенных деталей, эти сведения были вполне достоверными. Согласно памятной книжке бессарабской губернии, Василий Пуришкевич был протоиереем кафедрального собора в Кишиневе, его сын Митрофан стал чиновником и землевладельцем. По материнской линии Пуришкевич, который ненавидел революционеров, был потомком декабриста А.О. Берг-Корниловича.

Пуришкевич окончил историко-филологический факультет Новороссийского университета с золотой медалью за сочинение об истории олигархических переворотов в Древней Греции. Еще на студенческой скамье Пуришкевич начал писать стихи. Поэтического таланта у него не было, вирши выходили слабенькими, с банальными рифмами. Проза была лучше. Однажды он даже послал свой рассказ из жизни индийских отшельников Льву Толстому, который нашел, что рассказ «недурен и по форме, и, во особенности, по содержанию». Сравнительно молодым человеком В.М. Пуришкевич стал председателем земской управы в Аккерманском

уезде. Он проявил недюжинную энергию и распорядительность во время жесточайшего голода, поразившего и центральную Россию, и плодородный юг страны. По его инициативе был устроен сбор пожертвований на бесплатные столовые для голодающих крестьян. Ему удалось открыть двадцать столовых и спасти от смерти тысячи местных жителей. Разочаровавшись в земстве, в котором, по его мнению, демократический «третий элемент» начал брать верх над дворянством, Пуришкевич в 1900 г. переехал в Петербург, поступил на службу в хозяйственный департамент Министерства внутренних дел, затем в Главное управление по делам печати. С 1904 г. в качестве чиновника по особым поручениям становится одним из помощников министра внутренних дел В.К. Плеве.

1905 год стал переломным как в политической, так и в литературной деятельности Пуришкевича. Будучи сторонником единой и неделимой России, Пуришкевич испытывал тревогу в связи с усиливающимся брожением на национальных окраинах империи. В его поэме «Туман» образы финского эпоса «Калевалы» соседствовали с прямыми угрозами финляндским сепаратистам, описанием боевых эпизодов Кавказской войны:

Кому там слава суждена?
Кому достанется она?
В аулах Ичкерии?
И льется кровь, и близок день,
Пророком быть не надо,
Восстанет в памяти Веден,
В огнях былого ада.

Отчаянием и надеждой была пронизана его поэма «Ничего», посвященная русско-японской войне, а поэма «Пахарь» отражала уверенность автора, что «душа народная», несмотря на «старания» интеллигенции, еще не окончательно погибла. В брошюре «Русская печать на заре обновления» Пуришкевич выражал беспокойство по поводу неспособности консервативных органов печати противостоять революционным идеям: «Они застыли в понимании запро-

сов народного и народной воли, жизнь проходит как бы мимо них...»

Политическая карьера Пуришкевича началась в Русском Собрании, в котором почетным членом состоял его прямой начальник В.К. Плеве. Гибель министра в результате покушения, устроенного эсерами, явилась для Пуришкевича первым признаком надвигающейся революции. В приватных беседах с членами Русского Собрания он высказывал горькие упреки в адрес председателя князя Д.П. Голицына и высших властей: «Голицын не худой человек, но пассивный, инертный, трус, выжидает, ибо не знает, чего царь хочет, а тот сам не знает». Тем не менее сам Пуришкевич долгое время проявлял пассивность, столь не свойственную его кипучей натуре. Дело было не столько в растерянности, сколько в самом складе мыслей верноподданных монархистов. Примечательно, что Пуришкевич, в отличие от московских монархистов, приступивших к созданию партии весной 1905 г., решился проявить инициативу лишь осенью, когда политическая деятельность была легализована с высоты престола.

Пуришкевич был верующим человеком. Он тщательно выполнял православные обряды, но дух христианской терпимости был бесконечно чужд ему. Свои политические идеалы он защищал с южным темпераментом. Невероятный напор, стремительная речь, сопровождавшаяся бурной жестикуляцией, манера прерывать собеседника оскорбительными замечаниями вызывали оторопь у его противников. Ему случалось посылать вызовы и драться на дуэли с людьми, не разделявшими его взглядов. Пуришкевич не принимал активного участия в подготовке программных документов Союза русского народа. Однако на его плечи легла организационная работа. Он рассылал во все уголки страны уполномоченных Главного совета, которые открывали отделы союза. Благодаря его стараниям монархисты созвали три съезда в первый год своего существования. Пуришкевич налаживал выпуск черносотенных воззваний, за полгода, согласно его отчету, было отпечатано 13 миллионов листовок. Отноше-

ния между двумя руководителями Союза русского народа были напряженными. Оба стремились к единоличной власти. Но пока А.И. Дубровин и В.М. Пуришкевич делали общее дело, стремясь расширить организацию.

Среди руководителей Союза русского народа было несколько ярких фигур. Алексей Иванович Соболевский окончил историко-филологический факультет Московского университета, защитил докторскую диссертацию, возглавил кафедру церковно-славянского и русского языка в Петербургском университете, опубликовал несколько фундаментальных научных трудов. В «Лекциях по истории русского языка» он охарактеризовал звуковые и морфологические особенности русского языка разных периодов его истории. В «Очерках русской диалектологии» он подвел итоги изучению русских говоров, дал систематическое описание украинского и белорусского языков. В «Материалах и исследованиях в области славянской филологии и археологии» исследовалась история лексики древнерусского языка и древнерусская письменность. В 1900 г. Соболевский был избран действительным членом Академии наук. Трудно сказать, что привело академика в Союз русского народа. Точно, не соображения карьеры или выгоды — с этой стороны он был человеком безупречной репутации. Очевидно, ученый узрел в черносотенных союзах оплот русских национальных традиций и культуры. Достойно упоминания, что после 1917 г. академик увидел такой же оплот в большевиках (и опять-таки по чисто идейным соображениям).

Примечательной фигурой среди деятелей Союза русского народа был вольный художник Аполлон Аполлонович Майков, сын знаменитого поэта Аполлона Майкова. Свое участие в Союзе русского народа он объяснял желанием следовать отцовским заветам. На приеме черносотенной делегации у царя Майков говорил: «Мой покойный отец имел счастье быть лично Тебе известным. Умирая, он завещал нам, детям своим: «Служите верою Государю, этим вы будете служить и России, и народу русскому»[317]. Майков был типичным рафинированным интеллигентом. Единомышлен-

ники отзывались о нем, как о человеке прекрасном, «но ни к чему не годном». Но при всем том вольный художник ведал в союзе самыми грязными делами, которых сторонились другие лидеры черносотенцев. Так, он курировал деятельность черносотенных боевых дружин.

Еще одним выходцем из Русского Собрания был присяжный поверенный Павел Федорович Булацель. Он прославился в качестве защитника обвиняемых по погромным делам. Его речь на симферопольском процессе продолжалась восемь часов подряд. Своей тактикой на судебных процессах он избрал запугивание свидетелей и глумление над пострадавшими. Надо признать, что напор столичной знаменитости приносил определенные плоды, и судьи порой позволяли превращать процессы в спектакли на тему о засилье инородцев в России. Поскольку большинство адвокатов отказывались вести дела вместе с Булацелем, ему приходилось защищать до трех десятков погромщиков одновременно. Для либеральной адвокатуры Булацель являлся изгоем. Во время суда над погромщиками из Великих Лук гражданский истец выразил общее мнение о своем коллеге: «А вот есть некто — в нашем сословии, стоящий в стороне, одинокий и оплеванный; все от него отворачиваются как от прокаженного... Нет той честной руки, которую он посмел бы пожать»[318]. Булацель также был автором острых публицистических статей, которые часто печатались черносотенной печатью.

Николай Евгеньевич Марков был сыном дворянского писателя Е.Л. Маркова. Интересно, что по своей бабке, дочери суворовского генерала Гана, он приходился дальним родственником С.Ю. Витте. Он всегда подчеркивал, что защищал и будет защищать права благородного сословия и дворянское землевладение. Однажды он сравнил помещиков с вымирающими беловежскими зубрами. Это меткое сравнение вошло в повседневный обиход, а автор справедливо заработал репутацию одного из вожаков российских зубров. Громадного роста и колоссальной силы, с курчавой головой, ниточкой усов и круглыми бешеными глазами, го-

ворящий басистым рыком, он за свое поразительное сходство с Петром Великим получил прозвище «Медный всадник». Правда, поэту Александру Блоку курский помещик напомнил «русского страшного Стеньку Разина». Марков учился в институте инженеров путей сообщения, но больших успехов не показал. Закончил институт в 35 лет и, согласно списку окончивших курс, был 139-м по успехам из 177 человек. Он был выпущен со званием инженера путей сообщения с правом на получение чина коллежского асессора. Унаследовав имение в Курской губернии, он занялся земской деятельностью. Род Марковых пользовался большим влиянием в родных местах. Как-то его родной дядя обвинил племянника в том, что тот вместе со своим братом, уездным предводителем дворянства, фактически захватил власть в губернии и на все должности рассадил своих родственников. В 1905 г. Марков организовал в Курской губернии партию народного порядка. Впоследствии эта партия слилась с Союзом русского народа, и Марков стал членом союза. Первое время Марков был в Союзе на вторых ролях. Однако после избрания в III Государственную думу он приобрел большую известность.

Среди руководителей союза русского народа был С.Я. Яковлев, которого начальник петербургского охранного отделения А.В. Герасимов, по его признанию, уполномочил «вступить в этот союз и в случае нужды информировать меня обо всем важном, что там происходит». В делах Департамента полиции сохранилась блестящая служебная характеристика охранника: «Яковлев состоял сотрудником отделения с 1899 по 1906 год, всегда ревностно исполнял возлагаемые на него поручения и способствовал борьбе с революционным движением»[319]. Примечательно одно обстоятельство. Охранке удавалось внедрить своих агентов в руководящие органы политических партий. Достаточно вспомнить одного из основателей партии эсеров, члена ЦК и руководителя Боевой организации Евно Азефа или большевистского депутата Государственной думы Романа Малиновского. Но они, разумеется, тщательно маскировали свои

связи с полицией. В отличие от тайных агентов, внедренных в другие партии, Яковлев не скрывал своего ремесла. Такого рода профессиональная деятельность находила одобрение у руководителей союза, которые, по отзывам наблюдателей, чувствовали себя в Департаменте полиции как дома.

Структура Союза русского народа отразила своеобразный процесс развития от небольшого черносотенного кружка до всероссийской организации. Первый устав Союза русского народа, по признанию его авторов, был составлен «наспех». Тем не менее он был напечатан полумиллионным тиражом и разослан по всей России. Недостатки его выявились сразу же, и в него начали вносить поправки. В незаконченном виде устав был зарегистрирован 7 августа 1906 г.[320]. Скроенный по мерке небольшой петербургской организации, он явно отставал от роста Союза русского народа. Между тем союз сразу вышел за рамки Петербурга. Всего через две недели после его создания в Ярославль прибыл представитель Главного совета — инженер А.И. Тришатный. 26 ноября 1905 г. он вместе с владельцем глазной лечебницы доктором медицины И.Н. Кацауровым открыл первый отдел Союза русского народа. Постепенно отделы Союза русского народа появились во всех крупных городах. В устав были внесены поправки, но сметанные на живую нитку швы устава буквально бросались в глаза. Устав не предусматривал никаких съездов или совещаний, зато подробно разрабатывал процедуру ежегодного собрания членов Союза русского народа. Собрание как бы олицетворяло весь союз, хотя речь могла идти только о петербургском отделе. В уставе смешивались функции руководства петербургским отделом и организацией во всероссийском масштабе. Еще не было разделения отделов по иерархии.

Следует отметить, что некоторые архаичные черты устава могли сохраняться намеренно, т. к. гарантировали привилегии создателям Союза русского народа. Например, согласно уставу, высшим органом союза было соединенное собрание членов-учредителей и Главного совета. Члены-учре-

дители — это небольшая (47 человек на 1906 г.) группа лиц, принимавших участие в организации петербургского отдела в ноябре 1905 г. Несмотря на то, что звание члена-учредителя можно было просто купить, внеся в кассу союза 1000 р., состав членов-учредителей в 1905—1907 гг. практически не менялся. Это было удобно лидерам союза, т.к. многие учредители вскоре отошли от активной политической деятельности. Соединенные собрания, которые должны были созываться не реже четырех раз в год, на деле устраивались лишь в тех случаях, когда это находили нужным руководители Союза русского народа.

Всеми текущими делами Союза русского народа ведал Главный совет, состоявший из 12 действительных членов и 18 кандидатов (фактически часть мест всегда оставалась вакантной). Первый состав Главного совета избирался членами-учредителями. Каждые три года должно было происходить его обновление, но только на одну четверть. Таким образом, некоторым членам этого руководящего органа было гарантировано 12-летнее пребывание на своем посту. Главный совет избирал председателя, двух товарищей председателя и казначея. Председатель наделялся исключительными полномочиями. «Председатель Совета союза, как основатель союза, считается председателем пожизненно и только по своему желанию может оставить должность как члена Совета, так и Председателя, но все же остается Почетным Председателем с правом председательствовать в Соединенном Собрании Совета и Учредителей». Этот пункт устава был внесен стараниями руководителя союза, стремившегося обезопасить себя от возможных конкурентов. В руках А.И. Дубровина находилась вся реальная власть в Союзе русского народа. Кандидат в члены Главного совета Е.Д. Голубев показывал, что члены совета приглашались не на все заседания. У избранного круга лиц часто бывали тайные совещания. Устав предоставлял Главному совету «право устраивать провинциальные отделы по губерниям, областям, городам, посадам, селам, волостям, приходам, деревням, причем деятельность эта по решению Совета союза

может быть поручена или дозволена и отдельным членам союза»[321].

Доверенным лицам на местах выдавались «уполномочия» на открытие отделов, но чаще всего отделы создавались специальными представителями Главного совета. Местная администрация помогала эмиссарам Союза русского народа. Впрочем, бывали случаи, когда прибытие посланца из Петербурга заканчивалось скандалом. В Уфу с полномочиями для открытия отдела был прислан Л.А.Тополев по прозвищу Гамзей Гамзеевич. Свои впечатления от встречи с ним уфимский губернатор изложил в письме к В.М. Пуришкевичу: «Мною было предложено полицмейстеру оказать всякое законное содействие г. Тополеву в выполнении возложенной на него задачи, но он содействие полиции отклонил на том лишь основании, что уфимский полицмейстер — католик; предложено ему было для ознакомления жителей с задачами Союза русского народа созвать установленным порядком собрание, но он требовал, чтобы на собрание не допускались татары и другие инородцы, и начал самолично раздавать принесенные им брошюры... Будучи направлен к полицмейстеру, Тополев ушел от него и напился пьяным до бесчувствия, так что с улицы был взят в полицейский участок для вытрезвления; протрезвившись, он снова напился и снова был взят в участок»[322].

Отделы Союза русского народа, согласно уставу, являлись слепком Главного совета: такие же соединенные собрания членов-учредителей и совета, ежегодные общие собрания и т.д. В уставе 1906 г. еще не было дифференциации отделов. Только в июле 1907 съезд председателей отделов установил соподчиненность. Главный совет был отделен от петербургского губернского и городского отделов. В губернских городах действовали губернские (областные), а в уездах — уездные (окружные) отделы Союза русского народа. Низовыми подразделениями союза были сельские подотделы и дружины. Для образования губернских советов созывались губернские съезды, в которых принимали участие председатели уездных отделов. Губернский совет состоял

из 12 человек. Такую же численность имели советы уездных отделов. В губернские советы могли приглашаться с правом совещательного голоса руководители уездных отделов. В свою очередь, в уездные советы приглашали представителей сельских подотделов и дружин.

Некоторые уставные положения в ходе практической работы были пересмотрены. В уставе говорилось, что все отделы подчиняются непосредственно Главному совету, представляют ему ежегодные отчеты и т.д. Съезд председателей отделов постановил, что «сельские подотделы и дружины сносятся по всем делам с уездным советом, уездные советы сносятся с губернскими, а губернский — непосредственно с Главным советом. Лишь в исключительных случаях за разъяснениями и запросами уездные советы, сельские подотделы и дружины могут прямо обращаться в Главный совет»[323].

Необходимо остановиться на сложных взаимоотношениях Союза русского народа с другими черносотенными организациями. Союз возник, когда во многих городах уже существовали различные монархические и патриотические общества. Довольно быстро Союз русского народа занял первенствующее, хотя и не монопольное положение среди черносотенцев. Увеличилось представительство Союза русского народа на монархических съездах. Так, из 29 организаций, принимавших участие в I монархическом съезде, было 6 отделов Союза русского народа. На II съезде из 43 организаций было 8 отделов союза. На III съезде соотношение существенно меняется: из 59 организаций 35 входили в Союз русского народа. На этом съезде Русское Собрание было представлено 17 делегатами, Союз русских людей — 12, Монархическая партия — 10, Союз русского народа — 67. III съезд признал программу Союза русского народа образцом для остальных черносотенных союзов: «...наиболее целесообразной признается программа Союза русского народа, которая должна быть разослана для ознакомления с нею всем единомышленным организациям, в надежде, что они сами постепенно к ней присоединятся»[324].

На III съезде была создана коалиционная Главная управа объединенного русского народа из трех человек, представлявших наиболее авторитетные правые организации. В состав Главной управы были избраны глава Русского Собрания (им после князя Д.П. Голицына стал князь М.Л. Шаховской), один из руководителей Русской монархической партии протоиерей И.И. Восторгов и А.И. Дубровин. Однако руководящий центр, в котором Союзу русского народа принадлежало только одно место, не мог оказаться жизнеспособным. Союз продолжал теснить конкурентов. Его лидирующее положение было закреплено IV монархическим съездом в апреле 1907 г.: «...ввиду преобладающего значения Союза русского народа, имеющего в настоящее время более 900 отделов, союзу этому предоставляется забота о возможном объединении остальных монархических организаций, не вошедших в состав Союза русского народа»[325]. IV съезд преобразовал коалиционные губернские управы в подразделения Союза русского народа. По постановлению съезда решения губернских и областных управ были обязательны только для отделов Союза русского народа. Но руководство союза считало преобразование управ удобным способом для окончательного подчинения всех черносотенных организаций. Циркуляр Главного совета, направленный в июне 1907 г., предписывал составлять управы из 12 представителей Союза русского народа и двух представителей других монархических организаций.

Лидеры черносотенных союзов с тревогой следили за расширением сферы влияния Союза русского народа. Порой дело доходило до публичных протестов. В ответ на циркуляр Главного совета собрание всех киевских монархистов 30 июня 1907 г. признало, что подписанный А.И. Дубровиным документ «заключает в себе явные признаки психического недомогания»[326]. Собрание подчеркнуло, что «созданная якобы для объединения так называемая губернская управа объединенного русского народа в Киеве принесла не объединение, а разъединение»[327]. Выпад против Союза

русского народа был с одобрением встречен в Русском Собрании. Б.В. Никольский по этому поводу писал в своем дневнике: «Надо распространить пошире постановление киевлян. Наглое самоуправство Союза должно быть прекращено»[328].

А.И. Дубровину пришлось при посредничестве В.А. Грингмута передать в Киев, что он «извиняется перед монархическими партиями города Киева за неясность циркуляра, происшедшую от редакции секретаря Главного совета и тем, что он, обремененный непосильной работой, не остановил должного внимания на этой редакции»[329]. Неуклюжие попытки свалить вину на технических исполнителей не меняли существа дела. Состоявшийся в июле 1907 г. съезд председателей отделов Союза русского народа окончательно отказался от коалиционного характера провинциальных подразделений: «...существовавшие доселе названия «Управы» заменить словом «Совет», название же «Объединенный русский народ» заменить названием «Союз русского народа»[330].

Соперники Союза русского народа попытались перехватить лидерство. В декабре 1907 г. Русская монархическая партия выступила за «немедленное преобразование патриотических союзов» на религиозно-нравственных началах. Центром объединения должна была стать Москва. Протоирей И.И. Восторгов, выражавший интересы московских черносотенцев, считал необходимым возродить бездействовавший Всенародный русский союз (фактически опиравшийся на московские организации). А.И. Дубровину была предложена сделка: «1) признайте Всенародный русский союз и всем отделам разрешите в него входить; 2) председателя в нем нет по уставу, и следовательно, ваш престиж не пострадает. ...4) совет Всенародного русского союза собирается раз в месяц. Вы будете приезжать на это собрание (как бы маленький съезд) и вас будут избирать председателем»[331].

Но этим планам не суждено было сбыться, Союз русского народа не собирался уступать лидирующих позиций. Среди причин, обусловивших превращение одного из многих крайне правых союзов в основную черносотенную организацию, было и возникновение Союза русского народа в столице, и содействие высших сфер, финансовая помощь правительства. Но главная причина заключалась в том, что основные конкуренты Союза русского народа — Русское Собрание, Монархическая партия и Союз русских людей — были элитарными организациями, не рассчитанными на привлечение широких слоев населения. С другой стороны, превратившись в основную черносотенную организацию, Союз русского народа не смог добиться полного объединения крайне правых. Если русская монархическая партия фактически растворилась в отделах Союза русского народа, то Русское Собрание, Союз русских людей и ряд мелких черносотенных организаций продолжали существовать.

К Союзу русского народа присоединились Астраханская народно-монархическая и Иваново-Вознесенская самодержавно-монархическая партии, Курская партия народного порядка, Орловский союз законности и порядка, Петербургское общество активной борьбы с революцией, Шуйский союз русских православных людей и другие черносотенные организации.

Вобрав в себя ряд черносотенных организаций, Союз русского народа вынужден был предоставить им значительную долю самостоятельности. Эти организации, будучи преобразованы в отделы Союза русского народа, сохраняли прежние названия и уставы. Многие черносотенные организации считали себя только примкнувшими к Союзу русского народа и не рассматривали циркуляры и распоряжения Главного совета как нечто обязательное. Если на них оказывали давление, они, подобно вассалам феодальной эпохи, могли покинуть союз и перейти под эгиду другой монархической организации. Союз русского народа оставался рыхлой, аморфной организацией с десятками полунезави-

симых отделов. Вот как отзывался о союзе один из его руководителей: «Там были возможны самые различные взгляды отдельных лиц, групп, даже отделов, так что говорить об этом, как о чем-то однородном целом, которое могло бы одинаково мыслить, я не могу»[332].

У черносотенцев напрочь отсутствовала дисциплина, хотя в некоторых организациях ее стремились укрепить любыми способами. В октябре 1908 г. киевский вице-губернатор направил полицмейстеру предписание, в котором была дана яркая картина порядков в киевском обществе активной борьбы с революцией (с мая 1906 г. общество присоединилось к Союзу русского народа): «...из найденной в комнате отдела «книги приказов» обнаружилось, что председатель комитета для наказания против дисциплины членов отдела и для поддержания своего авторитета прибегает к непозволительной мере, — а именно: известному числу ударов резины»[333].

Распространенным явлением в отделах Союза русского народа была постоянная грызня, взаимные стычки, иногда перераставшие в кулачные побоища. Например, член совета армавирского отдела сообщал в Петербург: «А собрания этого отдела, на что они были похожи? Начинались чин-чином с молитвы; председатель садился за стол, покрытый зеленым сукном. Потом страсти разгорались, стояла трехэтажная русская брань; и нередко заседания кончались свалкой»[334]. В междоусобной войне руководители отделов Союза русского народа прибегали к тем же методам, которые применялись для запугивания политических противников. Товарищ председателя кишиневского отдела Ф. Воловей, соперничавший с председателем того же отдела П. Крушеваном, вспоминал: «Собрал я в середине апреля общее собрание, а в эту же ночь ворвались ко мне два крушевановских молодца — и один... приставив револьвер к лицу, зарычал: «Откажись от председательства или убью»[335]. А председателя оргеевского отдела соратники по партии предупредили: придешь в союз — изувечим.

Черносотенцы хотели превратить отделы Союза русского народа в места постоянных встреч. При отделах открывались чайные. Там же происходили собрания отделов, зачитывались уставы, раздавалась черносотенная литература. Содержание чайной брал на себя либо сочувствующий идеям союза трактирщик, либо непосредственно отдел Союза русского народа. Доступ туда был открыт всем желающим, причем помимо чая и закуски можно было ознакомиться с задачами союза и вступить в его ряды. Чайные Союза русского народа заработали самую дурную славу. Своеобразный контингент посетителей погубил надежды на приток «чистой» публики. В приличном обществе со словами: «Вы не в чайной Союза русского народа!» — было принято обращаться к зарвавшемуся сквернослову. Некоторые руководители отделов также поговаривали о том, что чайные приносят один вред. Председатель полтавского отдела сообщал А.И. Дубровину, почему пришлось прикрыть такое заведение: «В столовой стали появляться отбросы общества, падшие женщины, и в довершение всего сами члены-распорядители столовой Макаренко и Кулябко по целым дням пьянствовали в той же столовой, чем показывали пример и прислуге и посетителям. Трезвый человек, видя в чайной драки, безобразия, боялся зайти»[336].

Численность Союза русского народа и других черносотенных партий всегда вызывала полярные оценки. Если сами черносотенцы уверяли, что Союз русского народа объединяет до 3 млн. человек, то политические противники крайне правых писали: «Мы, вероятно, не отступим от действительности, если скажем, что все контрреволюционные организации, даже в период своего наивысшего расцвета, располагали несколькими тысячами, максимум 1—2 десятками тысяч на всю Россию постоянных, организованных членов»[337]. В советской литературе долгое время господствовало убеждение, что активное «боевое» ядро Союза русского народа не превышало нескольких тысяч человек. Но как только исследователи обратились к архивным фондам,

представления о масштабе черносотенного движения изменились. Л.М. Спирин, применив метод экстраполяции, предположил, что «Союз русского народа насчитывал более 100 тыс. человек»[338].

Определение численности монархических организаций затрудняется тем, что вопреки требованиям устава черносотенцы не вели точной регистрации своих сторонников. В этом они мало чем отличаются от других политических партий, ни по одной из которых мы не располагаем полными списками членов. Однако дополнительные сложности возникают в связи с тем, что крайне правые, как никакие другие организации, были склонны преувеличивать свое влияние.

Официальные власти несколько раз пытались выяснить реальную силу черносотенных союзов. В 1906 г. Департамент полиции разослал секретные запросы о численности крайне правых. Ответы пришли из 22 губерний. Общая численность монархистов составила 61 450 человек. В том же году Департамент общих дел МВД провел опрос по более широкой программе. В 74 губерниях и областях численность черносотенцев была определена в 253 407 человек[339]. Наконец, в 1907—1908 гг. Департамент полиции насчитал в 78 губерниях 358 758 членов Союза русского народа и 47 794 члена других монархических организаций[340]. Шести- и пятизначные цифры вызывали подозрения даже у дружественных черносотенцам инстанций. Так, екатеринославский губернатор, сообщивший, что в подведомственной ему губернии действуют 12 600 черносотенцев, тем не менее счел своим долгом присовокупить: «Цифры, указывающие на численность монархических партий, заимствованные из представленных председателями их сведений, по моему глубокому убеждению, далеко не соответствуют действительности, так как многие лица лишь номинально состоят их членами»[341].

Советский историк А.Я. Аврех указал, что сведения, представленные местными властями, отличаются значи-

тельной неравномерностью[342]. В схожих по составу населения и уровню экономического развития губерниях власти могли насчитать и несколько десятков черносотенцев и десятки тысяч членов Союза русского народа. Несомненно, многие сведения были взяты, что называется, «с потолка». Но все это не дает оснований полностью отказаться от данного источника. У нас есть возможность косвенным путем проверить достоверность общего итога. Дело в том, что одновременно с подсчетом черносотенцев был произведен подсчет октябристов, делопроизводство которых сохранилось значительно лучше. Сопоставление двух источников дало неожиданный результат. Департамент полиции определил численность Союза 17 октября в 1907—1908 гг. в 14 035 человек. Между тем только треть отделов Союза 17 октября, численность которых известна, объединяли более 50 тыс. членов[343]. Учитывая, что властям не было смысла преуменьшать численность октябристов — партии помещиков и крупной буржуазии, оценки Департамента полиции следует признать скорее скупыми, нежели щедрыми.

Таким образом, сведения о черносотенных организациях, какими бы преувеличенными они не выглядели, можно принять в качестве рабочей гипотезы. По степени достоверности официальные данные можно разбить на три категории. В первую группу были включены абсолютно недостоверные или значительно преувеличенные сведения. Например, в 1906 г. петербургское градоначальство направило в МВД данные о 100 тыс. членов Союза русского народа в столице. Однако кассовые книги Главного совета свидетельствуют, что в 1908 г., когда союз укрепился, в Петербурге были собраны взносы всего с 2267 человек. Даже с учетом того, что часть членов Союза русского народа была освобождена от уплаты, стотысячная армия черносотенцев в столице представляется чистейшей фантазией.

В этом же ряду стоят сведения о 18 тыс. членов Союза русских православных людей, действовавшего на правах отделов Союза русского народа в г. Шуе и уездах Влади-

мирской губернии. Так, кадетский «Владимирец» поместил разоблачения бывшего товарища председателя союза, не поделившего субсидии со своим патроном М.К. Петровым: «Союзом Петров очень гордится, любой спроси, а сколько у вас людей, и он всем и всегда скажет: 18 000 человек. А ведь эту врань он не знаю с чего только берет, в союзе всего-навсего 600 человек, считая с умершими и с не желающими быть в оном»[344].

Существенные поправки в официальные цифры вносит обращение к частной переписке лидеров черной сотни. Например, херсонские власти определили численность Союза русского народа в 7416 человек. Здесь надо иметь в виду, что херсонский отдел испытывал сильную конкуренцию со стороны одесского отдела, действовавшего на территории той же губернии. Тем не менее председатель херсонского отдела И.П. Фоменко заявлял, что половина черносотенцев губернии контролируется его отделом. Б.В. Никольский запросил своего корреспондента в Херсонской губернии о реальности цифр, представленных И.П. Фоменко: «У него, как здесь говорят, 3000 с чем-то членов, меня чуть не убили, когда я сказал, что он единственный член в своей организации»[345]. В ответ сообщили, что 3000 — цифра для публики, а действительно в отделе 120 активных членов.

Вторую группу источников составляют сведения, которые нашли подтверждение при дополнительной проверке. Например, киевские власти определили численность черносотенной молодежной организации «Двуглавый орел» в 300 человек. В нашем распоряжении имеется поименный список членов общества «Двуглавый орел», правда, за несколько более поздний период. В списке — 256 фамилий[346]. Это позволяет отнести данные киевских властей к числу более или менее достоверных.

Третья группа содержит сведения, не являющиеся вымышленными, но требующие специального пояснения. Согласно сообщениям властей, численность почаевского отдела Союза русского народа в 1908 г. достигла 104 289 чело-

век. Цифра может показаться фантастической, тем более что само местечко Почаев было ничтожным по числу жителей. Однако почаевский отдел распространил свою деятельность на территорию Волынской, Подольской, частично Киевской и Бессарабской губерний. Этот регион отличался пестрым национальным и религиозным составом населения. История этих земель изобиловала драматическими событиями: завоеваниями, перекраиванием границ, освободительным движением против польских магнатов, украинской старшины, русских помещиков.

Местное население пережило религиозные преследования, католическую и униатскую пропаганду. Сочетание крупного польского землевладения с малоземельем украинских крестьян, богатого купечества «черты оседлости» с нищетой простонародья привело к тому, что классовые, национальные и религиозные противоречия сплелись здесь в тугой узел. Почаевский отдел Союза русского народа был открыт в августе 1906 г. Через полтора месяца он насчитывал 10 тыс. членов. В ноябре 1906 г. «Почаевские известия» заявили, что «союз имеет более 30 тысяч взявших билеты членов», а в июне 1907 г. та же газета сообщала: «Союз уже насчитывает в себе 130 000 домохозяев»[347]. В 1909 г. черносотенная делегация привезла в Петербург 12 кожаных книг с 1 млн. подписей и крестов под верноподданническим адресом.

Таким образом, исключив заведомо ложные сведения и учитывая возможность поголовного вступления в Союз русского народа жителей отдельных районов, можно прийти к выводу, что в конце 1907 — начале 1908 г. черносотенные организации действовали в 2208 населенных пунктах, расположенных в 66 губерниях. Всего существовало 2229 отделов монархических организаций.

Л.М. Спирин отмечал, что в фонде Союза русского народа сохранилась переписка примерно с 600 отделами. Однако такого количества отделов никогда не существовало одновременно. В союзе было 400 отделов, а общая численность организации составляла около 100 тыс. человек[348].

Действительно, в фонде Главного совета имеется переписка с 581 отделом. Но далеко не все отделы имели контакт с центром. Сельские подотделы, как правило, обращались в свои губернии. Так, почаевский отдел должен был самостоятельно руководить своими 1155 подотделами и дружинами. Следует учитывать, что делопроизводство союза отражает деятельность одной из двух организаций, на которые распался Союз русского народа в 1910—1912 гг. Документы второй организации, так называемого «обновленческого» Союза русского народа, не сохранились. Нет сомнения, что второй союз вел переписку примерно с таким же количеством отделов. Отсюда следует, что сведения о 410 тыс. членов черносотенных организаций представляются достаточно правдоподобными. Позже, в результате подсчетов по архивным материалам, примерно к такому же выводу пришел Ю.И. Кирьянов, отметивший, «что численность членов правомонархических партий в 1908 г. равнялась около 400 тыс., а в 1916 г. — 45 тыс. человек. Последняя цифра, вероятно, несколько занижена...»[349].

Четкой зависимости между уровнем экономического развития того или иного региона и степенью распространения черносотенных организаций не прослеживается. Правда, на губернии со слаборазвитой промышленностью приходилась почти половина (49,4%) членов крайне правых союзов по сравнению с 21,6% в среднеразвитых и 29% в высокоразвитых. Однако к категории слаборазвитых мы отнесли 57 губерний, а к среднеразвитым и высокоразвитым соответственно 17 и 15 губерний. Процентное отношение членов монархических организаций к общей численности населения было примерно одинаковым для всех категорий (0,4%, 0,3%, 0,3%).

В районах с почти исключительно русским населением (свыше 95%) черносотенная пропаганда не пользовалась особым успехом — не было объекта для национальной вражды. Например, в Центрально-Черноземном районе численность таких партий составляла 0,05% общего населения. Почти то же наблюдалось в регионах с прямо противо-

положной национальной структурой. Чем ниже был процент русского населения, тем меньшее распространение получили черносотенные организации. В Финляндии не было ни одного черносотенного союза, фактически не существовало таких организаций в Средней Азии. В Польше, Прибалтике, на Кавказе и в Закавказье численность черносотенцев не превышала 7,5 тыс. человек, причем почти все они были сконцентрированы в административных центрах (Варшаве, Вильно, Тифлисе).

Черносотенцы активно действовали в регионах со смешанным национальным составом — в Белоруссии, на Украине. В 15 губерниях так называемой «черты еврейской оседлости» сосредоточивалось более половины (57,6%) всех членов крайне правых организаций. Погоня за численностью, стремление отрапортовать о поголовном присоединении к союзу целых селений, улиц или кварталов приводили к тому, что большинство членов состояло в черносотенных организациях чисто номинально.

В Сибири действовал ряд черносотенных союзов, различных по численности и масштабу работы. По данным А.П. Толочко, в Красноярске в 1909 г. отдел Союза русского народа насчитывал 230 членов, в Омске (не принадлежавших к Союзу русского народа) в 1908 г. было около 300 черносотенцев[350]. В диссертации Бузмакова Е.Л. приведена сводная таблица 84 черносотенных организаций, открывшихся в Сибири в период с 1906 по 1914 г.[351]. Согласно этим данным, основанным на архивных источниках и периодической печати, в Тобольской губернии действовало 6 черносотенных организаций, в Акмолинской области — 4, Енисейской губернии — 9, Иркутской губернии — 5, Забайкальской области — 6. Больше всего черносотенных организаций насчитывалось в Томской губернии — 40, причем только в городе Томске было 6 черносотенных организаций, из них отделов Союза русского народа — 4. Большинство организаций (59 из 84) были открыты не в городах, а на железнодорожных станциях, в поселках, селах и даже деревнях. По подсчетам Е.Л. Бузмакова, общее количество

членов черносотенных организаций в Сибири составляла от 11 098 до 11 295 человек, что являлось значительным для относительно малонаселенной Сибири. Автор отметил, что практически не велась политическая деятельность в Якутской области. Можно согласиться, что следов такой деятельности в архивах не отложилось, но это не значит, что ее не было. Как-то совершенно случайно мне попалась в руки краеведческая рукопись, посвященная одному из улусов Якутской области. Оказалось, что почти половина местных тойнов до революции состояла председателями и почетными председателями сельских отделов Союза Михаила Архангела[352].

Пиком черносотенного движения были 1907—1908 гг. В этот период численность крайне правых, очевидно, перевалила за 400 тыс. В дальнейшем началось стремительное падение численности черной сотни. Разочаровавшись в программе Союза русского народа, многие из вступивших в его ряды покидают отделы. Ряд отделов продолжали существовать только на бумаге. Следует иметь в виду, что в глазах обывателей «патриотические» союзы играли роль чуть ли не правительственной партии, членство в которых сулило ощутимые выгоды. Это неизбежно приводило к притоку в ряды черносотенцев проходимцев всех мастей и просто тех, кто всегда старался присоединиться к сильному. Недаром жаловалась черносотенная пресса: «Находятся люди, примыкающие к союзам из совершенно посторонних целей, из своекорыстного желания улучшить свое положение на общественный счет: внеся ничтожный членский взнос, они предъявляют претензии, кто на получение ежемесячных пособий, а кто ссуд»[353]. Жандармский генерал А.В. Герасимов вспоминал, как в 1911 г. Департамент полиции запросил у охранных отделений и губернских жандармских управлений сведения о черносотенцах, направлявших телеграммы на высочайшее имя: «Ответы были получены больше, чем из 100 пунктов. В большинстве своем они были прямо убийственны для СРН. Состав отделов и подотделов СРН обычно не превышал 10—20 человек. Руководителями же были часто люди опороченные, проворовавшиеся чи-

новники или исправники, выгнанные за взятки со службы; некоторые по настоящее время состояли под судом и следствием»[354].

Говоря о черносотенных союзах, надо учитывать, что каждая из политических партий, действовавших в России, выработала специфическую модель партийной организации. Так, для нелегальной партии большевиков был характерен централизм и строгая дисциплина. Кадеты выбрали иную модель, близкую к западноевропейским политическим партиям, активно функционировавшим в период избирательных кампаний. Черносотенцы, не сумев создать единой партии, пришли к конгломерату близких по духу, но практически независимых союзов с расплывчатыми критериями членства. В такую модель изначально закладывались недостатки, впоследствии способствовавшие крушению крайне правых. Но при решении определенного рода задач слабость черной сотни оборачивалась ее силой. Прежде всего следует подчеркнуть гибкость такой модели. Черносотенцы, предлагая на выбор ряд организаций, могли привлечь под свои знамена социальные группы с различными, порой даже противоположными интересами. Они были единственной партией, которой удавалось заручиться голосами и в помещичьей, и в крестьянской куриях. Черносотенной организацией было Русское Собрание, куда входили крупные землевладельцы, но черносотенной организацией были и сельские подотделы Союза русского народа, состоящие из крестьянской бедноты.

Пестрота социального состава была характерной чертой черносотенных союзов. Первые их организации были более однородны. Известен состав Русского Собрания (фактически только петербургского отдела) за 1906 г. Большая часть — 1677 членов его — принадлежала к сословию дворян. В организации было всего 2 крестьянина (оба занимались торговлей) и 75 представителей титулованной знати. Самую большую группу членов Русского Собрания составляло чиновничество (33,1%). Далее шли военнослужащие (22,3%), преподаватели, врачи, инженеры, представите-

ли свободных профессий (18,3%), купцы и предприниматели (6,3%), духовенство (3%), помещики (2,6%). О занятиях 14,4% членов Русского Собрания сведений нет.

Небольшое количество помещиков объясняется тем, что в списках Русского Собрания они чаще всего проходили как государственные служащие. Именно гражданская и военная бюрократия, яростно порицаемая черносотенной пропагандой, занимала ключевые позиции в Русском Собрании. Правда, в эту группу входило немало членов семей высокопоставленных чиновников, вдов сановников, отставных генералов. Однако Русское Собрание вовсе не было собранием сиятельных, но лишенных реальной власти старцев. На действительной службе находились 703 черносотенца, и почти треть этого числа принадлежала к 4 первым классам табели о рангах. В рядах Русского Собрания было 6 губернаторов, 10 сенаторов, 9 членов Государственного совета[355].

Массовое черносотенное движение изменило облик крайне правых организаций. Монархисты со стажем брезгливо сетовали, что после погромов в правые организации повалили «простонародье», «серый элемент», «подонки общества». В новых организациях черной сотни явственно выделились два слоя: верхи и низы. Наименее аристократичной из правых организаций была руководящая верхушка Союза русского народа. Достаточно сравнить состав членов — учредителей Союза русских людей и Союза русского народа. Численность членов-учредителей была почти одинакова: 48 — в первом, 47 — во втором. Но в Союзе русских людей 31 член-учредитель принадлежал к дворянскому сословию, в Союзе русского народа — 15, духовенство было представлено соответственно 2 и 1 учредителем, почетных граждан было поровну — по 2 человека, купцов среди учредителей Союза русских людей насчитывалось 4, а в Союзе русского народа — 13, мещане не фигурировали ни в том, ни в другом списках, среди членов — учредителей Союза русских людей было 2 крестьянина, в Союзе русского народа — 8

крестьян. Сословная принадлежность остальных учредителей не установлена.

Несколько сложнее обстоит дело с анализом социального состава Главного совета Союза русского народа и председателей крупнейших отделов, поскольку происходила постоянная смена лиц. В 1905—1907 гг. членами и кандидатами в члены Главного совета Союза русского народа были 34 человека. Из них дворян — 17, почетных граждан — 5, купцов — 4, мещан — 1, крестьян — 4, лиц с неустановленной сословной принадлежностью — 3. Удалось определить сословную принадлежность 44 председателей губернских отделов Союза русского народа. Из них дворян было 29, священнослужителей — 5, купцов — 6, мещан — 2, крестьян — 2. В 1908 г. в Главном совете происходят изменения. Если раньше в нем был только один помещик и ни одного священнослужителя, то в июле 1908 г. высший орган Союза русского народа пополнился сразу 4 помещиками и 3 священнослужителями. Причем среди помещиков был 1 губернский и 1 уездный предводитель дворянства, а среди священнослужителей 1 епископ.

Социальный облик руководителей монархических организаций менялся в зависимости от ранга организации. Эту тенденцию можно проиллюстрировать, взяв вертикальный срез, например, по Витебской губернии. В совете губернского отдела Союза русского народа было 6 дворян, 1 священник, 7 мещан. В совете уездного отдела (г. Себеж Витебской губернии) — 1 дворянин, 1 священник, 1 купец, 4 мещанина, 8 крестьян. В совете отдела Союа русского народа в посаде Должицы той же губернии — 11 мещан и 1 крестьянин, в совете подотдела Союза русского народа села Телятино той же губернии — 1 дворянин, 1 священник, 12 крестьян.

Значительная часть руководителей черной сотни принадлежала к интеллигенции. Это были преподаватели, врачи, юристы и инженеры. Русское Собрание сплотило в своих рядах реакционную профессуру (как правило, гуманитарных специальностей). Среди вождей черной сотни были по-настоящему крупные ученые, как, например, академик

А.И. Соболевский. Из представителей точных наук можно назвать члена Главного совета, хранителя Горного музея Н.П. Покровского. Но были и мракобесы с профессорскими званиями. По поводу основателя Царско-народного общества профессора Казанского университета В.Ф. Залесского ректор университета был вынужден обратиться с жалобой к министру народного просвещения. Черносотенный профессор на своих лекциях по философии доказывал «умственное убожество Спинозы и Гейне». Большинство преподавателей-черносотенцев занимало посты директоров или инспекторов гимназий. Инженеры обычно состояли на государственной службе и обладали высокими чинами. Вступавшие в черносотенные союзы врачи, как правило, принадлежали к имущим классам. Например, председатель ярославского губернского отдела Союза русского народа доктор медицины И.Н. Кацауров был владельцем крупной глазной лечебницы.

В руководящие органы монархических союзов входили представители буржуазии. Некоторые из членов Главного совета: оптовый рыботорговец И.И. Баранов (казначей союза), председатель совета гостиного двора П.П. Сурин, члены-учредители союза купец I гильдии П.П. Цветков и банкир М.И. Дубинин — пользовались определенным весом в петербургском деловом мире. В числе членов монархических союзов было немало состоятельных людей, однако напрасно было бы искать среди них представителей известных купеческих фамилий, фабрикантов, финансистов. В подавляющем большинстве это недавние выходцы из низов, сколотившие свои состояния грубыми методами первоначального накопления капитала, включая преступные способы. Руководителю самарских монархистов купцу Кореневу местные власти дали следующую характеристику: «До возникновения в Самаре Союза русского народа Коренев был известен только как ростовщик, всеми презираемый»[356]. Об одном из лидеров курской черной сотни Сушкове полиция отзывалась так: «...содержатель трактира, великолеп-

ный оратор (молва говорит, что в молодости он убил своих отца и мать)»[357].

Одни торговцы пришли в черную сотню в погоне за выгодой, другие являлись фанатичными сторонниками самодержавного строя, не жалея для дела собственных средств. Типичным фанатиком, даже на грани психического расстройства, был, по отзывам современников, председатель астраханской народно-монархической партии Н.Н. Тиханович-Савицкий. Образовательный уровень черносотенного купечества был крайне невысок. Руководитель монархистов в г. Козлове, как сообщали жандармские власти, «купец Дедов, очень убежденный, но, к сожалению, неграмотный»[358]. Купцы, вошедшие в черносотенные организации, принадлежали к тем слоям торгово-ростовщической буржуазии, которые были социально ориентированы на старые, патриархальные порядки и являлись решительными противниками введения даже минимальных буржуазных свобод.

Военнослужащим и чиновникам запрещалось вступать в политические партии. Однако для черносотенных организаций было сделано исключение. К военному министру А.Ф. Редигеру неоднократно обращались высокопоставленные офицеры за разрешением участвовать в монархических союзах: «Я лишь мог указать им на приказ, от которого я не имел права делать изъятий, обещав, однако, не знать об их участии в этих союзах»[359]. Наличие офицеров в Русском Собрании вызывало недоумение даже в правых кругах. Князь В.В. Мещерский в январе 1906 г. писал: «Во всем мире офицерам запрещается приобщаться открыто к каким-нибудь политическим собраниям, а у нас, в самодержавном государстве, дается разрешение офицерам в форме бывать в политическом собрании, ибо Русское Собрание за последние годы, благодаря разным Никольским, стало прямо политическим собранием»[360].

Право гражданских чиновников вступать в черносотенные союзы было закреплено официально. В ноябре 1906 г. последовало разъяснение, что состоящим на государствен-

ной службе воспрещается членство только в антиправительственных партиях, но отнюдь не в монархических организациях. С тех пор начальство усердно загоняло в правые партии своих подчиненных. «Особенно рекомендует начальство партию истинно русских людей и партию правого порядка, — сообщал в частном письме служащий Государственного банка, — в Киеве, на совещании, жандармский полковник назвал последнюю очень симпатичной партией, а губернатор напирал на конституционный характер истинно русских...»[361].

В г. Александровске, докладывал екатеринославский губернатор, «союз образовался не только под покровительством, но почти по инициативе местных правительственных служащих, причем в его главе основными деятелями стали жандармский ротмистр Будаговский, судебный следователь Майдачевский, исправник Вивульский и некоторые другие полицейские лица»[362].

Губернаторы и командующие округами не могли входить в черносотенные союзы. Однако ни для кого не было секретом, что ряд высших должностных лиц энергично поддерживали черную сотню. Личное членство не играло особой роли. Так, председатель вологодского отдела СРН писал в августе 1906 г., что местный губернатор, «хотя и беспартийный, приносит нашему союзу пользы гораздо больше, чем самый лучший член союза»[363]. Еще с погромов начал тесное сотрудничество с черной сотней тульский вице-губернатор А.Н. Хвостов. Связи с черной сотней он поддерживал, будучи губернатором в Вологде и Нижнем Новгороде. От крайне правых бывший губернатор был избран в IV Государственную думу и вошел в Главный совет Союза русского народа. Когда А.Н. Хвостов был назначен министром внутренних дел, он покинул Главный совет, но ничуть не изменил своих черносотенных убеждений.

Покровителями черной сотни зарекомендовали себя петербургский градоначальник В.Ф. фон дер Лауниц и ярославский губернатор А.А. Римский-Корсаков. В ярославском архиве сохранился дневник местного жителя, который

не очень грамотно, зато живо и непосредственно описал отношение черной сотни к смене любимого губернатора: «Как только услыхали, что почетный член от них уезжает в сенаторы, стали жалеть его и боялись приезда нового губернатора. Собрались к Кацаурову и составили телеграмму на Высочайшее имя Государю Императору и просили оставить им губернатора Римского-Корсакова. Но ответа не было — довольно пролили крови досыта, и новый губернатор приехал, но не черный, а для всех одинаковый, и черная сотня потеряла свое могущество и боевую славу»[364]. Сенатор через некоторое время стал членом Главного совета Союза русского народа.

Особый вопрос — это взаимоотношения черносотенцев и Русской православной церкви. Уже отмечалось, что программные документы черносотенных союзов подчеркивали особую приверженность к православию. Черносотенцы были глубоко верующими людьми и считали необходимым поднять значение Церкви во всех сферах жизни. «Основоположения» Союза русского народа провозглашали: «В общественных делах и самоуправлении Православная церковь должна иметь непосредственное участие, а в приходской жизни она должна быть единственной устроительницей и руководительницей»[365]. Ряд высших православных иерархов с самого начала видел в черносотенцах верных детей Церкви и пастырским словом и делом поддерживал их начинания.

Убежденным сторонником черносотенного движения зарекомендовал себя архиепископ Антоний (Алексей Павлович Храповицкий). Он родился в 1863 г. в семье генерала Храповицкого, в будущем одного из героев русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Склонность к духовному служению Алексей Храповицкий обнаружил в молодые годы. Он был близок к Ф.М. Достоевскому, и, как говорят, охваченный духовными исканиями юноша стал прообразом Алеши Карамазова. В возрасте 22 лет он постригся в монахи. Вскоре Антоний стал ректором самого авторитетного православного учебного заведения — Московской духовной академии, затем был поставлен в епископы Уфимские, потом получил

Волынскую епархию, был архиепископом Харьковским, митрополитом Киевским и Галицким. В 1917 г. Антоний являлся одним из кандидатов в патриархи Московские и всея Руси. В эмиграции он возглавил Русскую православную церковь за рубежом, которая и по сей день не воссоединилась с Русской православной церковью.

Архиепископ Антоний был высокообразованным человеком, серьезным философом и богословом, написавшим большое количество философских и теологических трудов. Он входил в научные общества, полемизировал с В.С. Соловьевым и Н.А. Бердяевым. Однако его нельзя было назвать монахом, отрешенным от суетной земной жизни. Подобно многим общественным деятелям консервативно-монархических убеждений, он входил в Русское Собрание. Политической деятельностью он начал активно заниматься в 1905 г. в сане архиепископа Волынского и Житомирского. В его епархии возник самый многочисленный из всех отделов Союза русского народа — почаевский отдел. Духовным центром черносотенного движения на Волыни стала Почаевская лавра. У этой монастырской обители на западных рубежах империи было униатское прошлое, но перейдя в лоно православия, монахи лавры словно замаливали старые грехи, неустанно проповедуя среди окрестного населения. Лавра славилась не только усыпанной изумрудами чудотворной иконой Богоматери, но и хорошо поставленной монастырской типографией. Ее заведующий архимандрит Виталий использовал печатные издания для пропаганды черносотенных взглядов. Архимандрит был истинным подвижником. Для него, кандидата богословия, была открыта блестящая церковная карьера. Но архимандрит Виталий отказывался от самых лестных предложений, предпочитая тяжкий труд в типографии, где печатался черносотенный «Почаевский листок». Архиепископ Антоний с восхищением отзывался о его неутомимых трудах: «Прошлым летом он прошел пешком около 900 верст с проповедью, да и дома в лавре всегда беседует с приходящими крестьянами либо пишет статьи для «Листка», худой, почти чахоточный,

никогда не смеющийся, но часто плачущий». По отзывам других людей, архимандрит Виталий действительно был бессребреником и подвижником, но в то же время фанатиком, напрочь лишенным христианской кротости и терпимости.

Откликаясь на призывы из лавры, епархиальное духовенство без долгих разговоров записывало прихожан в Союз русского народа. Один из волынских крестьян так описывал присоединение своей деревни к почаевскому союзу: «Нам объявили после обедни собраться через час к церкви для открытия союза. Мы собрались. Батюшка отслужил молебен; осенил нас крестом в знак того, что мы должны слиться в один союз, так как и крест Христов — один. После этого мы все единодушно перед дверьми Покровской церкви избрали председателя союза, товарища его и двух советников»[366]. Черносотенные традиции были заложены прочно, в чем пришлось убедиться епископу Евлогию (В.С. Георгиевскому), сменившему архиепископа Антония в Волынской епархии. Новый владыка был человеком монархических и консервативных убеждений, но не одобрял крайностей. Однако ему скоро пришлось убедиться в том, что волынское духовенство настроено очень «право». Епископ Евлогий вспоминал, что кафедральный протоиерей прямо ему заявил: «Мы все черносотенцы»[367].

Близким к крайне правым был епископ Гермоген (Георгий Ефремович Долганов), ныне причисленный Русской православной церковью к лику священномучеников. Он родился в 1858 году в семье единоверческого священника Херсонской епархии. Окончил полный курс юридического факультета Новороссийского университета и там же прошел курсы математического и историко-филологического факультетов. Затем он поступил в Петербургскую духовную академию, где принял монашество с именем Гермоген. После завершения учебы он был назначен инспектором, а затем ректором Тифлисской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита. Семинария считалась рассадником вольномыслия. Один из семинаристов вспоминал: «Тайно,

на занятиях, на молитве и во время богослужения, мы читали «свои» книги. Библия лежала открытой на столе, а на коленях мы держали Дарвина, Маркса, Плеханова и Ленина». Ректору Гермогену приходилось наказывать смутьянов, о чем свидетельствовала, например, запись в журнале поведения по поводу дерзостей, допущенных учеником пятого класса Иосифом Джугашвили: «Сделан был выговор, посажен в карцер по распоряжению отца ректора на пять часов»[368]. Но вопреки неправильному мнению, Гермоген не исключал из семинарии будущего вождя коммунистической партии и главу Советского государства. Сталин бросил учебу сам, хотя потом и писал в партийных анкетах: «Вышиблен из православной духовной семинарии за пропаганду марксизма».

В 1901 г. Гермоген покидает Кавказ. Он был возведен в сан епископа и получил Саратовскую епархию. По своему характеру епископ Гермоген напоминал архимандрита Виталия. Епископ Евлогий вспоминал о нем: «Аскет, образованный человек, добрейший и чистый, епископ Гермоген был, однако, со странностями, отличался крайней неуравновешенностью, мог быть неистовым. Почему-то он увлекся политикой и в своем увлечении крайне правыми политическими веяниями потерял всякую меру». И еще одно замечание Евлогия о просвещенном Гермогене, имевшем четыре высших образования: «Интеллигенцию он ненавидел, желал, чтобы всех революционеров перевешали». В 1905 г. епископ Гермоген пытался красноречивыми проповедями воздействовать на народ, призывая его к повиновению властям. В феврале 1905 г. он отслужил панихиду по великому князю Сергею Александровичу, погибшему от рук террористов. В своем слове епископ подчеркнул, что в кровавой смерти его повинны не только террористы, но и русское общество, многие члены которого мало веруют, не исполняют и даже отвергают уставы и устои государственные.

В число сторонников черносотенных союзов входила большая группа архиереев: епископ Курский Питирим, епископ Тамбовский Иннокентий, архиепископ Томский Ма-

карий, епископ Енисейский и Красноярский Евфимий, епископ Омский и Семипалатинский Гавриил. Будущий патриарх Московский и всея Руси, в 1907—1913 гг. архиепископ Ярославский и Ростовский Тихон (в миру Василий Иванович Белавин) был почетным председателем местного отдела Союза русского народа.

Знамя Союза русского народа освятил протоиерей Иоанн Сергеев, настоятель Андреевского собора в Кронштадте, причисленный Русской православной церковью к лику святых. Иоанн Кронштадтский был основателем Дома Трудолюбия. Его пастырская и благотворительная деятельность еще при жизни принесла ему славу праведника и даже пророка, а его проповеди в сотнях тысяч экземпляров расходились по всей России. Но были у него и враги, называвшие его оборотистым дельцом, извлекавшим выгоду из своей репутации чудотворца и целителя. Иоанн Кронштадтский тоже обличал своих противников, одним из которых он считал Льва Толстого — «сына противления» и «предтечу антихриста». В своих проповедях он проклинал писателя за то, что тот совратил безбожным учением едва не третью часть русской интеллигенции, особенно юношество, и предрекал ему лютую смерть без покаяния. Антисемитизм был чужд Иоанну Кронштадтскому. Широкую известность получило его послание по поводу кишиневского погрома 1903 г. «Русский народ, братья наши! Что вы делаете? — вопрошал он. — Зачем вы сделались варварами, — громилами и разбойниками людей живущих в одном с вами отечестве, под сенью и властью одного русского царя и поставленных от него правителей? Зачем допустили пагубное самоуправство и кровавую разбойническую расправу с подобными вам людьми?»

Вместе с тем Иоанна Кронштадтского не оттолкнула антисемитская программа черносотенцев. Иногда можно прочитать, будто Иоанну Кронштадтскому был выписан билет Союза русского народа № 1. На самом деле это легенда. Однако правда, что он в ноябре 1907 г., уже будучи тяжело больным, решил вступить в Союз русского народа. Его заяв-

ление показывает, что именно он считал главным в деятельности черносотенцев: «Желая вступить в члены Союза русского народа, стремящегося к содействию (всеми законными методами) правильному развитию начал Русской Церковности, Русской Государственности и Русского Народного хозяйства на основе Православия, неограниченного Самодержавия и Русской Народности, прошу как единомышленника зачислить и меня», он был принят в союз незамедлительно и без соблюдения формальностей. В графе «Подпись лица рекомендовавшего» рукою председателя Главного совета А.И. Дубровина было написано: «Не требуется».

Одним из сподвижников Иоанна Кронштадтского был протоиерей Иоанн Восторгов, также причисленный к лику священномучеников. Его имя уже неоднократно упоминалось в этой книге. Иоанн Восторгов родился в 1864 г. в семье сельского священника в кубанской станице. Он окончил духовную семинарию, но сначала служил учителем русского языка в Ставропольской женской гимназии. Духовный сан он принял после смерти брата по настоянию матери. Вскоре Иоанн Восторгов был назначен на должность епархиального миссионера Грузинского Экзархата. Три года он провел в Персии, потрудившись над делом присоединения сиро-халдеев к православию. Вернувшись в Россию, он получил назначение синодальным миссионером-проповедником и стал редактором московского церковного журнала. Всю жизнь Иоанна Восторгова преследовали обвинения в растлении малолетних учениц. Он с негодованием отвечал, что это клевета, пущенная его врагами, которые не могут простить ему миссионерской деятельности.

Может быть, поэтому он в декабре 1907 г. с таким чувством произнес проповедь в Андреевском соборе вместо тяжелобольного Иоанна Кронштадтского: «И вот в последние годы, когда назревала и прорвалась гноем и смрадом наша пьяная, гнилая и безбожная, безнародная, самоубийственная революция, мы увидели страшное зрелище. Ничего не пощадили ожесточенные разбойники, не пощадили ни веры, ни святынь народных. И старец великий, светило

нашей Церкви, отец — отцов славная красота, честь нашего пастырства, человек, которым гордилась бы каждая страна и каждый народ, — этот старец на глазах у всех возносится на крест страданий, предается поруганию и поношениям; его честь, его славу, его влияние расклевывают «черные вороны». Поползла гнусная сплетня; газетные гады, разбойники печати, словесные гиены и шакалы, могильщики чужой чести, вылезли из грязных нор. Еврействующая печать обрушилась грязью на о. Иоанна. Нужно им разрушить народную веру; нужно опустошить совесть народа; нужно толкать народ на путь преступления; нужно отомстить человеку, который так долго и успешно укреплял веру, воспитывал любовь к Царю и родине, бичевал всех предателей, наших Иуд и разрушителей родины, начиная от Толстого и кончая исчадиями революции».

Архиепископ Антоний Волынский говорил, что он нисколько не сомневается в том, что, если бы Серафим Саровский, митрополит Филипп, Нил Сорский, патриарх Ермоген, Авраамий Палицын и другие жили бы в наше время, они бы все оказались на стороне Союза русского народа. Однако далеко не все представители духовенства были единодушны в поддержке черной сотни. Собрание ярославского духовенства, вопреки позиции собственного епископа Тихона, выразило отрицательное отношение к открытию в городе отдела Союза русского народа. При этом «председатель собрания назвал этот союз «анахронизмом и политическим недоразумением после 17 октября»[369]. Точно так же неоднозначную реакцию вызвало обращение епископа Омского и Семипалатинского Гавриила, призвавшего всех сплотиться и составить Союз русского народа, направленный против врагов Отечества, которые стремятся превратить Россию из чистой монархии в полумонархию или конституционно-демократическое государство, или даже народоправство. В газете «Степное эхо» один из авторов, назвавший себя «сельский священник», указал на то, что местное духовенство не желает просвещаться в духе человеконенавистничества, к чему призывают епархиальные ведомости. Забайкаль-

ское духовенство, вопреки позиции епископа Мефодия, на своем общем собрании приняло решение не принадлежать ни к одной политической партии[370]. В Красноярской епархии священник из глухого таежного прихода писал в местный отдел Союза русского народа: «Напрасно вы себя утруждаете посылкой мне изданий союза, советую вам раздать их в ночлежных домах кому-нибудь, а нам, иереям, стыд читать их»[371].

В противоположность архиереям, поддерживавшим черносотенцев, наметилась группа православных владык, осуждавших деятельность крайне правых. Резкую отповедь получили черносотенцы от владимирского архиепископа Николая. Первоприсутствующий член Святейшего Синода митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний (А.В. Вадковский) заявил делегации черносотенцев: «Правым вашим партиям я не сочувствую и считаю вас террористами: террористы-левые бросают бомбы, а правые партии, вместо бомб, забрасывают камнями всех с ними несогласных».

В декабре 1906 г. глава Союза русского народа А.И. Дубровин совершил беспрецедентный поступок, опубликовав в газете «Русское знамя» открытое письмо первоприсутствующему члену Синода. Он резко обрушился на заявление митрополита о том, что духовенство должно оставаться вне политики: «...не умываете ли Вы руки подобно Пилату? И водою ли? Не кровью ли Русского народа?! Можно ли, в самом деле, при переживаемых обстоятельствах стоять «вне и выше политики»?!» Письмо завершалось недвусмысленной угрозой: «По моему глубокому убеждению, перед Вами два выхода: или станьте на высоте Вашего положения и дайте благословение Русским Православным людям, стоящим за Веру, Самодержавного Царя и Русский народ, призовите к этому же духовенство и не гоните его за патриотизм, или... или уйдите. Иных выходов нет; настоящее положение невыносимо, не гоните русских патриотов отрадной Церкви, в которой Вы первостоятель и первосвятитель. Вы стали немощны телом. Может быть, в сла-

бом теле Вашем уже не будет мощно действовать дух... Тогда уступите свое место иному, могущему. Среди архипастырей русских найдутся, мы уверены, крепкие столпы Веры, патриотизма и преданности Царю Русскому, Самодержавному, народу свято-Русскому, Православному. Пусть такой первосвятитель не угоден будет евреям и еврействующим, пусть бешено опрокинутся на него либералы, кадеты, революционеры, пусть даже мученически прольется его кровь от руки злодеев-крамольников! Лилась же и льется на Руси кровь Русских невинных людей и многих верных слуг царевых. Мы окружим такого первосвятителя благоговейной преданностью, мы станем около него стеной, а по смерти сама могила его станет нам источником живой силы и вечного воодушевления»[372].

Митрополит Антоний (Вадковский) писал обер-прокурору Синода П.П. Извольскому: «За веру Православную, за Царя Самодержавного и за народ Русский православный я душу отдам, но не под знаменем таких людей, как Дубровин и ему подобных». Вместе с тем митрополит был вынужден оправдываться по всем пунктам предъявленных ему обвинений. Обращает на себя внимание, что письмо Дубровина содержало сведения о внутрицерковных делах, взаимоотношениях между иерархами, обстоятельствах назначения на кафедры и прочих подробностях, вряд ли известных мирянину. По свидетельству его биографов, митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский) прекрасно понимал, что А.И. Дубровин только поставил свою подпись под письмом, подготовленным другими. Среди них, по слухам, были архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий) и протоиерей Иоанн Восторгов. Борьба за привлечение духовенства была завершена в 1908 г. Съезд председателей и уполномоченных отделов Союза русского народа в феврале с прискорбием констатировал, что духовенство не вступает в союз. Съезд просил Синод, «чтобы всему русскому православному духовенству преподано было от Святейшего Синода открытое и официальное разрешение и

благословение на безбоязненное служение в составе Союза русского народа»[373].

Капитуляция первоприсутствующего члена Синода была предрешена. На монархическом съезде в феврале 1908 г. произошло публичное примирение и лобызание митрополита Антония с А.И. Дубровиным. В марте Синод определил предоставить епархиальным преосвященным, по ближайшему их усмотрению, разрешать и благословлять участие подведомственного им духовенства в деятельности Союза русского народа. Часть церковных иерархов поспешила воспользоваться данным разрешением. Почетными и действительными председателями отделов союза стали 2 митрополита, 9 архиепископов и епископов. Особенно широко было представлено духовенство в низших звеньях черной сотни. Примерно треть всех сельских отделов союза возглавляли священники. Как отмечала черносотенная пресса, «даже тогда, когда председателем отдела местный крестьянин, то все-таки священник, настоятель прихода руководит отделом своими советами»[374].

Как и все политические партии, черносотенные союзы поглощали значительные денежные суммы. Русское Собрание ежегодно тратило около 25 тыс. р. (в 1910 г. — 24 990 р., в 1911-м — 25 120 р.)[375]. Годовой бюджет губернских отделов Союза русского народа колебался в пределах 2—6 тыс. р.[376]. Бюджет Главного совета превышал 100 тыс. р.[377].

Откуда поступали деньги в кассу черносотенных организаций? Членские взносы не могли служить основным источником формирования денежных фондов. Только в Русском Собрании годовой взнос составлял 5 р., в остальных черносотенных союзах взносы были гораздо ниже. Например, в Союзе русского народа был установлен взнос — 50 к. в год. К тому же устав допускал освобождение от уплаты неимущих членов союза. Во многих отделах плата взималась не единовременно, а в рассрочку — по пятачку в месяц.

Взносы выплачивались крайне нерегулярно и покрывали ничтожную долю издержек. Устав Союза русского народа

оговаривал, что «отделы уплачивают в Главную кассу союза в Петербурге ежегодно со своих доходов известный процент, по обоюдному соглашению Главного совета и совета отдела»[378]. На самом деле финансирование чаще шло в обратном направлении: сверху вниз. Судя по кассовой книге, членские взносы компенсировали менее одного процента расходов Главного совета (0,6% за 8 месяцев 1907 г. и 0,9% за 1908 г.)[379].

На один из источников, за счет которых черносотенцы покрывали дефицит своего платежного баланса, указывал протоиерей И.И. Восторгов. «Вы знаете, — сообщал он В.М. Пуришкевичу, — что мы получаем помощь от архиереев, монастырей, благочестивых и набожных мирян»[380]. Хотя общая сумма пожертвований не установлена, известно, что И.И. Восторгов передал Главному совету 13 тыс. р., а Иоанн Кронштадтский — 10 тыс. Деньги поступали от помещиков, купцов и предпринимателей. Крупные суммы внесли княгиня Андроникова и княгиня Абамелек. Сторублевые ассигнации приложили к своим подписям члены-учредители Союза русского народа из столичного купечества. Но все это меркнет перед вкладами вдовы крупного издателя Е.А. Полубояриновой, впоследствии занявшей пост казначея Главного совета. По ее утверждению, она лично «затратила на союз за все время не менее 500 000 руб.»[381]. Акционерные компании также выделили средства для крайне правых.

Черносотенцы получали пожертвования не только в денежной форме. «Истинно русский» владелец пивного склада М.Л. Альмендингер подарил таврическому отделу Союза русского народа имущества на 3800 р., а одесский купец М.И. Синицын пожертвовал черносотенцам участок земли и строения на нем на сумму 330 тыс. р. Такие строения черносотенцы часто пускали в оборот. Так, кишиневский отдел Союза русского народа сдавал для концертов, театральных спектаклей и вечеров принадлежавшую ему Пушкинскую аудиторию. В 1911 г. от сдачи аудитории в аренду

кишиневский отдел получил 4240 р. 75 к. из 4926 р. 75 к. всех поступлений в кассу отдела[382].

Среди современников было распространено убеждение, что черносотенные союзы существуют за счет казенных субсидий. Надо сказать, что сами черносотенные руководители подозревали друг друга в причастности к правительственной кормушке. Председатель кишиневского отдела П.А. Крушеван на собрании отдела заявил, что, по его сведениям, через руки А.И. Дубровина бесконтрольно прошли 300 тыс. р. В свою очередь, А.И. Дубровин полагал, что его заместитель В.М. Пуришкевич ежегодно получает 40 тыс. р. Б.В. Никольский с завистью писал в сентябре 1906 г.: «Дубровин с Пуришкевичем сорвали со Столыпина субсидию в 70 000 рублей».

Слухи о золотом дожде имеют документальное подтверждение. Например, в 1908 г. через А.И. Дубровина в кассу Главного совета было передано 79 072 р. 70 к.[383]. В бумагах Б.В. Никольского сохранились расписки руководителей 30 черносотенных организаций, которым он в августе 1906 г. раздал 19 625 р.[384]. О происхождении этих денег кассовая книга Союза русского народа умалчивает, хотя имена частных жертвователей обычно тщательно записывались. Можно с уверенностью сказать, что десятки тысяч рублей не были отложены из гонораров врача или жалованья приват-доцента. Однако точную сумму дотаций определить трудно. В субсидировании черносотенных организаций участвовали различные ведомства — от Министерства двора до Министерства народного просвещения. Например, в секретной справке Департамента полиции общая сумма денег, выданных В.М. Пуришкевичу в 1906—1916 гг., определена в 40 500 р.[385], т.е. в десять раз меньше, чем предполагал А.И. Дубровин. Но это не означает, что соперники В.М. Пуришкевича ошибались. Просто деньги могли идти из фондов других учреждений. Достоверно известно, что крупную субсидию получило Русское Собрание, причем денежную лепту внес лично Николай II. Монархическая пресса сообщала, что субсидия составила 100 тыс. р. Деньги пред-

назначались для строительства «Русского дома», который должен был стать центром монархической пропаганды.

Если в пожертвованиях из царских рук монархисты не видели ничего зазорного, то о связях с Министерством внутренних дел они предпочитали молчать. В 1917 г. Чрезвычайная следственная комиссия попыталась приоткрыть завесу над этой тайной. Допрошенные комиссией бывшие министры внутренних дел Н.А. Маклаков, А.Д. Протопопов и директора Департамента полиции С.П. Белецкий, Е.К. Климович подтвердили выдачу денег. Правда, по отчетам удалось проследить получение денег лишь некоторыми из черносотенцев, причем только в годы Первой мировой войны. Согласно финансовым документам МВД, двум руководителям Союза русского народа, Н.Е. Маркову и Г.Г. Замысловскому, с 20 октября 1915 г. по февраль 1917 г. было выдано 163 500 р.[386]. По подсчетам С.П. Белецкого, двум черносотенным вождям была передана гораздо большая сумма — 244 тыс., причем за меньший срок[387]. 17 500 р. получила В.Н. Степанова-Дезобри. Сравнительно небольшими подачками, от 300 до 2000 р., попользовались и другие черносотенцы.

Средства выделялись из 5-миллионного секретного фонда МВД и в отчетах проходили под рубрикой: «На известные г. министру внутренних дел употребления». Финансирование также шло из 1,7-миллионного рептильного фонда Главного управления по делам печати. К сожалению, удалось выявить документы об ассигновании и расходовании особых кредитов только за 1913—1915 гг. Они свидетельствуют, что с января 1913 г. по апрель 1915 г. на издание черносотенной прессы было выделено 546 500 р.[388]. По нашим подсчетам, ежегодные субсидии из всех источников составляли 250—300 тыс. р., хотя в период революции 1905—1907 гг. и в годы Первой мировой войны казна, вероятно, была щедрее.

Надо отметить, что правительственная помощь не удовлетворяла крайне правых. Н.Е. Марков, получая от министра внутренних дел толстую пачку денег, каждый раз

роптал: «Что даете пустяки?» Департамент полиции, содержавший за счет секретного фонда охранные отделения и заграничную агентуру, не так просто расставался с деньгами. Например, в августе 1908 г. на просьбу градоначальника Одессы И.Н. Толмачева назначить 5-тысячную субсидию местным черносотенцам последовал отказ товарища министра внутренних дел А.А. Макарова: «Я лишен возможности оказать какое-либо содействие к назначению испрашиваемых Вами денежных пособий одесскому отделу Союза русского народа и Союзу русских людей, так как находящиеся в распоряжении Министерства внутренних дел денежные средства не имеют своим назначением субсидирование партийных организаций»[389].

Впрочем, иной раз властям приходилось умерять аппетиты черносотенцев и более высокого ранга. В 1912 г. Н.Е. Марков и В.М. Пуришкевич предложили В.Н. Коковцову финансировать избирательную кампанию правых в IV Государственную думу. «Я помню хорошо, — писал В.Н. Коковцов, — что «смета» была сведена к круглой цифре 960 000 руб., потому что я спросил Маркова, — отчего не довели они до еще более круглой цифры 1 000 000? И получил в ответ простое заявление: «...мы хорошо знаем, что вы любите точные цифры, и отказались от всякого излишества»[390]. Но бухгалтерская дотошность не помогла. Министр финансов отказал черносотенцам.

Львиная доля субсидий уходила на черносотенную прессу. Из выходивших в начале века газет крайне правые могли полностью положиться только на «Московские ведомости». Другие консервативные газеты, например суворинское «Новое время», пытаясь идти в ногу с веком, порой помещали на своих страницах неприемлемые для черносотенцев материалы. Первые организации крайне правых пытались наладить собственную печать. В 1901 г. вышел единственный номер «Летописи Русского Собрания». После создания харьковского отдела Русское Собрание получило возможность использовать консервативный журнал «Мирный труд». Главный совет Союза русского народа дал своему печатному

органу название «Русское знамя». Первый номер этой газеты вышел 28 ноября 1905 г., а 5 марта 1917 она была запрещена постановлением Петроградского Совета. Главный совет Союза русского народа требовал от губернских и городских отделов не реже одного раза в месяц присылать корреспонденции в «Русское знамя» о деятельности черносотенцев на местах. Не располагая хорошо налаженными связями с провинцией, Главный совет пытался поддерживать отношения с отделами в основном через газету.

Разногласия среди черносотенцев привели к появлению конкурирующих органов печати. С 1909 г. начала издаваться газета «Земщина» — рупор крайне правой фракции Государственной думы. С 1910 г. в противовес «Русскому знамени» начал выходить «Вестник Союза русского народа». Помимо центральных органов, существовала местная черносотенная пресса. Московский отдел Союза русского народа издавал газету «Вече», таврический отдел-газету «Набат». Среди изданий отделов Союза русского народа и примкнувших к нему черносотенных организаций можно назвать астраханскую «Русскую правду», иркутский «Сибиряк», казанскую «Русь православную и самодержавную», кишиневские «Бессарабец» и «Друг», красноярский «Сусанин», «Курскую быль», московскую газету «Патриот», николаевский «Русский богатырь», одесские «За царя и родину», «Родная речь», оренбургский «Правый путь», орловский «Орел», петербургские «Вестник Русского Собрания», «Колокол», ростовский «Стяг», тифлисскую «Летопись патриотического общества», харьковскую «Черную сотню», холмскую «Братскую беседу», ярославский «Русский народ» и т.д.

Черносотенцы также располагали специализированными молодежными изданиями: екатеринославским «Двуглавым орлом», киевскими «Молодыми силами», печатными органами академических корпораций. Эти газеты выходили более или менее регулярно. Но попадались и газеты-однодневки, названия которых выбирались с учетом любимых черносотенцами орудий. В 1906 г. в Екатеринодаре выхо-

дила газета «Дубина» с подзаголовком «орган трудящихся масс». В следующем году вышла «Киевская дубинка» с подзаголовком «газета посвящена идеям Союза русского народа». В 1912 г. красноярцы могли приобрести газету «Оглобля» — юмористический журнал местного отдела Союза русского народа. Сатирико-юмористическим изданием была также «Виттова пляска» — рупор нигде не зарегистрированной «коморры народной расправы». В названии заключался намек на то, что конституционный недуг поразил Россию по вине автора Манифеста 17 октября С.Ю. Витте. «Виттова пляска» прекратилась в 1907 г., но сразу же была возрождена под названием «Плювиум».

Черносотенная пресса была рассчитана на невзыскательного читателя. Современники писали, что «Русское знамя», должно быть, печатается на особого качества бумаге — поскольку обычная не в состоянии выдержать ежедневного потока клеветы, изливавшегося со страниц этого органа. Характеризуя газету «Вече», московский комитет по делам печати отмечал: «Газета издается очень умело и бойко, обнаруживая весьма опытного руководителя. Она знает свою аудиторию, и всякий номер представляет из себя что-либо забористое, а то и скандальное. Впервые среди русской печати появился орган с грубою, откровенною речью, с руганью прямой и беззастенчивой...»[391]. Но хулиганские выходки органов Союза русского народа вызывали недовольство даже в черносотенной среде. В 1908 г. В.М. Пуришкевич писал министру внутренних дел: «Орган Союза русского народа — «Русское знамя» получило характер за последнее время совершенного уличного листка, стремясь не возвысить читателя духовно, а действовать на инстинкты народных масс»[392].

Уровень провинциальной черносотенной прессы был еще ниже, чем столичной. В правых газетах сотрудничали случайные люди. В редакцию херсонской газеты «Родной край», жаловался один правый журналист, «приходили какие-то сомнительного родства с журналистикой люди, рас-

хищали, что только могли, вплоть до конторских книг, и исчезали; собирались опять средства, появлялись новые лица — и опять то же самое»[393]. В Нижнем Новгороде издавалось несколько печатных изданий: «Козьма Минин», «Минин-Сухорук», «Голос Минина», «Родина Минина», но, как отметил современный исследователь, «нижегородские черносотенные газеты заметно уступали по качеству своих статей другим местным печатным изданиям»[394].

Черносотенцы самокритично признавали, что их издания расходятся с большим трудом: «...чтобы убедиться в этом, стоит только пройти по Невскому проспекту. Продавцы «Свободных мыслей», «Руси», «Биржевых ведомостей» и прочих попадаются чуть ли не на каждом шагу, тогда как продавцов «Русского знамени», «России» нужно поискать, чтобы найти. Да и ищут-то их немногие»[395]. Отсюда и скромные тиражи черносотенных изданий: «Русского знамени» — от 14,5 тыс. до 3 тыс.; «Земщины» — 9 тыс.; «Вече» — до 25 тыс. Еще ниже были тиражи провинциальных газет: одесской «Русской речи» — 6 тыс., красноярского «Сусанина» — 1 тыс. и т.д.

Отношение властей к «патриотической» прессе было двояким. Существование подавляющего большинства правых органов поддерживалось казенными субсидиями, а местные власти не жалели усилий для распространения черносотенных изданий. Так, курский губернатор, «признав необходимым, чтобы «Курская быль» выписывалась всеми полицейскими управами, высказал желание, чтобы начальники полиции способствовали неофициальным путем распространению названной газеты в порученных им районах»[396].

С другой стороны, власти подвергали черносотенную прессу репрессиям, когда она выходила за дозволенные пределы. Например, в 1906 г. было запрещено распространение «Вече» в Волынской, Киевской и Подольской губерниях. С 1907 по 1908 г. газета подверглась штрафам на общую сумму шесть тыс. р., пять номеров были конфискованы,

один редактор выслан из Москвы, другой подвергнут месячному аресту.

В 1907 г. «Русское знамя» было оштрафовано в общей сложности на 4 тыс. р. и неоднократно подвергалось штрафам и в последующие годы. Однако позднее А.И. Дубровин сумел добиться компенсации размером в 25 тыс. р.: «...в возврат убытков, понесенных газетой «Русское знамя» вследствие административных и судебных воздействий»[397].

Глава IV

ПРАВЫЕ ПЕРЕХОДЯТ В НАСТУПЛЕНИЕ

1

Штурм Таврического дворца

Легальная деятельность черной сотни началась в 1906 г. Революция уже миновала высшую точку и шла на убыль. Но пробужденное от многовековой спячки общество по-прежнему бурлило. Центральным событием политической жизни стала борьба за депутатские кресла в Таврическом дворце, отведенном для заседаний Государственной думы. Крайне правые считали неблагоприятной для себя расстановку сил в правительстве. С.Ю. Витте сменил чисто церемониальный пост председателя Комитета министров на ключевую должность председателя Совета министров. Парадоксально, что ненависть правых к С.Ю. Витте возрастала пропорционально услугам, которые он оказывал самодержавию. После заключения Портсмутского мира и подготовки Манифеста 17 октября С.Ю. Витте окончательно превратился для крайне правых в главного поборника конституции и даже в руководителя революционного движения. Черносотенцы немедленно нарекли его графом Полусахалинским — намек на уступку южной части острова по условиям Портсмутского мира, за который царь даровал министру графский титул. В черносотенных листках любили помещать «фамильный» герб графов Полусахалинских — щит с изображением Южного Сахалина, кабака, векселя и прочими символами договора, винной монополии и займов, к которым приложил руку С.Ю. Витте.

С.Ю. Витте не сумел привлечь в правительство общественных деятелей. Пришлось набирать министров в бюрократических кругах. Несмотря на репутацию либералов, члены правительства С.Ю. Витте не пользовались популярностью. Они оказались между двух огней. Крайне правые порицали их за либеральное заигрывание, а демократические силы требовали прекратить карательные рейды, аресты и экзекуции. Крупной неудачей правительства стали выборы в I Государственную думу. Правящие круги, казалось бы, имели на руках все карты: антидемократический избирательный закон, возможность «просеять» неугодных кандидатов через «сито» многоступенчатых выборов, вмешательство в выборы полицейского аппарата. Левые партии бойкотировали выборы.

Однако правый лагерь не был готов к борьбе за Таврический дворец. В тактическом плане черносотенцы допустили ряд просчетов. Первый монархический съезд в феврале 1906 г. постановил считать дружественными только те партии, которые признают неограниченное самодержавие, единство России, отвергают мысль о созыве Учредительного собрания, а также не допускают в свои ряды евреев. Этим требованиям не отвечали ни партия октябристов, ни партия правового порядка.

Примечательно, что в начале ноября 1905 г. при создании Союза русского народа его предлагали назвать Союзом 17 октября. Предложение не прошло, поскольку черносотенцы не пожелали заострить внимание на уступке самодержавия. Это название подхватила другая партия. До некоторой степени их программы совпадали, но черносотенцы утверждали, что между ними и Союзом 17 октября нет ничего общего, кроме первого слова в названии. Действительно, программа октябристов настаивала на свободе стачек, принудительном отчуждении части помещичьих земель (за выкуп), автономии Финляндии и других неприемлемых для черной сотни требованиях. Несколько ближе к ней стояла партия правового порядка, или, как ее иронически называли, «пар-

тия трех покоев». Но и «покойников» черносотенцы обвиняли в конституционных замашках.

Вожди черной сотни отказались от союза с октябристами. Более того, один из заправил Русского Собрания Б.В. Никольский внес предложение голосовать за левых кандидатов, если нет надежды провести правых. Смысл комбинации заключался в том, чтобы обеспечить радикальный состав Думы, который бы неизбежно вступил в конфликт с правительством. Но эти иезуитские планы были слишком сложными для рядовых черносотенцев. На местах черносотенцы и октябристы объединяли свои предвыборные усилия без санкции сверху. Надо учитывать, что в 1905—1907 гг. в Союз 17 октября вошли два десятка организаций, имевших существенные различия. Правый фланг октябристов фактически сливался с черной сотней, а некоторые организации находились как раз на этой зыбкой границе. Например, симбирское общество людей порядка и законности первоначально тяготело к черносотенцам, а затем слилось с октябристами. Делегаты от торгово-промышленной партии из Брянска принимали участие в черносотенных съездах. Орловский союз законности и порядка примкнул к черной сотне, а такой же союз в Оренбурге присоединился к октябристам. Поэтому во многих октябристах и «покойничках» (членах партии правового порядка) черносотенцы не без основания видели своих единомышленников. В Вологодской, Виленской, Владимирской, Казанской, Московской губерниях, а также в Калуге, Киеве и Костроме черносотенцы и октябристы голосовали за один список.

Серьезным просчетом черной сотни на выборах было использование старозаветных лозунгов. Программы крайне правых обходили молчанием злободневные вопросы. Между тем монархистам предстояло держать ответ за все грехи самодержавного строя. Поэтому сокрушительное поражение черной сотни было закономерным. По всем куриям за крайне правых проголосовало только 9,2% выборщиков (известна политическая ориентация 5137 из 5831 выборщиков)[398]. Голоса распределялись в зависимости от курии.

Черносотенцы добились 16,5% в помещичьей курии — внушительный успех, учитывая, что почти половина выборщиков-землевладельцев объявила себя беспартийными.

Основная масса населения осталась равнодушной к призывам монархистов. Черносотенцы получили поддержку только 6,1% городских выборщиков. В 20 крупных городах с отдельным представительством позиции черной сотни оказались еще хуже — 4,3% выборщиков. Председатель Союза русского народа А.И. Дубровин получил в Нарвском избирательном районе Петербурга всего 631 голос. Крестьянство также вынесло вотум недоверия крайне правым. Черносотенцы завоевали только 5,1% выборщиков-крестьян. Поскольку только один выборщик из двадцати был готов поддержать черную сотню, в Таврический дворец не попал ни один кандидат крайне правых.

Когда стали известны итоги голосования, черносотенцы объяснили свое поражение несознательностью населения. «Господи! Господи! — восклицало «Русское знамя». — Выборы в Государственную думу, а выборщики готовы за стакан чая выбрать кого угодно»[399]. По страницам правой печати пошла гулять легенда о том, что победа кадетов на выборах — результат подкупа и мошенничества. Отношение черносотенцев к еще не созванной Думе определил второй монархический съезд в Москве в апреле 1906 г. Он постановил: «Государственная дума в том составе, который определился выборами, не может быть признана выразительницей истинных убеждений русского народа»[400]. По поводу дальнейшей судьбы законодательного учреждения на съезде разгорелась дискуссия. А.А. Майков заявил: «Нет сомнения, что первая Дума будет распущена, а может быть, и разогнана». В то же время А.А. Башмаков высказал мнение, «что нужно посмотреть, что даст Государственная дума, — Бог не без милости, и, может быть, минует Россию горькая чаша»[401].

Такое же двойственное отношение преобладало в правительственных сферах. Оставалась надежда на монархизм депутатов-крестьян. Но поскольку никто не мог гаранти-

ровать благополучного исхода, высшие власти решили связать будущую Думу новыми Основными законами. В исторической литературе указывалось, что инициатором пересмотра Основных законов был дворцовый комендант Д.Ф. Трепов, поддержанный Николаем II[402]. Не все представители правого лагеря разделяли это мнение, В.А. Грингмут выступил против. В связи с этим В.В. Мещерский заклеймил главу Монархической партии, который «дошел до таких пределов буйного помешательства, что в передовой статье осмеливается объявлять Государю, что Он не смеет касаться Основных законов. Очевидно, давно пора, если революционеров сажают в тюрьму, Грингмута взять под опеку...»[403].

В правительственных сферах позицию Монархической партии поддержал И.Л. Горемыкин. Осведомленные наблюдатели отмечали, что Николай II принял И.Л. Горемыкина, «который убеждал его оставить неприкосновенными теперешние Основные законы, доколе не выяснится характер и деятельность Думы, а затем изменить Основные законы согласно обстоятельствам»[404]. Тем не менее решение о пересмотре законов было принято. Для обсуждения представленных проектов 7—12 апреля 1906 г. было созвано секретное совещание в Царском Селе. Там начались дебаты по формулировке 1-й статьи. Решался вопрос, исключать или оставить слова о неограниченной власти монарха. На заседании 9 апреля Николай II объявил, что уже целый месяц размышляет над этим вопросом и не может прийти к окончательному решению. При этом царь сослался на мнение черносотенных союзов: «За это время я продолжаю получать ежедневно десятками телеграммы, адресы, прошения со всех концов и углов земли русской от всякого сословия людей. Они изъявляют мне трогательные верноподданнические чувства вместе с мольбою не ограничивать своей власти». В заключение Николай II сказал: «Акт 17 октября дан мною вполне сознательно, и я твердо решил довести его до конца. Но я не убежден в необходимости при этом отречься от самодержавных прав...»[405].

Выступивший следом И.Л. Горемыкин развил тему: «Ограничением пределов верховной власти 80% населения будут смущены, и многие из них недовольны»[406].

Однако остальные участники совещания единодушно заявили, что самодержавная монархия уже канула в Лету, причем откровеннее всего выразились члены императорской фамилии. Великий князь Николай Николаевич разъяснил двоюродному племяннику: «Манифестом 17 октября слово «неограниченный» Ваше императорское величество уже вычеркнули»[407]. Даже после этого царь колебался и только в последний день совещания согласился с мнением сановников. Лишь после настойчивых вопросов Д.М. Сольского, исключать или нет слово «неограниченный», царь сквозь зубы процедил: «Да».

Отказ от самодержавия на словах не означал отказа от него на деле. Участники совещания спешили закрепить за монархом ряд важнейших прерогатив. Особое усердие по этой части проявил С.Ю. Витте. На первом же заседании он предложил точно и недвусмысленно определить права монарха как верховного главнокомандующего, оставить за царем руководство внешней политикой и свести на нет вмешательство Думы в финансовые дела. Все эти предложения вызвали одобрение участников. Совещание в царской резиденции прошло под знаком недоверия к будущей Думе. От депутатов, начавших съезжаться в столицу, ожидали всего. П.Н. Дурново предлагал принять меры на случай, если Дума заберется в какой-нибудь уездный город и будет оттуда руководить мятежом. Только великий князь Владимир Александрович высказал надежду, что Дума «не будет состоять сплошь из врагов России. Это было бы такое уродство, которое я допустить не могу»[408].

Опубликование Основных законов 23 апреля в преддверии открытия I Государственной думы вызвало негодование общественности. Правительство обвиняли в том, что оно, как «тать в нощи», в узком бюрократическом кругу приняло важнейшие законы. Но словесные молнии ударили впустую — кабинет С.Ю. Витте подал в отставку. Свой

уход он задумал, когда определился состав Думы. Понимая, что правительство будет подвергнуто ожесточенной критике, С.Ю. Витте счел благоразумным отступить. Печальной эпитафией просуществовавшему полгода правительству было всеобщее ликование по поводу его отставки. Демократические силы не имели оснований жалеть об уходе царского министра, ответственного за репрессии. В свою очередь, консерваторы торжествовали победу. Особенно радовало черносотенцев, что преемником С.Ю. Витте стал его политический противник И.Л. Горемыкин. Характерно, что для поста председателя Совета министров Николай II выбрал единственного сановника, который на царскосельском совещании отстаивал принцип самодержавия.

Открытие Государственной думы 27 апреля 1906 г. было обставлено с необычайной пышностью. Царская семья вышла к депутатам в Георгиевский зал Зимнего дворца в платьях, усыпанных драгоценностями. По странной случайности молебен, который отслужил при открытии митрополит Антоний, был на евангельский текст «Просите и дастся вам». Когда же депутаты Думы взошли на трибуну Таврического дворца и потребовали у правительства отменить смертную казнь и амнистировать политических заключенных, еще теплившаяся у правящих кругов надежда на монархизм депутатов-крестьян рухнула.

Самую многочисленную фракцию I Государственной думы образовала партия кадетов. Внушительной силой была группа трудовиков. Что же касается правого фланга, то небольшая фракция октябристов во время сессии распалась и ее депутаты сместились налево. 13 мая 1906 г. председатель Совета министров И.Л. Горемыкин огласил декларацию, давшую отрицательный ответ на все требования депутатов. Резкое «нет» прозвучало по аграрному вопросу, по поводу установления ответственности министров, политической амнистии и т.д. I Государственная дума выразила полное недоверие правительству. Было внесено 400 запросов о незаконных действиях властей. Одним из наиболее бурных было обсуждение запроса о тайной типографии Департа-

мента полиции, обслуживавшей черносотенные организации.

Это дело всплыло на поверхность из-за соперничества чиновников сыскного ведомства. В январе 1906 г. бывший директор Департамента полиции А.А. Лопухин, которому пришлось покинуть этот пост по настоянию Д.Ф. Трепова, посетил С.Ю. Витте, собиравшего компрометирующий материал против дворцового коменданта. А.А. Лопухин сообщил, что ближайшие сотрудники Д.Ф. Трепова распространяют за спиной председателя Совета министров погромную литературу. С.Ю. Витте поручил А.А. Лопухину провести дополнительное расследование, и выяснилось, «что в помещении Департамента полиции была поставлена ручная ротационная машина, на которой и печатались погромные воззвания. Учреждена эта типография была по распоряжению в то время вице-директора департамента Рачковского и находилась в заведовании жандармского ротмистра Комиссарова, при котором состояло 2 печатника»[409]. Уже отмечалось, что непосредственного отношения к октябрьским погромам эта типография не имела, так как была оборудована позже. Зато вскрылось, что печатная продукция предназначалась для черной сотни.

А.А. Лопухин посоветовал премьеру внезапно нагрянуть в помещение на Фонтанке, 16 и накрыть погромщиков с поличным. Однако С.Ю. Витте решил не поднимать скандала и ограничился вызовом Комиссарова, которому приказал уничтожить типографию. «При первом докладе, — вспоминал С.Ю. Витте, — я дело рассказал его величеству, государь молчал, и, по-видимому, все то, что я ему докладывал, ему уже было известно. В заключение я просил государя не наказывать Комиссарова, на что его величество заметил, что он во всяком случае его не наказал бы ввиду заслуг Комиссарова по тайному добыванию документов во время Японской войны»[410]. Уладить дело келейно не удалось, так как А.А. Лопухин приложил все усилия, чтобы его бывшие коллеги не ушли от ответственности. После от-

ставки С.Ю. Витте А.А. Лопухин передал в кадетскую «Речь» секретные документы о погромной типографии.

Сенсационное известие было использовано I Государственной думой. Депутаты Думы внесли запрос о погромной агитации со стороны властей. Правительство И.Л. Горемыкина долго тянуло с объяснениями, но все же 8 июня 1906 г. ему пришлось отвечать на запрос. Выступить в Государственной думе было поручено министру внутренних дел П.А. Столыпину. Этот государственный деятель сыграл большую роль в истории черносотенных организаций. Он был плоть от плоти правящего дворянского класса: сын кремлевского коменданта и внук наместника Польши. К государственной деятельности П.А. Столыпина приобщил тот самый А.А. Лопухин, который выдал тайну Департамента полиции. По протекции своего одноклассника, еще занимавшего важный пост в Министерстве внутренних дел, П.А. Столыпин был назначен гродненским, а потом саратовским губернатором.

В Саратове у Столыпина завязались прочные связи с черной сотней. Однако во время погромов в октябре 1905 г. он не скомпрометировал себя, подобно многим губернаторам. Член большевистской боевой дружины В.П. Антонов-Саратовский вспоминал: «По приезде Столыпина (он был в отпуску) 21 октября войска были приведены в действие и стали разгонять громил. Часа в три дня, во время столкновения с погромщиками, войскам был дан приказ стрелять в толпу. Расчет, конечно, был попутно уничтожить и дружинников. Однако офицер, командовавший войсками, помог дружинникам сманеврировать, и весь залп пришелся по черной сотне. После этого погром прекратился. Получилось впечатление, что погром прекращен Столыпиным, т.е. тем, кто, без сомнения, был его организатором»[411].

Черносотенцы считали П.А. Столыпина своим: «Мчится губернатор. Хулиганы падают на колени, крестятся». Черносотенный епископ Гермоген мотивировал призыв завершать погром тем, что «царский слуга П.А. Столыпин со властями и сподвижниками своими уже довольно укротил

крамольников»[412]. Однако список пострадавших во время погрома свидетельствует, что черная сотня ощутимо пострадала от своего благодетеля. Погромщики убили 5 и ранили 25 человек, а от залпов войск погибли 3 черносотенца и были ранены 18.

Действия саратовского губернатора были признаны правильными. К нему начали присматриваться в верхах, и при формировании нового состава правительства П.А. Столыпин получил важнейший пост министра внутренних дел. Крайне правые быстро нашли общий язык с министром. Постепенно лидеры черной сотни уверовали, что П.А. Столыпин тот самый человек, который даст отпор революции.

Отвечая на запрос Государственной думы о погромных воззваниях, П.А. Столыпин постарался представить дело как незначительный эпизод, возникший по вине не по разуму усердного жандармского ротмистра, который на изъятой при обыске «бостонке» отпечатал 2—3 сотни воззваний. Сразу же за П.А. Столыпиным думскую трибуну занял депутат, которого правительству следовало опасаться больше кого бы то ни было. Речь идет о С.Д. Урусове, совсем недавно покинувшем пост товарища министра внутренних дел и прекрасно знавшем всю подноготную полицейской службы. К тому же он был шурином А.А. Лопухина. Князь С.Д. Урусов внес существенные поправки в выступление министра. Печатный станок появился по распоряжению сверху, погромные воззвания печатались не в сотнях, а в сотнях тысяч экземпляров. Он поведал депутатам Думы о циничных откровениях ротмистра Комиссарова: «Погром устроить можно какой угодно: хотите на 10 человек, а хотите на 10 тыс.»[413]. С.Д. Урусов указал, что тайная типография возникла, когда «группа лиц, составляющая как бы боевую дружину одного из наших самых патриотических собраний, в связи и в единении с лицами, близко стоящими к редакции одной непетербургской газеты, задумала борьбу с революцией»[414].

Завуалированные намеки С.Д. Урусова были впоследствии расшифрованы А.А. Лопухиным, направившим письмо с изложением дела в открытую печать. А.А. Лопухин

писал, что погромные воззвания распространялись в Петербурге через Дубровина и находящийся под его председательством Союз русского народа, а в Москве через издателя — редактора «Московских ведомостей» Грингмута. Попытка П.А. Столыпина скрыть связи Департамента полиции с черносотенцами закончилась конфузом. Конец речи министра потонул в криках: «Погромщики!», «В отставку!».

Пока в Государственной думе произносились критические речи, правые консолидировали свои силы. Наряду с пестрыми по социальному составу черносотенными союзами лагерь реакции пополнился чисто дворянской организацией. Мысль о создании штаб-квартиры помещиков возникла в начале 1906 г. в Курской и Тамбовской губерниях. В апреле 1906 г. началась работа подготовительных комиссий, которая завершилась созывом 21—28 мая 1906 г. первого съезда уполномоченных дворянских обществ. Съезд принял устав организации и избрал Постоянный совет во главе с графом А.А. Бобринским.

Ни съезд уполномоченных, ни Постоянный совет не укладывались в традиционную систему дворянских корпораций, дошедшую с екатерининских времен. Вместе с тем объединенное дворянство не походило на политическую партию. Членство в этой организации было не индивидуальным, а коллективным. Дворянам не возбранялось состоять в политических партиях, кроме партий эсеров и социал-демократов. В исторической литературе организацию объединенного дворянства часто называют всемогущей. В публицистических произведениях современников подчеркивалось, что оно со временем вытеснило черносотенные союзы. По словам В. Левицкого, от «демократического» Союза русского народа к аристократическому «Совету объединенного дворянства» — такова краткая формула эволюции, проделанной в течение двух лет нашим контрреволюционным движением»[415]. Безусловно, объединенное дворянство обладало значительным влиянием. В рядах организации были богатейшие помещики, например князь С.С. Абамелек-Лазарев, чьи 820,5 тыс. десятин земли уступали лишь владениям

царской фамилии. Председатель Постоянного совета граф А.А. Бобринский совместно с братом владел 8 имениями общей площадью 57,4 тыс. десятин, товарищ председателя А.П. Струков — 72,8 тыс. десятин.

Деятели этой организации были тысячами личных, служебных и родственных нитей связаны с правящей элитой. Они выражали волю господствующего класса, и поэтому проекты, разработанные на дворянских съездах, почти всегда претворялись в жизнь. Однако нельзя считать правительство безропотным слугой. Оно должно было учитывать интересы буржуазных кругов, а также до известной степени учитывать настроение народных масс. К тому же Постоянный совет не был представительным органом всего благородного сословия. В 1906 г. к новой организации примкнули 29 губернских собраний, в 1907-м еще 3. Объединенное дворянство на деле объединяло лишь помещиков европейского центра страны. Оно не могло подменить черносотенные союзы, так как являлось организацией совершенно иного типа. Вся организация в конечном итоге сводилась к Постоянному совету из 12 человек и ежегодным съездам. Низовых организаций у него не существовало. I съезд принял решение о создании губернских советов по образцу и подобию Постоянного совета в Петербурге, но они никогда не были созданы. Постоянному совету приходилось вести все дела через губернских и уездных предводителей. Но командование дворянскими корпорациями со стороны Постоянного совета исключалось.

Вождям черной сотни из помещичьей среды не приходило в голову рассматривать объединенное дворянство в качестве конкурентов. В первое время черносотенцы даже выражали желание финансировать Постоянный совет, но предложенная В.М. Пуришкевичем субсидия была отвергнута. Возможно, благородное дворянство побрезговало остатками из правительственной кормушки. Нельзя также сказать, что за спиной крайне правых стоял Постоянный совет, а черносотенные вожди проводили в своих организациях политику объединенного дворянства. Наоборот, на

съездах дворянских уполномоченных среди разноголосицы мнений (но не левее кадетских) члены Союза русского народа отстаивали позиции черной сотни.

На I съезде уполномоченных Н.Е. Марков высказал взгляд крайне правых на Манифест 17 октября: «Он, изданный в минуту страха, был лишь ловушкой, подставленной царю, и первоначальный источник всех зол нынешнего времени»[416]. На съезде не было недостатка в выпадах по адресу Государственной думы. Дворянин Н.А. Павлов заявил, что «Дума есть революционный аппарат, в ней заседают 500 Пугачевых»[417]. Но крайне правым не удалось навязать съезду требование о роспуске I Государственной думы. В результате голосования было решено обойти этот острый вопрос молчанием.

Однако по мере углубления конфликта Думы с правительством объединенное дворянство заговорило более решительным тоном. В докладе Постоянного совета в июне 1906 г. уже говорилось: «Никаких уступок Думе, действующей не закономерно, не может быть сделано, и скорее следует предпочесть смелый шаг роспуска Думы, не откладывая его до той минуты, когда с каждым днем все более революционизированная страна может этого и не допустить»[418]. За немедленный разгон I Государственной думы выступали черносотенцы. Доктор А.И. Дубровин на страницах «Русского знамени» предлагал чисто медицинский рецепт: развернуть строительство домов для умалишенных для размещения в них «всех одержимых сумасшедшим бредом представителей народа в Государственной думе, как вошедших туда по грубому недосмотру, при отсутствии у нас столь важного учреждения, как гражданско-психиатрическая экспертиза»[419].

Взгляды придворной камарильи разделились. Е.В. Богданович бомбардировал Николая II письмами, в которых доказывал безопасность разгона Думы: «Вместо громадного революционного учреждения окажется сотни четыре, сотен шесть отдельных крамольников, с которыми сравнительно нетрудно сладить простыми полицейскими мерами»[420]. В то

же время Д.Ф. Трепов считал роспуск Думы чистейшей воды авантюрой. В середине июня он вступил в переговоры с лидером кадетской партии П.Н. Милюковым. К удивлению последнего, Д.Ф. Трепов легко согласился с целым рядом требований, считавшихся неприемлемыми для правых. Дело дошло даже до составления списка будущих министров из членов ЦК партии кадетов. Николай II был в курсе переговоров, но, очевидно, Д.Ф. Трепов превысил данные ему полномочия. Александр Трепов, защищая фамильную честь консерваторов, сетовал, что брат Дмитрий просто не в себе.

Что касается черносотенцев, то они не простили такого предательства. Когда Д.Ф. Трепов сообщил о своих переговорах в интервью агентству Рейтер, правая пресса в резкой форме посоветовала дворцовому коменданту вернуться к прямым обязанностям по благоустройству царской резиденции. Спустя три месяца Д.Ф. Трепов умер. Поговаривали, что им овладела мания преследования, галлюцинации. Бывшему диктатору казалось, что его дом окружен революционерами. Николай II, утешая родственников усопшего, сказал, что считает крутую перемену взглядов бывшего фаворита последствием нервного потрясения на службе интересам монархии. Значительно больше выдержки проявил П.А. Столыпин, который вместе с министром иностранных дел А.П. Извольским зондировал почву относительно возможности создания коалиционного правительства. Судя по воспоминаниям кадетских лидеров, П.А. Столыпин вел себя на переговорах сугубо уклончиво, даже сумел обойти вопрос о том, с какой целью ведутся переговоры. Когда он выяснил, что его участие в будущем правительстве исключается, то потерял интерес к переговорам.

Твердым сторонником роспуска I Государственной думы был И.Л. Горемыкин. В начале июля к его мнению присоединились остальные министры, и в первую очередь П.А. Столыпин. Правительство провело настоящую дезинформационную кампанию. Министры даже выехали за город на обычный субботний отдых, чтобы не натолкнуть депутатов

на мысль о готовящемся сюрпризе. 9 июля 1906 г. в печати появился манифест о роспуске I Государственной думы. Часть бывших депутатов, собравшись в Выборге, обратилась к населению с призывом к пассивному сопротивлению. Но запугать самодержавие не удалось. В беседах с придворными Николай II потешался над воззванием: «Это активное или пассивное воздействие, какая чепуха! Откровенно говоря, я от них ожидал больше ума»[421].

Одновременно с роспуском Думы были произведены перемены в составе правительства. И.Л. Горемыкин был отправлен в отставку. Председателем Совета министров был назначен П.А. Столыпин. Однозначного объяснения замене главы правительства дать нельзя. Николай II давно присматривался к молодому и энергичному министру. В свою очередь, П.А. Столыпин, попав в правительство, сразу начал вербовать сторонников за спиной премьера. Немаловажным было то, что недавно появившийся в столице провинциал был просто менее одиозной фигурой, чем его предшественник.

Черносотенцы не только одобрили роспуск Государственной думы, но пошли гораздо дальше. В крайне правых кругах созрело убеждение, что без изменения избирательного закона сторонникам самодержавия не добиться успеха. Эту идею отчетливо сформулировал III монархический съезд в Киеве в октябре 1906 г. Съезд постановил ходатайствовать перед Николаем II, «дабы до назначения новых выборов в Государственную думу был издан новый выборный закон... и дабы, если снова будет созвана Государственная дума, ей было даровано, согласно 6 августа, лишь законосовещательное значение»[422].

Мнение объединенного дворянства было не столь единодушным. В исторической литературе отмечалось, что через полмесяца после разгона I Государственной думы предводители «дворянской правой» подали царю записку с настоянием отменить существующее положение о выборах[423]. Постоянный совет подготовил предположение о системе пропорциональных выборов, которое в сентябре 1906 г. было

разослано дворянским собраниям для обсуждения. Члены совета неоднократно возвращались к этому вопросу. На заседании Постоянного совета 19 октября 1906 г. был зачитан проект письма, с которым графу А.А. Бобринскому надлежало обратиться к царю за разъяснением по поводу возможности изменения избирательного закона. Однако Постоянный совет пришел к выводу, что «вопрос об изменении избирательного закона еще не решен, а поэтому настаивать перед Верховной Властью о его разрешении представляется несвоевременным и неудобным»[424].

Тем не менее на II съезде объединенного дворянства 14—18 ноября 1906 г. возобладали более решительные настроения. Разногласия касались лишь выбора наиболее удобного момента. Г.И. Кристи предлагал дождаться II Думы: «По всей вероятности, в Думу пройдут опять крайние элементы, ее легко будет распустить, и тогда изменение избирательного закона произойдет правильно и при всеобщем одобрении»[425]. Влиятельные деятели Постоянного совета А.П. Струков, князь Д.А. Олсуфьев стояли за немедленные перемены. Н.Ф. Касаткин-Ростовский обратился к дворянам со словами: «Я верю, что если мы будем единодушны и решительны, то правительство найдет возможным сделать те изменения в избирательном законе, которые мы ему указываем»[426]. Деликатный вопрос о законности подобной акции Д.А. Олсуфьев разъяснил просто. Он заметил, что правительство столько раз сходило с пути закона, что сойти лишний раз ему ничего не стоит.

Горячие головы охладил В.М. Пуришкевич. Он предостерег дворянских уполномоченных, что правительство едва ли пойдет на крутые меры. «На последнем киевском съезде, — пояснил В.М. Пуришкевич, — был решен тот же вопрос, и мы поняли, что стучимся пока в закрытую дверь»[427]. Съезд внес предложения об изменении порядка выборов. Но, как справедливо указывали исследователи, большинство не согласилось с планами немедленного государственного переворота[428]. Правительство также колебалось. Министры считали доводы крайне правых справедливыми,

но отвечали, что осталось слишком мало времени. Выборы во II Государственную думу проводились по старому избирательному закону.

Черная сотня была полна решимости не допустить просчетов прошлой предвыборной кампании. В сентябре 1906 г. на совещании представителей отделов Союза русского народа была выработана избирательная программа, в которой были расширены выигрышные, с точки зрения черносотенцев, разделы. По-прежнему во главу угла был поставлен национальный вопрос. Специально был выделен еврейский вопрос, причем этот раздел программы можно было по праву назвать манифестом антисемитизма.

Союз русского народа намеревался собрать под своими знаменами всех противников революции. Поэтому в программе была проявлена максимальная жесткость по отношению к освободительному движению. Союз предлагал все виды революционных выступлений, начиная от политических демонстраций и кончая вооруженными восстаниями, карать исключительно смертной казнью. В то же время руководители Союза русского народа постарались учесть некоторые экономические интересы населения. Защита помещичьего землевладения сочеталась с требованием ликвидировать неравноправие крестьян, передать малоземельным на выгодных условиях государственные земли, улучшить переселенческую политику. Черная сотня предлагала упорядочить условия труда рабочих, добиться государственного страхования, сократить рабочий день.

Предвыборная тактика стала предметом специальных обсуждений. Особый интерес представляет соединенное заседание совета Русского Собрания и Главного совета Союза русского народа 14 ноября 1906 г. Формально это заседание было посвящено выборам в столице, но на самом деле обсуждалась тактика на выборах в масштабах всей страны. Председатель Главного совета Союза русского народа поднял вопрос о возможности блока с партией октябристов. При этом А.И. Дубровин заявил, что «Главная управа соединенного русского народа высказалась за возможность соедине-

ния при условии уступок со стороны Союза 17 октября партиям, вошедшим в блок Киевского съезда, и что, по его, Дубровина, мнению, в день выборов это соединение желательно»[429]. Основным оппонентом его выступил Б.В. Никольский, напомнивший о решении первого монархического съезда не входить в соглашения с партиями, которые не признают неограниченное самодержавие. В.М. Пуришкевич полагал, что «раз нельзя поручиться за собственный успех — правильнее будет остановиться на нейтральных вещах»[430].

В итоге было принято постановление: «Не признавая возможным соединение с какими-либо конституционными партиями, соединенное заседание полагает приемлемым на избирательных бюллетенях Русского Собрания предложение в кандидаты выборщиков нейтральных лиц, известных обществу, заведомо не принадлежащих к каким-либо конституционным партиям»[431]. Поведение лидеров черной сотни было пронизано лицемерием. В январе 1907 г. товарищ председателя Главного совета Союза русского народа А.И. Тришатный напоминал отделам о том, «чтобы не вступать ни в какие предвыборные соглашения ни с октябристами, ни с какими-либо другими партиями...»[432].

Однако, судя по переписке вождей крайне правых, в это же самое время шли переговоры с представителями октябристов. Князь В.В. Волконский писал из столицы: «Я виделся с руководителями «правых» политических партий. В результате разговора было признано необходимым воздействовать на тамбовский Союз русских людей, дабы он вступил в сношения с Союзом 17 октября для соглашения на лицах при выборах уполномоченных от города. Из Москвы и из Петербурга должны были быть посланы соответствующие распоряжения»[433].

Интересно, что князь М.Л. Шаховской, который в ноябре 1906 г. на соединенном заседании Русского Собрания и Союза русского народа доказывал немыслимость соглашения с партией правового порядка, в январе 1907 г. писал И.И. Восторгову, что ему удалось убедить А.И. Дубровина и А.И. Тришатного в необходимости объединения. Впро-

чем, М.Л. Шаховской не скрывал трудностей: «Я пришлю вам копию договора с Партией правового порядка. С «17 октября» идет обмен мнений при посредстве Леонтьева с одной стороны и Красовского с другой. Но вряд ли что-либо выйдет»[434].

На местах соглашения достигались легче. В ноябре 1906 г. в Киеве состоялся областной съезд монархистов. Выступая там, председатель партии правового порядка А.И. Савенко провозгласил: «Все русские национальные партии, начиная от октябристов и кончая крайними правыми, несмотря на все различие их программ, основу имеют общую»[435]. Монархические партии выставили по Киеву общий список. Октябристам предлагали объединиться, но они предпочли действовать самостоятельно. После выборов ректор университета Н. Цитович сообщал лидеру октябристов А.И. Гучкову: «Победу правых партий в Киеве следует поставить исключительно на счет монархистов. Октябристы же действовали вяло, выставили в качестве кандидатов мало популярных имен и потому получили лишь ничтожное число голосов»[436].

Во Владимире соотношение сил было иным. Там черносотенцы следовали за местным отделом партии октябристов. В свой список они поместили кандидатов Союза 17 октября. «Пусть эти лица — правоверные октябристы, — сообщала местная пресса, — Союз русского народа включил их в свой список»[437]. Результаты выборов во II Государственную думу были более благоприятны для правых по сравнению с прошлогодней кампанией[438]. В целом по стране правым удалось завоевать четверть голосов выборщиков и встать вровень с объединением «прогрессивных партий» (24,8%) и «левым блоком» (25,8%).

Среди горожан успехи были довольно скромные. По 80 городам черносотенцы завоевали 16,5% голосов избирателей. На уровне выборщиков крайне правых потеснили другие партии. В выборщики прошли только 8,9%. В борьбе с левым блоком кадеты запугивали избирателей черносотенной опасностью. Это было преувеличением. Только в 4 го-

родах с прямым представительством (Киев, Кишинев, Казань, Тула) крайне правые вырвали победу. В ряде городов им удалось увеличить число приверженцев по сравнению с предшествующими выборами. В Одессе на первых выборах за их список проголосовали 4085 избирателей (12,2%), на вторых выборах — 7204 избирателя (27,5%)[439].

В пять раз возросло количество сторонников крайне правых среди выборщиков-крестьян. Черная сотня совершила почти невозможное: завоевала голоса большинства помещиков и лишь немного уступила левому блоку в борьбе за крестьян. Такой результат объясняется тем, что Союз русского народа привлек на свою сторону крестьянство многонациональных губерний. Черносотенцы и октябристы совместно завоевали 54 депутатских кресла в Таврическом дворце. Но это была лишь десятая часть мест в Государственной думе, в то время как левые партии, отказавшиеся от тактики бойкота, завоевали 43% мандатов. Отдельно от октябристов черносотенцы числили в своем активе 25—30 депутатов. Председатель II Государственной думы кадет Ф.А. Головин передавал впечатления от правого крыла Думы: «Здесь прежде всего бросались в глаза лукавые физиономии епископов и священников, злобные лица крайних реакционеров из крупных землевладельцев-дворян, бывших земских начальников и иных чиновников, мечтавших о губернаторстве или вице-губернаторстве, ненавидевших Думу, грозившую их материальному благополучию и их привилегированному положению в обществе»[440].

Но группу правых во II Государственной думе постигла та же судьба, что фракцию октябристов годом раньше. К концу существования Думы группа правых значительно поредела и насчитывала не более 10 депутатов. При этом большинство правых — В.А. Бобринский, П.Н. Крупенский, П.В. Синандино, И.П. Созонович, В.В. Шульгин, епископы Евлогий и Платон — формально не были связаны с черносотенными организациями. От Союза русского народа удалось провести только В.М. Пуришкевича и П.А. Крушевана.

Черносотенцы пытались представить итоги выборов как большой успех. «Русское знамя» разъясняло своим читателям: «Не поражение, а блистательную победу принесли нам выборы во вторую Думу. В Думе будут наши депутаты — они мозоль на глазу у красных; их пока мало, но вспомним, как зародился наш союз, много ли было в нем членов в грозный для России год и сколько их теперь»[441]. Но уже 23 февраля 1907 г. — через три дня после открытия Думы — «Русское знамя» писало: «Правительство сейчас же должно решить, возможно ли работать с такой Думой, где 3/4 ее революционеры...»[442].

Правое крыло Думы внесло ряд предложений, направленных на обуздание революционного движения. По инициативе черносотенцев был поднят вопрос об осуждении политических убийств. Ввиду своей малочисленности правая группа не ставила целью конструктивную деятельность в стенах Таврического дворца. Оказавшись в Думе в заведомом меньшинстве, правые депутаты могли обратить на себя внимание только громкими выходками. Это была стихия Пуришкевича. Он открыто заявлял, что ненавидит революцию и ее пособников из числа левых депутатов. Указывая на стену, Пуришкевич с гордостью провозглашал: «Правее меня только стена». Он с гордостью говорил, что был первым депутатом, насильно удаленным из зала заседания Думы. Его удалили за оскорбление председателя Думы. В ответ Пуришкевич заявил: «исключению буду рад, ибо только тогда душевно отдыхаю, когда не в Думе».

Черносотенный депутат был выдающимся оратором. Он всегда владел вниманием слушателей, не смущаясь ехидными репликами и замечаниями. Внимательные наблюдатели догадывались, что за маской скандалиста скрывается изворотливый политик. Секретарь II Государственной думы кадет М.В. Челноков писал о типичной картине заседаний: «На кафедре беснуется Пуришкевич. Он говорит очень недурно, бойко, нахально, острит и вызывает гомерический хохот аудитории». Но М.В. Челноков уже понял, что за Пуришкевичем-шутом скрывается холодный и безжалостный

политик: «Вообще Пуришкевич человек опасный, вовсе не такая ничтожная величина, как принято думать»[443]. Пуришкевич словно поставил перед собой задачу спровоцировать коллег на резкие реплики и выступления, которые должны были убедить правительство в невозможности конструктивной работы с Думой. Он был неистощим на хулиганские выходки. 1 мая Пуришкевич явился в Думу с красной гвоздикой, засунутой... в ширинку брюк.

Когда был поднят вопрос о тяжелом положении политических заключенных, Пуришкевич заявил: вполне естественно, что условия у заключенных должны быть более тяжелыми, чем, например, у лиц, не заключенных в тюрьму по ошибке, — при этом он широким жестом показал на левую часть зала. В противовес этому запросу правые депутаты потребовали осудить политические убийства. Стенограмма заседания донесла отзвук борьбы, которая развернулась по этому поводу. Взошедший на трибуну Пуришкевич взволнованно сообщил: «Я получил телеграмму из Златоуста с известием о том, что там убит председатель Союза русского народа (*смех слева*). Семья осталась без куска хлеба (*смех слева. Голоса правых: «Смейтесь! Стыдно, стыдно!»*)... К каким бы партиям мы ни принадлежали, Государственная дума, как высшее законодательное учреждение, не смеет откладывать рассмотрение подобного рода вопросов (*шум*)». Председатель: «Я призываю вас к порядку». Пуришкевич: «Я призываю к порядку Думу»[444]. Впоследствии Пуришкевич отдал долг памяти всем погибшим в борьбе с революцией. Он издал «Книгу русской скорби», в которую были включены сведения о высокопоставленных чиновниках и рядовых полицейских, павших от рук террористов.

Пуришкевич часто выступал по аграрному вопросу. Подобно всем собратьям-помещикам по правому лагерю, он доказывал, что конфискация дворянских поместий практически ничего не даст крестьянам, так как понизит культуру земледелия, уничтожит хлебный экспорт и лишит твердого заработка наемных сельскохозяйственных рабочих. Он предсказал, что нарушение принципа частной собственно-

сти в отношении дворянского землевладения неизбежно будет перенесено на другие сословия. Пуришкевич предупреждал крестьянских депутатов, что программы революционных партий предусматривают коренную ломку всего быта деревни, хотя по тактическим соображениям революционеры не акцентируют внимания на этих вопросах. Обращаясь к Думе, Пуришкевич говорил: «Пора забыть Пугачева и Стеньку Разина, мысли о которых многие лелеют в своей груди... наша задача — не мутить народ, не совращать массы, этого большого ребенка, которому кинули кусок, говоря: вот тебе дадут землю, а не получишь — иди режь и грабь»[445].

В иной манере выступал Василий Витальевич Шульгин, один из самых молодых депутатов, двадцати восьми лет от роду. Он был коренным киевлянином, сыном профессора истории и пасынком издателя консервативной газеты «Киевлянин» Д.И. Пихно. После окончания юридического факультета Киевского университета Шульгин отбыл воинскую повинность и поселился в своем имении. Но мирной жизни помещика не получилось. Бурные события вопреки его воле вовлекли Шульгина в политику. Много десятилетий спустя он говорил, что ему пришлось всю жизнь заниматься политикой и всю жизнь он ее ненавидел. Шульгин унаследовал газету «Киевлянин» от своего отчима. Он был талантливым журналистом и публицистом, писавшим своеобразным и неповторимым стилем. Ему также не чужды были ораторские таланты. Изящный, даже «альфонсоподобный», как его называла враждебная пресса, Шульгин, в отличие от Пуришкевича, обращался к своим оппонентам с утонченной вежливостью. В биографическом очерке о Шульгине, опубликованном в советское время под характерным названием «Рыцарь черной сотни», отмечалось, что «его ненавидели больше, чем Пуришкевича, больше, чем Крушевана, Замысловского, Крупенского и других думских черносотенцев и скандалистов». Однажды Шульгину пришлось покинуть зал заседаний, когда он выразил сомнение, не имеется ли у каждого левого депутата по бомбе в кармане.

6 марта 1907 г. П.А. Столыпин огласил в Думе правительственную декларацию. Председатель Совета министров пообещал внести на рассмотрение законодательных учреждений проекты о неприкосновенности личности, о ненаказуемости экономических стачек, государственном страховании рабочих. Но опасения крайне правых, что правительство сойдется с Думой на столь либеральных проектах, мгновенно развеялись. Социал-демократы предложили выразить недоверие правительству, а кадетская фракция внесла формулу перехода к очередным делам, обходившую молчанием правительственные обещания. Выступая перед закрытием прений, П.А. Столыпин бросил в лицо левым депутатам ставшими знаменитыми слова: «Не запугаете!» Кадет В.А. Маклаков вспоминал: «Восторгу правых не было пределов, когда Столыпин вернулся на место, министры встретили его целой овацией, чему других примеров я в Думе не видел. Многим из нас только партийная дисциплина помешала тогда аплодировать»[446].

В марте 1907 г. крайне правые начали массированную пропагандистскую кампанию. Из штаб-квартиры объединенного дворянства на имя уездных предводителей были разосланы запросы: «Совет Объединенных Дворянских обществ почитает своей обязанностью заблаговременно озаботиться собрать необходимые материалы для изготовления соответственной записки об обнаруженных на практике крупных недочетах избирательной системы и о способе их устранения»[447]. «Обвинительный материал» прислали 18 предводителей дворянства. В ответах на запрос была изложена целая система мер для ущемления прав крестьян на выборах.

Главный совет Союза русского народа направил местным отделам циркуляр: «С того момента как в органе союза «Русском знамени» на первой странице появится знак креста, тотчас же начать обращаться с настойчивыми телеграммами к Государю Императору и к Председателю Совета Министров Столыпину и в телеграммах настойчиво просить и даже требовать: а) немедленного роспуска Думы... б)

изменения во что бы то ни стало избирательного закона»[448]. 14 марта 1907 г. на первой странице «Русского знамени» появился черный крест, и в столицу хлынул поток телеграмм, слезно моливших о разгоне Думы. В самой Думе крайне правые депутаты и члены правительства вели себя, как участники общего заговора. «Мы ежедневно видим, — писал М.В. Челноков, — как гг. Министры демонстративно здороваются с гг. Пуришкевичами и Крушеванами»[449]. На III съезде объединенного дворянства (27 марта — 2 апреля 1907 г.) о предстоящем разгоне Думы говорили как о решенном деле. Крайнего накала достигли страсти на IV монархическом съезде, открывшемся 26 апреля 1907 г. В.М. Пуришкевич призвал разогнать крамольное учреждение, членом которого он состоял. «Собрание вторит Пуришкевичу криками: «Пора! Долой Думу!»[450]. Председатель съезда князь Н.С. Щербатов вообще предлагал уничтожить Думу как учреждение, заменив ее Земским собором.

Приблизительно в тот период правительство сделало решительный шаг навстречу крайне правым. Министры высказались за разгон Думы. Николай II торопил членов правительства, выражая недовольство чрезмерной задержкой с выработкой новой схемы выборов. Это поручение было возложено на товарища министра внутренних дел С.Е. Крыжановского. Проекты рассматривались на заседании Совета министров с привлечением 4 членов Государственного совета. Среди приглашенных были хорошо известные своими реакционными взглядами И.Л. Горемыкин и А.Г. Булыгин. По отзыву государственного контролера П.Х. Шванебаха, «Крыжановский явился в заседание, как портной с разными образчиками»[451]. Один из вариантов выборного закона он цинично охарактеризовал как «бесстыжий». Именно этот вариант был одобрен министрами и царем.

Приблизительно в эти дни в Царском Селе принимали правых депутатов. В.В. Шульгин вспоминал: «Нас всех живейшим образом интересовало — скоро ли распустят Государственную думу, ибо Думу «народного гнева и невежест-

ва» мы ненавидели так же страстно, как она ненавидела правительство. Этим настроением Пуришкевич был проникнут более чем кто-либо другой, и поэтому, когда государь приблизился к нему и спросил его что-то, он не выдержал:

— Ваше величество, мы все ждем не дождемся, когда окончится это позорище! Это собрание изменников и предателей... которые революционизируют страну... Это гнездо разбойников, засевшее в Таврическом дворце. Мы страстно ожидаем приказа вашего императорского величества о роспуске Государственной думы...

Пуришкевич весь задергался, делая величайшие усилия, чтобы не пустить в ход жестикуляцию рук, что ему удалось, но браслетка, которую он всегда носил на руке, все же зазвенела.

На лице государя появилась как бы четверть улыбки. Последовала маленькая пауза, после которой государь ответил весьма отчетливо, не громким, но уверенным, низким голосом, которого трудно было ожидать от общей его внешности:

— Благодарю вас за вашу всегдашнюю преданность престолу и родине. Но этот вопрос предоставьте мне...

Был среди представлявшихся членов Думы — Лукашевич, от Полтавской губернии, очень немолодой, очень симпатичный, но хитрый, как настоящий хохол. Нам всем, как я уже говорил, очень хотелось узнать, когда распустят Государственную думу. Но пример Пуришкевича показал, что государь не разрешает об этом говорить. Лукашевич же сумел так повернуть дело, что мы все поняли.

Государь спросил Лукашевича, где он служил. Он ответил:

— Во флоте вашего императорского величества. Потом вышел в отставку и долго был председателем земской управы. А теперь вот выбрали в Государственную думу. И очень мне неудобно, потому что сижу в Петербурге и дела земские запускаю. Если это долго продолжится, я должен подать в отставку из земства. Так вот и не знаю...

И он остановился, смотря государю прямо в глаза с самым невинным видом...

Государь улыбнулся и перешел к следующему, но, по-видимому, ему понравилась эта своеобразная хитрость. Он еще раз повернулся к Лукашевичу и, улыбаясь, сказал ему:

— Погодите подавать в отставку...

В эту минуту мы все поняли, что дни Государственной думы сочтены. И обрадовались этому до чрезвычайности. Ни у кого из нас не было сомнений, что Думу «народного гнева и невежества» надо гнать беспощадно»[452].

Поводом для роспуска II Государственной думы стал так называемый военный заговор социал-демократической фракции, на самом деле являвшийся грубо сработанной полицейской провокацией. Секретный агент Екатерина Шорникова привела депутатам солдатскую делегацию и вручила петицию, содержащую жалобы на тяжелую казарменную жизнь. В момент передачи петиции полиция должна была арестовать и солдат и депутатов. Однако полицейские чины опоздали. Тем не менее был дан ход делу о военном заговоре. 1 июня 1907 г. председатель Государственной думы Ф.А. Головин получил от П.А. Столыпина письмо с требованием немедленно предоставить ему слово для чрезвычайного заявления. Выступая перед ошеломленными депутатами, П.А. Столыпин потребовал отстранить от заседаний Государственной думы 55 социал-демократических депутатов. В игру буквально с полуоборота включились черносотенцы. В.М. Пуришкевич устроил скандал, предложив немедленно выдать и отправить на виселицу преступников. Власти даже не захотели дожидаться ответа на свой ультиматум. Царским манифестом от 3 июня 1907 г. II Государственная дума была распущена. Одновременно с этим было введено новое Положение о выборах, закреплявшее большинство в Думе за господствующими классами.

На первой странице «Русского знамени» аршинными буквами был напечатан царский манифест. На обороте ликующая надпись: «Главный совет Союза русского народа поздравляет свои отделы с роспуском крамольной думы».

Вклад черной сотни в подготовку государственного переворота был высоко оценен. 4 июня 1907 г. Николай II послал А.И. Дубровину телеграмму, кончавшуюся словами: «Да будет же мне Союз русского народа надежной опорой, служа для всех и во всем примером законности и порядка». Открытое братание с черносотенцами поразило даже видавших виды консерваторов. Издатель «Нового времени» А.С. Суворин, сам член Русского Собрания, велел убрать послание из газеты и выговорил своим помощникам «за их неосмотрительность, полагая, что эта телеграмма — поддельная»[453]. Но телеграмма была подлинной. Царь благодарил черносотенцев за участие в разгроме революции. Крайне правые торжествовали победу.

2

Черносотенные боевые дружины

Еще в период своего организационного формирования черносотенцы подчеркивали, что готовы вооруженным путем защищать свои святыни. В июне 1905 г. по Тамбову были разбросаны воззвания: «Призываем всех русских людей вооружаться кто чем может и в момент, когда раздастся клич к уничтожению крамолы, смело выступить с оружием в руках»[454]. Погромы в октябре 1905 г. были самым мощным, но далеко не последним выступлением черной сотни. В г. Иваново-Вознесенске после погрома образовалась правая организация во главе со станционным весовщиком Кашиным. Монархисты из числа железнодорожников, ломовиков и лавочников следили за всеми прибывающими и убывающими поездами. 16 ноября 1905 г. по указанию одного из черносотенцев была задержана девушка с багажом и спутницей. Жандармы заперли арестованных, но черносотенцы начали ломиться в двери. По сообщению прокурора, девушка успела только написать на клочке бумаги свое имя и попросила «дать ей револьвер, чтобы застрелиться. Нанося обеим побои, толпа, на глазах жандармов, понесла их через залу III класса на подъезд и около него на мостовой

начала их избивать»[455]. Убитая оказалась большевичкой О.М. Генкиной, доставлявшей в Иваново транспорт с оружием.

В первое время черносотенные союзы не имели в своем составе никаких вооруженных подразделений. Члены правительства сомневались в том, что черносотенцы представляют собой сколько-нибудь значительную боевую силу. Когда в декабре 1905 г. А.И. Дубровин предложил военному министру А.Ф. Редигеру доставить из Витебска старообрядцев — «он их расположит вокруг города, чтобы навести порядки в районе заводов и помешать рабочим двинуться на Царское Село»[456], это предложение было отклонено как несерьезное. Однако черносотенцы не оставляли надежду обзавестись собственными боевыми дружинами. Дело в том, что практически все левые партии располагали боевыми группами, и среди крайне правых бытовало мнение, что из-за слабости и нерасторопности полиции с левыми придется бороться собственными силами. Уже в январе 1906 г., в годовщину Кровавого воскресенья, около 700 черносотенцев охраняли дворцы сановников и трактиры. В день открытия I Государственной думы вооруженные члены Союза русского народа патрулировали улицы вокруг Зимнего дворца.

В 1906—1907 гг. боевые дружины черносотенцев были созданы в Архангельске, Астрахани, Вологде, Гомеле, Екатеринославе, Киеве, Кишиневе, Москве, Одессе, Тифлисе, Ярославле. Общего трафарета в создании боевых дружин не было. В большинстве случаев отсутствовали уставы или иные регламентирующие документы. Дело всецело было передано на усмотрение местных отделов. В Петербурге существовала общегородская дружина, которой ведал кандидат в члены Главного совета Союза русского народа Н.М. Юскевич-Красовский. Городская дружина опиралась на несколько районных: Нарвскую, Путиловскую, а также небольшие подразделения на ряде заводов. Боевыми силами располагало также «общество активной борьбы с революцией». В Москве боевая дружина была составлена из хоругвенос-

цев и членов Монархической партии. Она называлась Дмитровской по имени своего руководителя — контролера дворцового ведомства Д.Р. Гофштетера. После открытия в Москве филиала «общества активной борьбы с революцией» черная сотня получила еще одну группу боевиков. Этой группой руководил чиновник особых поручений при генерал-губернаторе граф А.А. Бутсгевден.

В Одессе с августа 1906 г. начала формироваться «Белая гвардия». Впоследствии ее называли просто дружиной Союза русского народа. Она была разделена на 6 «сотен» и подчинялась председателю одесского отдела Союза русского народа. Черносотенцы постарались перенести на черноморское побережье обычаи казацкой вольницы. Командовал дружинниками «наказной атаман». Во главе «сотен» стояли «атаманы» и «есаулы». В других городах группы не имели четкой структуры. «Никакой боевой дружины у нас не было, — разъяснял председатель тульского отдела Союза русского народа В.П. Рознатовский, — а было 150 человек... которые были вооружены палками и револьверами»[457].

Численность боевиков можно определить только приблизительно. Самая большая дружина была в Одессе, в каждой из 6 «сотен» насчитывалось 50—60 человек. По своему составу они значительно отличались от Союза русского народа и других союзов. Это объяснялось как сосредоточением дружин исключительно в крупных городах, так и характером их занятий.

В вооруженные группы часто записывалась золотая молодежь. В Дмитровскую дружину в Москве входили катковские лицеисты во главе с дворянином Д. Дымковым, князем М. Шаховским. Черносотенцы вербовали сторонников не только в привилегированных учебных заведениях. К ним шли молодые люди, равнодушные к политике и падкие до военных приключений. На снимках дружинников, изредка появлявшихся в печати, почти всегда позируют студенты, гимназисты, ученики народных школ. В боевые дружины вступали ремесленники и мелкие торговцы. Однако в круп-

ных промышленных центрах дружинники вербовались из рабочих и низшей заводской администрации.

Начальник Петербургского охранного отделения А.В. Герасимов вспоминал, что столичный градоначальник В. Ф. фон дер Лауниц поощрял создание черносотенных дружин: «Обычно я приезжал к нему ночью, около 12 часов, — и почти не бывало случая, чтобы я не застал в его большой квартире на Гороховой полную переднюю боевиков-дружинников СРН. Моя информация об этих дружинниках была далеко не благоприятная. Среди них было немало людей с уголовным прошлым. Я, конечно, обо всем этом докладывал Лауницу, советуя ему не особенно доверять сведениям, идущим из этого источника. Но Лауниц за всех за них стоял горой.

— Это настоящие русские люди, — говорил он, — связанные с простым народом, хорошо знающие его настроения, думы, желания. Наша беда в том, что мы с ними мало считаемся. А они все знают лучше нас...»[458].

Вся Невская застава знала черносотенца Сашку Косого. Историки Путиловского завода писали о нем: «Сашка Половнев, по прозвищу Косой или Одноглазый, славился по заставе большой физической силой и ловкостью. Он был связан с уголовным миром, искал легкой наживы и презирал труд»[459]. Воспоминания самого А.В. Половнева рисуют его путь в черную сотню несколько иначе. Он работал клепальщиком на Путиловском заводе и лишился глаза в результате аварии. За увечье получил вознаграждение, но был выброшен за заводские ворота. «Один мой знакомый, — вспоминал А.В. Половнев, — тогда посоветовал мне записаться в члены Союза русского народа, говоря, что если я запишусь, то по рекомендации этого союза меня и кривого примут на любой завод»[460]. И правда, стоило ему показать билет союза, как он был принят кладовщиком паровозосборочной мастерской Путиловского завода. Одновременно с этим А.В. Половнев был старшим группы дружинников. Ему помогал десятник того же Путиловского завода И.Я. Рудзик.

В черносотенные союзы принимали перебежчиков из других партий. Эсеровская организация решила заслать верного человека в дружину Союза русского народа на Невском судостроительном заводе. «Предложено было это выполнить рабочему Ларичкину, так как никто из черносотенцев его тогда не знал. Он согласился, вступил в эту организацию, но в ней и остался»[461]. Вместо того чтобы сообщать сведения о черносотенцах, Г.С. Ларичкин навел своих новых соратников на эсеров. Один из руководителей московских дружинников А. Александров ранее входил в «московскую оппозицию» партии эсеров. Он намеренно вербовал боевиков среди бывших эсеров и социал-демократов, так как «по личному опыту убедился, что из них выходят лучшие работники». Наконец, в черносотенных дружинах оседали деклассированные и уголовные элементы. По свидетельству А.В. Половнева, дружиной при Главном совете Союза русского народа «была какая-то шайка разбойников. Часто приходилось слышать, что кто-либо из членов этой дружины, а то и несколько человек за Нарвской заставой (обыкновенно) совершали нападения и грабежи»[462].

Одесские атаманы взяли себе патриотические псевдонимы. Наказной атаман Д.Н. Черников фигурировал под именем Ермака. Были еще атаманы Минин, Платов, Витязь. Только атаман Макс Тумп, австрийский подданный, довольствовался прозаическим прозвищем Баранчик. Из всей атаманской ватаги только Ермак служил в городской управе. Остальные исторические персонажи были людьми без определенных занятий. Что же касается рядовых дружинников, то среди них имелись грабители и карманники. Одного из них — Карлика — полиция разыскивала за изнасилование несовершеннолетней. Деклассированные элементы служили за плату. Ее размер был довольно скромным. Одесским боевикам платили 10—15 р. в месяц на хозяйских харчах. В Петербурге предпочитали нерегулярные подачки по 3—5 р. Выходило дешевле, но приходилось мириться с буйным нравом наемников. Заведующий столичной дружиной Н.М. Юскевич-Красковский рассказывал,

как во время Пасхи к нему прибежала за помощью жена «старшего» Снесарева, дом которого осадили дружинники. Они требовали, чтобы «старший» съездил в Главный совет и привез деньги на водку.

Своеобразным был порядок приема в черносотенные дружины. В Петербурге боевики подписывали лист присяги с изображением двух черепов. Гомельские дружинники были связаны кровавой порукой, словно средневековые заговорщики. При обыске в квартире председателя отдела Союза русского народа А.Х. Давыдова полиция обнаружила собственноручные записки дружинников о том, что они кончают жизнь самоубийством и в смерти своей просят никого не винить. По объяснению свидетелей, такие записки «выдавались Давыдову членами боевой организации Союза русского народа для объяснения смерти тех из них, которые за измену союзу должны были быть убиты кем-либо по поручению Давыдова, и с этой целью в карман убитого вкладывались бы подобные записки»[463].

В черносотенных дружинах велось делопроизводство. В архивах сохранилась копия удостоверения, выданного 25 марта 1907 г.: «Настоящим удостоверяю Владимира Максимовича Землянских, состоящего членом Боевой дружины одесского Союза русского народа в 4-й Злобной сотне, поведения хорошего и всегда отличающийся в делах, что удостоверяю подписью и приложением печати. Наказной атаман — Ермак, атаман 4-й Злобной сотни — подпись неразборчива. Печать одесского отдела Союза русского народа»[464].

Боевая подготовка дружин была различной. В некоторых городах они были похожи на регулярные воинские части. Астраханские черносотенцы носили форму: белые папахи и синие кушаки. Из Одессы сообщали: «Дружины имеют свой манеж, стрельбище, их обучают офицеры доблестной русской армии»[465]. Особое внимание уделялось вооружению. В фондах черносотенных организаций скопилось немало просьб прислать оружие. А.Х. Давыдов писал А.И. Дубровину: «Умоляю вас как главу нашего дела, дайте на наш Гомельский отдел 35 револьверов и 100 финских но-

жей»[466]. Иногда указывали желаемую марку оружия. Б.В. Никольского запрашивали из Костромы: «Не можете ли вы добыть нам 50 (или более) револьверов из числа конфискованных правительством? Мы не гонимся за браунингами и будем рады, если получим «Смит и Вессон» или какой-нибудь другой системы»[467].

Руководители черной сотни постарались наладить бесперебойное снабжение отделов. Н.М. Юскевич-Красковский курсировал между Гельсингфорсом и Петербургом, закупая в Финляндии револьверы. Приемочная комиссия под руководством вольного художника А.А. Майкова проводила экспертизу и намечала адреса для рассылки. Председатели губернских отделов Союза русского народа лично являлись в столицу за грузом. Ф.Д. Клюев из Архангельска удостоился похвалы А.И. Дубровина: «...проявляет в делах боевой дружины большую тактичность и вообще умеет очень легко прятать концы»[468]. Других пришлось выручать из неприятных историй. Тульского председателя В.П. Рознатовского по пути в родные места перехватило московское охранное отделение и изъяло багаж. После возмущенного письма В.П. Рознатовского тульским черносотенцам вернули корзину с 50 револьверами и цилиндрический снаряд с фитилем.

Хотя большая часть территории страны находилась на чрезвычайном положении, черносотенцы не имели хлопот с разрешением на ношение оружия. В январе 1906 г. по жалобе Союза русского народа «установленный общий порядок собирания сведений заменен был представлением просителями удостоверений от совета союза, по предъявлению таковых канцелярией Градоначальника разрешения выдавались без замедления»[469]. За один месяц в столице было выдано 120 таких разрешений, в Одессе за 2 года выдали 686 разрешений, из которых около 300 получили члены Союза русского народа.

Львиную долю оружия черносотенцы добывали из государственных арсеналов. В Петербурге полиция уделила Союзу русского народа 100 револьверов из своего запаса.

По распоряжению тульского вице-губернатора А.Н. Хвостова черносотенцы получили 600 наганов. В Одессе, согласно официальному рапорту, выдавались только револьверы, но, по агентурным наблюдениям, у черносотенцев имелись винтовки «Бердан». Члены елисаветградского отдела Союза русского народа решили не отставать и получили разрешение на приобретение винтовок. Артиллерийский склад подготовил к выдаче 20 винтовок и 1532 патрона. Однако сделка все же не состоялась.

По утверждению нескольких дружинников, с ведома петербургского градоначальника В.Ф. фон дер Лауница были похищены пулеметы с военного полигона. На самом деле, как сообщал А.В. Герасимов, градоначальник носился с идеей скупить у революционеров оружие при помощи черносотенных дружинников. Однажды он с торжеством сообщил, что ему удалось выкупить пулемет за 2 тыс. рублей. «Удалось выяснить, что пулемет был выкраден из ораниенбаумской стрелковой офицерской школы, — очевидно теми самыми людьми, которые продали его Лауницу. Я доложил об этом Столыпину, который много смеялся»[470]. Не подлежит сомнению, что черносотенцы доставали динамит и бомбы. В помещении Главного совета стоял железный сундук с полсотней снарядов. Легкостью, с которой союзники приобретали оружие, иной раз пользовались их противники. Члены эсеровского комитета в Одессе записывались в Союз русского народа и получали «при содействии настоящих союзников оружие по удешевленной цене, которое и распространяли среди своих единомышленников»[471].

Специфический контингент черносотенных дружинников облегчал эту задачу. Например, петербургский боевик К.А. Булаев продал полученный от союза револьвер «Бульдог», затем получил «Смит и Вессон», который также продал, потом получил «Парабеллум» и продал его. Тут терпение «старших» лопнуло, и К.А. Булаева выгнали из дружины.

При выходе на дела столичные боевики надевали под одежду панцири, предохранявшие их от пуль. Такой же защитой пользовался, разъезжая по провинции, А.И. Дубро-

вин. Большой спрос был на парики, накладные усы и бороды. Петербургские дружинники были загримированы не хуже артистов императорских театров. В одесском отделе выдавали напрокат студенческую форму для проникновения на территорию университета.

Целью боевых дружин являлось оказание помощи полицейским властям. О том, как это происходило, дает представление следующий эпизод. 27 июня 1907 г. в Одессе городовой задержал 15-летнего подростка А. Басистова с бомбой под мышкой. Однако выяснилось, что член боевой дружины Союза русского народа А. Басистов выполнял задание полицейского агента. Он вошел в доверие к коммунистам-анархистам и уговорил их продать ему бомбу. Агенты сыскной полиции собирались схватить анархистов при передаче груза, но вмешательство городового сорвало хитроумную комбинацию[472].

Некоторые черносотенные организации наладили собственную агентурную сеть. Особенно преуспело в этом петербургское Общество активной борьбы с революцией, одна из самостоятельных черносотенных организаций, действовавшая в основном в рабочей среде. За три дня до взрыва на Аптекарском острове «активники» получили сведения, «что на г. Столыпина должно быть совершено покушение в самом ближайшем будущем, что покушение это будет совершено при помощи нескольких бомб и в то время, когда министр еще не уедет с дачи»[473]. Охрана П.А. Столыпина не обратила должного внимания на предупреждение. Это позволило эсерам-максималистам произвести разрушительный взрыв на даче первого министра.

После этого случая «активники» действовали на равных правах с полицией. 28 августа 1906 г. гатчинским жандармским управлением железной дороги «были задержаны около 15 вооруженных лиц, которые, по удостоверению их в Петербурге, оказались членами Союза русского народа активной борьбы с революцией»[474]. Задержанные пояснили, что охотятся за революционерами, готовящими нападение на поезд, и обещали держать жандармов в курсе дела. Че-

рез два дня «активники» явились к начальнику жандармского отделения и потребовали экстренный поезд. Вместе с жандармами «активники» прибыли к месту нападения. Там завязалась перестрелка. Были убиты двое нападавших, в том числе некий Григорьев. Впоследствии выяснилось, откуда у черносотенцев были точные сведения о времени и месте нападения. Григорьев оказался членом Союза русского народа и агентом охранки, подготовившим нападения в провокационных целях. Провокатора убили в организованной им перестрелке[475].

Черносотенные дружины часто нападали на рабочих, заподозренных в революционных настроениях. В свою очередь, крайне правые гибли в стычках с боевыми дружинами социал-демократов и эсеров. В 1907 г. были убиты 24 монархиста. Жизнь крайне правых была далеко не безопасной. Вступившие в союз должны были мириться с постоянным риском. Так, например, только случайность спасла весь состав бакинского отдела Союза русского народа. Под домом, который арендовал союз, нашли адскую машину весом 27 фунтов, начиненную нитроглицерином и гремучим студнем. По заключению специалистов, взрыв должен был снести здание союза и соседние дома.

Но если сила была на стороне черной сотни, в городе устанавливался режим террора. Заведующий полицией на Кавказе обращал внимание департамента на деятельность Тифлисского патриотического общества: «Не ограничиваясь пассивной ролью указателей подозреваемых ими в политической неблагонадежности лиц, «патриоты», пользуясь попустительством военных чинов, при содействии последних, сами начали производить различные следственные действия, обыскивая и задерживая по своему усмотрению вне всякого контроля полицейских и жандармских чинов»[476].

От нападения дружинников не был застрахован никто. Судя по дневнику ярославского лавочника И.А. Андреева, красный цвет раздражал черносотенцев как, чем быков на корриде: «Увидят на рубашке красный пояс и испорют, или

красную рубашку или красную подкладку у фуражки — за все пороли до упадку сил»[477].

Разнузданнее всего черносотенцы вели себя в Одессе. Атаманы боевых дружин подчинялись председателю одесского отдела Союза русского народа графу А.И. Коновницыну. Нравственные качества носителя исторической фамилии ставили в тупик даже небрезгливых людей. Побывав и уездным предводителем дворянства, и земским начальником, его сиятельство на пятидесятом году жизни докатился до более чем скромной должности заведующего матросской прачечной. Согласно официальным документам: «...причинами увольнения от службы графа Коновницына были произведенные им растраты общественных сумм, займы из городских и гминных касс, взятки при приеме новобранцев»[478]. Но стоило А.И. Коновницыну стать председателем отдела Союза русского народа, как он превратился в подлинного хозяина города. На одесских улицах он появлялся в сопровождении личной охраны, расчищавшей проезд для графа, а возле его квартиры дежурили полицейские чины. Дневник полицейского агента рисует времяпрепровождение черносотенного вождя: «Приезжал Коновницын домой каждый вечер сильно пьяным, его окружали дружинники, выстроившись по лестнице рядами. Граф заплетающимся языком кричал: «Бей, ребята, жидов». Те в ответ кричали: «Ура!»[479]

За таким главарем черносотенцы были готовы идти в огонь и в воду. Сестра С.Ю. Витте писала из Одессы в октябре 1906 г.: «Ежедневно «русские люди» кого-нибудь убивают на улице, и это совершенно безнаказанно»[480]. Секрет неуязвимости заключался в благоволении высших сфер. До октября 1905 г. одесская администрация целиком была на стороне черносотенных элементов. После погрома градоначальника Д. Б. Нейдгардта сменил А.Г. Григорьев, зарекомендовавший себя противником черной сотни. История его борьбы с Союзом русского народа показывает, насколько бессильным был официальный хозяин города по сравнению с неофициальным. А.Г. Григорьев сообщил в столицу:

«Представляется бесспорно необходимым в интересах охранения порядка и спокойствия в городе немедленное же закрытие чайной Союза русского народа, удаление из пределов градоначальства председателя этого союза и вместе с тем редактора газеты «За царя и Родину» графа Коновницына»[481].

Граф предпринял ответный шаг. Он съездил в столицу и был удостоен царской аудиенции. Одесская охранка сообщала о хвастовстве возвратившегося графа: «...будучи принят государем императором, он, граф Коновницын, просил его величество, чтобы он позволил дать крестьянам землю, отобрать торговлю и ростовщичество от евреев и т. п. Государь император высказался, что единственная надежда у него на союз, в нем опора государства. А бывший тут же наследник цесаревич великий князь Алексей Николаевич сел графу на колени и, потрепав его за бородку, спросил, увидя у него ленту Союза русского народа: «Ты союзник?», указав также на свою ленточку, прикрепленную у него на груди, сказал: «Я тоже союзник»[482].

Рассказы о черносотенных настроениях в царском семействе подхлестнули одесских боевиков. В феврале 1907 г. бесчинства союзников привели к внешнеполитическим осложнениям. Иностранные консулы констатировали, что жизнь и имущество подданных других государств подвергаются постоянной опасности со стороны черной сотни. В Министерство иностранных дел в Петербурге с соответствующей нотой обратились итальянский посол и австрийский поверенный в делах.

Ни международный скандал, ни забастовка Новороссийского университета, протестовавшего против черносотенного террора, не остановили Союз русского народа. Что же касается противодействия со стороны градоначальника, то оно вполне уравновешивалось поддержкой командующего войсками округа барона А.В. Каульбарса. Знакомство с его биографией наводит на мысль, что в Маньчжурии и Одессе действовали два разных генерала от кавалерии. Насколько один был безынициативен в войне с внешним вра-

гом, настолько другой был энергичен в борьбе с врагом внутренним. «Мукденский герой», как его иронически прозвали, был убежден, что дружины Союза русского народа являются залогом порядка в городе. А.В. Каульбарс втолковывал университетским профессорам: «Благодаря тем же членам Союза русского народа теперь сделалось легче ловить различных «экспроприаторов». Раньше было так, что экспроприатор, совершивший свое дело, легко уходил из рук, потому что никто не помогал полиции при поимке. Теперь дело обстоит иначе: в толпе всегда найдется несколько членов союза, которые и помогают полиции в поимке преступников»[483]. В качестве наглядного пособия командующий продемонстрировал профессорам «резины» черносотенцев и гири на проволоке, используемые противниками союза.

Градоначальник А.Г. Григорьев заручился поддержкой П.А. Столыпина. Однако требования председателя Совета министров бойкотировались командующим А.В. Каульбарсом и подчиненным ему временным генерал-губернатором П.Ф. Глаголевым. В апреле 1907 г. терпение П.А. Столыпина лопнуло. Он телеграфировал А.В. Каульбарсу: «Ввиду очевидного нежелания временного одесского генерал-губернатора исполнить мои указания о запрещении дружинникам носить форму и оружие... прошу ваше высокопревосходительство категорически понудить генерал-майора Глаголева безотлагательно распорядиться разоружением и расформированием дружины»[484].

Вслед за грозной телеграммой градоначальник А.Г. Григорьев обратился к генерал-губернатору и «предложил произвести обыск в чайной Союза русского народа, но генерал-губернатор ответил, что необходимо подождать, а затем, по полученным сведениям, оружие было перевезено в квартиру графа А.И. Коновницына»[485].

Не надеясь на премьера, градоначальник решил обратиться выше. Конец этой эпопеи по цензурным соображениям не попал в русскую прессу, но был описан английской «Дейли Телеграф»: «Истощенный положением дел генерал Григорьев решил ехать в Санкт-Петербург и исхо-

датайствовать аудиенцию у Государя, решив сказать ему всю правду, дабы он мог помочь ему положить конец преступлениям союза. Аудиенция была дана, и глубоко взволнованный старый генерал ждал появления Государя. Но когда Государь явился, то генерал к своему ужасу увидел на его груди значок Союза русского народа, тот самый значок, который он так часто видел в Одессе на груди у участников погромов. Это так на него повлияло, что, забыв тщательно обдуманную им речь, он, запинаясь, произнес несколько общих мест, как верноподданный, и смущенный, удалился»[486].

Сразу же после неудачной аудиенции А.Г. Григорьев ушел в отставку. Его преемник получил от П.А. Столыпина напутствие «прекратить это безобразие», но продержался под ударами союзников всего несколько месяцев. Тогда правительство капитулировало перед одесской черной сотней, прислав ей градоначальника по вкусу. При вступлении в должность И.Н. Толмачев вызвал представителей монархических организаций: «Прежде всего — мой низкий поклон вам, господа, за вашу деятельность! Второе, — я всей душой черносотенец, и если я официально не могу быть членом союза, то в семье моей все — кто только может — члены союза». После такого вступления встреча прошла в обстановке полного взаимопонимания, о чем с ликованием сообщили сами черносотенцы: «Обещал полнейшую поддержку во всем. Предупредил, что должен до некоторой степени соблюдать нейтралитет; обрадовался предложению Слюсаревского «продергивать» его иногда для отвода глаз в газетах»[487]. Как раз в «толмачевской» Одессе численность черносотенных дружин сократилась. Но это произошло из-за нехватки средств для содержания наемников.

3

Черный террор

Политический террор получил распространение в России с 60-х годов XIX в. и достиг своего пика в начале 80-х годов, когда Народная воля начала охоту за Александром II. К то-

му же времени относилась первая попытка противопоставить террористам те же самые методы, которые они используют против властей. Возникла «Святая дружина», члены которой должны были выслеживать и убивать революционеров. Кстати, одним из инициаторов создания монархической террористической организации был С.Ю. Витте, столь ненавидимый черносотенцами. «Святая дружина» была распущена, не совершив ни одного политического убийства. Но ее идеи продолжали жить.

Революция 1905—1907 гг. ознаменовалась чередой громких политических убийств. Террор в той или иной степени практиковали все левые партии и особенно партия социалистов-революционеров. Либеральные партии, на словах осуждая террор, на деле занимали скорее сочувственную позицию. Точно так же сочувствовала террору значительная часть российского общества, причем даже та часть, которая не разделяла революционных настроений. После убийства министра внутренних дел В.К. Плеве люди вполне умеренных взглядов поздравляли друг друга. После того как бомба террориста разорвала на части великого князя Сергея Александровича, повторялась шутка, что великий князь первый раз в жизни пораскинул мозгами. Когда в Саратове, в доме Столыпина, был застрелен генерал Сахаров, сатирические журналы потешались: «Саратовская губерния объявлена неблагополучной по диабету (сахарной болезни). Там уже наблюдался один смертный случай»[488]. Таких примеров можно было привести без числа.

Официально Союз русского народа и другие черносотенные партии всегда заявляли, что они против насилия. Но некоторые лидеры черносотенцев в узком кругу откровенно говорили, что против террористов надо действовать их же методами. Б.В. Никольский писал одному из своих корреспондентов: «...если на их террор ответить своим террором и за каждого убитого нашего избивать по 5, по 10 главарей краснотряпичников, они скоро очнутся. Главное, что ответный террор должен выражаться не открытым погромом над ничтожной мелюзгой, а тайным истреблением, и притом

заведомых главарей: не местных даже агитаторов, а именно общеизвестных руководителей...»[489].

Однажды на заседании Главного совета П.Ф. Булацель заявил, что революционные выступления будут продолжаться до тех пор, «пока правые не будут отвечать на убийства убийствами, как, например, Грузенберга, Винавера, Милюкова, Столыпина и Щегловитова, находя, что Столыпин и Щегловитов главные виновники и потворщики»[490]. Это было крайнее мнение, недаром соратники дали П.Ф. Булацелю кличку «блажной Павлик». Однако по рукам черносотенцев ходили таинственные списки приговоренных к смерти, в которых значилась почти половина членов ЦК кадетской партии, депутаты-трудовики и другие лица.

Кандидат в члены Главного совета А.И. Пруссаков припоминал, как А.И. Дубровин отдал распоряжение дружинникам «нанести Милюкову удар кастетом по затылку около виска и вообще «дать ему хорошо». У этих людей были фотографические карточки Милюкова»[491]. Дружинники действительно напали на него, но, к большому гневу А.И. Дубровина, лишь слегка помяли кадетского лидера. Также не был выполнен приказ «снять» директора Семянниковского завода И.И. Гиппиуса, который противился черносотенной пропаганде. Дело не вышло, поскольку условия найма предусматривали повременную оплату. Подрядившиеся на убийство черносотенцы сочли более выгодным тянуть дело, чтобы не лишиться ежедневного заработка.

Наиболее нашумевшими преступлениями черносотенцев были убийства М.Я. Герценштейна, Г.Б. Иоллоса и покушение на С.Ю. Витте. Следует подробнее остановиться на этих покушениях, так как они дают наглядное представление о методах черносотенного террора.

Профессор М.Я. Герценштейн считался главным экспертом кадетской партии по аграрному вопросу. В случае прихода к власти кадеты прочили его на один из важнейших постов. Внимание крайне правых он привлек острыми выступлениями в I Государственной думе. Осталось неизвестным, кто конкретно дал приказ убрать депутата распу-

щенной Думы. Однако участники покушения входили в дружину, подчинявшуюся непосредственно Главному совету Союза русского народа. В этой группе были уже упоминавшиеся ранее А.В. Половнев (Сашка Косой) и И.Я. Рудзик, охранники при Главном совете Г.С. Ларичкин и С. Александров, а также трактирщик из Пинска Л.А. Тополев (Гамзей Гамзеевич).

Очевидно, М.Я. Герценштейн должен был открыть длинный список жертв, намеченных Главным советом. Номером первым он стал потому, что отдыхал на курорте Териоки, где убийство можно было совершить легче, чем в городе. При подготовке террористического акта черносотенцы мало заботились о конспирации. Они демонстрировали служащим гостиницы револьверы и панцири, называя себя революционной летучей боевой дружиной. Один из них по секрету сообщил, что они собираются организовать покушение на Д.Ф. Трепова, и посетовал, что дворцовый комендант нигде не показывается. Затем в Териоки прибыл «барин» — командир боевой дружины и кандидат в члены Главного совета Союза русского народа Н.М. Юскевич-Красовский. Он привез с собой московского гостя, имени которого дружинники не знали. Командиры проверили «посты» и дали добро на операцию.

18 июля 1906 г. была устроена засада. По словам жены и дочери М.Я. Герценштейна, они возвращались с прогулки, «как вдруг, в расстоянии 1 километра от гостиницы, послышалось за ними два выстрела подряд, и хотя тогда никто ими замечен не был, но профессор тут же упал замертво, а дочь, которая шла по левую сторону отца, была поражена пулей в правую руку»[492]. Убийцы благополучно вернулись в Петербург. А.В. Половнев вспоминал, что поздно ночью заглянул в Главный совет, где застал в полном составе вождей Союза русского народа. Все чуть ли не целовали друг друга от радости. Видимо, непосредственным убийцам неплохо заплатили. Один из дружинников записал откровения Г.С. Ларичкина (орфографию оригинала сохраняем): «в Пьяном виде ларечкин ни Олновратно хвастовал

еслибы ище Одного Такого Чиловека убрать то бы в Диревни выстроил каминой Дом»[493].

Убийство М.Я. Герценштейна было осуществлено черносотенцами, однако имеются сведения о косвенной причастности тайной полиции к этому террористическому акту. Боевики в Териоках дневали и ночевали в квартире станционного жандарма Т.А. Запольского. Впоследствии он признал, что оказывал содействие убийцам по долгу службы, так как А.В. Половнев и его спутники предъявили удостоверения секретных агентов. Охранка поспешила откреститься от дружинников: «Начальником охранного отделения полковником Герасимовым за его подписью и с приложением казенной печати никому из служащих в отделении свидетельства не выдаются и личность некоего Половнева отделению неизвестна»[494]. Действительно, агенты охранки не носили удостоверений о своей принадлежности к тайному ведомству. Но, отрицая знакомство с убийцами, начальник охранки явно кривил душой. Сам А.В. Половнев показывал: «Недели через полторы после убийства Герценштейна я и Рудзик были приглашены к начальнику охранного отделения Герасимову, который меня принял и сказал: «Ведь не вы совершили убийство Герценштейна», я, конечно, ответил: «нет»; он сказал: «Ну и хорошо, молчите, вам больше нечего и говорить и сидите спокойно». Для меня было очевидно, что Герасимов был в полном курсе дела относительно организованного Союзом русского народа убийства Герценштейна»[495].

Следующей жертвой был намечен экс-премьер С.Ю. Витте. Когда он возглавлял правительство, черносотенцы могли творить лишь словесную расправу. Когда С.Ю. Витте вышел в отставку, его враги сочли, что пробил час расплаты с опальным сановником. Петербургские черносотенцы решили прибегнуть к помощи московских боевиков. Между двумя столицами проходил постоянный обмен сведениями о готовящихся террористических актах. За час до покушения в Териоках правые газеты в Москве вышли с кричащими заголовками: «Герценштейн убит».

Непосредственной организацией покушения занялся член московского отдела активной борьбы с революцией А.Е. Казанцев. Когда-то он работал кузнецом на заводе Тильманса в Петербурге и водил знакомство с членами нелегальных организаций. Но в Москве А.Е. Казанцев вынырнул уже заправским монархистом. Он стал доверенным лицом графа А.А. Бугсгевдена. Служба хорошо оплачивалась и позволяла содержать несколько конспиративных квартир. Перед знакомыми бывший кузнец хвастал, что нашел место «главного контролера над сыскной полицией». Подобно многим черносотенцам А.Е. Казанцев занимался доносами; хотя трудно утверждать, состоял ли он на службе в охранке. Его знали петербургские жандармы. По наводке А.Е. Казанцева был захвачен склад бомб на Лиговке. Он был замешан в деле Герценштейна.

Но в деле С.Ю. Витте было решено сменить тактику. Созрел хитроумный план совершить покушение чужими руками — благо не было недостатка в горячих молодых людях, ничего не понимавших в политике, но жаждавших потрудиться на благо революции. А.Е. Казанцев разыскал своего товарища по заводу С.С. Петрова, бывшего члена Петербургского совета рабочих депутатов, который был арестован во времена премьерства С.Ю. Витте, бежал и жил в столице на нелегальном положении. А.Е. Казанцев назвался эсером-максималистом и предложил совершить теракт против С.Ю. Витте, распорядившегося ликвидировать Петербургский совет. С.С. Петров дал свое согласие и рекомендовал надежного помощника — В.Д. Федорова.

22-летний рабочий Василий Федоров примыкал к РСДРП, хотя толком не знал, большевик он или меньшевик. Он побывал в ссылке за транспортировку оружия, бежал, но не смог восстановить связей с социал-демократами. По своей политической наивности В.Д. Федоров легко угодил в расставленную ловушку. В разгар подготовки террористического акта Петров попался полиции. Тогда Федоров привлек к делу своего сверстника — портного А.С. Степанова. Тот сам признавался, что в голове у него был полный

сумбур: «По своим убеждениям я принадлежал к партиям левым, но ни в чем себя не проявлял и, признаться откровенно, не мог даже хорошо и разобраться в задачах партий». Разговор был коротким. «Казанцев мне и Васе сказал, что партия анархистов признает графа Витте вредным и что нужно его убить. Мы, не разбирая хорошо, во всем выразили согласие»[496].

Черносотенцы пытались одним выстрелом убить двух зайцев, т. е. покончить с С.Ю. Витте и спровоцировать новые полицейские репрессии. Было ли посвящено в иезуитский план руководство Союза русского народа? Если верить показаниям кандидата в члены Главного совета Союза русского народа А.И. Пруссакова, глава союза А.И. Дубровин дал задание раздобыть план дома бывшего премьера. При этом он намекнул, что все делается по поручению «августейшей особы». Из убийства сановника намеревались извлечь максимальную выгоду. А.И. Дубровин заранее набросал заметку для «Русского знамени» с соболезнованием по поводу смерти С.Ю. Витте и требованием ужесточить борьбу с террористами.

Казанцев снарядил две бомбы и вручил своим подручным план дома. Федоров описал всю операцию, которая проходила 29 января 1907 г.: «Поднялись на дом Витте, как было распланировано Казанцевым. Я свою опустил до конца, сняв флюгарку, товарищ тоже снял флюгарку и спустил свою адскую машину до 2-го этажа, как указано было Казанцевым (машины адские приблизительно по 12 фунтов каждая — ящик, в них часы, которые были заведены на 9 часов утра того же дня)»[497]. По воспоминаниям самого С.Ю. Витте, бомбы были обнаружены истопником. Вначале эксперты отнеслись к самоделкам с пренебрежением, но затем определили, что взрывчатое вещество было большой силы и должно было вызвать значительные разрушения.

После обнаружения бомб в «Русском знамени» появилась заметка: «Любой палач покажется гуманистом в сравнении с людьми, наталкивающими пылкую молодежь на

убийства своих противников». А.И. Дубровин недрогнувшей рукой прокомментировал заметку: «Чего же хотят кровожадные безумцы, вкладывающие адские машины в печи, — неужели убийства ради убийства, крови ради крови»[498]. Впрочем, через несколько дней «Русское знамя» распустило клевету, что бывший премьер симулировал покушение в рекламных целях: «Нечего делать — пришлось домашними средствами подогревать угасающую известность великого реформатора России»[499].

Срыв покушения не заставил черносотенцев отказаться от террористических планов. Группа вернулась в Москву, причем Казанцев объяснил своим подопечным; «Порученное первое дело нами не исполнено, так нужно исполнить второе, заслужить у партии доверие, а иначе у нас, максималистов, не сделавши дела, в партию не принимают»[500]. Второе дело заключалось в казне изменника, который якобы присвоил экспроприированные деньги. 14 марта 1907 г. Казанцев показал этого изменника. Федоров догнал его и четыре раза выстрелил ему в лицо. На следующий день он узнал, что убил бывшего депутата Думы, редактора «Русских ведомостей» Г.Б. Иоллоса.

Новое преступление посеяло панический страх. В действиях черной сотни наблюдалась зловещая закономерность — одного за другим ликвидировали членов I Государственной думы, принадлежавших к кадетской фракции. При этом черносотенцы даже не скрывали своих намерений. Всплыло имя редактора черносотенной газеты «Вече» В.В. Оловенникова, который проявлял поразительную осведомленность в террористических делах. В июле 1906 г. он сообщил об убийстве Герценштейна еще до того, как оно свершилось. В начале марта 1907 г. в издаваемом им журнале «Кнут» появилась прямая угроза Иоллосу. Само убийство произошло у здания редакции «Вече». Владелец дома — руководитель Народной охраны И.В. Торопов — незадолго до этого предупредил через газету «Вече», что, если с его головы упадет хоть один волос, будут убиты редакторы трех либеральных газет, в том числе «Русских ведомостей». По-

сле расправы с Иоллосом редактора газет получили анонимные письма с планом дорогомиловского кладбища. Крестиками были отмечены места их скорого погребения. В такой обстановке у некоторых судейских чиновников сдали нервы. Следователь по важнейшим делам Всесвятский получил по почте послание, в котором ему предлагали поразмыслить: не сократит ли он свои и без того недолгие дни, слишком рьяно взявшись за следствие. Прочитав письмо, следователь заявил прокурору, что он совершенно болен и не в состоянии выполнять свой служебный долг.

После убийства намеченной жертвы Казанцев засыпал своих подчиненных новыми заказами. Однако рабочие уже почувствовали неладное. Они требовали объяснить, почему их шеф не изучает революционную литературу, не может говорить, как говорят сознательные революционеры, наконец, почему он водит дружбу с графом Буксгевденом и другими монархистами. Казанцев изворачивался как мог, но Федоров уже решил загадку: «Тут я немного понял, что, видится, вместо максималистов попал к черной сотне»[501]. Он поделился своими подозрениями с Петровым, который в очередной раз бежал из ссылки и поселился у Казанцева. Друзья решили следить за лжемаксималистом. «Я внимательно наблюдал за ним, — писал Петров, — в полуоткрытом ящике его стола в момент, когда он выходил, я видел «список адресов» для секретных сношений между «организациями Союза русского народа»[502]. Последние сомнения рассеялись. Рабочие решили казнить провокатора.

Между тем Казанцев торопил с главным заданием. Шум вокруг бомб в печных трубах утих, и можно было возвращаться в Петербург, чтобы закончить дело. Боевики должны были разместиться в гостинице напротив дома С.Ю. Витте и метнуть бомбу в его автомобиль. Петров и Федоров согласились выполнить этот план. Но по прибытии в Петербург они обратились за советом к социал-демократам и эсерам. Петров получил от социал-демократов совет публично разоблачить провокатора. Федоров при поддержке эсеров настаивал на казне черносотенца.

Для отвода глаз В.Д. Федоров поддерживал прежние отношения со своим шефом. «Казанцев говорит, я надеюсь, Вася, на тебя, что ты сделаешь порученное дело, ты у меня будешь первый. Сколько хочешь бери денег, после как дело сделаешь. Это на одно гулянье. А после всего откроем какое-нибудь заведение для виду в Москве. Сколько нужно на расходы дадут. Будешь членом нашей партии и можешь иметь своих людей. (Я думаю про себя: нет, Иуда, больше никого не введешь в искушение, теперь ты в моих руках, никуда не уйдешь»)[503]. 27 мая 1907 г. Федоров и Казанцев выехали на станцию Пороховое, где у черносотенцев было нечто вроде испытательного полигона. Когда Казанцев занялся снаряжением бомб, Федоров набросился на него сзади и нанес несколько смертельных ударов. Провокатор принял смерть от кинжала, который сам же вручил обманутому рабочему. После этой расправы от имени партии эсеров был разослан циркуляр с изложением всех обстоятельств дела. Письма Федорова и Петрова были опубликованы в печати.

Несмотря на скандальные разоблачения, С.Ю. Витте не сумел добиться тщательного расследования дела, в особенности возможной причастности к нему руководителей Союза русского народа и высокопоставленных сотрудников тайной полиции. Он откровенно писал П.А. Столыпину: «...главные и истинные виновники двукратного покушения на жизнь вашего предместника по званию Председателя Совета Министров не предстали на суде не потому, что их не могли обнаружить, а потому, что правительственные органы обнаружить их и судить не желали»[504]. Тогда П.А. Столыпин решил, как он выразился, «положить конец этой комедии». Он выбрал беспроигрышный вариант, передав дело на рассмотрение царю, который люто ненавидел инициатора Манифеста 17 октября. Николай II наложил резолюцию: «Никаких неправильностей в действиях властей административных, судебных и полицейских я не усматриваю. Дело это считаю законченным».

Не удалось привлечь к ответственности лиц, стоявших за убийством М.Я. Герценштейна. Официальное следствие не установило виновников преступления. Однако члены кадетской партии не прекращали поиска. Они рассчитали, что кто-нибудь из черносотенцев, без разбору принимаемых в боевую дружину Союза русского народа, обязательно проговорится. Первые сведения о подоплеке покушения на М.Я. Герценштейна просочились из Выборгской тюрьмы. Там отбывали наказание два члена боевой дружины Союза русского народа, Н.И. Зорин и И.А. Лавров. Оба черносотенца были в курсе всех происшествий. Слышали они и рассказ Е.С. Ларичкина о том, как убили «председателя от жидов». Вскоре двух друзей выгнали из Союза русского народа. Легко догадаться, что они не питали теплых чувств к руководителям боевой дружины Союза русского народа. Лавров намекнул одному политзаключенному, что мог бы многое рассказать о тайных делах черной сотни. Через этого посредника был установлен контакт с адвокатом Г.Ф. Вебером, а через некоторое время на стол министра юстиции И.Г. Щегловитова легли бумаги, в которых были названы имена убийц Герценштейна.

На первом этапе события развивались по классической схеме, гарантировавшей полную безопасность черной сотне. И.Г. Щегловитов поручил провести негласное дознание, а когда собранные Г.Ф. Вебером факты подтвердились, выразил готовность всемерно содействовать в привлечении убийц к ответственности. Но никто пальцем не шевельнул, чтобы арестовать черносотенных дружинников. Половнев был опознан на улице и доставлен в участок. Но там его немедленно освободили. Неудивительно, что, когда пришло официальное постановление о задержании убийц, все подозреваемые по подложным паспортам уехали из столицы. Все это делалось с ведома властей. Заведующий боевой дружиной Союза русского народа Н.М. Юскевич-Красовский уведомил Министерство внутренних дел, что покидает город, т.к. не желает видеть на скамье подсудимых весь состав Главного совета.

Чиновники со спокойной душой рапортовали, что розыск подозреваемых ведется на огромных просторах империи. Тайная полиция с широко разветвленной агентурной сетью якобы не знала, где нашли убежище черносотенцы. Между тем в Почаевской лавре всем паломникам показывали дом, где «скрываются наши, убившие Герценштейна». Одно иллюстрированное издание поместило фотографию архимандрита Виталия, окруженного членами Союза русского народа. Среди них позировал и Е.С. Ларичкин. В руках правосудия остался только «барашек», как прозвали в союзе молодого дружинника С. Александрова. Союзники, вызванные на суд в качестве свидетелей, вели себя издевательски. Один черносотенец заявил, что в день убийства Александров был в Петербурге: «В союзе сидели, газеты читали. Прочли про убийство Герценштейна. Александров и говорит: все кровопролитие да кровопролитие, а остановить это, конечно, мы не можем. Болит же наша душа тоже, когда людей убивают»[505]. Александров был осужден на 5 месяцев за недонесение об убийстве.

Однако черносотенцам никак не удавалось закрыть дело. Даже дворцовый комендант В.А. Дедюлин предупреждал черносотенцев: «Ведь над всем Главным советом Союза русского народа висит кулак, готовый их раздавить. Ведь только пикни они. Ведь едва-едва не потянули их всех на суд»[506]. Между тем в Главном совете нашелся предатель. Кандидат в члены совета А.И. Пруссаков из личных побуждений покинул Союз русского народа и опубликовал сатирическую пьесу «Доктор Зубровин и компания». Под более чем прозрачными псевдонимами была вскрыта закулисная жизнь некоего «Главного управления Патриотического общества». В этой комедии доктор Зубровин (Дубровин) называл Столбихина (Столыпина) заядлым ноябристом (октябристом), а адвокат Коростель (Булацель) включал в число освободительствующих кадюков министра Дятловитова (Щегловитова). Были прозрачные намеки и на дело Герценштейна. Член Главного управления Байков (Майков) докладывал председателю об угрозах скрывавшегося на-

чальника боевой дружины: «Требует, чтобы было исполнено обещание купить ему где-нибудь на юге имение, а то, говорит, «я лучше предпочту явиться в суд и все рассказать»[507].

Пруссаков не ограничился опубликованием памфлета, а дал официальные показания о причастности к убийству М.Я. Герценштейна всего руководства Союза русского народа. Он сообщил С.Ю. Витте, что инициатива покушения на него исходила лично от Дубровина. Он также рассказал, что в Союзе русского народа были разногласия по поводу террористических актов: «Главный совет Союза русского народа имел два «крыла» — явное и тайное. Членами явного крыла состояли лица, из коих большинство выражало недоверие действиями Дубровина как председателя — в числе их были 12 человек, признавших перед последним съездом Союза русского народа незаконность поступков Дубровина и его ближайших единомышленников»[508].

Весной-летом 1909 г. были арестованы скрывавшиеся черносотенные дружинники. Поскольку убийство М.Я. Герценштейна было совершено в Териоках, то преступников надлежало судить по законам Великого княжества Финляндского. Черносотенцы понимали, что в финском суде им нечего было надеяться на снисхождение. Отделы Союза русского народа отправили многочисленные ходатайства о переносе дела в русский суд, ибо, как телеграфировал костромской отдел, «...мятежные финляндцы всеми неправдами стараются погубить передового борца за русскую народность председателя Главного совета Союза русского народа Александра Ивановича Дубровина и тем подорвать значение и силу союза»[509].

В апреле—мае 1909 г. прошел суд над А.В. Половневым. Черносотенный боевик был приговорен к 6 годам заключения. На суде вскрылись скандальные факты, в частности, обсуждавшиеся в Главном совете планы физического устранения неугодных министров. Петербургская судебная палата пришла в движение. Были допрошены члены Глав-

ного совета Союза русского народа А.А. Майков, Р.Ф. Еленев, В.А. Соколов.

Непосредственная угроза нависла над А.И. Дубровиным. В апреле 1909 г. Кивинеппский уездный суд признал заслуживающим уважения ходатайство вдовы убитого М.Я. Герценштейна о привлечении к суду председателя Союза русского народа. В Государственную думу был внесен запрос: почему до сих пор не предстал перед судом руководитель черной сотни, изобличенный в многочисленных преступлениях. Мнения членов Главного совета разделились. Одни доказывали, что необходимо перейти в решительное наступление. П.Ф. Булацель писал А.И. Дубровину о думском запросе: «Прочитав это сообщение, невольно подумаешь: вот к чему приводит нерешительность Александра Ивановича. Если бы ты показал этим господам свою силу, они бы и думать не смогли клеветать... Но полумеры и вечное заигрывание с Столыпиным и другими министрами ни к чему не ведут»[510]. Однако большинство руководителей Союза русского народа советовали своему председателю не искушать судьбу.

Дубровин предпочел под предлогом болезни покинуть столицу, находившуюся в опасной близости от Финляндии. Вождь черной сотни укрылся в Ялте. Градоначальник генерал-майор И.А. Думбадзе занимал особое положение в служебном мире, так как ведал царской резиденцией в Ливадии и мог напрямую общаться с Николаем II. Поэтому И.А. Думбадзе не стеснялся афишировать свои черносотенные убеждения. Председатель Союза русского народа нашел теплый прием на курорте «времен думбадзевских и покорения Крыма», как иронически писали русские газеты. Один из черносотенцев докладывал Главному совету о жизни патрона в Ялте: «Генерал Думбадзе его хорошо оберегает и заявил, что арестовать их могли бы только вместе»[511].

Петля вокруг Союза русского народа так и не была затянута. Возможно, правительство сочло, что оно достаточно проучило критиков справа. Но вероятнее всего, на защиту черной сотни встал Николай II, тем более что Главный совет Союза русского народа недвусмысленно намекал: «...в

Финляндии начался беспримерный по своей жестокости и пристрастию процесс, имеющий целью затравить не только главарей Союза русского народа, но и лиц, живущих во дворцах»[512]. Стремление закрыть неприятное дело явственно обнаружилось в сентябре 1909 г., когда начался суд над Н.М. Юскевичем-Красовским и Е.С. Ларичкиным. Царь еще допускал, что можно осудить рядового исполнителя. Но кандидат в члены Главного совета Союза русского народа являлся неприкосновенным лицом. Николай II лично приказал высшим финляндским властям быстрее закончить процесс.

Чувствуя перемену в настроении верхов, крайне правые окончательно осмелели. Представлявший особу председателя Союза русского народа адвокат П.Ф. Булацель привозил в Финляндию сотни черносотенцев, которые окружали здание суда, угрожая расправиться с непокорными чухонцами. Тон задавал сам Булацель, измывавшийся над финским судом и финнами. Он никак не мог выговорить сложную фамилию обвинителя Хюрряляйненна. «Херу... Хер...» — спотыкался адвокат под хохот черносотенной публики. Во время суда Булацель надменно заявил, что на свете нет силы, которая бы могла заставить вождя русского народа вступить на финскую землю. И действительно, власти наотрез отказались выдать финляндскому суду Дубровина. В конце концов Булацель был удален из зала суда. Либеральная пресса сообщала, что это произошло после того, как он выхватил из кармана своего фрака револьвер и направил его на судью. Впрочем, это слишком даже для прославившегося дикими выходками «министра союзной юстиции». Черносотенцы, разумеется, подавали этот эпизод по-другому. Градоначальник Думбадзе телеграфировал генерал-губернатору, что надругательство финнов над адвокатом Булацелем омрачает радостное настроение отдыхающих г. Ялты.

Поверенные вдовы Герценштейна — А.С. Зарудный и Л.Н. Андронников — добились обвинительного приговора.

Ларичкин, который дал откровенные показания, и Юскевич-Красовский, не признавший своей вины, были приговорены к шестилетнему заключению в смирительном доме. Но судьба их была различной. Ларичкин радовался, что тюрьма надолго укроет его от мести Союза русского народа. Его соучастники твердо рассчитывали на снисхождение. Половнев заявил судебным властям: «Я от всяких апелляционных и кассационных жалоб в Финляндский Сенат отказываюсь и всю надежду возлагаю исключительно на милость и справедливость Самодержавного Русского Государя Императора»[513].

Надежды не были напрасными. 30 декабря 1909 г. Николай II передал статс-секретарю Великого княжества Финляндского записку о помиловании Юскевича-Красовского и Половнева. Собственноручная записка императора свидетельствовала, что царь придавал большое значение этому делу. Кроме того, министру юстиции И.Г. Щегловитову было передано словесное поручение: «Его Величество соизволил выразить желание, чтобы Высочайшее повеление о помиловании и освобождении было приведено в исполнение до наступления нового года». Оба черносотенца вышли на свободу в тот же день.

Оценивая результаты черного террора, следует отметить, что его размах был несопоставим с террором революционных партий. В отличие от профессиональных конспираторов из левого лагеря, крайне правые проявили полную беспомощность в организации террористических актов. Несопоставим был размах черного и красного террора. Если черносотенцы совершили два убийства и одно покушение на убийство, то только эсеры в 1905—1907 гг. совершили 233 покушения. При этом партия эсеров была не единственной, использовавшей террор. По неполным данным, с февраля по май 1906 г. террористы убили и тяжело ранили 1421 человека, а по статистике Департамента полиции в 1907 г. «невыясненными лицами» было совершено 3487 террористических актов против рядовых представителей го-

сударственного аппарата[514]. Парадоксально, что, несмотря на такую огромную разницу в количестве террористических актов, совершенных правыми и левыми, прогрессивная печать создала из черносотенцев образ патологических убийц. Несколько покушений, осуществленных черносотенцами, с политической точки зрения принесли им неизмеримо больше вреда, чем пользы.

Глава V

МОНАРХИСТЫ В ТРЕТЬЕИЮНЬСКОЙ МОНАРХИИ

1

Фракция крайне правых

Крайне правые оказали активное содействие государственному перевороту 3 июня 1907 г. Но их отношение к установившейся вслед за этим третьеиюньской политической системе было неоднозначным. Сравнительно небольшая группа черносотенцев осудила новый избирательный закон. Так, кишиневский отдел Союза русского народа констатировал: «Тенденциозность закона, сквозящая в каждой строчке, желание выдвинуть и поставить в привилегированное положение имущие классы, вопиющее неравенство в распределении выборщиков, широкая возможность искусственного подбора и давления на выборах, все это вместе взятое роняет смысл народного представительства и создает почву для недовольства. Особенно недовольными имеют полное право быть крестьяне и рабочие...»[515]. В этом на первый взгляд совершенно не характерном для крайне правых постановлении сказался демократический состав черносотенных организаций. В дальнейшем разница между интересами руководителей Союза русского народа и рядовой массы проявлялась все более отчетливо. Непосредственным отражением этих противоречий явились разногласия в руководящей верхушке Союза русского народа и других правых организаций.

Вожди черной сотни одобрили третьеиюньский переворот как первый шаг к возвращению дореформенного самодержавия. Однако второго шага не последовало. С точки

зрения монархистов, все политические задачи были решены только наполовину. Крайне правые были убеждены, что власти с непростительным легкомыслием относятся к революционной угрозе. Кричащие заголовки черносотенных газет без устали напоминали, что крамола вот-вот вырвется из подполья и унесет «во славу разбойно-освободительного движения» новые тысячи жертв.

Не произошло и столь желанного для черносотенцев возвращения к неограниченному самодержавию. Третьеиюньская монархия отличалась от царизма дореволюционной эпохи. Черносотенцы были уверены, что политические свободы — это симптом временной болезни, а излечившись от революционной лихорадки, Россия вновь обретет безмятежный покой. Однако недуг грозил приобрести затяжную форму. Возвещенные Манифестом 17 октября свободы были значительно урезаны, но не ликвидированы. Ежедневная полемика с десятком оппозиционных изданий напоминала черносотенцам о свободе слова и печати. С момента своего возникновения черносотенные организации утверждали, что Россия не нуждается в политических партиях, отстаивающих узкогрупповые интересы. В нормально функционирующем государстве все партии будут запрещены. Останется только Союз русского народа, представляющий собой не партию, а организацию, которая выражает волю всего народа. Между тем в России продолжали действовать политические партии, причем даже заведомые противники самодержавия имели легальные или полулегальные организации.

Не были упразднены и законодательные учреждения — Государственная дума и Государственный совет. Получив с третьей попытки учреждение, в котором искусственным путем был создан перевес консервативных элементов, правительство сочло III Государственную думу вполне работоспособным инструментом. Теперь конфликты возникали лишь в тех случаях, когда Дума отрывалась от «законодательной вермишели» (обсуждения бесчисленных ведомственных постановлений) и обращалась к действительно

важным вопросам. Вместе с тем в России постепенно приживались парламентские порядки. Свободно распространялись отчеты о думских прениях, в которых участвовали и социал-демократы, и крайне правые.

Лидерам черной сотни казалось, что если они коленопреклоненно умолят царя, Россия легко вернется в прежнее состояние. Николай II более трезво оценивал свои возможности. Он искренне сожалел о том, что за три года уступил больше, чем династия Романовых за три столетия. Царь неоднократно, в том числе и публично, подчеркивал, что считает черносотенцев настоящими, едва ли не единственными верноподданными. Но черносотенцы претендовали на то, чтобы быть большими монархистами, чем сам монарх. Это вызывало недоумение придворных кругов. Дворцовый комендант В.А. Дедюлин, говоря о руководителях Союза русского народа, сокрушался: «Ну что это за люди! А ведь хотят из себя разыгрывать второе правительство, ведь лезут, да еще требуют... Хотят по-своему повернуть Россию. Второе правительство изображают. Сам царь болеет за этот манифест и хотел бы его отменить. Но ведь Манифест 17 октября дан. Основные законы ведь существуют. Ну как же теперь назад все это взять»[516].

Правительство рассчитывало на совместную работу всех центристских и правых политических партий. Вопрос о сотрудничестве между Союзом 17 октября и Союзом русского народа встал в преддверии выборов в III Государственную думу. Среди октябристов были и сторонники блока с правыми партиями, и сторонники союза с кадетами. Черносотенцы, как и на двух предыдущих думских выборах, занимали двойственную позицию. Часть руководителей, особенно на местах, выступала за официальное оформление фактически существовавшего блока. Одному из них — протоиерею И.И. Восторгову — по личному поручению П.А. Столыпина устроили тайную встречу с А.И. Гучковым. Вождь московских черносотенцев обещал поддержать лидера октябристов. Поскольку Главный совет Союза русского народа противился этой затее, Восторгов и его сторонники

задумали воспользоваться съездом председателей губернских отделов Союза русского народа и других монархических партий, состоявшимся в Москве в июле 1907 г. Было подготовлено предложение о блоке с Союзом 17 октября.

Однако Главный совет не допустил даже обсуждения этого предложения. А.И. Дубровин обрушился на проект еще во вступительной речи при открытии съезда. С критикой проекта выступил также князь М.Н. Волконский. Съезд постановил не только не вступать в блоки с «конституционными» партиями, но даже потребовал отказаться от временных соглашений по отдельным кандидатам[517]. Чтобы избежать подвоха, Дубровин добился специального постановления, предписывающего отделам Союза русского народа выполнять только те циркуляры и распоряжения, которые получили одобрение председателя Главного совета. Несмотря на это указание, предвыборная кампания прошла по усмотрению местных отделов. Там, где позиции черной сотни были прочными, соглашения не заключались. В других случаях черносотенцы выступали за кандидатов Союза 17 октября. После выборов они печатно вопрошали протоиерея Восторгова: «Правда ли, что вы, взойдя в соглашение с октябристами, взяли на себя предвыборное проноведование идеи слияния октябристов с правыми и деятельно его проповедовали в разных губерниях России?»[518]

Третья избирательная кампания сложилась для черносотенцев гораздо удачнее выборов в I и II Государственные думы. Это объяснялось спадом революционных настроений и обострением национального вопроса. Но решающее значение имел новый избирательный закон, предоставивший помещикам непропорционально большое представительство в Думе. Численность правого крыла III Государственной думы определяется по-разному. Пресса подсчитала, что в Думу прошли 168 членов Союза русского народа, правых и «беспартийных правых»[519]. В думском справочнике указано 155 монархистов и правых[520]. Сами черносотенцы числили в своем активе 140 человек[521]. Разнобой в цифрах возник за счет нечеткой политической принадлежности ряда депута-

тов, переходов из одной фракции в другую, естественных причин (двое правых скончались сразу после выборов, а избрание одного правого депутата было признано недействительным). По всей видимости, в первую сессию насчитывалось 140 правых депутатов (плюс-минус 4 человека).

Правых депутатов прислали в основном многонациональные регионы, где часть населения видела в великодержавной политике гарантию мирной жизни. Единственным депутатом от русского населения Кавказа и Закавказья был избран черносотенец. То же самое произошло в Виленской губернии. Особенно многочисленную группу составили правые депутаты от западных окраин, считавшихся вотчиной черной сотни. Крайне правые добились стопроцентного успеха в Бессарабской, Волынской, Минской, Подольской губерниях и пропустили по одному конкуренту в Витебской, Гродненской, Могилевской губерниях. На остальной территории Украины и Новороссии черносотенцы разделили большинство голосов с октябристами. Например, в Киевской губернии правые провели 13 своих сторонников на 13 депутатских мест, а в Харьковской только 3, уступив 7 мест октябристам.

В Поволжье влияние черносотенцев ограничивалось отдельными районами. Несколько правых кандидатов прошли по Астраханской, Саратовской, Симбирской губерниям, но ни один не добился победы в Нижегородской, Казанской, Ярославской губерниях. В районах проживания коренного русского населения шовинистическая пропаганда имела выборочный успех. Черносотенцы уверенно чувствовали себя в черноземном районе. Курская губерния была единственной территорией с полностью русскоязычным населением, где Союз русского народа одержал полную победу. Несколько правых депутатов прошли от Орловской и Тамбовской губерний. Чем дальше на север, тем меньшего результата добивалась черная сотня. Только в Вологодской губернии черносотенцы провели все намеченные кандидатуры. В промышленных центрах и крупных городах крайне правые не выдерживали конкуренции с другими партиями.

Статистические данные не вполне отражают ситуацию на выборах, так как многие уполномоченные и выборщики избегали называть свою политическую ориентацию[522]. Несмотря на это, можно сделать вывод, что решающее слово при выборе правых депутатов принадлежало помещикам. Именно поэтому они прошли от черноземных губерний. Их кандидатуры поддерживались в каждой барской усадьбе. Мелкие землевладельцы, не имевшие полного ценза, в отличие от богатых соседей избирали своих уполномоченных. На этом этапе правые получили 32,9% голосов. Затем на выборы вышли крупные землевладельцы, и доля голосов, отданных за черносотенцев, подскочила до 47%. Часть выборщиков просто предпочла назвать себя беспартийными. По данным социал-демократической газеты «Товарищ», помещичья курия была еще более правой. Газета проследила изменения в политическом настрое землевладельцев. На выборах в I Государственную думу за правых голосовало 32% курии землевладельцев, на выборах во II Думу — 48%, на выборах в III Думу — 60%[523].

В числе правых депутатов было 40 помещиков. Многие из них являлись крупными землевладельцами, 12 человек занимали должности губернских и уездных предводителей дворянства. К правым примкнул глава объединенного дворянства граф А.А. Бобринский. Из депутатов прежней Думы вновь прошли граф В.А. Бобринский, В.М. Пуришкевич, В.В. Шульгин. Курия землевладельцев могла властно вмешиваться в исход выборов в целом. По новому Положению депутаты выбирались губернским избирательным собранием. Помещичье большинство легко проводило свои кандидатуры. Таким путем в III Государственную думу попали правые депутаты из интеллигенции (15 человек), чиновничества (10 человек), купцов и предпринимателей (4 человека). Интеллигенция была представлена в основном преподавателями и издателями. Некоторые из них, например харьковский профессор А.С. Вязигин, были выходцами из Русского Собрания. Карьера чиновников, как правило, была связана с полицейско-судебным аппаратом. Депу-

тат Г.Г. Замысловский был товарищем прокурора Виленской судебной палаты, а депутат С.Н. Мезенцев отставным генерал-лейтенантом корпуса жандармов.

Черносотенцы получили только 14,7% голосов горожан, причем в более демократическом II разряде городских избирателей их шансы оказались даже ниже, чем в I. По неполным данным, в I и II разрядах черносотенцы опережали октябристов, но уступали кадетам[524]. В основном они проходили по городской курии только в тех губерниях, где ими было завоевано абсолютное большинство голосов. Например, в Курской губернии от II разряда городских избирателей был избран М.А. Сушков — единственный мещанин среди правых. В крупных городах с отдельным представительством черносотенцы провели только двух кандидатов (от I разряда в Киеве и от русского населения Варшавы). Традиционным было сокрушительное поражение в столицах. Например, в Москве крайне правые завоевали 7,6% голосов — даже меньше, чем на выборах во II Думу[525]. Ни один черносотенец не прошел от рабочей курии. Выборы по крестьянской курии продемонстрировали характерную особенность черносотенного движения, опиравшегося на социально противоположные слои населения. Получив голоса помещиков, Союз русского народа одновременно заручился поддержкой значительной части крестьян. Членами Союза русского народа, правыми и монархистами назвали себя 25,4% крестьянских уполномоченных и 27,9% выборщиков.

К правому крылу III Государственной думы присоединились 37 депутатов-крестьян. Выборы в деревне придали Думе фиолетовый оттенок. Крестьяне выбрали значительное число духовных лиц. 31 священнослужитель объявил о своих правых убеждениях. По сравнению с прежними выборами изменился сам облик духовенства. Сельские священники, выражавшие настроения беднейшей паствы, уступили место епархиальным миссионерам, ректорам семинарий, благочинным. Среди правых были епископы Евлогий и Митрофан.

Черносотенцы оценивали результаты выборов двояко. С одной стороны, социал-демократы, трудовики и кадеты потеряли три четверти мест в Таврическом дворце, а черносотенцы впервые провели в Думу такое количество депутатов. С другой стороны, крайне правым не удалось занять все освободившиеся кресла. Почти одинаковое с правыми количество депутатов провел Союз 17 октября. Некоторые из черносотенцев пришли к парадоксальному выводу, что консервативный состав Государственной думы еще менее предпочтителен для них, чем демократический, так как препятствует отторжению законодательного органа от самодержавного организма. «Ни первая левая, ни вторая шутовская, глупая Дума, — подчеркивали черносотенцы, — не были нам так опасны, как теперешняя октябристская Дума. Крайнюю левую Думу разогнали, вторую — тоже, но не то будет с III Думой»[526].

Крайне правые сетовали на недостаточно жесткий избирательный закон: «...напряжение революционной борьбы до роспуска II Государственной думы было так велико и так болезненно ощутимо, что контрудар против этой волны мог и должен бы быть гораздо сильнее и тверже, чем он вышел в актах 3 июня. Весьма возможно, что этому недостатку силы контрудара надо приписать сравнительно слабый успех, достигнутый правительством и обществом в перестановке всех отношений слева направо, и тому же надо приписать очевидное слабосилие III Думы, образованной по закону 3 июня. В глубине русской жизни и в общественных силах «поправление» гораздо глубже, чем это выразилось в «октябристской» Государственной думе»[527].

В Главном совете Союза русского народа были сторонники и крайних мер, и выжидательной тактики. Было принято решение повременить с окончательной оценкой, тем более что черносотенцы возлагали надежды на быстрый развал фракции октябристов и переход большинства депутатов на правый фланг. В обращении Главного совета к правым депутатам говорилось: «Октябристы, не имеющие одной определенной программы, — явятся в Думе богатым и благодат-

ным материалом для кадетской разработки... Долг правых членов Государственной думы — прочно сорганизоваться до вступления в зал Таврического дворца немедленно, дабы явиться туда силой повелевающей, непреклонной и твердой»[528].

Руководство Союза русского народа явно не отдавало себе отчета в реальном соотношении сил. Развал грозил как раз правому крылу Государственной думы. Возникли и тут же исчезли несколько группировок: Русский окраинный союз, монархическая фракция, народно-православная группа. Правые депутаты начали было объединяться вокруг сподвижника Дубровина — минского депутата Г.К. Шмидта. Но вездесущие журналисты раскопали сенсационную историю из жизни морского офицера Г.К. Шмидта, уличенного в продаже англичанам плана минных заграждений Кронштадта. И как ни клялся черносотенный патриот в том, что честно заработал 750 рублей за продажу фальшивого плана, ему пришлось покинуть Государственную думу.

Наконец, был создан клуб умеренных и правых. Он был задуман как единая фракция, но само название говорило об отсутствии консолидации. Клуб умеренных и правых раскололся как раз по вопросу о сущности третьеиюньской монархии. В правительственных кругах возлагали надежды на создание консервативного блока, включающего фракцию Союза 17 октября. Совещание правой группы Государственного совета также пришло к выводу, что блок октябристов с правыми имеет все шансы стать истинно правительственным центром. В клубе умеренных и правых были разработаны основы соглашения с Союзом 17 октября. Лидеры октябристов предложили сойтись на безоговорочном признании Основных законов. Уступчивость правых объяснялась тревогой относительно октябристско-кадетского большинства. Октябристская пресса, описывая ход переговоров, отмечала, что «Пуришкевич считает величайшим позором для Союза 17 октября идею о возможности соглашений их с кадетами»[529].

Октябристы и правые сообща наметили состав президиума III Государственной думы. Имея внушительное большинство голосов, они провели на пост председателя Думы октябриста И.А. Хомякова. Но дни сердечного согласия быстро миновали. Камнем преткновения стал проект думского адреса императору. Правые и октябристы договорились начать обращение со слова «самодержец». Со стороны октябристов это было уступкой в обмен на обещание правых не развивать своих взглядов на сущность самодержавия. Однако октябристы не учли, что одно упоминание об ограничении самодержавия лишало черносотенцев душевного равновесия. При обсуждении думского адреса черносотенцы свели на нет все старания октябристов и умеренных выглядеть европейской конституционной партией. Умеренное крыло предпочло отмежеваться от крайне правых. В середине ноября 1907 г. клуб умеренных и правых распался. Образовались две самостоятельные фракции. Их численность колебалась от сессии к сессии. К умеренно правым примыкали 89—95 депутатов. В 1908 г. из фракции выделилась группа националистов, численностью в 18 человек. Фракция крайне правых включала 49—53 депутата.

В социальном составе фракций имелись небольшие различия. К умеренно правым примкнули 26 помещиков. Лидером умеренных был граф В.А. Бобринский. Совсем недавно этот отставной конногвардеец считался опасным либералом. За деятельность на посту председателя уездной земской управы ему был объявлен высочайший выговор, а избрание председателем управы на второй срок не было утверждено. Но под влиянием освободительного движения земец В.А. Бобринский резко поправел. Во II Думе он был одним из немногих правых депутатов, в III Думе стал руководителем фракции. Видную роль среди умеренно правых играл председатель Бессарабской партии центра крупный землевладелец П.Н. Крупенский. Националисты группировались вокруг князя А.П. Урусова.

Крайне правую позицию заняли 14 помещиков, в том числе глава Объединенного дворянства граф А.А. Бобрин-

ский, Н.Е. Марков, В.М. Пуришкевич, В.В. Шульгин. Председателем фракции крайне правых был избран курский предводитель дворянства граф В.Ф. Доррер. После его смерти в 1909 г. председателем стал профессор А.С. Вязигин. В составе фракции крайне правых было больше священнослужителей — 18 человек (13 — у умеренно правых). Епископ Митрофан остался у правых, епископ Евлогий перешел к умеренным. Интеллигенция разделилась почти поровну (7 умеренных, 8 правых). 7 чиновников было у умеренных, 3 — у крайне правых. Все купцы и предприниматели ушли вместе с умеренно правыми. Умеренными назвали себя 28 крестьян и только 9 человек объявили себя крайне правыми.

Отношения между фракциями остались вполне доверительными. Были образованы совместные комиссии для разработки законопроектов. Вошли в практику совещания лидеров двух фракций. Вместе с тем позиции умеренных и крайне правых отличались некоторыми нюансами. Обе фракции сходились на программе единства России и монархизма. Однако «неуверенно правые», как их величали черносотенцы, были более осторожными в вопросе о самодержавии. Они требовали сильной, централизованной власти, не допуская мысли о какой-либо автономии окраин, и в то же время соглашались с необходимостью существования законодательных учреждений. Кстати, некоторые умеренно правые депутаты имели опыт парламентской работы. Например, бессарабский грек А.Д. Кара-Васили в свое время был членом румынской палаты представителей.

В конце 1909 — начале 1910 г. умеренно правые и националисты объединились в одну фракцию националистов численностью в 89 депутатов. Председателем ее был избран П.Н. Балашов, чью фамилию называли с обязательным добавлением «младший», поскольку он был сыном правого члена Государственного совета Н.П. Балашова. Состояние Балашовых считалось одним из крупнейших в России. П.Н. Балашов служил в гусарах, потом занимал пост уезд-

ного предводителя дворянства в Подольской губернии, а затем был избран в Государственную думу.

Националисты пытались действовать за стенами Таврического дворца. В мае 1908 г. популярный публицист, сотрудник газеты «Новое время» М.О. Меньшиков выступил с планом создания Всероссийского национального союза. Черносотенцы настороженно отнеслись к конкуренту. Частное совещание монархистов в марте 1909 г. подчеркнуло, что Национальный союз не придерживается основоположений Союза русского народа и по этой причине нельзя одновременно состоять в двух союзах. В свою очередь, внутри нового союза выделилась группа адвоката И.С. Дурново, близкая по взглядам к черной сотне. В феврале 1910 г. был открыт Всероссийский национальный клуб, сразу же получивший правительственную субсидию. Он выработал программу, которая требовала обеспечить господство русской нации в пределах империи. Однако другие пункты существенно расходились с платформой крайне правых. Националисты признавали «незыблемость представительного образа правления», соглашались с «предоставлением инородческим окраинам хозяйственного самоуправления» и выступали за свободу вероисповеданий «с сохранением установленных преимуществ первенствующей Православной церкви»[530].

Не все члены Национального союза согласились с такими либеральными уступками. Группа И.С. Дурново выразила бурный протест. Один из основателей союза М.О. Меньшиков писал: «К несчастью для Всероссийского национального союза, мы унаследовали И.С. Дурново от Союза русского народа... И.С. Дурново внес в Совет Национального союза оттенок той черной демагогии, которой отличается дубровинская партия»[531]. Протесты оппозиции были отклонены. Объединение состоялось, но Национальный союз никогда не поднялся до ранга политической партии. В начале 1910 г. в собраниях союза участвовали 230 человек. «Прошло, однако, четыре месяца, — жаловался М.О. Мень-

шиков, — и в результате их открыто всего лишь четыре новых отдела Национального союза... Насколько вообще слабо идет организация национальной пропаганды, показывает тощий состав даже открытых отделов. В члены-учредители в названных городах записалось всего от 30 до 60 человек, не более»[532]. Первый съезд Всероссийского национального союза собрался только через два года. В плачевном состоянии были финансы этой организации. Издавалась всего одна газета, «Окраины России». Возможности фракции крайне правых были куда более значительными, так как они опирались на многочисленные отделы Союза русского народа и других монархических организаций.

Самыми заметными ораторами крайне правых были В.М. Пуришкевич и Н.Е. Марков 2-й. Номер второй он получил, потому что в Думе был еще один Марков, дядя черносотенца. На выступление черносотенного дуэта Пуришкевича и Маркова приходили, как на концерты. Один из гостей Думы, человек, вовсе не сочувствовавший черной сотне, писал, что Марков, «надо сознаться, настолько остроумно отпарировал возгласы левых с мест, что нередко слышны были возгласы негодования и смеха»[533]. Еще более колоритной фигурой был Пуришкевич. У интеллигентных слушателей его речи вызывали чувство глубокого негодования с примесью восхищения. Поэтесса Марина Цветаева иронически замечала: «Моя любовь в политике — Пуришкевич. Ибо над его речами, воззваниями, возгласами, воплями я сразу смеюсь и плачу». Являясь членами Государственной думы, Марков и Пуришкевич постоянно подчеркивали, что ни в грош не ставят парламентские принципы и гражданские свободы. Парируя замечание знаменитого адвоката Ф.Н. Плевако, что русскому народу пора надеть тогу гражданина, Марков сказал: «Не римская простыня нужна русскому народу, а теплый романовский полушубок». Пуришкевич написал «Плач» русского мужика, который обращается к Думе с горьким укором:

Ох! Высокая палата,
Чтоб те пусто было!
Нет житья от депутата:
Продувное рыло!
Что ни день — с трибуны брешет,
Деньги получая,
И давно затылок чешет
Русь от них святая[534].

В пьесе «Законодатели» Пуришкевич в карикатурном виде обрисовал лидеров думских фракций. Хорошее знание кулуарной жизни Думы позволило ему насытить свое сатирическое произведение точными деталями. В пародийном «Дневнике непременного члена министерской передней» Пуришкевич вывел образ продувного депутата, неопределенной центристско-октябристской окраски, для которого политические принципы служат прикрытием самых низменных целей. Депутат пользуется всеми благами жизни, которое предоставляет ему думское жалованье, но предчувствует неизбежный конец: «С опасением поглядывал на столбы электрические трамвая вдоль Невского. Ой! Чует мое сердце, заболтаюсь я под ними с рядом себе подобных; да и тех, что полевее, ждет то же, при дальнейшем попустительстве нашего правительства и поверхностном отношении его к рабочему социал-демократическому движению, которое принимает все более и более стройный ход и является уже организованным властною, невидимою революционною рукою»[535]. По мнению Пуришкевича, Россию отстаивали только крайне правые депутаты Государственной думы и члены правой группы Государственного совета. Произнося тост в Русском Собрании, Пуришкевич восклицал:

За правых Думы и Совета,
За то, чтоб русский богатырь
Не умер в них на многи лета,
Но размахнувшись вдоль и вширь,
Хватил бы вдруг по остолопу
И показал бы кой-кому
«Прогресс, свободу и Европу»,
«Осину, розги и тюрьму!».

Фракция крайне правых активно участвовала в обсуждении всех вопросов, поднимавшихся в III Государственной думе. О бурных дебатах, посвященных столыпинской аграрной реформе, будет сказано позже. Здесь же следует отметить, что у крайне правых была постоянная тема, которую они поднимали практически в каждом выступлении. Черносотенцы утверждали, что русский народ в силу своих особых душевных качеств не способен сопротивляться напору сплоченных инородцев. Если левая печать называла Россию «тюрьмой народов», то Пуришкевич говорил с думской трибуны: «...благодаря известным особенностям славянской расы мы не в состоянии не только душить ту или другую нацию, но сплошь и рядом, благодаря нашей мягкотелости и податливости, мы не в состоянии не поддаться ассимиляции с нею; факты налицо, вам достаточно указать, что русские, живущие бок о бок с якутами, сплошь и рядом объякучиваются...»[536]. Черносотенцы призывали русский народ проснуться и показать свою богатырскую силу инородцам. «Сильному да повинуется слабый, — возвещал Пуришкевич и угрожающе прибавлял: — а если он не желает добровольно повиноваться, то силой будет к этому принужден (*голоса справа: «Браво!»*)». Он доказывал, что Россия должна силой поддерживать тишину и порядок на своих национальных окраинах: «Господа! Мы должны быть сильными, и это один из главных поводов, это одна из главных причин того, что самые серьезные, самые беспощадные репрессии должны быть приняты в отношении взбунтовавшихся окраин». Ему вторил Марков: «Опомнись, Россия... наша инородчина вконец обнаглела... Говорим вам: прочь мелкота — Русь идет!»[537].

Нетрудно догадаться, что главным врагом среди инородцев черносотенцы считали евреев. Пуришкевича сравнивали с Катоном Старшим, который каждое свое выступление в римском сенате заканчивал призывом разрушить Карфаген. Пуришкевич тоже каждый раз призывал покончить с заговором евреев. Впрочем, черносотенцы предпочитали говорить не «евреи», а «жиды». Употребление этого сло-

ва вызвало протест кадетских депутатов во главе с лидером фракции П.Н. Милюковым, а октябристский председатель Думы сделал черносотенцам замечание. В свою очередь, крайне правые выразили решительный протест ограничением свободы слова. Они подчеркивали, что это выражение «вошло в словарь русского языка издавна, известно народу по славянскому переводу Св. Писания и оно встречается в сочинениях лучших наших писателей, являющихся гордостью и украшением нашей литературы, каковы, например, Пушкин, Гоголь, Тургенев. Достоевский». Крайне правый депутат Г.Г. Замысловский отмечал: «После этого протеста председатель и милюковские единомышленники не смогли уже помешать словам «жид» и «жидовский» сделаться «парламентарными» выражениями»[538].

Весной 1908 г. октябристы, националисты и крайне правые развернули антифинляндскую кампанию. Финляндия стала для них источником тревоги из-за явных сепаратистских устремлений. Было хорошо известно, что на ее территории нашли приют русские революционные организации, а из-за финской границы в Россию ввозили оружие и проникали террористические группы. Эти темы, а также вопрос о правомерности финской автономии стали предметом запросов, внесенных октябристами и правыми в III Государственную думу. При обсуждении запросов Пуришкевич и Марков выступили с громовыми речами. Оба оратора дополняли друг друга, и впоследствии их речи были изданы одной брошюрой, в предисловии к которой указывалось, что после выступления черносотенных ораторов началось возрождение русского национального самосознания. Под рукоплескания правой части зала Марков бросил в адрес финнов: «Надо, чтобы страх вернулся, а любви чухонской нам не нужно». На предупреждения либеральных депутатов, что действия имперских властей неминуемо вызовут протест мировой общественности и иностранных парламентов, он сказал: «Кроме сорной корзины этим парламентским обращениям, этим гнусным бумажонкам другого места нет (*Рукоплескания справа*)».

Пуришкевич констатировал, что всякий раз, когда русское правительство милосердно дарует нерусским народам какие-либо свободы, «являются невозможные аппетиты у этих народностей и эти аппетиты ведут к тому, что приходится брать назад то, что было дано». Он указывал на неравноправное положение русских в Финляндии. «Странно, дико, — сокрушался он с думской трибуны, — народ-завоеватель, народ-победитель, народ, занимающий громадную территорию, народ этот имеет под боком у себя насекомое, в сущности говоря, и это насекомое его душит»[539]. Марков предлагал сделать из этого соответствующие выводы: «Ясное дело, что великой державе, которая увидела в 26 верстах от своей столицы такого врага, ничего не остается делать, как объявить этому врагу немедленную войну и завоевать его»[540]. Пора, восклицал Пуришкевич, «...пора это зазнавшееся Великое княжество Финляндское сделать таким же украшением Русской Короны, как Царство Казанское, Царство Астраханское, Царство Польское и Новгородская пятина, и мне кажется, что дело до этого и дойдет»[541].

Правительство продемонстрировало солидарность с право-октябристским большинством, разработав законопроект «О порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений», который был направлен на частичное ограничение автономии великого княжества и подчинение финляндского законодательства общеимперскому.

Еще одной окраиной, против которой устроили поход крайне правые, была Польша.

Крайне правые констатировали, «что «ягеллоновская» идея — идея польской государственности и ненависть ко всему русскому за последнее время среди поляков нисколько не ослабела. Необходимость оградить от окончательного ополяченья русскую Холмщину чувствуется все острее и острее по мере того, как неотложное дело это подвергается все новым и новым проволочкам»[542]. Когда стараниями правых и националистов из числа польских губерний была выделена Холмская губерния, Пуришкевич крикнул на весь Таврический дворец на латыни: «Finis Polonia!» — Конец Польше!»

2

Черная сотня и правительство

Черную сотню часто называли правительственной партией. На самом деле отношение крайне правых к правительству было гораздо более сложным. Председатель Совета министров С.Ю. Витте был для черносотенцев злейшим врагом, отношение к И.Л. Горемыкину было гораздо более благоприятным, а к П.А. Столыпину на первых порах даже восторженное. Правая пресса превозносила молодого и решительного премьер-министра. В свою очередь, Столыпин высоко оценивал деятельность черной сотни. В письме к градоначальнику Одессы генералу И.Н. Толмачеву он подчеркивал: «Я не могу не позволить себе поделиться с вашим превосходительством моим личным соображением о том, что в смутную эпоху 1905—1907 годов Союз русского народа сыграл крупную, можно сказать — историческую роль, оказав существенную помощь и содействие правительству в деле подавления революционного движения»[543].

Однако Столыпин, будучи убежденным монархистом и сторонником сильной государственной власти, считал необходимым провести широкий спектр реформ. Понимание неизбежности перемен не покидало его даже в самые черные дни. Характерный эпизод произошел сразу после взрыва его дачи эсерами-максималистами 12 августа 1906 г. Одним из первых на разрушенную дачу примчался доктор Дубровин, случайно находившийся в тот день по соседству. Он промыл ссадины премьер-министру. Когда Столыпин увидел, что ему помогает лидер Союза русского народа, он произнес, глядя на трупы террористов-самоубийц: «А все-таки им не сорвать реформ!»

Пути Столыпина и крайне правых стали постепенно расходиться, когда правительство начало преобразования в экономической и административной сферах. Большинство реформ, за исключением аграрной, были весьма скромными и умеренными. Реорганизация системы местного само-

управления, восстановление мирового суда, урегулирование законов о переходе из одного вероисповедания в другое, смешанных браках и т.п. — все это лишь незначительно меняло старые порядки. В некоторых случаях правительство просто возвращалось к новшествам полувековой давности, отмененным контрреформами 80—90 гг. XIX в. Однако черносотенцы видели в предпринятых правительством шагах едва ли не коренное изменение государственного строя.

После подавления революции черносотенцы рассчитывали занять главенствующее положение. Но в третьеиюньской системе была подвергнута сомнению даже их роль подручных. Применительно к Союзу русского народа была пущена кличка «мавр» — намек на классическую фразу: «Мавр сделал свое дело, мавр может уйти». Незнакомые с шиллеровской трагедией черносотенцы говорили, что с ними поступают по русской поговорке: «Кашку съел, чашку об пол». В публичных выступлениях черносотенцев отражалось разочарование и недоверие к правительственному курсу. Об этом в августе 1907 г. говорил член Главного совета Союза русского народа А.И. Соболевский: «Правительство не за нас; оно делает постоянные уступки революции и поблажки «кадетам» и не прочь предоставить им часть министерских кресел»[544].

В октябре 1907 г. в Ярославле собралось «частное совещание» руководителей некоторых монархических организаций. Оно одобрило доклад председателя ярославского отдела Союза русского народа И.Н. Кацаурова, который требовал «ясно и прямо поставить вопрос о существующей в России форме правления». В выступлении прозвучала угроза в адрес Столыпина и других министров: «...Наличность известных конституционных партий, существование которых, очевидно, немыслимо при Самодержавном строе; и открытое их признание правительством, и допущение к участию в Государственной думе является доказательством того, что само правительство как бы колеблется в решении вопроса о существующем строе. Естественным последствием такой неустойчивости правительства должна быть или замена его

личного состава лицами убежденными и прямо стоящими за Самодержавие, или открытое проявление своих убеждений, ныне скрываемых по тактическим соображениям»[545].

В марте 1909 г. открылось второе частное совещание монархистов в Ярославле — традиционном месте сбора экстремистов из правого лагеря. Оценивая политическую ситуацию, князь М.П. Волконский «провел разницу между прежними съездами, когда обращались к правительству с разными просьбами, и настоящим съездом, где надлежит предъявить правительству то, что мы, правые, можем сделать, дабы правительство считалось с правыми не как с партией, только постоянно высказывающей свои пожелания и нужды, а как с силой, которая ничего более не просит, а сама может правительству дать»[546]. Частное совещание продемонстрировало, что черная сотня не думает отказываться от террористических методов. В повестке дня красовался доклад «О дружинах добровольцев из членов Союза русского народа на случай войны и для подавления смуты».

В апреле 1909 г. произошел 1-й министерский кризис. Политическая буря развилась из крошечного облачка на горизонте, каким был вопрос о штатах Морского генерального штаба. Все шло своим чередом. Правительство внесло законопроект в Государственную думу и в Государственный совет. Обе палаты одобрили законопроект. Оставалась последняя инстанция — утверждение проекта царем. И тут правые начали говорить, что, строго говоря, штаты Морского штаба не относятся к компетенции законодательных учреждений. Вся эта юридическая казуистика была удобным предлогом для нападения на «конституционную» форму принятия законов. Николай II ревниво относился к своим правам державного вождя русской армии. Под влиянием правых он решил, что в данном случае задеты прерогативы монарха. Не меньшее принципиальное значение имел законопроект для Столыпина. Вопрос был поставлен ребром: или правительство гарантирует соблюдение третьеиюньской законности, или в очередной раз будет доказано, что все решается по воле самодержавного государя. Пред-

седатель Совета министров пытался убедить Николая II, что шумиха вокруг второстепенного проекта поднята консерваторами, которых мало волновали и Морской штаб, и вся армия. Столыпин доказывал, что отклонение проекта поставит правительство в исключительно трудное положение. Действительно, даже умеренные элементы роптали на урезанные возможности законодательных учреждений. Демонстративное пренебрежение правами Думы серьезно подрывало доверие к правительству. Ставились под удар налаженные связи с фракцией октябристов.

Однако царь не внял предупреждениям своего премьера. Он отказался утвердить проект. Столыпин обратился с просьбой об отставке, но даже в этом ему было отказано. Николай II объяснил первому министру, что тот живет не за границей, а в Российской империи. «Такова моя воля», — подытожил свои объяснения царь. Дополнительным унижением было поручение правительству разработать правила, не допускающие впредь вмешательства законодательных учреждений в военные вопросы. Вместе с тем Николай II не решился назначить главой правительства откровенного консерватора. По всей видимости, и Столыпин не захотел уйти со своего поста, чтобы не бросать на полпути начатые реформы. Но после такого поклона направо премьер-министру пришлось отказаться от опоры на октябристов. Печать октябристского направления разочарованно писала: «...лучше было бы, если бы Столыпин ушел именно сейчас, потому что нет никаких гарантий, что его положение и направление его политики будут теперь прочны, но наоборот, мы думаем, что вопрос об его отставке все-таки дело недалекого будущего. Если кто-нибудь споткнется на апельсиновой корке, то это значит, что у него слабы ноги»[547].

Маневры Столыпина были продиктованы стремлением избежать полной капитуляции перед крайне правыми. Будучи прагматиком в политике, Столыпин без колебаний пошел навстречу своим критикам справа. Вскоре премьер-министр установил деловые контакты с умеренно правыми и националистами. Однако он не собирался капитулировать

перед крайне правыми и предпринял попытку обуздать чрезмерные притязания черной сотни. 1 октября 1909 г. в саратовской газете «Волга» появилось интервью с Столыпиным. Премьер-министр отстаивал свою программу реформ и произнес свои знаменитые слова о «двадцати годах покоя», необходимых России. Он не назвал прямо ни сторонников, ни противников реформ. В исторической литературе высказывалось мнение о том, что это интервью означало приглашение на роль правительственной партии умеренно правых и националистов[548]. По другой оценке, Столыпин, давая интервью черносотенной газете, стремился привлечь на свою сторону провинциальные отделы Союза русского народа в борьбе против А.И. Дубровина[549]. Трудно судить, что именно хотел сказать своими завуалированными намеками председатель Совета министров. Во всяком случае правительство демонстративно подчеркивало свое благоволение к националистам. Одновременно с этим Столыпин попытался нейтрализовать наиболее радикальное крыло черносотенцев, поддержав противников Дубровина.

Чрезвычайную запутанность взаимоотношений черной сотни и правительства продемонстрировал второй министерский кризис, разразившийся в марте 1911 г. Кризис был спровоцирован правой группой членов Государственного совета во главе с П.Н. Дурново и В.Ф. Треповым. Предлогом стал законопроект о введении земства в 6 западных губерниях. Правительственный проект предусматривал разделение избирателей по национальным куриям. Поскольку за польским населением предполагалось закрепить определенную квоту в уездном земстве, правые круги обвинили правительство в забвении русских интересов. Само обвинение было чистым недоразумением или преднамеренной подтасовкой, так как обычный порядок выборов дал бы полякам больше преимуществ, чем изобретенные для Западного края национальные курии. Правых сановников скорее могло обеспокоить понижение имущественного ценза, что укрепляло в земстве позиции зажиточного крестьянства. Но к этой поправке, внесенной при обсуждении законопроекта в

Государственной думе, Столыпин не имел ни малейшего отношения.

Тем не менее против первого министра была затеяна сложная интрига, в которую удалось вовлечь Николая II. На экстренном собрании правых членов Государственного совета В.Ф. Трепов передал разрешение царя «голосовать по совести». 4 марта 1911 г. Государственный совет отклонил статью о национальных куриях. На следующий день Столыпин подал в отставку. Министерский кризис продолжался одну неделю. Все это время «Русское знамя» сводило старые счеты с правительством. Особенно злорадствовали черносотенцы по поводу положения, в котором оказались националисты: «Уход П.А. Столыпина из правительственных сфер поразил, как громом, созданные им партии. Они отлично сознают, что без него они ничто...»[550].

Националисты строили планы спасения своего патрона. На срочном заседании была вынесена резолюция: «...фракция приложит все усилия к тому, чтобы добиться введения земства в Западном крае до окончания полномочий III Государственной думы, не останавливаясь перед внесением в порядке законодательной инициативы уже раз одобренного Государственной думой законопроекта»[551]. В думских кулуарах лидеры националистов обсуждали ответные меры против действий правых сановников: «Среди оживленных разговоров прислушиваются к П.Н. Крупенскому, который доказывает необходимость роспуска Государственного совета». Печать националистов подготавливала читателей к предстоящим переменам: «Члены Государственного совета убеждены, что П.Н. Дурново и В.Ф. Трепову необходим отпуск для поправления здоровья, расстроенного последними событиями. В отпуске, как говорят, этим лицам отказа не будет»[552].

За Столыпина вступились влиятельные придворные круги. Давний недруг премьера С.Ю. Витте писал: «Государь эту отставку принял весьма хладнокровно, сказав, что подумает и даст ему ответ, и даже не интересовался узнать, какие это условия, при которых Столыпин согласил-

ся бы остаться Председателем Совета Министров. Таким образом, после подачи Столыпиным в отставку все были уверены, что отставка эта будет принята, но тут, к сожалению, вмешались известные своими интригами великие князья Александр Михайлович и Николай Михайлович; они начали уговаривать Столыпина взять свою отставку обратно; начали пропагандировать в высшем обществе, что если Столыпин уйдет, то произойдет развал»[553].

Е.В. Богданович, когда-то называвший Столыпина слабым министром, умолял царя не принимать отставки премьера: «Опасность неизмерима, устраните ее сразу, выразите доверие Столыпину, не прельщайтесь комбинациями, которые, быть может, предлагают Вам. В них гибель, в Столыпине покой и мир»[554]. Поклонники премьер-министра пугали общественность кабинетом П.Н. Дурново, который уже был министром внутренних дел в 1905—1906 гг. и оставил о себе память как о ретрограде и приверженце карательных мер. Взвесив все «за» и «против», Николай II не решился передать ключевой пост кому-либо из явных консерваторов. Как и два года назад, отставка премьера не была принята. Но теперь царь вынужден был согласиться с условиями, продиктованными самим премьером.

12 марта 1911 г. граф А.А. Бобринский записал в своем дневнике: «Закончился кризис огромным, неслыханным триумфом Столыпина»[555]. Государственный совет и Государственная дума были распущены на три дня. Во время искусственного перерыва законопроект о западном земстве был введен царским указом по статье 87 Основных законов. П.Н. Дурново и В.Ф. Трепов узнали из «Правительственного вестника», что они «всемилостивейше уволены в заграничный отпуск до 1 января 1912 года» — как раз к этому сроку Председатель Совета министров должен был представить царю новый список членов Государственного совета.

Националисты поспешили заверить правительство в своей лояльности. На заседании фракции, как сообщала пресса, «...почти единогласно решено поддерживать позицию, занятую правительством»[556]. Дубровинцы были глубо-

ко разочарованы и выражали недовольство удалением П.Н. Дурново и В.Ф. Трепова: «Для политического строя России, основанного на Самодержавии, Государственный совет является его охранителем. Обстоятельство это является весьма важным, а потому при таком значении Государственного совета он подлежит особливой бережливости. Если это так, то и те члены его, которые являются наиболее стойкими охранителями Самодержавия, подлежат особливой заботливости»[557], — писало «Русское знамя».

Фракция крайне правых колебалась. На заседании фракции Н.Е. Марков, выразив живейшее одобрение действиями Столыпина, «в чрезвычайно резкой, недопустимо некорректной форме отозвался об уволенных в отставку «реакционерах» гг. Дурново и Трепове, заявил, что такую... (непарламентское выражение) надо было давно гнать из Совета; что вообще необходимо уничтожить «реакцию», и прежде всего «Русское знамя»[558]. Противоположную точку зрения высказал секретарь фракции П.В. Березовский и другие депутаты. Проявленная фракцией нерешительность привела к выходу из ее состава 7 депутатов, в том числе В.В. Шульгина. Они перешли к националистам, единственную фракцию, поддержавшую действия правительства во время министерского кризиса. Шульгин призывал снисходительно отнестись к премьеру, несущему на своих плечах тяжкий груз борьбы с освободительным движением: «...человек перегружен, может быть, толкнуть его можно, может быть, вы его толкнете, может быть, он упадет. Но вы мне ответьте: кто подымет тяжесть?»[559].

Но из крайне правых депутатов только Марков согласился с мнением националистов. Другой лидер фракции, Пуришкевич, поблагодарил царя за то, что тот напомнил о незыблемости самодержавных прав, распустив законодательные палаты и приняв закон без их одобрения. Одновременно Пуришкевич обрушился на действия правительства, пытавшегося пойти против воли правых кругов: «Правительство этим актом своеволия совершенно дискредитировало себя в глазах широких народных масс»[560].

Маневрируя между различными позициями, Столыпин попал под одновременный огонь справа и слева. Несмотря на заверения премьер-министра, что его действия были направлены против реакционеров из Мариинского дворца, октябристы и кадеты увидели в демонстративном роспуске законодательных учреждений рецидив старорежимного мышления и надругательство над парламентскими свободами. Крайне правых встревожило намерение правительства игнорировать мнение консервативных кругов. Подытоживая результаты министерского кризиса, депутат от крайне правой С.А. Володимиров писал: «Неудача затеи П.А. Столыпина приняла размеры катастрофы, и причина этой катастрофы, конечно, не только в неосведомленности П.А. Столыпина, не только в его несомненной государственной неосторожности, а прежде всего в основной ошибке всей его внутренней политики»[561].

3

Раскол Союза русского народа

Вопрос об отношении к третьеиюньской системе и правительственному курсу способствовал углублению раскола в черносотенном движении. Признаки раскола обнаружились уже в первые месяцы после третьеиюньского государственного переворота, когда Пуришкевич начал резко критиковать окружение Дубровина. Особенно доставалось руководителю одесского отдела А.И. Коновницыну и его боевым дружинам. Внешне председатель и товарищ председателя Союза русского народа сохраняли видимость дружеских отношений. Но телефонные разговоры между ними уже кончались нецензурной бранью. Осенью 1907 г. Пуришкевич оставил пост товарища председателя Главного совета, а затем вышел из Союза русского народа. Серьезные разногласия вспыхнули на монархическом съезде в Петербурге в феврале 1908 г. Члены Главного совета Союза русского народа В.А. Андреев, В.Л. Воронков и 10 членов — учредителей союза образовали оппозиционную группу, которая

считала «безусловно вредным проявление Главным советом враждебного отношения к умеренно правым и октябристам. Не только враждебным, но и преступным называет эта группа непризнание союзниками Государственной думы»[562].

Оппозиция выступила против самовластия Дубровина. В поданном ею заявлении говорилось: «Права членов Главного совета и Соединенного собрания попраны деятельностью отдельных лиц, действующих самостоятельно без уполномочий Главного совета и объединенного собрания»[563]. Противники дубровинской группы потребовали всесторонней проверки деятельности Союза русского народа, в том числе предлагали провести ревизию финансового состояния союза. Конечно, призыв к соблюдению демократических норм в организации, поставившей целью их полное уничтожение, пропал втуне. Даже черносотенная газета «Вече» обескураженно писала: «...протестующих чуть ли не насильно удалили из зала и навсегда исключили из Союза русского народа, что произвело большое смятение среди членов союза»[564]. На следующий день во время аудиенции в Царском Селе Дубровин заверял Николая II, что черная сотня как никогда единодушна и сплоченна.

В.М. Пуришкевич, И.И. Восторгов, В.А. Андреев, В.Л. Воронков и ряд бывших членов Союза русского народа создали собственную организацию под названием Русский народный союз имени Михаила Архангела. По замыслу создателей союза, имя Михаила должно было напомнить монархистам и разящий небесный меч архистратига и первого царя династии Романовых. Устав Союза Михаила Архангела был утвержден 11 марта 1908 г. Союз подчеркивал, что верховная власть в стране должна принадлежать самодержцу. «Из понятия о том, что после 17 октября 1905 года «никакой закон не может воспринять силу без одобрения его Государственной думой», преступно приходить к обратному заключению, что «все одобряемое Государственной думой должно воспринять силу закона»[565]. Тем не менее новый союз признавал необходимость существования законодательных учреждений. Это было единственное его отличие от

черносотенных собратьев: «Во всем прочем программа Русского народного союза имени Михаила Архангела совпадает с программой Союза русского народа (вопросы: земельный, рабочий, народного образования, суда, печати и проч.)»[566].

Союз Михаила Архангела открывал свои отделы, пытаясь вытеснить Союз русского народа. В связи с этим сторонники Дубровина обвиняли Союз Михаила Архангела, «буржуазно-бюрократическую партию», в том, что она развивается паразитическим образом — «за счет живого тела» Союза русского народа. Дубровин созвал Главный совет и предупредил, «что будет бороться против домогательств своих тайных противников и не уступит своего места человеку инородческого происхождения»[567]. Между тем раскол продолжал углубляться, захватывая одну организацию за другой. В конце 1908 г. один черносотенец информировал князя А.Г. Щербатова о том, что раздоры «в провинции возросли до того, что, например, в Одессе между Союзом русского народа с Коновницыным и Пеликаном, отошедшим от него, чтобы образовать Союз Михаила Архангела, идет уличная борьба из-за желания последнего перебить дорогу рабочим Союза русского народа»[568]. Протоиерей И.И. Восторгов спрашивал архимандрита Макария: «И как правительству опираться на нас, если мы сами друг друга едим?»[569].

Возникновение Союза Михаила Архангела было предвестником более масштабного раскола, в результате которого разделился уже сам Союз русского народа. Впоследствии некоторые крайне правые деятели возлагали вину за раскол на «сановных честолюбцев», главным из которых они называли Столыпина. Нет сомнений, что премьер-министр вмешивался в борьбу различных группировок. Как подметил Марков, глава правительства «всячески через своих подчиненных поддерживал рознь в союзе»[570]. Для этого имелся набор отработанных средств, включая штрафы, налагаемые на печатные издания, допускавшие критические отзывы в адрес правительства, запрещение собраний и т.п. Для черносотенцев подоплека событий не была секретом.

Председатель киевской монархической партии Б.М. Юзефович писал Б.В. Никольскому: «Погубить Дубровина и его союз Министерство внутренних дел и его вдохновители, по-видимому, задались давно и стали подставлять ему ножки еще с начала прошлого года. Первый случай к тому — празднества в Полтаве»[571].

Речь шла о праздновании 200-летия битвы под Полтавой. Черносотенцы собирались отметить юбилей с большим размахом, как важнейшую историческую веху, знаменовавшую победу русского народа над своими врагами. А.И. Коновницын, отвечавший со стороны черносотенцев за подготовку празднования, ставил в известность Министерство внутренних дел: «...предложено участие на торжествах свыше 750 знамен Союза при 10 000 членов Союза русского народа»[572]. Полтавский губернатор уведомлял Столыпина: «...почетный и действительный председатель Союза русского народа Дубровин подал мне лично письменную просьбу о разрешении всероссийского съезда Союза русского народа в г. Полтаве 29 июня текущего года»[573]. Ходили упорные слухи, что крайне правые собираются воспользоваться торжествами, чтобы уговорить Николая II свернуть реформы. Правительство сочло необходимым запретить монархический съезд в Полтаве и существенно ограничить участие в торжествах представителей черносотенных организаций. В правых кругах эти действия были восприняты как желание правительства порвать с недавними союзниками.

Столыпин, применяя классический девиз «разделяй и властвуй», поощрял соперников Дубровина в руководстве Союза русского народа. С 1909 г. один из лидеров фракции крайне правых Марков начал получать солидные субсидии, которые позволили наладить издание «Земщины». Дубровинцы заявляли, что эта газета была основана «для проведения более примирительных правых взглядов»[574]. Однако было бы неправильно считать, что разногласия между отдельными группировками Союза русского народа возникли исключительно благодаря вмешательству правительства. Скорее можно сказать, что правительственная инициатива

сыграла подсобную роль в кризисе, имевшем более глубокие причины.

Союз русского народа имел неоднородную социальную природу. За спиной Дубровина стояли провинциальные отделы Союза русского народа, олицетворявшие демократический элемент. Председатель Главного совета и многие члены совета не были связаны с поместным дворянством и столичным чиновничеством. Дубровину противостояла группа дворян-землевладельцев, опиравшаяся на крайне правую фракцию Государственной думы, которую не мог контролировать Главный совет. Дубровин крайне неприязненно относился к Думе, в которую так и не сумел попасть. Однажды, выступая на закрытом заседании ростовского отдела Союза русского народа, он произнес монолог, который был запротоколирован полицейским приставом. «Я, — продолжал Дубровин, — таки порядком потерся около Таврического дворца и скажу вам откровенно, что члены Думы — это холуи и мошенники, они ничего не делают, только сидят в буфете и «прохаживаются по рюмочке», а вечером разъезжают по театрам; в комиссиях работают один-два, остальные и не заглядывают... Выхлопотали себе прибавку содержания до 4 тысяч рублей в год, а ведь это больше генеральского жалованья, так генералы-то до старости служили царю и родине, проливали свою кровь, а эти ничего не делают и будут получать генеральские оклады. А Хомякову своему целых 30 тысяч назначили — ну, судите сами, какое нужно брюхо, чтобы сожрать в год на 30 000 руб.»[575].

Фракция крайне правых стала оплотом противников Дубровина. Как подчеркивал Марков, «вздор и неправда, будто доктор Дубровин не только что руководил правыми членами Государственной думы, но чтобы он оказывал на их деятельность хотя бы малейшее влияние. И собирались мы вначале в Русском Собрании, где никогда не встречали доктора Дубровина, а потом в особом помещении Государственной думы. Хорошо или плохо действовала правая фракция, но она действовала, совершенно не справляясь с

мнениями доктора Дубровина»[576]. В скором времени фракция крайне правых усилила свои позиции в руководстве Союза русского народа. В июле 1908 г. кандидатами и членами Главного совета Союза русского народа были избраны сразу 10 депутатов, среди которых выделялась тройка курско-орловских помещиков С.А. Володимирова, графа В.Ф. Доррера, Н.Е. Маркова. Вскоре эта группа усилилась за счет нового пополнения: члена Государственного совета М.Я. Говорухо-Отрока, бывшего ярославского губернатора А.А. Римского-Корсакова, графа Э.И. Коновницына.

Следует учитывать, что положение Дубровина серьезно пошатнулось в ходе расследования убийства М.Я. Герценштейна. Когда шло следствие и позже — во время процессов в Финляндии, — правые депутаты, не исключая недоброжелательно настроенного Пуришкевича, прилагали усилия, чтобы выручить из беды вождя черной сотни. Это вполне удалось, но благополучный исход скандальных процессов не развеял сомнения по поводу дальнейшего пребывания Дубровина во главе союза[577].

В декабре 1909 г. соперники Дубровина, воспользовавшись его вынужденным отсутствием, провели на пост товарища председателя Главного совета Союза русского народа графа Э.И. Коновницына, который, в отличие от своего брата А.И. Коновницына, слыл умеренным правым деятелем. На посту председателя столичного отдела Союза русского народа он ничем себя не проявил. Граф был подставным лицом для правых депутатов, собравшихся прибрать к рукам власть в самой крупной черносотенной организации. Было решено слегка позолотить пилюлю для доктора Дубровина, вернувшегося в Петербург. «Пусть А.И. Дубровин, — предложил Марков, — станет во главе союза и дает ему общее направление в качестве почетного председателя и основателя союза, но для ежедневной громадной работы должен быть председатель — ближайший помощник почетного председателя»[578]. Интрига удалась. Дубровин был вынужден отказаться от председательства и сохранить за собой только почетный титул.

Главный совет переехал в Басков переулок (отсюда название «басковцы»). Ничего не стоило выехать из дома, принадлежащего Дубровину. Но не так легко было выдворить его сторонников из Главного совета. Бывшего председателя поддерживали 5 членов и кандидатов в члены совета. Особенно активную роль играла Е.А. Полубояринова, занимавшая пост казначея Союза русского народа. По документам она значилась дворянкой, вдовой полковника. Но ее больше знали как купчиху I гильдии, наследницу крупного издательского дела. Современники упоминали, что эта истерически настроенная дама щедро жертвовала на нужды «патриотических» обществ. Полубояринова была членом Русского Собрания. В Союзе русского народа она появилась в самое тяжелое время, когда над его лидерами нависла угроза суда. Деньги Полубояриновой пополнили отощавшую казну союза и позволили продолжить черносотенные издания. Благодарные союзники нарекли богатую даму «русской Жанной д'Арк». Злые языки поговаривали, что казначея и председателя Союза русского народа сближали не только деловые и политические интересы.

Басковцы решили вступить в блок с Союзом Михаила Архангела, в котором главную роль играл Пуришкевич. В феврале 1910 г. между Главным советом Союза русского народа и Главной палатой Союза Михаила Архангела было заключено соглашение: «1) В вопросах государственного значения союзы выступают вместе, проводя намеченную программу; 2) исключенные из одного союза в другой не принимаются; 3) отделы союза на местах работают параллельно, без ссор. В случае ссор Главный совет и Главная палата посылают своих уполномоченных для расследования; 4) устанавливаются дни совместных заседаний Главного совета и Главной палаты»[579]. Чтобы сосредоточить силы, участники соглашения предусмотрели ликвидацию малочисленных отделов и их присоединение к более сильным. Е.А. Полубояринова и другие дубровинцы в Главном совете были против каких-либо контактов с организацией Пуришкевича.

Член Главного совета академик А.И. Соболевский подверг соглашение резкой критике. Его поддержали А.Н. Борк, В.И. Дрозд-Бонячевский, Г.Г. Надеждин. Постепенно это сопротивление было преодолено. Сторонников Дубровина одного за другим выводили из состава Главного совета. Последний представитель дубровинской группы — хранитель Горного музея Н.П. Покровский — продержался до ноября 1910 г. Но совместной работы уже не получалось, члены Главного совета запирались от дубровинца в соседней комнате. Наконец, Главный совет был полностью обновлен. Отсюда, наряду с термином «марковцы» и «басковцы», появился термин «обновленцы». Дубровинцы поливали своих противников грязью на страницах «Русского знамени». Поэтому новое руководство лишило эту газету права называться официальным органом Союза русского народа. Позиции обновленного Главного совета и крайне правой фракции отражала газета «Земщина». В помощь ей с 1910 г. обновленцы начали издавать «Вестник союза русского народа».

Дубровинцы обвиняли своих противников во всех возможных грехах: «Парламентский дух в лице некоторых господ ворвался в Главный совет Союза русского народа и стремится превратить союз в полное политическое ничтожество. Это предприятие «обновленного» Совета в достаточной мере обеспечено денежными средствами и широким сочувствием тех, кому желательно учредить на Св. Руси любезную масонским сердцам религиозную анархию, заменить Самодержавный образ правления конституционною тираниею и устранить русскую народность от ее исторических прав первенства в Империи»[580]. Потеряв влияние в Главном совете, сторонники Дубровина постарались вынести споры за стены совещательных комнат. Они обратились за помощью к местным отделам. В июне 1910 г. Дубровин переслал в совет следующее заявление: «Прилагая при сем членский билет на 1910 г., прошу не считать меня учредителем и простым членом, состоящим при настоящем Главном совете»[581]. «Война объявлена, — сообщала кадетская

пресса, — каждый день «Русское знамя» печатает адреса и протесты отделов против Главного совета и требует его отставки, как лишенного доверия»[582]. Отделы начали исключать из своих списков обновленцев.

В особенности доставалось студенту В.П. Соколову. Он вошел кандидатом в члены Главного совета сразу же после его образования. В мае 1907 г. Соколов стал полноправным членом совета. Юноша был наследником богатого помещика. Врожденный физический дефект сына заставлял родителей снисходительно относиться к любым капризам горбатого ребенка. В Главном совете Соколов вел себя как избалованное дитя, но его терпели в качестве представителя учащейся молодежи. Впрочем, из-за занятий политикой его пребывание на студенческой скамье весьма затянулось. Соколов был одним из самых близких к Дубровину лиц, но быстро переметнулся к его противникам, чем вызвал бурное негодование дубровинцев. Газеты писали: «Путиловский отдел, как известно, один из самых патриотических, исключил Соколова, который теперь держит бразды правления Союза русского народа»[583].

На собрании Александро-Невского отдела в Петербурге один из ораторов нелестно отозвался о Дубровине: «...поднялся страшный шум и крики. По адресу оратора посыпались ругательства и даже угрозы, грозили избиением всех нынешних главарей совета Союза русского народа, в особенности графа Коновницына и студента Соколова. Оратор вынужден был бежать из зала заседаний и запереться в соседней комнате»[584]. На собрание литейно-рождественского отдела прибыл сам Дубровин. Он выступил вслед за бывшим членом боевой черносотенной дружины А.В. Половневым, который растрогал присутствовавших рассказом о том, что только ощущение «Бога Твоего с Тобой у самого сердца» помогло перенести страдания невинным узникам финской темницы. Дубровин торжественно пообещал, что до последнего вздоха будет держать в своих руках «монархическое знамя». «Не покидай нас!» — кричали слушатели.

Обновленный Главный совет также не сидел сложа руки. В агитационную поездку по стране были отправлены уполномоченные. Председатель бакинского отдела Союза русского народа Л.Д. Лиховидов объехал Поволжье, председатель курского отдела А.К. Щекин посетил черноземные и южные губернии, другие прочесали весь центр и север страны. Официальная миссия уполномоченных заключалась в том, чтобы проинформировать провинциальные отделы о позиции Главного совета. Они были снабжены также секретными инструкциями, предписывавшими провести ревизию отделов, отстранить сторонников Дубровина и даже распускать отделы, «буде такое окажется необходимым вследствие уклонения от устава и программы». Выступая на собраниях, уполномоченные делали упор на то, что Дубровин окончательно потерял доверие высших сфер, и по секрету сообщали: «Столыпин с нами».

Обновленцы привлекли на свою сторону черносотенцев, выступавших за гибкий политический курс. Уполномоченный Л.Д. Лиховидов провел перевыборы в казанском Царско-народном обществе. Председателем вновь избрали профессора В.Ф. Залесского, который ранее был исключен по доносу одного из коллег за опрометчивые слова о том, что в России введена конституция, а Польше необходима автономия. В некоторых городах черносотенцы разделились. Нижегородская организация «Белое знамя» примкнула к обновленцам, а нижегородский Георгиевский отдел Союза русского народа остался за дубровинцами. Кое-где посланцам из Петербурга пришлось выдержать жаркие схватки. Тульские черносотенцы приготовили тачку и метлу, чтобы с позором вывезти уполномоченного Боброва и замести следы клеветника. Но большинство собравшихся не согласилось с такими крайними мерами, и обновленцу удалось благополучно закончить свое выступление. Часть отделов были объявлены распущенными. А.К. Щекин закрыл новороссийский портовый отдел Союза русского народа. Вслед за этим были распущены гомельский, николаевский и другие отделы.

Постепенно в борьбу втянулись почти все организации крайне правых. В аристократическом Русском Собрании дело дошло до рукоприкладства. Спор между Б.В. Никольским и Н.Е. Марковым закончился кулачной потасовкой, едва не переросшей во всеобщее побоище, когда сторонники Никольского накинулись на последователей обновленного Главного совета с криками: «Долой столыпинцев, долой обновленцев!» Русское Собрание долго лихорадило. Председатель этой черносотенной организации, тщетно пытавшийся примирить противников, подал в отставку. Наконец, группа Никольского была исключена и Русское Собрание окончательно примкнуло к обновленческому течению.

Раскол продолжал углубляться. 24 ноября — 1 декабря 1911 г. представители 164 отделов, в которых преобладали дубровинцы, собрали съезд в Москве. Он объявил «упраздненными» членов обновленческого Главного совета и избрал новое руководство Союза русского народа. Почетным и действительным председателем союза стал А.И. Дубровин, товарищами председателя — Е.А. Полубояринова и А.И. Соболевский. В Главный совет Союза русского народа вошли верные соратники А.И. Дубровина: А.Н. Борк, Н.Н. Жедеинов, Г.Г. Надеждин, Б.В. Никольский, Н.П. Покровский. Дубровинцы предоставили 10 кандидатских мест руководителям провинциальных отделов, в том числе А.Х. Давыдову из Гомеля, И.Н. Кацаурову из Ярославля, В.П. Рознатовскому из Тулы. Почетными членами были провозглашены астраханский черносотенец Н.Н. Тиханович-Савицкий и архимандрит Почаевской лавры Виталий.

Как и следовало ожидать, члены обновленческого Главного совета отказались признать свое «упразднение». Некоторое время существовало два Главных совета Союза русского народа, каждый из которых считал себя единственно законным, а своих противников узурпаторами. Для подкрепления своих прав обновленцы в мае 1912 г. созвали собственный съезд. Одновременно с IV съездом Союза русского народа открылся V съезд «русских людей». Заседания были совместными, что, по замыслу организаторов, символизиро-

вало одобрение обновленческого курса всеми черносотенными союзами.

В августе 1912 г. был сделан последний шаг. Фактическое существование параллельных черносотенных организаций было закреплено официально. Противники обновленцев обособились в самостоятельный союз, получивший название Всероссийского Дубровинского Союза русского народа. Редкий случай, когда политическая партия связала свое название с именем еще здравствующего лидера. Исключительное положение Дубровина подчеркивалось также тем, что ему был преподнесен титул почетного, действительного и пожизненного председателя союза.

У обновленцев также произошли перемены. В ноябре 1912 г. подставная фигура — граф Э.И. Коновницын, исполнявший обязанности председателя, был с почетом устранен от дел, а бразды правления принял Н.Е. Марков.

Борьба за черносотенные организации на местах шла с переменным успехом. Практически невозможно установить, сколько отделов осталось с обновленцами и какое количество организаций ушло с дубровинцами. Конкуренты трубили о собственных успехах, громадном количестве своих отделов и утверждали, что отделы соперника значатся только на бумаге. «Русское знамя» сообщало, что на свой первый съезд в мае 1911 г. дубровинцы собрали 557 депутатов, представлявших 164 отдела[585]. На обновленческом съезде в мае 1912 г. была представлена 231 черносотенная организация. Но среди них были не только делегаты Союза русского народа. Например, Союз Михаила Архангела был представлен 42 отделами[586]. Через год в мае 1913 г. обновленцы созвали новый съезд, в котором приняли участие 1320 делегатов. Однако около 300 человек из западных губерний ушли со съезда к дубровинцам.

Судя по публикациям в «Русском знамени» и другим пропагандистским материалам, на стороне дубровинцев активно выступили 19 губернских и около 40 городских и уездных отделов Союза русского народа[587]. Наибольшим влиянием дубровинцы пользовались в Астраханской, Ви-

тебской, Вологодской, Ковенской, Могилевской, Томской, Тульской и Ярославской губерниях. Во Владимирской, Нижегородской, Новгородской, Пермской, Самарской, Херсонской и других губерниях существовали параллельные организации. В Петербурге дубровинцы захватили 7 районных отделов, но уступили столичный отдел.

Следует отметить, что марковцы располагали более прочными позициями в губернских и городских отделах. Зачастую дубровинцам приходилось создавать новую сеть отделов, укомплектовывая их перебежчиками из другого лагеря. Зато первичные организации явно тяготели к Дубровинскому течению. Большинство из 550 отделов, с которыми вел переписку Главный совет Всероссийского дубровинского Союза русского народа, составляли организации в небольших городах, местечках и селах. Многие из них были открыты уже после раскола. Большинство отделов металось из одного лагеря в другой, причем дубровинцы и их противники порой числили в своем активе один и тот же отдел.

Междоусобица привела к ослаблению и без того непрочных связей центра и провинции. Окончательно обособился иочаевский отдел Союза русского народа с несколькими сотнями сельских подотделов. Почаевцы ориентировались на дубровинский союз, но юридически являлись самостоятельной организацией. Ряд отделов Союза русского народа, преобразованных из ранее независимых черносотенных организаций, вновь вернулся к своим прежним названиям и уставным документам. Незадолго до раскола московским черносотенцам удалось добиться относительного единства. В Москве действовал Союз русского народа, Союз русских людей, Русское Собрание, а также несколько неполитических организаций типа хоругвеносцев. Главенствующее положение занимал Союз русского народа. Созданная В.А. Грингмутом Монархическая партия фактически слилась с Союзом русского народа. Ее остатком была небольшая организация, возглавляемая протоиереем И.И. Восторговым и настоятелем Новоспасского монастыря Макарием.

Распря изменила соотношение сил в Москве. Губернский отдел Союза русского народа примкнул к обновленцам, а центральный мининский отдел и два районных отдела захватили дубровинцы. Организация Восторгова и Макария обособилась и в январе 1911 г. преобразовалась в Русский монархический союз, решивший действовать самостоятельно по всей России. В борьбу вмешался Союз Михаила Архангела, доселе соглашавшийся считать Москву зоной влияния других черносотенных партий. В 1912 г. Главная палата Союза Михаила Архангела открыла в Москве свой отдел. В 1913 г. раскололся Русский монархический союз. Вышедшая из него группа В.Г. Орлова создала самостоятельную организацию. Такое же дробление сил происходило и в других городах. Хотя черносотенные организации множились, численность черносотенцев оставалась неизменной, а частенько и сокращалась. После раскола некоторые городские и даже губернские отделы насчитывали всего по нескольку десятков членов.

Что послужило причиной раскола и внутрипартийной борьбы, затянувшейся на несколько лет и серьезно ослабившей черносотенное движение? На поверхности были амбиции лидеров, корысть и жажда власти. Однако подлинные причины крылись гораздо глубже. Это открыто признавали руководители черной сотни. «Конечно, — писал В.П. Соколов, — А.И. Дубровин начал свою борьбу с Главным советом из личных, эгоистических побуждений. Но эта борьба получила значение и отзвук в союзе только потому, что по существу своему здесь борются два течения...»[588]. Два течения разошлись прежде всего по своему отношению к третьеиюньской политической системе. А.А. Майков подчеркивал: «Наиболее пререкания и «раздоров» производит вопрос об отношении к господствующему конституционному строю»[589]. Дубровинцы обвиняли своих противников в забвении основоположений Союза русского народа и отказе от идеи самодержавной власти. До некоторой степени это было справедливо. За пять лет Дубровин и его последователи ни на йоту не изменили своих взглядов. Они продолжа-

ли твердить то же самое, что говорилось в Главном совете в момент его создания. Обновленческое течение укоряло дубровинцев в том, что они цепляются за ветхозаветные взгляды. Дубровинское направление, по словам обновленцев, стремилось «к возвращению полицейско-бюрократического строя Петербургского периода русской истории, приведшего нас к Портсмуту и революции 1905—1906 гг.»[590].

Отрицая конституционный характер Российской империи, дубровинцы не связывали себя соблюдением правовых норм и делали ставку на насилие. Обновленцы, как подчеркивала дубровинская пресса, пытаются разоружить союз: «Они начали кричать о необходимости культурных приемов среди политических деятелей, о прекращении проявления желания и чувств силой, то есть затеяли вырвать у Союза русского народа его сознание своей великой, единственной материальной мощи»[591]. Конечно, обновленцы были очень далеки от политического миролюбия, призывали к насильственным действиям, публично угрожали расправой своим противникам. Но они открещивались от террористической тактики. Распространенное ими воззвание отмечало: «Совет Союза русского народа неоднократно протестовал против действий Дубровина в деле Герценштейна, против содержания боевой дружины при союзе...»[592].

Вопрос о законодательных учреждениях был тесно связан с общим отношением к третьеиюньской политической системе. С точки зрения дубровинцев, их противники были заражены духом западноевропейского парламентаризма. Съезд дубровинских отделов в ноябре 1911 г. усматривал один из главнейших грехов обновленцев в том, что они «проводили новый принцип народовластия в виде земско-соборного представительства в Государственной думе от населения, как противоположного взглядам союза на объединение в Государственной думе народа с царем, названное ими полицейско-бюрократическим строем»[593]. Было бы большим преувеличением видеть в обновленцах убежденных сторонников парламентской системы. Они хотели бы изме-

нить третьеиюньский избирательный закон. Вместе с тем обновленцы не подвергали сомнению необходимость сохранения выборных учреждений. Об этом ясно заявил Марков на собрании курского отдела Союза русского народа: «Можно быть недовольным 3-й, 4-й Думой, 20-й, разгоните их, выберите настоящую, русскую, но, как учреждение, Государственная дума необходима: без этого России не существовать»[594]. Сторонники обновленного совета уделяли большое внимание подготовке выборов в IV Государственную думу. Как и во всех остальных сферах деятельности, черная сотня собиралась вести игру по собственным правилам, т. е. использовать рычаги, недоступные другим политическим партиям. Председатель одесского отдела Союза Михаила Архангела разработал план совместных действий черной сотни и государственной власти. «У нас в России, — констатировал Б.А. Пеликан, — видимо, утвердился представительный строй, и правительству необходимо овладеть представительным строем и, прежде всего, взять в свои руки дело выборов»[595]. Он предложил набор «технических» приемов, начиная от специально подобранных избирательных комиссий и кончая подвозом избирателей на автомобилях — «это очень нравится мелкому собственнику».

Б.А. Пеликан опирался на опыт проведения дополнительных выборов по городу Одессе. При помощи махинаций был избран правый кандидат барон Рено. Председатель одесского Союза русских людей Н.Н. Родзевич писал по поводу выборов: «Вся «честь победы» принадлежит Пеликану, который и явился организатором возмутительной вакханалии. Не говоря об автомобилях, чуть не силой тащивших избирателей к урнам... были случаи, когда «наши» шли за чужих, даже за евреев, и, конечно, подавали за Рено. Иные шли по нескольку раз, все под новой фамилией. Обманом, угрозами всучали записки с фамилией Рено и жидам. Этому содействовала и полиция. В избирательных комиссиях были «свои» люди, которые принимали записки от заведомо подставных лиц. Подозреваю я и подлость при

счете записок. Все это наблюдалось еще 29-го. 30-го приезжал Пуришкевич, виделся с Пеликаном, и с этих пор его энергия удвоилась. В результате лишних 200 голосов за Рено»[596].

Дубровинцы, в отличие от обновленцев, считали парламентскую работу ненужной. Устав Всероссийского Дубровинского Союза предусматривал участие черносотенцев в выборах. Но при этом выдвигались совершенно неприемлемые условия. Дубровинский съезд в ноябре 1911 г. постановил коленопреклоненно молить царя, «чтобы среди членов Государственной думы были бы и члены по назначению Его Императорского Величества. Чтобы члены Государственной думы за речи свои, хотя бы и в Думе произнесенные, подлежали бы законной ответственности в общем уголовном порядке и чтобы уничтожен был принцип несменяемости членов Думы»[597]. В довершение всего дубровинцы требовали, «чтобы во изменение ныне существующих основных законов восстановлен был бы порядок изменения основных законов таким образом, чтобы воля Государя Императора только одна видоизменяла бы законы без всякого участия Государственной думы»[598].

Дубровинцы обвиняли своих соперников в угодничестве перед властями. «Если вы находите, что Союз русского народа создан в угоду министрам и исправникам, — патетически восклицал А.Н. Борк, — то слепо следуйте за «обновленным Главным советом», как послушные овцы следуют за передовыми баранами, и вы благополучно доберетесь до тучных пастбищ, министерских передних и негласных субсидий»[599].

Лидеры обновленного Главного совета в свою очередь порицали дубровинцев за безудержные нападки на правительство. «Если, по примеру доктора Дубровина, каждый раз, как нам покажется, что тот или иной из поставленных самим царем министров действует неправильно или даже во вред народу, мы будем всенародно издеваться, позорить и шельмовать такое лицо, то где же будет разница между

членом Союза русского народа доктором Дубровиным и членом партии социалистов-революционеров доктором Покровским», — вопрошал Н.Е. Марков[600]. Обновленцы критиковали «Русское знамя» за «...неоднократное появление статей, разжигающих самые опасные инстинкты, возбуждающие крестьян и мещан против правительства, дворянства, духовенства и купечества, вообще принятое этой газетой демагогическое и революционное направление»[601].

Глава VI

РАБОЧИЕ, КРЕСТЬЯНЕ, СТУДЕНТЫ

1

Крайне правые и рабочие

Лидеры черносотенных союзов утверждали, что за ними стоит весь русский народ. Действительно, черносотенцы создали широкую сеть низовых организаций. Особенно активно они вели пропаганду среди крестьян и рабочих.

В первые годы своего существования черносотенцы утверждали, что капитализм не получил развития в России и, следовательно, еще нет оснований говорить о пролетариате как особом классе общества. Массовое рабочее движение поколебало, но не изменило полностью эту точку зрения. На страницах правой печати встречались прямо противоположные суждения. В июле 1912 г. «Земщина» укоряла в незнании предмета бывшего легального марксиста П.Б. Струве: «Еще 6 января 1905 года редактор «Освобождения» П. Струве, человек безусловно компетентный по тем временам в этом вопросе, уверенно писал, что в России рабочего класса как такового еще нет... Последующие события доказали обратное: в России рабочий класс есть»[602]. Через месяц та же газета писала: «В Германии и в других капиталистических странах успел уже сложиться совершенно законченный рабочий класс. У нас же до сих пор фабрично-заводская деятельность является подсобным промыслом крестьян-земледельцев, ищущих заработки на время, свободное от полевых работ»[603].

В конфликте между трудом и капиталом черносотенцы предпочли миротворческую миссию. «Основоположения»

Союза русского народа гласили: «Союз русского народа призывает как хозяев, фабрикантов и их уполномоченных, так и рабочих, в особенности фабричных, городских, железнодорожных, всемерно стараться разрешать возникающие между ними недомолвки, споры, раздоры полюбовно, по Божию, следуя заповедям Господним»[604]. Избирательные программы черносотенцев были более конкретными. Они обещали рабочим содействие в «возможном сокращении рабочего дня», «государственном страховании рабочих на случай смерти, увечья, болезни и старости», «упорядочении условий труда»[605] и т.д.

Программа черной сотни по рабочему вопросу выглядела весьма скромной, тем более что возникали серьезные сомнения в том, что крайне правые собираются выполнять свои обещания. Черносотенцы быстро осознали, что пропаганда в рабочих кварталах требует специфических навыков, а Союз русского народа не выдерживает конкуренции с другими партиями. Поэтому наряду с отделами Союза русского народа, а впоследствии и Союза Михаила Архангела, черносотенцы начали создавать особые рабочие организации. Правительство уже имело опыт подобной деятельности в форме «зубатовщины». Отношение черносотенцев к методам «полицейского социализма» было неоднозначным. Официально «зубатовщина» осуждалась. Родоначальник этой политики С.В. Зубатов писал в 1905 г.: «Союз русского народа приговорил меня, оказывается, в ноябре к смерти, решив почему-то, что гр. Витте, вернувшись из-за границы и думая занять пост, пригласил меня телеграммой на службу»[606].

Несмотря на это, бывшие сотрудники Зубатова нашли теплый прием в Союзе русского народа. Организатором черносотенных отделов в Калужской и Ярославской губерниях был Н.Т. Красивский, руководивший зубатовским Обществом взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве. В Москве — на родине «зубатовщины» эти связи были особенно прочными. Черносотенцы работали в Комиссии для общеобразовательных чтений среди фабрич-

но-заводских рабочих г. Москвы. Некоторые правые газеты усматривали опасность в широком использовании методов «полицейского социализма» сторонниками И.И. Восторгова, который «начал посылать везде и всюду «зубатовцев» вроде Красивского (он же Тимофеев), И.В. Торопова, Жилкина и проч. для открытия отделов союза. Как они старались по этой части, об этом свидетельствует вызванная ими последняя забастовка в Иванове-Вознесенске»[607].

Действительно, «зубатовские» методы требовали навыка и осторожности — иначе они приносили неожиданные результаты. Далеко не все черносотенные организации рисковали идти этим путем. Но созданные ими рабочие организации многое позаимствовали из арсенала «полицейского социализма».

19 ноября 1905 г. возникло Общество активной борьбы с революцией и анархией, о котором уже шла речь в связи с черносотенным террором. Надо подчеркнуть, что руководители «активников» — вдова мелкого чиновника В.Н. Степанова и отставной офицер Л.Н. Дезобри — выдавали Общество за внепартийную рабочую организацию. В докладной записке члена-учредителя Общества инженера путей сообщения С.Д. Кузьмина на имя министра внутренних дел говорилось: «С самого начала деятельность наша была исключительно направлена на заводы и вообще на те предприятия, где имеется скопление рабочих масс, — и на многих заводах и фабриках, как-то на заводе Франко-Русский, Путиловский, Речкина, фабрики Джэмс-Вэка и многих других, нам удалось добиться того, что забастовка срывалась и работы продолжались»[608]. «Активники» открыли филиалы в нескольких городах, в том числе в Москве и в Киеве. Общество действовало на правах отдела Союза русского народа и занималось в основном пропагандой среди рабочих.

Еще одна черносотенная организация, Союз русских рабочих, выросла из Патриотического содружества рабочих, которое было создано в Киеве рабочим-литографом К. Цитовичем. Состояло оно из маленькой кучки рабочих и уже

«дышало на ладан», когда им заинтересовались киевские монархисты. Отдел Союза русского народа и киевская Монархическая партия преобразовали содружество в рабочий союз, помогли составить программу и отправили К. Цитовича в поездку по заводам для вербовки членов. Программа союза была составлена с учетом профессиональных интересов рабочих. Она подчеркивала, что Союз русских рабочих будет противодействовать «произволу, вымогательству, всем видам корыстного и безнравственного отношения к рабочим со стороны администрации заводов, фабрик и других ремесленно-промышленных заведений, старших рабочих, и борется законом указанными средствами против произвола при расчетах и увольнениях рабочих со службы...». Союз обещал «содействовать и оказывать содружескую помощь членам своим, утерявшим вследствие болезни или по другим каким-либо причинам способность к труду или утерявшим временно место не по своей вине»[609].

Одновременно с этим Союз русских рабочих провозглашал верность самодержавию, требовал прекратить деятельность по разорению государства (под этим подразумевалось революционное движение) и обещал оказывать противодействие забастовкам всех видов. В уставе союза были сделаны попытки закрепить руководство организацией за рабочими. Специально оговаривалось, что две трети членов совета должны быть рабочими. В остальном устав Союза русских рабочих не отличался от уставов черносотенных организаций, за исключением нескольких параграфов, навеянных, очевидно, специфическим контингентом членов союза. Так, предусматривалось исключение из состава союза за трехкратное посещение общих собраний в нетрезвом виде.

Одной из форм легальных рабочих организаций, находившихся под контролем крайне правых, был Экономический рабочий союз, зарегистрированный в Петербурге в январе 1909 г. Как и Союз русских рабочих, он провозглашал себя беспартийной организацией. Первый параграф устава гласил: «1-й Российский экономический рабочий союз, не преследуя никаких политических целей, ставит сво-

ей задачей содействовать объединению рабочих всех категорий и улучшению их быта»[610]. Но о черносотенном облике организации красноречиво говорило хотя бы то, что ее почетным председателем стал В.М. Пуришкевич.

Таким образом, черная сотня выработала достаточно гибкую тактику внедрения в рабочую среду. Крайне правые действовали не только через свои обычные организации, но и через рабочие союзы, формально находившиеся вне политики.

Для черносотенцев всегда было чрезвычайно важным взаимоотношение с местной властью. Однако правительство уже обожглось на «полицейском социализме». Крайне правым не всегда удавалось убедить власти в необходимости создания рабочих организаций. Например, в 1908 г. Министерство внутренних дел отказалось зарегистрировать устав «Национально-русской организации» при иваново-вознесенском отделе Союза русского народа и Шуйском союзе русских православных людей. Черносотенцам посоветовали не мудрить, а принимать рабочих прямо в Союз русского народа. Власти оказывали содействие по выборочному принципу. Практически всегда была обеспечена поддержка, если речь шла о транспорте или крупных заводах, работавших по военным заказам. Еще свежа была память о всероссийской железнодорожной забастовке 1905 г. Поэтому черносотенцам разрешали вести пропаганду среди путейских рабочих и в ремонтных депо. Главным организатором железнодорожных рабочих был «ученый археолог» В.Г. Орлов, служивший ревизором на Александровской дороге. Он пользовался покровительством самого Столыпина. Когда у Орлова произошло недоразумение с начальством одной из дорог, глава правительства выразил озабоченность судьбой скромного ревизора. Сославшись на личное знакомство с черносотенцем, Столыпин потребовал у министра путей сообщения «сделать соответствующее распоряжение о том, чтобы со стороны начальствующих лиц Московско-Курской железной дороги не чинилось препятствий Орлову в деятельности его по организации монархических партий»[611]. Орлову и его

помощникам были выданы бесплатные билеты, позволявшие разъезжать по всей стране. Железнодорожные отделы получали особые субсидии из фондов МВД.

Петербургская полиция помогала черносотенным агитаторам на Путиловском, Обуховском и других крупнейших заводах. Очевидец рассказывал, что «многие рабочие, преимущественно из средних и совершенно индифферентных ко всякой общественной жизни, захотели оградить свою личность и имущество как от полиции, так и от истинных членов черной сотни, и тоже стали записываться в Союз русских людей, а многие нашли еще иной способ: стали собственноручно чеканить значки Георгия. Эту подделку они довели до такой степени совершенства, что лично я, например, когда мне подали два значка, решительно не мог определить, какой из них настоящий, а какой поддельный»[612]. Рабочие на собственном опыте убедились, что предъявление «конька-скакунка», как называли значок Союза русского народа с Георгием Победоносцем на коне, исчерпывает всякие недоразумения с полицией.

Администрация казенных и частных предприятий относилась к черной сотне нейтрально. Однако существовали исключения. Уже упоминалось, что директор Семянниковского завода (Невского судостроительного) И.И. Гиппиус пытался прекратить черносотенную пропаганду. Но заведующий корабельной мастерской Н.Н. Сухих и мастер М.И. Матюшенко состояли в Союзе русского народа. Директор меднопрокатного завода бывшего Розенкраца на Выборгской стороне Отто-Фридрих фон Крузенштерн всемерно поддерживал «истинно русских».

Сотрудничество с фабрично-заводской администрацией давало черносотенцам значительные преимущества. Например, с ее помощью можно было поголовно поверстать всех рабочих в союзники. В ноябре 1906 г. на петербургском пивоваренном заводе «Старая Бавария» произошел следующий инцидент. «Плотники этого завода, явившиеся в контору за получением недельного заработка, получили не 7 руб. 50 коп., а только 7 руб. На вопрос удивленных плотников,

почему высчитывают из жалованья по 50 коп., администрация ответила, что эти полтинники пошли в пользу Союза русских людей, а они записаны в члены этого союза»[613].

При отлаженных контактах с фабрично-заводской администрацией черносотенцы могли использовать угрозу увольнения. Большевистская «Звезда» сообщала, что в железнодорожных мастерских г. Калуги намечено значительное сокращение рабочих: «Увольнения носят скорее характер преследования. За малейший проступок или оплошность со стороны рабочего его увольняют тут же. Интересно в то же время, что ставленники администрации, «агенты» или «союзники», несмотря ни на что, остаются как бы незамеченными». В черную сотню гнал не только страх потерять работу, но и надежда найти ее. Членов Союза русского народа принимали на заводы в первую очередь. В декабре 1905 г. был закрыт Семянниковский завод в Петербурге. Официально завод открылся только 18 января 1906 г., но благонадежных черносотенцев начали принимать за несколько дней до открытия.

Каждый локаут пополнял ряды черной сотни. Яркий пример этому — открытие черносотенного рабочего отдела в Екатеринославе. После убийства директора Александровского южнороссийского завода правление Брянского общества, которому принадлежал завод, пригрозило закрыть его, если не прекратятся покушения на представителей дирекции. В апреле 1907 г. анархисты убили помощника директора. Огромный завод остановили, и 20 тысяч рабочих и членов их семей оказались без средств к существованию. Черносотенцы не упустили удобного случая. Из Раменского в спешном порядке выписали 75 агитаторов Союза русских рабочих. В течение нескольких дней местные и приезжие черносотенцы обходили рабочие предместья, предлагая ходатайствовать об открытии завода. Но перед этим был открыт отдел Союза русских рабочих. Проходивший в Москве IV монархический съезд рекомендовал Главному совету Союза русского народа немедленно вступить в переговоры с Брянским обществом и предложить открыть завод

на следующих условиях: «а) чтобы рабочие принимались на работу только по указанию местного Союза русских рабочих; б) чтобы они, рабочие, согласились на справедливое для обеих сторон урегулирование расценки работ»[614]. Переговоры завершились соглашением. Завод был открыт, а черносотенцы занесли в свой актив несколько тысяч новых членов.

Сотрудничество с властями или заводской администрацией было почти непременным, но далеко не единственным приемом черной сотни. В ряде случаев крайне правым приходилось защищать профессиональные интересы рабочих. При этом они почти всегда взывали к властям с требованием найти управу на зарвавшихся хозяев.

В январе 1906 г. на общем собрании Царско-народного общества в г. Казани обсуждалось положение на Алафузовских заводах. Администрация предупредила рабочих, что весной все они получат расчет. Черносотенцы оказались в щекотливом положении. Им пришлось подтвердить, что они признают право хозяев в любое время закрывать свои заведения, «хотя бы даже в целях борьбы с представителями труда». Но крайне правые предупреждали, что массовое увольнение сыграет на руку революционной пропаганде. Кроме того, на собрании крайне правых прозвучали выпады по адресу корыстолюбивых хозяев: «Нельзя не отметить крайней несправедливости закрытия Алафузовских заводов и лишения таким образом нескольких тысяч лиц, в том числе женщин и детей, куска хлеба под предлогом ожидаемых в течение одного года убытков, после того как несколько десятилетий подряд владельцы получали колоссальные барыши»[615]. Общее собрание постановило ходатайствовать в этом духе перед министром внутренних дел.

Черносотенцы прибегали к благотворительности. Общество активной борьбы с революцией открыло в Петербурге несколько столовых для нуждающихся рабочих. Московский отдел Союза русского народа устроил для рабочих Даниловской мануфактуры бесплатную библиотеку и вечерние курсы грамоты. Черносотенцы сотрудничали и с да-

ниловским отделением общества «Трезвость»[616]. Использовались также профессиональные интересы рабочих. При Экономическом союзе в Петербурге существовало бюро труда для приискания мест безработным. Союз брал подряды на ведение работ, устраивал мастерские. Согласно отчету, за один год в кассе союза скопилось 2271 р. 52 к.

Весьма активно действовали черносотенные рабочие организации в Одессе. Под эгидой одесского отдела Союза русского народа были созданы артели грузчиков в порту. По подсчетам специалистов, лишь немногие грузчики были заняты более 15 дней в месяц[617]. Остальные ждали своей очереди или перебивались случайными заработками. Поденщики были взрывоопасной массой. Подавляющее большинство составляла молодежь, не успевшая обзавестись семьями. Они обитали в ночлежках, где пьянство и болезни постепенно засасывали их на самое дно общества. Уровень преступности в таких условиях был очень высоким. Морской порт мог забурлить по любому поводу. Положение усугублялось тем, что среди грузчиков существовала национальная рознь. По данным Р. Вейнберга, в 80-е гг. XIX в. в порту работало 1700 евреев, а в начале XX в. евреи составляли не менее половины докеров. Они специализировались на погрузке некоторых видов товаров. Например, зерно грузили в основном бригады из рабочих-евреев. Это вызывало недовольство рабочих других национальностей и объясняло их участие в погроме 1905 г. Городские власти пытались разрядить напряжение вполне традиционным способом — введением ограничительных квот. Только в Одессе додумались ограничить евреев в праве работать грузчиками.

Классовая борьба велась еще яростнее, чем национальная. В начале века Одесса начала испытывать острую конкуренцию более современных южных портов. Местные негоцианты намеревались разорить соперников дешевыми тарифами. Однако грузчики сопротивлялись снижению расценок. Борьба шла с переменным успехом. Когда революция была на подъеме, рабочие при помощи забастовок довели

оплату до сравнительно высокого уровня. Например, за погрузку 1 тыс. пудов угля платили 15—20 р.

Мощная антисемитская пропаганда, которую развернул в городе Союз русского народа, не миновала и порт, где имелись идеальные условия для раздувания национальной вражды. Однако Союз русского народа выступал против забастовок, что делало его программу непопулярной среди рабочих. Черносотенцев было сравнительно немного, и приходилось им туго. В августе 1906 г. рабочие Московской таможенной артели обратились к временному генерал-губернатору Одессы с жалобой на то, что после забастовки их не ставят на погрузку. Генерал П.Ф. Глаголев распорядился обеспечить черносотенцев работой. Но отдать приказ было легче, чем выполнить его. В своей следующей жалобе черносотенцы просили дать им охрану, «ввиду того что нас не допускают наши же рабочие (забастовщики) приступить к работам»[618].

Из переписки видно, что рабочих, «желающих присоединиться к одесскому Союзу русского народа», насчитывалось всего 118 человек. Но владельцы торговых компаний увидели в них шанс увеличить свои доходы. Инициатива была проявлена Русским обществом пароходства и торговли — одной из крупнейших акционерных компаний страны. Правление общества обратилось за помощью к одному из самых скромных своих служащих — заведующему матросской прачечной А.И. Коновницыну.

Точные условия сделки, заключенной между правлением общества и председателем одесского отдела Союза русского народа, остались неизвестными. Очевидно, черносотенцы подрядились обеспечить порядок в порту. В свою очередь, торговая компания взяла на себя финансирование боевых дружин. Документы свидетельствуют, что Русское общество пароходства и торговли перевело в кассу одесского отдела Союза русского народа 12 597 р. 71 к. Сделка оказалась взаимовыгодной. Черносотенцы получили доступ в порт. Каждый из стоявших под погрузкой или выгрузкой кораблей

принял на борт по дюжине боевиков. Черносотенцы быстро переломили исход борьбы в пользу торговых компаний.

В конце 1906 — начале 1907 г. они сорвали крупную забастовку. В рапорте временного генерал-губернатора П.Ф. Глаголева главе правительства Столыпину сообщалось, что из Одессы намечалось отправить крупную партию зерна в охваченные неурожаем губернии. «Ввиду спешности погрузки грузчики, пользуясь этим, вошли в стачку и предъявили требование о повышении до 8 коп. за четверть платы, тогда как казенный тариф 3,2 коп. и еще из добавочных средств 1,8 коп., всего 5 коп. Стачка грозила замедлением отправки не менее как на 1—2 недели. Немедленно же по обращению ко мне агента дороги был вызван Председатель Союза, при содействии которого 2 января забастовавших должны были заменить 300—400 союзников. Как только это стало известно, забастовка грузчиков сама собой прекратилась и дело пошло»[619]. Командующий военным округом А.В. Каульбарс докладывал Столыпину: «Пароходные компании и начальство порта вполне признали в данном случае крупную заслугу Союза русского народа»[620].

Характерно, что черносотенцам удалось вбить клин между местными рабочими и пришлыми элементами. Сорвавшие забастовку грузчики были завербованы прямо на причалах. Союз русского народа дал им работу и обеспечил защиту. «В порту, — свидетельствовало перлюстрированное письмо из Одессы, — черносотенцев около 200 человек обученной, вооруженной револьверами боевой дружины. Невозможны никакие забастовки, никакой протест. Боевики охраняют штрейкбрехеров»[621]. Действительно, протесты против черносотенцев заканчивались печально. В апреле 1907 г. на Таможенной площади произошло столкновение между портовыми рабочими и дружинниками Союза русского народа. Рабочие начали бросать в черносотенцев камнями. Те ответили револьверными залпами, убив одного и ранив 4 человек. Как и в других случаях, дружинники остались безнаказанными. 9 боевиков сначала привлекли к

следствию, но уже через несколько месяцев признали действовавшими в порядке самообороны.

Следующим шагом черной сотни после организации охраны и использования штрейкбрехеров стало создание рабочих артелей. Первые были созданы, видимо, в начале 1907 г. После столкновения в порту генерал П.Ф. Глаголев обратился к докерам со следующим посланием: «Рабочая артель Союза русского народа состоит из таких же рабочих, как и остальные, они также хотят работать, чтобы жить, но они уже осознали весь вред, происходящий от беспорядков, грабежей, воровства и забастовок, а потому и борются против них»[622].

Временный генерал-губернатор подчеркивал, что Союз русского народа горой встал на защиту рабочих интересов. Администрация порта и Русское общество пароходства и торговли поощряли вступление в черносотенные артели. Подрядчики и старосты грузовых артелей быстро сообразили, откуда дует ветер. Один из одесских грузчиков вспоминал: «Вскоре под кранами появился некто Филипенко Александр Владимирович, который стал работать вовсю. И вот, чтобы упрочить свое положение, он задался целью создать артель, но только монархическую. И для этого он объявил рабочим, чтобы они принесли документы. Через некоторое время, при расплате, он стал рабочим вручать «квитанции», в которых было сказано, что владелец этой квитанции член Союза русского народа. И кто только реагировал на это, его арестовывали»[623]. Рабочие опубликовали в газете «Копейка» протест против насильственного зачисления в черную сотню: «Мы, крановые рабочие, не понимаем никакого вкуса в политике. Почему мы очутились в государственной партии, для нас непонятно. Почему огульно Филипенко нас вписал, не имея на это нашего общего постановления?»

Но протесты были бесплодными. Административное давление еще больше усилилось после прибытия в Одессу нового градоначальника Толмачева. Союз русского народа контролировал самые выгодные работы в порту. Грузчики бы-

ли поставлены перед выбором: либо вступать в союз, либо получать гроши. В 1908 г. в порту было уже 6 артелей Союза русского народа: 3 угольных и 3 так называемого «белого груза», работавших в Карантинной и Практической гаванях. Сохранился устав 5-й грузовой артели, который был утвержден в декабре 1907 г. Устав гласил, что «членами артели могут быть только лица мужского пола, православного вероисповедания, члены Союза русского народа, достигшие 17-летнего возраста». Вступительный взнос был установлен в размере 25 р. Черносотенные артели обещали пособия нуждающимся грузчикам и семьям, потерявшим кормильца. Для этих целей во вспомогательный фонд отчислялось 10% прибылей.

Одесский опыт высоко оценивался крайне правыми. Председатель отдела А.И. Коновницын рассказывал, что во время аудиенции в Царском Селе Николай II «изволил указать, что объединение русских рабочих в Одессе будет примером для всей России». Монархические съезды рекомендовали пропагандировать организацию различных артелей при Союзе русского народа. Этот опыт удалось использовать в Николаеве. В порту Аккермана артели не прижились из-за бойкота, объявленного рабочими. В Вильно черносотенцы решили объединить в артель железнодорожных рабочих и посыльных. У крайне правых была неплохая хватка: прикрываясь «патриотическим» характером артели, они ходатайствовали о передаче им обслуживания всей станции Вильно. Но замысел черной сотни не удался. Возникает вопрос о том, какие категории рабочих примыкали к черной сотне. Пример Одессы показывает, что монархисты ориентировались на неквалифицированных рабочих, поденщиков, сезонников и т.д. Недаром их влияние ограничивалось только рамками морского порта. На крупных машиностроительных заводах Одессы крайне правых практически не было.

Аналогичная картина прослеживается и в некоторых других регионах. Так, в Ярославской губернии в Союз русского народа вошли рабочие мелких и средних предприятий,

а также сезонники, которые участвовали в погромах октября 1905 г. Впрочем, черносотенцы вели активную пропаганду среди текстильщиков. В 1906 г. жандармские органы сообщали: «Фабричное население, кроме фабрики Корзинкина (Большая Мануфактура), примыкает в большинстве к Союзу русского народа... Безработные — «зимогоры» — все принадлежат к Союзу русского народа, особенно сильна и сплочена организация крючников в гор. Рыбинске»[624].

В советской историографии постоянно подчеркивалось, что в черную сотню вступали отсталые, «темные» в политическом отношении рабочие. Указывалось на их тесную связь с деревней и приверженность патриархальным порядкам. Носителями монархических настроений назывались недавние ремесленники и разорившиеся хозяйчики. Например, на московском заводе Гужона «в тянульном и гвоздильном отделениях тон задавали десятка два черносотенцев из бывших кустарей, которых Гужон выписывал из Нижегородской губернии»[625]. Безусловно, костяк крайне правых организаций составляли чернорабочие, недавно покинувшие деревню. Однако облик рабочего-черносотенца был значительно сложнее, чем казалось на первый взгляд. В монархические союзы входили и высококвалифицированные рабочие. Так, в Экспедиции заготовления государственных бумаг существовала сильная черносотенная организация. Между тем в экспедиции были заняты кадры особой квалификации: потомственные рабочие-печатники, граверы, литографы.

Сложность этой проблемы можно продемонстрировать на примере Путиловского завода. Флагман российского рабочего движения вместе с тем являлся одним из самых надежных оплотов черной сотни. Монархическую пропаганду на заводе начало Общество активной борьбы с революцией. Затем был создан путиловский отдел Союза русского народа. Помимо путиловцев, в него входили рабочие завода Тильманса и Тентелевского химического завода. Путиловский отдел считался образцовым и мог даже похвастаться хором народной песни из рабочих. Почетным председате-

лем отдела был сам А.И. Дубровин, являвшийся, к слову, акционером Общества Путиловских заводов. Налицо было непременное условие успеха черной сотни, т.е. благосклонное отношение со стороны администрации предприятия. Правление Общества Путиловских заводов выделило «активникам» 6 тыс. р. Отделу Союза русского народа была назначена ежемесячная субсидия в размере 50 р. Связи между черносотенцами и администрацией не были разорваны даже после скандала с убийством М.Я. Герценштейна. Пока один из убийц, десятник завода И.Я. Рудзик, скрывался в бегах, ему исправно выплачивалось жалованье, а за его семьей сохранялась заводская квартира.

Распределение черносотенцев внутри завода имело свои особенности. Монархисты обосновались в так называемых «горячих» цехах: чугунолитейном, труболитейном, мартеновском, прокатном. Из «холодных» мастерских черносотенцы закрепились только в паровозосборочной. Небольшие группки крайне правых имелись также в пушечной и лафетно-снарядной мастерских. Трудно судить о причине такого разделения. Сами путиловцы видели ее в низкой политической сознательности своих товарищей: «...в мартеновской, сталепрокатной и железопрокатных мастерских, — в этих несчастных, горячих, трудных и темных мастерских, — работают люди несознательные, и не хотят они, чтобы для них была какая-нибудь льгота. Они только и знают, что ходят в завод, а из завода в трактир, а из трактира в портерную, а потом опять в завод, где и работают по 12 часов без перерыва»[626].

Авторы истории Путиловского завода в соответствии со сложившимися традициями указывают на злополучные деревенские пережитки: «В партиях (бригадах) горячих цехов нередко работали земляки-однодеревенцы; они находились в двойной зависимости от своих стариков — и по деревне, и по работе. Если такой старик записывался в черную сотню, за ним тянулись земляки»[627]. Нельзя безоговорочно согласиться с этими объяснениями. Профессиональный состав рабочих в «горячих» цехах отличался от соста-

ва «холодных» мастерских. У печей стояло много подсобных или подручных рабочих, занятых тяжелым физическим трудом. Они мало отличались от грузчиков Одесского порта или крючников Рыбинских причалов. Вместе с тем в «горячих» цехах имелась прослойка квалифицированных литейщиков, труд которых неплохо оплачивался. Они зарабатывали 80—100 р. в месяц, т.е. в два или в два с половиной раза больше, чем слесари «холодных» мастерских. Такие рабочие были заинтересованы в бесперебойном функционировании завода, т.е. как раз в том, за что ратовал Союз русского народа.

Можно сказать, что черная сотня охватила подножье и верхушку пролетариата — неквалифицированную массу и «рабочую аристократию». Крайне правые распространили свое влияние на основные предприятия Петербурга и Москвы, текстильные фабрики в центре страны, металлургические заводы и угольные шахты промышленного юга, некоторые портовые города. Попытка определить численность рабочих-черносотенцев наталкивается на те же трудности, которые возникают при подсчете членов крайне правых союзов. Зачастую приходится иметь дело с обыкновенным очковтирательством. Членские билеты Союза русского народа, выдававшиеся рабочим, имели фантастические номера: 27 102, 37 738, 38 613 и т.д.

Неустойчивость, характерная для всех черносотенных союзов, особенно резко проявлялась в их рабочих организациях. В апреле 1906 г. в Обществе активной борьбы с революцией числилось до 2000 человек[628]. Но вскоре произошел спад, и количество «активников» сократилось. В 1907 г. отдел Союза русских рабочих в Екатеринославе состоял из 4 тыс. членов[629], а отдел в Раменском из 5 тыс. членов[630]. Уже упоминалось, каким способом крайне правые добились стремительного роста екатеринославского отдела. Поэтому нет ничего удивительного в том, что отдел потерял тысячи новых членов так же быстро, как и приобрел их.

Количество черносотенцев в Петербурге колебалось в зависимости от конкретных предприятий. Самой большой

была Путиловская организация: в мартеновском цеху — 700 человек, в литейных — 450, прокатном и паровозосборочном — по 150—200 человек. Всего на заводе насчитывалось более 1500 тыс. членов Союза русского народа. Вслед за Путиловским заводом шла Экспедиция заготовления государственных бумаг — 700 человек, Семянниковский завод, бывшего Розенкраца — по 300. На остальных предприятиях: Адмиралтейском, Ижорском, Обуховском, Балтийском, Александровском вагоностроительном заводах, Новой бумагопрядильне и др. — насчитывалось по нескольку десятков черносотенцев. С учетом членов Общества активной борьбы с революцией в 1906—1907 гг. в столице было 3,5—4 тыс. рабочих-черносотенцев. В Одессе в 6 артелях работали 1350 человек[631]. По другим городам достоверных данных нет. Можно предположить, что к 1907 г. по всей стране насчитывалось 12—15 тыс. рабочих-черносотенцев.

Черносотенцы не могли рассчитывать на большее. Рабочие в основном шли за социал-демократами, которые нейтрализовали агитацию других партий. Каждый шаг черносотенцев в рабочей среде сопровождался кровавыми следами. В этой борьбе не было места дискуссиям. Политические платформы крайне правых и социал-демократов были полярными, что исключало взаимопонимание. Большевистская пресса клеймила черносотенцев как полицейских агентов и хозяйских приспешников. Крайне правые честили своих противников крамольным сбродом.

Уже говорилось о черном терроре. Черносотенцы облюбовали несколько трактиров за Невской заставой Петербурга. В советской литературе отмечалось: «Полным ходом заработал черносотенный кабак «Порт-Артур», — читаем мы в истории Обуховского завода, — «Шмулька» из молотовой, «Хорек» из снарядной, «Николай-плотник» из литейной, Кондаков и братья Подровы из пушечной вместе с черносотенцами с других заводов, вооруженные топорами, ломами и гирями, врывались в квартиры рабочих-боевиков, били,

крошили все, что попадало под руку, запугивали население»[632].

Но советские историки предпочитали не делать акцент на том факте, что черносотенцы ощутимо страдали от красного террора. У ворот Семянниковского завода находился трактир «Тверь». Большевик Н. Ростов писал: «Обнаглевшие черносотенцы, вооруженные старыми казенными револьверами, стали делать из «Твери» нападения на рабочих, чинить обыски, избивать и даже арестовывать. В конце января «Тверь» превратилась в настоящий штаб боевой организации, терроризировавшей все окрестное рабочее население, преимущественно семянниковцев»[633]. Петербургский комитет РСДРП поручил боевому центру Невского района ликвидировать штаб-квартиру черной сотни. Вечером 27 января в «Тверь» были брошены две бомбы. Столичная охранка сообщала: «Бомбы взорвались не сразу, а несколько секунд шипели и вертелись, чем воспользовалась часть присутствующих и успела выскочить из трактира и укрыться в соседних комнатах. Из числа оставшихся двое убиты и 11 ранены, в том числе прислуга в трактире»[634].

Весной 1906 г. петербургские большевики активизировали наступление на черную сотню. Оно началось с Семянниковского завода. В перестрелке с большевиками погибли вожаки черной сотни В. Снесарев и И. Лавров. «4 мая состоялся заводской митинг по вопросу о разоружении черносотенцев, на котором было вынесено постановление, предлагавшее черносотенцам сдать оружие. Разоружение началось с котельной и колесной мастерских, которым дружинники предъявили вечером 4 мая ультимативное требование о немедленной сдаче оружия. 5—6 мая было отобрано оружие в кузнечной и колесной мастерских, 7 — в корабельной. По всем мастерским были составлены списки членов Союза русского народа, которым дружинники предлагали сдать оружие и союзный значок. Под давлением красного «террора» «союзники» выдавали оружие, а махровый черносотенец Матюшенко, напуганный гибелью черносотенных главарей, покорно принимал сдаваемое оружие и вел ему точ-

ный учет. Четыре черносотенца, оказавшие сопротивление при сдаче оружия, были убиты»[635].

Вслед за Семянниковским заводом началось изгнание черносотенцев с других предприятий. Рабочие вспоминали, что социал-демократы поджидали монархистов у ворот. «Подходили и говорили каждому: «Давай лошадку». Короче говоря, они отбирали значки с конным изображением Георгия Победоносца и членские билеты. Билеты сожгли, а значки высыпали на наковальню парового молота и расплющили»[636]. В тот же день 30 черносотенцев из вальцовочной и 9 из трубной мастерских заявили, что выходят из Союза русского народа. Монархистов «снимали с работ» насильственными методами. На заводах устраивались «рабочие суды». Обвиняемого в монархических убеждениях ставили посреди товарищей и заставляли вымаливать прощение на коленях. Применялись и особого рода наказания. Черносотенцев «вывозили на тачках» — после такого позора рабочий превращался в изгоя, с которым не общался никто из товарищей. Некоторых монархистов обливали суриком — это называлось «превратить черносотенца в красносотенца». Даже предвзятая рабочая пресса осуждала подобные самосуды. Газета «Курьер» с возмущением писала о жестоком способе борьбы с черной сотней на одном из заводов: «В кузнице пришлось открыть топку, и только тогда черносотенцы, под угрозой быть сваренными, сдали знаки своего черносотенного достоинства»[637].

Борьба с черной сотней перекинулась из столицы в провинцию. Ярославский комитет РСДРП еще в декабре 1905 г. предупреждал о деятельности Союза русского народа: «Союз недоволен забастовками. Это говорит голос наших хозяев. Они довольны лишь тогда, когда мы молчим покорно. Когда мы ищем новой жизни, они нам бросают укоры. Они хотят заставить нас замолчать»[638]. Однако отдел Союза русского народа во главе с И.Н. Кацауровым продолжал агитацию на предприятиях Ярославля. В августе 1906 г. социал-демократы встревожились, так как к Союзу русского народа присоединились рабочие спичечной и табачной

фабрик наследников Дунаева, а через два дня рабочие табачной фабрики «Феникс». Почти поголовное вступление рабочих в союз было тем более неожиданным, что раньше обе фабрики шли в авангарде рабочего движения. Более того, черносотенцы нацелились на крупнейшее текстильное предприятие — Ярославскую Большую Мануфактуру (фабрику Корзинкина). По признанию жандармских источников, руководители отдела Союза русского народа перенесли «всю агитационно-партийную деятельность на названную мануфактуру». По словам монархистов, под петицией о присоединении к Союзу русского народа было собрано свыше двух тысяч подписей.

Крайне правые недолго пользовались свободой рук. Конкуренты приняли меры для прекращения черносотенной агитации. Ткачи потребовали у управляющего мануфактурой удалить членов Союза русского народа и уволить главного организатора черной сотни конторщика Кругликова. Напряжение в цехах нарастало, и в сентябре 1906 г. вылилось в открытый конфликт. Председатель отдела Союза русского народа И.Н. Кацауров обратился за помощью в столицу. Департамент полиции запросил свои органы о происходящем. В ответ ярославское жандармское управление телеграфировало: «С 23 сентября начались единичные избиения «черносотенцев», а с 27 сентября толпа организованных сознательных рабочих начала насильственно снимать с работ и нещадно избивать ненавистных ей членов «союза», что продолжалось и 28 сентября. Всего снято с работ и избито до 50 человек членов «союза»[639]. Местные власти оказались бессильны. Налет на мануфактуру был отбит с большими потерями для черной сотни.

Однако было бы преждевременно делать вывод, что в 1906 г. удалось положить конец проникновению черносотенцев в рабочую среду. Крайне правые оказали сопротивление. Как раз в мае 1906 г., когда началось изгнание черносотенцев со столичных предприятий, в монархических кругах произошла перегруппировка сил. Общество активной борьбы с революцией вошло в состав Союза русского наро-

да. Новое пополнение буквально с ходу устроило вооруженное столкновение на Витебской улице. Правые не собирались уступать и Невскую заставу. Боевики мстили перебежчикам с Семянниковского завода. Сводки столичной охранки весной-летом 1906 г. пестрят сообщениями о стычках: «...убит из револьвера рабочий Невского судостроительного завода Василий Петров, который недавно выступил из Союза русского народа. По сведениям, убитый подозревался в том, что выдавал фамилии названного союза революционным организациям»[640]. В измене был заподозрен и рабочий В. Мухин. Пока бывшие соратники по Союзу русского народа отвлекали его разговорами, сзади подкрался Г.С. Ларичкин и наповал уложил В. Мухина выстрелами в спину.

На некоторых предприятиях крайне правые проявили особое упорство. На механическом заводе общества Вестингауз было 20 черносотенцев. Когда другие заводы начали избавляться от монархистов, 12 человек вышли из Союза русского народа. Но оставшиеся 8 наотрез отказались сделать это. В паровозной мастерской Путиловского завода произошли столкновения. Начальник мастерской Пузанов, известный своими черносотенными взглядами, был вывезен на тачке. Но в «горячих» цехах позиции черной сотни остались непоколебимыми. В 1906—1907 гг. черносотенцев удалось потеснить, но не вытеснить с заводов и фабрик. Неудачи на отдельных участках фронта черносотенцы компенсировали на других направлениях. Будучи изгнаны с Ярославской Большой Мануфактуры, крайне правые вовлекли в свою организацию рабочих фабрики наследников Вахрамеева и завода Комарова. Весной 1907 г. расширил сферу своей деятельности Союз русских рабочих. Осенью 1906 — зимой 1907 гг. укрепились позиции черносотенцев в Одессе.

Однако вскоре число черносотенных организаций сократилось. К этому привела не столько борьба социал-демократов, сколько неспособность крайне правых защитить права рабочих. Находясь в зависимости от государственной власти и владельцев предприятий, черносотенцы были

скованы по рукам и ногам. Издатель черносотенной «Грозы» Н.Н. Жедеинов рассказывал о сложном положении, в котором оказалась крайне правая фракция III Государственной думы. Александро-Невский отдел Союза русского народа в Петербурге собрал 5 тыс. подписей под петицией о защите рабочих от полицейского произвола. Лидер фракции В.М. Пуришкевич обещал поддержку, но в последний момент решил не портить отношений с администрацией. Рабочие были возмущены: «Обманщики монархисты! Взяточники! Кровопийцы! — и все хлопоты Союза русского народа пропали даром, а рабочие все перешли затем к левым»[641].

Не выдержали испытания методы воздействия на профессиональные интересы рабочих. Экономический рабочий союз в Петербурге, по признанию правой печати, не пользовался популярностью. На Невской мануфактуре работали несколько десятков членов этого союза: «левые — патриотов ненавидят, называют их «пуришкевичами»[642]. Благодаря своим связям черносотенные вожди добивались подрядов на пошивку белья для войск петербургского гарнизона. «Работавших было около 500 женщин, большинство которых брали работу на дом»[643]. В июле 1911 г. Экономический союз прогорел и его имущество было продано с аукциона.

Полосу трудностей переживали рабочие артели в Одессе. Местный отдел Союза русского народа буквально «присосался» к их доходам. Граф А.И. Коновницын обложил рабочих оброком, как своих крепостных. Помимо годового взноса за пребывание в рядах Союза русского народа, с каждого артельщика ежемесячно взимался 1 рубль на издание газеты «За Царя и Родину». В пользу Союза русского народа взималось 20 к. с каждой тысячи пудов груза, а с допущенных к погрузке поденщиков брали по 5—10 к. в день. Союзники вошли в сговор с подрядчиками в порту и передали артели в их полное распоряжение. В случае неповиновения подрядчики представляли в отдел Союза рус-

ского народа списки недовольных, после чего следовала скорая и немилосердная расправа.

Прикрываясь боевыми дружинами Союза русского народа, торговые компании усилили эксплуатацию грузчиков. Сразу после создания рабочих артелей расценки упали с 15—20 р. до 9—12 р. за 1 тыс. пудов груза. Но этим дело не кончилось. Отдел Союза Михаила Архангела также решил погреть руки на выгодных подрядах в порту и создал собственную артель. Союз Михаила Архангела сбил цену против Союза русского народа, но скоро не выдержал конкуренции и отступил. Рабочие были недовольны черносотенными покровителями. Уже в декабре 1907 г. член совета одесского отдела Н.Н. Родзевич сообщал в Петербург: «У нас в Союзе русского народа тоже неладно, волнуются рабочие-союзники в порту, бессовестно эксплуатируемые графом и его опричниками. Говорят, что дураки они были срывать забастовку и что теперь, если где-нибудь начнется, все забастуют»[644]. В 1909 г. властям впервые пришлось гасить страсти в рабочих артелях. Несколько десятков человек были исключены из союза. Они «стали вести агитацию среди своих рабочих против председателя союза графа Коновницына и председателя артелей Афанасьева, указывая на то, что цены упали на заработки в сравнении с тем временем, когда рабочие работали сами от себя»[645]. На сей раз черносотенцам удалось погасить недовольство, но конфликты в артелях стали обыденным делом.

Некоторые лидеры черной сотни начали осознавать, что заигрывание с рабочими заведет их слишком далеко. Руководители отдела Михаила Архангела, вспоминая свой неудачный опыт с артелями, убеждали администрацию Одессы, что «организованные рабочие в случае новой вспышки революции, невзирая на то, что это организация Союза русского народа, гораздо опаснее неорганизованных рабочих и что последние также легко запоют Марсельезу, как нынче поют русский народный гимн»[646].

Вожди Союза русского народа критиковали близорукую политику торговых компаний с трибуны III Государст-

венной думы: «...эти союзники, рабочие, портовые грузчики компанией Общества русского пароходства лишаются своего заработка. Вначале, когда союзники были нужны, когда они вытеснили революционеров-забастовщиков, сжегших Одесский порт, они получали плату, доведенную забастовщиками до очень крупного размера — 17 р. 50 к. за 1000 пуд. погрузки и выгрузки. Теперь плата постепенно понижена и дошла до 7 р. 50 к., и общество угрожает дальнейшим понижением. Рабочие волнуются»[647]. Но жаловаться можно было только на себя. Союз черной сотни с предпринимателями принес свои плоды. К 1912 г. в практической и карантинной гаванях осталось только 700 членов Союза русского народа, регулярно плативших взносы. Три рабочих артели распались.

1910—1912 гг. ознаменовались для черной сотни неуклонным распадом рабочих организаций. Этот процесс ускорился после Ленского расстрела 4 апреля 1912 г., что привело к протестам в общероссийском масштабе. Но черная сотня бросила вызов общественному мнению. Крайне правые были единственной фракцией Государственной думы, выступившей против признания срочности запросов о Ленских событиях. На столь откровенную демонстрацию не решились даже националисты. Выступления крайне правых в Таврическом дворце и публикации в черносотенной прессе слились в пропагандистскую кампанию, имевшую целью оправдать применение военной силы. Черносотенцы использовали испытанные приемы, отвлекая внимание от истинных виновников кровавой бойни на Надеждинском прииске. Прежде всего черносотенцы обвинили революционеров. «Земщина» глумливо писала: «Хорошее поучение для рабочих, которые к тому же должны с благоговением отнестись к своим вожакам за эту грандиозную, кровавую провокацию»[648].

По черносотенной традиции дубровинцы попытались свалить вину на инородцев. «Русское знамя», намекая на национальность директора-распорядителя Ленского общества барона А. Гинцбурга, писало: «В глухой тайге Сибири в

жертву жидовскому тельцу принесено 191 убитый русский рабочий и 210 раненых, итого 401 человек. Полученные в настоящее время сведения поражают беспричинностью применения стрельбы; виновато во всем правление ленских золотопромышленных приисков, состоящее из жидов...»[649] При этом умалчивалось, что председателем правления был бывший министр торговли и промышленности В.И. Тимирязев, а среди пайщиков имелись члены царствующего дома. Представители обновленного Главного совета Союза русского народа указывали на зависимость Ленского товарищества от английского капитала. «Во главе ленского предприятия, — говорил член фракции крайне правых С.А. Володимиров, — стоят просвещенные мореплаватели, которые привыкли обращаться с чужеземцами, как они обращаются с индусами, и на наших рабочих, конечно, смотрят, как на индусов»[650].

Черносотенцы были готовы принести в жертву интересы предпринимателей, чтобы спасти престиж государственной власти. Н.Е. Марков превзошел самого себя. По судебным приговорам рабочих начали выселять из приисковых казарм. Между тем март—апрель были по-сибирски морозными. «Ведь это значит, что было открыто предано смертной казни 1600 человек, — сокрушался Марков. (*Голоса слева и справа: «верно»*). — Другого смысла тут не было. И это все делалось в угоду Ленскому товариществу, чтобы заставить этих рабочих забыть о своих законных, насущных требованиях»[651]. Обсуждение Ленского расстрела послужило поводом для сведения счетов с партнерами по третьеиюньской системе. «Октябристы ждут объяснений от правительства, — издевался Марков, — если бы октябристы пожелали сказать то, что они должны были сказать, то они должны были указать истинных виновников, а истинными виновниками были крупные капиталисты, биржевики, которые создали это ужасное дело 4 апреля. Ну, конечно, против биржевиков, против крупных капиталистов, против эксплуататоров октябристы и г. Гучков никогда не возвы-

сят своего гласа, никогда мы не услышим гражданского возмущения по этому поводу»[652].

Что же касается действий правительства, то применение силы было полностью одобрено черной сотней как вынужденная, но необходимая мера. Однако крайне правые не преминули подчеркнуть, что буржуазия не является надежной опорой монархии. Г.Г. Замысловский заявлял: «Не мы, правые, будем защищать засилье капиталистов, напротив, мы считаем совершенно недопустимым, когда власть, высшая правительственная власть лебезит перед этими капиталистами, когда она хочет создать из этих капиталистов какое-то первенствующее сословие, отодвигая на второй план и дворянство, и духовенство, и крестьянство, протягивая этим сословиям снисходительно два пальца и изгибаясь в то же время пред крупным торгово-промышленным классом»[653]. Ревнитель дворянских привилегий, Марков предрекал: «Мы видим, что восходит новое светило, зловещее светило, появляется новый хам, это Плутократ, которому поклоняются даже власти предержащие. Мы видим, что Плутократ начинает захватывать не только деньги, но и власть государственную»[654]. Но за демагогическими выпадами крайне правых скрывалась тревога, которую с предельной откровенностью высказал правый депутат Ф.Ф. Тимошкин: «Я должен сказать, что ленская забастовка есть первая ласточка; дальше идет большой ворон и еще шире работа социал-демократов»[655].

Ленский расстрел ускорил революционный подъем. Крайне правые вынуждены были констатировать качественный скачок в политическом развитии пролетариата. Комментируя выступление рабочих на Невском судостроительном заводе в августе 1912 г., черносотенная «Гроза» подытоживала: «Влияние социал-демократических газет на рабочих начинает давать весьма осязательные плоды... от невинных стачек, вызванных желанием улучшить действительно затруднительное положение, путем безвольного опускания рук, из оборонительного положения рабочие переходят в наступательное, ища лишь предлогов к выступ-

лениям. Иначе сказать, рабочая масса организуется на упорную борьбу за захват власти над капиталом»[656].

Показательно, что если в период первой русской революции и в годы реакции черносотенцы проявляли дремучее невежество по отношению к нелегальным партиям, не усматривая ни малейших различий между социалистами-революционерами, социал-демократами и др., то теперь они безошибочно ориентировались в течениях внутри РСДРП. «За последние годы, — сообщала «Земщина», — появились течения, которые стремятся боевые задачи революционного пролетариата заменить экономическими. Против этих «пагубных» течений, однако, всеми силами борются приверженцы Ленина (революционный псевдоним Владимира Ульянова)». И тут же констатировалось: «А Ленин в настоящее время сила и «ленинцы» верховодят всеми делами партии»[657]. В обстановке надвигавшейся мировой войны черносотенцы обвиняли большевиков в отсутствии патриотизма. «Германский, например, социал-демократ, — сравнивала «Земщина», — охотно толкует о коллективных орудиях производства, о рабочем часе как единице ценности, не менее охотно протестует против расходов на вооружение, но стоит только стране очутиться лицом к лицу с серьезной опасностью, как он из социал-демократа превращается в немца, для которого на первом плане интересы страны, какой бы ценой они ни покупались. У нас же наблюдается совершенно иная картина: русский социал-демократ ярый враг нашей государственности; во имя интересов государства он ни за что не поступится «партийными лозунгами»[658].

После Ленского расстрела начали рушиться наиболее прочные бастионы крайне правых. В весенних забастовках 1912 г. приняли участие рабочие «горячих» цехов Путиловского завода. О переломе в настроении «горячих» цехов свидетельствует корреспонденция путиловцев, помещенная в большевистской «Звезде»: «Лет 6 тому назад, когда на Путиловском заводе случилась забастовка, то железопрокатная мастерская бревном ложилась на дороге. Случались

даже целые схватки. Рабочие этой мастерской выходили с ломами, чтобы противостоять забастовке, которую они считали каким-то невероятным преступлением. Теперь уж и они осознают, хотя и не вполне ясно, что забастовка есть не что иное, как орудие борьбы труда с капиталом, и даже сами прибегают к помощи этого орудия, хотя и робко и неумело»[659].

Завершился распад рабочих артелей при одесском отделе Союза русского народа. В декабре 1913 г. одесский градоначальник рапортовал: «Некоторое время в Одесском порту существовали также союзнические артели по выгрузке угля — Союза русских людей, Союза Михаила Архангела... но затем артели распались... В настоящее время в Одесском порту среди рабочих уже никаких союзнических артелей не существует»[660].

Организация железнодорожных отделов Союза русского народа и Союза Михаила Архангела зашла в тупик. Методы, которыми действовал главный организатор железнодорожных союзов, бывший зубатовец В.Г. Орлов, в конце концов вынудили Главную палату Союза Михаила Архангела констатировать: «...среди рабочих распространяются слухи, что все правые союзы суть не что иное, как филиальные отделения охраны, каковые слухи препятствуют развитию монархического дела среди рабочих»[661]. Бездействовал Союз русских рабочих в Киеве, Екатеринославе, Раменском. Неудачей закончилась посредническая миссия крайне правых на Обуховском заводе. В ноябре 1913 г. IV Государственная дума командировала на забастовавший завод комиссию в составе Н.Е. Маркова, В.М. Пуришкевича и большевика А.Е. Бадаева. Черносотенцы использовали весь набор демагогических лозунгов, но столкнулись с полнейшим недоверием рабочих.

Крайне правые все чаще требуют беспощадных репрессий. «Русское знамя» выдвинуло план закрытия всех рабочих газет. «По иронии нашей судьбы, — писала «Правда», — эти речи приходится нам принять за официальное мнение, за приговор, который может обрушиться на нашу го-

лову. Уж слишком богат наш печальный опыт на этот счет. Что же нас ожидает завтра? Ведь передовицы «Русского знамени» всегда кончаются для нас обычной припиской — «К исполнению»»[662].

Летом 1914 г., когда Петербургский комитет РСДРП призвал рабочих к забастовке, черносотенцы потребовали виселиц для рабочих депутатов, в том числе для А.Е. Бадаева. «Русское знамя» буквально захлебывалось гневом: «Бадаев как глава петербургского пролетариата грозит решительным и дружным бунтарским выступлением всех рабочих... Видимо, г. Бадаеву мешают спать лавры Разина и Пугачева. Полагаем, что правительству нечего ожидать жеста Бадаева, а следует расширить действие военного положения на все градоначальство и для успокоения взволновавшегося, благодаря подстрекательству Бадаева, петербургского пролетариата приказать по законам военного времени отвести первым Бадаева на виселицу»[663].

Таким образом, черносотенцы проделали путь от социальных экспериментов до ставки на грубое насилие. Ничего более черносотенцы предложить рабочим уже не могли.

2

Черная сотня в деревне

Черносотенные союзы, объединявшие в своих рядах помещиков и крестьян, тем не менее придерживались продворянской позиции в аграрном вопросе. В 1906 г. II съезд русских людей раз и навсегда установил, что «все беспорядки, именуемые аграрными, никакого отношения к встречающемуся в отдельных местностях малоземелью не имеют»[664]. Крайне правые выступали за неприкосновенность частной собственности и отвергали любые проекты перераспределения помещичьих земель в пользу крестьян.

Взгляды черносотенцев не были оформлены в виде детальной аграрной программы. Возможно, это делалось специально, чтобы не обострять отношения внутри Союза русского народа и других организаций. Объединенное дворян-

ство и черная сотня черпали аргументацию в трудах экспертов правого толка. Эта литература частично была поднята советскими исследователями в связи с изучением идейной борьбы вокруг столыпинской аграрной реформы[665].

Защитники помещичьего землевладения утверждали, что крестьянское малоземелье — сравнительно редкое явление. По подсчетам профессора Д.И. Пестржецкого, размеры крестьянских владений в России были вдвое выше германских и приближались к американским фермам[666]. Граф А.А. Салтыков доказывал, что «увеличение площади землепользования не отстало от роста земледельческого населения, а, вопреки утверждениям сторонников дополнительного наделения, переросло рост населения в полтора раза»[667]. Раздел помещичьей земли между крестьянами не снимет аграрного вопроса. Даже если разделить помещичьи земли, то их все равно не хватит. При кадетском проекте отчуждения 30—35 млн. десятин частновладельческих земель «крестьяне получат прибавку менее чем половину десятины на наличную душу, которая будет поглощена приростом населения в 5—7 лет»[668].

При переходе в руки крестьян всех частновладельческих, церковных, монастырских, удельных и казенных земель на каждый двор в 44 губерниях Европейской России придется по 5,1 десятины[669]. Однако это не значит, что крестьянские владения увеличатся на 5 десятин, поскольку крестьяне арендуют у помещиков, по одним данным, 19,5 млн. десятин (комиссия Коковцова), а по другим расчетам, 49,8 млн. десятин (сюда включена и аренда лесных угодий). Правда, крестьянам не придется более платить за аренду, зато на их плечи ляжет тяжесть платежей за отчуждение земель. «Крестьянам придется уплатить не менее, чем сколько они платят при аренде на 3 года, а даже больше»[670]. Переход всех земель к крестьянам значительно ухудшит их положение. Крестьяне лишатся заработков в помещичьих имениях (по различным подсчетам, от 347 млн. р. до 700 млн. р. в год).

Захват чужой земли не компенсирует этих доходов, так как, по свидетельству земской статистики, крестьянам выгоднее батрачить в соседнем имении, чем владеть землей. Бывший министр земледелия А.С. Ермолов отмечал: «...производительность и доходность десятины крестьянской земли неизмеримо ниже даже одних только заработков, которые крестьяне имеют на обработке десятины земли помещика. На первой крестьянин выручает в среднем всего только 9 руб. 35 коп. и имеет чистого от нее дохода 3 руб. 92 коп. Десятина обрабатываемой им владельческой земли дает ему заработка 17 руб.»[671]. Консультанты объединенного дворянства указывали, что крестьяне ведут примитивное хозяйство по сравнению с помещичьими экономиями. По одним подсчетам, крестьянин собирал с 1 десятины на 6,9 пуда зерна меньше, чем помещик. Управляющий делами Постоянного совета объединенного дворянства В.И. Гурко считал: «В действительности владельческие, обрабатываемые силами экономии земли превышают по своей урожайности крестьянские земли едва ли не в два раза»[672].

Крайне правые запугивали неисчислимыми бедами, которые повлечет за собой конфискация помещичьих имений. «Совершенно очевидно, что крестьяне на частновладельческие земли распространят обычные им приемы полеводства, трехполье и низкую вспашку...»[673]. По «самому скромному подсчету» профессора Д. И. Пестржецкого, переход только 33 млн. десятин (т.е. кадетский проект) в руки крестьян будет означать потерю 250—300 млн. пудов зерна ежегодно[674]. России придется полностью отказаться от экспорта, а значит, и от денежных поступлений из-за границы.

С точки зрения крайне правых, решение аграрного вопроса крылось не в перераспределении земель, а в повышении культуры земледелия. Крестьяне, попавшись на удочку трудовиков, мечтают о захвате 57 млн. десятин помещичьих земель, но не видят, что у них под паром пустует 37,1% всей пахотной земли, т.е. свыше 46 млн. десятин[675]. При культурном ведении хозяйства количество земли, находя-

щейся под паром, можно снизить с 37,1 % до 2% (как в Англии) или до 6% (как в Германии), т.е. «переход от трехполья к многополью будет равняться расширению площади крестьянского землевладения по крайней мере на 25—30 млн. десятин»[676].

Аргументы защитников помещичьего землевладения требуют некоторых разъяснений. Бесспорно, существовала разница в урожайности хорошо налаженных латифундий и крестьянских наделов. В современных исследованиях советских авторов приводятся следующие цифры разрыва в урожайности между крестьянскими и помещичьими владениями: по ржи — 11 пудов с 1 десятины, по озимой пшенице — 7 пудов, по яровой пшенице — 6 пудов и т.д. В целом по всем зерновым культурам разница составляла около 12 процентов[677].

Не только эксперты правого направления, но и их коллеги из либерального лагеря были согласны с тем, что «непосредственным последствием перехода всей территории России к крестьянскому классу было бы понижение наполовину количества производимого хлеба (и России из страны вывозящей пришлось бы превратиться в страну, ввозящую хлеб), так как нет оснований предполагать, что крестьяне быстро изменили отсталую систему хозяйства, а открывшийся земельный простор явился бы новой задержкой перехода их к более интенсивным системам земледелия»[678]. Но крайне правыми замалчивался тот факт, что разница между крестьянскими и помещичьими имениями зачастую была следствием переселения бывших крепостных «на песочки» в ходе реформы 1861 г. Совершенно неправомерно рисовать дворянские поместья очагами культурного хозяйства. Безусловно, были хорошо налаженные, работавшие на рынок владения. Но крайне правые, говоря о культурной миссии помещиков, сами противоречили себе, приводя данные о том, что значительную часть этих земель дворяне просто передали в аренду. Они сознательно сосредоточивали критику на кадетских проектах отчуждения части помещичьих земель. Справедливо подчеркива-

лось, что «отчуждение даже 30 миллионов десятин лишь окрылит крестьян в их стремлении завладеть остальной частновладельческой землей»[679], а возмещение стоимости земель помещикам надолго подорвет финансовые возможности крестьянства. Однако крайне правые игнорировали тот факт, что крестьянство стремилось к ликвидации без всякого выкупа всего помещичьего землевладения, что снимало вопрос о многолетних платежах.

Не выдерживает критики тезис об отсутствии малоземелья. Статистические данные свидетельствуют, что в 45 губерниях Европейской России только 21% владельцев имений обрабатывали землю сами, 47% сдавали земли в аренду, 32% вели хозяйство смешанным способом[680]. Таким образом, большинство помещичьих хозяйств имело паразитический характер. Дворянские имения поддерживала скорее не высокая аграрная культура, а многочисленные феодальные пережитки, позволявшие использовать бесплатный крестьянский труд. Сравнивая русского крестьянина с американским фермером, крайне правые не хотели учитывать разницу природно-климатических условий России и Северной Америки. Также не учитывалась неравномерность крестьянского землевладения в самой России. В частности, в западных губерниях, откуда были родом правые депутаты-крестьяне, существовал жесточайший земельный голод. Там, где была низкая плотность населения, отсутствовали помещичьи владения и земли имелось вдоволь, почва и климат делали земледелие рискованным занятием.

Позиция крайне правых по аграрному вопросу не могла вызвать сочувствие у крестьян. Тем не менее именно они составляли подавляющее большинство членов Союза русского народа и других монархических организаций. Существовали разнообразные методы, с помощью которых крестьян вовлекали в черносотенные союзы. Зачастую инициатива открытия отделов Союза русского народа исходила от местных помещиков, которые в случае сопротивления прибегали к помощи войск или полиции. В апреле 1907 г. в слободе Сенькове Харьковской губернии состоялось не-

удачное открытие отдела Союза русского народа. Как сообщал харьковский губернатор, «группа человек в двести направлялась тогда к дому председателя союза, землевладельца дворянина Бедряги и, вызвав его на балкон, потребовала разъяснения, правда ли, что союз стремится закрепостить крестьян по-старому. Г. Бедряга начал было объяснять, насколько бессмысленно подобное обвинение, но в это время в задних рядах раздалось пение революционных песен и опять полетели камни»[681]. Однако расправа с союзниками не прошла даром. Было арестовано 28 зачинщиков, а прибывшие из Харькова должностные лица созвали волостной сход, на котором «разъяснили» крестьянам истинные цели Союза русского народа. В результате, с удовлетворением констатирует губернатор, «вся слобода Сенькова решила поголовно приписаться к Союзу русского народа».

Агитаторы союза, с одной стороны, делали упор на патриархальные традиции, а с другой стороны, запугивали властями. В слободе Бутурлиновке Воронежской губернии одна из местных жительниц «стала вербовать крестьян в Союз русского народа и, как женщина неразвитая, предлагала вопросы: «Тебе царь нужен? Ты православный? Россию любишь? Подписывайся. А кому не нужен царь, тот пусть идет к становому»[682].

При попустительстве местной администрации сельские подотделы Союза русского народа легко превращались в средство ограбления односельчан руководителями черной сотни. Жители села Куракино Орловской губернии пожаловались на вымогателей из местной черносотенной организации. Выяснилось, что члены подотдела Союза русского народа вымогали у своих соседей деньги, «то угрожая, в случае отказа, указать на них полиции, как на крамольников, подлежащих высылке в порядке охраны, то обещая, в случае получения требуемого, выхлопотать прощение лицам, содержавшимся в административном порядке под стражей. При этом названные три лица (руководители отдела) рассказывали жертвам их вымогательства о своих связях с высшей администрацией. Эти рассказы, а также целый ряд

наложения административных взысканий на крестьян, относительно которых ими были даны неблагоприятные показания, вселили в население уверенность во «всемогуществе» их»[683].

Иной раз крестьяне не осознавали, что превращаются в членов политической партии. Газетная заметка сообщала, что в с. Мамошки Смоленской губернии был открыт отдел Союза русского народа. «На вопрос: что же вы записались на старые права? — крестьяне отвечают: нет, на это мы не согласны, а записались мы для медалей, потому как здесь даром медали дают»[684].

Огромное значение имел пример духовенства. Впрочем, многое зависело и от политических настроений епархиального начальства и от конкретного священнослужителя. Например, один из уполномоченных Союза русского народа в Бессарабской губернии сообщал в Главный совет: «Прибыв в село Вадлуй-воды, для организации отдела первым делом обратился к местному священнику отцу Георгию Чолаку, как бывшему председателю Вадлуй-водского подотдела Союза русского народа, для содействия мне в организации, потому что молдаване большей частью доверяются батюшке, получил от него следующий ответ: «Что я никаких союзов ваших русских не знаю и своим прихожанам не благословляю вступать». Между тем как в них имеется хоругвь союза, я ему сказал, если вы не принимаете союза, то для чего приняли от Кишиневского губернского отдела Союза русского народа стяг, как знамя о существовании Союза русского народа. Он возразил, что она в нас находится как украшение и больше ничего... Между прочим, наоборот, наш местный, т.е. Чимишенский батюшка пришел мне на помощь и ежедневно и в каждый праздник толкует о значении Союза русского народа для государства...»[685].

Уже упоминалось, какую роль в распространении черносотенства сыграли монахи Почаевской лавры. В.В. Шульгин, как волынский помещик, хорошо знавший наместника лавры Виталия, отзывался о нем в столь же восторженных выражениях, как и архиепископ Антоний: «Это был «на-

родник» в истинном значении этого слова. Аскет-бессребреник, неутомимый работник, он день и ночь проводил с простым народом, с волынскими землеробами, и, действительно, любил его, народ, таким, каков он есть... И пользовался он истинной «взаимностью». Волынские мужики слушали его беспрекословно — верили ему»[686]. Архимандрит Виталий и иеромонах Илиодор сумели привлечь в Союз русского народа десятки тысяч крестьян. Определяющим фактором роста Союза русского народа были национальные разногласия, имевшие экономическую подоплеку. Черная сотня отнюдь не случайно сосредоточила основное количество организаций на западных и юго-западных окраинах. На первый взгляд великорусская пропаганда не должна была иметь успех в украинских и белорусских селах. Но в Почаевском союзе в 1906—1907 гг. было 1155 сельских подотделов. В Бессарабской губернии в тот же период действовали 178 деревенских дружин Союза русского народа.

В этих районах национальный вопрос имел экономическую подкладку. Дело было не только в антисемитизме, представлявшем собой извращенную форму социального протеста. В западных губерниях еще со времен Речи Посполитой оставались многочисленные владения польской шляхты. Черносотенный лозунг «Россия для русских!» воспринимался крестьянами как заявка на земли польских магнатов.

Даже в период массовых аграрных волнений крестьянство западных и юго-западных губерний оказывало некоторую поддержку крайне правым. В I Государственную думу прошли 5 «умеренных» депутатов-крестьян от Бессарабской, Волынской и Минской губерний. Во II Государственную думу от 8 западных и юго-западных губерний прошел 21 крестьянин. Они называли себя «правыми», «монархистами», «консерваторами»[687].

Однако успех был иллюзорным, так как между черносотенцами-крестьянами и черносотенцами-помещиками с самого начала обнаружились серьезные противоречия. Об этом свидетельствуют хотя бы выборы во II Государствен-

ную думу от Волынской губернии. Крестьянские выборщики были настроены против землевладельцев, а почаевское духовенство пыталось выступить в качестве миротворцев. Начался торг за депутатские места. «Крестьяне давали русским помещикам 2 голоса, священникам — 2, чехам с немцами — 1, а себе оставляли 8. Помещики требовали себе сначала шесть, потом пять голосов. Священники добровольно отказались от одного голоса, только бы добиться согласия между русскими. Крестьяне согласились, чтобы русских помещиков было 3, а те требовали себе непременно 4 места в Думе»[688]. Крестьянским выборщикам удалось настоять на своем. Во II Государственную думу были выбраны 3 волынских помещика.

Крестьянские депутаты были членами почаевского отдела Союза русского народа. После избрания их принял архиепископ Антоний и надел кресты каждому из депутатов. В дороге волынских крестьян сопровождал иеромонах Илиодор. Прямо с вокзала иеромонах отвез крестьян к А.И. Дубровину. Первое время волынские депутаты жили в помещении Союза русского народа. Однако крестьяне намеревались защищать собственные интересы. Наказ, полученный ими от избирателей, был выдержан одновременно в монархическом и антидворянском духе. «Просить царя помочь нам в нашем малоземелье, — говорилось в наказе, напечатанном в типографии Почаевской лавры. — Пусть царское слово, что «всякая собственность неприкосновенна», будет для всех обязательно, а потому пусть помещики не отговариваются давностью, а где они обидели крестьян и захватили то, что крестьянам дал царь-освободитель, пусть возвратят полностью. Далее, постарайтесь в Думе так, чтобы бедным крестьянам доставалась земля, а не богачам...»[689].

Избиратели требовали прекратить чересполосицу, ликвидировать сервитуты и улучшить работу крестьянского банка. Как крайняя мера предлагался принудительный выкуп помещичьей земли. «Если где крестьянам теснота, а земли продажной нет, то просите государя, нашего заботника,

пусть он сам купит там земли у помещиков. Ведь помещики хвалятся, что за царя они и душу готовы положить. Пусть же они для царя хоть этим поступятся, как поступился царь для народа всей своей землей»[690]. Такие демократические требования, хотя и в монархической упаковке, сближали правых депутатов-крестьян с левым крылом II Государственной думы. Неудивительно, что крестьяне не поддержали группу правых депутатов. Руководство почаевского отдела Союза русского народа недоуменно вопрошало своих депутатов, почему они как воды в рот набрали. «Защищают родину и царя дворяне, духовенство, купцы, мещане. Где же преданное крестьянство? Неужели оно ждет часа, как бы выгоднее продать и царя и Россию?»[691].

Во II Государственной думе впервые обнаружилось противостояние дворян-черносотенцев, с одной стороны, и крестьян-черносотенцев, поддержанных частью священнослужителей, с другой стороны. Депутат от русского населения Седлецкой и Люблинской губерний епископ Евлогий, выступая в Думе по аграрному вопросу, обрушился на польских землевладельцев. Помещики из Польши, естественно, были в неистовстве. Но, как вспоминал епископ Евлогий, его поразило другое: «К моему удивлению, речь не понравилась и некоторым правым депутатам-помещикам. «Вы посягаете на право собственности, вы плохой монархист, вы — левый... Мы думали, вы наша опора...» — с укором говорили они. Один из них не постеснялся сказать, что ему «польский помещик ближе, чем русский крестьянин». Это отношение «правых» к моей позиции в аграрном вопросе свидетельствует о том, что они готовы были поддерживать церковь не бескорыстно: многие из них видели в церкви средство держать народ в повиновении. Это ужасное политическое воззрение на церковь сказалось очень ярко в возгласе Пуришкевича (в беседе с одним священником): «Неужели, батюшка, вы действительно верите так, как говорите?»[692].

Спад революции привел к общему сдвигу вправо, в том числе в настроении крестьянства. Уже упоминалось, что

черносотенцами назвали себя 25,5% крестьянских уполномоченных и 28% выборщиков. Это средние цифры по всей стране. По подсчетам некоторых исследователей, в 51 губернии Европейской России к правым партиям принадлежало 42,29% крестьянских выборщиков[693]. К ним не совсем правомерно причислены октябристы, но это не очень существенно меняет картину. Октябристы пользовались слабым авторитетом в деревне.

В некоторых регионах черная сотня властно распоряжалась выборами. Современники описывали процедуру голосования: «Наконец, целой ротой, выстроенные по-военному, подошли к зданию выборов, за десять шагов до здания снимая шапки, выборщики крестьяне... Почти у всех на груди красовался значок Союза русского народа»[694]. В III Государственную думу вошли 37 правых депутатов-крестьян. После разделения фракции умеренных и правых 9 человек остались среди крайне правых, а 28 перешли к умеренным, или, как их называли несколько позже, националистам. В III Государственную думу прошло больше зажиточных крестьян.

По мнению противников черной сотни, правые и националисты опирались на кулацкую верхушку деревни. Кадет Шингарев писал о правых депутатах: «Тонкого сукна поддевки, знакомый облик деревенских воротил, мирских главарей, кулаков, старшин с солдатскими георгиевскими крестами»[695]. Действительно, под именем крестьян в III Думу прошел ряд торговцев. Ф.Ф. Тимошкин — посланец русского населения Кавказа — заведовал стекольным складом и вел торговлю. Хлебороб Д.П. Гулькин из Бессарабии выписывал парижские газеты. Среди правых депутатов он был, пожалуй, наиболее «подкован» по части еврейского вопроса, самостоятельно выучив идиш и иврит. Депутат М.С. Андрейчук, как и все его односельчане, имел мизерный надел — 4 десятины. Но сверх того он прикупил 25 десятин земли и много лет занимался казенными подрядами. Т.И. Клименко обвинялся односельчанами в краже

сотен пудов общественного хлеба, присвоении чужих денег и других преступлениях.

Но большинство крестьян из малоземельных западных губерний — Я.Г. Данилюка, В.Л. Гаврилюка, Я.С. Никитюка, В.К. Пахальчака и других — можно отнести к середнякам или беднякам. Они находились под сильным влиянием духовенства. О депутате И.В. Войцелюке сами выборщики отзывались так: «Какие у него могут быть убеждения? Что ему батюшка скажет, то он и сделает, потому что ему гораздо интереснее попасть в рай, чем в Государственную думу»[696].

Социальная пропасть, разделившая правых депутатов-помещиков и крестьян-монархистов во II Думе, не была преодолена. III Государственной думе предстояло обсудить аграрную реформу. Хотя реформа получила название «столыпинской», председатель Совета министров, по существу, привел в движение механизм, подготовленный задолго до его прихода на высший государственный пост. I съезд объединенного дворянства в мае 1906 г. одобрил намеченную программу преобразований. 9 ноября 1906 г. Николай II утвердил указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования». За неуклюжим канцелярским названием скрывался важнейший государственный акт. Правительство, долгое время охранявшее сельскую общину как оплот порядка, пошло на разрушение этого архаичного института. Крестьянам разрешалось покинуть общину, свести отдельные полоски своего надела в один отруб и укрепить его в частную собственность. Отрубники получали полную юридическую и хозяйственную самостоятельность. Реформа была рассчитана на зажиточных хозяев, превращавшихся, по мысли инициаторов реформы, в процветающую и лояльную прослойку сельских жителей.

II Государственная дума не смогла приступить к обсуждению аграрных реформ. III Государственная дума занялась аграрным законодательством только в октябре 1908 г. Строго говоря, обсуждение реформ задним числом уже не имело практического значения. Прежде чем указ от 9 нояб-

ря 1906 г., пройдя обсуждение в Государственной думе и Государственном совете, превратился в закон от 14 июня 1910 г., подавляющее большинство желающих покинуло общину. Тем не менее начало аграрных прений вызвало огромный интерес. Думские репортеры писали о первом дне прений: «К трибуне устремляется около 200 будущих ораторов. Испуганный Хомяков объявляет перерыв на время подачи записей. В течение 15 мин. на председательский стол сыпятся записки думских Демосфенов. Когда Хомякову и его двум товарищам удается наконец выбраться из-под груды записок и рассортировать их по порядку, то выясняется, что говорить по аграрному вопросу желает 207 ораторов. Всеобщее остолбенение»[697]. Всего же в Государственной думе было произведено полтысячи речей по аграрной реформе.

Помещики, входившие в руководство черносотенных организаций, безоговорочно встали на сторону столыпинской аграрной реформы. В день открытия прений Н.Е. Марков выступил в печати под псевдонимом «Буй-Тур» — то ли намек на беловежских зубров, то ли претензии на причастность курских помещиков к героям «Слова о полку Игореве». Н.Е. Марков писал: «Через это трижды проклятое общинное землевладение наш народ так ужасно, так поразительно обнищал»[698]. С думской трибуны Марков говорил: «Отдельный крестьянин, отдельный русский крестьянин — прекрасный, добрый, хороший, отзывчивый человек, но когда они собираются толпой, когда эту общину разные писаря споят водкой, тогда действительно эта община является зверем и с этим зверем надо бороться»[699]. Председатель Постоянного совета Объединенного дворянства граф А.А. Бобринский подчеркивал: «Мне сдается, что защитники общины привели только к окончательным ее похоронам». Особенно привлекла землевладельцев идея создания новой социальной опоры в лице зажиточного крестьянства. «Я, с своей стороны, — говорил Н.Е. Марков, — приветствую появление нового класса крестьян — мелких собственников или крестьян-помещиков»[700]. Вождь курских черносотен-

цев заявил, что его нисколько не волнует неизбежность обезземеливания части крестьян: «И скатертью им дорога, пусть уходят».

Еще откровеннее высказывался М.О. Меньшиков. В своих статьях он именовал зажиточных крестьян «хозяевами», «собирателями земли русской», «маленькими Иванами Калитами». «Кулаки — враги крестьянскому быту, но вовсе не паразиты. Наоборот, это наиболее самостоятельные хозяева, наиболее деятельные, трудолюбивые, предприимчивые, твердые, как стиснутый кулак»[701]. Нововременский публицист и идеолог национализма писал, что крестьянам самим будет выгоднее разориться и уйти в батраки, чем самостоятельно вести хозяйство. «Вот это состояние безопасности за широкой спиной кулацкой настолько приятно изнывающему в непосильной борьбе за жизнь мужичонке, что он не только не чувствует бедствия обезземеливания, но рад, что наконец сбросил петлю»[702]. Что же касается превращения крестьян в пролетариев, то М.О. Меньшиков давал простой рецепт: предоставить их своей участи. «Пролетарии профессионалы — обыкновенно вырожденцы. Мешать им вырождаться и вымирать — грех перед природой»[703].

Выступивший по поручению крайне правых епископ Митрофан заключил, что следует признать полезным «устройство нового быта крестьян наших по образцу западноевропейских фермеров, прочно обсевших на своих отдельных участках»[704]. С этим мнением согласились крестьяне, входившие во фракции крайне правых и умеренно правых. Однако их выступления звучали совсем иначе, чем речи землевладельцев. Если Марков заявлял: «...о каком малоземелье говорят, когда ясно и определенно видно, что страдают от невозможности применить свой труд»[705], то член Союза русского народа крестьянин Я.Г. Данилюк предупреждал: «Господа, мы не удовлетворим крестьян этим законом. Обратите внимание на безземельных и малоземельных»[706].

Указ 9 ноября 1906 г. не решает наболевших проблем, отмечал правый депутат крестьянин М.С. Андрейчук: «Нель-

зя говорить, что если мы проведем закон 9 ноября, то этим самым аграрный вопрос разрешится»[707]. Я.Г. Данилюк описал владения волынских крестьян: «Живут они на одной десятине, на половине десятины, на трети десятины, и с такого маленького клочка приходится воспитывать 5, 6 и даже 7 семейств»[708]. Словно отвечая Маркову, провозглашавшему типичный для помещиков лозунг о превосходстве культурных дворянских имений над крестьянскими хозяйствами, член фракции крайне правых Е.В. Герасименко подчеркнул, что урожай на крошечных наделах крестьян и на тысячах десятин помещика совершенно одинаков. Крестьяне с сарказмом отнеслись к предложениям правых улучшить свое положение за счет внутренних резервов — повышения культуры земледелия. Герасименко замечал: «...господа, подумайте: на чем же крестьяне должны применять культуру, если у них оказывается 1—2, а у некоторых 1/2 дес.? Как же можно вести культуру на 1—2 дес.? Никогда никакой культуры не будет»[709].

С равнодушием прошли правые крестьяне мимо всех других проектов увеличения их наделов. О покупке земель через Крестьянский банк депутат Я.С. Никитин высказался в следующих словах: «Говорят: у вас есть земельные банки: пусть они вам помогают. Да, верно, есть. Кому же они помогают? Только богатым, у кого уже есть земля, а бедному даже ссуды не выдадут»[710]. Переселенческая политика также вызывала недоверие крестьян. Я.Г. Данилюк обращался к Думе с недоуменным вопросом: «Нам предлагают переселение в Сибирь, но помилуйте, господа, переселяться может тот, кто обладает денежными средствами, но как же нашему голодному и холодному крестьянину, у которого за душой ни копейки, как же ему переселяться?.. Чтобы по пути помереть голодной смертью?»[711].

Свои требования правые крестьяне изложили в проекте 42-х. Этот аграрный проект (когда его подписали еще несколько депутатов, он стал называться проектом 47 или 48) был внесен в Думу еще в марте 1908-го. Он был выдержан в монархическом духе и являлся наследием исклю-

ченного из Думы правого депутата Г.К. Шмидта, взявшегося за его разработку в демагогических целях[712]. Вместе с тем суть проекта состояла именно в принудительном отчуждении земель, которыми предполагалось наделить малоземельных крестьян. Конечно, предложения, внесенные монархистами, грозили лишь небольшому числу владельцев, которым к тому же еще необходимо было заплатить. Вместе с тем предусматривалось введение прогрессивного налога на помещичьи имения. Когда проект еще только редактировался, часть крайне правых депутатов предложила священникам поставить подписи под этим документом. Совещание священников-депутатов 5 марта 1908 г. выявило полный разброд во мнениях. Если епископ Евлогий (умеренно правый) заявил, что поднимать вопрос об отчуждении бессмысленно, ибо отчуждение никогда не будет признано правительством, то священник Н. Гепецкий (умеренно правый) в принципе соглашался на принудительное отчуждение. Священники все же отказались подписать проект, но общее замешательство чувствуется в словах епископа Евлогия, который «признал, что аграрным вопросом для духовенства создавалось такое положение, что лучше бы ему не быть в Думе»[713].

Неповиновение рядовых членов обеспокоило и председателя фракции крайне правых А.С. Вязигина. Черносотенная газета «Свет» напечатала его письмо, обращенное к крестьянам. Вязигин, впрочем, упирал больше на то, что прогрессивный налог разорит дворянство[714]. Сложно было останавливать крестьян таким доводом. Правые крестьяне не только разработали и внесли в Думу законопроект, но и также попытались было навязать Думе его обсуждение. В разгар прений по столыпинской аграрной реформе правые крестьяне потребовали, не оканчивая бесполезные дебаты, перейти к обсуждению проекта 42-х.

12 ноября 1908 г. Государственная дума из-за отсутствия ряда уехавших обедать делегатов большинством в 5 голосов поставила в повестку следующего заседания проект, шедший вразрез с правительственной политикой. О неожи-

данных результатах голосования газета «Свет» сообщала так: «...правые крестьяне... рассудили иначе: паны, дескать, не хотят отдавать землю крестьянам. И нестройной толпой ринулись на усиление рати революционеров»[715].

С точки зрения противников самодержавной монархии, думские прения подтверждали, что крестьяне, независимо от оттенков, выступали как одно политическое направление в аграрном вопросе. Анализируя ход аграрных дебатов, В.И. Ленин писал: «И то обстоятельство, что в черносотенной Думе, выбранной на основе избирательного закона, специально подделанного в пользу помещиков по указаниям объединенного дворянства, при господстве самой отчаянной реакции и бесшабашного белого террора, — что в такой Думе 42 крестьянина подписали подобный проект, это лучше всяких рассуждений доказывает революционность крестьянской массы в современной России»[716]. По словам В.И. Ленина, правые крестьяне и священники Титов, М.С. Андрейчук, Я.С. Никитюк и другие «выражают революционность крестьянской массы бессознательно, стихийно, сами боясь не только договорить до конца, но даже и додумать до конца...»[717].

Руководители союза и фракции приняли самые решительные меры для усмирения «взбунтовавшихся» мужиков. «Мы уверены, — писало черносотенное «Вече», — что «крестьянская партия» скоро поймет, как она попала в «волчью яму» кадетского лукавства»[718]. Правым крестьянам пришлось уступить. Проект 42-х был передан в земельную комиссию и затонул в бумажном море. Однако это положило начало разрыву. Постепенно большинство правых крестьян перекочевало к националистам, которые выступали примерно с тех же позиций, но не столь открыто и громогласно, как крайне правые помещики. Во время второго министерского кризиса в марте 1911 г. из фракции крайне правых ушли последние крестьяне.

Законопроект о введении земства в западных губерниях привлек правых крестьян прежде всего поправкой о снижении избирательного ценза. Это привело бы к более ши-

рокому участию крестьян в съездах землевладельцев, что, в свою очередь, обеспокоило правое крыло Государственного совета. По мнению В.В. Шульгина, Государственный совет отверг законопроект именно из-за снижения ценза: «Секрет Полишинеля, что эта, именно эта причина есть основная, решающая. Этого уменьшения, этой демократизации так испугались русские дворяне»[719]. Так или иначе, но правые крестьяне восприняли отклонение законопроекта как вызов со стороны помещиков. Выражая общее мнение своих земляков, депутат М.С. Андрейчук говорил: «Эта вся каша заварилась от этих самых помещиков»[720]. Правые крестьяне предъявили фракции ультиматум: «...если до пятницы (т.е. до 11 марта. — *С.С.*) фракция правых не выскажет своего осуждения действиям правой группы Государственного совета, они также уйдут от своих руководителей-дворян, ибо тогда будет ясно, что дворянство не хочет поддерживать интересы крестьян»[721]. 18 марта 1911 г. шесть правых крестьян покинули фракцию.

Черносотенцы восприняли разрыв как закономерный акт. Заявление фракции, принятое по этому случаю, гласило: «...уход вышепоименованных шести лиц является лишь естественным завершением длинного ряда их действий, ясно показывающих, что по своим убеждениям вышедшие из состава правой фракции, кроме Я. Данилюка, стоят ближе к левым партиям, чем к правым»[722].

Выступая в Русском Собрании с докладом о внутридумской жизни, В.М. Пуришкевич признал, что расчеты на черносотенных представителей от народа не оправдались: «В Думе они попали под множество влияний, сбивающих их с толку. Левые ораторы развратили крестьян вызывающим обращением своим к министерской ложе, пошлыми и дерзкими речами подорвали в них уважение к власти. Раньше не только уважавшие земского начальника, но считавшиеся даже и с урядником, теперь они ни во что не ставят и министра»[723]. Большевистская «Звезда» прокомментировала признания В.М. Пуришкевича: «В стране, где, как в России, 27 833 помещика владеют 62 миллионами деся-

тин земли, где 699 помещиков-феодалов имеют в своей собственности 21 миллион десятин земли и где огромной многочисленной крестьянской массе «куренка и то негде выпустить», — в такой стране даже вами облюбованные и благонадежные мужички, поскольку они не окончательно порвали с крестьянством, не могут не поворачивать против контрреволюционных помещиков. И этим объясняется то, что даже правые мужички «гадят» Пуришкевичам, Марковым 2-м, Бобринским, Дурново»[724].

Еще труднее было фракции крайне правых и всему обновленческому направлению удержать в повиновении рядовых членов черносотенных организаций. Упорное нежелание обновленцев даже касаться вопроса о земле привело к открытому столкновению на съезде русских людей в мае 1912 г. Только что основанная большевиками «Правда» была одной из первых газет, обративших внимание на разногласия, вспыхнувшие на монархическом съезде: «О земле зашла речь в связи с предложением союзников увеличить содержание духовенству. Крестьяне, жалуясь на обременительные для них поборы духовенства, решительно высказались против того, чтобы увеличивать жалованье священникам, по их выражению, «и без того жиреющих потом народным». А один из крестьян громогласно заявил, что, в случае увеличения жалованья духовенству, нужно церковную землю продать малоземельным крестьянским обществам. Это заявление, поддержанное одобрительными возгласами остальных крестьян, вызвало страшный переполох среди союзников»[725].

Марков заявил, что он не позволит касаться вопроса о земле, будь то церковная или помещичья. В результате монархический съезд покинули уполномоченные от 20 крестьянских отделов. В заявлении этих делегатов говорилось, что крестьяне убедились в том, «1) что стремление руководителей съезда, их взгляды на интересы крестьян-монархистов противоречат интересам русского крестьянства, 2) что наши нужды и желания им чужды и оставлены в пренебрежении, 3) засыпая нас потоками речей разных хит-

роумных ораторов своего направления, нам, уполномоченным от крестьян, мешали высказаться»[726]. Но и те из крестьян, кто не решился покинуть съезд, испытывали похожие чувства. Председатель одного из крестьянских подотделов впоследствии с горечью вспоминал о выступлениях лидеров Союза русского народа: «Ну прямо всяких выводов сыпали — речи, все работай, трудись, всякого заставляют ублажать, а с крестьянина хотели бы живьем кожу содрать»[727].

В дальнейшем разногласия все больше обострялись. Вошло в традицию, что на обновленческих съездах часть крестьян, наслушавшись выступлений помещиков, или заявляла о своем несогласии, или просто покидала съезд. Контакты между низовыми отделами и обновленным Главным советом практически прекратились.

Дубровинское течение, не связанное напрямую с дворянами-землевладельцами, пыталось удержаться между двумя противоположностями. Произошло это не сразу. Постепенно, в течение нескольких лет, часть черносотенных руководителей оторвалась от узкоклассовых интересов. Впрочем, о полном переходе на сторону крестьянских требований не было и речи. Эволюция дубровинцев была вызвана как несогласием с правительственным курсом, до определенного момента поддержанным обновленцами, так и давлением снизу — со стороны сельских организаций Союза русского народа.

До окончательного размежевания двух течений черносотенства разногласия были не столь заметными. При обсуждении столыпинской аграрной реформы «Русское знамя» без колебаний поддержало тезис о неприкосновенности дворянского землевладения. Например, циничные откровения Н.Е. Маркова вызвали одобрительный комментарий: «Речь Маркова приковала общее внимание смелостью выводов, образностью и красотою выражений»[728]. Наоборот, выступления М.С. Андрейчука редакция «Русского знамени» сопроводила замечанием: «По-видимому, у оратора есть аппетит к помещичьим угодьям»[729].

Вместе с тем черносотенцы, группировавшиеся вокруг А.И. Дубровина, взяли под защиту общину, которую столыпинские реформы отдавали на поток и разграбление зажиточным хозяевам. Еще до открытия III Государственной думы «Русское знамя» отождествило разрушение общины с разложением России. Правым депутатам был дан совет: «...приостановить это разрушение России еще можно, и это составляет святую обязанность III Государственной думы». Правительство, по словам авторов «Русского знамени», не ведает, что творит: «Помни, правящий класс: ты уже, ослабив веру, подорвал самодержавие и теперь губишь общину, признав ее, ни в чем не повинную, козлом отпущения за твои же грехи»[730]. Дубровинцы продолжали рассматривать сельскую общину в качестве опоры патриархальных порядков: «Единственно возможным противовесом западноевропейскому социализму может служить только наша община»[731].

Слова Столыпина о «ставке на сильных» и Маркова «сила выше права» вызвали бурный протест дубровинцев. Рушился основной постулат черносотенной идеологии о надклассовой природе самодержавной власти. «Все чисто теоретические рассуждения о благах личного, в частности хуторского землевладения по сравнению с общинным, совершенно не оправдывают правил 9 ноября, имеющих характер какого-то хищного союза власти с разрушителями общины»[732]. «В сознании народа, — восклицало «Русское знамя», — царь не может быть царем кулаков»[733]. Дубровинцы подчеркивали, что столыпинская реформа ускорит процесс расслоения крестьянства и вызовет обострение классовой борьбы. Октябристы и националисты рукоплещут столыпинской реформе, потому что рассчитывают опереться на класс мелких собственников. «Допустим, что этот план удастся. Но к какой партии примкнут 90 млн. обезземеленных крестьян? Тоже к октябристам или националистам? Нет, это будущие социал-демократы или социалисты-революционеры»[734]. «Хуторская реформа, — предсказывали дубровинцы, — есть огромная фабрика пролетариата.

Если до реформы пролетариата насчитывалось сотни тысяч — теперь его насчитывается миллионы, а в ближайшем будущем будут насчитываться десятки миллионов»[735].

После размежевания дубровинского и обновленческого союзов требование сохранить общину было закреплено официально. Дубровинский съезд в ноябре 1911 г. принял доклад крестьянской комиссии, в котором обращалось внимание властей на все увеличивающуюся скупку земель кулаками. Съезд не осмелился прямо протестовать против введения отрубов, «разрешенных государем нашим». Вместе с тем дубровинцы просили не форсировать разрушение общины. «Признавая в общем желательность уничтожения слишком большой чересполосицы, все же крестьянская комиссия всероссийского съезда признает еще более желательным сохранение общины как основной формы деревенской жизни»[736].

Представленные на съезде крестьяне требовали «запретить земским начальникам и другим должностным лицам соблазнять крестьян всяческими сладкими надеждами и лживыми обещаниями особых льгот для отрубников, так же как обещанием дать в отруба лучшие земли, что ныне весьма часто делается. Не говоря уже о явном насилии, которое часто позволяют себе чиновники, желающие скорей разделить русские деревни на отруба»[737].

Помимо поддержки требований беднейших общинников, дубровинцы пытались подвести под черносотенное движение некоторую экономическую базу. Почаевский отдел, хотя и отпочковался от Союза русского народа в период разногласий, но по своему направлению был близок к дубровинцам. Выступая в роли защитников малоземельного крестьянства, почаевцы выдавали некоторым из членов Союза русского народа ссуды на покупку земли. В феврале 1911 г. Министерство финансов утвердило устав «Почаево-Волынского народного кредита», созданного при почаевском отделе. Основной капитал был образован из членских взносов и 50-тысячной ссуды, которую архимандрит Виталий выхлопотал у Министерства финансов.

Почаевцам поневоле пришлось принять участие в осуществлении столыпинской аграрной реформы. Особое внимание Почаевский кредит уделял переселенцам. Главное переселенческое управление предоставило в распоряжение почаевского отдела земли, находившиеся за тысячи верст от Волынской губернии (15 885 десятин в Алтайском округе и обширный участок земли в Приморской области). Правительство также выделило Почаевскому банку 10 тыс. р. для кредитования крестьян, покупавших участки у своих односельчан, которые переселялись в Сибирь[738]. Хотя за год с небольшим крестьянам, прибегнувшим к этой услуге, удалось приобрести свыше 10 тысяч десятин земли[739], это ни в коей мере не могло смягчить отчаянное малоземелье волынского крестьянства. Кроме того, далеко не всякому члену союза были доступны кредиты по довольно высокой (до 8% годовых) ставке.

Почаевский союз и ряд дубровинских отделов Союза русского народа попытались наладить потребительскую кооперацию в деревне. Черносотенцы призывали население к бойкоту лавочников, перекупщиков, ростовщиков из близлежащих городов и местечек. Почаевский отдел взял на себя оптовую выписку соли, рыбы, муки и других товаров, которые продавались через десять окружных лавок. Окружные лавки поставляли товары в потребительские лавки Союза русского народа, размещавшиеся непосредственно в деревнях. В дальнейшем предполагалось охватить союзными лавками всю страну и тем самым выбить почву из-под ног «еврейского капитала». Торговая сеть Союза русского народа получила некоторое распространение лишь в губерниях юго-восточного края. Точное число лавок определить трудно, известно только то, что к 1914 г. в Киевской губернии потребительские лавки были организованы при 21 из 62 сельских подотделов дубровинского Союза русского народа[740].

Провизия в союзных лавках отличалась низким качеством, а дела велись крайне неумело. Широко разрекламированные потребительские съезды Союза русского народа на

поверку оказывались дутыми мероприятиями. Это с удовлетворением констатировали обновленцы, ревниво следившие за каждым шагом своих конкурентов. Например, Главный совет запрашивал отдел «Белое знамя» в Нижнем Новгороде: «Срочно и подробно сообщите, что предпринимается дубровинцами по поводу предложенного ими потребительского съезда». «Белое знамя» шлет успокоительный ответ: «Съезд общества потребителей в Нижнем Новгороде не состоялся за неявкой участников его, явились георгиевцы, мининцы и были два члена от города, но увидели окраску провокационного съезда, тут же уехали; так что молебен отслужили в 3 часа, а закрыли его в 5 часов вечера, и никаких постановлений вынесено не было. Объяснили, что этот съезд только предварительный»[741].

С точки зрения дубровинцев, потребительские лавки и кредитные товарищества были одним из способов затормозить разрушение общины и смягчить социальное напряжение в деревне. Если сельский отдел Союза русского народа не мог по каким-либо причинам заручиться покровительством местной администрации или духовенства, то в нем оставалась почти исключительно беднота. Уход зажиточных крестьян из низовых отделов Союза русского народа стал особенно заметным после организационного оформления дубровинского течения. Как правило, агитаторы дубровинцев ориентировались на неимущих общинников, находившихся в конфликте с хуторянами. Секретарь подотдела Союза русского народа в посаде Тузлы Бессарабской губернии писал А.И. Дубровину: «...беда, что учредителями этого союза самые бедные, но честные жители числом 73 человека, которые с большими затруднениями внесли взнос по 50 коп. и теперь посещают союз почти крадучись. А это потому, что богачи-мужики, будучи подстрекаемые разными лицами, не сочувствующими идее союза, сами по глупости своей распускают разные зловредные слухи, запугивают бедных, честных тружеников и этим вносят вражду среди себя, а в особенности против союза»[742].

В с. Олишканы Бессарабской губернии подотдел Союза русского народа вступил в конкурентную борьбу с ссудо-сберегательным товариществом, находившимся в руках местных толстосумов. Они открыли в селе прием и доставку корреспонденции за определенную плату. В свою очередь, черносотенцы взялись доставлять корреспонденцию бесплатно и начали тяжбу за переход ссудо-сберегательного товарищества в ведение Союза русского народа. Союзники из с. Олишканы ходатайствовали и об открытии 4-классной школы в помещении отдела Союза русского народа, но наткнулись на равнодушие местного начальства.

В переписке Главного совета Всероссийского дубровинского Союза русского народа с сельскими подотделами можно найти и совсем причудливые проекты. Например, отдел Союза русского народа в станице Атбасар Акмолинской области сообщал, что в связи с начавшимся переселением крестьян из Центральной России выделен участок земли под городскую застройку в Атбасарском уезде. В своем письме отдел Союза русского народа сообщал, что «решается ходатайствовать об отдаче отделу в полную собственность вышеозначенной нарезки, с целью немедленной закладки там города с наименованием «Алексеевск» в честь наследника-цесаревича. Постройка этого города даст огромный заработок бедному населению, которое с помощью того же союза построит церкви, школы, приюты, больницы и другие убежища для бедных. Средства для возведения всех этих построек получатся от средств отдела и от продажи усадебных мест с правом приобретения только членам Союза русского народа. Вышедшие из последнего или исключенные должны быть лишены права проживать в этом городе, и все их недвижимое имущество, по оценке, должно перейти в распоряжение отдела»[743]. Утопическому городу черной сотни не пришлось появиться на географических картах.

Сельские отделы обращались за займами, просили по 3—5 рублей до окончания полевых работ, соглашались на кабальные проценты. Однако Главный совет ничем сущест-

венным помочь не мог. Председатель белецкого отдела Союза русского народа писал в апреле 1913 г.: «Мною открыто в Белецком, Сорокском и Хотинском уездах 67 дружин Союза русского народа еще в 1906 г., и, не дав им ничего реального, все осталось на словах...»[744]. В качестве реальной помощи белецкие черносотенцы просили похлопотать о покупке через Крестьянский банк 27 тыс. десятин земли, которую 13 сел вынуждены были втридорога арендовать у румынского князя Стурдзы. Но и на этот раз все осталось на словах.

По мере усиления революционного движения в его орбиту начали втягиваться и низовые организации черной сотни. Столкновения союзников с местными властями и землевладельцами происходили по самым разным поводам. Председатель отдела Союза русского народа в с. Бешташены Тифлисской губернии священник К. Котанов не угодил властям за активное заступничество за своих прихожан, членов союза. Грузинская синодальная контора постановила перевести строптивого священника в глухую деревню. 1769 крестьян подписали прошение о том, чтобы К. Котанов был оставлен в их селе. Однако 27 марта 1911 г. уездный начальник с отрядом стражников попытались увезти священника силой. Крестьяне бросились на защиту, началась стрельба. Впоследствии за это столкновение были осуждены 14 человек[745].

Политические противники черной сотни отмечали, что дубровинцы ведут рискованную демагогическую игру. Кадетская «Речь» писала, что среди крестьянства «ведется союзническая агитация под девизом «Долой земельных посредников, крупных арендаторов». Избиратели вербуются при помощи обещаний добиться земельной аренды за небольшую плату»[746]. Большевистская «Правда» сообщала: «В д. Лубошино и Крутояре Аткарского уезда появился старик «агитатор» из Союза русского народа. Он приглашал крестьян записываться в члены этого союза. Сначала крестьяне отнеслись к его агитации недоверчиво, но когда он обе-

щал им, что они через посредство союза выхлопочут себе землю, то крестьяне стали записываться»[747].

Особенно бурно шло брожение среди низовых организаций западных губерний, где действовал почаевский отдел Союза русского народа. Эти события уже нашли отражение в исторической литературе[748]. Почаевский союз давно выступал за ликвидацию польского землевладения и передачу земель украинским и белорусским крестьянам («русским», по терминологии черной сотни). Антипольские настроения подогревали печатные издания почаевцев. В справке Департамента полиции о газете «Почаевские новости» говорилось: «В дальнейшем газета стала проповедовать сильную ненависть к полякам и вообще к помещикам, что могло вызвать обостренные отношения простого народа с помещиками, в большинстве поляками в Юго-Западном крае»[749].

В 1909 г. Синоду пришлось специальным определением закрыть орган почаевских черносотенцев. Но призыв к борьбе против помещиков, хотя бы только польского происхождения, был воспринят окрестным населением и подхвачен в соседних губерниях. Министру внутренних дел докладывали: «В сентябре 1911 года в Департаменте полиции был получен совершенно секретный документ, из коего усматривалось, что с развитием в Юго-Западном крае деятельности Союза русского народа сельское население Киевской губернии под давлением черносотенной агитации местного духовенства и в особенности разъезжающей по селам некоей генеральши, стало отказываться от производства работ на землях помещиков-поляков, в результате чего последним, равно как и казне, угрожают крупные убытки»[750]. Начальник киевского жандармского управления объяснял такое поведение крестьян антипольской агитацией, проводимой местными руководителями Союза русского народа, в том числе помещицей, вдовой генерал-майора М.Н. Мариц-Гриневой.

Довольно скоро крестьяне-союзники перестали видеть разницу между польскими помещиками и их русскими

братьями по классу. Крупный землевладелец Н.Е. Крупенский представил доклад, в котором указывалось, что сельские подотделы Союза русского народа стали учинять разбойные нападения на аграрной почве[751]. Выводы Н.Е. Крупенского подтверждаются сведениями полицейских органов. Департамент полиции отмечал, что в 1913 г. крестьяне-союзники села Каракуя Бендерского уезда отказались платить налоги. А «в селе Михалкове Бессарабской губернии, — говорится в переписке министра внутренних дел с местными властями, — пришлось арестовать двух членов Союза русского народа, как агитаторов по аграрному вопросу, имевших целью установить произвольную плату и ограничить помещиков в праве распоряжения собственной землей»[752].

По сообщениям бессарабского губернатора, «в пределах Хотинского уезда образовалась сеть отделов Союза русского народа, членами которых являются в большинстве крестьяне, имеющие самое смутное понятие о задачах и целях союза и ожидающих от участия в нем практических для себя выгод, почему при тяжелых местных аграрных условиях почаевские отделы стоят на скользком пути, имея ясные оттенки крестьянских союзов»[753].

В 1913 г. на имя директора Департамента полиции был представлен рапорт о внушающей опасения деятельности почаевского отдела. В рапорте, в частности, отмечалась опасная направленность черносотенной агитации среди крестьян Киевской губернии: «В начале текущего 1913 года в Васильковском уезде члены Союза русского народа стали объявлять крестьянам, что лица, вступившие в союз, вправе предъявлять требования к крупным землевладельцам о предоставлении в их владение части помещичьих земель и могут безвозмездно пользоваться помещичьим лесом для отопления своих жилищ, устанавливать цены на рабочие руки и не вносить причитающихся казенных сборов и налогов. В Лииовецком же уезде члены союза внедряют в крестьянскую массу мысль о праве поселян на владение помещичьей землей, а также на самостоятельное разреше-

ние всех общественных дел и возникающих вопросов, побуждая крестьян к неповиновению властям. Некоторые из членов союза разъезжают по отдельным населенным пунктам и там распространяют свои идеи, причиняя неправильным толкованием заботы должностным лицам при взыскании казенных и других сборов. В результате такой деятельности означенных пропагандистов сельские жители составили об организации Союза русского народа неправильное понятие, как о движении исключительно крестьянском, долженствующем быть враждебным помещикам и местным органам власти...»[754].

Министерство внутренних дел, обеспокоенное активностью Почаевской лавры, доверительно сообщило обер-прокурору Синода В.К. Саблеру: «...крестьяне, резко критикуя правительственную политику по аграрному вопросу и поставив себя в оппозиционные отношения с местными властями, начали говорить о том, что вообще вся русская земля должна быть принудительно отчуждена от инородцев и разделена между крестьянами... При исследовании причин этого ненормального явления было установлено, что брожение обычно начинается в тех местностях, где открываются отделы Почаевского Союза русского народа»[755].

Наибольшей остроты столкновения крестьянских отделов Союза русского народа с помещиками и властями достигли в Подольской губернии, где почаевский отдел действовал почти столь же активно, как и в Волынской губернии. События разворачивались обычным путем. Вначале в Ольгопольском уезде появились агитаторы, обещавшие помещичьи угодья: «Между ольгопольским уездом и Почаевом установились оживленные сношения, вызвавшие возникновение многочисленных деревенских отделов и подотделов союза. В некоторых деревнях число примкнувших к союзу достигает 600—700 человек. Идут сборы на приобретение союзнического флага и союзнических значков, причем усиленно распространяется дубровинский «манифест» и листки в почаевском издании, агитаторы союза рекомендуют спешить запасаться значками, обладатели которых

будут-де освобождены от земских сборов и примут участие в предстоящем в самом близком будущем разделе панских земель. Спешат обзаводиться значками самые малоимущие крестьяне, зачастую закладывающие последнее имущество; в особенности усердно раскупаются эти новоявленные индульгенции крестьянами, имеющими большое количество сыновей: чем больше значков, тем больше наделов»[756].

Весной 1914 г., в самый разгар полевых работ, крестьяне-союзники Ольгопольского уезда отказались выполнять работы в помещичьих экономиях меньше чем за рубль в день. Сообщение об аграрной забастовке, вызванной Союзом русского народа в Подольской губернии, было перепечатано многими столичными газетами. Особо отмечалось упорство крестьян, не поддававшихся ни на какие уговоры: «...стойкость забастовщиков проявляется не только по отношению к частным землевладельцам, но и к администрации казенных земель, которой «союз» не отпускает «своих» рабочих дешевле, чем за 1 рубль в день»[757].

Куда заведет черносотенцев их демагогия, вопрошала либеральная пресса: «Почаевские и прилегающие к ним союзники ведут очень опасную игру, которая может привести к самым неожиданным результатам... Обманным путем, посулами и обещаниями, а то и всякими вздорными сказками, стараются привлечь мужичков в союз и тешатся, что множится стадо. Но не чувствуют, куда это стадо пойдет, когда потребует реализации обещаний»[758].

Пророчество либеральной печати исполнилось очень быстро. Уже через несколько дней дело дошло до вооруженных столкновений. Когда в село Вербку-Чечельникскую прибыл земский страховой агент для переоценки крестьянских строений, местные жители не допустили его в село, объяснив, что земство определило непосильное для них обложение. В село отправились местные полицейские чины. Подольский губернатор доносил в столицу: «Как только названные должностные лица... прибыли в с. Вербку-Чечельникскую и приблизились к первому двору, тотчас же раздался звон в церковный колокол и к прибывшим собра-

лась большая толпа крестьян (до тысячи душ обоего пола). Собравшиеся крестьяне, в особенности женщины, держали себя крайне вызывающе и категорически заявили, что производить переоценку они не допустят, что земства и начальства им не нужны, так как все они члены Союза русского народа и у них есть свое начальство в лице председателя Союза русского народа»[759]. По распоряжению губернатора в Ольгопольский уезд были стянуты отряды стражи из соседних уездов. 29 апреля 1914 г. конный отряд вошел в село и арестовал зачинщиков. Вооружившись палками, крестьяне пытались отбить арестованных. Несколько человек, собравшихся у потребительской лавки Союза русского народа, призывали толпу перебить стражников из ружей. В конце концов конный отряд «рассеял толпу».

Власти приняли энергичные меры для пресечения подобных инцидентов, а наступившая война положила конец опасной агитации почаевцев. Однако и во время войны властям неоднократно приходилось убеждаться в том, что крестьянские отделы Союза русского народа в любую минуту могут выйти из-под контроля. Инциденты, похожие на аграрные волнения в Подольской губернии, то и дело вспыхивали в других селах, находившихся на почтительном расстоянии от Почаева и не имевших с ним никаких сношений. Даже открытие монархического отдела в деревне в некоторых случаях приобретало крамольный оттенок. Например, в августе 1915 г. были арестованы два черносотенца, которые намеревались открыть отдел Союза русского народа в слободе Дмитриевке Донской области. План союзников заключался в следующем: «Как только будет освящено знамя отдела, они пойдут на отрубные участки, уничтожат все поставленные казенным землемером межевые знаки отрубников и завладеют этой землей в пользу записавшихся в отдел союза, так что, по словам полицейского урядника Осипова, если бы было освящено знамя отдела, то между общинниками, которые только и состояли в этом отделе, и отрубниками, выделенными из общего пользования землей, было бы побоище»[760].

Полицейские власти начали приходить к выводу, что крестьянские отделы Союза русского народа представляют собой не опору порядка, а скорее потенциальную опасность, и что главари черной сотни, пожалуй, не смогут обуздать процесс, который они сами вызвали безудержной демагогией и погоней за популярностью среди крестьянства. Лучше всего эту мысль сформулировал начальник Саратовского жандармского управления. Отталкиваясь от частного случая — столкновения одного из крестьянских отделов Союза русского народа с уездным предводителем дворянства, — начальник жандармского управления позволил себе предупредить высшие власти: «Описанный случай обратил на себя внимание местных властей и именно тем, что в случае каких-либо вообще беспорядков, — Союз русского народа не может почитаться вполне надежной организацией, ибо, возможно, будет агитировать против помещиков»[761]. Черносотенная пропаганда принесла совсем не те плоды, на которые рассчитывали руководители монархических союзов.

3

Правое студенчество

Вожди черной сотни понимали, что молодое поколение является будущим страны. Они указывали на чрезвычайную важность воспитания молодежи в духе православия, русского патриотизма и верности престолу. Между тем российская школа всех уровней не отвечала требованиям, которые предъявляли крайне правые. По их мнению, основы безверия и порока закладывались еще в начальной школе. Недаром монархические съезды постоянно призывали правительство обратить пристальное внимание на школьный вопрос. Наиболее желательным типом народной школы для черносотенцев являлись церковно-приходские школы. Средняя школа, по мнению черносотенцев, в меньшей степени соответствовала государственным требованиям. Об этом постоянно писал В.М. Пуришкевич, считавшийся среди

крайне правых крупнейшим авторитетом в вопросах народного образования. Он доказывал, что в стенах высших и средних учебных заведений господствуют атеизм и космополитизм — верные помощники крамолы. Пуришкевич говорил, что самой печальной чертой современности являются антиправительственные настроения молодежи. Он приводил пример из жизни Аккерманской гимназии, в которой, как он имел случай убедиться, «ученики 4—5-х классов были уже вполне революционизированы».

Крайне правые пытались изменить ситуацию. Русское собрание открывало собственные гимназии, в которых преподавание было построено на православно-монархических традициях. Иркутская гимназия Русского собрания считалась лучшей в городе. Одесский Союз русских людей содержал три учебных заведения: низшую школу для мальчиков, профессиональную женскую школу, приравненную по программе к учительской семинарии, и мужскую гимназию с правами казенной.

Но в основном черносотенцы уповали на вмешательство правительства. В постановлениях IV монархического съезда («съезда объединенного русского народа»), принятых в апреле 1907 г., раздел «По школьному вопросу» шел непосредственно после раздела о государственной безопасности и перед разделом о земельном и переселенческом вопросе. Таким образом подчеркивалось значение, которое монархисты придавали народному образованию. Постановления призывали поднять качество преподавания: «Народные школы должны быть прежде всего усовершенствованы в качественном отношении, а потом уже усилены в отношении количественном»[762]. Монархисты предлагали улучшить материальное положение преподавателей средних учебных заведений, снизить почасовую нагрузку на каждого преподавателя и уменьшить количество учеников в классах. Монархисты считали желательным развить широчайшую сеть профессиональных школ (ремесленных, сельскохозяйственных и т.д.), в которых на первый план должно быть поставлено религиозно-нравственное, национальное

и притом индивидуальное воспитание. Предполагалось, что средние школы будут иметь вполне законченный курс обучения, «не имеющий притязаний на подготовку к высшим научным занятиям». Эта характерная оговорка указывала на желание крайне правых оградить молодое поколение от развращающего влияния университетской среды.

В России, как и в большинстве других стран, студенчество отличалось радикальными политическими взглядами. В 1905—1907 гг. университеты и другие высшие учебные заведения были центрами антиправительственных выступлений. Монархисты предлагали ряд мер, направленных на обуздание революционных настроений. В постановлениях IV монархического съезда подчеркивалось: «Все, что препятствует научным занятиям в высших школах, должно быть безусловно из них устранено, а именно: 1) «автономия» этих школ, уничтожившая всякую дисциплину, спокойствие и порядок, без которых немыслимы серьезные занятия наукой, и 2) студенческие сходки, партии и землячества, водворяющие в высших школах тиранию революционной части студенчества над товарищами, над профессорскою коллегией и над университетскою администрацией». В крайних случаях черносотенцы предлагали не останавливаться «и пред такою суровою, но в высшей степени полезною мерой, как полное закрытие высших учебных заведений с увольнением профессоров в отставку»[763].

Неудивительно, что черносотенцы не пользовались успехом среди профессуры, настроенной в основном либерально и связывавшей свои политические интересы с партией кадетов, которую часто называли «профессорской партией». Даже консервативную часть преподавателей отталкивали грубые приемы черносотенной пропаганды. Уже отмечалось, что среди руководителей монархических союзов было немало людей с учеными степенями и званиями. Однако в университетских аудиториях и на кафедрах они чувствовали себя изгоями. Ректор Казанского университета докладывал министру народного просвещения, что профессор В. Ф. Залесский, лидер казанских черносотенцев,

«почти весь факультет обвиняет в революционных замыслах, не посещая поэтому факультетских заседаний, и почти со всеми членами факультета не разговаривает и не подает им руки, не стесняясь при этом обращаться к ним в вызывающем тоне даже во время заседаний и при приеме экзаменов»[764].

Еще меньшей популярностью пользовались черносотенные лозунги в студенческой среде, значительно более радикальной в политическом отношении, чем профессура. Сплошь и рядом студенты объявляли себя принадлежащими к социал-демократам, эсерам, анархистам и т.п., тогда как встретить студента-черносотенца было почти невозможно. Так, в 1906 г. из 1200 студентов Демидовского лицея в Ярославле, по словам самих черносотенцев, только двое являлись членами Союза русского народа. Сходка лицеистов постановила подвергнуть их моральному и физическому бойкоту. Сравнительно малочисленными были молодежные монархические организации типа «Двуглавого орла».

Наибольшую известность впоследствии (в связи с делом Бейлиса) приобрело киевское патриотическое общество молодежи «Двуглавый орел». Оно было создано в январе 1907 г. Программа общества предусматривала: «1) объединение и сближение, путем правильной организации молодежи обоего пола, различных сословий и состояний, отстаивание Православия, Неограниченного Самодержавия и Русского Народа; б) укрепление Самодержавной Власти на Руси; 3) охранение целости, единства и неделимости Российской империи; 4) противодействие всеми законными способами влиянию лиц, союзов, партий, обществ, ведущих Россию своими учениями к анархии и нравственному растлению, а также всякого рода забастовкам, нарушениям правильного течения жизни, мешающим ходу занятий в учебных заведениях»[765]. Два года спустя общество, согласно именному списку, насчитывало 256 членов, в основном гимназистов и студентов.

После спада революционных выступлений голос монархистов в среде учащихся зазвучал более уверенно. Сту-

денчество острее, чем какой-либо другой слой общества, испытывало горечь разочарования неудавшейся революцией. У некоторой части молодежи разочарование привело к полному отказу от прежних идеалов. Особенно неустойчивым было настроение совсем молодых людей, только вступавших в сознательную жизнь. Модным и оригинальным сделалось то, что всего год или два назад считалось среди студентов уделом озверевших погромщиков из Охотного Ряда. «Союз развратил молодежь (православную) вконец, — писали из Одессы, — среди студентов пока мало приметно, но зато среднеучебные заведения сплошь заражены антисемитизмом. И не думайте, чтобы это были отдельные личности; в избиениях участвуют гимназисты и реалисты, на всех торжествах истинно русских масса молодых, а вчерашний бал в одной из самых больших зал Одессы был переполнен учащейся молодежью»[766].

В октябре 1907 г. был открыт отдел Союза русского народа при Петербургском университете. Председателем отдела был избран И.Н. Шенкен. С этих пор делегатов на монархических съездах встречали и провожали студенты в парадных мундирах и при шпагах. «Не знамение ли это времени, — писали современники, — что на студенческой сходке решились открыто выступить представители студенческого отдела Союза русского народа. На днях студенты-союзники подали устав своего «отдела» профессуре для легализации. Им было в легализации отказано, и, возмущенные, они толпой отправились с жалобой к Дубровину, обещая жаловаться также и Шварцу. И, пожалуй, они своего добьются. Ведь Союз русского народа теперь сила»[767]. История некоторых студентов, записавшихся в Союз русского народа, до удивления напоминает историю Сашки Косого (А. Половнева), рабочего-путиловца, ставшего членом черносотенной боевой дружины. Так, некий Николай Андреев, студент третьего курса юридического факультета Петербургского университета, попал в сложную жизненную ситуацию. Рано женившись, он вынужден был зарабатывать на содержание семьи и не сумел подго-

товиться к экзаменам. Он просил позволить ему прослушать курс заново, но получил отказ. Кто-то подсказал отчаявшемуся студенту обратиться за помощью в Главный совет Союза русского народа и дал рекомендацию, написанную на бланке полицейского пристава. Студент вспоминал: «Этого было достаточно, и Главный совет Союза русского народа обратился к министру народного просвещения с ходатайством об оставлении меня на второй год». Ходатайство было незамедлительно уважено, а Андрееву предложили вступить в члены союза: «Я записался, внеся 60 коп.»[768]. В 1909 г. был создан Союз русских студентов, председателем которого стал П.П. Штофер.

И все же правые студенческие организации были каплей в море. Они проявили полную беспомощность во время всероссийской студенческой забастовки, которая началась в сентябре 1908 г. и охватила все учебные заведения. Между тем среди студентов были недовольные срывом занятий. В октябре 1908 г. группа студентов Петербургского университета, Горного и Политехнического институтов решила создать «партию активной борьбы с забастовкой». Студенты обратились за помощью к правым депутатам Государственной думы Г.Г. Замысловскому и В.М. Пуришкевичу. К этому времени Пуришкевич уже пришел к выводу, что необходимо искать новые, нестандартные способы воздействия на учащуюся молодежь. Впоследствии, описывая историю развития академического движения, Пуришкевич подчеркивал: «Первая его организация была сколком с монархических организаций... сколком с отделов Союза русского народа, Союза Михаила Архангела». Проанализировав причины неуспеха черносотенной пропаганды среди студентов, он, по собственным словам, увидел, что виною всему является слишком яркая политическая окраска организаций, примыкавших к правым партиям. Поэтому Замысловский и Пуришкевич посоветовали студентам не вступать в черносотенные союзы, а объединиться для защиты чисто учебных интересов. Депутаты обещали обеспечить лояльным студентам содействие со стороны высокопоставлен-

ных чиновников, крайне правой фракции Государственной думы и правой группы Государственного совета.

Так было положено начало академическому движению. В помещении Союза Михаила Архангела состоялось собрание инициативной группы. «Заседание происходило совместно с членами фракции Государственной думы. Были обсуждены программные и организационные вопросы. Решено единогласно создать академический союз, приступить к агитации и обратиться к студенчеству с соответствующим воззванием»[769]. Академисты выбрали девиз: «Наука и Отечество». Согласно уставу, корпорация Петербургского университета, «не преследуя никаких политических целей, ставит своей задачей: а) проведение в академической жизни университета тех принципов, при которых университет служит науке (отрицание политики, участие в научных кружках и т.д. ... б) поддержание русского студенчества в Санкт-Петербургском университете...»[770]. Их единомышленники из Новороссийского университета (г. Одесса) провозглашали: «1) Университет есть непрерывно действующее государственное учреждение, предназначенное для разработки и распространения научных знаний; 2) университет пользуется академической автономией; 3) в университете студент только учащийся, заботящийся о всестороннем развитии своей личности»[771].

С 1908 по 1913 г. в различных учебных заведениях были созданы 22 академических корпорации. Академисты пользовались вниманием высших сфер. Делегацию академистов принял Николай II. Император напутствовал академистов: «Передайте вашим товарищам, что я буду рад, если с каждым годом численность ваша станет возрастать»[772]. В столице, а также в Киеве и Одессе были учреждены «Общества содействия академической жизни высших учебных заведений». Председательницами этих обществ состояли великосветские дамы: жена дворцового коменданта Е.С. Дедюлина, супруга киевского генерал-губернатора Е.С. Трепова и жена одесского градоначальника Л.Д. Толмачева. В 1909 г. в Петербурге на Лесной был открыт Академиче-

ский клуб. Газета «Земщина» восторгалась его устройством: «Помещение большое, чуть ли не в 18 покоев. На видном месте висит подарок царя, предмет особенной гордости академистов. Это портрет Государя императора с Его собственноручною подписью. Обстановка даже слишком хороша для непритязательного студенчества. Дешевый буфет с такими ценами, как, например, обед — 30 коп., завтрак и ужин — 25 коп., дешевые вина, пиво. Для полезного развлечения имеются рояли, два бильярда, шахматы, фехтовальные принадлежности и пр.»[773]. На празднование первой годовщины академического клуба приезжал председатель Совета министров П.А. Столыпин, который обратился к академистам со следующими словами: «Я верю в великую, мощную Россию и верю в то, что именно вы будете ее представителями»[774].

Несмотря на поддержку высших сфер, численность академистов была сравнительно невелика. В Петербурге, где были сосредоточены основные учебные заведения, в корпорации входило несколько сот студентов. Председатель корпорации Лесного института Г.И. Кушнырь-Кушнырев подсчитал, что в 1910 г. столичные корпорации объединяли 468 студентов. Лидер кадетской партии П.Н. Милюков утверждал, что «число академистов не превышает 330, большинство из них бывшие с-р, с-д и левые кадеты, перекочевавшие в союз из-за денег»[775]. По всей России количество академистов и студентов-черносотенцев вряд ли превышало 5—10% всего студенчества. Об этом говорят и результаты опроса, проведенного в некоторых институтах. Анкета, распространенная в Петербургском политехническом институте, засвидетельствовала, что в корпорации входили в основном студенты-белоподкладочники. Большевистская «Звезда» подытоживала результаты анкетирования: «Таким образом, студент-академист живет процентов на 35 богаче среднего студента»[776].

Академические корпорации изначально были задуманы как формально внепартийные организации. В этом было их преимущество, но это же создавало возможность при-

сутствия в академических корпорациях молодежи с различными взглядами. Академисты зачастую не соглашались со своими покровителями из черносотенных союзов. Так, руководителям академической корпорации «Знание» Петербургского Лесного института пришлось писать «объяснительную записку» в Главную палату Союза Михаила Архангела, оправдываясь в том, что они по некоторым внутренним институтским вопросам признают решения общестуденческих сходок: «Сохранение же за студенческими сходками некоторых прав мы признаем потому, что, будучи частью всего студенчества, мы в некоторых вопросах студенческого общения принуждены опираться и сами даже прибегать пока все-таки к сходке, голос которой для студента имеет еще большой авторитет. Учитывая это обстоятельство, мы полагаем, что полнейшее отрицание за сходкой некоторых ее прав обрекло бы корпорацию на безжизненность и даже совершенное ее упразднение»[777]. Порой происходили конфликты между академистами и студентами, состоявшими в Союзе русского народа. Например, академическая корпорация Новороссийского университета (г. Одесса) потребовала от председателя студенческого подотдела Союза русского народа «полного отчета в тех суммах, которые он в течение года собирал то под видом вооружения членов студенческого подотдела с.р.н., то на какие-то листки и т.п.»[778].

В скором времени в академическом движении выделились «пассивные академисты» — аполитичные студенты, «неоакадемисты» — близкие по взглядам к октябристам, «палатники» — ориентировавшиеся на Главную палату Союза Михаила Архангела. Газета «Студенческая жизнь» считала академистов филиалом Союза Михаила Архангела и утверждала, что они выполняют неприглядную роль осведомителей: «Пуришкевич и Замысловский устраивают отделы академического союза Палаты Михаила Архангела. Студенты-союзники должны следить за всеми проявлениями оппозиционной деятельности в нашей среде — все должно быть отмечено и сообщено управе»[779]. Действительно, Пуришкевич пользовался сведениями, получен-

ными от академистов. В своих статьях он обращал внимание правительства на преступный «профессорский заговор», направленный на моральное разложение студенчества, и на безнаказанность революционной пропаганды в стенах университетов. Либеральная общественность воспринимала его статьи как неприкрытые доносы — фактически они и были доносами с точным указанием имен и обстоятельств произнесения тем или иным преподавателем крамольных слов. Позже он напечатал обширные материалы о «школьной революции» и «разложении русского университета»[780].

В марте 1910 г. Пуришкевич выступил с думской трибуны с речью о «школьной подготовке второй русской революции». Его речь, наполненная самыми грубыми выпадами, продолжалась три дня. Уже после первого дня председатель III Государственной думы Н.А. Хомяков, потерявший власть над бурлящим от негодования залом, подал в отставку. Его преемнику на председательском месте пришлось удалить из зала заседаний одного за другим семь депутатов, чтобы Пуришкевич смог закончить свое выступление. Пуришкевич допустил в своей речи личные выпады по адресу совета старост Петербургского университета, недвусмысленно намекая не только на их революционные убеждения, но и на их развратное поведение.

Возмущение речью правого депутата выплеснулось за стены Таврического дворца. Газета «Студенческая жизнь» сообщала: «Первоначально некоторые из бывших старост университета намеревались вызвать Пуришкевича на дуэль. Однако вскоре эта мысль была ими оставлена: оскорбленных Пуришкевичем членов совета старост убедили, что дуэль — неподходящий для студентов способ протеста»[781]. В университете была созвана студенческая сходка: «Сенсационно было выступление главаря университетских союзников Шенкена, который сказанное Пуришкевичем объявил наглой ложью и клеветой по отношению к совету старост в университете, он выразил протест против бессовестного оскорбления женщин и заявил, что студенческий

отдел Союза русского народа присоединится к общестуденческой резолюции-протесту, если эта резолюция не будет носить резко политического характера»[782]. Резолюция, осуждающая действия Пуришкевича, была принята 3000 голосов против 1. «Студенческий мир» писал: «С ничтожной фигуры нравственно-помешанного дегенерата и его выходки внимание студенчества тотчас же перенеслось на общественный смысл свершившегося... И мы уверены, что если кому и помог г. Пуришкевич своим сверхусердием, то не вдохновителям своим, а делу защиты автономной школы»[783].

Пуришкевич совершенно спокойно переносил всеобщее возмущение. Он любил говорить, что левые действуют как схваченные за руку жулики на ярмарке, сразу поднимающие крик «Держи вора!». Он предрекал массовые студенческие волнения, которые будут инспирированы врагами самодержавия. Уже осенью он констатировал, что его правота полностью подтвердилась. Толчком для выступлений молодежи послужили похороны председателя I Государственной думы профессора С.А. Муромцева. Вскоре страну потрясла весть о кончине Л.Н. Толстого. Черносотенная печать поспешила свести счеты с великим писателем, отлученным от православной церкви. Н.Е. Марков опубликовал под псевдонимом «Буй-Тур» статью, в которой разразился бранью в адрес покойного: «Смерть великого лжеучителя подняла на ноги все нечистое, все крамольное, все богоотверженное. Развращенная Толстым молодежь бросила учиться, вышла из стен университета и прочих высших учебных заведений на городские улицы и, сбившись в громадные толпы, с пением и криком пошла безобразить на площади и около храмов Божьих»[784]. Тактика академистов была более гибкой. Они говорили проникновенные слова о таланте Толстого и присоединялись к «национальному горю об утрате великого художника земли русской». Вместе с тем академисты доказывали, что шумные манифестации под политическими лозунгами как раз противоречат духу толстовского учения. «Вокруг его свежей еще могилы

лица, ищущие политической шумихи, хотят воспользоваться удобным моментом для демонстрации перед русским обществом показного неудовольствия, воспользовавшись неуравновешенной и отзывчивой на всякие явления русской жизни молодежью», — писал Г.И. Кушнырь-Кушнырев[785].

Консерваторы и правые всех оттенков единодушно сходились во мнении, что студенческие забастовки представляют собой пролог новой революции. «Опять надвигается смрадная анархия, казавшаяся раздавленной четыре года назад, — сокрушался националист М.О. Меньшиков. — Опять смута начинается с высших школ, которые давно служат крепостями бунта»[786]. Ему вторили дубровинцы: «Студенческие безобразия, как мы знаем по опыту, являются началом новой внутренней гражданской войны; в данном случае, по словам очевидцев-студентов, мы имеем дело с беспорядками не на академической, а на чисто революционной почве»[787].

Академисты пытались противодействовать университетской забастовке. «Голос студенчества» сообщал, что один из забастовочных дней в Московском университете «ознаменовался рядом бурных инцидентов, вызванных академистами, собравшимися с разных факультетов и образовавших одну «боевую» группу в количестве 25—30 человек. Эта группа занимала оборонительную позицию у дверей аудитории, где читались лекции, и переходила с факультета на факультет»[788]. Черносотенная печать возмущалась поведением бездельников, мешавших заниматься прилежным студентам-академистам в Петербургском Политехническом институте, где коалиционный комитет также объявил забастовку. «9 декабря студенты, принадлежащие к академическому союзу, собравшись к 10 часам утра в институте, отправились по своим аудиториям. Профессора читали лекции, и последние не прерывались до часу дня. В час дня шайка забастовщиков, собрав до 200 шатавшихся по коридорам студентов, ворвалась в аудиторию, где читал лекцию профессор Станевич, и шумом и криками заставила профессора прервать чтение лекций»[789].

Трактовка событий, происходивших в студенческих аудиториях, сильно зависела от политических взглядов очевидцев. Например, столкновения в Новороссийском университете в Одессе описывались прямо противоположным образом. Большевистская «Звезда» сообщала: «В Одесском университете существуют просто два студенческих подотдела, члены которых поголовно вооружены благодаря желанию Толмачева и которые буквально хозяйничают в аудиториях. Устраивают дежурства и вооруженные идут на лекции, где нет слушателей, являются на все сходки, переписывают имена всех говорящих и сообщают администрации и Толмачеву, делающему сообразно этому обыски и аресты»[790]. Черносотенная «Земщина» помещала другие сообщения: «8 декабря в Химической аудитории Новороссийского университета после лекции проф. Петренко состоялась сходка около 300 студентов, в числе коих было 15 человек академистов, прибывших на лекции... Вслед за тем демонстранты, разбрасывая воззвания по поводу происшествия на студенческом вечере 5 декабря и стреляя вверх, произвели избиение академистов, которые принуждены были бежать»[791].

По мнению бастовавших студентов, их однокурсники-академисты были штрейкбрехерами. Правые студенты различных факультетов собирались группами и шли на лекции, причем случалось, что слушатели историко-филологического отделения прилежно переписывали математические формулы, а студенты-медики конспектировали лекции по юриспруденции. Правительство ценило такую демонстрацию лояльности. Во время забастовок с академистами пять раз встречался председатель Совета министров. В феврале 1911 г. Столыпин попросил делегацию академистов «передать товарищам, чтобы они не падали духом, что университет закрыт не будет ни под каким видом и желающим учиться будет предоставлена возможность учиться, для чего правительство не остановится ни перед какими мерами»[792].

Черносотенцы требовали изгнания преподавателей, не согласных с идеями академического движения. «В настоя-

щее время, — писала газета одесского отдела Союза русского народа, — когда загрязнена почва для насаждения академизма, Министерство народного просвещения должно поступить круто и не стесняться удаления из университетов профессоров, как руководителей юношества, которые в вышеуказанном отношении не соответствуют задаче чистого академизма, и заменить их подходящим элементом. Если подходящих ученых людей не хватит в России, то можно пригласить в крайнем случае соответствующих профессоров из-за границы»[793]. Открывшийся в дни студенческих забастовок VII съезд Объединенного дворянства принял резолюцию, выражавшую горячее одобрение академистам. Под выкрики «Верно! Правильно!» Пуришкевич призвал высылать бастующих студентов на срок до 8 лет. «Во главе высшей школы, — говорил Пуришкевич, — должен стать диктатор для упорядочения университетской жизни и оздоровления профессорского состава». Он разработал целый комплекс мер, призванных укрепить спокойствие в системе народного образования. От его программы веяло откровенным обскурантизмом. Хотя страна остро нуждалась в кадрах интеллигенции, Пуришкевич считал необходимым сократить количество учебных заведений и численность студентов — «я скажу, что всякое создание нового университета есть шаг к облегчению появления революции на окраинах». В традициях «указа о кухаркиных детях» он предлагал: «...надо парализовать поступление тех элементов, которые не имеют никакого нравственного, никакого умственного права получать образование».

Правительство начало чистку высших учебных заведений. Из Московского университета было исключено около тысячи студентов. В Петербурге был арестован весь коалиционный комитет. Ректоры университетов были вынуждены подать в отставку. Либеральная профессура покидала высшую школу в знак протеста против произвола властей. Протестовали общественные и научные организации. Среди протестующих была группа богатейших московских предпринимателей и финансистов, совокупный капитал ко-

торых составлял полмиллиарда рублей. По этому поводу один из правых студентов восклицал: «Как эти Рябушинские, Морозовы и пр. не понимают, что в случае переворота они все будут повешены, а в лучшем случае станут низшими». Националист М.О. Меньшиков развил эту мысль в газете «Новое время»: «Вас повесят первых — не за какие-нибудь преступления, а за то, что вам кажется добродетелью — просто за обладание тем полумиллиардом, которым вы так кичитесь»[794].

Весной 1911 г. студенческие выступления начали затихать. Занятия возобновились почти во всех учебных заведениях. Определенную роль в подавлении забастовок сыграло академическое движение. Кадетская «Речь» даже писала, что без студентов-академистов правительство не в состоянии было бы что-либо предпринять[795].

После студенческих забастовок были предприняты усилия для укрепления и расширения академического движения. В марте 1912 г. в Петербурге был созван всероссийский академический съезд. Делегатов прислали 25 учебных заведений. Съезду придавалось большое значение. Приветственные телеграммы направил председатель Совета министров В.Н. Коковцов и четыре министра. 78 делегатов-академистов были приняты Николаем II в Царском Селе. Был создан академический союз, издавался его печатный орган «Вестник студенческой жизни». Наряду с академическим союзом активизировался Всероссийский союз русских студентов, призывавший в свои ряды патриотическую молодежь.

Вместе с тем роль академических корпораций и правых студенческих организаций никак не соответствовала тому значению, которую придавало им правительство. Либералы, даже самые умеренные, не отделяли академические корпорации от черносотенных союзов. Кадет В.А. Маклаков отмечал: «Академическое движение вышло филиальным отделением Союза русского народа. Появилась «правая» профессура, опиравшаяся на «правых» студентов и получившая покровительство в «правом» правительстве.

Наше многострадальное студенчество осталось до конца тем же, чем было всегда: чувствительной пластинкой, на которой обнаруживалось настроение общества и ошибки правительства»[796]. Академисты не пользовались уважением в обществе. Газеты сообщали: «Бывшие академисты жалуются, что хотя их охотно принимают на государственную службу, но сослуживцы и даже само начальство чуждается их, всячески издеваются над их «академическим» прошлым и т.д.»[797].

В то же время далеко не все черносотенцы разделяли увлечения академическими корпорациями. Дубровинцы, в отличие от сторонников Пуришкевича, с беспокойством указывали на аморфную политическую платформу академистов. «Русское знамя» подчеркивало, что «неопределенность, расплывчатость идей академизма породила многочисленные течения»[798]. Всероссийский Дубровинский Союз подвергал критике так называемых «пассивных академистов», которые, в сущности, исполняли основной завет корпораций — не вмешиваться в политику. Еще большую опасность, по мнению дубровинцев, представляло «неоакадемическое течение», близкое по духу к октябристам.

«Русское знамя», ссылаясь на правый журнал «Гражданин», повторяло, что Пуришкевич «главною приманкою для поступления в боевую ассоциацию академистов сделал грубое искушение личными выгодами. Деньги и шансы на карьеру стали главными двигателями к поступлению в ассоциацию академистов»[799]. Дубровинская газета печатала на своих страницах письма студентов, в которых говорилось: «Все несчастье в том, что академисты с самого основания привыкли получать солидные субсидии, привыкли быть на содержании»[800]. Дубровинцы указывали, что академические корпорации слишком слабы, чтобы оказать серьезное сопротивление даже в аудиториях, не говоря уж о борьбе за стенами высших учебных заведений. Более того, «Русское знамя» обращало внимание на то, что «некоторые социал-демократические студенческие организации постановили использовать так называемые академические

организации для нужд социал-демократии, пройдя в них под видом академистов»[801]. Описывая волнения в Военно-медицинской академии в ноябре 1912 г., дубровинцы подчеркивали: «Самая страшная вещь в происшедшем сопротивлении закону в военно-медицинской академии есть соучастие «правых» членов академического союза студентов, состоящего под разлагающим попечительством Пуришкевича, также в преступном проявлении неповиновения»[802].

Глава VII

ПОПУЛИЗМ И АНТИСЕМИТИЗМ

1

Мятежный иеромонах

Черносотенцев часто называли «революционерами справа». Политический экстремизм, исповедуемый многими крайне правыми деятелями, давал для этого достаточные основания. Популизм и безудержная демагогия также были характерной чертой черносотенцев. Настоящий политический балаган устроил иеромонах Илиодор, в миру Сергей Михайлович Труфанов. Он был родом из станицы Мариинская Области Войска Донского. Его отец, дьячок сельской церкви, постарался, чтобы все пять его сыновей получили богословское образование. Сергей Труфанов окончил Новочеркасскую семинарию и продолжил учебу в Петербургской духовной академии, где был пострижен и получил имя Илиодор. В 1905 г. он окончил академию по первому разряду, однако его образование было весьма односторонним. Даже в чисто богословских вопросах Илиодор остался узким начетчиком. Что же касается светской литературы и тем более естественных наук, то он имел о них самое смутное представление. Надо сказать, что Илиодор не только не чувствовал недостатков своего образования, но и любил щеголять своим невежеством.

Духовные лица, соприкасавшиеся с Илиодором в академии, замечали, что он имел непомерное и непристалое иноку честолюбие. Оно уживалось в нем с напускным смирением и самоуничижением, доходящим до юродства. Враги иеромонаха говорили, что он просто психически ненор-

мален. Другие считали его холодным и расчетливым карьеристом, тщательно взвешивавшим последствия своих скандальных выходок. Вряд ли в его поступках присутствовал точный расчет. Логика и рационализм едва ли могут служить ключом к его психологии. По своим убеждениям Илиодор был ярым националистом. Впоследствии, бросая обвинение своим учителям, он писал: «Меня научили, что только один русский народ имеет право в России питаться хлебом, говорить и веровать по-своему, а всем инородцам можно и должно вместо всего этого совать в зубы кукиш».

В 1905 г. Илиодор вступил в Союз русского народа. Став преподавателем ярославской духовной семинарии в сане иеромонаха, Илиодор с головой погрузился в политическую деятельность. Выступая на многолюдных митингах, он доказал, что не зря преподавал в семинарии духовное красноречие. Правда, его ораторское мастерство было особого рода. Мало-мальски интеллигентную публику отталкивали как содержание, так и форма его выступлений. Речи Илиодора многим казались каким-то фарсом, чудовищной пародией. Он нисколько не задумывался об объективности или хотя бы о внешнем правдоподобии. Слушателей поражала примитивность и абсурдность его аргументов, сочетание высокопарной патетики и трактирной брани. Критики Илиодора, очевидно, не понимали, что они имели дело с выдающимся мастером демагогии. Илиодор избегал выступлений перед образованной аудиторией, но чувствовал себя в своей стихии перед простым народом. Он оказывал магнетическое воздействие на крестьян, рабочих, лавочников. Илиодор настраивал темных слушателей против мусульман и иудеев. Губернские власти вынуждены были сделать ему замечание, поскольку местные татары пожаловались, что иеромонах публично называл грязным лжецом пророка Мухаммеда. Когда его спросили, как он относится к евреям-выкрестам, Илиодор ответил, что, по его убеждению, еврея надо крестить так: вырубить во льду прорубь, трижды окунуть и дважды вытащить.

Илиодор пробыл в Ярославле всего полгода, поскольку у него начались нелады с семинаристами. Он объяснял конфликт своей высокой требовательностью к разленившимся учащимся. На самом деле причина заключалась в несходстве политических взглядов. Ярославская семинария была охвачена общими для учащейся молодежи антиправительственными настроениями, и черносотенный преподаватель вызывал недовольство семинаристов, потребовавших его удаления — случай неслыханный для духовных учебных заведений. Епархиальное начальство устроило Илиодору перевод в Почаевскую лавру, центр черносотенного движения на Волыни.

В монастырской типографии Илиодор отпечатал брошюру «Видение монаха» — нечто вроде переложения откровений Иоанна Богослова, применительно к ситуации в России. Среди апокалипсических картин грядущей битвы «святой черной сотни» с врагами православия и монархии проглядывала весьма характерная политическая тенденция. Вражеская рать в описании Илиодора представляла собой отвратительное зрелище: «...ряды этого сборища полны были полугоспод, учащейся молодежи, фабричного люда; при этом монах здесь заметил много народностей, а особенно выдавались жиды, они почти все стояли впереди. Все это сборище было разбито на группы. Среди каждой группы стояло два столба, а между столбами были натянуты полотна с надписями: «Октябристы, дѐмократы, социал-демократы, социалисты-революционеры, анархисты, бундисты». Но самое поразительное, что монах увидел на стороне врага священников в блестящих облачениях: «...то были архиереи, их было много, но их трудно было различить; из земли под ними выходил какой-то едкий дым и окутывал их». Что же касается духовенства, оставшегося верным христианским заветам, то оно состояло из бедно одетых священников и немногих владык. «Видение монаха» обличало не только церковную, но и светскую иерархию. Когда черная сотня, одолев врага, торжественно подошла к северной столице, вышел к ней «Тот, за Которого

она встала» в порфире с оторванным краем — намек на ущемление самодержавной власти. Царь спросил, где же его министры и сановники? На это «великий Кронштадтский Пастырь» грустно молвил: «Они оставили нас»[803].

В сущности, Илиодор в красочной форме иллюстрировал черносотенный тезис о том, что бюрократия заслонила царя от народа. Восстановив эту связь и наказав неверных слуг, самодержавие обретет прежнюю мощь. Примерно то же самое говорили и другие черносотенцы. Но ни один из них не заходил так далеко в критике существовавшего режима, как иеромонах Илиодор. В справке Министерства внутренних дел говорилось, что «орган Почаевского союза «Почаевские известия» стал открыто призывать народ не только к борьбе с интеллигенцией, но и с самим правительством, якобы изменившим царю». Министерство высказывало обеспокоенность тем, что лидеры Почаевского отдела «начали предлагать сельским сходам высказываться в форме приговоров по вопросам общегосударственного порядка, внушая крестьянам несбыточные надежды на участие в делах правления и подчеркивая их значение в жизни государства».

Илиодор, как редактор газеты, стал объектом пристального внимания со стороны властей. После нескольких предупреждений правительство потребовало от церковных иерархов пресечь вредную деятельность иеромонаха. По решению Синода «Почаевские известия» были закрыты. Вместе с тем церковные власти решили не наказывать Илиодора. Он был отозван из лавры и переведен в распоряжение саратовского епископа Гермогена (Долганова). Иеромонах Илиодор нашел во владыке заботливого покровителя и друга, а епископ оценил в иеромонахе незаурядного проповедника слова Божьего и монархической доктрины. Илиодор сразу же был назначен епархиальным миссионером и настоятелем Святодуховского монастырского подворья в Царицыне.

Четыре года, проведенные Илиодором в Царицыне, превратили его в самую колоритную фигуру на политиче-

ском горизонте. Иеромонах говорил, что ему достался «город вольный, портовый, развратный», где люди погрязли в пороках и забыли христианскую веру. Невзирая на трудности, он ревностно принялся обращать неверующих и равнодушных. Его паствой стало население рабочих кварталов и фабричных поселков, расположенных близ города. Интеллигенция, чиновничество, большая часть купечества не приняли проповеди иеромонаха, а он призывал на их головы страшные небесные кары.

Илиодор обещал «сделать из Царицына три Кронштадта», честолюбиво намереваясь затмить славу Иоанна Кронштадтского. Он начал с расширения Святодуховского монастырского подворья. Его успехи были изумительными. За три года был воздвигнут храм, вмещавший 8 тыс. верующих, и колоссальные каменные корпуса, охватившие подворье несокрушимой стеной. Монастырские постройки, как писали современники, были самой грубой, даже бутафорской работы. Неудивительно, потому что главным архитектором был сам Илиодор, а на стройке трудились прихожане. В обители Илиодора причудливо переплетались современность и глубокая древность. Илиодор построил помещения для электрических машин и типографии. В то же время сотни верующих, включая женщин и детей, по примеру первых христиан копали катакомбы. Подворье было изрезано тайными подземными ходами, в которых ориентировались лишь самые посвященные.

Сочувствующее Илиодору духовенство говорило о цитадели христианства на Волге; его противники утверждали, что речь может идти скорее о возвращении времен Савонаролы. Подобно флорентийскому монаху, Илиодор пренебрежительно относился к материальному достатку и благополучию. Его келья была крошечной и убого обставленной. Но он наслаждался властью над фанатичной толпой, возбужденной его безумными проповедями. Илиодор носил посох с набалдашником в виде жилистого кулака, крепко сжимавшего крест, — это было своеобразным символом его веры. Теория непротивления злу насилием вызывала у него

гневную отповедь. В одной из монастырских галерей он повесил портрет Льва Толстого и требовал, чтобы всякий проходящий мимо плевал в лицо писателю. Он также ставил себе в заслугу запрещение философской драмы Леонида Андреева «Анатэма». Посвятив этому событию поучение «Победа православных истинно русских людей над дьяволом», иеромонах с ликованием восклицал: «Теперь уже не придется бриторылым лоботрясам на театральных подмостках кощунствовать и издеваться над православной христианской верой».

Между прочим, сам Илиодор не избегал представлений в духе средневековых мистерий. Рядом с храмом было сооружено огромное чучело, олицетворяющее гидру революции. После проповеди иеромонах, как Георгий Победоносец, пронзал дракона копьем и под радостные крики прихожан отсекал ему голову. Ночью голову приставляли обратно, и на следующий день Илиодор возобновлял свой поединок. Илиодора часто обвиняли в том, что он, несмотря на проклятия в адрес революционеров, колеблет общественные устои столь же сильно, как и члены нелегальных партий. Иеромонах отвечал: «Это правда. Я — революционер. Таким революционером был и Христос. Таким революционером, бунтовщиком, разбойником и я желаю быть. Я — ученик Христов. Хочу подражать ему»[804].

Илиодор недаром видел идеал в первых веках христианства, когда оно было религией бедных и гонимых. Он воображал себя мучеником, бестрепетно обличавшим богатых и знатных. Иеромонах не посягал на сословную структуру, но откровенно говорил, что в дворянстве есть многочисленный «негодный элемент», и требовал извергнуть «паршивцев» из благородного сословия. Дворянская и разночинская интеллигенция заслужила его презрение за свой космополитизм. Он сетовал на то, что «наши левые остолопы» забыли свою национальность, и у них «любить отечество — значит не воевать, развращать армию, подставлять свою спину другому народу». Он призывал богатеев уделить часть своего имущества бедному люду. Возмущаясь их роскошной

жизнью, он упрекал их в недальновидности, так как всеобщее возмущение рано или поздно лишит их неправедного богатства: «Горе вам, царицынские купцы, справляющие золотые и серебряные свадьбы, ибо детям вашим не придется справлять даже медных, а внукам, может быть, и глиняных свадеб».

Несмотря на свой духовный сан, иеромонах Илиодор все чаще подчеркивал свои расхождения с церковными иерархами. «Наши духовные пастыри и архипастыри, — проповедовал он перед паломниками, — первые изменники, обманщики и лгуны. Они первые отказались от своих слов и отдали народ на растерзание волкам». Что же касается светских властей, то постепенно Илиодор перешел к открытой конфронтации с ними.

В августе 1908 г. на подворье произошло столкновение верующих с полицией. Илиодор изображал дело таким образом, что полиция без всякой причины напала на «молитвенно и религиозно настроенных» людей[805]. Саратовский губернатор граф С.С. Татищев был иного мнения. Он настаивал на привлечении иеромонаха к ответственности за нарушение общественного спокойствия. П.А. Столыпин согласился с ним и просил Синод перевести Илиодора подальше от Царицына. Однако глава правительства оказался совершенно бессильным перед иеромонахом провинциального монастырского подворья. Конечно, Илиодор, несмотря на свой скромный сан и молодые годы, уже не был неизвестным служителем церкви, судьбу которого могло решить движение пера синодального чиновника. На стороне иеромонаха был влиятельный епископ Гермоген. Все руководители крайне правых организаций считали его деятельность образцом пастырского служения, а черносотенные газеты единодушно объявляли клеветниками его противников. Илиодор был коротко знаком с правыми членами Государственной думы и Государственного совета, к числу его поклонников принадлежал отставной премьер-министр И.Л. Горемыкин. Сын дьячка был вхож в аристократический салон графини С.С. Игнатьевой и пользовался распо-

ложением многих придворных. Все эти силы вступились за Илиодора, когда он заявил, что не подчинится решению Синода.

Сохранившаяся в архиве переписка между министром внутренних дел и обер-прокурором Синода представляет собой удивительную подборку документов[806]. Раз за разом в течение полугода Столыпин напоминает обер-прокурору Синода П.П. Извольскому о необходимости удалить Илиодора из Царицына. И раз за разом обер-прокурор отвечал, что ни он, ни митрополиты не в силах справиться с мятежным иеромонахом. Илиодор обратился за помощью к Николаю II. Царь, «жалея духовных детей иеромонаха Илиодора», разрешил ему возвратиться в Царицын на испытательный срок. Возвращение Илиодора было триумфальным. Свою победу иеромонах ознаменовал очередным скандалом. Посетив городскую тюрьму, он велел отложить казнь одного из осужденных военно-окружным судом, поскольку тот «производит впечатление не человека, а ангела». Судебные власти были до такой степени выбиты из колеи всем происходившим в городе, что повиновались, хотя речь шла о разбойнике, зарезавшем извозчика в целях грабежа.

Правительство не оставляло попыток утихомирить Илиодора. Товарищ министра внутренних дел П.Г. Курлов вспоминал, что они вместе со Столыпиным неоднократно обсуждали вопрос об иеромонахе. Курлов, встречавшийся с иеромонахом, пришел к выводу, что это человек, «который с целью добиться популярности у народа не остановится ни перед какими средствами и что всякая попытка повлиять на него разумным словом будет бесполезна». Обеспокоенность полиции вызывали агентурные сведения о настроениях общественности. В одной из агентурных записок говорилось, что враги самодержавия связывают с Илиодором вполне определенные надежды: «Раньше к нему относились не столько враждебно, сколько иронически. Теперь после «бунта» в отношении церковных и светских властей, устроенного им в Царицыне, левые круги начали относиться к Илиодору с заметным интересом. В пору «бунта» Илиодора

в Царицыне высказывалась мысль, что Илиодор может послужить оппозиции, так как при всем своем черносотенстве он может выступить против правительства»[807].

В начале 1911 г. Николай II убедился из докладов министра внутренних дел, что Илиодор не выдержал испытательного срока. Синод определил перевести его настоятелем Новосильского монастыря в Тульской епархии. Иеромонах ответил чиновнику, передавшему царскую волю, что он начинает голодовку протеста. На сей раз власти действовали решительнее. Илиодор пытался добраться до резиденции епископа Гермогена, но жандармы отцепили от поезда вагон, в котором он ехал, и под конвоем увезли его к новому месту служения. В написанном по этому поводу «Послании к царицынцам» Илиодор сообщал, что был вынужден покориться грубой силе и «отправиться в землю Тульскую, оскверненную прахом великого богохульника и беспримерного разбойника графа Льва Толстого».

Высшие власти почувствовали себя спокойнее. Столыпин, принимая перед отъездом в Саратов нового губернатора П.П. Стремоухова, напутствовал его словами, что после выдворения Илиодора задачи губернских властей существенно облегчились. Но не прошло и двух недель, как Илиодор в светском платье, в парике и гриме бежал из Новосила. По некоторым сведениям, бегство иеромонаха было подстроено политическими соперниками Столыпина. Премьер-министр переживал трудные дни, связанные со вторым министерским кризисом, и любое столкновение полиции с черносотенцами только усугубляло его положение. Действительно, товарищ министра Курлов — тайный недоброжелатель своего патрона — отдал охранному отделению необъяснимое распоряжение не препятствовать отъезду Илиодора.

«Царицынское сидение» Илиодора продолжалось двадцать мартовских дней 1911 г. и прогремело на всю Россию. Иеромонах вместе с сотнями фанатичных приверженцев заперся на монастырском подворье и объявил, что выдержит длительную осаду за каменными стенами. Он

обращался к монархическим организациям с требованием защитить свободу верноподданного: «У нас отнимают право говорить; за этот грех скоро придет время, когда на митингах опять заговорят ораторы, безусые мальчишки, злобные иудеи и поведут народ на убийства и грабежи». Сам Илиодор спешил высказать все, что накопилось у него на душе. Он возвестил пастве, что царь находится в руках жидомасонов, из которых самый опасный — Столыпин. По мнению иеромонаха, единственным способом борьбы с заговором было еженедельное дранье министров розгами. Столыпина он предлагал пороть на конюшне сугубо — по средам и пятницам, чтобы тот помнил постные дни.

Хотя Столыпин отразил нападки на реформаторский курс и удержался во главе правительства, ему пришлось вновь уступить в борьбе с черносотенным проповедником. Еще в феврале премьер-министр просил царя повременить с отставкой нового обер-прокурора Синода Лукьянова, последовательного противника Илиодора. Столыпин писал: «Если уход обер-прокурора состоится теперь же немедленно, то этот дерзновенный монах будет громко приписывать эту отставку себе. Так ее поймут все». Тем не менее Илиодор получил высочайшее разрешение остаться в Царицыне, а обер-прокурор Синода был вынужден впоследствии покинуть свой пост.

Мягкость и уступчивость властей имели свое объяснение. Илиодор, пусть и в карикатурной форме, защищал великодержавные принципы. Столыпин с горечью говорил губернатору Стремоухову: «Ужасно то, что в исходных своих положениях Илиодор прав, жиды делают революцию, интеллигенция, как Панургово стадо, идет за ними, пресса также, да разве Толстой, подвергнутый им оплеванию, не первый апостол анархизма, но приемы, которыми он действует, и эта безнаказанность все губят и дают полное основание оппозиции говорить, что она права»[808].

После снятия осады с монастырского подворья Илиодор был вызван на аудиенцию в Царское Село. Он вспоминал, что Николай II невнятно процедил несколько слов:

«Ты... вы... ты... не трогай моих министров». Но это ироническое описание Илиодор позволил себе гораздо позже. Непосредственно после аудиенции иеромонах с благоговением поведал пастве о милостивом приеме и внимании августейших особ. Среди народа распространился слух, что Илиодор на самом деле побочный брат царя. Вообще, похождения черносотенного проповедника служили живой иллюстрацией истории XVII в. Яростные обличения иеромонаха напоминали послания протопопа Аввакума, а «царицынское сидение» — восстание Соловецкого монастыря. То обстоятельство, что все это происходило в XX в., доказывало, что на одном географическом пространстве было два временных измерения, и параллельно с Россией эпохи модернизации существовала патриархальная Русь.

Словно в давние времена толпы паломников стекались на подворье в ожидании чуда. Илиодор всерьез приписывал себе дар чудотворца: «Есть неоспоримые факты, что я, живя среди нас, творил чудеса, исцелял больных, предсказывал события за целые года вперед». Иеромонах возглавил своеобразный крестовый поход по Волге. Высадившись в Казани с полуторатысячной свитой своих приверженцев, он шествовал по улицам под возгласы: «Прочь с дороги! Русь идет!» Закрытый кафедральный собор в Самаре дал ему повод произнести следующее пророчество: «Дверь заперта! Архиерей спит! Попы наши спят... Спят на шелковых подушках и мягких перинах в то время, когда враги наши не спят. И они проспят! Храм этот будет разрушен язычниками и если не будет разрушен, то в нем, вместо святыни, будут поставлены идолы, и храм сделается идольским капищем...».

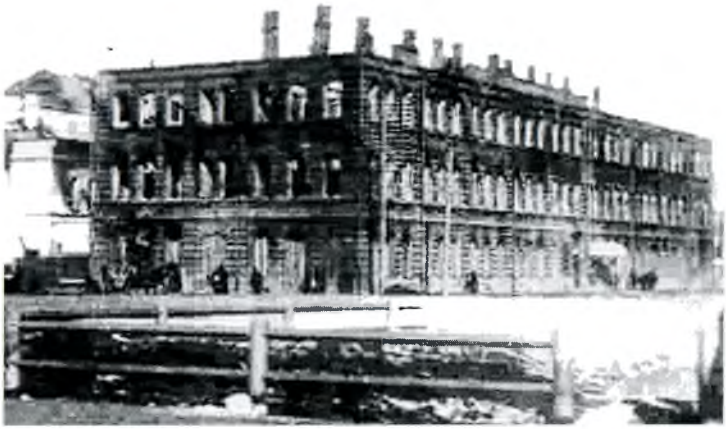
По наущению Илиодора его последователи изобрели новый способ борьбы с инакомыслящими. Людям интеллигентного вида грозил квач (кисть), которым фанатики мазали дегтем лица своих жертв. По возвращении в Царицын это орудие было водружено на площади с надписью: «Сей квач выставлен на прославление истиннорусских православных людей и на посрамление газетных стервятников,

жидов и русских дураков-безбожников». Младший брат Илиодора — Аполлон Труфанов разъяснял паломникам, что их пастырь тайно ездил на «конгресс» в одном из южных городов, где в «секретном зале» под черным покрывалом совещались тринадцать человек в масках — лучшие сыны отечества. Они постановили всех евреев метить смолой, однако Илиодор возразил, что смолы на всех не хватит, а лучше их всех загнать в Черное море. Невозможно даже на минуту вообразить, что Труфанов, являвшийся, к слову сказать, кандидатом богословия, верил в подобный бред. Братья сознательно играли на темноте и невежестве своих слушателей. В результате, как было зафиксировано в жандармских документах, среди расходившихся с проповеди слушателей то и дело слышались возгласы: «Поучить бы их следовало! Я бы первый дал в зубы!» Илиодор объяснял, что не призывает к погромам, но иезуитски добавлял: «...если погромы будут, то в них будет виноват не Илиодор, а сами жиды и русские безбожники»[809].

Илиодор потерпел поражение, когда он вступил в борьбу с Григорием Распутиным. Илиодор подробно описал историю своих взаимоотношений с тобольским «старцем». Однако это описание грешило многочисленными отступлениями от истины. Илиодор признавал, что мало кто из духовных лиц был знаком с Распутиным так долго и был к нему так близок, как он сам. Илиодор сообщал, что многие — от просвещенного архиепископа Антония до его собственных неграмотных прихожан — предупреждали его не доверять Распутину. Он каялся, что на него напало что-то вроде затмения, ибо долгое время он не мог разглядеть истинной сущности сибирского «старца». Действительно, Илиодор был горячим защитником Распутина. Он печатно называл клеветниками обличителей своего друга, принимал его в Царицыне, величал его с церковного амвона отцом и благодетелем, сам гостил на родине «старца» в селе Покровском. Однако нет никаких оснований верить Илиодору, когда он говорил, что его поступки были бескорыстными.

Жертвы еврейского погрома в Одессе в октябре 1905 г.

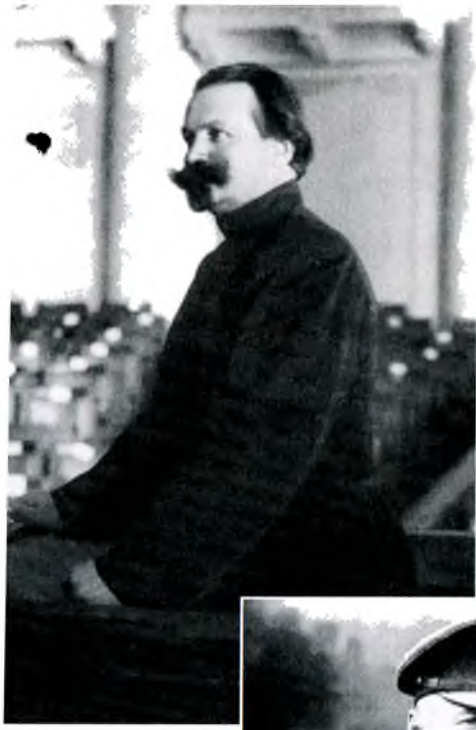
Жертвы еврейского погрома в Екатеринославле в октябре 1905 г.



Здание управления Сибирской железной дороги в г. Томске, сожженное во время погрома в октябре 1905 г.

Грингмут В.А.

Дубровин А.И.



Марков Н.Е.
на трибуне
Государственной
думы

Пуришкевич В.М.
в годы Первой
мировой войны

Соболевский А.И.

Полубояринова Е. А.

Карикатура
из черносотенного журнала

Замысловский Г.Г.

Архиепископ Антоний (портрет кисти М.Нестерова)

Свято-Духовское (Илиодоровское) монастырское подворье в Царицыне

Почаевская лавра

Восторгов И.И.

Епископ Евлогий
в зале заседаний
Государственной думы

Булацель П.Ф.,
Пуришкевич В.М.,
Замысловский Г.Г.

Члены Томского отдела Союза русского народа

Хвостов А.Н.

Щегловитов И.Г.

Шульгин В.В.

Распутин Г.Е., епископ Гермоген и иеромонах Илиодор

Крестный ход, организованный Союзом русского народа в Петербурге в 1907 г.

Фракция крайне правых IV Государственной думы

Участники Костромского губернского съезда монархических организаций

ИЗБИРАТЕЛИ!

По ПЕРВОМУ разряду:

По ВТОРОМУ разряду:

Избирательный Комитет Русского Собрания и Союза Русскаго Народа.

Воззвание Союза русского народа и Русского собрания во время выборов в III Государственную думу

Тиханович-Савицкий Н. Н.

Вязигин А.С.

Дурново П.Н.

Левашов С.В.

Машкевич Д.Ф.

Маклаков Н.А.

Открытие отдела Союза русского народа в Белоруссии

Торжественный вынос знамени отдела Союза русского народа
в Бельцах Бессарабской губернии

Борк Е.А.

Борк Н.А.

Громыко А.Г.

Кельцев С.А.

Постный Ф.Я. с семьей

Караулова А.И.

Депутат Государственной думы М.Я. Герценштейн, убитый черносотенцами

Иоллос Г.Б.,
убитый черносотенцами

Бывший Председатель Совета
министров С.Ю. Витте,
на жизнь которого покушались
черносотенцы

Школа Ростовского-на-Дону отдела Союза русских людей

Распутин, генерал
М.С. Путятин
и полковник
Д.Н. Ломан

Илиодор с полицейским
офицером Долгушиным

Щечков Г.А.

Иеромонах всегда поддерживал отношения с блаженными и юродивыми, к которым прислушивались в аристократических домах и при царском дворе. Он способствовал карьере некоего Д. Попова — «Мити Козельского», косноязычного прорицателя, которого в конечном итоге вытеснил Распутин. Тобольский «старец» был нужен Илиодору как заступник перед царской семьей. Несколько раз Распутин оказывал иеромонаху существенные услуги, и именно благодаря его посредничеству Илиодора принимала царская чета. Нельзя даже считать, что Илиодор закрывал глаза на неблаговидное поведение своего друга. Факты свидетельствуют, что он тщательно фиксировал грехи «старца» и запасался компрометирующим материалом. Так, в руках Илиодора оказались подлинные письма императрицы Александры Федоровны Распутину. Иеромонах уверял, что Распутин якобы подарил ему эти документы, когда он гостил у него в селе Покровском. Распутин же утверждал, что бес попутал его из бахвальства показать письма Илиодору, после чего они пропали из взломанного сундука. Надо сказать, что это объяснение звучит гораздо убедительнее.

Хотя за Илиодором утвердилась слава импульсивного и непредсказуемого человека, его выступление против Распутина являлось тщательно спланированной акцией. Духовные лица, которые своими руками ввели «старца» в царские палаты, глубоко сожалели о своей ошибке. Архиепископ Антоний Волынский, епископ Гермоген, архимандрит Виталий — все эти сподвижники иеромонаха настраивали его на борьбу с фаворитом императрицы. Об этом же толковал Дубровин и другие вожди черносотенных союзов.

16 декабря 1912 г. Илиодор заманил Распутина на Ярославское подворье в Петербурге. Иеромонах торжественно обличил «старца» в тяжких грехах, ему вторил Митя Козельский. Затем епископ Гермоген привел Распутина в храм и потребовал у него: «Говори: клянусь здесь пред святыми мощами без благословения епископа Гермогена и иеромонаха Илиодора не переступать порога царских дворцов». Дальнейшую сцену описывали по-разному. Например, М.В.

Родзянко, ссылаясь на достоверных свидетелей, утверждал, что «старец» обезумел и набросился с кулаками на епископа: «С трудом удалось оттащить безумного от владыки, и Распутин, обладавший большой физической силой, вырвался и бросился наутек. Его, однако, нагнали Илиодор, келейник и странник Митя и порядочно помяли».

Так или иначе, но Распутин жестоко отомстил своим обличителям. Николай II был в страшном гневе и отказывался выслушать объяснения епископа. Илиодор в характерном для него стиле обратился к старому покровителю Горемыкину: «Вы уже получили все чины. Если повесить на вас ваши ордена и медали, то не хватит места на груди, придется вешать их на брюках или на спине. Вам нечего искать и нечего терять. Поезжайте, ради Бога, к царю и попросите его принять владыку Гермогена». Однако на сей раз не помогали ничьи заступничества. Епископ под предлогом догматических расхождений с членами Святейшего Синода был сослан в Жировицкий монастырь. Иеромонах Илиодор некоторое время скрывался в доме тибетского целителя П.А. Бадмаева, но в январе 1912 г. вынужден был сдаться жандармам.

Он был заточен во Флорищеву пустынь во Владимирской епархии. Департамент полиции принял строгие меры для надзора за Илиодором. Круглосуточное дежурство несли в общей сложности двенадцать филеров, которые, согласно инструкции, не должны были отходить от него дальше, чем на десять шагов. Беспокойство полиции имело под собой серьезное основание. Осведомители доносили, что происшествие на Ярославском подворье вызвало целую бурю. Так, агентурная записка московского охранного отделения констатировала: «За похождениями иеромонаха Илиодора в обществе следят с громадным интересом; ожидают беспорядков в Царицыне среди его сторонников, а также демонстративных выступлений в его защиту со стороны правых. Кару, постигшую епископа Гермогена и иеромонаха Илиодора, вызвавшую большое раздражение в среде правых, в радикальных кругах именно и оценивают как благоприят-

ный фактор ослабления престижа правительства даже в среде его сторонников».

Илиодор пытался любыми способами вырваться из заточения. Вначале он обратился с униженной мольбой к Николаю II, обещая весь свой век славить царицу и наследника, если его отпустят к «царицынскому муравейнику православия». Убедившись в непреклонности царя, иеромонах резко изменил тактику. Он тайно переправил из пустыни письма, похищенные у Распутина. Императрица Александра Федоровна в порыве религиозной экзальтации допустила в письмах выражения, которые могли быть предвзято истолкованы. Именно на это рассчитывал Илиодор. Эти документы в сотнях и тысячах копий наводнили страну, серьезно дискредитировав царскую семью. Для монархиста такой поступок был возмутительным, но Илиодор, начав с обличения светской и церковной администрации, довел дело до логического конца, объявив, что «теперь я государя и государыню не признаю».

В апреле 1912 г. на тайном совещании со своими приверженцами из Царицына, которые сумели проникнуть в его келью, он разработал план побега. Добравшись до Царицына, он собирался проникнуть на подворье через подземный ход и внезапно появиться в храме. По его приказу прихожане должны были связать нового настоятеля и укрыться в катакомбах. Затем, излагал свою диспозицию Илиодор, «я посылаю монашенку Ксению на стену монастыря с красным флагом; тогда народ, стоящий на площади, поймет, в чем дело, и приблизится к стене. Тогда я сам выхожу на стену монастыря и громогласно говорю народу тайну царского дома и отворяем ворота, как бы сдаваясь из монастыря. Народ бросается к нам, мы соединяемся с народом, оттесняя полицию. В это время назначенные мною люди остаются и поджигают монастырь... В это время я иду с народом; таким образом поднимается всенародный бунт» [810]. Примечательно, что иеромонах рассчитывал на поддержку первомайских демонстраций.

Однако один из бывших приверженцев Илиодора выдал весь план полиции. Отчаявшись вырваться на свободу, иеромонах решился на неожиданный шаг. Он просил снять с него священнический сан. По церковным правилам был назначен срок для увещевания. Крайне правые были ошеломлены неожиданным поворотом событий. Один из столпов черносотенства добровольно покидал ряды православного духовенства. Епископ Гермоген призывал единомышленников не отказываться от заблудшего сочлена: «Внезапная кара толкнула этого драгоценного по духовно-нравственным качествам инока в темную пропасть крайнего раздражения и ожесточения». Правые депутаты возобновили давление на высшие власти и церковных иерархов. И тут Илиодор смешал их карты.

В ноябре 1912 г. иеромонах направил Святейшему Синоду послание со словами: «Я же ныне отрекаюсь от вашего Бога. Отрекаюсь от вашей веры. Отрекаюсь от вашей церкви. Отрекаюсь от вас как архиереев». Он обличал пастырей церкви в том, что они, «забывши Бога и Христа его, за звезды, за ордена, за золотые шапки, за бриллиантовые кресты, за панагии, за славу и честь человеческие, — продали Славу Божию, забыли дружбу Христову»[811]. Он возвестил о полном отказе от прежних взглядов. Столько лет громивший интеллигенцию, Илиодор теперь просил у нее прощения. Он порицал свои антисемитские выходки: «Народ израильский! Светоч мира! Ты особенно прости меня. Прах убитых во время погромов младенцев мучит мою совесть. Прости меня, самый даровитый, самый блистательный народ из всех народов»[812].

По православным канонам Илиодор уже давно был церковным мятежником, ибо нарушал главнейшую монашескую заповедь повиновения духовному начальству. Что же касается его преображения из антисемита и шовиниста в интернационалиста, то к этому вряд ли можно было относиться серьезно. Илиодор просто доказал, что национализм являлся для него удобным политическим приемом. Он мгно-

венно развернулся в противоположную сторону, как только счел это более выгодным. Впрочем, не исключено, что, совершив этот маневр, Илиодор был вполне искренним. Недаром он говорил, что его казацкая природа не знает полутонов: если он верит, то верит истово — если теряет веру, то топчет ногами прежние святыни.

В декабре 1912 г. Синод принял определение по делу иеромонаха. Илиодор, говорилось в этом определении, «выражает решительное сомнение в промыслительном отношении Божьем к созданному им миру, спасительном Воскресении Господа Нашего Иисуса Христа, а также в значении и действительной силе Христовой молитвы», а также «суетно разглашал в печати» свои разногласия с духовным начальством. Ввиду этого Синод определил лишить Илиодора священнического сана и монашеского чина. Было решено ограничиться только этим, хотя некоторые члены Синода поднимали вопрос об отлучении еретика от церкви и даже предании его анафеме. Через несколько дней Илиодор был расстрижен и, по юридической терминологии того времени, «возвращен в первобытное гражданское состояние».

Бывший иеромонах Илиодор, а отныне Сергей Труфанов был выслан под надзор полиции в хутор Большой Мариинской станицы Области Войска Донского. Отрекшись от православия, он провозгласил себя основателем новой религии «вечной истины». «Колдуном я раньше был, — откровенно говорил он репортерам, — народ морочил». Теперь же Труфанов ратовал за возвращение к языческим верованиям и обожествлению сил природы. Он отрицал христианские таинства и обряды, церковную иерархию. Он пренебрег церковным браком, взяв в жены молодую казачку. На степном кургане близ родного хутора Труфанов выстроил скит под названием «Новая Галилея», под которым по старой привычке вырыл подземный ход.

На Дону издавна было много сектантов, для которых человек, бросивший вызов господствующей церкви, являл-

ся духовным братом. Не успел Труфанов поселиться в этих местах, как к нему потянулись духоборы, спрашивая совета и поучения. Таким образом, бывший иеромонах вновь становился центром религиозной смуты. У него по-прежнему оставались почитатели в Царицыне. Церковные власти распорядились читать в храмах послание к царицынской пастве по поводу лжеучения бывшего иеромонаха. Но, по донесению жандармского управления, послание возымело обратный эффект. Во время чтения из толпы прихожан доносились возбужденные выкрики: «неправда», «это не так». Труфанов ободрял своих приверженцев обещанием рано или поздно вернуться к ним.

В то же время он не прекращал антицерковную и антиправительственную деятельность. Об этом стало известно благодаря доносу двух самых близких его почитателей, разочаровавшихся в нем как в вероучителе. Судебные власти предъявили бывшему иеромонаху обвинения в богохульстве, кощунстве, оскорблении императора и особ царствующего дома, а также в «образовании преступного сообщества, поставившего себе целью учинения ряда террористических актов». Дело в том, что в конце июня 1914 г. некая Феония Гусева всадила сапожный нож в живот Распутину около его собственного дома в селе Покровском. Труфанов признал, что покушавшаяся являлась одной из его «духовных дочерей» и посещала «Новую Галилею». Он заявил, что благословляет «эту героическую деву», хотя и отрицал непосредственное соучастие в покушении: «Гусева, как истинный герой, без всякого науськивания с моей или с чьей бы то ни было стороны решила сделать то, о чем мечтала». Однако главным организатором покушения, безусловно, был Труфанов.

Не дожидаясь ареста, Труфанов скрылся из «Новой Галилеи». Местные духоборы переодели его в женское платье, нарумянили, надели парик и дали провожатых. В Ростове-на-Дону журналисты прогрессивной прессы отправили его на север к «славным русским литераторам», среди ко-

торых был Максим Горький. Так, при помощи «газетных стервятников», как он выражался совсем недавно, Труфанов бежал в Норвегию. Перейдя ручей на границе, он патетически воскликнул, хотя ни одна душа уже не могла слышать его: «Прощай, проклятая родина! Прощай, бедная страдалица Россия! Измучили меня на твоей груди насильники, мракобесы, предали и бестолковые духовные дети и почитатели».

Поселившись в Христиании («городок вроде Саратова», писал он жене), Труфанов писал книгу-обличение о Распутине под названием «Святой черт». В этом далеком крае, несмотря на начавшуюся мировую войну, он ни на минуту не терял связи со своими приверженцами. О том, насколько он овладел умами темного люда, говорит следующий курьезный факт. В Царицын неведомо откуда прибрел Лжеилиодор, впоследствии арестованный полицией и оказавшийся мещанином Степановым. Часть паствы признала его за нового вероучителя, в коего вселился дух Труфанова, и беспрекословно исполняла его повеления.

Настоящий Труфанов пытался продолжить свою борьбу из-за границы. Достойно удивления, что после своего отречения он некоторое время продолжал носить на груди значок Союза русского народа. Официально черносотенные организации отвернулись от богохульника и крамольника, хотя в частном порядке кто-то из лидеров крайне правых сожалел о пламенном агитаторе.

Конечно, Илиодор был гротескной фигурой. Но это не дает оснований отмахнуться от этой личности, как от некоего политического курьеза. Без него невозможно составить полную картину общественной жизни страны. Илиодор со всеми изломами его биографии был олицетворением черносотенного движения, вернее, его крайнего направления. Это прекрасно понимали современники. Консерваторы упрекали крайне правых в том, что в своих бешеных нападках на правительство они ничем не отличаются от революционеров. Либералы предупреждали, что рискованное за-

игрывание с массами приведет к печальным последствиям. Радикалы отмечали, что в черносотенстве есть оригинальная черта — мужицкий демократизм, прикрытый националистическими и монархическими лозунгами. История черносотенного иеромонаха наглядно продемонстрировала все эти качества.

2

Ритуальное дело

Одной из страниц истории антисемитизма в России была попытка представить иудаизм как изуверский культ, обвинив евреев в тайном совершении ритуальных жертвоприношений. С древних времен «кровавый навет» был проклятьем еврейского народа. Средневековая Европа знала множество ритуальных процессов. Инквизиционный суд почти всегда вырывал у обвиняемых признание. Точно так же под пытками вырывались признания в колдовстве, сношений с нечистой силой и т.п. Ритуальные дела не обошли стороной и Россию. XIX в. запомнился Велижским, Саратовским, Кутаисским и другими делами. Каждое из них тянулось годами, иной раз десятилетиями, втягивая в свою орбиту сотни свидетелей, подозреваемых, обвиняемых и посторонних людей. Ни в одном из ритуальных процессов, кроме Саратовского, евреи не были признаны виновными. Но и Саратовское дело, начатое в середине XIX в. еще дореформенным судом, породило справедливые сомнения в беспристрастности следователей и судей.

В начале XX века «кровавый навет» казался анахронизмом, и тем не менее черной сотне удалось возбудить ритуальное обвинение, словно пришедшее из глубокого Средневековья. Речь идет о так называемом деле Бейлиса, прогремевшем на всю Россию и весь мир. Делу Бейлиса посвящена огромная литература самого противоположного направления[813]. Киевский процесс послужил основой для нескольких художественных произведений[814]. Автору тоже доводилось писать об этом запутанном клубке уголовных

преступлений и политических интересов и личных амбиций[815], надеюсь, что в будущем мне удастся опубликовать отдельную работу по данной теме. Здесь же будет изложена в основном политическая подоплека событий.

Дело, которое еще никто не связывал с именем М. Бейлиса, началось в 1911 г., в канун праздника Пасхи. В одной из пещер на киевской окраине Лукьяновке было обнаружено тело 12-летнего ученика Софийского духовного училища Андрея Ющинского. Судебно-медицинская экспертиза установила, что Ющинскому было нанесено 46 или 47 ран, в результате чего он был полностью обескровлен. Загадочное убийство словно иллюстрировало древнюю легенду о том, что евреи похищают христианских детей и используют их кровь для пасхальной мацы. Именно так восприняли это преступление киевские черносотенцы. Во время похорон Андрея Ющинского на Лукьяновском кладбище разбрасывались листовки: «Русские люди! Если вам дороги ваши дети, бейте жидов! Бейте до тех пор, пока хоть один жид будет в России! Пожалейте ваших детей! Отомстите за невинных страдальцев! Пора! Пора!»[816]. Человек, разбрасывавший воззвания, был задержан. Им оказался Н.А. Павлович, о котором киевская охранка сообщала: «Известен отделению как состоявший в минувшем году членом алексеевского отдела Союза русского народа, постоянно вращающийся среди членов киевских патриотических союзов»[817].

В исторической литературе бытует ошибочное мнение, будто киевские судебные власти с самого начала отдали предпочтение ритуальной версии убийства. На самом деле должностные лица, которым было поручено расследование — начальник киевского сыскного отделения Е.Ф. Мищук, полицейский пристав Н.А. Красовский, следователь по особо важным делам В.И. Фененко, жандармский подполковник П.А. Иванов и прокурор киевского окружного суда Н.В. Брандорф — все они считали убийство обычным уголовным преступлением. Несколько иную позицию занимал прокурор киевской судебной палаты Г.Г. Чаплинский, потомок старинного польского рода, недавно перешедший в

православие из католичества. Но и он, допуская, что ритуал мог существовать в эпоху Средневековья, говорил: «У меня, однако, не укладывалось в голове, чтобы в XX веке в таком городе, как Киев, могло бы возникнуть такое дело»[818]. Поэтому следствие велось в направлении, совершенно противоположном ритуальному.

Сначала подозрение пало на родных Андрея Ющинского: мать, дядю и отчима. Они были бедными ремесленниками, занимавшимися переплетным мастерством. Характерно, что сведения о подозрительном поведении родственников убитого были подброшены полиции сотрудниками либеральной (с точки зрения черносотенцев, «еврейской») газеты «Киевская мысль». Были арестованы мать и отчим Ющинского. Сыскная полиция предполагала, что они расправились с мальчиком из-за наследства, которое оставил ему настоящий отец. Убийство было подделано под ритуал с целью отвести от себя подозрения. При этом отчим мальчика Лука Приходько руководствовался специальной медицинской литературой и статьями из черносотенных газет. Кадетская «Речь» сообщила о результатах обыска в переплетной мастерской, где работал отчим. «Найдены сделанные его рукой подробные выписки из энциклопедического словаря из главы «височная кость». Обстоятельство это приобретает большое значение ввиду того, что смертельные раны Ющинскому нанесены именно в область височной кости. Найдены также выписки, сделанные Приходько из «Русского знамени» и «Земщины», относительно ритуальных убийств»[819]. От родного дяди Ющинского полиция добилась признания в том, что он знал о преступлении. Пристав Красовский провел опознание отчима случайным свидетелем, видевшим незнакомого человека недалеко от того места, где было найдено тело мальчика. Свидетель подтвердил, что все приметы совпадают.

Цепь улик замкнулась. Либеральное «Утро России» сообщало своим читателям: «Все данные к тому, что убийцы обнаружены, налицо. Арестовано пять лиц, между ними отчим и двое дядей убитого, и брат отчима. Двое из них при-

надлежат к числу активнейших членов Союза русского народа». Газета подчеркивала: «Арест киевских убийц недостаточен. Следственной власти необходимо проследить все нити вопиющего киевского дела, обнаружить духовных отцов и руководителей этой изуверской шайки, позорящей русский народ»[820].

Однако в июне 1911 г. версия о причастности к убийству родственников лопнула словно мыльный пузырь. Прежде всего оказалось, что журналисты выдумали мотив убийства. Никаких денег в банке на имя мальчика, о чем с уверенностью писала либеральная пресса, не было. Ни один из родственников Ющинского никогда не состоял в Союзе русского народа или в иной черносотенной организации. Уличающую записку о височной кости пристав Красовский выудил из кучи закладок, валявшихся на полу мастерской. Отчим мальчика попытался объяснить, что закладки выпали из сданного в переплет медицинского справочника, но пристав приказал ему закрыть рот. Вскоре нашелся провизор, владелец справочника, подтвердивший, что выписки сделаны его рукой. Самое поразительное, что выписки были на... латыни. История с опознанием переплетчика оказалась еще более возмутительной. Внешность отчима и приметы неизвестного человека, которого видели в день убийства недалеко от пещеры, не совпадали. Поэтому пристав Красовский приказал сбрить отчиму бороду и перекрасить его усы и волосы. Подозреваемого переодели в такое же пальто, в котором видели неизвестного у пещеры. Удивительно, однако, что свидетель, признав большое сходство переодетого и загримированного отчима с незнакомцем, не стал утверждать, что это одно лицо. После всей этой инсценировки переплетчик с рыданиями сказал, что ему, видать, не избежать виселицы, но пусть хотя бы отпустят его больного отца. Эти слова были истолкованы как признание вины. Все остальные признательные показания были выбиты такими же способами. Позже, уже на судебном процессе, дядю убитого мальчика спросили, почему он не жаловался на полицейский произвол. Тот даже опешил: «Кому

жаловаться? Городовому в участке скажешь, он в ухо даст»[821].

Черносотенцы с нескрываемым раздражением и подозрением следили за действиями судебных властей. По Киеву распространялись прокламации за подписью «коморры народной расправы»: «Подними, русский народ, свой кулак и жди, ибо час возмездия скоро придет, а пока с болью в сердце жди, что будут делать наши власти»[822]. В Петербурге черносотенцы использовали трибуну III Государственной думы. 29 апреля 1911 г. фракция крайне правых внесла запрос о расследовании убийства Ющинского. «Киевская администрация, — говорилось в запросе, — в явное превышение своей власти, противодействует местной печати правого лагеря в стараниях осветить дело с возможной полнотой»[823]. Стенограмма выступления Н.Е. Маркова в связи с запросом передает накаленную атмосферу в зале заседания Государственной думы: «Надо преследовать всю эту зловредную секту, секту иудейскую, которая посылает своих резников, которая делает сборы на вытачивание крови из детей, которая подготавливает этих своих резников, которая собирает детскую кровь в чашки и рассылает эту кровь по иудеям — лакомиться пасхальным агнцем, лакомиться пасхой, изготовленной на крови христианских младенцев! (*Покровский 1-й, с места:* есть ли на нем крест? *Нисселович, с места*: на нем креста нет)»[824].

Марков обвинял киевские судебные власти: «Нам только что объявили от имени правительства, что беспокоиться уже нечего; уже судебный следователь Фененко приступил к делу, что над ним парит г. прокурор судебной палаты и что мы можем теперь заснуть. Но мы-то знаем, что этот самый парящий над следствием прокурор палаты уже требовал от киевских властей, чтобы не были допущены панихиды по злодейски умерщвленному христианскому юноше... от такого парящего судебного орла мы вряд ли много дождемся»[825]. Крайне правые депутаты грозили погромами: когда русский народ убедится, «что уже нет возможности обличить на суде иудея, режущего русского ребенка и вытачивающего из

него кровь, что не помогают ни судьи, ни полиция, ни губернаторы, ни министры, ни высшие законодательные учреждения — в тот день, господа, будут еврейские погромы»[826].

Когда вскрылась вопиющая фальсификация дела, гнев черносотенцев был неописуем. Черносотенная пресса обыграла все промахи сыщиков. Глубокое эмоциональное воздействие оказывало описание материнских страданий. Черносотенцы подчеркивали, что арест матери лишил ее возможности присутствовать на похоронах сына. Правые газеты с пафосом вопрошали: кому вообще могла прийти в голову мысль, что у русской матери повернется рука нанести родному сыну полсотни ударов? Из каких соображений либеральная пресса поспешила объявить бедных ремесленников членами черносотенных организаций, убившими мальчика из корыстных интересов? Красочно описывались нелепости, допущенные следствием, например, предположение, что малограмотный переплетчик мог выписать на латыни сведения о височной кости.

Черносотенцы утверждали, что евреи, используя подкупленную полицию, систематически сбивают со следа, ведущего к настоящим убийцам. Они указывали на национальную принадлежность журналистов, подбросивших ложную версию. «Кровавый навет», безусловно, взбудоражил киевских евреев. Начальник московской сыскной полиции А. Ф. Кошко, которому было поручено проверить действия киевских коллег, признал ритуальную версию безосновательной. В то же время он констатировал, что евреи активно вмешивались в следствие, хотя это принесло им больше вреда, чем пользы: «Быть может, вследствие паники, ими овладевшей и заставившей их высказать в этом деле усердие не в меру, они не только не рассеяли дела, но затемнили его множеством подробностей, десятками ненужных свидетелей, попытками подкупов и т.п. Эти напуганные насмерть люди судорожно хватались за все, что могло доказать их невиновность и отвести от них надвигающуюся бурю, причем ради своего спасения они не брезговали никакими средствами»[827].

Сторонником ритуальной версии был министр юстиции И.Г. Щегловитов. Присяжный поверенный А.С. Тагер, современник расследования, уже в советское время опубликовал монографию, в которой писал, будто бы министр юстиции и прокурор киевской судебной палаты, заведомо зная имена настоящих убийц из уголовного мира, укрыли их от правосудия, приказав фальсифицировать судебно-медицинскую экспертизу и подделать важные документы. Мне кажется, автор непроизвольно спроецировал нравы юстиции 30-х годов, когда была опубликована его книга, на дореволюционный период и спутал Генерального прокурора СССР А.Я. Вышинского, под чьим началом работал в советское время, с генерал-прокурором Российской империи И.Г. Щегловитовым. В молодости Щегловитов был либеральным юристом, горячим поборником судебной реформы 60-х годов. Позже его взгляды эволюционировали в сторону крайнего консерватизма. На этом основании либеральная общественность считала его ренегатом, приклеив обидную кличку «Ванька Каин». Однако по своим нравственным качествам Щегловитов был на голову выше многих из своих критиков. Трудно сказать, верил ли он «кровавому навету» или просто уступил давлению крайне правых, но он действительно многое сделал для постановки ритуального процесса, хотя, конечно, никогда не приказывал фальсифицировать доказательства.

Ритуальной версией были увлечены несколько высокопоставленных чинов судебного ведомства, в том числе вице-директор первого уголовного департамента А.В. Лядов, личный друг черносотенного адвоката П.Ф. Булацеля. Будучи командированным в Киев, Лядов, по его словам, пришел к выводу, «что Ющинский был убит евреями». Вице-директор нашел единомышленника в лице прокурора киевской судебной палаты Г.Г. Чаплинского, который, как уже отмечалось, поначалу не допускал мысли о ритуальной подоплеке преступления. Позже Чаплинский кардинально пересмотрел свое мнение, отчасти из-за желания угодить петербургскому начальству, отчасти из-за многочисленных

подлогов, которые странным образом были допущены полицией при расследовании дела. Постепенно Чаплинским овладела уверенность, что некая сила мешает следствию, и он начал внимательно прислушиваться к черносотенцам, твердившим о заговоре евреев-ритуалистов.

Между тем киевские черносотенцы, не доверяя официальному следствию, начали собственное расследование. Главную роль в этом деле сыграл студент киевского университета и секретарь патриотического общества молодежи «Двуглавый орел» Владимир Голубев. Сын профессора Киево-Могилянской духовной академии, он был воспитан в православном и монархическом духе, да к тому же по своему горячему характеру все доводил до крайности. Узнав, например, что среди акционеров железной дороги много евреев, он отказался покупать билет и предпочел прошагать по шпалам несколько десятков верст. Молодого студента можно было назвать идеалистом-черносотенцем. За его спиной стояли люди, которые решили погреть руки на громком деле. Технической стороной расследования занимался профессионал — бывший полицейский осведомитель, содержатель дома свиданий и ростовщик Розмитальский, называвший себя «православным чехом» и имевший, по отзывам современников, классическую внешность библейского еврея.

Голубев и его «орлята» — студенты и гимназисты из общества «Двуглавый орел» облазили всю Загоровщину в поисках улик. Вскоре Голубев сообщил киевским судебным властям, что «некий жид Мендель... после обнаружения трупа Ющинского держал себя несколько странно: например, раздавал ребятам конфеты и просил ничего полиции не говорить»[828]. Так впервые был упомянут человек, чья фамилия вскоре дала название всему делу.

Менахему Менделю Тевьеву Бейлису было 39 лет. Он служил приказчиком на кирпичном заводе, принадлежавшем богатому еврейскому семейству Зайцевых, и получал пятьдесят рублей ежемесячно. На Лукьяновке, где едва ли не половина жителей были безработными, это считалось за-

видным заработком, но, судя по фотографиям полуразвалившейся хаты, в которой обитал Бейлис вместе со своей семьей, его материальное положение колебалось между бедностью и нищетой. Бейлис был в долгу как в шелку, поскольку платил за обучение сына в русской прогимназии. По закону ему, как еврею, дозволялось проживать в Киеве (да и то не во всех районах) только в том случае, если он был служащим купца первой гильдии или имел детей-гимназистов. Приказчику приходилось крутиться на кирпичном заводе с утра до поздней ночи, чтобы не лишиться места.

На первых порах прокурор киевской судебной палаты Чаплинский отнесся к расследованию студента Голубева с большим скептицизмом. Но когда официальное следствие окончательно зашло в тупик, он ухватился за предоставленные черносотенцами сведения. Следует иметь в виду, что давление крайне правых к этому моменту достигло апогея. Черносотенцы заявляли, что русским родителям нечего более надеяться на защиту властей. «Русское знамя» печатало обращение в таком стиле: «Милые, болезные вы наши деточки, бойтесь и страшитесь вашего исконного врага, мучителя и детоубийцы, проклятого от бога и людей — жида! Как только где завидите его демонскую рожу или услышите издаваемый им жидовский запах, так и мечитесь сейчас же в сторону от него, как бы от чумной заразы»[829]. Черносотенная «Гроза» советовала предать суду прокурорский надзор и следователей: «...разве не странно — упорно плевать на указание правой и националистической печати и всего народа о ритуальном характере убийства и не арестовать ни одного жида»[830].

22 июля 1911 г., когда вышел в свет номер «Грозы» с требованием арестовать «жида», власти решили задержать Менделя Бейлиса. Поскольку для предъявления официального обвинения не имелось никаких оснований, Бейлис был задержан «в порядке государственной охраны» в связи с ожидавшимся прибытием в Киев Николая II и высших сановников. Киевское охранное отделение во главе с подпол-

ковником Н.Н. Кулябко производило, как это называлось на профессиональном жандармском жаргоне, «зачистку» города от всех подозрительных элементов. Под этим предлогом по просьбе прокурора Чаплинского охранное отделение взяло под стражу Бейлиса. Приказчик вспоминал, как ночной стук заставил его открыть дверь: «Я увидел восемь человек жандармов и полиции в мундирах, вооруженных саблями и револьверами. Я не успел сказать слова, как они схватили меня и спросили: «Вы Мендель Бейлис?» Я ответил, что это я. «Вы арестованы»[831].

Бейлиса арестовали только потому, что он был единственным евреем, проживавшим неподалеку от места преступления. Доказательств его причастности к преступлению не было. Судебные власти располагали лишь одной зацепкой — рассказом мальчика Жени Чеберяка, приятеля покойного Андрея, о том, как на кирпичном заводе их спугнул какой-то мужчина с черной бородой, предположительно Бейлис. Улика была очень слабой, поскольку сведения об этом были получены из вторых рук — от фонарщика Казимира Шаховского, ссылавшегося на рассказ Жени. Однако очные ставки сразу же заставили взять эти показания под серьезное сомнение. Шаховской уточнил: «Относительно мужчины с черной бородой Женя мне ничего не говорил, и это я прибавил от себя. Сказал я тогда о мужчине с черной бородой потому, что предполагал, что никто другой, кроме Менделя, который жил тогда на заводе, не мог напугать Женю и Андрюшу»[832]. Соседи Шаховского показали, что у него были личные счеты с приказчиком и он делился планами мщения: «Нужно будет и Менделя пришить к делу. Он, зараза, говорил сыщикам, что я у него на заводе воровал дрова».

Между тем сам Женя Чеберяк категорически отрицал факт погони. Каких-либо дополнительных улик против Бейлиса добыть не удалось. На заводе произвели обыск и нашли заточенные швайки, применявшиеся для починки конской упряжи. Но, по заключению экспертов, эти орудия не соответствовали по форме ранам, нанесенным Анд-

рею Ющинскому. Были взяты пробы почвы у печей. Однако состав глины оказался иным, чем на одежде убитого. Сторонники ритуальной версии возлагали надежды на несколько волосков, найденных на куртке убитого. Газета «Гроза» в свойственном ей стиле писала: «На теле мальчика найден волос из бороды. По этому волосу, похожему на свойственную жидам шерсть, вместо волос, определено, что убийца был жид»[833]. Экспертиза сличила эти волосы с волосами Бейлиса и заключила, что они резко отличаются по цвету, толщине и структуре.

Судебные власти не оставляли надежды добиться новых сведений от Жени Чеберяка, приятеля покойного Андрея. Но в начале августа 1911 г. Женя и его сестра заболели и умерли. Священник Ф. Синьковский, председатель патриотического общества «Двуглавый орел», исповедовавший умирающего, рассказывал, что по окончании исповеди мальчик дважды позвал его: «Мне кажется, что он хотел что-то сказать, но почему-то не решался»[834]. Неожиданная смерть детей произвела гнетущее впечатление. Судебно-медицинская экспертиза дала заключение, что они скончались от дизентерии, но все были уверены, что главного свидетеля отравили. Расходились только во мнении, кто и с какой целью совершил преступление. Либеральная газета «Современное слово» писала: «Известно, что за дело взялся Союз русского народа. Стоит ли удивляться, что в результате получилось новое преступление? Союзу русского народа во что бы то ни стало надо доказать, что совершено ритуальное убийство. Отравленный Чеберяков, как товарищ Ющинского, был, по-видимому, весьма важным свидетелем. Правда, он до сих пор молчал. Но разве была уверенность, что это молчание будет продолжаться и впредь?» В свою очередь, «Земщина» пустилась в исторический экскурс: «При разборе дела Дрейфуса — этого подлого изменника, поочередно, один за другим, скоропостижно скончались одиннадцать человек свидетелей»[835]. Черносотенная газета призывала не верить экспертизе: «Многие яды, даже очень сильные и скоро действующие (например, кураре), не оставляют в орга-

низме признаков, доступных химическому анализу: уже через несколько часов, сделав свое разрушительное дело, они бесследно рассасываются»[836].

Главный свидетель умер. В руках судебных органов остался один Мендель Бейлис. Следователь В.И. Фененко и прокурор окружного суда Н.В. Брандорф пытались убедить прокурора судебной палаты Г.Г. Чаплинского в слабой обоснованности обвинения, но тот не поддавался на уговоры. Из Бейлиса пытались выбить признание. К нему подсаживали осведомителей, то ослабляли, то ужесточали режим заключения. Надзиратель, выполнявший в тюрьме обязанности палача, развлекался тем, что по ночам будил Менделя Бейлиса и сообщал, что на рассвете его повезут в карете на Лысую гору и повесят. Палач деловито пояснял, что получит за казнь двадцать пять рублей и вдобавок с удовольствием посмотрит, как еврей будет дрыгать ногами на виселице.

Начатую черносотенцами антисемитскую кампанию подхлестнули события, разыгравшиеся во время торжеств в связи с открытием памятника Александру II. В Киев прибыл Николай II вместе со свитой и почти всеми министрами. Среди почетных гостей выделялся председатель Совета министров П.А. Столыпин. Вечером 1 сентября 1911 г. в киевском городском театре в Столыпина стреляли. Он получил две раны. Его брат писал: «П.А. как будто не сразу понял, что случилось. Он наклонил голову и посмотрел на свой белый сюртук, который с правой стороны, под грудной клеткой, уже заливался кровью. Медленными и уверенными движениями он положил на барьер фуражку и перчатки, расстегнул сюртук и, увидя жилет, густо пропитанный кровью, махнул рукой, как будто желая сказать: «Все кончено!»; затем он грузно опустился в кресло и ясно и отчетливо, голосом, слышным всем, кто находился недалеко от него, произнес: «Счастлив умереть за царя!»[837]. 5 сентября 1911 г. П.А. Столыпин скончался. Закончилась целая эпоха, связанная с именем этого государственного деятеля.

Правые круги по-разному отнеслись к гибели премьера. Обновленцы громко оплакивали покровителя. Дубровинцы говорили, что лишь мученическая кончина частично искупила грехи Столыпина перед истинно русскими. Черносотенный иеромонах Илиодор отпраздновал смерть первого министра. Отпраздновал в полном смысле слова, отказавшись отслужить заупокойную панихиду и заявив, что будет служить благодарственный молебен: «Господь оказал России и всему русскому народу великую милость: он спас государя императора от смерти, а Россию от кровопролития, междоусобицы и гибели». «Столыпин умер — и бог с ним» — с такой репликой иеромонаха было согласно большинство черносотенцев.

Зато черносотенная пресса не упустила указать, что убийцей оказался Д.Г. Богров — сын богатого домовладельца-еврея и внук автора известных «Записок еврея». Газеты расписывали коварство Богрова, состоявшего в анархистской группе и одновременно являвшегося осведомителем киевского охранного отделения. На допросах Богров дал противоречивые показания. Сначала он заявил, что убил Столыпина как вдохновителя реакции. Затем он начал объяснять покушение желанием оправдаться перед анархистами, которые угрожали ему расправой за провокацию. На одном из допросов у Богрова вырвалось, что сначала он намеревался стрелять в Николая II, но после некоторого размышления решил не делать этого из-за опасения вызвать погром. Еще до покушения он говорил одному из эсеров: «Я еврей, и позвольте вам напомнить, что мы до сих пор живем под господством черносотенных вождей. Евреи никогда не забудут Крушеванов, Дубровиных, Пуришкевичей и тому подобных злодеев»[838].

Военный суд вынес Д.Г. Богрову смертный приговор, который быстро был приведен в исполнение на Лысой горе. При казни присутствовали доверенные лица от черносотенных организаций. Это не помешало им намекать, что поспешная ликвидация убийцы должна была прикрыть разветвленный заговор. Правда, черносотенцы не верили в

то, что Столыпин пал жертвой придворной камарильи и тайной полиции, о чем шептались на всех углах. «Русское знамя» объясняло, что Столыпин был убит по решению еврейского кагала якобы потому, что не соглашался выпустить из тюрьмы Бейлиса.

Когда улеглись страсти, поднятые убийством председателя Совета министров, дело Бейлиса вновь выступило на первый план. В этот период большую активность проявил комитет, или комиссия, созданная еврейскими общественными деятелями для защиты Бейлиса. Комитет появился по инициативе присяжного поверенного А. Д. Марголина, сына одного из богатейших киевских воротил. В комитет вошли главный киевский раввин Ш.Я. Аронсон, владелец кирпичного завода М.И. Зайцев, несколько врачей и юристов. У Марголина был собственный план действий: «Обывательская толща отвергает так называемый метод доказывания фактов путем исключения. «Подай сюда убийц» — таков крик толпы. Вот почему с первого же дня моего участия в деле Бейлиса я твердо решил оставить на сей раз обычный трафаретный путь защиты и искать убийц. На обвинение надо было ответить не обороной, а наступлением — надо было найти действительных виновников»[839]. В наступательном плане Марголина основная роль отводилась репортеру газеты «Киевская мысль» С.И. Бразулю-Брушковскому, одному из пионеров жанра журналистского расследования в России.

Правда, первая версия, которую выдвинул репортер, оказалась несостоятельной. Он пошел по проторенному пути, обвинив в преступлении родственников Ющинского, ранее уже обвинявшихся газетчиками в совершении убийства. Бразуль внес только одну новацию, указав на причастность к убийству некоего Павла Мифле, слепого (!) гармониста. Впоследствии Бразуль-Брушковский цинично объяснял, что не верил в виновность публично оклеветанных им лиц: «Сведениям этим я лично в сильной степени не доверял и если решился опубликовать их, то с тактической целью вызвать ссоры и недоразумения среди преступного

мира и создать этим путем более благоприятную почву для собирания сведений по делу»[840]. Первое заявление Бразуля-Брушковского не остановило судебную машину. Обвинительный акт был утвержден, подготовка к процессу продолжалась.

Комитет по спасению Бейлиса не прекращал работу. В помощь Бразулю-Брушковскому был привлечен бывший пристав Красовский — тот самый, кто отличился гримированием отчима убитого и историей с латинской запиской. В ходе расследования он несколько раз круто менял фронт. Когда его поймали на фальсификации, он покаялся перед начальством, был прощен и начал разрабатывать ритуальную версию. Затем он снова изменил позицию и стал доказывать невиновность приказчика. После этого прокурор судебной палаты потребовал заменить пристава, подчеркивая, что «по негласным имеющимся у него, Чаплинского, сведениям считает несомненным, что Красовский изменил свой образ действия единственно под влиянием получения им денежной взятки от еврейской колонии»[841]. К моменту привлечения к частному расследованию пристав сам находился под следствием за многочисленные служебные злоупотребления. Впрочем, он сохранил обширную сеть платных осведомителей, благодаря которым были добыты сенсационные материалы.

В мае 1912 г. газета «Киевская мысль» опубликовала материалы Бразуля-Брушковского о результатах частного расследования. Теперь журналист объявлял убийцей Веру Чеберяк, мать мальчика Жени Чеберяка, скончавшегося при странных обстоятельствах. Вера Чеберяк пользовалась лихой славой на Лукьяновке. В ее квартире была воровская «малина», которую посещали подозрительные субъекты то в одежде чернорабочих, то в сюртуках, а то и в студенческих тужурках. Сюда свозили краденое барахло. Рассказывали, что во время погрома 1905 г. в притоне Чеберяк скопились груды товаров из разграбленных магазинов. Когда в Киев нагрянула сенаторская комиссия, хозяйке пришлось побросать рулоны шелка в печь, на которой она гото-

вила пищу. Блатные потешались, что таких дорогих котлет не отведать ни в одном ресторане. Соседи, намекая на каторжные знакомства Чеберячки, прозвали ее «Сибирячкой».

Бразуль-Брушковский утверждал, что «Андрей Ющинский был свой человек в воровской квартире Веры Чеберяк. Мальчик исполнял разные поручения членов воровской шайки, переносил краденые вещи и неоднократно ночевал у Чеберяк». Но весной 1911 г. шайка пережила несколько провалов. «Доискиваясь причин провала, члены шайки обратили внимание на слова сына Веры Чеберяк, который рассказал, что «Андрюша — Домовой (Ющинский), во время ссоры с ним угрожал доносом сыщикам, что блатные (воры) принесли Чеберяковой краденую кассу»[842]. Было решено учинить над доносчиком кровавую расправу. Когда Андрей зашел в квартиру своего приятеля, его схватили. Мальчика кололи швайками, допытываясь, что он успел рассказать полиции. Затем Андрея убили, а чтобы отвести следы, по предложению одного из членов шайки Бориса Рудзинского, «расписали шкета под жидов», т.е. придали убийству вид ритуального. Тело Ющинского несколько дней держали в квартире, а потом вынесли в пещеру.

Статья Бразуля-Брушковского произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Версия подтверждалась многочисленными свидетелями, ускользнувшими от внимания официального следствия и обнаруженными частным расследованием. По личному распоряжению Щегловитова дело было передано на доследование. Министерство юстиции командировало в Киев следователя по особо важным делам Н.А. Машкевича, который начал с допросов Веры Чеберяк. Она сообщила, что адвокат Марголин тайно встречался с ней и от имени комитета по спасению Бейлиса якобы предлагал 40 тысяч рублей за письменное признание в убийстве Андрей Ющинского. Адвокат будто бы уговаривал ее: «Вы не бойтесь, в случае чего самые лучшие защитники вас будут защищать, а еще лучше мы вам дадим чистый документ и вас днем с огнем не найдут»[843]. Вера Чеберяк отказалась, но газеты все равно ославили ее преступницей. Мар-

голин категорически отрицал знакомства с госпожой Чеберяк. Но он недоучел хитрости «Сибирячки», которая предъявила документальные доказательства своей встречи с адвокатом. В конце концов Марголину пришлось признать факт встречи, хотя он по-прежнему отрицал попытку подкупа. За нарушение адвокатской этики Марголин был лишен прав присяжного поверенного.

Скомпрометировав своих обвинителей, Вера Чеберяк поведала следователю Машкевичу леденящую кровь историю. По ее словам, весной 1911 г. ее сын Женя зашел в дом Бейлиса и увидел двух незнакомых евреев в странных черных одеяниях. С кровожадными намерениями они стали подкрадываться к христианскому отроку. Женя едва спасся бегством. Через некоторое время ватага ребятишек, в том числе и Андрей Ющинский, играла на кирпичном заводе. Дети катались на «мяле» — устройстве для размягчения глины наподобие карусели. Внезапно за ними погнался Мендель Бейлис и два еврея в странных одеяниях. По словам Веры Чеберяк, «Женя и Люда передали мне, что они видели, как Мендель Бейлис поймал Андрюшу за руку и повел вниз по направлению к оврагу»[844].

Следователю Машкевичу не показалось странным, что Вера Чеберяк рассказала о погоне спустя шестнадцать месяцев после исчезновения мальчика, причем именно в тот момент, когда ей самой пришлось отбиваться от обвинения в убийстве. Его не насторожила предусмотрительность, с которой была составлена эта история. Из показаний Веры Чеберяк явствовало, что свидетелями погони были ее дети Женя и Валя. Дочь Людмила сразу убежала и о погоне слышала только от брата и сестры. Но Женя и Валя были в могиле. Людмила добросовестно повторяла рассказ матери. Проверить ее было практически невозможно — она ссылалась на слова умерших. Окрестная детвора могла только сказать, что они катались на «мяле». Ни один ребенок не припомнил, чтобы за ними гонялся Бейлис. Никто не видел и его странных гостей. Тем не менее следователь Машкевич поверил Вере Чеберяк. Все доследование све-

лось к тому, что ритуальная версия обогатилась повествованием о евреях в черных мантиях, набросившихся на христианского мальчика. Надо полагать, следователь по особо важным делам Машкевич не являлся наивным человеком. Скорее всего он прекрасно знал, с какой целью его командировали в Киев, и не собирался разрушать ритуальное обвинение.

Судебный процесс над Менделем Бейлисом начался 25 сентября 1913 г. В Киев хлынул поток журналистов. На городском телеграфе пришлось устанавливать дополнительные аппараты. Дело Бейлиса вытеснило с газетных полос остальные материалы. По стране шли митинги протеста. Было ясно, что в любой момент может произойти взрыв. Министерство внутренних дел разослало по всем губерниям вплоть до Сахалина распоряжение принять всяческие, даже самые суровые, меры к предупреждению массовых беспорядков. Киевская администрация предупредила руководителей черносотенных союзов о запрещении каких-либо манифестаций в связи с делом Бейлиса. «Представители правых организаций заявили, что среди правых направление дела Бейлиса в судебном порядке считается правильным, и потому никаких открытых массовых выступлений не предполагается»[845]. На всякий случай губернатор Н.И. Суковкин предложил арестовать на время суда черносотенных агитаторов. Министр внутренних дел Н.А. Маклаков отвечал: «Как самую крайнюю меру допустить можно. Лучше обойтись без нее. Если увещевания и предупреждения не подействуют и погромная агитация не оборвется, надо задержать по охране»[846].

В приватных беседах чины судебного ведомства доказывали Щегловитову, что обвинение против Бейлиса развалится. Министр юстиции отвечал, что возлагает надежды на умелого председателя суда и на счастливый случай. «Во всяком случае, — говорил И.Г. Щегловитов, — дело получило такую огласку и такое направление, что не поставить его на суд невозможно, иначе скажут, что жиды подкупили и меня, и все правительство»[847]. Министерство юстиции

постаралось, не выходя за рамки закона, придать весам Фемиды обвинительный крен. Председателем суда был назначен Ф.А. Болдырев, являвшийся креатурой министра юстиции и срочно переведенный в Киев из другого города. Прокуратура сумела подобрать выгодный для обвинения состав присяжных заседателей. Писатель В.Г. Короленко, присутствовавший на процессе, описывал жюри присяжных: «Пять деревенских кафтанов, несколько шевелюр, подстриженных на лбу, на одно лицо, точно писец с картины Репина «Запорожцы». Несколько сюртуков, порой довольно мешковатых. Лица то серьезные и внимательные, то равнодушные, двое нередко «отсутствуют»... Особенно один сладко дремлет по получасу, сложив руки на животе и склонив голову. Состав по сословиям — семь крестьян, три мещанина, два мелких чиновника. Два интеллигентных человека попали в запасные. Старшина — писец контрольной палаты. Состав для университетского центра, несомненно, исключительный»[848].

Скромного приказчика кирпичного завода защищал цвет российской адвокатуры: Н.П. Карабчевский, прославившийся громкими уголовными процессами, О.О. Грузенберг, имевший опыт защиты обвиняемых в ритуальных преступлениях, А.С. Зарудный, пытавшийся привлечь к ответу по делу Герценштейна руководителей Союза русского народа, Д.Н. Григорович-Барский, опытный киевский адвокат. Важность процесса подчеркивало участие одного из видных деятелей кадетской партии, члена Государственной думы В.А. Маклакова, старшего брата министра внутренних дел. Государственным обвинителем был назначен товарищ прокурора Петербургской судебной палаты О.Ю. Виппер — из плеяды молодых карьеристов, которых остзейские губернии поставляли в столицу. Черная сотня выставила в помощь обвинителю испытанных бойцов. Поверенными гражданских истцов (они представляли интересы родственников Ющинского) были крайне правый депутат Государственной думы Г.Г. Замысловский и А.С. Шмаков, автор многочисленных трудов о еврейско-масонском заговоре.

Инициаторы ритуального процесса не имели безоговорочной поддержки среди крайне правых и националистов. В первый же день процесса консервативная газета «Киевлянин» назвала сфабрикованными все улики против Бейлиса. Редактор газеты В.В. Шульгин был одним из лидеров националистов. То, что он публично отмежевался от «кровавого навета», стало сенсацией, особенно с учетом того, что два с половиной года назад Шульгин поставил свою подпись под запросом крайне правой фракции об убийстве Андрея Ющинского. Но постепенно у него открылись глаза на неприглядную изнанку дела Бейлиса. Он убедился, что средневековое судилище нанесет огромный вред делу монархии. Крамольный номер «Киевлянина» был конфискован, однако часть тиража успела разойтись по городу. Киевский губернатор Н.И. Суковкин жаловался в столицу Министерству внутренних дел: «Самая конфискация, первая за полувековое существование газеты, наделала много шума и обратила на статью редактора Шульгина гораздо больше внимания, чем она того заслуживала»[849]. Коллеги по правой фракции обрушились на Шульгина за предательский, как они выражались, удар в спину. Судебные органы возбудили против него обвинение в клевете на лиц прокурорского надзора. Шульгин был приговорен к трехмесячному аресту, но помилован Николаем II.

По воспоминанию Марголина, накануне процесса состоялось совещание защитников Бейлиса: «Было очевидным, что лучший способ защиты Бейлиса состоял в том, чтобы представить суду все важнейшие свидетельства против Веры Чеберяк и ее дружков, открытые в результате частного расследования»[850]. Пять опытных адвокатов при поддержке либеральной и левой прессы сумели убедить в этом общественное мнение. В их распоряжении были многочисленные свидетели, готовые подтвердить вину Чеберяк и ее подручных. Поверенный гражданского истца Замысловский указывал на богатство, «даже роскошь улик» и саркастически замечал, что нельзя не позавидовать энергии и предприимчивости еврейских дельцов. Однако не может не

броситься в глаза ряд слабых мест, которыми грешила воровская версия.

Бывший пристав Красовский уверял, что непосредственной причиной убийства Ющинского стала неудача с ограблением Софийского собора, в котором должен был принять участие Андрей (как ученик Софийского духовного училища, он хорошо знал внутренние помещения храма). Во время суда Замысловский с пристрастием допытывался у Красовского: «*Замысловский*: Вы говорите об Андрюше, что, по вашему убеждению, это был мальчик порочный. *Свидетель*: Да. *Замысловский*: И считаете его способным на то, что вот он на первой неделе поста говел в лавре, исповедовался, причащался и непосредственно вслед за этим обдумывал кражу из Софийского собора. Вот до какого предела простиралась его преступность, по вашему убеждению? *Свид.*: Да, это верно»[851]. Однако Красовский не представил абсолютно никаких доказательств в пользу своих слов. Никто из свидетелей, знавших Ющинского, не подтверждал, что мальчик имел отношения с преступным миром.

Одна из главных свидетельниц, уличавших воровскую шайку, — белошвейка Екатерина Дьяконова путала сон и явь, рассказывала, как видела завернутый в ковер труп Ющинского, потом призналась, что видела это во сне. Дьяконова говорила, что узнала о подробностях убийства от таинственного незнакомца, разгуливавшего по киевским улицам в длинном плаще и маске. Председатель суда Болдырев насмешливо поинтересовался: «Скажите, когда вы разговаривали, не обращали ли на вас проходящие внимание; стоит барышня и человек в маске и разговаривают?» Адвокат Карабчевский попытался выручить незадачливую свидетельницу и спросил, не спутала ли она маску с мотоциклетными очками. Но свидетельница упрямо твердила, что по улицам Киева расхаживал неизвестный в маске и длинном плаще. И этот неизвестный якобы сообщил ей имена убийц и их сообщников, спрятавших труп в пещере. Правда, у некоторых из названных маской лиц оказалось в пол-

ном смысле слова железное алиби — в это время они сидели за решеткой.

Дьяконова показала, что видела у гостей Веры Чеберяк бумагу с проколами, похожую на листки, найденные около пещеры. Но когда ей предложили на выбор несколько вариантов листков с проколами, она обвела чернилами отверстия совсем другой формы. Адвокат Грузенберг прокомментировал это следующим образом: «Кто же запоминает отверстия, которые еле приметны, круглые они или четырехугольные». Дьяконова утверждала, что обнаруженный на теле Юшинского обрывок материи — это кусок наволочки, которую она собственноручно вышивала по заказу Веры Чеберяк. Однако на допросе она почему-то не смогла воспроизвести вышивку на бумаге и спутала цвета. «Что из того, что она нарисовала плохо? — вопрошал Грузенберг. — Ведь, господа присяжные заседатели, мы вообще вещи узнаем не потому, что можем их нарисовать».

Острая схватка между обвинением и защитой развернулась вокруг признания в убийстве рецидивиста Петра Сингаевского, брата Веры Чеберяк: «...схватили мы его и потащили к сестре на квартиру». Об этом признании стало известно со слов двух свидетелей, Сергея Махалина и Александра (Амзора) Караева, которых нашло частное расследование. На суд был вызван только Махалин, так как Караев к тому времени был сослан в Енисейскую губернию. Махалин, выступавший на суде и за себя и за своего друга Караева, произвел на публику благоприятное впечатление. Будучи частным репетитором, он своим ученикам, по его собственному выражению, «в популярной форме излагал ответы на животрепещущие вопросы, вносил, так сказать, в их сознание искру правды». Истина была куда более прозаичнее этого туманного и высокопарного заявления. Махалин являлся агентом киевского охранного отделения по кличке Депутат. Его друг Караев также оказывал услуги охранке под прозрачным псевдонимом Кавказский. Точнее сказать, друзья являлись бывшими осведомителями, от чьих услуг охранное отделение отказалось ввиду их неблаговидного по-

ведения. В справке департамента полиции о Караеве говорилось, что «некоторые из его сведений носили весьма серьезный характер, но при проверке выяснилось, что сведения эти являлись результатом его провокационной деятельности и склонности к шантажу»[852].

По всей видимости, друзья-провокаторы, оставшись без средств к существованию, придумали историю с признанием Сингаевского от начала до конца. Трудно представить, чтобы опытный уголовник вдруг признался незнакомым ему людям в совершении тяжкого преступления. Следует заметить, что провокаторы были недовольны платой за свои труды. Перлюстрированные письма хорошо рисуют нравы этой среды. Репортер «Киевской почты» И.М. Пугач, писавший по поручению Караева их общей знакомой, жаловался на неблагодарность «буржуев», забывших о «Саше», как только он выполнил предназначенную ему миссию: «Вам уже известно, что Саша в течение нескольких месяцев работал по волнующему всех делу Ющинского и достиг желанных результатов... На расходы по этому делу ассигнованы громадные суммы, так как дело это принципиальное и имеет громадное общественное значение. Участникам розысков по этому делу выданы были и выдаются теперь большие деньги для того, чтобы можно было посвятить все время делу розысков, а не заботиться приисканием занятий для пропитания. Пока Саша нужен был для дела, то и ему выдавались деньги на квартиру и стол, но теперь вдруг положение переменилось... Деньги буржуев сыпятся во все стороны — нужно это или не нужно, а для того, кто все сделал для дела, на ком зиждется все обвинение новых преступников, для того — нет 150 рублей...»[853].

А что же адвокаты Бейлиса? Разве они не догадывались о провокаторской роли Махалина и Караева, не понимали всей нелепости показаний Дьяконовой, не знали о беспринципности Красовского? Наверное, догадывались, понимали и знали. Ведь они были опытнейшими юристами. Почему же они делали вид, что верят крайне сомнительным свидетельским показаниям? Отчасти это объяснялось

особенностями адвокатской профессии, недаром адвокатов называли «нанятой совестью», а самое главное, в понимании защитников на одной чаше весов лежала репутация русского правосудия, а на другой — судьба шайки грабителей, по которым давно плакала каторга. Выбор был предопределен. Защитники Бейлиса были людьми либеральных и левых взглядов. Маклаков и Григорович-Барский являлись членами ЦК партии кадетов, Зарудный был народным социалистом. Кстати, любопытный факт — четверо из пяти адвокатов, а именно: Григорович-Барский, Грузенберг, Зарудный и Маклаков состояли в масонских ложах[854].

Прокурор и поверенные гражданских истцов сосредоточились на доказательстве ритуала. Этот вопрос должна была осветить специальная экспертиза. Политическая буря легко перевернула с ног на голову, казалось бы, незыблемые научные истины. Исходя из одних и тех же данных, эксперты обвинения и эксперты защиты пришли к прямо противоположным выводам. Ритуальное обвинение было основано на судебно-медицинской экспертизе декана медицинского факультета киевского университета профессора Н.А. Оболенского и прозектора Н.Н. Туфанова. Впоследствии их заключение было подвергнуто шквальной критике со стороны русских и зарубежных ученых. Экспертам бросили тяжкое обвинение в научной несостоятельности и даже в подгонке выводов к заказанной черносотенцами ритуальной версии. Такая же критика, вплоть до обструкции в университетских аудиториях, ожидала профессора Д.П. Косоротова, чья экспертиза склонялась к ритуальной версии.

Помимо чисто медицинской экспертизы, была проведена психиатро-психологическая экспертиза. Черносотенцы пригласили в качестве эксперта профессора И.А. Сикорского. В истории науки и техники больше известен его сын — знаменитый авиаконструктор И.И. Сикорский. Отец изобретателя в свое время считался выдающимся ученым, внесшим вклад в изучение бредовых религиозных состоя-

ний народных масс. Речь профессора Сикорского, произнесенная тихим старческим голосом, прошла под громкие протесты защиты. Профессор взялся рассказать о характерных признаках ритуальных убийств: «...после убийства происходит как бы наведение на ложный след, резкая агитация путем подкупа против появления таких дел на суде. Всеми мерами препятствуют свободному действию правосудия. Направляется подозрение то против родных, то против единоверцев, то против единоплеменников, а в последнее время и обвинение против национальной партии страны»[855]. Нетрудно убедиться, что вместо научных данных профессор Сикорский привел выдержки из черносотенных листков. Он поверг в смущение поверенных гражданских истцов, пояснив, что сведения о ритуальных убийствах были почерпнуты им из сочинений Шмакова. Пришлось самому Шмакову мягко указать старому профессору, что тот запамятовал. Речь шла о сочинениях председателя фракции крайне правых Государственной думы А.С. Вязигина.

Профессор Сикорский утверждал, что Андрей Ющинский получил множественные раны еще при жизни, следовательно, целью убийства было причинение мучений и извлечение крови. Защита Бейлиса пригласила на киевский процесс целое созвездие ученых, в том числе давнего оппонента Сикорского по научным вопросам академика В.М. Бехтерева. Эксперты защиты заявили, что, по их мнению, Ющинский впал в бессознательное состояние после первых же ударов. Большинство ран было нанесено, когда он находился в агонии. Это означало, что преступники стремились убить мальчика, а не причинить ему мучения или выпустить кровь.

Сторонники ритуальной версии возлагали большие надежды на богословско-историческую экспертизу. Националистическая печать утверждала, что зверские убийства детей являются частью древнего иудейского ритуала. Черносотенная «Земщина» напечатала перечень 199 ритуальных убийств, совершенных в различных странах с V в. н. э. Готовясь к процессу, организаторы процесса постарались из-

влечь из архивов документы, содержащие сведения об исторических прецедентах. Жандармские курьеры доставили архивные документы в Киев, но суд отказался заслушать их. Негодующему прокурору председатель суда объяснил, что сделал это «ввиду крайнего утомления присяжных, которые начинают дремать при чтении даже кратких документов»[856].

Прокурору и гражданским истцам пришлось довольствоваться показаниями «сведущих лиц». Перед присяжными заседателями предстал престарелый архимандрит Автоном, еврей по национальности и черносотенец по убеждениям. Старец был приписан к Почаевской лавре и состоял в свите архиепископа Антония Волынского. На суде архимандрит провозгласил, что если бы разверзлась земля, то в ней нашли бы много костей христиан, замученных его бывшими соплеменниками. Когда Автонома попросили представить суду факты, произошел следующий диалог: «*Свидетель*: Вот факт, что евреями был замучен младенец Гавриил, который признан святым. *Председатель*: Вы были свидетелем этого факта или слышали от кого-нибудь? *Свидетель*: Святая церковь проповедует!»[857]. Священнослужитель и юристы говорили явно на разных языках.

С богословской экспертизой, призванной открыть «тайну крови» в иудаизме, выступил ксендз Иустин Пранайтис, преподававший древнееврейский язык в католической семинарии. Характерно, что черносотенцы не смогли найти эксперта из числа православных богословов и вынуждены были обратиться к католику. «Тайна крови» была обоюдоострым оружием. Признание ритуальных жертвоприношений в иудаизме бросало тень на господствующую церковь, ибо Ветхий Завет иудеев был частью Священного Писания христиан. Пранайтис ловко обошел этот деликатный момент, объяснив малограмотным присяжным, что тора — Пятикнижие Моисеево — ныне уже не является законом для иудеев. Выше торы почитается талмуд, т.е. комментарий к Ветхому Завету. Он обрушил на головы присяжных множество талмудических цитат, свидетельствующих о не-

укротимой ненависти иудеев к христианам. Председатель суда был вынужден предупредить ксендза, что повторение кощунственных речей допустимо только в закрытом заседании суда. Однако присяжные все же успели услышать, что Иисуса Христа в талмуде называют мерзостью, христианские храмы — домами глупости, а святых угодников — мужеложцами. Пранайтис пояснил, что в иудаизме заповедь «не убий!» относится только к евреям, иноверцы не считаются людьми и их разрешается убивать, как животных: «Истребление христиан — это есть даже обязанность».

Эксперт должен был признать, что в талмуде не имелось предписаний совершать кровавый ритуал. Более того, талмуд строжайше воспрещал использовать кровь. Пранайтис вышел из затруднения, заявив, что если талмуд выше торы, то еще выше стоят предписания каббалы. Ксендз предупредил своих слушателей, что каббала является величайшей тайной, о которой можно строить только догадки и ничего нельзя знать наверняка. Выдав самому себе индульгенцию, католический священник рассказал о каббалистическом сочинении «Зогар», предписывающем предавать закланию невинных христианских детей. Жертвоприношение осуществляется строго определенным способом: ребенку закрывают рот и после двенадцатикратного испытания ножа наносят тринадцатую смертельную рану. Тело убитого нельзя предавать земле. Оно должно быть брошено в укромном месте. «Приводя этот грозный текст, — пояснил Пранайтис, — я считаю необходимым обратить внимание на сопоставление его с данными судебно-медицинского осмотра и вскрытия трупа Андрея Ющинского, а именно: при убийстве Ющинского рот у него затыкался (следы повреждения слизистой оболочки рта зубами) и ему нанесена группа колотых ран в области правого виска, — количеством тринадцать»[858]. Цифра 13 имела мистическое значение. Пранайтис увидел в ней сумму чисел 1, 8, 4 — что составляло священное слово «Эхад», с которым правоверный еврей покидает земной мир.

На самом деле медицинские эксперты разошлись при определении количества ран на правом виске. Одни насчитывали 13 ран, другие — 14, указывая, что два близко расположенных пореза сливались в один. Но дело даже не в этом. Поразительно другое. Сторонники ритуальной версии никак не аргументировали, на каком основании они выделяли группу ран на правом виске из 46—47 ран, которые в общей сложности были нанесены мальчику. Очевидно, причина заключалась в том, что цифра 13, в отличие от других, давала простор для мистических толкований.

Аргументы Пранайтиса были подвергнуты резкой критике экспертами защиты. Московский раввин Я.И. Мазе уверял, что талмудисты, в каждом слове которых сквозит мудрость и гуманность, толкуют заповеди Моисеевы в духе любви к ближнему. Другие эксперты защиты, академик П.К. Коковцов, профессора П.В. Тихомиров и И.Г. Троицкий, не могли, подобно раввину, рассматривать талмуд как священный и не подлежащий научной критике текст. Профессор Троицкий сравнивал талмуд с протоколами многолюдного собрания лиц, имеющих различные взгляды и не приходящих в итоге ни к какому определенному заключению, а профессор Тихомиров саркастически заметил: «Я, пожалуй, соглашусь с ответом г. Пранайтиса, который на вопрос, дает ли Талмуд какие-либо основания для обвинения, сказал: «Дает для тех, кто хочет найти». Действительно, в Талмуде такой разнообразный материал, что кто хочет найти что-нибудь — все найдет»[859].

Защитники Бейлиса старались не углубляться в догматические споры. Грузенберг вспоминал: «Когда я ознакомился со списком присяжных заседателей, состоявших сплошь из деревенских крестьян, я сказал себе: ни слова о ритуальных убийствах; это будет не только недостойно твоего самоуважения, но поведет к неминуемой гибели Бейлиса. Его задушат фолиантами книг, непонятных присяжным, затопчут разговорами о Талмуде, Зогаре, раввинской письменности и т.п. Если талантливые, сведущие писатели не сумели на протяжении многих и многих лет убить злостную

легенду об употреблении евреями христианской крови, то неужели допустимо обращать в судей над наукой темных обывателей? На суде нужно только одно: доказать, что тот, которому приписывается убийство из ритуальных побуждений, убийства не совершал. Нельзя допустить хотя бы один судебный приговор о признании еврея виновным в ритуальном убийстве. Только это важно»[860]. Адвокаты поставили вопрос, какое отношение к киевскому процессу имеет талмуд, написанный в глубокой древности? Пусть даже некоторые темные места в талмуде можно истолковать как призыв к жертвоприношениям. «А вы скажите, — вопрошал адвокат Зарудный, — среди какого народа не было человеческого жертвоприношения? Они были у всех народов, и у нас, русских, здесь, в Киеве, они приносились языческому богу Перуну»[861].

Полное фиаско постигло обвинителей, когда они попытались найти гостей Бейлиса — тех самых евреев в черных одеяниях, которых, по словам матери, якобы видел Женя Чеберяк. Обвинение доказывало, что неизвестные евреи были Эттингером и Ландау, приехавшими из-за границы к своему родственнику Зайцеву, владельцу кирпичного завода. По словам обвинителей, кирпичный завод на Лукьяновке являлся гнездом хасидской секты, а Эттингер и Ландау были хасидскими цадиками, прибывшими за кровью христианского отрока. Защита Бейлиса пригласила на процесс этих таинственных цадиков, и версия обвинения сразу же затрещала по всем швам. Впервые за время процесса прокурор и поверенные гражданских истцов растерялись. Ландау оказался парижанином, либреттистом легкомысленных опереток, Эттингер — австрийским ученым-аграрием и доктором химии. При самом необузданном воображении в них нельзя было признать служителей кровавого культа. Замысловский решил спасти положение и заявил, что речь, конечно, идет не о молодом Ландау, а о его отце — правоверном иудее. Суду тут же была представлена справка о том, что старший Ландау умер много лет назад.

Передовая общественность считала, что черносотенцы проиграли психиатрический и богословский диспут по всем статьям. Перекрестный допрос Пранайтиса показал, что эксперт просто не знаком с первоисточниками. Замысловскому пришлось выкручиваться перед присяжными, объясняя беспомощное молчание ксендза тем, что мудрецам свойственно избегать излишних разговоров. Однако следует сделать поправку на малограмотный состав присяжных заседателей. Пранайтис выполнил свою задачу, возбудив религиозные страсти. Того же добился своим выступлением профессор Сикорский. «Экспертиза Сикорского, по сообщению жандармов, произвела на присяжных сильное впечатление, убедив их в существовании ритуальных убийств»[862], — поделился своими наблюдениями чиновник, командированный на суд департаментом полиции.

К концу октября 1913 г. процесс над Менделем Бейлисом вступил в заключительную стадию. Прения сторон не добавили ничего нового. Прокурор Виппер выступал в унисон с черносотенными поверенными гражданских истцов. «Куда делась холодная, подчеркнутая корректность первых дней, снисходительный тон блестящего петербургского чиновника? — отмечали присутствовавшие в зале суда журналисты. — Господин товарищ прокурора спустился с высот олимпийского спокойствия, и страстность его не раз выступает за пределы, положенные уставом уголовного судопроизводства»[863]. Прокурор произнес похвальное слово своему мужеству, позволившему бросить вызов тайной власти: «...я лично чувствую себя под властью евреев, под властью еврейской мысли, под властью еврейской прессы... выступать против евреев значит вызвать упрек, что вы или черносотенец, или мракобес, или реакционер, или не верите в прогресс и т.д.»[864]. Это вступление задало тон всей речи прокурора, выдержанной в духе великорусских идей. В перерыве публика потешалась над квасным патриотизмом лютеранина Виппера.

Речи поверенных гражданских истцов дополняли выступление прокурора. Замысловский проявил немалую изо-

бретательность и красноречие, речь Шмакова была бессистемной и только утомила присяжных. Тяжким грузом, тянувшим ко дну все обвинение, была необходимость обелить Веру Чеберяк и ее шайку. Шмаков допускал причастность воров к похищению Андрея Ющинского, но предполагал, что зверское убийство совершили другие люди: «Я понимаю, что русский может зарезать, может варварски убить, сразу в 2—3 удара, но чтобы он 47 ран нанес, чтобы он так истязал невинного младенца, творение Божие, допустить этого русский человек не может»[865]. Депутату Замысловскому пришлось доказывать невиновность воров и бандитов. По этому поводу корреспондент «Киевской мысли» Л.Д. Троцкий (в те годы будущий деятель советского государства и большевистской партии писал газетные статьи под псевдонимом Антид Ото) обращался к черносотенцам со словами: «На памятнике Замысловскому, а этот памятник вы должны воздвигнуть ему при жизни — начертайте великую ксиву: как Замысловский учил двух честных блатных не капать на себя не вовремя по мокрому делу. И пусть ваша молодежь, ваша надежда, Голубевы и Позняковы, заучивают блатную ксиву наизусть, как высший образчик черной гражданственности!»[866]. Выступления защитников Бейлиса показали, что в зале суда собрались лучшие ораторы России. Они не оставили камня на камне от ритуальной версии. Но и защитники допустили немало ошибок. Ахиллесовой пятой защиты была необходимость опираться на свидетелей, репутация которых оказалась, мягко говоря, подмоченной. Пристав Красовский и его сотрудники предстали на суде во всей красе. Поэтому когда Грузенберг патетически восклицал: «Я верю Красовскому, я верю в его талант, верю в полицейскую точность его доклада»[867] — его слова производили комический эффект.

В последние дни киевского процесса напряжение достигло критической точки. В Бресте, Витебске, Екатеринославе, Ковно, Минске и других городах распространялись листовки антисемитского содержания. Особенно тревожным было положение в самом Киеве. Жандармское управ-

ление сообщало: «На Подоле в пивных между разным сбродом, безработными и вообще темными личностями ведутся разговоры о предстоящем погроме евреев, к чему будто бы все уже подготовлено, и выясняется время для начала погрома. По этим разговорам можно судить, что погромщиков насчитывается несколько тысяч человек и что к ним готовы примкнуть мелкие домовладельцы Подола»[868]. Порой возникали трагикомические ситуации. Киевский полицмейстер рапортовал, что «бывший председатель Палаты Союза Архангела Михаила Ф. Я. Постный в нетрезвом виде, из-за любопытства к делу Бейлиса, загримировался, наклеил бороду и вышел на Крещатик, чтобы узнать, какой разговор среди народа, но был опознан лишенным прав Дашкевичем, который избил его палкой по голове»[869].

30 октября 1913 г. присяжные заседатели удалились на совещание. Когда они вернулись, зал замер. Вердикт присяжных включал ответы на два вопроса. Первый вопрос: доказано ли, что 12 марта 1911 г. Андрея Ющинского заманили в одно из помещений кирпичного завода, где ему были нанесены раны, сопровождавшиеся мучением и полным обескровлением? Старшина присяжных объявил: «Да, доказано». Таким образом, суд признал ритуальный характер убийства Андрея Ющинского. Затаив дыхание, все ждали ответа на второй вопрос: доказана ли вина Менделя Бейлиса? Ответ присяжных гласил: «Нет, не доказана».

В тот вечер на киевских улицах творилось нечто невообразимое. «Вбегает курьер из суда с известием, что Бейлис оправдан. Это известие моментально разносится по толпе. Толпа с истерическими криками: «Оправдан!», радостная, взволнованная, рассыпается по улице... Собираются группами, вслух читают и оживленно обсуждают с сияющими лицами. Не слышно ни одного враждебного голоса против евреев»[870].

Вердикт присяжных стал полной неожиданностью не только для обвинения, но и для защиты. Особое удивление и уважение вызывал тот факт, что малограмотные присяжные сумели встать выше национальных и религиозных

предрассудков. Почему они, признав ритуальный характер преступления, оправдали Бейлиса? Надо сказать, что во время процесса подсудимый находился в тени. Прокурор, защитники, поверенные истцов говорили о древних легендах, о римских императорах и папах римских, об изощренных исторических и богословских вопросах — обо всем, кроме подсудимого. Полицейские агенты передавали недоуменные реплики, разговоры присяжных между собой: «...як судить Бейлиса, колы разговоров о нем на суде нема». Этим были обеспокоены многие черносотенцы. «Группа русских дворян» из Петербурга телеграфировала Замысловскому и Шмакову: «Ради Бога, говорите же наконец о Бейлисе, где он был в день убийства, накануне... Ведь он сидит на суде, как невинный агнец, о нем ни слова, ни звука. Ведь только об этом надо говорить, а занимается суд только выслушиванием бабьих сплетен»[871]. Но обвинение специально избрало такую тактику. Незадолго до процесса адвокат В.А. Маклаков и поверенный гражданского истца Замысловский встретились в кулуарах Государственной думы: «...на указание Маклакова, что за слабостью улик Бейлиса оправдают, Замысловский ответил: «Пусть оправдают, нам важно доказать ритуальность убийства»[872].

Затруднение сторонников ритуальной версии объяснялось тем, что трудно было выбрать человека, менее подходившего для роли религиозного изувера, чем Мендель Бейлис. Его отец был благочестивым хасидом, однако приказчик кирпичного завода не выполнял религиозных обрядов. В синагогу он заглядывал раз или два в году и даже работал в чтимый всеми иудеями день субботний. Жена Бейлиса объяснила на следствии, что ее муж «еврейских праздников не соблюдает, так как человек он бедный и праздновать нам некогда, а нужно зарабатывать кусок хлеба»[873]. Во время суда произошел курьезный эпизод. Поверенные гражданских истцов произвели генеалогическое исследование и открыли, что Бейлис якобы происходит из рода первосвященников Иерусалимского храма, в обязанности которых входило принесение жертвоприношений. Подсудимый

пребывал на суде в глубокой депрессии, но услышав, что он является прямым потомком Аарона и Моисея, зашелся в истерическом смехе.

В своих воспоминаниях Бейлис рассказывает, как однажды его переводили под конвоем из одной тюрьмы в другую. На улице к нему подошел некий Захарченко, хозяин дома, где снимала квартиру Вера Чеберяк и где, по версии защитников Бейлиса, произошло убийство. Захарченко сказал, что хотя он сам состоит в обществе «Двуглавый орел», он уверен в невиновности Бейлиса, и призвал его не падать духом. Этот рассказ может показаться вымыслом, однако следственное делопроизводство подтверждает, что на всех допросах Захарченко настаивал на невиновности приказчика кирпичного завода. Бейлис ошибся только в одном. Захарченко не состоял в молодежной черносотенной организации. Он являлся членом лукьяновского подотдела Союза русского народа. Очевидно, присяжные заседатели, люди простые и в богословских вопросах не искушенные, поверили в существование зловещего культа. Вот только они никак не смогли поверить в то, что Бейлис, простой и понятный им труженик, имел какое-то отношение к ритуалу.

Следствие, продолжавшееся два с половиной года, не смогло найти убийц Андрея Ющинского. На мой взгляд, не смогли установить их частные расследования — ни предпринятое черносотенцами, ни организованное защитниками Бейлиса. Ритуальная версия и версия об убийстве, совершенном ворами, при их кардинальном различии имели одно сходство — обе версии не выдерживали критики. Конечно, сейчас, более чем через девяносто лет после совершения преступления, практически невозможно определить, кто же являлся виновником смерти подростка с киевской окраины. И все же рискну высказать предположение. Возможно, преступником был маньяк, ускользнувший от внимания следствия из-за той истеричной политизированной атмосферы, которая нагнеталась вокруг таинственного убийства. Между тем убийство Андрея Ющинского имело

характерные признаки преступления, совершенного садистом типа ростовского маньяка Чикатило, который зверски убил 52 детей и подростков обоего пола, или подмосковного маньяка Головкина, который заманивал подростков в специально оборудованный подвал, подвешивал их на железных крючьях, наносил множественные ранения, вырезал на коже какие-то знаки и в завершение жесточайших пыток убивал.

Из криминалистической практики известно, что серийному убийце трудно остановиться. Если в Киеве орудовал маньяк-садист, рано или поздно должен был обнаружиться новый труп. И такой труп был обнаружен в киевском пригороде Фастове, причем буквально через месяц после завершения процесса над Менделем Бейлисом. 27 ноября 1913 г., согласно рапорту полицейского пристава, на лесном складе чины полиции обнаружили «труп мальчика, который лежал на подмостках из дерева в виде нар, положенных на брусьях... Под трупом на досках и на земле также лужи крови, а на шее около 13 колотых ран, расположенных под подбородком, на пространстве от одного уха к другому»[874]. Снова мальчик, опять зловещее число тринадцать — «двенадцатью испытаниями ножа и ножом», как говорилось в книге «Зогар». Однако в Фастовском деле были два существенных отличия от убийства Андрея Ющинского. Во-первых, убитый подросток оказался евреем Фроимом Пашковым (Пасиковым), во-вторых, убийца был схвачен почти на месте преступления. Им оказался Иван Гончарук, неоднократно судимый и скрывавшийся от полиции.

Гончарука предали суду и в феврале 1915 г. приговорили к пятнадцати годам каторжных работ. Подсудимый признался в убийстве, но невнятно объяснял его мотивы. Между тем вся обстановка Фастовского дела свидетельствовала, что это преступление было совершено точно по схеме убийства Андрея Ющинского. Казалось бы, сопоставление напрашивалось само собой. Однако следствие и суд ограничились рамками Фастовского дела. Отчасти это объяснялось тем, что процесс над Гончаруком состоялся в разгар

Первой мировой войны, когда было не до выяснения деталей уголовного преступления. Но главная причина, на мой взгляд, заключалась в том, что убийца-садист никому не был нужен. Он не был нужен черносотенцам, объявившим убийство Ющинского религиозным изуверством евреев. И точно так же он не был нужен защитникам Бейлиса, приложившим столько усилий для доказательства виновности воровской шайки. Впрочем, это всего лишь авторская версия, которая не может претендовать на роль бесспорно установленного факта.

Двоякий вердикт присяжных позволил черносотенцам отступить на почетных условиях. Формально они добились поставленной цели: кровь мальчика пала на головы евреев. И все-таки киевский процесс стал серьезным поражением крайне правых. Им не удалось перетянуть на свою сторону общественное мнение. Для черной сотни это был тревожный признак. Впоследствии вожди крайне правых придавали делу Бейлиса значение решающей схватки между Россией и всемирным еврейством. В эмиграции Н.Е. Марков писал, что именно после киевского процесса евреи якобы вынесли окончательный приговор: «Для русского правительства уже нет спасения!»

Глава VIII

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

1

От патриотического единения к конфронтации

Трехсотлетие дома Романовых, широко и торжественно отмеченное монархистами в 1913 г., было омрачено ощущением надвигавшейся военной грозы. Европа была разделена на два военно-политических блока — Тройственный союз и Антанту, которые в лихорадочном темпе готовились к кровавой схватке. Две войны на Балканах, вспыхнувшие одна за другой в 1912—1913 гг., были предвестниками мировой войны. Можно с уверенностью сказать, что крайне правые в России не стремились к обострению международной обстановки, потому что хорошо осознавали ту смертельную опасность для монархии, которой грозило обернуться вступление России в войну. Особенно наглядно эти настроения были выражены в записке председателя правой группы Государственного совета П.Н. Дурново[875]. Записка Дурново легла на стол царю в феврале 1914 г., но не возымела никакого действия и была отправлена в архив. Между тем записка бывшего директора Департамента полиции и министра внутренних дел представляла собой поразительный и редчайший в истории пример политического прогноза, сбывшегося во всех главных своих компонентах. Как отмечал американский историк и политолог Ричард Пайпс, «этот документ, обнаруженный и опубликованный после революции, так точно предсказывает ход грядущих событий, что, не будь столь несомненно его происхождение, можно было бы заподозрить позднейшую подделку»[876].

П.Н. Дурново подчеркивал, что «война для нас чревата огромными трудностями и не может оказаться триумфальным вхождением в Берлин». Неизбежны и военные неудачи, те или иные недочеты в нашем снабжении. Он предвидел, что «при исключительной нервности нашего общества этим обстоятельствам будет придано преувеличенное значение», причем все неудачи будут приписаны правительству. По его прогнозу, в случае военных неудач «социальная революция, в самых крайних ее проявлениях, у нас неизбежна» и «Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается предвидению». По мнению Дурново, всех этих бед можно было избежать, если бы Россия избежала противостояния с Германией. «Жизненные интересы России и Германии нигде не сталкиваются и дают полное основание для мирного сожительства этих двух государств. Будущее Германии — на морях, то есть именно там, где у России, по существу, наиболее континентальной из всех великих держав, нет никаких интересов». Мысль о том, что для России было бы выгоднее иметь иных союзников, была характерной для крайне правых. При этом они исходили не только из военно-стратегических и экономических, но прежде всего из политических соображений. Если либералы в основном ориентировались на республиканскую Францию и конституционную Великобританию, то монархисты полагали, что российскому самодержавию куда ближе кайзеровская Германия и императорская Австро-Венгрия. Лидеров черносотенных организаций тревожил курс правительства на упрочение связей со странами Антанты.

В январе 1912 г. по случаю прибытия в Россию английской делегации Главная палата Союза Михаила Архангела приняла обращение к министру иностранных дел, в котором выражалась надежда, что приезд дорогих гостей «ни в каком случае не повлияет на ухудшение старинных наших отношений с Германией, в которых Союз видит могучий оплот монархических принципов среди кругов бу-

шующего моря революции...». В другой телеграмме, адресованной министру внутренних дел, черносотенцы подчеркивали, что, если бы правительство вернуло национальную политику в ее исконное историческое русло, «не было бы надобности искать опасных союзов, направленных против искони дружественных нам соседних держав». Даже в мае 1914 г. буквально в канун войны, лидер Союза русского народа Н.Е. Марков говорил с думской трибуны: «Я думаю, что лучше вместо большой дружбы с Англией иметь маленький союз с Германией, это будет проще и здесь нам будет гораздо легче договориться»[877].

Крайне правым пришлось резко переменить фронт после 1 августа 1914 г., когда Германия объявила войну России. Союз Михаила Архангела был вынужден в срочном порядке изъять из своего устава § 17, в котором было выражено особое доверие немецкому населению империи. Н.Е. Марков, совсем недавно восхищавшийся германскими порядками, провозглашал: «Мы ведем теперь борьбу не только с Германией и Австрией, мы ведем борьбу с Иудо-Германией». В.М. Пуришкевич, ранее изобличавший британские дипломатические интриги, теперь просил позволения выразить «глубокое восхищение Англией, нашему доблестному союзнику». Напротив, немцы на страницах черносотенных газет из культурного и цивилизованного народа немедленно превратились в орды «гуннов» и «варваров»: «Ради алчного захвата русской земли корыстолюбивый злобный немец издавна готовился к внезапному на державу Российскую нападению и, выждав удобное время, всеми силами ринулся на мирную Россию»[878].

Пожалуй, единственным правым деятелем, оставшимся верным прежним позициям и осмелившимся открыто заявить об этом, был адвокат П.Ф. Булацель. Когда в Англии заговорили о том, что необходимо объявить Вильгельма II военным преступником, подлежащим суду за свои злодеяния, Булацель откликнулся статьей в «Российском гражданине», указывая, что, с точки зрения монархических прин-

ципов, особа любого монарха, будь он царем или кайзером, является священной и неприкосновенной. Выступление Булацеля вызвало единодушное осуждение со стороны представителей всех политических сил, включая его соратников по правому лагерю. Он был исключен из членов киевского отдела Союза русского народа, а Главная палата Союза Михаила Архангела приняла специальное заявление, в котором говорилось, что защита русского монархизма отнюдь не тождественна германофильству: «Отсюда до рабского преклонения перед злодейскими династиями Гогенцоллернов и Габсбургов целая пропасть. Наш союз будет приветствовать уничтожение и унижение этих династий как радостное для России и для всего христианского мира торжество»[879]. Кадетская «Речь» сообщала мнение председателя фракции крайне правых профессора С.В. Левашова об условиях будущего мира: «Мы должны сломать только угнетающий Европу немецкий империализм. Для этого нужно превратить Германскую империю в прежний союз немецких государств...»[880].

Насколько искренним было желание крайне правых увидеть Германию поверженной и расчлененной? Один из исследователей правого движения Ю.И. Кирьянов полагает, что черносотенцы лишь формально были за продолжение войны до полного изгнания вражеских солдат с территории России. «Однако скрытно часть правых во главе с А.И. Дубровиным уже в 1915 г. стала склоняться к прежней ориентации, желая скорейшего заключения сепаратного мира с Германией ради спасения двух главных монархических держав в Европе»[881]. Действительно, современники сомневались в патриотизме вождей «истинно русских». Н.Е. Маркову на протяжении всей войны припоминали его опрометчивые слова о «маленьком союзе с Германией». Департамент полиции имел агентурные сведения о том, что немцы пытаются использовать правых депутатов для агитации в пользу прекращения военных действий — «при содействии также и члена Думы Пуришкевича». В справке Департамента по-

лиции объяснялось: «Правыми в этом случае руководит будто бы опасение, что окончательный разгром Германии вызовет в последней государственный переворот, который в свою очередь неблагоприятно отразится и на монархических устоях в России, где — под влиянием соседней германской республики — может тогда вспыхнуть вторичное революционное движение»[882]. Дубровинское «Русское знамя» подозревали в скрытом восхвалении немецкой культуры. В архиве А.И. Дубровина сохранилось письмо руководителя «кружка архангельских патриотов», который возмущался действиями местной цензуры (привожу с сохранением орфографии подлинника): «Даже к нам в Торговлю нарочно заходил военный цензор г-н Советник Всеволжский который не советывал выписывать Русское Знамя говоря что неметскими деньгами пахнет»[883].

Вместе с тем надо учитывать, что ярлык германофильства был удобным средством дискредитации политических оппонентов и к нему часто прибегали представители либеральной оппозиции. И монархистов и царское окружение, вплоть до самой императрицы, обвиняли в стремлении заключить сепаратный мир с Германией. Никаких фактических доказательств, подкреплявших столь серьезные обвинения, не было приведено ни до, ни после революции. Будет справедливо отметить, что лидеры черной сотни, вне зависимости от своих личных пристрастий, в годы войны не предприняли никаких шагов, которые могли быть истолкованы как пособничество врагу.

В вопросе о возможных территориальных приобретениях России после победоносного завершения войны черносотенцы пошли дальше самых смелых планов, которые вынашивали лидеры либеральных партий во главе с Милюковым Дарданелльским. Они не ограничивались мечтами о Царьграде и проливах. Антоний Храповицкий говорил в своих проповедях: «Но и этого мало. Невозможно могущественной России сносить, чтобы величайшая наша святыня — Господень Гроб и Голгофа и Вифлеем оставались в руках

неверных магометан»[884]. Б.В. Никольский писал в своем дневнике: «В мои студенческие годы у меня висела карта Европы, где наша западная граница шла по Эльбе. Теперь я согласен даже на Одер. Наконец, если мы проведем ее по Висле, так и то я согласен стерпеть. Но не меньше»[885].

В годы войны В.М. Пуришкевич стал председателем «Общества русской государственной карты», созданного для того, чтобы с научной точки зрения обосновать новые границы империи. Пуришкевич считал, что российские дипломаты еще со времен Нессельроде забыли, какой они национальности, и легко поступятся интересами русского народа на будущем мирном конгрессе. С другой стороны, он вспоминал, что ему все время приходилось обрывать полеты фантазии славянофилов, заседавших в Обществе, и возвращать их на почву реальной политики, указывая, что русские приобретения должны быть приемлемы для союзников по Антанте.

Черносотенные союзы старались внести свою лепту в дело победы. Среди добровольцев, ушедших на фронт, был прапорщик Владимир Голубев, один из руководителей киевского молодежного общества «Двуглавый орел», известный по делу Бейлиса. Он заслужил Георгиевский крест и пал на поле брани через несколько месяцев после начала войны. Похороны героя-черносотенца превратились в грандиозную патриотическую манифестацию. Кстати, по некоторым сведениям смертельно раненного прапорщика Голубева вынес из-под огня санитар-еврей.

Черносотенцы собирали пожертвования для раненых воинов. Обновленческий союз русского народа открыл в Петрограде лазарет для раненых воинов русской армии. Дубровинский Главный совет призвал свои местные отделы устроить сбор денег в патриотических целях. Провинциальные монархические организации содержали на свой счет так называемые «койки с национальной лентой» в военных госпиталях. С головой погрузился в санитарное дело В.М. Пуришкевич. Он руководил головным поездом Крас-

ного Креста. Вождь Союза Михаила Архангела часто выезжал на театр военных действий. По общему признанию, в его санитарных поездах был образцовый порядок, хотя кое-кто справедливо отмечал, что Пуришкевич, используя свои связи в высших кругах, добивался лучших условий для своих докторов и сестер милосердия.

Участие провинциальных черносотенных отделов в организации снабжения армии и тыла носило очень скромный характер. Например, бакинское общество обывателей русских людей получило в просторечии название «противогазного общества», поскольку взяло подряд на изготовление защитных масок для фронта. В Астрахани черносотенцы предотвратили поставку в действующую армию партии гнилых сапог, о чем незамедлительно поспешили сообщить самому Верховному Главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу. В связи с этим случаем астраханская народно-монархическая партия и отдел Союза русского народа потребовали примерно наказать плутов-подрядчиков: «...для ограждения нашего солдата-страстотерпца должна быть применена в подобных случаях угроза самым суровым наказанием всем тем участникам поставок и работ для нужд армии, которые окажутся недобросовестными»[886]. Правда, если верить сообщениям либеральной печати, черносотенцы и сами попадались на злоупотреблениях. Так, киевские черносотенцы создали артель русских кустарей и объявили набор рабочих для строительства фортификационных сооружений. Поскольку такая работа давала право на освобождение от призыва, в артель записалось множество местных ювелиров, заплативших по 300—400 руб.[887].

Черносотенцы говорили о войне как о всенародном деле, в котором принимают участие все граждане России. Председатель фракции крайне правых С.В. Левашов называл войну «настоящей отечественной войной по примеру 1812 г.», а в черносотенных пропагандистских брошюрах она именовалась «Второй Отечественной». Однако говоря об общем для всех народов отечестве, черносотенцы не от-

казывались от лозунга «Россия для русских!». Дубровинцы даже полагали, что война будет способствовать реализации этого принципа. «Нынешние дни надлежит считать временем могучего пробуждения национальной гордости и самосознания русского народа, — писало «Русское знамя». — Немец — это только повод. России пора освободиться от всякой иноземщины»[888].

Ни на один день не прекращались антисемитские выпады. Консервативная пресса угощала своих читателей нелепыми выдумками о сплошной еврейской измене и шпионаже. Типичный образчик — корреспонденция «Нового времени», с готовностью перепечатанная «Русским знаменем»: «Оказалось, в гробу, вместо покойника еврея, — 1 500 000 руб. золота, которое таким образом евреи хотели перевезти немцам. Евреи ведут себя возмутительно. Масса среди них шпионов»[889]. Среди членов Союза Михаила Архангела были сторонники смягчения враждебности к евреям, но их взгляды не находили понимания среди большинства черносотенцев. Весной 1915 г. почетный член московской палаты Союза Михаила Архангела В.А. Бернов пытался прочитать перед харьковскими черносотенцами доклад «Перемещение точек зрения по еврейскому вопросу». Реакция слушателей была описана в письме харьковских черносотенцев: «Бернов заявил, что нам, союзникам, давно пора переменить точку зрения на евреев, стал распинаться за них, восхваляя пользу, ими приносимую России, заявил, что мы должны все меры употребить к тому, чтобы устроить евреям отмену черты оседлости и выхлопотать равноправие. Поднялся в зале неимоверный скандал...» Харьковские черносотенцы обеспокоенно запрашивали В.М. Пуришкевича, не изменил ли он своим взглядам, «так как мерзавец Бернов действует в связи с распускаемыми слухами о вашем мнимом жидофильстве»[890].

На самом деле Пуришкевич не одобрял позицию, занятую новаторами во главе с В.Г. Орловым, председателем московской палаты Союза Михаила Архангела. Летом 1915

г. Орлов и ряд его единомышленников из последователей Союза Михаила Архангела и Союза русского народа создали Отечественный патриотический союз. Устав этой организации, утвержденный в сентябре 1915 г., запрещал прием немцев в Отечественный союз. Однако этот запрет не распространялся на представителей других национальностей и вероисповеданий: «Инородцы и иноверцы принимаются в члены Союза по единогласному решению советов отделов, каждый раз представляя о сем на утверждение Главного совета»[891]. Этот пункт устава вызвал такую бурю среди черносотенцев, что Орлов вынужден был обратиться с открытым письмом к монархистам, разъясняя цели и задачи Отечественного союза: «В уставе этой партии нет вызова инородцам, не допускается травля их, ибо, отвечая современным повелительным запросам жизни нашей родины, было бы негосударственно и несправедливо действовать против тех народностей, кои сражаются за честь, славу, мощь и величие России»[892]. Разъяснение не помогло, и вскоре по решению Главной палаты Союза Михаила Архангела московская палата Союза Михаила Архангела была распущена, а Орлов исключен из ее рядов как «ставший защитником еврейского равноправия в России».

Не менее острой для истинно русских была польско-украинская проблема. В начале войны стремительное наступление русских армий в Восточной Пруссии обернулось тяжелым поражением. Крайне правые призывали не впадать в отчаяние. «Борьба с таким серьезным противником, каким является Германия, требует с нашей стороны колоссального напряжения энергии, силы воли, величия духа и полного спокойствия», — предупреждала «Земщина»[893]. Зато сводки с Юго-Западного фронта вселяли надежду на скорую победу. Вступив в пределы Галиции, русская армия разбила во встречных боях австро-венгерские войска и заняла Львов. Черносотенцы выражали уверенность в том, что эти земли, населенные славянами, навсегда войдут в состав империи. «Галицкой Руси вещается о грядущем присоединении ее к исконной своей Родине — Руси Великой, которая

объединилась уже давно с Малой Русью и Белой и жаждала завершения великого исторического дела...» — провозглашало «Русское знамя». Черносотенцы надеялись, что не только украинцы, но и поляки с радостью превратятся в верноподданных православного царя: «Ныне, после полуторастолетнего плена поляков у кельтской и мадьярской расы, настала возможность освободиться от тевтонских тисков — стоит лишь признать главенство над собой сильнейшего из славянских племен, протягивающего ему руку спасения»[894]. Встречая во Львове императора Николая II, новый волынский архиепископ Евлогий обратился к нему с торжественным словом: «Ваше императорское величество, вы первый ступили на ту древнерусскую землю, вотчину древних русских князей — Романа и Даниила, на которую не ступал ни один русский монарх». С благословения архиепископа в Галиции началось массовое возвращение униатов в лоно православия. По утверждению Евлогия, этот переход был стихийным и добровольным, униатские священнослужители имели на сей счет иное мнение.

Если в России рассчитывали на поддержку русофилов, то правительства Тройственного союза делали ставку на поборников украинской независимости, или «мазепинцев». Черносотенцы выражали крайнюю озабоченность успехами этого политического движения, утверждая, что оно всецело создано, субсидируется и направляется австрийцами и немцами. Истинно русские наметили ряд мер, которые должны были поставить барьер перед распространением украинского сепаратизма: «Недопустимо существование украинской литературы, украинских книжных магазинов (книгарен), комитетов помощи беженцам-украинцам и каких бы то ни было учреждений, поддерживающих и развивающих это пагубное движение»[895].

Еще одной из национальных проблем, по которым довелось высказаться черносотенцам в период войны, было отношение к армянскому населению, ставшему жертвой резни в турецких владениях. Русское общество выражало сочувствие единоверцам и высказывало мнение о необходи-

мости активизировать боевые действия в Закавказье, чтобы взять под защиту армянское население. Черносотенцы, по крайней мере дубровинцы, весьма сдержанно относились к этим планам, утверждая, что армянские националисты пытаются устроить свои дела за счет России: «Если группа армянских шовинистов мечтает о восстановлении какого-то армянского государства, то почему русский народ должен последовать их приглашению и для этого пожертвовать сотнями тысяч жизней русских воинов»[896].

Крайне правые заявляли о своей готовности сотрудничать со всеми политическими партиями, которые выдвинули лозунг защиты Отечества. Они с одобрением восприняли «патриотическое единение», которое было продемонстрировано почти всеми политическими группировками в начале войны. «Как только вспыхнула война, все политические партии у нас как рукой сняло, — писал обновленческий «Вестник Союза русского народа». — Возьмите любую газету за первые две недели войны и поищите хоть одну строчку, под которой не подписался бы любой, самый строгий союзник»[897]. Черносотенная «Земщина» призывала крайне правых депутатов: «Мы, русские люди, должны перестать подозревать и даже открыто обвинять друг друга в своекорыстии и предательстве за одно только, что мы принадлежим к различным политическим партиям». Конечно, продолжала газета, борьба неизбежна, «но пусть хоть отныне борьба эта не доходит до лютой ненависти одних русских людей к другим, пусть клевета, брань, презрение, злорадство не насыщают более своими миазмами Таврический дворец»[898]. Наиболее последовательно придерживался этой линии В.М. Пуришкевич. По воспоминаниям В.А. Маклакова, вождь Союза Михаила Архангела даже попросил «познакомить» его с лидером кадетов П.Н. Милюковым. Для дубровинцев подобные деловые контакты с кадетами были совершенно неприемлемы. В их глазах кадеты, несмотря на их патриотические декларации, оставались «партией политических воров, мошенников и убийц, добивающихся установления в России республиканского режима»[899].

Впрочем, и дубровинцы и обновленцы были едины в своем непримиримом отношении к левым, особенно социал-демократам большевистского толка, единственной фракции IV Государственной думы, которая проголосовала против военных кредитов. В ноябре 1914 г., когда пять членов большевистской фракции были арестованы за участие в подпольной конференции, черносотенцы потребовали казнить изменников: «Петля на шею — вот единственная расправа со всеми злодеями, продавшими свою совесть за немецкое золото», — требовали обновленцы[900]. После того как большевистские депутаты были осуждены на вечное поселение в Сибири, дубровинцы заявили, что левым партиям, какую бы окраску они ни имели, вообще не должно быть места в Думе: «Или эти социал-демократы и трудовики сумасшедшие, и тогда они должны быть помещены в больницу, или же они сторонники Вильгельма, и тогда им не место в России. Прекрасная мысль иметь в законосовещательных учреждениях представителей всех оттенков общественных течений, но таковые интересны только здоровые, а отнюдь не уродливых форм. В каждой стране имеются и профессиональные воры, но не придет же никому на мысль предоставить и ворам представительство в законосовещательном устроении»[901].

«Патриотическое единение» продержалось недолго. Весной и летом 1915 г. русская армия пережила затяжную полосу военных неудач. Отдавая себе отчет в опасности войны на два фронта, германское командование приняло решение перейти к стратегической обороне на западе, чтобы нанести сокрушительный удар по России и принудить ее выйти из Антанты. С Западного фронта на Восточный были переброшены отборные корпуса, которые в мае 1915 г. развернули широкое наступление. Русская армия была вынуждена оставить недавно взятую крепость Перемышль, покинуть Львов и продолжала отступать на восток. Для черносотенцев особенно болезненным был тот факт, что австрийцы заняли Почаев, оплот самого многочисленного отдела Союза русского народа. С возмущением говорили,

что в зимнем соборе Почаевской лавры устроили синематограф для австрийских солдат, а в одной из церквей — кантину, где офицеры устраивали попойки, празднуя свою победу.

Первые известия о неудачах на фронте вызвали взрыв антинемецких настроений в Москве, которые в конце мая 1915 г. вылились в трехдневные погромы торговых и промышленных заведений, принадлежавших людям с немецкими фамилиями. Всего пострадало 688 домовладений, включая квартиру консула Нидерландов, где погромщики разодрали флаги этой страны, приняв их за германские. Антинемецким погромам посвящены специальные исследования[902], не давшие, однако, окончательного ответа на вопрос, кто стоял за бесчинствующими толпами. Ряд видных ораторов черной сотни, в частности А.А. Хвостов, в ту пору правый депутат Государственной думы, прославились резкими выступлениями против «немецкого засилья», что могло способствовать разжиганию межнациональной розни. Однако непосредственного участия черносотенцев в московских событиях обнаружено не было. Громилы были молодыми людьми, о чьем нравственном облике можно судить по частному письму, перехваченному полицией: «Мы с Петушком пошли на Ильинку к Вильборну; напились в лоскутики; много принесли домой, а также продали рублей на 25. Мы большей частью пили и тащили коньячок... Арестованных очень много, много также раненых и мертвых, прямо напивались до смерти, а некоторые просто захлебнулись в бочке, потому что пили прямо из бочек»[903]. Следует отметить серьезное отличие погромов 1915 г. от погромов 1905 г. В 1905 г. все начиналось с патриотических манифестаций, которые несли царские портреты. Десять лет спустя монархических настроений не наблюдалось. Заведующий дворцовой охраной А.И. Спиридович вспоминал: «В Петербург долетели слухи о том, что при погроме чернь бранила членов императорского дома. Бранили проезжавшую в карете великую княгиню Елизавету Федоровну. Кричали, что

у нее в обители скрывается ее брат великий герцог Гессенский. Хотели громить ее обитель»[904].

В конце лета 1915 г. германское наступление было остановлено, но Россия потеряла Галицию, Польшу, Литву, часть Прибалтики и Белоруссии. Лишь после этих неудач высшие власти начали осознавать, что мировая война не похожа ни на одну из предыдущих войн, что она приняла затяжной характер и потребует мобилизации всех сил и средств на военные нужды. Одним из шагов, предпринятых для перестройки управления народным хозяйством, было образование нескольких Особых совещаний. В их деятельности с правом совещательного голоса принимали участие депутаты Государственной думы, Государственного совета и общественных организаций. Н.Е. Марков был включен в состав Особого совещания по обороне, причем неожиданно для многих из своих коллег, знавших его только как незаурядного демагога, зарекомендовал себя человеком, хорошо разбирающимся в самых сложных вопросах.

Одной из причин тяжелого положения русской армии была острейшая нехватка боеприпасов. Перед войной русское военное командование было уверено в том, что заготовленных запасов снарядов из расчета тысяча штук на одно орудие хватит по крайней мере на год. Но уже первый месяц войны поглотил половину всех припасов, а дальше начался настоящий «снарядный голод», из-за которого русская артиллерия на десять выстрелов немцев могла ответить лишь одним-двумя выстрелами. Перед Особым совещанием по обороне была поставлена задача увеличить производство снарядов до 50 «парков» (полутора миллионов снарядов) в месяц. Ряд членов Совещания, опираясь на мнения экспертов, считал эту цифру избыточной, тогда как Марков, наоборот, называл ее заниженной. В.В. Шульгину запомнилась его резкая речь: «Относясь со всем уважением к произведенным в Ставке Верховного Главнокомандования подсчетам, я тем не менее должен заявить, — не в обиду будь им сказано, — что настоящая война совершенно доказала нижеследующее. Со всякими вообще «под-

счетами специалистов» нужно поступать так, как поступил восточный мудрец со своей женой: выслушать эти подсчеты... а поступить наоборот. Я убежден, что к тому времени, когда мы сможем довести наше производство до 50 «парков», мы получим новое заявление, в котором будет сказано, что «в силу сложившихся условий техники» все прежние подсчеты оказались недостаточными и требуется увеличить норму вдвое. Я предлагаю, не дожидаясь этого неизбежного заявления, а сразу, теперь же увеличить расчет Ставки вдвое»[905]. Дальнейший ход военных действий доказал правоту депутата от крайне правых.

Призыв сплотиться в годину тяжелейших испытаний прозвучал в «поучительном слове», произнесенном протоиереем Иоанном Восторговым по поводу оставления русским воинством Перемышля и Львова: «Если бы что и было достойно осуждения в действиях и ошибках правителей, то теперь не время заниматься такими счетами, для того будет мирное время и законом открытые и разрешенные пути и средства для обсуждения действий и мероприятий правительства. Теперь же одно должно быть у всех правило: все для войны — и армия, и флот, и фабрики, и заводы, и труд рабочих, и государственная производительность, и частная предприимчивость, и все наши средства духовные и материальные. И притом все — в единении, все в доверии к правительству и все в помощь правительству».

Высшая власть постаралась смягчить накал страстей. В отставку были отправлены несколько министров, непосредственно отвечавших за плохую подготовку армии или имевших стойкую репутацию консерваторов. Среди них были министр юстиции И.Г. Щегловитов и министр внутренних дел Н.А. Маклаков. Однако либеральная оппозиция считала недостаточными простые перестановки в правительстве. В августе 1915 г. был создан так называемый Прогрессивный блок, объединивший шесть думских фракций Государственной думы (236 из 422 членов IV Государственной думы) и три группы Государственного совета. Вне Прогрессивного блока остались только крайне левые (фак-

тически же меньшевики и трудовики следовали общей тактике блока) и крайне правые. В блок вошла даже часть националистов, получивших наименование «прогрессивных националистов». Поскольку Прогрессивный блок состоял из весьма различных по своим убеждениям политических деятелей, программа блока была умеренной. Самым радикальным пунктом программы было требование «министерства доверия».

Черносотенцы восприняли создание Прогрессивного блока как мобилизацию антимонархических сил. В окружном послании Главного совета Союза русского народа за подписью Н.Е. Маркова и других черносотенных вождей говорилось: «Пользуясь временными и преходящими затруднениями в деле снабжения нашей доблестной армии снарядами и вооружением, внутренние враги нашей родины: конституционалисты, парламентарии, революционеры, а в особенности немцы и жиды, всячески стремятся обмануть русский народ... С необычайной наглостью они требуют от царя назначения министров из их среды, министров, ответственных перед стакнувшимися политическими партиями, а не перед царем, министров, поставленных инородцами и жидами, а не помазанником Божиим, государем императором»[906]. Крайне правые обрушились на Московскую городскую думу, поддержавшую требования блока о формировании правительства доверия: «Зашевелилась вся обирающая народ плутократия, представители банков жидовских, синдикатов, общеземского и городского союзов, неторгующие купцы Гучковы, менялы Рябушинские».

В крайне правых кругах возникла идея создать в противовес Прогрессивному (или «желтому», как они его прозвали) блоку патриотический — «черный» блок. Однако давней бедой черной сотни являлась разобщенность, которую не так-то просто было преодолеть. Прежде чем договориться о совместных действиях, черносотенцам пришлось созвать три предварительных совещания.

Первое из таких совещаний состоялось в Саратове 27—29 августа 1915 г. сразу же после возникновения Про-

грессивного блока. Совещание называлось «частным», и действительно круг его участников был весьма узким. В Саратов приехали уполномоченные от 14 монархических организаций. Председателем совещания был избран почетный член Саратовского отдела Союза Михаила Архангела Н.П. Тихменев. Вместе с тем в совещании принимали участие руководители провинциальных организаций, тяготевших к дубровинскому направлению.

Прежде всего Саратовское совещание продемонстрировало свои верноподданнические чувства, одобрив принятие Николаем II должности Верховного Главнокомандующего — решение, которое вызвало несогласие даже в правительственных кругах. Царя пытались предостеречь, указывая, что в обстановке военных неудач весьма рискованно брать на себя ответственность за командование войсками, так как скорых побед не предвидится, а любые поражения будут бить по авторитету монарха и монархии. Кроме того, отъезд царя из столицы в Ставку, которая размещалась в Могилеве, не позволит императору руководить правительством. Восемь министров пошли на беспрецедентный шаг для самодержавной монархии, подписав коллективное письмо, в котором пытались отговорить Николая II от опрометчивого поступка. Участники Саратовского совещания заверяли царя: «узнали с чувством глубокого благоговения о принятии Тобой, Государь, воительство бранными силами России». Одновременно с этим черносотенцы заявляли: «Но боимся мы, Государь, что за время твоего отсутствия правительство не справится с предательством интеллигенции и промышленных классов, стремящихся ради своей корысти использовать тяжелое положение России и вырвать из рук твоих самодержавную власть». Во избежание вакуума власти крайне правые предлагали назначить доверенного сановника, облеченного чрезвычайными полномочиями. «Государь, власть нуждается в сильных и твердых руках человека, который сумел бы, по Твоему приказанию, во время Твоего отсутствия пресечь яд революционной смуты...»[907]. Крайне правые не называли имя государственного

деятеля, которого они прочили на роль диктатора. Возможно, имелся в виду А.Н. Хвостов, вскоре ставший министром внутренних дел.

Одновременно с назначением сановника, облеченного неограниченными полномочиями, черносотенцы предлагали распустить Государственную думу, которой вменялось в вину произнесение митинговых речей, вселявших недоверие населения к власти. «Государственная дума была пособницей нашему врагу, лучшим, чем вся его артиллерия...» — подчеркивали черносотенцы. Что же касается думского Прогрессивного блока, то, по словам черносотенцев, осуществление его программы «все немцы ждут с затаенным, радостным трепетом, как верную победу свою». Крайне правые обрушились на военно-промышленные комитеты, созданные летом 1915 г. для мобилизации промышленности на военные нужды. Комитеты заявили о себе как оплот либеральной оппозиции. Хотя комитеты успели проработать чуть больше месяца, участники Саратовского совещания безапелляционно заявляли, что их слабость и неспособность к делу уже полностью выяснились. Черносотенцы требовали взять в руки казны все частные заводы, фабрики и мастерские, могущие изготовлять оружие, снаряды и все необходимое для снабжения войск боевым материалом. «Рабочие и служащие казенных заводов должны быть также милитаризованы», — подчеркивалось в решениях Совещания.

В «Обращении» Саратовского совещания к правительству монархисты предупреждали об опасности новых революционных выступлений: «Все поведение левых указывает на то, что вожаки их рассчитывают воспользоваться несчастьем родины и повторить 1905 год». Черносотенцы ободряли министров, утверждая, что враги самодержавия оторваны от народной почвы: «Правительство должно помнить, что в России нет силы, могущей открыто побороть царскую власть, что все так называемые «народные движения» искусственны, поддерживаются наихудшими людьми и подавить

их ничего не стоит. Фрондирующая кадетствующая интеллигенция дерзка, но труслива; социалисты более смелы, но их такая ничтожная кучка, что только растерянностью и бездеятельностью правительства может быть объяснено их влияние на учащуюся молодежь и на рабочих, с которыми оно находится в неестественной связи». Для предотвращения революции, уверяли крайне правые, необходима твердость, «так как от уступок левые еще больше смелеют и предъявляют еще большие требования». Крайне правые выражали готовность встать на защиту монархии, если правительство пойдет им навстречу: «Если левые опять затеют смуту, по примеру октября 1905 года, то правительство не только не должно мешать правым поднять противосмутное движение, как оно это делало в 1905 г., а напротив, оно должно вооружить всех монархистов; а теперь, не медля, сделать распоряжение выдавать им свидетельства на право ношения оружия беспрепятственно».

Саратовское совещание решило создать бюро для содействия взаимному общению монархических организаций и рассылки им руководящих сообщений. Бюро возглавил председатель астраханской народно-монархической партии Н.Н. Тиханович-Савицкий. Монархисты пришли к соглашению о необходимости скорейшего созыва всероссийского совещания, подготовка которого была возложена на председателя Одесского союза русских людей Н.Н. Родзевича.

Почин провинциальных отделов был подхвачен в столице. Правда, черносотенцам так и не удалось скоординировать свои действия, что привело к созыву в ноябре 1915 г. сразу двух монархических совещаний. Петроградское совещание 21—23 ноября 1915 г. было подготовлено правой фракцией Государственной думы и правой группой Государственного совета. На совещание прибыли 250 человек: высшее духовенство, депутаты, сенаторы, деятели объединенного дворянства. Само совещание было приурочено к съезду объединенного дворянства. В провинции ревниво следили

за подготовкой аристократического столичного форума. Н.П. Тихменев писал Н.Н. Родзевичу: «Провинция будет, нужно думать, представлена на съезде весьма бедно, да устроители за этим едва ли гонятся — им нужна не организация сил, а демонстрация своего собственного могущества и великолепия»[908]. Если инициаторы совещания стремились продемонстрировать свою близость с властью, то эта задача была выполнена. Почетным гостем совещания был отставной министр внутренних дел Н.А. Маклаков, а с действующим министром А.Н. Хвостовым уполномоченные монархических организаций советовались по всем программным вопросам. Председателем совещания был избран бывший министр юстиции И.Г. Щегловитов. Предполагалось, что перед его авторитетом и высоким положением склонятся черносотенные лидеры, погрязшие во взаимных интригах. Но, как вспоминал впоследствии сам Щеглови тов, «председательствование это возбудило во мне глубочайшее разочарование: я увидел, что достигнуть объединения, по крайней мере в пределах, для меня желательных, нет никакой возможности»[909].

Устроители монархического совещания постарались привлечь на него черносотенцев всех оттенков и направлений. На совещание пригласили лидера Отечественного патриотического союза В.Г. Орлова, считавшегося среди крайне правых сторонником равноправия инородцев. Но участие Орлова привело к отказу от участия в совещании уполномоченных от Союза Михаила Архангела. Что касается дубровинцев, то их отношение к Петроградскому совещанию было весьма настороженным. А.И. Дубровин в частной переписке называл его «бутафорским марковским съездом». Тем не менее верхушка всероссийского дубровинского союза решила принять участие в Петроградском совещании. По словам товарища министра внутренних дел С.П. Белецкого, «боясь разборов на съезде, А.Н. Хвостовым и мною было устроено примирение А.И. Дубровина с Марковым»[910]. На одном из заседаний давние враги демонстративно обме-

нялись рукопожатием. Однако примирение на публике отнюдь не означало преодоления разногласий. В докладе столичного охранного отделения указывалось, что на совещании существовала скрытая оппозиция: «Видную роль в означенном течении недовольных играла на совещаниях группа «дубровинцев» с самим доктором Дубровиным во главе. Чувствуя себя здесь, в присутствии видных деятелей Государственного совета и Государственной думы, как бы на втором месте и не решаясь открыто выступить со свойственной им резкостью выпадов и резолюций, эта среда крайних и неумеренно правых монархистов все время сдерживалась надеждами развернуться вовсю именно на съезде в Нижнем Новгороде, одним из видных организаторов коего и является Дубровин»[911].

О существовании подспудных течений свидетельствовала борьба вокруг решений Петроградского совещания. В первоначальном варианте резолюций фигурировало почти ультимативное требование удалить неугодных черносотенцам министров. Это встревожило председателя правой группы Государственного совета А.А. Бобринского, который немедленно направил Щегловитову письмо. Граф Бобринский писал: «Возражения мои зиждутся на том соображении, что Съезд монархистов представляет из себя как-никак — улицу; правую улицу — но все же толпу... Но улица, хотя бы и совсем правая, не должна бы, по моему мнению, позволять себе давать указания государю или критиковать его действия»[912]. Предупреждение Бобринского было принято к сведению, из резолюций изъяли наиболее резкие пассажи.

Петроградское совещание обрушилось на Прогрессивный блок, причем особенный гнев вызвало желание некоторых сановников наладить контакты с консервативной частью блока. Монархисты предупреждали: «В особенности обращает на себя внимание и деятельность министров, членов Государственного совета по назначению и придворных чинов, которые вступили в соглашение с прогрессивным пар-

ламентским блоком, покусившимся для достижения своих политических домогательств преступно использовать тяжелые военные обстоятельства»[913]. Монархическое совещание подчеркнуло, что главное требование Прогрессивного блока о создании объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны и согласившихся с законодательными учреждениями относительно выполнения в ближайший срок определенной программы, — «есть требование, определенно нарушающее основные законы Российского государства и явно направленное к покушению на права Верховной Самодержавной Власти».

В постановлениях Петроградского совещания была дана развернутая критика всех положений программы Прогрессивного блока, особенно касавшихся изменения национальной политики. Гневную отповедь вызвало осторожно сформулированное предложение блока о необходимости вступить на путь отмены некоторых ограничений в правах евреев. Монархисты подчеркивали: «Это требование Прогрессивного блока явно направлено против самого бытия России как самобытного Русского Государства. Именно теперь, во время мировой войны, точно и непреложно установлено, что еврейство ведет войну против России в союзе с Германией». Не менее болезненной была реакция крайне правых на предложения проводить более примирительную политику в финляндском вопросе — «эти требования сводятся к тому, чтобы русские власти в Финляндии иерестали исполнять закон о равноправии русских с финляндцами...». Как саркастически отмечали черносотенцы, «ныне, требуя равноправия для иудеев в России, Прогрессивный блок стремится отнять равноправие у русских в Финляндии». Важное место в решениях Петроградского совещания заняла борьба против «немецкого засилья». В постановлениях совещания выдвигалось требование «неуклонно и немедленно конфисковать все предприятия, фабрики, магазины, капиталы, денежные документы и прочее имущество, принадлежащие подданным воюющих с нами держав, да-

же в том случае, если эти лица действуют под личиной акционерных обществ, учрежденных в России, или же прикрылись именем подданных России, а также союзных или нейтральных государств (фиктивность передачи)». В то же время монархическим организациям предлагалось остерегаться «огульного и бездоказательного обвинения всех лиц, носящих иностранную или немецкую фамилию».

Сравнивая решения «частного» совещания монархистов в Саратове и совещания в Петрограде, нельзя не заметить существенных различий. Если в Саратове, где преобладали радикальные элементы, говорилось о настоятельной необходимости поголовного вооружения черносотенцев, дабы они смогли своими силами расправиться с крамолой, то на Петроградском совещании, более строгом и официальном, подобные вопросы даже не поднимались. Как отмечалось в уже упомянутом докладе столичного охранного отделения, «наличность среди участников совещания видных и авторитетных правых деятелей в достаточной степени гарантировала «приличный» исход таковых без демонстративных и резких эксцессов, на которые в одинаковой мере способны особенно крайние — левые и правые элементы вообще». Однако самые крайние из крайне правых намеревались отвести душу на собственном совещании в Нижнем Новгороде, куда они отправились сразу же после завершения заседаний в столице.

Нижегородское совещание проходило 26—29 ноября 1915 г. Место его проведения имело символическое значение, так как Нижний Новгород был родиной Козьмы Минина, первого истинного черносотенца, по представлениям крайне правых. Из Нижнего Новгорода, где триста лет назад прозвучал знаменитый призыв Минина объединиться в борьбе против иноземных завоевателей, черносотенцы вновь собирались призвать русский народ встать на защиту православия и самодержавия. Нижегородское совещание, несмотря на название «всероссийское», оказалось менее представительным, чем Петроградское. В нем участвовало не

более сотни делегатов, в основном из провинциальных организаций дубровинского толка. В отличие от блестящего столичного собрания, это были малообеспеченные люди, приехавшие на свои скромные средства. Демонстрируя приверженность курсу на объединение, дубровинцы пригласили на свое совещание Н.Е. Маркова и других обновленцев. В то же время руководителю Отечественного патриотического союза В.Г. Орлову приглашение послано не было. По сообщением газет, Орлов прибыл в Нижний Новгород, но, убедившись, что черносотенцы шарахаются от него как от зачумленного, предпочел уехать.

Речи почетного председателя совещания А.И. Дубровина и почетного гостя Н.Е. Маркова дополняли друг друга. Словно отвечая на подозрения в тайном германофильстве, оба черносотенных вождя обвиняли в измене своих политических противников. Дубровин ознакомил делегатов с решениями Циммервальдской конференции представителей европейских социалистических партий, выступивших против империалистической войны.

Заодно лидер Союза русского народа призвал не доверять Г.В. Плеханову и другим социал-демократам, занявшим оборонческие позиции: «Не верьте им, так как они говорят неискренне. На самом деле все социал-демократы, руководимые германскими социалистами, хотят отдать немцам завоеванные ими земли, чтобы заключить мир и начать гражданскую войну внутри». Следует признать, что Дубровин оказался провидцем, если не в отношении Плеханова, то применительно к Ленину, принимавшему активное участие в Циммервальдской конференции.

Н.Е. Марков, развивая дубровинские тезисы, подчеркивал: «Наши социал-демократы в большинстве случаев рабочие, люди невежественные, совращенные с истинного пути учителем, евреем-немцем Карлом Марксом. Они находятся в духовном плену у него, который хуже насилия немецкого плена. Они потеряны для родины и прежде всего для самих себя». Но основной удар лидер обновленцев обрушил

на либералов из Прогрессивного блока. Указывая на историческое полотно Константина Маковского «Воззвание Минина», вождь черной сотни говорил: «Посмотрите на картину Маковского. Тогда Минин боролся с ворами, но теперешние воры-прогрессисты — прямые наследники прежних воров, и с ними нужна борьба иными средствами, ибо они просветились и стали хитрее».

Нижегородское совещание обсуждало насущные вопросы по пяти секциям: о взаимном объединении правых организаций, борьбе с дороговизной, национальном вопросе, немецком засилье и современном политическом положении. Секция, обсуждавшая национальный вопрос, в основном посвятила свои труды еврейскому вопросу и приняла несколько постановлений, которые граничили с прямым умопомешательством. В качестве примера можно привести следующий пункт: «Просить Государя Императора в законодательном порядке чрез Государственный совет и Государственную думу провести закон об обязательном изучении науки по обличению талмудического жидовства во всех низших, средних и высших учебных заведениях Российской империи, особенно же в православных духовно-учебных заведениях, с обязательным изучением жидовского языка». До идеи обязательного изучения талмуда и древнееврейского языка во всех русских учебных заведениях вряд ли бы додумались самые ортодоксальные раввины.

В отличие от своих коллег по Петроградскому совещанию, участники Нижегородского совещания при обсуждении мер против немецкого засилья сделали упор не столько на экономическую, сколько на религиозную сторону вопроса. Черносотенцы предлагали исключить протестантов из семьи христиан: «Желательно признать необходимость особого отношения со стороны Государства русского к протестантству не как к христианству, а как к религии еретически упорно отвергающей совершенно христианство и св. церковь, к подготовительной форме или состоянию пред принятием христианства, т.е. состоянию оглашения в исти-

нах христианства... Состояние оглашения есть состояние полуязыческое или даже языческое, что доказывают немцы служением золотому тельцу, милитаризму...». Помимо кар духовных, черносотенцы предусмотрели светское наказание: «Все состоящие на государственных должностях протестанты должны быть уволены от них».

Не осталась в стороне от национального вопроса и секция по борьбе с дороговизной. Черносотенцы предлагали сосредоточить всю хлебную торговлю в руках правительства, «так как евреи, засоряя умышленно скупаемый ими русский хлеб для вывоза за границу, разоряют этим земледельческую Россию». Кроме того, предлагалось ввести казенную монополию на керосин, чай, табак и спирт. Монархисты призвали правительство обратить самое серьезное внимание на то, «что администрация на местах совершенно не принимает никаких реальных мер для борьбы с эксплуататорами-торговцами и оптовиками, грабящими население на почве безнаказанного произвола».

Оценивая итоги работы двух монархических совещаний в ноябре 1915 г., следует отметить, что крайне правые все-таки не сумели добиться главной цели, ради которой, собственно, созывались эти совещания, а именно — создать монархический блок. На Петроградском совещании был избран Совет монархических совещаний во главе с И.Г. Щегловитовым. Совету поручался контроль за выполнением принятых постановлений и подготовку всероссийского монархического съезда. В Совет вошли члены Государственного совета А.А. Бобринский, А.А. Римский-Корсаков, члены Государственной думы С.В. Левашов, Н.Е. Марков, Г.Г. Замысловский, а также С.А. Кельцев, В.Г. Орлов, В.П. Соколов, Г.М. Шинкаревский. Нижегородское совещание выразило желание делегировать своих представителей в состав этого органа. В результате Совет пополнился Н.Н. Родзевичем и Н.Н. Тихановичем-Савицким. Однако Совет монархических совещаний не стал тем центром, вокруг которого могли бы объединиться крайне правые. Председа-

тель Отечественного патриотического союза В.Г. Орлов жаловался И.Г. Щегловитову на несправедливый характер выборов в Совет: «Выборы эти прошли под знаком партийной кружковщины: почти все члены Совета принадлежат к одной монархической организации, а именно к Союзу русского народа...» Он также отмечал присутствие в Совете «прекрасных незнакомцев» — «Что знает Россия о г. Шинкаревском, каков его удельный вес среди правых?»

Вскоре И.Г. Щегловитов, которому наскучили дрязги среди черносотенцев, сложил с себя председательские полномочия. Пост председателя предложили бывшему министру внутренних дел Н.А. Маклакову, но он отклонил эту честь. С середины 1916 г. исполняющим обязанности Временного совета стал С.В. Левашов (он же руководил фракцией крайне правых в Государственной думе). Сколько-либо активной деятельности Временный совет не вел, заседания его были редкими и нерегулярными. Более того, вместо объединения крайне правых произошел очередной раскол. Когда Отечественный патриотический союз провел свой собственный съезд в Москве, Временный монархический совет выступил с разъяснением, что собравшиеся в Москве деятели не имеют никакого отношения к монархистам: «Союз именует себя «Союзом Отечественным и Патриотическим»... Однако при этом нагромождении наименований союз упустил отметить, что он не только отечественный и патриотический, но и борющийся за еврейское равноправие. Назови он себя союзом отечественным, патриотическим и еврействующим — и все было бы ясно...»[914].

В то же время Временный совет не получил разрешение созвать монархический съезд, намеченный на ноябрь 1916 г. Официальная причина отказа — недопустимость каких-либо политических съездов в тяжелых условиях войны, истинная причина, очевидно, состояла в том, что в правительственных кругах окончательно разуверились в способности крайне правых оказать действенную поддержку властям.

2

Черная сотня против темных сил

Монархисты с отчаянием наблюдали за неуклонным падением престижа монархии, ставшим очевидным в последние годы Первой мировой войны. Решающую роль в дискредитации монархии сыграли так называемые «темные силы», которые в общественном мнении ассоциировались с Григорием Распутиным. О тобольском «старце» написано множество книг, но феномен его воздействия на императорскую чету по-прежнему остается загадкой. Следует отметить, что некоторые из церковных деятелей, близких к крайне правым, например, саратовский епископ Гермоген, способствовали появлению «божьего человека» в царских чертогах. Позже Гермоген глубоко сожалел о том, что оказался невольным пособником темных сил. Кстати сказать, другой крайне правый церковный деятель — архиепископ Антоний Волынский с самого начала был враждебно настроен к Распутину.

Правда, некоторые из правых деятелей пытались использовать старца в своих целях. Так, Б.В. Никольский тайно встречался с Распутиным на своей квартире и предлагал сотрудничество: «Я готов и впредь Вам помогать, предостерегать Вас, но, конечно, с тем условием, что и Вы, при случае, окажетесь нам полезным». Одновременно с этим он от имени своего покровителя генерала Е.В. Богдановича писал Николаю II письма о вредном влиянии Распутина. В итоге Богданович получил через дворцового коменданта В.А. Дедюлина высочайшее повеление более вопроса о старце не касаться. «Явно, что Распутин бесповоротно забрал полную власть и силу», — констатировал в своем дневнике Никольский[915].

Сам старец весьма неприязненно отзывался о черносотенцах: «Всякая политика вредна... Все эти Пуришкевичи, Дубровины беса тешат, бесу служат»[916]. Вероятно, на этом отзыве сказался печальный опыт знакомства Распутина с

черносотенным иеромонахом Илиодором Труфановым, чья «духовная дочь» совершила на него покушение в канун войны в селе Покровском. Рана была тяжелой, и Распутин провел несколько недель между жизнью и смертью. Позже он очень сокрушался, что в момент объявления войны был вдали от царской резиденции: «Коли не та бы стерва, что меня тогда пырнула, был бы я здесь и уж не допустил бы до кровопролития... А то тут без меня все дело смастерили всякие там Сазоновы да министры окаянные; сколько беды наделали!»[917]. Бежав в Норвегию, Труфанов не прекратил борьбу против Распутина. В начале 1916 г. к Труфанову обратился А.А. Хвостов.

Фамилия Алексея Николаевича Хвостова неоднократно упоминалась на страницах этой книги. Потомственный дворянин, из орловских помещиков, он окончил знаменитый Александровский лицей, начал службу в судебном ведомстве, потом перешел на административное поприще. Пользуясь протекцией влиятельных родственников, Хвостов быстро поднимался по служебной лестнице: тульский вице-губернатор, вологодский и нижегородский губернатор. На всех постах Хвостов демонстративно подчеркивал свою близость к черносотенцам. В Туле, вспоминали местные жители, в число приближенных к вице-губернатору был не чиновник, а булочник Парменыч (И. Колоколин): «Через него Хвостов осведомлялся о настроениях в низах и через него действовал на низы в желательном для правительства духе»[918]. В Вологде Хвостов отличился тем, что наказал не участников черносотенной манифестации, избивших в кровь прохожего, а самого пострадавшего за то, что он не снял шапку перед царским портретом. Однажды во время аудиенции в царской резиденции Хвостов вызвал недоумение царя тем, что надел на мундир партийный значок Союза русского народа — это было воспринято как бестактность. В 1912 г. Хвостов ушел с государственной службы и был избран в IV Государственную думу, где стал одним из лидеров фракции крайне правых.

Новый виток карьеры Хвостова был связан с Распутиным. Их первая встреча состоялась незадолго до покушения на Столыпина в августе 1911 г. Распутин по дороге в Киев заехал в Нижний Новгород, где губернаторствовал Хвостов, и неожиданно предложил ему занять пост министра внутренних дел. Поскольку Столыпин на тот момент был жив и здоров, Хвостов отнесся к словам старца весьма скептически. Он вспоминал, что «на прощание сказал Распутину, что если бы царю я понадобился, так он сам бы сделал мне это предложение, вызвав меня к себе или подняв вопрос об этом при последнем моем личном докладе, а что рассматривать его, Распутина, как генерал-адъютанта, посланного мне царем с таким поручением, я не могу»[919]. Как видно, провинциальный губернатор еще не догадывался ни о том, что дни Столыпина сочтены, ни о том, что благосклонный отзыв сибирского старца при дворе ценится выше, чем протекция любого свитского генерала. Распутин после визита в Нижний Новгород выразился в том смысле, что Хвостов, конечно, всем хорош, но в министры пока не годен — больно молод и горяч.

Позже Хвостов осознал степень влияния Распутина на царицу. До войны императрица Александра Федоровна была погружена в заботы о воспитании детей и почти не вмешивалась в государственные дела. Но с началом войны, особенно после отъезда Николая II в Ставку, двор императрицы стал политическим центром, откуда ревниво присматривали за правительством и законодательными учреждениями. Находясь в Ставке, царь в основном узнавал о столичных делах из писем царицы. Близкий к царской чете генерал А.А. Мосолов признавал: «Николай II видел лишь то, что ему позволяла видеть в своей переписке государыня. Письма эти при всей своей страстности и искренности грешили исключительной односторонностью»[920]. Судя по переписке, Александра Федоровна была настроена более решительно и непреклонно, чем ее августейший супруг. Императрица, в девичестве принцесса Алиса Гессенская, считала своим священным долгом защищать русское самодержавие

и православие, в лоно которого она перешла из протестантства. Она не допускала мысли об ограничении царской власти, и любой, кто давал повод заподозрить себя в этом намерении, сразу же превращался в ее личного врага. Такими врагами для нее стали не только лидеры октябристов и кадетов, но и либеральные министры, а также некоторые великие князья, в которых она видела потенциальных заговорщиков, намеревавшихся устроить дворцовый переворот и лишить трона ее обожаемого супруга.

С началом Первой мировой войны Хвостов обратил на себя внимание громовыми речами о «немецком засилье». О нем заговорили как о возможном министре внутренних дел. Но многих пугали личные качества черносотенного депутата. С.Е. Крыжановский, чье имя также называлось в качестве кандидата на министерский пост, отзывался о своем сопернике в следующих словах: «Это был человек очень неглупый, талантливый и ловкий, но какой-то неистовый, почти первобытный по инстинктам и вдобавок совершенно аморальный, способный ради личных выгод и целей на какие угодно поступки»[921]. Действительно, ради власти Хвостов бы готов на многое, в том числе на временный союз со старцем Григорием и его ближайшим окружением. Эта тактика возымела успех. «Теперь, когда и Гр. советует взять Хвостова, я чувствую, что это правильно», — писала императрица своему мужу.

26 сентября 1915 г. А.Н. Хвостов был назначен министром внутренних дел. В.Н. Коковцову, довоенному премьер-министру, запомнились слова Хвостова, в ту пору еще губернатора: «Вся наша беда в том, что мы не умеем или не желаем управлять; боимся пользоваться властью, которая находится в наших руках, а потом плачем, что другие вырвали ее у нас»[922]. Получив вожделенную власть, Хвостов без всякого стеснения использовал ее для субсидирования монархических организаций. Несмотря на военное время, на черносотенцев излился настоящий золотой дождь, за несколько месяцев они получили из секретных фондов Министерства внутренних дел больше денег, чем за не-

сколько предыдущих лет. Хвостов принимал деятельное участие в подготовке монархических совещаний и направлял их работу в нужное русло.

В обществе Хвостова называли ставленником распутинского кружка. Отчасти так и было. Он демонстрировал полную лояльность и даже подобострастность в отношениях с фаворитом царской семьи, хотя и хвастал, что не поддается мистическому влиянию старца: «Гришка поразительный гипнотизер; на меня вот он не действует, потому что у меня есть какая-то неправильность, что ли, в строении глаз, и я не поддаюсь самому усиленному гипнозу». Распутинские кутежи оплачивались из казенных сумм, а для охраны старца были назначены жандармские офицеры и филеры. Вместе с тем Хвостов осознавал ущерб, который наносила престижу власти череда скандалов вокруг тобольского старца. Воспользовавшись Распутиным для назначения на министерский пост, Хвостов полагал, что старец ему более не нужен. Министр исподволь старался уронить авторитет Распутина в глазах царской семьи, но это было бесполезно. Не сработал также план отправить Распутина в длительное паломничество по святым местам, чтобы удалить его подальше от столицы. Получив прогонные, Распутин ни по каким святым местам не поехал, а остался в Петрограде, радуясь, что обвел вокруг пальца «толстопузого», как он называл Хвостова.

Постепенно в черносотенных кругах начала вызревать мысль о том, как бы отправить «божьего человека» на тот свет. Близкий к черносотенцам ялтинский градоначальник И.А. Думбадзе шифрованной телеграммой запрашивал разрешения утопить Распутина во время морской прогулки. Руководители Союза русского народа и других монархических организаций уговаривали Хвостова не стесняться в средствах. Товарищ министра внутренних дел С.П. Белецкий вспоминал свой разговор с лидерами думской фракции крайне правых: «Марков, в присутствии Замысловского, сказал мне, что они только что были у Хвостова и от него, с его ведома и согласия, пришли поговорить со мной о необ-

ходимости, до открытия Государственной думы, убрать Распутина, который всем своим поведением и афишируемой близостью к августейшим особам подрывает в корень все партийные начинания монархических организаций в деле борьбы с начавшимся антидинастическим движением в стране»[923].

Министр был готов к решительным действиям. «Я есть человек без задерживающих центров. Мне ведь решительно все равно, ехать ли с Гришкой в публичный дом или с буфера под поезд сбросить...» — говорил министр. Жандармский генерал А.И. Спиридович, которому предназначались эти откровения, изумлялся: «Я не верил ни своим глазам, ни своим ушам. Казалось, что этот упитанный, розовый, с задорными веселыми глазами толстяк был не министр, а какой-то бандит с большой дороги»[924]. Нравственная сторона вопроса Хвостова не смущала, но подготовка покушения оказалась непростым делом даже для всесильного министра внутренних дел. Жандармские офицеры, которым было дано строго конфиденциальное поручение ликвидировать старца, планировали заманить Распутина в глухое место под предлогом знакомства с великосветской дамой, задушить и труп сбросить в реку. Потом решили, что легче отравить старца. Одни планы сменялись другими, а дело так и не сдвинулось с мертвой точки. Наконец министр понял, что его подчиненные не собираются выполнять рискованное задание и попросту занимаются мистификацией.

В январе 1916 г. был отправлен в отставку престарелый И.Л. Горемыкин. Наиболее вероятными претендентами на пост председателя Совета министров считались А.Н. Хвостов и И.Г. Щегловитов. Они оба рассчитывали на помощь Распутина. Министр внутренних дел был уверен, что Распутин ни о чем не догадывается, а бывший министр юстиции тайно встречался со старцем в надежде склонить его на свою сторону. Однако главой правительства стал Б.В. Штюрмер. Назначение непопулярного сановника с немецкой фамилией, словно подтверждавшее подозрения в германских симпатиях высших сфер, объясняли исключи-

тельно интригами распутинского кружка. Крайне правые были разочарованы тем, что царь отверг близких к ним сановников. Хвостов был в бешенстве. Он понимал, что его положение на посту министра внутренних дел пошатнулось, и решил пойти ва-банк.

Министр направил в Норвегию доверенного человека с тайной миссией найти бывшего иеромонаха Илиодора и попросить его подобрать нескольких фанатиков, готовых расправиться с Распутиным. «Братья согласны», — телеграфировал Илиодор в Петроград. Однако заговор министра и беглого расстриги сорвался. Посланец Хвостова был задержан на границе и во всем повинился. Вдобавок Илиодор совершил очередное предательство. После провала он выдал все планы Распутину. Издатель и журналист И.В. Гессен взял интервью у министра внутренних дел: «...Илиодор прислал телеграмму на имя Распутина; если вас интересует, то вот она, и из лежащей перед ним на столе папки министр вынул бумажку, на которой была написана копия упомянутой телеграммы приблизительно такого содержания: «Григорию Распутину. Петроград. Гороховая № 62. Имею убедительные доказательства покушений высоких лиц на твою жизнь»[925]. Для Труфанова эта история была последним контактом с лидерами черной сотни. Он направил своим бывшим единомышленникам послание с таким советом: «А вот что вам нужно делать, собравшись, пропеть похоронный марш старой России и отслужить панихиду без вечной памяти по Союзу русского народа и прочим монархическим, прочим мошенническим организациям».

Григорий Распутин был поражен открывшимся заговором. «Вот видишь — моя рука, — говорил он своему другу, — вот эту руку целовал министр, и он хочет меня убить». В марте 1916 г. А.Н. Хвостов получил отставку. Позже Распутин объяснял: «Мы ошиблись на толстопузом (так он называл Хвостова А.Н.), потому что он только из этих дураков правых. Я тебе говорю, все правые дураки»[926].

Лишившись дружественного министра, черносотенцы не оставили мысль о ликвидации Распутина. Знамя борьбы с Распутиным поднял В.М. Пуришкевич. В начале войны лидер Союза Михаила Архангела отошел от активной политической деятельности. Почти все время он проводил со своими санитарными поездами в прифронтовой полосе, в столице бывал наездами и каждый раз возмущался безобразиями, которые творились в тылу. Особенно тревожили Пуришкевича беспрерывные перемены в составе высших правительственных учреждений. За полтора года, прошедшие с начала войны, сменилось три председателя Совета министров, четыре министра внутренних дел, два министра юстиции и так далее. Выступая в Думе в феврале 1916 г., Пуришкевич назвал этот процесс «министерской чехардой», и его меткие слова впоследствии вошли во все учебники истории. В той же речи Пуришкевич пустил в ход другое популярное выражение, упомянув о «темных силах вокруг трона», имея в виду Распутина и его окружение — фрейлину Анну Вырубову, архимандрита Питирима и других. Однажды Пуришкевич, гуляя по ротонде Таврического дворца, сочинил экспромт под названием «Штюрмерия», в котором издевался над новоиспеченными министрами.

Их жизни срок сейчас минутен.
Умрут, оставив серный дым;
И прочен лишь один Распутин
Да долгогривый Питирим.

Весна 1916 г., начавшаяся с блистательного Брусиловского прорыва на Юго-Западном фронте, заставила отложить все счеты с правительством. Но наступление на других фронтах захлебнулось, и к осени 1916 г. стало ясно, что коренного перелома в войне не произошло. Между тем кризисные явления нарастали. Армия страдала от людских потерь и окопной жизни, население устало от тягот военного времени. Глашатаем всеобщего разочарования стала Государственная дума. С открытием думской сессии в ноябре 1916 г. депутаты Прогрессивного блока начали фронталь-

ное наступление на правительство. Критикуя действия Б.В. Штюрмера и других министров, лидер кадетской партии П.Н. Милюков вопрошал: «Что это — глупость или измена?» Черносотенная пресса поспешила назвать чистейшей глупостью само выступление кадетского лидера. Фракция крайне правых заявила, что правительство, конечно, допустило много ошибок, но «ошибки правительства совсем в другом — в разрозненности, непоследовательности его действий, в отсутствии единой, решительной и твердой власти и, наконец, в боязни крутых мер, которые, однако, явно необходимы при обстоятельствах военного времени. Правительство повинно скорее в желании всем угодить, а вовсе не в том, что оно кого-то может угнетать»[927]. Попытки крайне правых оградить от критики правительство оказались бесполезными. Николай II решил заменить непопулярного Штюрмера на А.Ф. Трепова.

Оценивая шансы нового премьера, «Земщина» писала: «Если же правительству удастся обуздать мародеров, если ему удастся удешевить хлеб, мясо, сахар масло, дрова, ткани, обувь и т.п. — смело можно сказать — вся страна будет его благословлять. Все дело не в Думе, а в хлебе»[928]. Однако Государственную думу не удовлетворила замена одного высокопоставленного бюрократа другим бюрократом. Депутаты, принадлежавшие к Прогрессивному блоку, требовали сформировать правительство из лиц, пользующихся доверием страны. 19 ноября 1916 г., когда Трепов выступил перед депутатами с правительственной декларацией, трудовики и социал-демократы устроили ему шумную обструкцию. Думским приставам пришлось одного за другим удалять из зала заседания Н.С. Чхеидзе, А.Ф. Керенского, А.С. Суханова. Только после долгого увещевания председатель Совета министров смог приступить к оглашению декларации. Трепов сделал чрезвычайно важное заявление о согласии союзников по Антанте передать России черноморские проливы и Константинополь: «Свыше 1000 лет Россия стремилась к югу, к свободному выходу в открытое море. Ключи от Босфора и Дарданелл, Олегов щит на вратах

Царьграда — вот истинные, заветные мечты русского народа во все времена его бытия. И это стремление теперь уже близко к осуществлению».

Однако этот день запомнился не правительственной декларацией, а речью В.М. Пуришкевича[929], пожалуй, самой известной из всех речей, какие ему довелось произнести под сводами Таврического дворца. Пуришкевич рассчитывал, что ему дадут слово как фракционному оратору. Но руководство фракции крайне правых не поддержало критический настрой Пуришкевича. Ему сказали, что Прогрессивный блок ведет небывалую критическую атаку на правительство и Пуришкевич только сыграет на руку врагам монархии, которые стремятся ввергнуть страну в хаос. Лидер Союза Михаила Архангела возражал, что все обстоит ровно наоборот — это трусливое молчание крайне правых дает козыри левым и кадетам. Пуришкевич писал: «Как мне памятно последнее заседание фракции перед моей речью, заседание 18 ноября в нашей фракционной комнате 36 в Государственной думе, где я конспективно изложил всю мою речь и просил сделать мне честь говорить в Думе от ее имени, в чем мне было отказано. По лицам сидевших я видел, что три четверти — мои горячие сторонники; но разве фракция у нас свободна в выражении своих взглядов: она в большей своей части терроризирована Марковым, который вкупе с Замысловским не дают ей думать самостоятельно и честно, по-своему, обращая, в особенности крестьян, в какое-то думское быдло»[930]. В итоге возобладала точка зрения Н.Е. Маркова — не выносить сор из избы. Тем не менее Пуришкевич не изменил своего решения. Свое место в списке ораторов ему уступил один из депутатов центра.

Пуришкевич заявил, что министры проявляют полное бездействие: «в течение какого-нибудь последнего года кабинет представлял собой 12 спящих дев (*смех в зале*)». Объясняя причины провалов в снабжении армии, Пуришкевич подчеркивал: «Дезорганизация тыла у нас составля-

ет несомненную систему и создается твердой и непреклонной рукой. Эта система создана Вильгельмом и изумительно проводится при помощи немецкого правительства, работающего в тылу у нас, и тех элементов — подонков русского общества, которые считают возможным обслуживать врага». Лидер Союза Михаила Архангела назвал по именам нескольких высокопоставленных лиц, виновных в различных злоупотреблениях. И все же, подчеркнул Пуришкевич, дело не в отдельных сановниках: «Это мелкие в конце концов люди (*Голоса слева: И жалкие!*), без государственных горизонтов взлетевшие наверх... Речь идет о тех темных силах, о тех влияниях, которые двигают на местах теми или другими лицами и заставляют их взлетать на высокие посты, людей, которые не могут их занимать (*Шум. Голоса слева: Верно! Позор!*)». Обращаясь к министрам, Пуришкевич призывал: «Если вы верноподданные, если слава России, ее могущество и будущее ее тесно и неразрывно связаны с величием и блеском царского имени, ваш долг — ступайте туда, в царскую Ставку, киньтесь в ноги царю и просите позволить раскрыть глаза на грозную действительность (*предс. Родзянко: Еще раз прошу вас не развивать этой темы*). По цензурным соображениям газеты напечатали речь Пуришкевича в смягченном виде без последнего призыва, которым он закончил свое выступление: «Да не будет Гришка Распутин руководителем русской внутренней общественной мысли»[931].

Речь Пуришкевича вызвала шквал аплодисментов. Ему впервые рукоплескали либералы и левые. Крики «браво!» не смолкали несколько минут. Подобного выражения энтузиазма Государственная дума еще не знала. Поразительно, что самая знаменитая речь Пуришкевича была построена на непроверенных слухах и подтасованных фактах. Он не смог привести никаких доказательств связи высших правительственных лиц с Германией. На это не замедлили указать бывшие соратники Пуришкевича: «Вот какими «проверенными фактами» зарядили человека, приехавшего с

фронта, не следившего за внутренней жизнью и крайне легковерного. Милюкову и всяким главарям желтого блока зазорно было играть такими скользкими обличениями, и они в первую голову пустили Пуришкевича, чтобы заглушить впечатление, произведенное на Думу и всех присутствовавших деловым заявлением главы правительства»[932].

Фракция крайне правых оказалась на грани раскола, шесть депутатов покинули ее ряды в знак солидарности с обличителем темных сил. Лидеры фракции попали в незавидное положение. Они ненавидели Распутина, но вынуждены были встать на защиту распутинцев в правительстве и при дворе, чтобы не допустить падения престижа государственной власти. Н.Е. Марков, выступивший через три дня в качестве фракционного оратора от крайне правых, указывал на непоследовательность своего бывшего коллеги: «Но, господа, вы же десять лет с ним сидите, с Пуришкевичем, вы же помните, что именно он говорил всегда о свободе слова, я же не буду вам напоминать, ведь это заявление опровергает его деятельность за 10 лет, его книги, написанные им, его заявления — все насмарку. Правда, тогда он не получал сотен телеграмм, а теперь он получает, но неужели ради этого эффекта надо отказываться от своей политической деятельности, от всей физиономии гражданина мыслящего и верного самому себе»[933]. Пытаясь перевести поток критики в другое русло, Марков обрушился на «мародеров тыла» в лице председателей военно-промышленных комитетов. Но подавляющее большинство депутатов не желало слушать разоблачений, касавшихся либеральных деятелей. Едва Марков начал называть фамилии, его речь была прервана председателем М.В. Родзянко. Председатель Государственной думы вспоминал: «Уходя с трибуны, размахивая бумагами и грозя кулаком, Марков совсем близко приблизился к председательскому месту и произнес почти в упор: «Вы мерзавец, мерзавец, мерзавец»[934].

Марков подвергся почти единодушному осуждению за оскорбление председателя. Депутаты всех фракций, за ис-

ключением трудовиков и социал-демократов, постановили не подавать ему руки; левые же заявили, что к ним данный пункт не относится, так как они вообще никогда не здоровались с лидером Союза русского народа. Газете «Земщина», в одиночку защищавшей вождя обновленцев, оставалось лишь вопрошать: «Скажите, как отнеслись бы в лагере Тушинского вора к Козьме Минину, если бы ему пришлось держать там речь и призывать воров к патриотизму»[935].

Пока Марков был подвергнут всеобщему остракизму, Пуришкевич принимал горячие поздравления за смелое обличение темных сил. Телефон в его кабинете трещал не переставая, один визитер сменялся другим. Из потока гостей Пуришкевичу запомнился князь Ф.Ф. Юсупов. «Ваша речь не принесет тех результатов, которых вы ожидаете, — заявил он мне сразу. — Государь не любит, когда давят на его волю, и значение Распутина, надо думать, не только не уменьшится, но, наоборот, окрепнет, благодаря его безраздельному влиянию на Александру Федоровну, управляющую фактически сейчас государством, ибо Государь занят в Ставке военными операциями»[936]. На вопрос, что же делать, молодой аристократ процедил сквозь зубы: «Устранить Распутина».

Отпрыск трех аристократических родов, на что указывала его тройная фамилия и двойной титул — князь Юсупов граф Сумароков-Эльстон, — он не занимал никаких официальных постов и в тридцать лет только сдавал выпускные экзамены в Пажеском корпусе. Зато он принадлежал к высшему свету и благодаря своему браку с племянницей Николая II великой княжной Ириной Александровной считался причастным к императорской фамилии. К этому времени между царской четой и их ближайшими родственниками наметился глубокий разлад, причиной которого был все тот же Распутин. Когда-то «божий человек» по имени Григорий попал в царский дворец по рекомендации некоторых великих княгинь, увлекавшихся мистикой. Но никто не мог и предположить, что Распутин заберет такую силу. И если

Николай II еще сохранял долю скепсиса по отношению к предсказаниям безграмотного старца, то Александра Федоровна уверовала в них истово и безоговорочно, несмотря на свое европейское образование и ученую степень, полученную от одного из немецких университетов.

Попытки великих князей заговорить о вредном влиянии Распутина воспринимались царицей как стремление удалить от семьи единственного «Друга» с большой буквы — так она называла его в письмах императору. В ноябре 1916 г. великий князь Николай Михайлович попытался предупредить Николая II: «Ты веришь Александре Федоровне. Оно и понятно. Но что исходит из ее уст — есть результат ловкой подтасовки, а не действительной правды... Если бы тебе удалось устранить это постоянное вторгательство во все дела темных сил, сразу началось бы возрождение России и вернулось бы утраченное тобой доверие громадного большинства твоих подданных»[937]. Царь переслал это письмо жене, которая весьма нелицеприятно отозвалась и об авторе, и о других членах императорской фамилии: «Он и Николаша — величайшие враги в семье, если не считать черных женщин и Сергея». Императрица имела в виду великих князей Николая Николаевича — младшего и Сергея Михайловича, а также великих княгинь Милицу и Стану, дочерей черногорского князя, Александра Федоровна заклинала мужа: «Милый мой. Ты должен поддержать меня ради блага твоего и Бэби. Не имей мы Его, все давно было бы кончено, в этом я твердо убеждена»[938].

В конце ноября члены императорской фамилии предприняли коллективный демарш. На семейном совете великих князей «было решено, что князь Павел как старейший в роде и любимец их величеств должен взять на себя тяжелую обязанность говорить от их имени», — вспоминала супруга Павла княгиня Палей. На аудиенции 3 декабря за чаем: «Набравшись мужества, Павел заговорил о Распутине. Царь молчал, а вместо него ответила императрица: Распутин — жертва клеветы»[939]. Царя не смогла уговорить

мать, вдовствующая императрица Мария Федоровна. Не подействовали на него и слова брата, великого князя Михаила Александровича, который пришел к убеждению, «что мы стоим на вулкане и что малейшая искра, малейший ошибочный шаг мог бы вызвать катастрофу для всех нас и для России». Бессильной образумить царицу оказалась ее родная сестра великая княгиня Елизавета Федоровна. По свидетельству товарища министра внутренних дел С.П. Белецкого, старец знал, что великая княгиня постоянно поднимает вопрос об его удалении от царской семьи: «По словам Распутина, она добьется только того, что ее совсем не будут принимать»[940]. Елизавета Федоровна, ставшая монахиней после трагической гибели своего мужа от рук террористов, почиталась в царской семье как святая. Но даже ее авторитет не помог, и великой княгине было предложено покинуть Царское Село. Рассказывали, что на прощание старшая сестра бросила младшей, императрице: «Вспомни судьбу Людовика XVI и Марии Антуанетты». Архиепископ Евлогий вспоминал встречи с Елизаветой Федоровной в основанной ею Марфо-Мариинской обители: «Великая Княгиня откровенно и неодобрительно отзывалась о Государыне. — Как это может быть, что Государыня, образованный человек, доктор философии, а нас не понимает? — спросил я. — Какая она образованная! Она решительно ничего не понимает, — сказала Великая княгиня».

Исчерпав все легальные возможности избавиться от Распутина, великие князья решили действовать нелегально. Конечно, Феликс Юсупов не имел официальной санкции на убийство царского фаворита, но несомненно действовал с одобрения членов императорской фамилии. Он привлек своего сверстника и друга великого князя Дмитрия Павловича: «Великий князь, как я и ожидал, сразу согласился и сказал, что, но его мнению, уничтожение Распутина будет самой последней и действенной попыткой спасти погибающую Россию...»[941].

Юсупов попытался вовлечь в заговор видных общественных и политических деятелей. Но если Пуришкевич с готовностью откликнулся на это предложение, то кадет В.А. Маклаков, пожелав полного успеха, от непосредственного участия уклонился и ограничился тем, что подарил Юсупову резиновую дубинку: «Возьмите ее на всякий случай», — сказал он, улыбаясь. В думских кулуарах замыслы заговорщиков обсуждались почти в открытую. В заговор был посвящен председатель Думы М.В. Родзянко, которому Феликс Юсупов доводился племянником. В.В. Шульгин в разговоре с Пуришкевичем предупреждал, что физическое устранение Распутина вряд ли изменит ситуацию. Пуришкевич отвечал: «Так сидеть нельзя. Все равно. Мы идем к концу. Хуже не будет. Убью его, как собаку».

В ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. Феликс Юсупов, обещая познакомить Распутина со своей женой, заманил его во дворец своих родителей на Мойке. События этой зимней ночи были описаны в дневнике Пуришкевича, который впоследствии был издан и приобрел широкую популярность. Между тем этот знаменитый дневник является не строго документальным, а литературное произведение. Автор излагал события задним числом, причем постарался представить себя в самом выгодном свете: предусмотрительным, распорядительным, решительным. На самом деле события с самого начала пошли совсем не так, как было задумано. Заговорщики собирались покончить с Распутиным без шума и огласки: накормить его отравленными пирожными, труп утопить, а одежду сжечь. Старец должен был бесследно исчезнуть, словно дурное наваждение. Но сибирская натура Распутина выдержала лошадиную дозу цианистого калия. Когда выяснилось, что яд не оказывает на старца никакого видимого действия, Юсупов выстрелил Распутину прямо в сердце.

Пуришкевич писал: «Молча окружили мы затем труп убитого, которого я сейчас увидел в первый раз в жизни и которого знал до этой минуты только по фотографиям, из

коих одну большую карточку, где Распутин был изображен в кругу своих поклонников из среды петроградской придворной аристократии за чайным столиком... я переснял в большом количестве экземпляров и с оскорбительной надписью для его поклонников раздал в конце ноября членам Государственной думы и разослал по редакциям всех петроградских газет.

Сейчас я стоял над этим трупом, и меня волновали самые разнообразные и глубокие чувства; но первым из них, как теперь помню, было чувство глубочайшего изумления перед тем, как мог такой, на вид совершенно обыденный и отвратительный, типа Силена или Сатира, мужик влиять на судьбу России и на ход жизни великого народа, страна коего, в сущности, представляет часть света, а не государство.

Чем околдовал ты, негодяй, — думал я, — и царя и царицу?

Как завладел ты царем до такой степени, что твоя воля стала его волею; что ты был фактическим самодержцем в России, обратив помазанника Божьего в послушного, беспрекословного исполнителя твоей злонамеренной воли и твоих хищнических аппетитов»[942].

Однако Распутин не был убит наповал. Едва Пуришкевич и великий князь Дмитрий Павлович вышли из комнаты, старец вскочил на ноги, оттолкнул Юсупова и с криком «Феликс, Феликс, все скажу царице!» выскочил во двор. Прибежавший на крик Пуришкевич открыл беспорядочный огонь из пистолета, но никак не мог попасть в цель: «...Распутин подбегал уже к воротам, тогда я остановился, изо всех сил укусил себя за кисть левой руки, чтобы заставить себя сосредоточиться, и выстрелом в третий раз попал ему в спину. Он остановился, тогда я, уже тщательно прицелившись, стоя на том же месте, дал четвертый выстрел, попавший ему, как кажется, в голову, ибо он сначала упал ничком на снег и задергал головой. Я подбежал к нему и изо всей силы ударил его ногой в висок»[943]. Когда труп Распутина вносили обратно в дом, Юсупов в истерике начал

бить его по виску резиновой палкой, подаренной Маклаковым.

Громкие выстрелы переполошили всю округу. Немедленно появился городовой. С ним взялся объясниться Пуришкевич, вероятно, уповавший на свой ораторский талант. По мнению Юсупова, красноречие Пуришкевича только осложнило дело: «Ты слышал про Распутина? Это тот самый, который губил нашу родину, нашего царя, твоих братьев-солдат... Он немцам нас продавал...Слышал?

Городовой стоял с удивленным лицом, не понимая, чего от него хотят, и молчал.

— А знаешь ли ты, кто с тобой говорит? — не унимался Пуришкевич. — Я — член Государственной думы Владимир Митрофанович Пуришкевич. Выстрелы, которые ты слыхал, убили этого самого Распутина, и, если ты любишь твою Родину и твоего царя, ты должен молчать...

Я с ужасом слушал этот разговор. Остановить его и вмешаться было совершенно невозможно. Все случилось слишком быстро и неожиданно, какой-то нервный подъем всецело овладел Пуришкевичем, и он, очевидно, сам не понимал того, что говорил»[944].

В результате городовой немедленно доложил в участке о покушении, совершенном во дворце Юсуповых. Молодой аристократ все отрицал, но его по-детски наивные объяснения не убедили полицию. Убийцам не удалось скрыть труп жертвы. По признанию самого Юсупова, среди них царила полная растерянность. Сбрасывая тело в прорубь, заговорщики забыли привязать к нему гири и, окончательно потеряв голову, бросили в прорубь шубу и калоши убитого. Полиции не составило большого труда обнаружить труп и одежду. По отзывам юристов, расследовавших это дело, более бестолкового и неумелого преступления им не приходилось встречать за всю свою практику.

Впрочем, высокое положение убийц гарантировало их полную безнаказанность. Феликс Юсупов и Дмитрий Павлович на короткое время были посажены под домашний

арест, а потом высланы: великий князь к месту новой службы в Персию, а князь и граф — в имение родителей. Пуришкевич сразу же после убийства выехал со своим санитарным поездом на фронт, и никто не чинил ему препятствий. Директор уголовного департамента Министерства юстиции саркастически заметил, что следователю придется показать свидетелям такую фотографию Пуришкевича, чтобы они его ни за что не опознали.

Другое дело, что совершенное ими убийство оказалось бесполезным. Заговорщики питали иллюзии, что Александра Федоровна, оставшись баз своего «Друга», перестанет вмешиваться в политику, а Николай II в глубине души будет рад избавлению от старца. Однако царь повел себя иначе. За пять лет до этого он не посчитал нужным задержаться на один день, чтобы принять участие в похоронах первого министра П.А. Столыпина. А вот проститься с Распутиным царь решил лично. Генерал Данилов вспоминал: «Случилось так, что известие об убийстве Распутина пришло в Ставку в день, назначенный для совещания специально вызванных в Могилев главнокомандующих фронтами и начальников их штабов. Предметом совещания должен был быть план военных действий на 1917 г. Несмотря на исключительную важность совещания, естественный председатель его — государь, добровольно принявший на себя тяжесть предводительствования действующей армией, оставил последнюю и, неожиданно прервав совещание, уехал в Царское Село. Этот неосторожный поступок тяжелым камнем лег на души всех нас, вызванных на совещание»[945]. Влияние императрицы не уменьшилось ни на йоту, а расправа с «божьим человеком» только укрепила ее убеждение в том, что вокруг одни враги.

Но самое главное заключалось в том, что убийство Распутина уже не могло восстановить престижа монархии. И в этом монархистам пришлось убедиться в ближайшие месяцы.

Глава IX

КРУШЕНИЕ

1

Падение самодержавия

1917 год стал для черносотенцев годом крушения всех их надежд и чаяний. Они многократно предупреждали правительство о надвигавшейся революционной буре, но когда она разразилась, сами оказались застигнутыми врасплох. Впоследствии председатель Главного совета Союза русского народа Н.Е. Марков признавался: «Революции я не предвидел и предвидеть не мог». Февраль 1917 г. прошел для крайне правых в заботах о подготовке всероссийского монархического съезда, сопровождавшихся обычными склоками и интригами. Обновленческий Главный совет Союза русского народа направил своим отделам чрезвычайно резкое «окружное послание», в котором, кроме традиционных упоминаний о «грязных щупальцах масона еврейской гидры», осуждались «забывшие присягу сановники, попавшие в Государственный совет» и «крамольные бояре на дворянском съезде». Главная палата Союза Михаила Архангела немедленно откликнулась на это послание постановлением участия в предстоящем съезде не принимать и назвала идею съезда «не простой ошибкой, а провокацией, граничащей с государственным преступлением». Дубровинцы воздержались от официальных заявлений, но в частных письмах А.И. Дубровин раздраженно писал своим сторонникам: «Со съездом плюхнулись в лужу, вышла одна провокация...»[946]. Никто из черносотенных вождей не подозревал, что монархический съезд, призванный продемонстри-

ровать верность русского народа самодержавному царю, не состоится из-за падения монархии.

Суровая зима 1917 г. сопровождалась перебоями в снабжении столицы продовольствием. Петроградское охранное отделение докладывало: «Если население еще не устраивает голодные бунты, то это еще не означает, что оно их не устроит в самом ближайшем будущем: озлобление растет». Предсказание исполнилось с пугающей быстротой. Забастовали рабочие на Выборгской стороне, встал Путиловский завод. Вести об этом дошли до черносотенцев в провинции. 21 февраля Н.Н. Тиханович-Савицкий отбил очередную телеграмму на имя министра внутренних дел: «Где правительство? Что оно делает? Дела нет, слова одни. Надежд не оправдываете. Почему не просите у царя увольнения, если чувствуете себя неспособным справиться с развалом и мятежом»[947]. Однако А.Д. Протопопов не собирался испрашивать отставку. Вечером того же дня он докладывал Николаю II о том, что для беспокойства нет ни малейших оснований, так как столица находится в надежных руках. Успокоенный этими заверениями, Николай II отбыл в Ставку. Сразу же после его отъезда в столице начались демонстрации под политическими лозунгами. На митингах уже выкрикивали «Долой самодержавие!», а Николай II все еще не осознавал серьезности происходящего. Царь был введен в заблуждение своей любящей супругой и верными министрами. Императрица сообщала ему о хулиганском движении: «Мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба», а министр внутренних дел А.Д. Протопопов приказал своим подчиненным смягчать донесения о положении дел.

25 февраля Николай II распорядился «завтра же прекратить в столице беспорядки». На следующий день он подписал манифест с повелением прервать до весны занятия Государственной думы. Очевидно, царь по-прежнему думал, что волнения инспирированы депутатами. На самом деле в Таврическом дворце господствовала апатия. Председатель IV Государственной думы М.В. Родзянко призна-

вал: «Настроение в Думе было вялое, даже Пуришкевич, и тот произнес тусклую речь. Чувствовалось бессилие Думы, утомленность в бесполезной борьбе и какая-то обреченность, на роль чуть ли не пассивного зрителя»[948]. Когда на улицы выплеснулась народная стихия, думцы были ошеломлены и напуганы не меньше министров. Подчинившись манифесту о перерыве в законодательных занятиях, депутаты собрались на частное совещание в полуциркульном зале Таврического дворца. По словам В.В. Шульгина, даже люди, много лет враждовавшие друг с другом, почувствовали вдруг, что есть нечто, что всем одинаково опасно, грозно, отвратительно: «Это нечто — была улица... уличная толпа... Ее приближавшееся дыхание уже чувствовалось... По улице, окруженной многотысячной толпой, шла Смерть...» Из опасения, что события окончательно примут неуправляемый характер, депутаты избрали Временный комитет Государственной думы, в который вошли представители всех фракций от социал-демократов до националистов. Для фракции крайне правых, противопоставившей себя Прогрессивному блоку, места во Временном комитете не нашлось.

Николай II все еще не отдавал себе отчета в серьезности положения. Утром 27 февраля, когда от М.В. Родзянко, возглавившего Временный комитет, пришла телеграмма с паническими словами: «Настал последний час, когда решается судьба родины и династии», Николай II с усмешкой бросил министру императорского двора В.Б. Фредериксу: «Опять этот толстяк Родзянко мне написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать». Но в тот же день к полудню в Ставку одна за другой начали поступать телеграммы, свидетельствовавшие о том, что речь действительно идет о судьбе династии. Командующий военным округом доложил, что войска отказываются стрелять в народ. Военный министр подтвердил, что столица вышла из-под контроля. Председатель Совета министров Н.Д. Голицын сообщил, что министры собираются уйти в отставку. Брат

царя великий князь Михаил Александрович советовал сформировать правительство, ответственное перед Думой.

Николай II уповал на преданные ему воинские части и полицию. Черносотенцы тоже надеялись на беспощадное подавление мятежа и побуждали сановников заранее к этому подготовиться. За месяц до революции Н.Н. Тихаиович-Савицкий допытывался у Н.А. Маклакова: «Скажите, Николай Алексеевич, откровенно, если бы у нас произошел мятеж посильнее 1905 г. и с участием войск, вы взялись бы усмирить его, если бы вас назначили в это время министром внутренних дел? Есть ли у вас план на этот случай? Не можете ли вы узнать и указать мне нескольких военачальников, популярных в войсках, сильно правых, на которых можно было бы вполне положиться»[949]. Однако, когда пробил решающий час, выяснилось, что у властей нет ни плана, ни «сильно правого» военачальника, который мог бы спасти самодержавие. Николай II приказал генералу Н.И. Иванову взять батальон георгиевских кавалеров, занятый охраной Ставки, и отправиться на усмирение взбунтовавшейся столицы. Однако карательный отряд был остановлен на подступах к Петрограду. От дальнейшего наступления генерал отказался, поскольку георгиевские кавалеры, считавшиеся самой надежной воинской частью, проявляли явные признаки неповиновения.

А в это время столица полностью оказалась в руках восставших. Над Зимним дворцом взвился красный флаг. Толпа разгромила окружной суд и сожгла охранное отделение. Под радостные крики толпы из Петропавловской крепости были выпущены политические заключенные, и тут же появились новые арестованные. Вооруженные отряды врывались в квартиры царских министров, хватали на улицах жандармов и прочих «прислужников старого режима» и тащили их в Государственную думу. Одним из первых был схвачен И.Г. Щегловитов, за два месяца до революции поставленный во главе Государственного союза. Теперь же председателя верхней палаты под конвоем привели в ниж-

нюю палату, откуда его вместе с другими сановниками отправили в крепостные камеры.

Черносотенцы были ошеломлены беспомощностью правительства, отдавшего власть без сопротивления. Впоследствии Н.Е. Марков пришел к выводу, что последний министр внутренних дел А.Д. Протопопов, бывший октябрист и думский деятель, лишь хитро притворялся, что порвал со своими единомышленниками по Прогрессивному блоку: «У меня нет данных, что А.Д. Протопопов был масоном, но основываясь на многих, иначе почти необъяснимых поступках этого человека, я считаю, что это весьма вероятно... Протопопов ни с кем и ни с чем не боролся и все время распускал и сбивал с толку врученное ему ведомство государственной охраны... Единственной опорой закона и порядка в столице оставалась полиция, которая в руках хорошего начальника представляла немалую силу, состоявшую из десяти тысяч отборных солдат. И вот эту единственную опору Петрограда Протопопов в самую решительную минуту убирает с улиц и передает распоряжение городом «военному начальству», у которого в руках вместо воинских частей были батальоны запасных бунтарей, а сам бежит из министерства и прячется»[950]. В.В. Шульгин, соглашаясь со своим бывшим коллегой по фракции крайне правых в том, что правительство допустило непростительную оплошность, разделив полицию, находит более простое объяснение: «Но кто это мог сообразить? Протопопов? Александр Дмитриевич? Министр внутренних дел с прогрессивным параличом. А ведь мы же сами его и подсунули... Ведь он был товарищем председателя Государственной думы... Это положение ведь и был тот трамплин, с которого он прыгнул в министры».

До революции вожди черной сотни твердили, что их союзы объединяют несколько миллионов верноподданных, готовых спасти царя и отечество. Они говорили, что в случае бунта по набату соберут народ на соборных площадях для противодействия крамольникам. Однако в толпах людей под красными знаменами, заполнивших петроградские

улицы, не было замечено ни одного союзника. Не подал признаков жизни черносотенный рабочий отдел на Путиловском заводе, с которого, как и в 1905 году, покатилась революционная волна. Патриархальная глубинка также не оправдала надежд монархистов. Как отмечал в своем исследовании Ю.И. Кирьянов, «предполагавшееся же некоторыми правомонархическими лидерами выступление крестьян, провинции в критический момент, когда «грянет гром», в защиту монархии и царя не произошло. Правомонархические партии и организации ни в центре, ни на местах, в провинции, не смогли выйти из «летаргического сна», в котором, согласно их же признанию, они пребывали с 1916 г.»[951].

Н.Е. Марков вспоминал: «Уж вечером 27 февраля Главный совет Союза русского народа в Петрограде был разгромлен, а председатель его едва успел спастись за полчаса до появления на его квартире банды вооруженных убийц». Либеральная пресса с нескрываемым злорадством описывала подробности этого бегства: «...около 3 часов дня Маркову опять-таки по телефону сообщили, что толпа направляется к его квартире. Марков, отойдя от телефона, стал рвать на себе волосы, крича, что он погиб... Затем Н.Е. Марков бросился бежать из квартиры, надев пальто только в один рукав»[952]. Даже сделав поправку на предвзятое отношение либеральной газеты к черносотенцам, следует признать, что лидеры крайне правых в эти горячие революционные дни скрывались по домам или бежали из столицы.

Николай II решил вернуться в Петроград, когда столица уже полностью находилась в руках взбунтовавшихся солдат и митингующих обывателей. Но когда было получено сообщение, что железную дорогу перекрыли две роты мятежных солдат с пулеметами, императорский поезд свернул в Псков. Прибыв в этот город, где размещался штаб Северного фронта, Николай II, по всей видимости, не думал не только об отречении, но даже о сколько-нибудь серьезных уступках. В разговоре с начальником штаба Се-

верного фронта генералом Н.В. Рузским царь сказал, что никогда не согласится на кабинет министров, ответственный перед Государственным советом или Государственной думой. На слова Рузского, что государь может править, а правительство управлять, Николай II резко ответил, что для него лично эта конституционная формула неприемлема: «надо было иначе быть воспитанным, переродиться». Этот разговор состоялся в десять вечера 1 марта, далее счет шел на часы — последние часы царствования Николая II.

В половине двенадцатого 1 марта Николай II получил телеграмму от начальника штаба Ставки Верховного Главнокомандующего генерала М.В. Алексеева, который просил во избежание беспорядков в тылу уполномочить Государственную думу составить кабинет народного доверия. Очевидно, после этой телеграммы в настроении царя произошел резкий перелом. Буквально через несколько минут он приказал отправить на имя председателя Государственной думы М.В. Родзянко шифрованную телеграмму, смысл которой сводился к следующему: «Предлагаю вам составить новое министерство во главе с вами, но министр иностранных дел, военный и морской будут назначаться мной». Несмотря на оговорки, это было то самое ответственное министерство, против которого столько лет выступали крайне правые.

Но события в Петрограде развивались так стремительно, что эта уступка запоздала. Пока Николай II отдыхал в спальном вагоне, между Псковом, Петроградом и Могилевом шел интенсивный обмен телеграммами. Рузский связался по телеграфу с председателем Государственной думы и сообщил ему о согласии царя на создание думского министерства. Родзянко ответил: «Очевидно, что его величество и Вы не отдаете себе отчета, что здесь происходит... Считаю нужным Вас осведомить, что то, что предполагается Вами, уже недостаточно и династический вопрос поставлен ребром». Копии телеграмм были направлены начальнику штаба Ставки генералу Алексееву, который пришел к

выводу, что у Николая II не осталось иного выбора, кроме отречения от престола в пользу сына. Утром 2 марта начальник штаба приказал, чтобы генерал Рузский, отбросив придворный этикет, немедленно разбудил царя. Известие о том, что от него требуют отречения, Николай II воспринял спокойно, но своего согласия не дал. Он сказал Рузскому, что народ не поймет отречения, почему-то вспомнил про старообрядцев, которые не простят измены, если он изменит клятве в день священного коронования, и так далее. Но днем пришли телеграммы от командующих фронтами — все они коленопреклоненно молили царя отречься от престола. Несмотря на верноподданнический тон телеграмм, они свидетельствовали о том, что армия отказала в поддержке своему Верховному Главнокомандующему. И только получив ответ, что ему нечего более рассчитывать на войска, Николай II понял, что его судьба решена.

В три часа дня царь собственноручно составил телеграмму, адресованную Родзянко: «Я готов отречься от престола в пользу моего сына, с тем, чтобы он оставался при мне до совершеннолетия, при регентстве брата моего, великого князя Михаила Александровича». Всех придворных поразило невероятное спокойствие императора, отрекшегося от самодержавной власти. «Словно эскадрон сдал!» — горько шептались в свите. Но это решение не было окончательным. Когда было получено сообщение о скором прибытии в Псков двух представителей Временного комитета Государственной думы, А.И. Гучкова и В.В. Шульгина, Николай II приказал Рузскому задержать отправку телеграммы.

Генерал Рузский даже подумал, что оба думца, известные своими монархическими взглядами, привезут какой-нибудь новый план, позволяющий Николаю II остаться на троне.

Однако посланцы Временного комитета везли текст отречения, набросанный в пути Шульгиным. Свою политическую карьеру он начинал крайне правым, потом перешел к националистам, перед войной в связи с делом Бейлиса

окончательно разошелся со своими бывшими соратниками по черносотенному лагерю, а в годы войны вступил в Прогрессивный блок. Он продолжал считать себя монархистом и думал, что отречение Николая II спасет монархию: «Я знал, что в случае отречения... революции как бы не будет. Государь отречется от престола по собственному желанию, власть перейдет к регенту, который назначит новое правительство. Государственная дума, подчинившаяся указу о роспуске и подхватившая власть только потому, что старые министры разбежались, — передаст эту власть новому правительству. Юридически революции не будет».

Около десяти вечера Гучкова и Шульгина, небритых, в смятом после дороги платье, привели в вагон-гостиную императорского поезда, обитую зеленым шелком. Царь вышел к депутатам, облаченный в серую черкеску. Он сел за маленький четырехугольный столик, Гучков, разместившийся напротив, сбивчиво рассказал, что весь Петроградский гарнизон, не исключая личного царского конвоя, перешел на сторону восставших.

Шульгин вспоминал: «Гучков окончил. Государь ответил. После взволнованных слов А.И. голос его звучал спокойно, просто и точно. Только акцент был немножко чужой — гвардейский:

— Я принял решение отречься от престола... До трех часов сегодняшнего дня я думал, что могу отречься в пользу сына, Алексея... Но к этому времени я переменил решение в пользу брата Михаила... Надеюсь, вы поймете чувства отца...»

Эти слова стали совершенной неожиданностью для посланцев Временного комитета. До сих пор во всех проектах, связанных с отречением, речь шла о воцарении Алексея, при котором ввиду его несовершеннолетия назначался регентом великий князь Михаил Александрович. Юного государя нельзя было обвинить в ошибках предшествовавшего царствования. «Прекрасный миф мог бы быть создан вокруг невинного и чистого дитя», — говорил Гучков. Но Николая II волновали не политические расчеты, а семей-

ные дела. Шульгин вспоминал: «К этому мы не были готовы. Кажется, А.И. пробовал представить некоторые возражения... Кажется, я просил четверть часа — посоветоваться с Гучковым... Но это почему-то не вышло... И мы согласились, если это можно назвать согласием, тут же»[953].

Николай II переписал манифест об отречении: «В эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думой, признали Мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с Себя верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном Нашим, Мы передаем наследие Наше брату Нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на Престол Государства Российского». По просьбе Гучкова и Шульгина в тексте манифеста было сделано еще одно добавление: «Заповедуем брату Нашему править делами государственными в полном и нерушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях...», что должно было обозначать превращение самодержавной монархии в конституционную.

С юридической точки зрения манифест об отречении был сомнительным, так как Николай II не имел права передавать трон кому-либо, кроме своего сына. Император Павел I, установивший четкий порядок наследования престола, особо подчеркивал, что это делается, «дабы Наследник был назначен всегда законом самим». Некоторые современники даже высказывали подозрение, будто Николай II намеренно подписал незаконный акт, чтобы оставить для себя возможность возвращения на престол. На самом деле нет никаких оснований подозревать Николая II в лукавстве. Он остался верен себе вплоть до последней минуты своего царствования. Воспитанный в убеждении, что воля самодержавного монарха есть единственный источник права, он не стал считаться с законом о престолонаследии или даже не вспомнил о его существовании.

Впоследствии лидеры черносотенных союзов утверждали, что царь в Пскове оказался пленником заговорщиков, вырвавших у него отречение. «Явно предательскую роль играли и старшие военачальники армии Алексеев, Рузский, Брусилов, Юрий Данилов, Бонч-Бруевич и другие. Они находились в заговоре против своего законного государя и за спиною своего Верховного Главнокомандующего вели преступные переговоры с государственными изменниками — главарями Прогрессивного блока» — писал Н.Е. Марков и подводил итог: — Пока революции в России делались бомбистами и разрушителями, они неизменно проваливались. Возглавленная же господами в белых перчатках и произведенная во имя спасения Родины, революция сразу получила широкий успех и увлекла за собою и разрушителей, и равнодушных, и охранителей. Всеми оставленный и преданный ближайшими своими сотрудниками, несчастный Государь мог только записать в дневнике роковые слова: «Кругом измена, трусость и обман».

На эти роковые слова, процитированные Марковым, часто ссылаются в сочинениях, посвященных судьбе последнего самодержца. Большинство этих произведений откровенно идеализируют образ Николая II, а недавняя канонизация царя-мученика окончательно подменяет научные исследования жанром житийной литературы. Однако обман, на который сетовал отрекшийся император, скорее следовало бы назвать самообманом. Николай II не верил, точнее, не хотел верить людям, пытавшимся открыть ему глаза на истинное положение дел. Он слушал только тех, кого хотел слушать, и только то, что хотел услышать, например, заверения черносотенцев, что верноподданный русский народ боготворит своего государя. Царю изменили слуги, но он сам выбирал таких слуг. На протяжении всего своего царствования он избавлялся от самостоятельных и решительных государственных деятелей, которые могли заслонить его фигуру. На высшие посты назначались ничтожества, чьими единственными талантами была лесть и угодничество, причем в последние годы правления Николая II

этот процесс приобрел гротескный характер. Неудивительно, что царские министры оказались несостоятельными при первых же признаках опасности и не предприняли никаких решительных мер.

Отречение Николая II не означало ликвидации монархического строя. Официально на престол вступил новый император Михаил II. К нему со словами «ваше императорское величество» обращался в телеграмме старший брат, скромно подписавшись «Ники». Великий князь Михаил Александрович с 1899 по 1904 год являлся наследником престола и носил титул цесаревича. После того, как у царской четы родился сын Алексей, он стал одним из великих князей, а незадолго до войны впал в немилость из-за скандального по понятиям придворного этикета брака с незнатной и трижды разведенной женщиной. Великий князь был вынужден уехать за границу. В Россию он вернулся после начала Первой мировой войны и принял командование Дикой дивизией. По всеобщему мнению, он был человеком благородным и честным. Однако об умственных способностях Михаила весьма скептически отзывалась даже его родная мать. Он не имел ни навыка государственной деятельности, ни желания заниматься политикой. Подобно большинству великих князей, интересы Михаила ограничивались военной службой. Для большинства своих новых верноподданных Михаил был одним из Романовых, чьи имена в взбунтовавшейся столице произносили с ненавистью и презрением.

Великий князь узнал о том, что он стал императором, в шесть часов утра 3 марта, после телефонного звонка Родзянко, и был весьма удивлен и раздосадован поступком старшего брата, возложившего на него такой груз ответственности. К тому же настроения, господствующие на петроградских улицах, никак не походили на ликование по поводу восшествия на престол нового царя. Эти настроения передались членам Временного комитета Государственной думы, съехавшимся на Миллионную улицу в дом княгини Пу-

тятиной, где временно остановился новый император. Из воспоминаний участников этих переговоров следует, что резко отрицательно по поводу сохранения монархии высказался А.Ф. Керенский. Это было понятно, учитывая его социалистические взгляды. Гораздо удивительнее была позиция националистов и октябристов, чьи политические программы базировались на монархических принципах. Между тем М.В. Родзянко, занявший председательское место, рекомендовал Михаилу отказаться от престола.

А.И. Гучков выступил за сохранение монархии, но, вопреки обыкновению, говорил вяло и слабо. В.В. Шульгин сказал, что при сложившихся обстоятельствах у него не хватает мужества советовать великому князю принять трон.

Из всех присутствовавших наиболее ярым приверженцем монархии проявил себя П.Н. Милюков, которого черносотенцы всегда обвиняли в скрытом республиканизме. Кадетский лидер в одиночестве отстаивал конституционную монархию. По словам Шульгина, «это была как бы обструкция... Милюков точно не хотел, не мог, боялся кончить. Этот человек, обычно столь учтивый и выдержанный, никому не давал говорить, он обрывал возражавших ему. Обрывал Родзянко, Керенского, всех... Белый как лунь, лицом сизый от бессонницы, совершенно сиплый от речей в казармах и на митингах, он каркал хрипло». Сам Милюков утверждал, что в его хриплом «карканье» была система: «Я доказывал, что для укрепления нового порядка нужна сильная власть и что она может быть только тогда, когда опирается на символ власти, привычный для масс. Таким символом служит монархия»[954].

Лидер кадетов призывал Михаила Александровича не бояться революционной улицы, в крайнем случае покинуть взбунтовавшуюся столицу и уехать в Москву, откуда можно было вести борьбу за спасение страны и монархии. Шульгин прокомментировал предложения кадетского лидера: «Что значит совет принять престол в эту минуту?

Я только что проехал Петербург. Стотысячный гарнизон был на улицах. Солдаты с винтовками, но без офицеров, шлялись по улицам, беспорядочными толпами... А за этой штыковой стихией — кто? Совет Рабочих Депутатов и германский штаб — злейшие враги: социалисты и немцы. Совет принять престол обозначал в эту минуту: На коня! На площадь! Принять престол сейчас — значило во главе верного полка броситься на социалистов и раздавить их пулеметами».

Выслушав все аргументы, Михаил Александрович попросил Родзянко переговорить с ним наедине. По словам Родзянко, великий князь спросил его, может ли Государственная дума гарантировать его личную безопасность. Председатель Думы ответил отрицательно, и Михаил заявил, что отказывается от престола. От имени Михаила был составлен новый манифест, который он подписал в шесть вечера. В манифесте говорилось: «Одушевленный единой со всем народом мыслью, что выше всего благо Родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием избрать представителей своих в Учредительное Собрание, установить образ правления и новые основные законы Государства Российского». Таким образом, Михаил был императором менее суток. Династия Романовых началась с Михаила и Михаилом же завершилась. Теоретическая возможность возвращения к монархическому строю сохранялась, так как вопрос передавался на усмотрение будущего Учредительного собрания. Никто и предположить не мог, что Учредительное собрание просуществует еще меньше, чем процарствует Михаил. 3 марта 1917 г. российская монархия прекратила свое существование.

Следующие несколько месяцев запомнились как период двоевластия. Официально власть принадлежала Временному правительству, сформированному в основном из представителей либеральных партий. Однако реальная власть

принадлежала Петроградскому совету рабочих депутатов, точнее, его Исполнительному комитету, в который вошли представители левых социалистических партий. Следует заметить, что членов Исполкома никто, в том числе рабочие, не выбирал, более того, на первых порах никто точно не знал их имен (список был неудобен для оглашения, так как состоял в основном из еврейских, польских, латышских и грузинских фамилий). Тем не менее Исполком был хозяином положения и действовал по своему усмотрению. Черносотенные газеты первыми подверглись преследованию после свержения самодержавия и провозглашения демократических свобод. В канун падения самодержавия редактор «Земщины» С.К. Глинка-Янчевский рассуждал: «Все понимают, конечно, что если в борьбе двух начал — самодержавия и парламентаризма — торжество останется за русскими началами, то русское правительство никого преследовать не будет, тогда как в случае торжества жидовского парламентаризма все приверженцы монархии, как это было во Франции, во время первой революции, или в Турции после переворота 1909-го — подвергнутся не только лишению службы, но и свободы, а пожалуй, и жизни»[955]. Рассуждение оказалось пророческим. В первые дни Февральской революции редактор «Земщины» и его сын были арестованы. Репрессиям подверглось и «Русское знамя». 5 марта 1917 г. Исполком Петроградского совета запретил издание этой черносотенной газеты.

В свою очередь, Временное правительство решило тщательно расследовать нарушения законов, допущенных старой властью. Была создана Чрезвычайная следственная комиссия, перед которой предстали царские министры и сановники. Допросы проходили в Зимнем дворце, куда из Петропавловской крепости привозили арестованных. Кроме министров, в крепостных камерах содержались некоторые руководители черносотенных союзов. Преследование за политические убеждения не укладывалось в строгие юридические рамки, но здесь превалировали соображения

революционной целесообразности. Как отмечал поэт Александр Блок, привлеченный к работе в комиссии для литературной обработки стенограмм допросов, «я вижу уже, что Чрезвычайная следственная комиссия стоит уже между наковальней закона и молотом истории». Следователи Чрезвычайной комиссии заинтересовались террористическими актами, но только теми, которые были осуществлены черносотенцами. В поле зрения комиссии попали также факты финансирования крайне правых организаций из секретного фонда министерства внутренних дел, связи крайне правых с охранными отделениями, антисемитская пропаганда и так далее.

Далеко не все лидеры черной сотни с достоинством перенесли переход на положение арестантов. А. Блок, обходивший вместе с председателем комиссии Н.К. Муравьевым камеры Петропавловской крепости, оставил красочные зарисовки тюремного быта руководителей монархических организаций: «...Дубровин, всхлипнувший и бросившийся целовать руку Муравьева, потом с рыданием упал на койку (гнусные глаза у старика)». В.Г. Орлов, создатель железнодорожных черносотенных отделов, позже председатель Отечественного патриотического союза: «Рыдает, шепчет, голоса нет. «Вы победители, я побежденный. Благородство победителей я и взываю»[956]. Ряд руководителей столичных и провинциальных отделов прошли перед комиссией в качестве свидетелей. Большинство из них спешили засвидетельствовать лояльность новым властям. Например, А.И. Коновницын заявил следователям: «Раз бывший царь отрекся от престола и тем освободил меня от присяги, то я подчиняюсь Временному правительству и всем его распоряжениям».

Но были примеры иного рода. В конце мая или в начале июня был задержан Н.Е. Марков. В качестве депутата Государственной думы он пользовался неприкосновенностью и поэтому содержался под домашним арестом в комнате с видом на Петропавловскую крепость, вероятно, для

того, чтобы лучше осознал свое положение. А. Блока поразила сцена допроса черносотенного депутата, которую проводила группа кадетов и эсеров: «Щипля бороду и гладя усы, Марков скалит белые зубы. Он говорит все тоном, вплотную подходящим к нахальному. «Дело ихнее там, что они знают». Родичев злобно смеется, смотря на Маркова. Такой атмосферы еще не было, я не заставал»[957]. Из стенограммы допроса видно, что Марков не отрекся от своих взглядов и откровенно, даже с некоторой бравадой, рассказывал о внутренней жизни Союза русского народа и своих взаимоотношениях с правительством. Вместе с тем Марков, по свидетельству А. Блока, отказался назвать имена партийных сотрудников, боясь их скомпрометировать.

Пока Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства снимала показания с царских министров и лидеров правых организаций, произошло изменение баланса политических сил. Еще до войны правый сановник П.Н. Дурново предсказал печальную судьбу российских либеральных партий: «Лишенные действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые». Это пророчество сбылось в первые же месяцы после свержения самодержавия. Временный комитет Государственной думы во главе с М.В. Родзянко, еще в начале марта говоривший от имени всей страны, через несколько дней потерял всякое значение. Пришедшее на смену ему Временное правительство переживало кризис за кризисом. В апреле под давлением Советов рабочих депутатов были вынуждены подать в отставку военный министр А.И. Гучков и министр иностранных дел П.Н. Милюков. Много лет лидеры либеральной оппозиции мечтали о парламентском правительстве, а в результате продержались на министерских постах менее двух месяцев. О Прогрессивном блоке никто не вспоминал, партия октябристов фактически прекратила существование, кадеты после короткого взлета начали терять былую популярность.

Зато стремительно росли ряды левых партий, прежде всего эсеров и меньшевиков. Бывшие бомбисты и подпольщики контролировали Советы рабочих и солдатских депутатов, занимали ключевые посты во Временном правительстве. Но их взлет был недолговечным, ибо на смену им шли большевики. Впрочем, летом 1917 г. большевики воспринимались как политические изгои. Большевистских вождей обвиняли в предательских связях с Германией и вызывали на допросы в Чрезвычайную следственную комиссию точно так же, как черносотенцев. Один из следователей комиссии вспоминал допрос В.И. Ленина: «Все стремятся посмотреть на продавца России и хоть вслед ему плюнуть: на большее пороху ни у кого не хватает, да и Ленин-то пока еще многим из нас кажется всего лишь клоуном от революции — Пуришкевичем навыворот»[958].

Что касается самого Пуришкевича, то он продолжал идейную эволюцию, начатую еще до падения самодержавия. Главным для него являлось продолжение войны, и во имя этого бывший черносотенец был готов примириться с новой властью. В марте 1917 г. за подписью Пуришкевича появилась листовка, призывавшая солдат, матросов и рабочих добиться перелома в войне с внешним врагом, ибо «его победа повела бы к возвращению России старого строя и тех людей, которые его поддерживали, вызывая проклятия к себе всех классов русского общества и всех его сословий»[959]. Пуришкевича, облаченного в походную форму с орденом Владимира на шее, видели в приемной министра юстиции А.Ф. Керенского. У присутствовавших даже мелькнула мысль, уж не собирается ли бывший черносотенец выхлопотать должность у Временного правительства. Когда Керенский был назначен военным и морским министром, Пуришкевич отправил ему телеграмму с просьбой поручить ему санитарную часть армии, не давая места в кабинете министров, но, по собственному признанию, «я не удостоился ответа».

Пуришкевич вспоминал слова Наполеона о том, что взбунтовавшуюся армию надо либо полностью распустить,

либо омыть кровью. Он обращался с советами к Керенскому: «Да усвоит же себе это прочно военный министр Керенский, заслуги которого перед родиной, в наши дни, будут неоценимы, если он пойдет по стопам Наполеона Бонапарта, а не предпочтет, оставаясь Наполеоном Федоровичем, проводить свою, истории незнакомую, систему оздоровления армии и тыла способами, чуждыми пониманию психологии не только русского народа, но и вообще психологии народных масс, систему, основанную на призыве к «товарищам», которые все равно не оценят его полумер, продиктованных ложным великодушием, отвернутся от него и забросают его каменьями, сочтя за партийного ренегата»[960].

Вместо IV Государственной думы в Таврическом дворце заседали советы. Бывшие депутаты всех созывов собирались на так называемые «частные совещания». На некоторых из них выступал и Пуришкевич. Он, столь долгое время порицавший российский парламент, теперь называл Думу «единственным очагом порядка» и предлагал противопоставить ее советам. Понимая, что это невозможно сделать в революционной столице, Пуришкевич предлагал перенести заседания Думы в казачий Новочеркасск — «туда, где есть известная физическая сила». М.В. Родзянко, председательствовавший на частных совещаниях, отклонил это предложение как совершенно неуместное. На частных совещаниях депутатов Пуришкевич проводил идею установления твердой власти. Он не был допущен к участию в Государственном совещании в Москве в середине августа 1917 г., на котором с требованием установления твердого порядка выступил Верховный Главнокомандующий генерал Л.Г. Корнилов. Пуришкевич встречался с Корниловым, но генерал, выходец из простых казаков, имевший взгляды скорее демократические, чем монархистские, весьма холодно отнесся к бывшему черносотенцу. Хотя Пуришкевич не был посвящен в планы Корнилова, он был задержан по подозрению в связях с мятежными генералами и провел несколько дней в Крестах. Для беседы с министром юсти-

ции А.С. Зарудным (одним из защитников на процессе Менделя Бейлиса) его привозили в Зимний дворец. Беседовал Пуришкевич и с бывшим террористом Б.В. Савинковым, ставшим управляющим Министерством внутренних дел. Содержание этих бесед неизвестно, результатом же стало освобождение депутата.

Положение Пуришкевича было опасным. В любую минуту он мог стать добычей солдат, потерявших последние остатки дисциплины, и отрядов рабочей милиции, которые контролировались большевиками. Сохранились апокрифичные истории о его приключениях в это время. Ему пришлось сбрить бороду и усы, изменив свою хорошо узнаваемую внешность. Однажды на его квартиру явился отряд солдат и милиционеров. Депутат сам открыл им двери и на вопрос: дома ли Пуришкевич, отвечал: «Пуришкевича ищете?.. Нет его, канальи...» и провел их со свечой в руках по всей квартире. Когда отряд, осмотрев квартиру, стал спускаться с лестницы, Пуришкевич из озорства крикнул: «Дураки, ведь Пуришкевич я». Милиционеры усомнились: «Ты нам головы не морочь — Пуришкевич с бородой».

В сентябре 1917 г., после провозглашения России республикой, Пуришкевич начал формировать монархическое подполье под прикрытием «Общества Русской государственной карты», созданного и официально разрешенного во время войны. В подпольную организацию вербовали юнкеров военных училищ, офицеров и студентов. На тайных собраниях можно было встретить отставных генералов, например Н.И. Иванова, который с батальоном георгиевских кавалеров не смог выполнить последнего приказа Николая II — подавить революцию в Петрограде. Руководил организацией сам Пуришкевич, его ближайшим помощником являлся ротмистр барон Н.Н. Боде. По словам Пуришкевича, в его организации состояло более двух тысяч офицеров и юнкеров в Петрограде и около 7 тысяч военнослужащих на фронте. Вероятно, он подсчитал всех, кто получал материалы «Общества Русской государственной карты», и

увлеченно обсуждал будущие границы России. Согласно материалам следствия, вокруг Пуришкевича группировалось всего несколько десятков человек.

Сторонники Пуришкевича вспоминали, что он «развивал ту мысль, что говорить в настоящее время о восстановлении монархии открыто не приходится. Слишком много еще противников монархии среди интеллигенции и широких слоев народа. Поэтому на время следует, не заикаясь пока о восстановлении монархии, мобилизовать все силы для сплочения государственных политических течений в одно русло в целях борьбы с анархией». Пуришкевич доказывал необходимость союза с кадетами и даже с эсерами, в свое время участвовавших в убийствах великих князей и других громких террористических актах: «Пуришкевич особенно настаивал на тесной связи с Савинковым и его единомышленниками и приверженцами, объясняя, что одни монархисты сами по себе слишком слабы, чтобы достичь успеха, и без правых социалистов-революционеров обречены на поражение»[961].

25 октября 1917 г. в Петрограде свершилось судьбоносное событие, значение которого было осознано далеко не сразу. Поначалу многие черносотенцы отнеслись к низложению Временного правительства с известной долей злорадства. Сторонников самодержавия откровенно радовало, что одним из первых декретов Совнаркома были закрыты все газеты, призывающие к неповиновению новому правительству, кадеты были объявлены «партией врагов народа» и на смену мягкотелой демократии пришла железная диктатура. В личном архиве академика А.И. Соболевского сохранились черновики писем, в которых бывший член Главного совета Союза русского народа признавался друзьям, что его теперешними любимцами являются большевики — уж больно здорово они расправляются с либеральной слякотью.

Пуришкевич воспринял октябрьский переворот как уникальную возможность ускорить реставрацию самодержавного режима. Члены его организации вспоминали: «Он

убеждал всех, что именно в настоящий момент, когда власть Советов еще не окрепла, а власть Керенского и эсеров еще не сдалась окончательно, необходимо немедленно выступить, чтобы захватить власть в свои руки и восстановить монархию. Для этого необходимо вмешаться в борьбу против большевиков, но при победе над ними не выпустить власть из своих рук в руки кого бы то ни было и дать после этого отпор всем претендентам на власть, будь то Керенский или кто-либо другой»[962]. Характерно, что, думая о монархии, он намеревался действовать в альянсе с комитетом спасения родины и революции, состоявшим из эсеров Н.Д. Авксентьева, А. Р. Гоца, В.М. Зензинова, В.М. Чернова и других. В первые же дни после захвата власти большевиками Комитет спасения родины и революции, возглавляемый правыми эсерами, попытался совершить контрпереворот. Позже Пуришкевич утверждал, что его организация стояла в стороне от этого выступления: «Если бы я руководил и одобрял движение, я был бы впереди, ибо не имею привычки идти в конце, а веду за собою людей». Однако его помощник ротмистр Н. Н. Боде вместе с юнкерами захватил Михайловский манеж, под сводами которого некогда собирались многотысячные черносотенные манифестации. Монархисты выполняли приказы эсеров, хотя и выражали недовольство тем, что приходится подчиняться недавним бомбистам. Один из членов подпольной организации вспоминал: «Я помню, что я еще заметил: «Охота вам поддерживать этот комитет спасения, стоящий за Керенского». На это мне ответили, что я в политике ничего не понимаю».

Выступление юнкеров провалилось. После этой неудачи Пуришкевич сделал ставку на донского атамана А.М. Каледина. В письме за подписью Пуришкевича был призыв: «Мы ждем вас сюда, генерал, и к моменту вашего подхода выступим со всеми наличными силами». Пуришкевич призывал: «Необходимо большевистской сволочи ударить в тыл и уничтожать их беспощадно: вешать и расстреливать публично в пример другим. Надо начать со Смольного и по-

том пройти по всем казармам и заводам, расстреливая солдат и рабочих массами». Подпольная (рганизация приобрела автомобиль, закупила оружия на 8 тыс. рублей, даже приобрела яд, с помощью которого планировалось отравить красногвардейцев. Впоследствии барон Боде показывал на допросе: «Банка с цианистым калием, найденная в квартире моей при обыске, принадлежала мне, и я употреблять этот яд хотел для охоты, для мышей и пр. Пулемет был куплен мною тоже для этой цели на Александровском рынке за три тысячи рублей»[963].

Монархисты не имели навыка подпольной работы. Они пытались использовать опыт своих идейных противников, по их словам, схема организации «была масонского образца, пятками, так что члены различных пятков не знали друг друга». Многие члены организации жили в гостиницах по чужим паспортам (Пуришкевич в виде шутки выправил себе фальшивый паспорт на фамилию... Евреинов). Однако вся конспирация разбивалась об обычную для черносотенцев недисциплинированность и безалаберность. К тому же в организацию без разбору вербовались юнцы с неустойчивой психикой, один из которых — семнадцатилетний прапорщик Е.В. Зелинский вызвал доверие Пуришкевича хвастливыми россказнями о том, как он якобы в одиночку убил семнадцать красногвардейцев. На второй день своего пребывания в организации прапорщик по собственной неосторожности провалился и тут же выдал и всю организацию и все ее планы, прибавив, что Пуришкевич предлагал ему «взять на себя миссию убить Ленина и Троцкого, за что обещал деньги, 10 тыс. рублей».

Пуришкевич был арестован и препровожден в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, где когда-то сидел его предок декабрист А.О. Корнилович. Свою тюремную жизнь Пуришкевич описал в нецензурных виршах:

Всех здесь партий всех оттенков;
Петропавловских застенков
Да, скажу, с... м...,
Только мертвым избежать.

Все тут были, все тут будут,
Про политику забудут,
Наложили всем замки
На уста большевики!

Судебный процесс над Пуришкевичем и его сторонниками, состоявшийся в конце декабря 1917 — начале января 1918 г., почти не имел аналогов в анналах советской юстиции. То был краткий период между практически бескровным переворотом и началом массового террора. Большевики уверяли, что тюрьмы являются пережитком старого строя, что в социалистическом государстве не будет ни преступлений, ни преступников. Новая власть старалась доказать, что революционный суд не имеет ничего общего с самосудом толпы. Приблизительно в одно время с Пуришкевичем была арестована почти вся верхушка партии кадетов. Двух кадетских лидеров, Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарева, матросы зверски забили в тюремной больнице, после чего власти поспешили освободить П.Д. Долгорукова и Ф.И. Родичева, а над С.В. Паниной был устроен быстрый суд, завершившийся удивительно мягким условным приговором. Процесс монархистов также должен был подчеркнуть справедливость и милосердие революционных порядков. Петроградский революционный трибунал судил Пуришкевича с соблюдением всех правовых гарантий. Заседания были открытыми, подсудимого защищали звезды дореволюционной адвокатуры Н.С. Таганцев и О.О. Грузенберг. Как известно, Грузенберг противостоял черносотенцам во время суда над Менделем Бейлисом, однако взялся за защиту членов антибольшевистской организации из принципиальных соображений.

Обвинителем на процессе был Д.З. Мануильский, произнесший громовую речь: «Нити отсюда ведут туда, к Тихому Дону, к творцам гражданской войны там, и, судя Пуришкевича с компанией, вы также выносите приговор генералам, создавшим русскую контрреволюционную Вандею»[964]. В Музее революции сохранился конспект речи пе-

ред трибуналом, написанный рукой Пуришкевича. Свою защиту Пуришкевич построил на тезисе о том, что абсурдно обвинять в заговоре людей, пытавшихся свергнуть власть большевиков, поскольку именно большевики захватили власть в результате заговора. Пуришкевич не отказывался от своих монархических взглядов, но подчеркивал, что является «увы, сейчас лишь идеологом монархизма», так как не видит никого достойного российской короны: «Кого? Николая II? Больного наследника и регентство Александры Федоровны, женщины, имени которой я спокойно слышать не могу? Михаила Александровича, открыто сказавшего, что он ждет воли Учредительного собрания? Кого? Кого? Скажите мне, граждане судьи, ибо я никого не знаю».

Бывший вождь черносотенцев провозгласил здравицу социалистам и анархистам, занявшим во время войны патриотическую позицию: «Слава им, слава Плеханову, Кропоткину, Бурцеву, кристальному Церетели, Дейчу, Брешковской и сотне врагов моих, живших тем же, чем жив я, — любовью к России». По другую сторону он поставил большевиков, чей вождь проехал через Германию в пломбированном вагоне. Он бросил в лицо большевистским судьям: «Вы правите террором над Петр(оградом), над Москвой, над 5—6 другими пунктами в России, но не над Россией. Вы не правительство, не власть, вы партия дорвавшихся до власти, а властью, а правительством будет только то, что создаст и поставит Учр(едительное) собрание, и всякая попытка ниспровергнуть эту власть, которую поставит Учр(едительное) собрание от имени всей России, такая попытка была бы гос(ударственным) преступлением и заслужила бы жесточайшей кары»[965].

Приговор суда, вынесенный 3 января 1918 г., был удивительно мягким. Пуришкевича осудили на четыре года общественно полезных работ, причем после года заключения срок превращался в условный. Остальные монархисты получили еще меньшие сроки. Через два дня большевики разогнали Учредительное собрание, а через два месяца заклю-

чили Брестский мир. Узнав о национальном позоре, Пуришкевич начертал на стенах Трубецкого бастиона гневные стихи, обращенные к русскому народу:

Народ рабов, наживы и желудка,
Ты продал Русь исконному врагу,
Тобою посланы два жалкие ублюдка
Припасть с покорностью к стальному сапогу.
Они предатели, их обрекут проклятью,
Но в этот час до них мне дела нет.
Мне жалок ты, что с первой в мире ратью
Ликуешь в год неизгладимых бед.
Безумством Ленина растерзана Россия,
За власть на миг она им предана.
А ты? ...восторженно кричишь ему «Мессия»
Мы живы — пропадай великая страна!

Писательница Ольга Форш описывала в романе «Одетые камнем», как еще в 20-х годах старик-надзиратель водил любопытных по Трубецкому бастиону: «А глядите, на стенке Пуришкевича стихи длинно написаны и подпись: «Владимир Митрофанович, несчастный Пуришкевич, краса и гордость контрреволюции». Пуришкевичу предложили свободу в обмен на обещание не бороться против новых властей. Он отверг сделку, но все равно был амнистирован к пролетарскому празднику Первое Мая. Выйдя на свободу, Пуришкевич опубликовал открытое письмо, в котором заявлял, что не простит большевикам Брестского мира. Пуришкевич некоторое время пробыл в Киеве, где правил гетман Скоропадский, а после падения гетманской власти нашел убежище на территории, подконтрольной Добровольческой армии. Пуришкевич призывал относиться к большевикам как к самому серьезному врагу: «Главная причина длительности разрушительной власти большевизма на севере заключается в твердости этой власти и волевом импульсе ее проводников. Не умея останавливаться перед препятствиями, большевизм ломает все на своем пути, идя к намеченной цели, а цель же его — растление христианских народов мира в интересах иудаизма»[966]. Пуришкевич пы-

тался наладить издание журнала «Благовест» — органа созданной им «всероссийской народно-государственной партии». Главный совет партии находился в Ялте, отделы имелись в Ростове-на-Дону, Одессе, Кисловодске. Все это дало повод командующему Добровольческой армией генералу А.И. Деникину иронически заметить, что Пуришкевич создал вокруг себя большой шум, комплектуя членов народно-государственной партии в основном из обитателей курортов.

Судя по воспоминаниям очевидцев, сталкивавшихся с Пуришкевичем в последние месяцы его жизни, лидер черной сотни до конца остался верен самому себе. То он громогласно объявлял «жидовской» умеренно-либеральную газету, то порывался избить бывшего секретаря Распутина, прижившегося в тылу Добровольческой армии. Вступив на путь открытой борьбы с большевиками, Пуришкевич вновь изменил свою тактику. Он подчеркивал, что сила большевиков заключается в твердости и неуклонном продвижении к намеченной цели. Противопоставить этому напору можно только железную волю. Компромиссы, как признал Пуришкевич, себя не оправдали. Он писал: «Всякие заигрывания с социалистами и кадетами всех мастей обречены на полный провал; они увеличат только то колоссальное море святой крови русского воинства, которое пало в гражданской войне за идею единой России». В своем публичном докладе он называл А.Ф. Керенского не иначе как Аароном Кирбасов. Один из слушателей посетовал, что не имеет под рукой брошюру Пуришкевича, в которой тот прочил Керенскому роль Наполеона[967]. Если в начале 1918 г. Пуришкевич отказывался признать власть большевиков на том основании, что она не утверждена Учредительным собранием, то в 1919 г. он называл преступной саму мысль о созыве собрания. «Большевистская власть в России, если мы желаем спасения России, должна быть заменена властью беспощадного русского диктатора»[968].

Пуришкевич настаивал на восстановлении самодержавия, хотя у него по-прежнему не было кандидата на пре-

стол. Однажды поэт Максимилиан Волошин повстречал Пуришкевича по пути из Крыма в Новороссийск и спросил: «Я знаю, Владимир Митрофанович, что Вы были постоянно монархистом. Но теперь — в настоящую минуту (июль 1919) — неужели Вы настаиваете на возвращении к власти династии Романовых?

— Нет, только не эта скверная немецкая династия, которая давно уже потеряла всякие права на престол.

— Но кто же тогда?

— В России сохранилось достаточно потомков Рюрика, которые сохранили моральную чистоту рода гораздо более, чем Романовы. Хотя бы Шереметевы!

Он не назвал только, кого из Шереметевых он имел в виду».

Вместе с отступавшими частями Пуришкевичу довелось стать свидетелем крушения последних надежд. Он успел узнать о разгроме белогвардейцев в Сибири и расстреле Колчака, но до него вряд ли дошла скорбная весточка о том, что на фронте во время отчаянной кавалерийской атаки на красноармейские позиции был зарублен его сын. Сам Пуришкевич заболел сыпным тифом, свирепствовавшим в Добровольческой армии. Разрозненные номера газет, сохранившихся с той поры, не сообщили точной даты его смерти. Известно только, что он скончался от сыпного тифа в феврале 1920 г. в Новороссийске — на одном из последних клочков русской земли, еще не подвластной большевикам. Отпевал Пуришкевича его коллега по Государственной думе архиепископ Евлогий. В том же году от тифа умер Г.Г. Замысловский, пытавшийся создать на Кавказе антисоветскую организацию.

Другой вождь черной сотни — Н.Е. Марков, в отличие от Пуришкевича, не возлагал надежд на Учредительное собрания. Наоборот, разгон собрания и окончательная «ликвидация формальной демократии» импонировали крайне правому деятелю. Он со смаком описывал конец первого и последнего заседания Учредилки, «когда по приказу шуст-

рого иудея Урицкого пьяный матрос Железняков вошел в зал торжественного заседания Учредительного собрания и, хлопнув по плечу председателя», велел прикрывать лавочку. Марков подчеркивал, что народ в своей массе сочувствовал не велеречивым депутатам, а большевикам: «Для простонародья (значит — для большинства) социалисты-большевики были желаннее всех, ибо все то, что социалисты остальных мастей обещали давать лишь в постепенности и в соразмерности с остатками здравого смысла, социалисты-большевики выбрасывали сразу и без всякой соразмерности»[969]. Воздавая должное решительности врага, Марков отказывался примириться с новой властью. Подобно Пуришкевичу, он ушел в монархическое подполье.

Во вступительной статье к одному из современных переизданий сочинений Н.Е. Маркова сообщается, что в 1917—1918 гг. он вместе с Г.Г. Замысловским создал в Петрограде конспиративную организацию «Великая единая Россия», которая действовала под видом трудовых артелей. Одновременно Марков руководил «Объединенной офицерской организацией», а также входил в комитет петроградской большевистской организации, являвшейся филиалом «Правого центра»[970]. Обо всей этой многообразной деятельности известно со слов самого Маркова, описавшего свою нелегальную жизнь в красном Петрограде. Проваленные явки, неожиданные аресты соратников, полные опасности поездки по городу, где его, по собственному выражению, знала каждая собака.

В первые месяцы после Февральской революции, по признанию Маркова, «даже и помыслить было нельзя о начинании гражданской войны. Эти месяцы ушли на восстановление порванных связей, отыскание уцелевших и не потерявших духа людей, на уяснение дальнейших способов действий. Это было время тайного сбора «на костях» ужасного разгрома». В отличие от организации Пуришкевича, с которой никаких связей не поддерживалось, группировавшиеся вокруг Маркова монархисты заявляли о своей вер-

ности отрекшемуся императору. Летом 1917 г. Николай II вместе с супругой и детьми жил в Царском Селе. Правила и условия содержания бывшего монарха, установленные Временным правительством, нельзя было назвать тюремными. Тем не менее Марков описывал детективный сюжет: в коробке папирос царственному узнику передали записку, в которой монархисты испрашивали дозволение начать борьбу за восстановление империи. В записке говорилось, что, если государь соизволит одобрить это дело, пусть благословит его иконой. В ответ была прислана икона Николая Чудотворца с инициалами императора и императрицы. Кстати, в переписке с императрицей Марков использовал в качестве условного знака древний арийский знак свастики.

Вопрос об освобождении Николая II, как подчеркивал Марков, начал обсуждаться только с сентября 1917 г., когда царскую семью по распоряжению А.Ф. Керенского отправили в Тобольск. Однако в деле спасения царя монархисты проявили полнейшую несостоятельность. Разработанный Марковым план бегства императорской семьи был полуфантастическим. Нашелся шкипер дальнего плавания, который должен был войти со своей шхуной в устье Оби, в условленном месте взять на борт императорскую семью и по Ледовитому океану вывезти ее в Европу. С реализацией плана дело обстояло еще хуже. К тому же Марков вновь столкнулся с проклятым для монархистов распутинским влиянием. Григория Распутина давно уже не было в живых, но распутинский кружок во главе с фрейлиной Анной Вырубовой продолжал существовать и по-прежнему пользовался безграничным доверием императрицы. Давая объяснения следователю Н.А. Соколову, автору книги о гибели царской семьи, Марков вспоминал: «...мне из кружка Вырубовой было дано понять, что мы совершенно напрасно пытаемся установить связи с царской семьей посылкой наших людей; что там на месте работают люди Вырубовой; что мы напрасно путаемся в это дело...» В Тюмени у рас-

путинцев был свой представитель — некий Б.Н. Соловьев, женатый на дочери Г.Е. Распутина. Посланный Марковым корнет Н.Я. Седов попал под влияние распутинского зятя, обстановки на месте не разведал и в итоге утерял связь с организацией. Для его розыска пришлось послать второго человека — корнета С. Маркова, пасынка известного черносотенными взглядами ялтинского градоначальника И.А. Думбадзе. Но он также ничего не сделал и даже не добрался до Тобольска.

Впоследствии, уже в эмиграции, между Марковым-«маленьким» (корнетом) и Марковым-«большим» развернулась острая полемика. Корнет С. Марков написал книгу «Покинутая царская семья», в которой обвинял своего однофамильца в том, что он ввел в заблуждение императрицу Александру Федоровну, уверяя ее через доверенных посредников, что монархическая организация очень сильна и «сможет совершить в Петербурге переворот, освободить государя и восстановить его на престоле, а в случае его отказа обеспечить трон наследнику». Марков-«большой» и его сторонники, напротив, утверждали, что вовсе не они, а Марков-«маленький», распутинский зять Соловьев и прочие авантюрные личности врали им и царице, что вокруг Тобольска якобы собраны целые кавалерийские полки, ждущие сигнала, чтобы в любую минуту спасти августейшую семью. Сейчас уже невозможно точно установить, кто был прав в этом споре, но параллели напрашиваются сами собой. Когда Николай II царствовал, его убеждали в том, что черносотенные союзы спасут монархию. Когда он отрекся и был лишен свободы передвижения, его продолжали вводить в заблуждение сообщениями о верных монархистах, готовых спасти и его и монархию.

Между прочим, Н.Е. Марков сам поведал о том, чего стоили высокопоставленные монархисты. Присягавшие отдать жизни за царя, они не захотели дать даже денег для его спасения. Бывший лидер черносотенцев с горечью писал: «Зубы скрипят от бешенства, когда вспоминаешь эти неиз-

бывные поиски помощи своему Государю, эти просьбы подачек — Царя ради, эти наглые лица недавних царских блюдолизов, всем благосостоянием, всем существованием своим исключительно обязанных Царской власти и так подло ей изменивших. Не могу забыть их гнусных сцен, когда титулованные и сановные предатели со смаком лягали ослиными копытами лик поверженного царственного Льва... Целые месяцы уходили, пока удавалось наскрести сколько-нибудь заметную сумму, но и эти небольшие суммы собирались отнюдь не среди богатых, не среди купцов 1 гильдии, не среди владельцев фабрик, не среди русской аристократии. Иные звездоносные «монархисты» не только ничего не давали на дело спасения своего законного Государя, но даже отказывались меня видеть из боязни общением с подпольным деятелем скомпрометировать свою репутацию. Когда летом и осенью 1918 года я видел на улицах многих из этих черствых и неблагодарных себялюбцев, стадами гонимых в Кресты и Дерябинку, когда я каждый день слышал о расстрелах то того, то другого, когда я читал большевистские декреты о вскрытии и уплотнении богатых квартир, я не ужасался, я не жалел, злорадствовал и говорил: «По делам горе и мука!»[971].

При большевиках условия содержания царской семьи значительно ужесточились, а весной 1918 г. Николая вместе с женой и детьми увезли в Екатеринбург. Дом Ипатьева, где поселили царскую семью, тщательно охранялся, и всякие контакты с пленниками были затруднены. Н.Е. Марков сообщал, что в конце концов ему удалось окольными путями направить в Екатеринбург восемнадцать офицеров, но сам же признавал: «Попытка эта, конечно, не была надлежаще оборудована, и шансов на успех было мало». Драматическую ноту во всю историю вносит то обстоятельство, что преувеличенные слухи о монархическом заговоре ускорили кровавую развязку.

Трагедия царской семьи разворачивалась на фоне наступления чехословацкого корпуса, выступившего против

большевиков. На тот момент советская власть не имела сильной армии, и чешские отряды брали один город за другим. При отступлении большевики спешили расправиться со всеми, кого подозревали в связях с Романовыми. В реке был утоплен тобольский епископ Гермоген (Долганев), некогда пытавшийся избавить царскую семью от распутинского влияния и оставшийся верным монарху до конца. Прологом трагедии стало убийство в Перми младшего брата царя Михаила Александровича в ночь с 12 на 13 июня 1918 г. Характерно, что по официальному сообщению Михаил был похищен «организованной бандой белогвардейцев», якобы предъявивших поддельные мандаты. На самом деле последний император из династии Романовых был увезен председателем местного совета, начальником милиции и чекистами. За городом Михаила Александровича и его личного секретаря застрелили из наганов, тела завалили хворостом, а потом закопали.

Месяцем спустя пришел черед царской семьи. Чекист Я.М. Юровский, непосредственно руководивший казнью, писал, что в половине второго ночи 18 июля 1918 г. охрана дома Ипатьева разбудила Николая, его жену, сына Алексея, четырех дочерей и нескольких приближенных. Им объяснили, что в городе началась стрельба и для безопасности необходимо спуститься в подвальное помещение. Когда всех завели в подвал, Юровский наскоро объявил, что Уралисполком постановил их расстрелять. Николай успел только переспросить: «Что? Что?», как охрана открыла беспорядочную стрельбу. Николай, Александра и одна из их дочерей были убиты наповал. Мальчика, стонавшего в луже крови, Юровский добил двумя выстрелами из нагана, а трех его сестер расстрельная команда заколола штыками. Тела казненных были вывезены за город, сожжены, облиты серной кислотой и зарыты в болоте.

На следующий день произошла расправа над старшей сестрой императрицы Елизаветой Федоровной, великим князем Сергеем Михайловичем, тремя взрослыми сыновь-

ями великого князя Константина Константиновича — Иоанном, Игорем и Константином, князем императорской крови Владимиром Палеем и их приближенными, содержавшимися в уральском городке Алапаевске. Их рассадили по подводам, якобы для переезда в другое место, но по дороге свернули к заброшенной шахте и там убили. Когда большевики были выбиты из Алапаевска, медицинская экспертиза показала, что застрелен был только князь Сергей Михайлович, остальных сбросили в семидесятиметровую шахту живыми, а для верности кинули вслед гранаты.

Большевистское правительство возвестило всему миру о казни бывшего императора, заявив, что это произошло якобы после раскрытия контрреволюционного заговора с целью вырвать тирана из рук советов. Цареубийство было ужасающим преступлением в глазах монархистов. Но было бы ошибочно считать, что весь русский народ как один человек содрогнулся при известии о смерти помазанника Божьего. О равнодушии или даже об одобрении убийства свидетельствуют многие лица, в чьей объективности не приходится сомневаться. Так, бывший председатель Совета министров граф В.Н. Коковцов, живший в то время в Петрограде, вспоминал: «В день напечатания известия я был два раза на улице, ездил в трамвае и нигде не видел ни малейшего проблеска жалости или сострадания. Известие читалось громко, с усмешками, издевательствами и самыми безжалостными комментариями... Какое-то бессмысленное очерствение, какая-то похвальба кровожадностью. Самые отвратительные выражения: «давно бы так», «ну-ну, поцарствуй еще», «крышка Николашке», «эх, брат, Романов, доплясался», — слышались кругом, от самой юной молодежи, а старшие либо отворачивались, либо безучастно молчали»[972].

Объявив о казни Николая, большевики приняли меры, чтобы скрыть известие о зверской расправе над женщинами и детьми. Официально было заявлено, что Александра Федоровна с детьми якобы находятся в руках советов и укрыты в надежном месте. Эта ложь прозвучала из уст пред-

седателя ВЦИК Я.М. Свердлова даже на заседании Совнаркома. Правду знали только самые доверенные лица из большевистской верхушки. Много лет спустя Троцкий рассказал в своем дневнике о беседе со Свердловым: «...я спросил мимоходом: «Да, а где царь?» — «Кончен, — ответил он, — расстрелян». — «А семья где?» — «И семья с ним». — «Все?» — спросил я, по-видимому, с оттенком удивления. «Все! — ответил Свердлов. — А что?» Он ждал моей реакции. Я ничего не ответил. «А кто решал?» — спросил я. «Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять им живого знамени, особенно в наших условиях»[973].

Показательно, что большевики, с легкостью принимавшие решения об уничтожении ни в чем не повинных людей, впадали в ярость, когда дело касалось их собственной безопасности. В конце августа 1918 г. в Москве был ранен В.И. Ленин, а в Петрограде убит председатель петроградского ЧК М.М. Урицкий. В ответ был объявлен «красный террор». Петроградская «Красная газета» угрожала: «Сотнями будем мы убивать врагов. Пусть будут это тысячи, пусть они захлебнутся в собственной крови. За кровь Ленина и Урицкого пусть прольются потоки крови, больше крови, столько, сколько возможно». Ей вторили московские «Известия»: «Пролетариат ответит на поранение Ленина так, что вся буржуазия содрогнется от ужаса»[974].

На вождя большевиков Ленина покушалась правая эсерка Фанни Каплан, бывшего меньшевика Моисея Урицкого застрелил беспартийный социалист Леонид Каннигесер. Черносотенцы меньше, чем кто-либо, могли быть обвинены в причастности к этим террористическим актам. Тем не менее среди 500 заложников (официальные и весьма преуменьшенные цифры), казненных в отместку за эсеровское покушение, были видные деятели крайне правого лагеря. Ночью 23 августа (5 сентября) на Ходынском поле были расстреляны протоиерей И.И. Восторгов, бывшие министры И.Г. Щегловитов, Н.А. Маклаков, А.Н. Хвостов. Вместе с ними расстреляли А.Д. Протопопова, бывшего директора Департамента полиции С.П. Белецкого, епископа

Селингинского Ефрема, а также ксендза И. Лютостанского, автора обличительных трудов о талмуде. Документированного описания казни не сохранилось, но по некоторым свидетельствам (возможно, апокрифическим) всем жертвам разрешили помолиться и попрощаться друг с другом. Все встали на колени, и полилась горячая молитва, после чего все подходили под благословение духовных лиц. Первым направился к могиле протоиерей Восторгов. «Я готов», — сказал он конвою. Палач подошел к нему со спины вплотную, взял его левую руку, завернул за поясницу и, приставив к затылку револьвер, выстрелил, одновременно толкнув отца Иоанна в могилу. Другие палачи приступили к остальным своим жертвам»[975].

Долгое время не было точных сведений об обстоятельствах гибели основателя Союза русского народа А.И. Дубровина. Большая советская энциклопедия сообщала, что он был расстрелян осенью 1918 г. «за антисоветскую деятельность». Сравнительно недавно исследователи, имеющие доступ к Центральному архиву ФСБ, обнародовали материалы, проливающие свет на судьбу вождя черной сотни[976]. В мае 1917 г. Дубровин был освобожден Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства, не нашедшей нарушения уголовных законов в его политической деятельности. Однако у Чрезвычайной комиссии, созданной большевиками, на сей счет имелось иное мнение. Удивительно, что Дубровин довольно долго избегал ареста. Он переехал в Москву и служил врачом в Лефортовской советской амбулатории. В октябре 1920 г. Дубровин был арестован сотрудниками Особого отдела ВЧК в Москве по обвинению в том, что «с 1905 по 1917 г. являлся председателем Союза русского народа, который боролся с освободительным движением в России». Доставленный на Лубянку, он пытался апеллировать к следователям и судьям в одном лице, выражая надежду, что «предержащее советское правительство стоит выше мести людям за прежние убеждения и деятельность». Но судьба его была предрешена заранее. Следственное дело № 4118 в отношении А.И. Дубровина

свидетельствует, что его допрашивали на Лубянке лично В.Р. Менжинский и М.Я. Лацис. Уже через день после предъявления обвинения следователь Особого отдела ВЧК Фельдман, называя Дубровина «гнусным стариком», который «производит отвратительное впечатление на всех, кто с ним сталкивался», вынес заключение по делу и предложил расстрелять бывшего председателя Союза русского народа. На следственном деле Дубровина имеется и резолюция небезызвестного Генриха Ягоды, разрешающая поставить вопрос на рассмотрение Президиума ВЧК. 21 апреля 1921 г. Президиум ВЧК постановил расстрелять Дубровина. Сведений о дате приведения приговора в исполнение и месте захоронения в Центральном архиве ФСБ России не имеется.

Еще меньше известно об обстоятельствах гибели ближайшей сотрудницы Дубровина казначея Главного совета Союза русского народа Е.А. Полубояриновой (расстреляна в Петрограде), председателя фракции крайне правых IV Государственной думы профессора С.В. Левашова (убит или расстрелян летом 1919 г.), бывшего председателя Московского губернского отдела Союза русского народа Н.Н. Ознобишина (взят в заложники и расстрелян в 1918 г.), одного из руководителей московских монархистов М.В. Гневушева, председателя Одесского отдела Союза русского народа графа А.И. Коновницына (расстрелян в своем имении в 1919 г.), председателя Отечественного патриотического союза В.Г. Орлова. Репрессии коснулись черносотенных идеологов и публицистов. Приват-доцент Б.В. Никольский после революции читал лекции в военно-научной секции Всеобуча, но это его не спасло. В 1919 г. он был взят в заложники и расстрелян. Его богатейшая библиотека была конфискована и разделена между несколькими государственными книгохранилищами. В 1919 г. был расстрелян П.Ф. Булацель. В Харькове расстреляли бывшего председателя фракции крайне правых А.С. Вязигина. По постановлению Петроградской Чрезвычайной комиссии были расстреляны бывшие сотрудники «Русского знамени» И.В.

Ревенко, Л.Н. Бобров, В.Н. Мухин, А.Д. Гарявин, Н.А. Ларин и другие. Вместе с ними расстреляли художника Л.Т. Злотникова, кандидата в члены Главной палаты Союза Михаила Архангела и автора обложки «Книги русской скорби». Председатель Одесского Союза русских людей Н.Н. Родзевич был убит во время французской оккупации Одессы.

Разумеется, это далеко не полный мартиролог черносотенцев. Неизвестна судьба большинства председателей губернских и уездных отделов монархических организаций, не говоря уже о рядовых черносотенцах. Сумели ли они скрыться или погибли — сведений об этом не сохранилось или они по-прежнему недоступны историкам. Немало черносотенцев погибли от рук бандитов и грабителей, стали жертвами шальных пуль, скончались от болезней, голода и лишений, которые принесла Гражданская война.

В 1919 г. кара постигла Веру Чеберяк, главную свидетельницу по делу Бейлиса. Говорили, что эта фантастическая женщина якобы вошла в состав какого-то местного совета, но была опознана. Один из чекистов вспоминал: «Веру Чеберяк допрашивали все евреи-чекисты». При этом комендант ЧК Фаерман «над ней издевался, срывая с нее верхнее платье и ударяя дулом револьвера... Она отвечала: «Вы можете со мною делать что угодно, но я что говорила... от своих слов и сейчас не откажусь»[977]. Вера Чеберяк была расстреляна, позже расстреляли ее брата Петра Сингаевского, тоже участвовавшего в процессе Бейлиса. Главный обвинитель на процессе прокурор О.О. Виппер был судим Московским революционным трибуналом и отправлен в концентрационный лагерь. С учетом того, что ранее был расстрелян И.Г. Щегловитов, может сложиться впечатление мести за дело Бейлиса. С другой стороны, в действиях киевской ЧК трудно было найти логику. Чекисты расстреляли бывшего киевского губернатора Н.И. Суковкина, который был противником ритуальной версии, причем расстреляли, несмотря на письма евреев в его защиту. Был расстрелян весь состав киевского окружного суда, оправдавший Бейлиса.

Таким образом, нет фактов, что чекисты с особой жестокостью относились именно к членам крайне правых союзов. Красный террор обрушился на всех подряд, и это, кстати говоря, предсказывали наиболее дальновидные из черносотенцев. За несколько месяцев до Февральской революции П.Ф. Булацель обращался к противникам самодержавия: «Вы готовите могилу не только «старому режиму», но бессознательно вы готовите могилы себе и миллионам ни в чем не повинных граждан. Вы создадите такие погромы, такие варфоломеевские ночи, от которых содрогнутся даже одержимые революционною манией демагоги бунта, социал-демократии и трудовиков!»[978]. Так и получилось. Вместе с черносотенцами в могилы были отправлены десятки тысяч кадетов и социалистов, бывших помещиков и крестьян, православных священников и лютеранских пастырей, русских, евреев, представителей всех национальностей и сословий.

Следует добавить, что большевики скопом зачисляли в «черносотенцы» всех, кто не только открыто, но хотя бы потенциально мог выразить несогласие с их политикой. Например, в марте 1922 г. Ленин требовал сурово наказать «шуйских мятежников», осмелившихся протестовать против изъятия церковных ценностей. Вождь большевиков распорядился, чтобы судебный процесс «был проведен с максимальной быстротой и закончился не иначе как расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шуи»[979]. Приказ вождя большевиков был выполнен, но среди осужденных не оказалось ни одного члена Союза русских православных людей в г. Шуе и уездах, и наоборот, расстрелян был священник П. Светозаров, который до революции боролся с шуйскими черносотенцами.

Подавляющее большинство черносотенцев были расстреляны, несмотря на то, что они не принимали активного участия в борьбе против советской власти. Нельзя приписать черносотенной пропаганде и вспышки антисемитизма, проявившиеся в годы Гражданской войны. Летом 1917 г. Н.Е. Марков возмутил следователей Чрезвычайной след-

ственной комиссии циничными рассуждениями, что еврейские погромы были до Союза русского народа и «будут после его закрытия». Он как в воду глядел. В 1919 г. по украинским городам и местечкам прокатились еврейские погромы, многократно превзошедшие по жестокости и количеству жертв дореволюционные погромы. Погромы были допущены украинскими социалистами и националистами, которых до революции преследовали «истинно русские».

Несколько бывших черносотенцев пошли на службу большевикам. Особое рвение проявил Сергей Труфанов, бывший иеромонах Илиодор. Его похождения при новой власти были не менее фантасмагорическими, чем до революции. К сожалению, в рассказах о нем трудно отделить правду от вымысла. Говорили, что Труфанов вернулся в Царицын на свое разоренное большевиками подворье и попытался создать мистическую коммуну «Вечный мир», объявив себя «патриархом». Он истово пел осанну «красным орлам», гнавшим белые полчища, и обличал приспешников старого режима. Чекисты использовали неистового проповедника в борьбе с православным духовенством, но он не совсем оправдал их надежды. По крайней мере в декабре 1920 г. на имя председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского была направлена записка, в которой признавалось: «Даже такой решительный и смелый вояка в рясе, как Илиодор Труфанов, даже он в паутине Церкви не нашел присутствия духа для того, чтобы открыто ударить церковной иерархии прямо в лоб». Непонятно, каким образом Труфанов ушел от большевиков за границу, а может, был выпущен ими с какими-то тайными целями. За границей Труфанов опять переменил фронт и каялся, что чекисты принудили его к сотрудничеству. С течением времени его повествования все больше напоминали бред прогрессирующего параноика. Например, он рассказывал, как Дзержинский демонстрировал ему в Кремле банку с заспиртованной головой Николая II. Никто более не воспринимал его всерьез, все от него отвернулись. Говорили, что свою феерическую карьеру бывший иеромонах закончил швейцаром в Нью-Йорке. Про-

жил он долго и умер, по некоторым сведениям, в 1952 или даже в 1958 году.

На путь сотрудничества с советской властью вступил бывший товарищ председателя Союза русского народа А.И. Соболевский. Недаром он восхищался решительностью большевиков. Соболевский, как действительный член Петербургской академии наук, автоматически стал советским академиком. От политической деятельности он полностью отошел и в 20-х годах опубликовал несколько специальных научных монографий по топонимике и этнографии. Бывший деятель Русского собрания Н.А. Энгельгардт жил в Ленинграде, занимался литературным трудом. «Охранительной грамотой» для него служили цитаты из сочинений В.И. Ленина, который высоко ценил «Письма из деревни», написанные его отцом. Для некоторых членов Русского Собрания, например военного инженера В.К. Величко, сотрудничество с новой властью закончилось трагически.

2

Монархическая эмиграция

Монархическая эмиграция с ее многочисленными направлениями и ответвлениями — это отдельная тема, заслуживающая специальной монографии. Поэтому лишь вкратце упомянем о судьбе некоторых крайне правых деятелей, нашедших убежище за рубежом. Прежде всего следует сказать о православных иерархах, чьи имена в царской России ассоциировались с черносотенцами и русскими националистами.

Архиепископ Антоний (Храповицкий) после падения самодержавия проявил себя одним из наиболее последовательных сторонников восстановления патриаршества. Помимо исключительного церковного значения, избрание патриарха имело важный политический смысл, так как при отсутствии царя именно патриарх становился символом древнерусских государственных традиций. На помест-

ном соборе, собравшемся в Москве, Антоний получил абсолютное большинство голосов, но архиереи решили положиться на волю Божью и избрать патриарха при помощи жребия. 5 (18) ноября 1917 г. жребий пал на митрополита Тихона, ставшего первым патриархом Московским и всея Руси после более чем двухвекового перерыва. До революции политические убеждения будущего патриарха можно было определить как черносотенные, и он в бытность архиепископом Ярославским даже являлся почетным председателем одного из отделов Союза русского народа.

В 1918 г. Антоний был избран митрополитом Киевским на место митрополита Владимира, убитого матросами-большевиками. Вскоре большевиков сменил гетман Скоропадский, а его в свою очередь — Симон Петлюра. Для истинно русских, как называли себя черносотенцы, украинские националисты были не менее опасны, чем большевики. Петлюровцы не собирались терпеть в Киеве православных иерархов, не поддерживавших идею независимости Украины и автокефальности украинской церкви. Митрополит Антоний, архиепископ Евлогий и архимандрит Виталий (создатель Почаевского Союза русского народа) были арестованы петлюровцами и заточены в униатском монастыре в Галиции. Через некоторое время украинский плен сменился польским, но это не облегчило положение арестованных, так как поборники единства и неделимости России представляли угрозу для Польши, только-только выделившейся из состава империи. Митрополит Антоний на латыни пытался апеллировать к кардиналу Сапеге, говоря: «Мы добровольно отдали себя в руки поляков, надеялись на их великодушие, а к нам отнеслись, как к преступникам. У нас, на Кавказе, есть дикое, разбойничье племя ингушей: если кто добровольно отдается под их покровительство, тот человек для них священный. А с нами поляки не так...» Кардинал ответил ему, что черносотенных владык держат под стражей для их же безопасности — иначе толпа растерзает их из ненависти.

Только вмешательство дипломатических представителей Антанты привело к освобождению православных иерархов. Они были отправлены в белую армию под защиту генерала А.И. Деникина. Митрополит Антоний еще успел на короткое время вернуться в Киев, архиепископ Евлогий так и не добрался до своей епархии ввиду начавшегося отступления белых. После поражения белого движения началась их эмигрантская судьба.

Митрополит Антоний председательствовал на общецерковном заграничном собрании, созванном в ноябре—декабре 1921 г. в сербском городе Сремские Карловцы. Собрание (позже переименованное в Русский Всезаграничный Церковный Собор) положило начало длительному разделению Русской православной церкви под управлением патриарха Московского и зарубежной православной церкви. С одной стороны, расхождение имело канонический характер, так как карловацкое собрание, формально признавая высшую власть патриарха Московского и всея Руси, образовало особое высшее церковное управление за границей под председательством митрополита Антония, который без ведома и согласия патриарха Тихона был назван его заместителем. Под влиянием монархистов, верховодивших на общецерковном собрании, было принято «Послание чадам Русской православной церкви, в рассеянии и изгнании сущим», в котором говорилось, что Господь «вернет на всероссийский престол Помазанника, сильного любовью народа, законного православного царя из дома Романовых». В специальном послании государствам — участникам Генуэзской мирной конференции говорилось: «Народы Европы! Народы Мира! Пожалейте наш добрый, открытый, благородный по сердцу русский народ, попавший в руки мировых злодеев! Не поддерживайте их, не укрепляйте их против ваших детей и внуков! А лучше помогите честным русским гражданам. Дайте им в руки оружие, дайте им своих добровольцев и помогите изгнать большевиков — этот культ убийства, грабежа и богохульства — из России и всего мира». С такими призывами согласились не все участники карловацкого со-

брания. Часть членов собрания уклонилась от участия в голосовании, сделав заявление, что «постановка вопроса о монархии... носит политический характер и как таковая обсуждению церковного собрания не подлежит», а архиепископ Евлогий призывал не ставить под удар церковь в России. Однако радикально настроенное большинство настояло на своем.

Патриарх Тихон издал указ, гласивший: «Я признаю Карловацкий собор заграничного духовенства и мирян не имеющим канонического значения и послание его о восстановлении династии Романовых и обращение к Генуэзской конференции не выражающими официального голоса Русской церкви». Патриарх упразднил высшее церковное управление за границей. Сначала митрополит Антоний собирался подчиниться. Более того, он хотел отказаться от политической деятельности, снять с себя сан митрополита и провести остаток жизни простым монахом в Афонском монастыре. Но этим намерениям не суждено было исполниться. Епископы подчинились указу только формально. Выразив сыновнее почтение патриарху, они распустили высшее церковное управление и тут же создали архиерейский синод во главе с тем же митрополитом Антонием. Таким образом, центр управления зарубежной церковью в Сремских Карловцах полностью сохранялся, хотя и под иным наименованием.

Антоний и его коллеги по синоду считали, что патриарх Тихон, находящийся во власти воинствующего атеистического режима, не может быть полностью свободен в своих решениях. В качестве веского подтверждения своих подозрений они указывали на тот факт, что буквально на следующий день после опубликования указа святейший патриарх был взят под домашний арест. С точки зрения советских властей, за патриархом уже числилось множество прегрешений, а последней каплей, переполнившей чашу терпения большевиков, стал протест церковных иерархов против изъятия церковных ценностей. Московский ревтрибунал постановил привлечь «граждан Белавина и Феноме-

нова, именуемых организацией православной иерархии, первый — патриархом Тихоном, второй — архиепископом Никандром, к судебной ответственности».

Из Донского монастыря патриарха Тихона привозили на допросы на Лубянку. Через год патриарх обратился в Верховный суд РСФСР с покаянным заявлением: «Будучи воспитан в монархическом обществе и находясь до самого ареста под влиянием антисоветских лиц, я действительно был настроен к советской власти враждебно, причем враждебность из пассивного состояния временами переходила к активным действиям, как-то: обращение по поводу Брестского мира 1918 г., анафематствование в том же году власти и, наконец, воззвание против декрета об изъятии церковных ценностей в 1922 г... Признавая правильность решения суда о привлечении меня к уголовной ответственности... за антисоветскую деятельность, я раскаиваюсь в своих поступках против государственного строя и прошу Верховный Суд изменить мне меру пресечения, т.е. освободить меня из-под стражи. При этом я заявляю Верховному Суду, что отныне я Советской власти не враг. Я окончательно и решительно отмежевываюсь как от зарубежной, так и от внутренней монархическо-белогвардейской контрреволюции».

Зарубежный синод отнесся к заявлению патриарха как к исторгнутому силой. В свою очередь, советские газеты выражали сомнение в искренности черносотенного духовенства. Газета «Известия» сообщала, что патриарх якобы направил митрополиту Антонию тайное послание по поводу своего отмежевания: «Я написал это для властей, а ты сиди и работай». «И Антоний, — подчеркивали «Известия», — действительно работает, издает от имени организованного им в Сербии синода «Церковные Ведомости», в которых печатает небылицы о том, как советская власть травила патриарха»[980]. Скорее всего, упоминание о письме являлось пропагандистской уловкой, хотя митрополит Антоний действительно пытался объяснить эмигрантской пастве позицию патриарха: «Может быть, кто скажет: но ведь Патри-

арх знает, что так называемая гражданская власть в России враждебна Христу и всякой вообще религии, что она состоит на 85 процентов из христоненавистников-иудеев, точнее сказать, безбожников, а разве не под безбожною властью были древние христиане, святые мученики, святые апостолы и, наконец, Христос Спаситель, повелевший выплачивать подати безбожному язычнику Пилату. И однако ни мученики, ни апостолы не боролись против безбожной власти, а, наоборот, требовали к ней послушания, когда не было возможности низвергнуть ее военной силой и заменить властью справедливой...»

В апреле 1925 г. патриарх Никон скончался от нефрита. После его смерти было опубликовано «Завещательное послание», в котором советская власть называлась действительно народной, а потому непоколебимой. От зарубежных епископов завещание требовало «иметь мужество вернуться на Родину и сказать правду о себе и Церкви Божией». Зарубежный синод отверг завещание патриарха как подложное. Окончательный разрыв зарубежного синода с московской патриархией произошел после издания в 1927 г. митрополитом Сергием (Страгородским), тогдашним заместителем местоблюстителя патриаршего престола и будущим патриархом, декларации о лояльности советской власти. От заграничных епископов потребовали дать подписку в том, что они не допустят в своей деятельности «ничего такого, что может быть принято за выражение нелояльности советскому правительству». Такая подписка была совершенно неприемлема для монархически настроенного эмигрантского духовенства. Архиерейский собор Русской православной церкви за рубежом постановил, что прекращает всякие отношения с московской церковной властью «ввиду невозможности нормальных отношений с нею и ввиду порабощения ее безбожной властью». Юридическое оформление разрыва произошло в 1934 г., когда из Москвы пришел указ о запрещении в священнослужении карловацких иерархов и предании митрополита Антония суду будущего собора. Митрополит Антоний скончался в 1935 г.,

до конца оставшись непримиримым врагом советской власти и «сергианской ереси», в которую, по обвинению карловчан, впала Русская православная церковь под гнетом большевиков. При преемниках Антония управление зарубежной церковью было перенесено из Югославии в США. Вопрос о возвращении Русской православной церкви за рубежом в ведение московской патриархии остается открытым до сих пор. Многие десятилетия эмигрантское духовенство выдвигало в качестве непременного условия объединения осуждение «сергианства», покаяние за малодушное сотрудничество с советской властью, признание святыми Николая II и других новомучеников. Только в последнее время в этом деле наметился некоторый прогресс, хотя разногласия еще далеко не преодолены.

Следует отметить, что сама зарубежная церковь не избежала раскола — так называемого евлогианства. Архиепископ Евлогий не разделял крайних монархических воззрений карловчан. В сане митрополита (с 1922 г.) Западной Европы он обосновался в Париже, где его поддерживали либеральные общественные и церковные деятели П.Б. Струве, С.Н. Булгаков, А.В. Карташев и другие. Митрополит Евлогий провозгласил отказ от политики и вышел из подчинения карловацкого синода. Вместе с тем он отказался подчиняться московскому синоду, перейдя под юрисдикцию константинопольского патриарха. В годы Второй мировой войны митрополит Евлогий проявил себя пламенным русским патриотом. Как и многие деятели эмиграции, он отказался в какой-либо форме сотрудничать с нацистами и возносил молитвы за победу русского оружия. Помощница престарелого владыки вспоминала, с каким ликованием он следил за вступлением Красной армии в Берлин: «В один из этих победно-финальных дней я застала Владыку счастливым, сияющим, вокруг него лежали газеты, в руках был иллюстрированный журнал: он любовался портретами советских маршалов... — Смотрите, смотрите, подлинные орлы... Вот этот на Кутузова похож, а вот — Багратион, а вот этот — Барклай... Какие молодцы! Какие лица! Благо-

образные, волевые, умные... — с веселой улыбкой говорил он».

После войны митрополит Евлогий вернулся в подчинение московской патриархии и получил советский паспорт. Он умер в 1946 г. советским гражданином.

В мирской среде кипели не менее бурные страсти, чем среди зарубежного духовенства. Оказавшись вдали от родины, эмигранты не забыли прежних политических счетов. Либералы и социалисты, осуждая Октябрьскую революцию, по-прежнему исповедовали идеалы Февраля, тогда как для крайне правых катастрофа началась с отречения царя. Дискуссии по этому поводу выходили за рамки словесной перепалки. Во время публичной лекции профессора Милюкова в зале Берлинской консерватории на него было совершено покушение бывшим членом Союза русского народа П.Н. Шабельским-Борким (до революции его родители часто публиковали статьи в «Русском знамени»). Со словами «Я мщу за царскую семью» черносотенец расстрелял два револьвера, но в цель не попал (возможно, потому что находился под воздействием кокаина). Вместо Милюкова случайной жертвой нули стал другой видный кадет — В.Д. Набоков.

В мае 1921 г. наиболее радикальные элементы монархической эмиграции собрали съезд в баварском городке Рейхенгале, на котором был избран Высший монархический совет под председательством Н.Е. Маркова. В Высший монархический совет, базировавшийся в Берлине, входили такие известные лица, как бывший председатель Совета министров А.Ф. Трепов, бывший саратовский губернатор князь А.А. Ширинский-Шихматов, бывший депутат Государственной думы В.Н. Крупенский, бывший сенатор А.А. Римский-Корсаков, князь П.А. Оболенский, профессор Н.Д. Тальберг и другие.

Более тридцати представителей совета участвовали в уже упоминавшемся соборе в Сремских Карловцах в ноябре 1921 г. и придали ему политический оттенок. Об атмосфере острой нетерпимости, которую внесли монархисты,

лучше всего свидетельствует демонстративное изгнание с собора бывшего председателя Государственной думы М.В. Родзянко, обвиненного в измене монархии. Архиепископ Евлогий вспоминал, что монархисты были хозяевами положения на соборе. Архиепископ безуспешно пытался отговорить их от резких политических демаршей, чтобы не осложнять положение духовенства в советской России: «Я уговаривал наиболее влиятельных монархистов: «Поберегите Церковь, Патриарха... Заявление несвоевременно. Из провозглашения ничего не выйдет. А как мы отягчим положение! Патриарху и так уже тяжело...» Марков обратился ко мне: «Что с вами? какая перемена!..» Единомышленники его тоже яростно на меня напали». В 20-х и 30-х годах Высший монархический совет играл весьма влиятельную роль в деятельности карловчан. Поскольку архиерейский синод собирался в Сремских Карловцах всего лишь раз в год, фактическое управление зарубежной церковью сосредоточилось в руках членов Высшего монархического совета Н.Д. Тальберга и его единомышленников.

Однако Высшему монархическому совету не удалось добиться монопольного положения в эмигрантской монархической среде, разделенной на противоборствующие группировки. Многие эмигранты считали сторонников Маркова бесполезным балластом. Так, известный философ И.А. Ильин констатировал: «Монархисты марковского толка готовятся грубо и демагогично возглавить в России назревающую стихию отчаяния, злобы и антисемитизма. Планомерно работать не умеют и не собираются, денег не имеют... Атмосфера Высшего монархического совета есть атмосфера Маркова. Он силен волею и темпераментом и грубо умен и грубо хитер, интрига его топорна, очень властолюбив и малообразован; одержим антисемитизмом и массонобоязнью, в экономике не понимает ничего и творческих идей не имеет; духовная культура за пределами православия для него почти не существует; это не вождь и не строитель, а трибун и демагог с черным блеском в зрачке. Если возникнет русский фашизм, то не от него. Его правая рука —

Тальберг — такой же во всем, но только в полроста, правее и более энергичен искусною интригою»[981].

Сложными были отношения Высшего монархического совета с Русским общевоинским союзом, возглавляемым П.Н. Врангелем. Опасаясь размежевания на монархистов и республиканцев, Врангель препятствовал вступлению военнослужащих в политические организации. В свою очередь, Марков и его сподвижники интриговали против Врангеля и пытались поставить под сомнение необходимость существования Русского общевоинского союза. Чрезвычайно болезненным для монархической эмиграции был спор о престолонаследии. В сущности, совершенно гипотетический и даже трагикомический, поскольку в Кремле правил Ленин, этот вопрос вызвал настоящий взрыв страстей в эмигрантской среде. В 1922 г. великий князь Кирилл Владимирович, двоюродный брат расстрелянного Николая II, провозгласил себя блюстителем престола, а двумя годами позже — императором всероссийским. Кирилл обосновывал свои претензии правом старшинства, однако у него был серьезный соперник — великий князь Николай Николаевич-младший, двоюродный дядя последнего самодержца. Николай Николаевич уступал Кириллу Владимировичу в старшинстве но династической линии, но, как бывший Верховный Главнокомандующий, намного превосходил его по авторитету и популярности среди военных. К тому же крайне правые долго не могли простить великому князю Кириллу Владимировичу красного банта, с которым он ходил в начале марта 1917 г., приветствуя новую власть. Поначалу Н.Е. Марков ориентировался на Николая Николаевича, но после смерти великого князя в 1929 г. начал склоняться к Кириллу Владимировичу. Глава Русской православной церкви за рубежом митрополит Антоний также признал Кирилла Владимировича носителем царской власти, исходя из принципа первородства по мужской линии. Однако не все члены Высшего монархического совета оказали поддержку императору в изгнании. Марков оказался в меньшинстве и был вынуж-

ден покинуть председательский пост. Вместо него Высший монархический совет возглавил А.Н. Крупенский.

Марков, лишившись поприща для политической деятельности, обратился к публицистике. В России он был известен как думский оратор, но в печати почти никогда не выступал. В эмиграции он издавал журнал «Двуглавый орел» и опубликовал ряд сочинений, самым известным из которых стал двухтомник «Войны темных сил». Оставаясь верным раз и навсегда выбранной теме, бывший лидер Союза русского народа поставил перед собой задачу разоблачить еврейско-масонский заговор с древнейших времен до современности. Отчасти он опирался на уже имевшуюся черносотенную литературу, например, на труды П.Ф. Булацеля и А.С. Шмакова, отчасти — на самостоятельно сделанные умозаключения. По мнению Маркова, Первая мировая война началась по вине масонов: «Сараевское убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда произвели австрийские и сербские иудомасоны, получившие на то приказ сатанинской власти». Еврейско-масонский заговор стал причиной падения самодержавия. И хотя, как признавал Марков, «по внешности участие еврейства в февральской революции вовсе не бросается в глаза», тем не менее «еврейство подготовило революцию и спряталось перед ее началом». Он пришел к выводу, что «именем февральского Временного правительства правили одни евреи, именем октябрьского большевистского правительства стали править другие евреи. И те и другие являлись покорными слугами и послушными исполнителями велений всемирной власти Темной Силы, решившей, под видом Интернационала, окончательно поработить и Россию, и все прочие государства мира»[982].

Весьма острая тема — это отношение монархической эмиграции к фашистскому движению, возникшему в Европе в начале 20-х годов. Антисемитская и антикоммунистическая направленность, характерная для фашизма, импонировали бывшим черносотенцам. На страницах «Двуглавого орла» появлялись благосклонные отзывы об итальянском

фашистском движении. Марков восхищался Бенито Муссолини и утверждал, что Союз русского народа являлся историческим предшественником фашистских организаций. Но с начала 30-х годов Марков несколько охладел к дуче, сетуя, что тот «был вынужден склониться перед силой еврейства» и допустил евреев в свое ближайшее окружение.

Гораздо более последовательными антисемитами являлись немецкие нацисты. Поскольку эмигранты монархических убеждений в своем большинстве жили в Германии, зарождение нацистского движения происходило непосредственно на глазах. Контакты были возможны, более того, неизбежны, учитывая давние германофильские настроения многих русских монархистов. Они приглашали немецких националистов на свои съезды, сами посещали в ту нору малочисленные собрания нацистов. После провала мюнхенского пивного путча один из бывших белогвардейских генералов В.В. Бискупский прятал на своей вилле начинающего политика Адольфа Шикельгрубера, больше известного как Гитлер. Некоторые западные исследователи придерживаются мнения, будто бы русские монархисты оказали едва ли не решающее влияние на формирование нацистской идеологии или по крайней мере ее антисемитской составляющей. В частности, эмигранты познакомили немецких националистов с «Протоколами сионских мудрецов». Следует отметить, что до революции черносотенная пропаганда не использовала «Протоколы». Широкое хождение этот документ получил позже — в годы Гражданской войны среди белогвардейцев, возможно, потому что все происходящее в России воспринималось ими как подтверждение подлинности зловещих планов сионских мудрецов. «Протоколы» издавали и переиздавали в Новочеркасске, Харькове, Ростове-на-Дону, Омске, Хабаровске, Владивостоке. Отсюда «Протоколы» распространились по всем континентам. В их подлинность уверовали люди различных национальностей и самого разного социального положения. В США о них писал автомобильный магнат Генри Форд, в Германии — Григорий Шварц-Бостунич и Альфред Розенберг, оба вы-

ходцы из России. Американский исследователь У. Лакер называет Бостунича «связующим звеном между черной сотней и нацистами»[983]. В моем распоряжении нет сведений, указывающих на принадлежность Бостунича к какому-либо из дореволюционных черносотенных союзов, хотя нельзя исключить, что этот уроженец Киева, как многие немцы, до революции считал себя истинно русским. При нацистах он стал штандартенфюрером СС. Еще более высокое положение в иерархии Третьего рейха занял Альфред Розенберг, выходец из Прибалтики, ставший главным идеологом нацизма. Он не состоял в черносотенных союзах, но во время революции установил обширные связи с белогвардейцами, а позже — с отдельными представителями русской монархической эмиграции. В 1923 г. Розенберг выпустил книгу «Протоколы сионских мудрецов и еврейская мировая политика», которая в первый же год выдержала три издания.

Н.Е. Марков также внес посильный вклад в доказательство подлинности «Протоколов». Он даже согласился выступить свидетелем на судебном процессе в Берне, который был начат в 1933 г. по ходатайству местной еврейской общины. Он предлагал не вступать в спор о том, кто именно создал «Протоколы», а рассматривать их как продукт иудейской психологии. На суд Марков вызван не был. Дело ограничилось экспертизой полковника Ульриха Флейшауэра, руководителя антисемитского издательства и редактора антисемитской энциклопедии. Бернский суд постановил, что эти документы являются фальшивкой, сфабрикованной в недрах царской охранки. Флейшауэр, разумеется, с этим не согласился и выпустил книгу, доказывавшую подлинность «Протоколов». В этой книге были приведены и свидетельства Маркова. Как антисемит с богатым стажем, Марков представлял ценность для нацистских идеологов. В Третьем рейхе сочинения Маркова переводились на немецкий язык и неоднократно переиздавались, сам он писал статьи для журнала «Мировая служба», издававшегося ведомством Геббельса.

Вторая мировая война, начавшаяся в сентябре 1939 г., и особенно нападение Германии на СССР в июне 1941 г. поставили русскую эмиграцию перед тяжелейшим нравственным выбором. Выразить солидарность с Советским Союзом означало отказаться от многолетней борьбы с большевистским режимом, встать на сторону фашистской Германии означало предать собственный народ, обреченный гитлеровцами на рабство. Эмигранты, в том числе те, чьи имена были символами белого движения, решали эту дилемму по-разному. А.И. Деникин в 1939 г. выступил с обращением к белоэмигрантам не поддерживать фашистскую Германию в случае ее войны с СССР. П.Н. Краснов помогал гитлеровцам в формировании казачьих частей. В идейном отношении Марков был ближе к Краснову, тем более что он всегда симпатизировал фашистскому режиму. Однако (по крайней мере в моем распоряжении) нет достоверных сведений об активном сотрудничестве бывшего лидера черносотенцев с нацистами во время Отечественной войны. Возможно, он, не найдя для себя приемлемого решения, самоустранился или же это произошло просто в силу преклонного возраста и состояния здоровья. Известно только, что жизнь Маркова завершилась в двадцатых числах апреля 1945 г. в городе Висбадене, когда до безоговорочной капитуляции фашистской Германии оставались считаные дни. Причина смерти неизвестна — возможно, он скончался естественной смертью или же погиб под бомбежкой. Современные биографы Маркова высказывают предположение, что это произошло не без содействия советских спецслужб. Версия вряд ли обоснованна, так как советская разведка или контрразведка, скорее всего, попыталась бы захватить бывшего лидера монархистов живым, как это произошло с В.В. Шульгиным.

Судьба В.В. Шульгина поистине необычна. Он прошел Гражданскую войну. Победил на выборах в Киеве с «русским списком» во времена Центральной Рады, но не захотел служить гетману Скоропадскому, которого поддерживали немцы, был одним из создателей Добровольческой

армии, руководил разведывательной сетью «Азбука», собиравшей сведения для белых. Впрочем, нет смысла пересказывать его приключения во время войны, достаточно отослать читателей к книге «1920 год», написанной Шульгиным с присущим ему литературным блеском. Свою книгу он завершает описанием галлиполийского лагеря, где временно разместилась армия Врангеля после эвакуации из Крыма. В обстановке поражения и отчаяния Шульгин приходит к выводу, что белая идея одержала победу. «Но отчего, скажут, мы все-таки в Галлиполи, а не в Москве? Почему мы не воспользовались тем временем, когда Красные в военном отношении еще не мыслили «по-белому» и потому были бессильны? Потому что нас одолели Серые и Грязные... Первые — прятались и бездельничали, вторые — крали, грабили и убивали не во имя тяжкого долга, а собственно ради садистского, извращенного грязно-кровавого удовольствия...»[984]. Шульгин доказывал, что красные непроизвольно восприняли от белых идею державности и им только кажется, что они воевали во славу «Интернационала». На самом деле они лили кровь за восстановление границ российской державы: «Интернационал «смоется», а границы останутся...»

Книги Шульгина пользовались популярностью не только в эмигрантской среде. Они издавались в большевистской России, а когда один из иностранных журналистов спросил Ленина, чем он занят на отдыхе, вождь мирового пролетариата ответил: «Внимательно изучаю «1920 год» Шульгина...» С точки зрения Ленина, бывший депутат был, конечно, врагом, но таким врагом, которого можно было использовать в интересах революции. Они начали полемизировать еще до захвата власти большевиками. В мае 1917 г. Ленин обращался через газету «Правда» к Шульгину, предостерегавшему об экспроприаторских замашках большевиков: «Не запугивайте, г. Шульгин! Даже когда мы будем у власти, мы вас не разденем, а обеспечим вам хорошую пищу на условии работы, вполне вам посильной и привычной!» Шульгин считал, что он продолжает заочный спор с вождем боль-

шевиков из эмиграции. Делал он это весьма своеобразно — писал письма друзьям в уверенности, что они будут перехвачены агентами ЧК: «В этих письмах я преимущественно давал советы Владимиру Ильичу Ленину под видом рассуждений на тему, как бы я поступил на его месте. Так что если покойник сделал что-нибудь путное в последние дни жизни, то это, очевидно, под моим влиянием...»

Под словами «что-нибудь путное» Шульгин понимал «новую экономическую политику», на которую возлагал большие надежды как на первый шаг по пути перерождения советского строя. Он получил возможность собственными глазами увидеть, как живет страна при НЭПе. В эмигрантских кругах были получены сведения о том, что в СССР действует тщательно законспирированная антисоветская организация «Трест», в которую вовлечено большое количество военных и даже партийных работников. Сведения вызывали некоторые сомнения, и Шульгин добровольно вызвался проверить, существует ли столь масштабное антисоветское подполье. К тому же у него были личные причины посетить родину. Старший сын Шульгина погиб в боях с петлюровцами, средний пропал без вести во время атаки красной конницы на позиции белогвардейцев. Отец хотел узнать наверняка, погиб его сын или находится в советской тюрьме. В 1925 г. Шульгин нелегально пересек советскую границу, побывал в Киеве, Москве, Ленинграде. Позже он описал свои впечатления в книге «Три столицы. Путешествие в красную Россию». Вернувшись из СССР, Шульгин подтвердил, что «Трест» существует и ведет активную подрывную работу. На самом деле операция «Трест» была тщательно спланирована на Лубянке. Шульгин не знал, что агенты ОГПУ опекали его с первой до последней минуты пребывания в СССР. Целью операции являлось завоевание доверия лидеров эмиграции, проникновение в руководящие органы эмигрантских союзов и дезорганизация их работы.

В 1930 г. Шульгин опубликовал в Париже полемическое сочинение «Что нам в них не нравится...» с подзаго-

ловком «Об антисемитизме в России». Поводом стала статья еврейского публициста С. Литовцева «Диспут об антисемитизме», в которой искренним русским антисемитам предлагалось без лукавства сказать, что им не нравится в евреях. Шульгин взялся ответить на этот вопрос и написал книгу, имевшую резкий антиеврейский и отчасти даже расистский оттенок. Вряд ли появление этого сочинения вызвало бы большой шум, если бы оно принадлежало перу Маркова, никогда не скрывавшего ненависти к евреям. Но никто не ожидал такого от человека, выступавшего в защиту Бейлиса и протестовавшего против еврейских погромов. Вероятно, взгляды Шульгина претерпели изменение после революции и Гражданской войны. Обращаясь к евреям, Шульгин писал: «Не нравится нам в вас то, что вы приняли слишком выдающееся участие в революции, которая оказалась величайшим обманом и подлогом. Не нравится нам то, что вы явились спинным хребтом и костяком коммунистической партии. Не нравится нам то, что своей организованностью и сцепкой, своей настойчивостью и волей вы консолидировали и укрепили на долгие годы самое безумное и самое кровавое предприятие, которое человечество знало от сотворения мира. Не нравится нам то, что этот опыт был сделан во исполнение учения еврея — Карла Маркса. Не нравится нам то, что эта ужасная история разыгралась на русской спине и что она стоила нам, русским, всем сообща и каждому в отдельности, потерь неизрекаемых». Свою роль сыграло и увиденное автором в Советском Союзе широкое представительство еврейского элемента во всех партийных и советских учреждениях, сфере образования и культуры: «Не нравится нам то, что вы фактически стали нашими владыками. Не нравится нам то, что, став нашими владыками, вы оказались господами далеко не милостивыми; если вспомнить, какими мы были относительно вас, когда власть была в наших руках; сравнить с тем, каковы теперь вы, евреи, относительно нас, то разница получается потрясающая. Под вашей властью Россия стала страной безгласных рабов; они не имеют даже си-

лы грызть свои цепи. Вы жаловались, что во время правления «русской исторической власти» бывали еврейские погромы, детскими игрушками кажутся эти погромы перед всероссийским разгромом, который учинен за одиннадцать лет вашего властвования!» Подытоживая длинный список обвинений, Шульгин с горечью восклицал: «И вы спрашиваете, что нам в вас не нравится!!!»

Антисемитизм Шульгина не привел его на службу к Гитлеру. Когда нацисты оккупировали Югославию, ставшую его пристанищем, он замкнулся в себе и за всю войну не перемолвился ни одним словом с немцами. Тем не менее после освобождения Югославии в 1944 г. агенты Смерша арестовали его в Сремских Карловцах вместе с пособниками гитлеровцев. Его судили за многолетнюю антисоветскую деятельность... чуть ли не с 1913 г. Шульгина не повесили, как П.Н. Краснова или А.Г. Шкуро, однако вынесенный ему приговор — 25 лет тюрьмы был для семидесятилетнего старика ничем не лучше смертного. Он отбывал наказание в печально знаменитом Владимирском централе, поддерживал силы при помощи йоги и писал исторический роман, а в соседней камере завершал свою «Розу мира» Даниил Андреев. Шульгин был уверен, что закончит свои дни за тюремной решеткой, но смерть Сталина, развенчание культа личности и массовые освобождения репрессированных изменили его положение к лучшему. В 1956 г. после двенадцатилетней отсидки он вышел на свободу, впрочем, весьма относительную, так как глубокого старика поместили в Гороховецкий дом инвалидов.

Вскоре основательно забытое имя монархиста и белогвардейца понадобилось советской пропаганде. В 1961 г. выходит книга Шульгина «Письма к русским эмигрантам», в которой он призывал покончить с враждебным отношением к СССР и КПСС. Он писал: «То, что делают коммунисты в настоящее время, то есть во второй половине XX века, не только полезно, но и совершенно необходимо для 220-миллионного народа, который они за собой ведут. Мало того, оно спасительно для всего человечества, они от-

стаивают мир во всем мире». Обращение к эмиграции было вознаграждено, хотя совсем не так, как хотел Шульгин. За границу его не отпустили, зато дали квартиру во Владимире, назначили пенсию и в 1961 г. даже пригласили в качестве почетного гостя на XXII съезд КПСС. Шульгину, участнику многих монархических и эмигрантских съездов, было любопытно присутствовать на съезде, на котором Н.С. Хрущев провозгласил программу построения коммунизма. Вряд ли умудренный опытом Шульгин верил в возможность достижения этой утопической цели. Критиковать он, конечно, не мог, но под маской простодушия позволил себе тонкую иронию по поводу хрущевских экспериментов в сельском хозяйстве и культуре: «...Мы смотрели в Кремле балет. Балет этот очень занятный, в него вложена мысль. Представлено было, как добродетельная кукуруза борется со скверными сорняками».

Шульгин принял предложение режиссера Ф.М. Эрмлера сыграть самого себя в документальном фильме «Перед судом истории». Писатель Эдвард Радзинский вспоминал, как пришел взглянуть на живого свидетеля истории: «В тот день в павильоне режиссер обсуждал со стариком эпизод «Отречение царя». Когда-то в своей книге старик все это подробно описал... И сейчас он опять вспоминал, как они с Гучковым вошли в вагон... Где стоял граф Фредерикс... И как вошел царь. Старика когда-то знала вся Россия. Это был Василий Шульгин». Согласно режиссерскому замыслу, актер, игравший советского историка, вооруженного марксистско-ленинской теорией, должен был произнести обвинительный приговор царизму и заставить подсудимого Шульгина признать полный крах своих идей. Но у зрителей сложилось впечатление, что победителем из этого спора вышел монархист и белоэмигрант.

Шульгин стал легендой. Его однокомнатная квартира во Владимире была местом паломничества множества людей, от историков, писателей, художников до праздных любопытных. Там побывали Александр Солженицын, Игорь

Ильинский, Владимир Солоухин, Илья Глазунов, Мстислав Ростропович и другие.

Умер Шульгин 15 февраля 1976 г., не дожив двух лет до столетнего возраста. Он родился, когда правил император Александр II, и скончался при дряхлеющем Л.И. Брежневе. С его смертью ушел, наверное, последний очевидец черносотенных собраний и манифестаций, бурных выступлений в Таврическом дворце, партийных интриг и массовых выступлений, трех революций и двух великих войн.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несколько слов в заключение. Перед читателем этой книги прошла история союзов, обществ, лиг и партий, известных под собирательным названием «черная сотня» или крайне правые. И в облике и в деятельности черной сотни была масса противоречий. Монархические союзы были созданы, чтобы стать опорой самодержавия, но их часто называли «революционерами справа» за политический экстремизм. Черносотенцы провозглашали себя «истинно русскими», но основной костяк Союза русского народа и других черносотенных организаций составляли украинцы и белорусы. Подавляющее большинство членов черносотенных союзов были крестьянами, которые защищали помещичьи интересы.

И все-таки при всей противоречивости социального состава, пропагандистских лозунгов и тактики черносотенных союзов их объединяли общие идейные установки. Духовные вожди черной сотни считали Россию особым, не похожим на другие государством со своим самобытным путем развития. Данный тезис, сформулированный задолго до появления черносотенцев, в той или иной степени использовали многие общественные и политические движения от консервативных до революционных. Каждое из этих течений вкладывало собственный смысл в тезис об уникальности России. Свою интерпретацию дали черносотенцы.

Лидеры и идеологи крайне правых отвергали западные рецепты государственного и политического устройства: конституционную монархию или республику, парламентаризм, политические свободы, отделение церкви от государства и т.п. Всем этим заимствованным на Западе идеям противо-

поставлялись исконные русские устои, выраженные в знаменитой трехчленной формуле «Православие, Самодержавие, Народность». Черносотенцы, как ни одна другая партия, выдвигали на передний план историческую традицию, что нашло отражение и в названиях их организаций, и в лозунгах, и в постоянном обращении к именам и подвигам славных русских патриотов. Однако идеологи черносотенства идеализировали старину, изображая допетровскую Русь обществом социальной гармонии. Они предлагали возродить земские соборы, умершие еще в феодальную эпоху, и другие столь же архаичные меры. Можно сказать, что для черносотенцев не существовало категории времени и они считали вечными и неизменяемыми институты власти, сложившиеся многие столетия тому назад.

Большинство политических партий, действовавших в России, либо провозглашали принципы интернационализма, либо представляли интересы национальных меньшинств. Черносотенные союзы (наряду с националистами) выступили под лозунгом «Россия для русских!». Это было ответной реакцией на обострение национального вопроса в России и сепаратизм национальных окраин, угрожавший целостности империи. Черносотенцы придали данному лозунгу предельно резкое, шовинистическое звучание. Вместе с тем, как уже отмечалось, термин «русский» в большинстве случаев был лишен прямого этнического значения, указывая лишь на политическую лояльность. На страницах этой книги промелькнуло немало «истинно русских» верноподданных с немецкими, молдавскими, грузинскими и другими фамилиями. Читатели также могли убедиться в том, что термин «инородцы» сплошь и рядом относился к русским противникам черносотенцев.

Черносотенцы были единственным политическим течением, открыто провозгласившим антисемитизм важнейшим принципом своей программы. Черносотенная пропаганда в значительной степени была построена на юдофобских лозунгах. Безусловно, антисемитизм имел религиозные, социальные и экономические корни. Однако они не могут в

полной мере объяснить то иррационально всеобъемлющее и всеохватывающее значение, которое черносотенцы придавали еврейскому вопросу. Для них евреи стали синонимом всего чуждого и враждебного России, воплощением мирового зла и коварства. Характерно, что черносотенцы не отказались ни от одного из своих антисемитских лозунгов вплоть до ухода с политической арены, а их лидеры остались верными своим убеждениям в эмиграции, передав часть идейного багажа немецким нацистам.

Мнения о численности черносотенцев кардинально расходятся. Неоднократно высказывалось и продолжает высказываться суждение о том, что черносотенные союзы являлись грубой бутафорией. Такое мнение имеет под собой основание. Черносотенцы всегда утверждали, что за ними стоят миллионы, даже десятки миллионов русских людей, безгранично преданных престолу и отечеству. Но в Государственную думу крайне правые смогли пробиться только с третьей попытки, когда недемократический избирательный закон расчистил дорогу перед их кандидатами. После падения самодержавия монархические союзы растаяли как дым, а в годы Гражданской войны ничем себя не обнаружили. С другой стороны, архивные документы доказывают, что черносотенные союзы существовали и вели деятельность почти по всей России.

Главной проблемой черносотенцев, объяснявшей их слабость и беспомощность в кризисные моменты, было отсутствие единства. Парадокс, что, ратуя за предельно централизованный тип власти, черносотенцы не могли преодолеть собственной разобщенности и анархии. И черносотенное движение в целом и самая крупная из черносотенных партий — Союз русского народа являлись рыхлыми аморфными организациями с полуавтономными отделами. Некоторые из черносотенных лидеров даже подводили идейную базу под такую разобщенность, доказывая, что для настоящего русского человека неприемлемы казарменная дисциплина и ограничение воли. В любом случае крайне правые

проигрывали более сплоченным и централизованным левым партиям.

Вожди черной сотни постоянно повторяли, что Союз русского народа и другие монархические союзы нельзя было считать политическими партиями в западном смысле слова. В их понимании Союз русского народа представлял весь русский народ. И хотя такая интерпретация была весьма и весьма далека от истины, можно согласиться с тем, что в черносотенных союзах были представлены едва ли не все социальные слои общества.

Что за люди руководили монархическими союзами? Было бы несправедливо рисовать черносотенцев сплошной черной краской. Не знаю, насколько убедительно получилось в этой книге, но я пытался показать, что большинство лидеров черной сотни были людьми, искренне озабоченными судьбой страны. Порой их суждения и оценки были донельзя примитивны, порой — поражали своей удивительной точностью и прозорливостью. Когда-то иеромонах Илиодор писал о «святой черной сотне». Сейчас по меньшей мере четверо членов черносотенных союзов причислены Русской православной церковью к лику святых: протоиерей Иоанн Кронштадтский, протоиерей Иоанн Восторгов, епископ Гермоген и патриарх Тихон. Но было бы неправильно на этом основании впадать в другую крайность, изображая черносотенцев витязями без страха и упрека. Монархические союзы, вопреки уверениям их создателей, являлись политическими организациями со всеми характерными для партий атрибутами. Как в любой партии, в черносотенных союзах велась внутрипартийная борьба, происходили столкновения личных амбиций, плелись интриги. Кроме того, ни одно из российских политических движений не притягивало такого количества психически неуравновешенных людей, как черносотенцы. Наконец, нельзя не учитывать, что черносотенцы испытали на себе бич любой «партии власти», в которую стремятся попасть из корыстных и карьеристских соображений. На это сетовали и сами черносотенцы.

Идеализация черной сотни характерна для современных движений, провозгласивших свою преемственность с черной сотней начала прошлого века. Интересно, что в те сравнительно недавние, но уже отстоящие на целую историческую эпоху годы, когда я только приступил к изучению темы, мне с оттенком пренебрежения говорили, что черносотенцы давным-давно выброшены на свалку истории. Признаться, у меня было смутное ощущение, что черносотенство имеет шанс возродиться. И действительно, в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. черная сотня вернулась. Мне особенно любопытно было наблюдать за появлением обществ и союзов, почти дословно повторявших названия, программы и символику дореволюционных черносотенных союзов. Стилистика и даже внешний вид современных черносотенных газет разительно напоминают дореволюционные печатные органы. Несмотря на активное использование Интернета как наиболее доступного способа распространения идей, сетевые издания черносотенцев мало чем отличаются от «Почаевского листка» начала прошлого века. В какой-то степени современное черносотенство повторяет ошибки своих предшественников. Они разделены на множество мелких организаций, которые нередко соперничают между собой, а отсутствие сплоченности не позволяет им добиться серьезных успехов. Средства массовой информации создали из современных черносотенцев образ безнадежных политических маргиналов. Проигрывая на информационном поле, они живут отдельным миром со своими собственными авторитетами, своими героями, своим видением мира. Возможно, когда-нибудь это движение станет объектом специального исследования и о нем напишут книги или главы в книгах.

Я не берусь навязывать читателям свои выводы и оценки. Моя задача состояла в том, чтобы представить по возможности объективный материал о деятельности черной сотни в 1905—1917 гг. А выводы пусть каждый сделает сам.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

1 Более подробно по историографии проблемы см.: *Иерусалимский Ю.Ю., Кокорина Е.А.* Историография черносотенно-монархического движения в 1905—1907 гг. // Вестник Московского университета, сер. 8, история. 1994. № 3; *Кирьянов Ю.И.* Обзор литературы о правых партиях и организациях в России в 1905—1917 гг. // Правые партии. Документы и материалы. Т. 2. М., 1998.

2 *Антоний*, архиепископ Волынский (*Храповицкий А.П.*) Полное собрание сочинений. Т. 1—3, Спб., 1911; *Булацель П.* Борьба за правду. Т. 1—2, СПб., 1908—1912; *Восторгов И.И.* Полное собрание сочинений. Т. 1-5. М., 1913; *Грингмут В.А.* Собрание статей. Т. 1—4. М., 1906—1910.

3 *Демченко Я.Г.* К вопросу о программе правых. Одесса, 1906; *Илиодор.* Правда о Союзе русского народа, Союзе русских людей и других монархических партиях. Одесса, 1907; *Майков А.А.* Революционеры и черносотенцы. СПб., 1907; *Смирнова С.* Черная сотня. Ростов-на-Дону, 1906 и т. п.

4 *Юрский Г.* Правые в Третьей Государственной думе. Харьков, 1912.

5 *Алтайский Б.* Кое-что о черной сотне // Народный труд. Народно-социалистическое обозрение. СПб., 1906, вып. 2; *Борисов Я.* Кому нужны погромы. СПб., 1906; *Белоконский И.П.* Черносотенное «движение», или Тайны российской контрреволюции // Образование, 1906, № 1; *Вашков Е.* Черные патриоты. М., 1905; *Елпатьевский С.* О черносотенцах // Русское богатство. 1905. № 11—12; *Лавринович Ю.Н.* Наша контрреволюция СПб., 1908; *Лукашевич А.А.* Наши враги. Сравнительный очерк правых партий. СПб., 1906; *Носков Н.* Охранительные и реакционные партии в России. СПб., 1906; *Мартов Ю.О.* Политические партии в России. 1906; *Обнинский В.П.* Новый строй. Ч. 2. Реакция. М., 1909; *Оленев М.* Рабочий вопрос у правых // Современный мир, 1908. Январь, отдел 2; *Плеханов Г.В.* О черной сотне // Сочине-

ния. М., Л., 1926, т. 15; *Поссе В.А.* Черносотенцы // История современной России. СПб., 1913.

[6] *Меч В.* Силы реакции // Борьба общественных сил в русской революции в 1905—1906 гг. Вып. 1.. М. 1907. С. 64.

[7] *Ленин В.И.* О черносотенстве // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 18.

[8] *Левицкий В.* Правые партии // Общественное движение в России в начале XX в. СПб., 1914. Т. 3. С. 347—469.

[9] *Викторов В.П.* Вступительная статья // Союз русского народа: По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. М.; Л., 1929.

[10] *Залежский В.* Монархисты. Харьков, 1929.

[11] *Конокотин А.* Черносотенное движение в Костромской губернии // 1905 год в Костроме. Кострома, 1926; *Ткачуков И.* Темные силы в дни первой революции и в годы реакции (харьковский отдел Союза русского народа в 1905—1916 гг.) // Пути революции. Историко-революционный журнал. Харьков, 1926, вып. 2—3.

[12] *Брусянин Б.* Черная сотня на фабриках и заводах Петербурга в годы реакции: Материалы по истории рабочего движения // Красная летопись. 1929. № 1 (28). С. 154—181; № 2 (29). С. 151—172.

[13] *Евгеньев А.* Царские погромщики. Пг., 1919; *Коган И.* Погромы в дни свободы (октябрь 1905). М., 1925; *Киржниц А.* Рабоче-крестьянские массы в борьбе с погромами в 1905 г. М., 1930.

[14] *Кандидов Б.П.* Крестом и нагайкой: Почаевская лавра и черносотенное движение. М., 1928; *Он же.* Церковь и 1905 г.: Очерки и материалы. 2-е изд., доп. М., 1930; *Костомаров Г.* Черная сотня под флагом религии в 1905 г. М., 1931; *Попов Ф.К.* Попы-черносотенцы (по Ярославским и другим архивным материалам). Иваново-Вознесенск, 1932; *Ростов Н.* Духовенство и русская контрреволюция конца династии Романовых. М., 1930.

[15] *Заславский Д.О.* Рыцарь монархии Шульгин. Л., 1927; *Любош С.Б.* Русский фашист Владимир Пуришкевич. Л., 1925.

[16] *Тагер А.С.* Царская Россия и дело Бейлиса. 2-е изд. М., 1934.

[17] *Комин В.В.* История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных политических партий в России: Факультативный курс лекций. Калинин, 1970. Ч. 1; *Спирин Л.М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. — 1920 г.). М., 1977.

[18] Непролетарские партии в России. М., 1982; Непролетарские партии России: Урок истории. М., 1984; Политические партии России в период революции 1905—1907 гг.: Количественный анализ. М., 1987.

[19] *Аврех А.Я.* Царизм и IV Дума. 1912—1914. М., 1981; Он же. Царизм накануне свержения. М., 1989.

[20] *Бажин А.А.* Борьба партии большевиков против черносотенного движения в России в годы первой русской революции (1905—1907): Дисс. канд. ист. наук. М., 1979; *Сысоева Е.У.* По-

литика идеологического воздействия черносотенных партий на рабочих в годы первой русской революции. По материалам Москвы и Московской губернии: Дисс. канд. ист. наук. М., 1978; *Пронкин С.В.* Разоблачение В.И. Лениным, партией большевиков реакционного характера черносотенных партий и организаций в период нового революционного подъема (1910—1914): Дисс. канд. ист. наук. М., 1989.

[21] *Точеный Д.С.* Черносотенцы Поволжья в 1905 г. // Классовая борьба в Поволжье в 1905—1907 гг. Куйбышев, 1985; *Иванова А.И.* Из опыта борьбы казанских большевиков против идеологии черносотенства в революции 1905—1907 гг. // Общественные отношения развитого социализма. Казань, 1985.

[22] Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки/Отв. ред. Р.Ш. Ганелин. Ч. 1—3. СПб., 1992. В этих очерках следует обратить внимание на следующие разделы: *Ганелин Р.Ш.* Черносотенные организации, политическая полиция и государственная власть в царской России; *Раёкин Д.* Идеология русского правого радикализма в конце XIX — начале XX в.; *Эльяшевич Д.А.* Идеология антисемитизма в России в конце XIX — начале XX в.

[23] *Степанов С.А.* Черная сотня в России (1905—1914 гг.) М., 1992.

[24] *Степанов С.А.* Банкротство аграрной программы черносотенных союзов. Якутск, 1981; Идеология черносотенных союзов и организаций // Проблемы истории СССР, вып. 12; Численность и состав черносотенных союзов и организаций // Политические партии России в период революции 1905—1907 гг.: Количественный анализ. М., 1987.

[25] *Степанов С.А.* Союз русского народа; В.М. Пуришкевич; Илиодор (С.М. Труфанов) // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993: «Революционеры справа»: черносотенные союзы // История политических партий России. Учебник для студентов вузов под ред. А.И. Зевелева. М., 1994; *Он же.* Черносотенцы: «революционеры наизнанку» // ПОЛИС, 1995, № 1; Союз русских людей; Союз русского народа // Политические партии России. Конец XIX — начало XX в. Энциклопедия. М., 1996; Черносотенный террор. 1905—1907 гг. // Индивидуальный политический террор в России. XIX — начало XX вв. Материалы конференции. М., 1996; *Он же.* Рабочие и черносотенные организации. 1905—1917 гг. // Рабочие и интеллигенция в эпоху реформ и революций. 1861 — февраль 1917. СПб., 1997; *Степанов С.А.* Черносотенные союзы и организации // Политические партии России: история и современность. Учебник под ред. Зевелева А.И., Свириденко Ю.П., Шелохаева В.В. М., 2000.

[26] Правые партии. Документы и материалы. Т. 1—2. М., 1998.

[27] *Кирьянов Ю.И.* Правые в 1915 — феврале 1917 // Минувшее. 1993. Вып. 14; *Он же.* Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914—1917 гг. // Вопросы истории, 1996, № 1, 3, 4; *Он же.* Правые и конституционные монархисты // Вопросы истории, 1997, № 6, 8; *Он же.* Правые партии в России накануне и в февральско-мартовские дни 1917 г.: причина кризиса и краха // 1917 г. в судьбах России и мира. М., 1997.

[28] *Он же.* Правые партии в России. 1911—1917. М., 2001; *Он же.* Русское собрание. 1900-1917. М., 2003

[29] *Абушик В.В.* Деятельность монархических организаций Центральной России в период буржуазно-демократических революций (1905—1917 гг.): Дисс. канд. ист. наук. М., 1995; *Алексеев И.Е.* Черносотенные и умеренно-монархические организации Казанской губернии (1905 — февраль 1917 гг.): Дисс. канд. ист. наук. Казань, 1997; *Бузмакин Е.Л.* Черносотенные организации Сибири. 1905—1917 гг.: Дисс. канд. ист. наук. Томск, 2000; *Лавриков С.В.* Правомонархическое движение в Тверской губернии в 1905—1915 гг.: Дисс. канд. ист. наук. Тверь, 1996; *Михайлова Е.М.* Черносотенные организации Среднего Поволжья между буржуазно-демократическими революциями (1905—1917): Дисс. канд. ист. наук. Казань, 1994; *Размолодин М.Л.* Черносотенные организации губерний Верхнего Поволжья в 1905—1914 гг.: Дисс. канд. ист. наук, Ярославль, 1999; *Рылов В.Ю.* Правомонархическое движение в Воронежской губернии (1903—1917): Дисс. канд. ист. наук. Воронеж, 2000; *Салпанов Н.М.* Политический консерватизм в Российской провинции. По материалам губерний Центрального Черноземья (1905—1914 гг.): Дисс. канд. ист. наук. Курск, 1997; *Сидоренко Н.С.* Монархическое движение на Урале (1905 — февраль 1917 гг.): Дисс. канд.ист. наук. Оренбург, 1997; *Слесарев Ю.В.* Деятельность правых организаций Центрально-Черноземного региона в 1905—1917 гг.: Дисс. канд. ист. наук. Пенза, 1998; *Стрелков А.Т.* Деятельность черносотенных организаций России в губерниях Центрального Черноземья. 1905—1917 гг.: Дисс. канд. ист. наук. Курск, 1997; *Фоменков А.А.* Правомонархическое движение в Нижегородской губернии (1905—1917 гг.): Дисс. канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2002; *Фомин И.Е.* Тактика монархических организаций Центральной России по защите самодержавной политики царизма (1905—1917 гг.): Дисс. канд. ист. наук. М., 1994.

[30] *Белоборыкина Е.В., Державин В.А.* Образование и деятельность черносотенных организаций в Пермской губернии (1905—1907 гг.) // Страницы истории Урала. Сборник статей и информационных материалов., Вып. 1. Пермь, 1993; *Воротной К.В.* Черносотенное движение в Костромской губернии // Костромская провинция в составе Российского государства. Кострома, 1994; *Нарский*

И.В. Революционеры «справа»: черносотенцы на Урале в 1905—1916 гг. (материалы к исследованию «русскости»). Екатеринбург, 1994; *Помогаев В.В.* Русские национально-патриотические организации в Тамбовской губернии // Тамбовское крестьянство от капитализма к социализму (вторая половина XIX — начало XX вв.). Вып. 2. Тамбов, 1998; *Помогаев В.В.* Аграрный вопрос в программе Тамбовского союза русских людей // Тамбовское крестьянство от капитализма к социализму (вторая половина XIX — начало XX вв.). Вып. 3. Тамбов, 2000; *Стрелков А.Т.* Партии правительственно-монархической реакции // История политических партий Центрального Черноземья. Курск, 1995; Черносотенное движение в Нижегородской губернии в начале XX в. // Общественно-политические процессы, партии и движения в Нижегородской губернии в конце XIX — начале XX вв. Учебное пособие под ред. Г.В. Набатова. Т. 1. Нижний Новгород, 2001; *Щербинин П.П.* Средние слои Тамбова и черносотенцы в годы первой российской революции // Проблемы политической социологии и истории: Тезисы доклада межвузовской научной конференции. Тамбов, 1992; *Шиловский М.В.* Черносотенно-монархическое движение в Сибири начала XX в. // Вопросы истории Сибири XX в. Новосибирск, 1999; *Фомин И.Е.* К вопросу об образовании монархических организаций в Центральной России // Общественно-политическая жизнь Российской провинции. XX век. Тамбов, 1996.

[31] *Толочко А.П.* Черносотенцы в Сибири (1905 — февраль 1917 гг.). Омск, 1999.

[32] *Hosking G.A., Manning R.J.* What was the United Nobility? The politics of Rural Russia. 1905—1914. Blomington, 1979. P. 142—183; *Manning R.J.* The crisis of the old Order in Russia: Gentry and Government. Princeton, 1982.

[33] *Rogger H.* Jewish policies and right-wing politics in imperial Russia, Houndmills, Basigstoke, Hampshire; London, 1986; Löwe H.D. Antisemitismus und reaktionore Utopie: Russischer Konservatismus in Kampf gegen Wandel von Staat und Qesellschaft. Hamburg, 1978.

[34] *Rawson D.C.*The Union of the Russian People. 1905—1907. A Study of Radical Right: ph. d. diss. Washington, 1971; *Spector S.D.* The doctrine and programe of the Union of Russian People in 1906: m. a. thesis. Columbia, 1952.

[35] *Лакер У.* Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М., 1994.

[36] *Острецов В.М.* Черная сотня и красная сотня. М., 1991.

[37] *Кожинов В.В.* Загадочные страницы истории XX в. Черносотенцы и революция. М., 1995; *Он же.* Черносотенцы и революция. М., 1998.

[38] Среди этих авторов есть мой однофамилец: *Степанов А.* Правда о черной сотне // Русь Православная, 1999, № 2. В основном его

публикации размещаются в Интернете на сайте «Русская линия» и других патриотических сайтах. См., например, Степанов А. Делатель любви. Жизнь и подвиги вождя Черной Сотни священномученика протоиерея Иоанна Восторгова и др. К сожалению, интернет-ссылки, как я убедился, приводить бесполезно, так как в большинстве случаев к моменту выхода книги они уже будут неработающими.

[39] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 116.

[40] Там же. Ф. 117.

[41] Там же. Ф. 102.

[42] Там же. Ф. 124 (I и II уголовные департаменты).

[43] Там же. Ф. 1467.

[44] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 776.

[45] Ревизия сенатора Е.О. Турау г. Киева// Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1392. Ревизия сенатора А.М. Кузьминского г. Одессы// *Там же*. Ф. 1563.

[46] ГАРФ. Ф. 588. РГИА. Ф. 1006 — фонды Б.В. Никольского; Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 449 — фонд А.И. Соболевского; Ф. 1393 — фонд В. А. Грингмута.

Глава I

[47] *Грингмут В.А.* Руководство монархиста-черносотенца // Собрание статей. Т. 2. С. 156.

[48] Вестник Союза русского народа. 1910. 11 февр.

[49] *Соловьев В.С.* Собрание сочинений. СПб., 1902. Т. 5. С. 356.

[50] *Леонтьев К.* Собрание сочинений. М., 1912. Т. 7. С. 14.

[51] *Аксаков К.С.* Об основных началах русской истории // Соч. 2-е изд. М., 1889. Т. 1. С. 17.

[52] Вестник Союза русского народа. 1910. 6 авг.

[53] *Илиодор.* Правда о Союзе русского народа, Союзе русских людей и других монархических партиях. Одесса, 1907. С 10.

[54] *Юзефович М.В.* Несколько слов об исторических задачах России. 2-е изд. Киев, 1895. С. 8.

[55] Русское знамя. 1906. 4 нояб.

[56] *Хомяков А.С.* О старом и новом // Сочинения. М., 1900. С. 26.

[57] *Грингмут В.А.* Собрание статей. Т. 4. С. 306.

[58] Московские ведомости. 1905. 5 дек.

[59] Там же.

[60] Там же.

[61] Вестник Союза русского народа. 1912. 1 июня.

[62] Земщина. 1913. 22 сент.

[63] Там же. 1913. 1 дек.

[64] *Айвазов И.Г.* Христианская церковь и современный социализм. Харьков, 1906. С. 8.

[65] *Тихомиров Л.* Заслуги и ошибки социализма // Социально-политические очерки. М., 1903. Очерк 2. С. 20.

[66] *Восторгов И.* Можно ли христианину быть социалистом? Сергиев Посад, 1906. С. 8.

[67] *Тихомиров Л.* Заслуги и ошибки социализма. С. 35—36.

[68] *Он же.* С. 31.

[69] *Он же.* Гражданин и пролетарий // Социально-политические очерки. Очерк 1. С. 30.

[70] *Аквилонов Е.* Христианство и социал-демократия в отношении к современным событиям. СПб., 1906. С. 2.

[71] Третий Всероссийский съезд русских людей в Киеве: Протоколы. Киев, 1906. С. 62.

[72] Устав и основоположения Союза русского народа. М., 1906. С. 6.

[73] Гражданин. 1905. № 25. С. 4.

[74] *Васильев А.* Задачи и стремления славянофильства. СПб., 1904. С. 4.

[75] Русское знамя. 1907. 5 янв.

[76] *Башмаков А.* Народовластие и государева воля: Опыт догматического построения. СПб., 1908. С. 14.

[77] *Победоносцев К.П.* Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 36.

[78] *Победоносцев К.П.* Московский сборник. М., 1896, 2-е изд. С. 27.

[79] *Тихомиров Л.* Монархическая государственность. М., 1905. Ч. 1. С. 63.

[80] *Черняев Н.Н.* Из записной книжки русского монархиста. Харьков, 1907. С. 2.

[81] Гражданин. 1906. № 7. С. 9.

[82] Устав и основоположения Союза русского народа. С. 8.

[83] Там же. С. 13.

[84] *Катков М.Н.* О самодержавии и конституции. М., 1905. С. 53.

[85] Устав и основоположения Союза русского народа. С. 10.

[86] Московские ведомости. 1905. 5 дек.

[87] Устав и основоположения Союза русского народа. С. 14.

[88] Правые партии. Т. 2. С. 514.

[89] Земщина. 1917. 16 сент.

[90] Правые партии. Т. 2. С. 508.

[91] *Арцыбашев А.А.* Грядущая гибель России. СПб., 1908. Ч. 1. С. 89.

[92] *Урусов С.Д.* Записки губернатора. М., 1907. С. 62.

[93] Русское знамя. 1906. 19 сент.
[94] Там же. 1913. 9 авг.
[95] Там же. 1906. 19 сент.
[96] *Бутми Н.Л.*, Áóòì è Ã Франкмасонство и государственная измена. 3-е изд. СПб., 1906. С. 10.
[97] *Юзефович Б.* Еврейский вопрос в печати и в жизни. Киев, 1904. С. 16.
[98] *Вермель С.С.* Из патологии евреев. М., 1911. С. 13.
[99] Статистика еврейского населения (Сост. Б.Д. Бруцкус). СПб., 1909. Вып. 3. С. 48.
[100] Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1913 г. СПб., 1915.
[101] *Шмаков А.С.* Международное тайное правительство. Дополненное и переработанное исследование. М., 1912. С. 63.
[102] Еврейская энциклопедия. СПб., 1912. Т. 13. С. 650; ГАРФ. Ф. 102. 00. 1898. Д. 11. Ч. 2. Л. 5.
[103] Экономический журнал. 1887. № 4—10. С. 118.
[104] *Урусов С.Д.* Записки губернатора. М., 1907. С. 305.
[105] *Блиох И.С.* Сравнение материального быта и нравственного состояния населения в черте оседлости и вне ее: Цифровые данные и исследования по отношению к еврейскому вопросу. СПб., 1891. Т. 3. С. 142—159.
[106] Земщина. 1910. 23 июн.
[107] Там же. 1911. 18 февр.
[108] Русское знамя. 1913. 25 мая.
[109] *Трощкий Н.А.* Царизм перед судом прогрессивной общественности. 1866—1895. М., 1979. С. 283.
[110] Общественная роль еврейства в цифрах и фактах // Русское дело. 1905. № 28. Приложение.
[111] Подсчитано Н.Д. Ерофеевым по: Обзоры важнейших донесений, дознаний, производившихся жандармскими управлениями империи по делам о государственных преступлениях. 1892—1902. СПб., 1905. Т. 1—26.
[112] *Юдин И.Н.* Социальная база роста КПСС. М., 1973. С. 39; Вопросы истории. 1983. № 7. С. 76.
[113] Политические партии России в период революции 1905—1907 гг.: Количественный анализ. С. 47—48, 91—95.
[114] Цит. по: *Солженицын А.И.* Двести лет вместе (1795—1995). М., 2001. Ч. 1. С. 361, 429.
[115] Русское знамя. 1907. 19 июля.
[116] Версия о том, что «Протоколы сионских мудрецов» были подготовлены П.Е. Рачковским, использовавшим в качестве основы французский политический памфлет времен Наполеона III, была разработана известным журналистом, разоблачителем тайн охранки

В.Л. Бурцевым. См.: Áóðöåâ Â.Ë. Протоколы сионских мудрецов. Доказанный подлог. Париж, 1938. Не вдаваясь в спор о подлинности «Протоколов», отметим, что имеются серьезные сомнения в причастности русской тайной полиции к созданию данного документа. См.: Ðóóä ×., Ñòåïàíîâ Ñ.Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М., 1993.

[117] Цит. по: *Рууд Ч., Степанов С.* Указ. соч. С. 252.

[118] *Бурцев В.Л.* Протоколы сионских мудрецов. С. 107.

[119] Московские ведомости. 1911. 26 янв. Редакционная статья об истории появления «Протоколов сионских мудрецов», возможно, была написана редактором газеты Л.А. Тихомировым.

[120] Разоблачение великой тайны франкмасонства: Из бумаг покойного Пржецлавского. М., 1909. С. 117.

[121] Там же. С. 87.

[122] *Шмаков А.С.* Еврейский вопрос на сцене всемирной истории. М., 1912; *Он же.* Международное тайное правительство. М., 1912; *Он же.* Свобода и евреи. М., 1897.

[123] *Бутми Г.* Обличительные речи: Враги рода человеческого. СПб., 1907; *Он же.* Россия на распутье: Кабала или свобода. 3-е изд. СПб., 1906; *Он же.* Франкмасоны: Иудеи в масонстве и революции. СПб., 1906; *Он же.* Кабала, евреи и тайные общества. СПб., 1914.

[124] Еженедельник Высшего монархического совета. 1923. 2 июля.

[125] *Rogger H.* Op. cit. P. 231.

[126] *Лакер У.* Черная сотня. Происхождение русского фашизма. С. 49.

[127] Çàëåæñêèé Â. Монархисты. С. 27.

[128] Список членов Русского Собрания с приложением исторического очерка Собрания. СПб., 1906. С. 1.

[129] Там же.

[130] Ýíãåëüãàðäò Í.À. Эпизоды моей жизни(Воспоминания)// Минувшее. Исторический альманах, № 24, СПб., 1998. С. 41.

[131] Цит. по: *Кирьянов Ю.И.* Русское собрание. 1900—1917. С. 230—231.

[132] Из дневника Константина Романова // Красный архив. 1930. Т. 6 (43). С. 102.

[133] Московские ведомости. 1905. 7 янв.

[134] Áîãäàíîâè÷ À.Â.Три последних самодержца. М.; Пг., 1924. С. 355.

[135] Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 550. К. 3. Д. 2. Л. 115.

[136] Гражданин. 1905. № 7. С. 24.

[137] Ýíãåëüãàðäò Í.À. Указ. соч. С. 40.

[138] РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 46. Л. 333.
[139] Там же. Л. 299.
[140] Êîêîâöîâ Â.Í. Из моего прошлого: воспоминания.1903. 1918: В 2 т. Париж, 1933. Т. 2. С. 64.
[141] Дневник великой княгини Ксении Александровны// ГАРФ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 23. Л. 111, 115.
[142] РГАЛИ. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 118. Л. 1 об.
[143] Московские ведомости. 1905. 22 апр.
[144] Гражданин. 1905. № 18. С. 21.
[145] Там же. № 24. С. 21.
[146] Êîêîâöîâ Â.Í. Указ. соч. Т. 1. С. 65.
[147] Ì îñîëîâ À.À. При дворе императора. Рига, 1936. С. 13.
[148] Дневник Бориса Никольского // Красный архив. 1934. Т. 2(63). С. 83.
[149] Военное совещание 24 мая 1905 г. в Царском Селе // Красный архив. 1928. Т. 3(28). С. 201.
[150] Там же.
[151] Петергофские совещания о проекте Государственной думы. Пг., 1917. С. 82.
[152] Там же. С. 156.
[153] Там же. С. 69.
[154] Красный архив. 1924. Т. 6. С. 30—31.
[155] 25 лет назад: Из дневника Л. Тихомирова // Красный архив. 1930. Т. 3(40). С. 73.
[156] Московские ведомости. 1905. 15 окт.
[157] Там же. 1905. 14 окт.
[158] Там же.
[159] Русские ведомости. 1905. 26 окт.
[160] Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 412—413.
[161] Ì îñîëîâ À.À. Указ. соч. С. 125.
[162] Былое. 1919. № 14. С. 110.
[163] Красный архив. 1931. Т. 2(45). С. 89.
[164] ОР РГБ. Ф. 215. К. 2. Д. 7. Л. 48—48 об.
[165] Âèòòå Ñ.Þ.Воспоминания: В 3 т. М., 1960. Т. 3. С 42.
[166] ГАРФ. Ф. 595. Оп. 1. Д. 45. Л. 7—7 об.
[167] Дневник императора Николая II. Берлин, 1923. С. 222.

Глава II

[168] Ðåäèãåð À.Ô. Записки военного министра за 1905—1909 гг. // Красный архив. 1931. Т. 2(45). С. 88.
[169] ОР РГБ. Ф. 550. К. 2. Д. 4. Л. 10—11. (Записки С.Д. Урусова).

[170] Цит. по: *Арутюнян А.М.* Революционное движение в Армении. Ереван, 1970. С. 156.
[171] Восточное обозрение. 1905. 22 окт.
[172] Революция 1905—1907 гг.: Документы и материалы: Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г. М.; Л., 1955. Ч. 1. С. 529.
[173] Там же. С. 509.
[174] *Маклаков В.А.* Власть и общественность на закате старой России: Воспоминания современника. Париж, 1936. Кн. 3. С. 406.
[175] Революция 1905—1907 гг. Документы и материалы. С. 307.
[176] Приазовский край. 1905. 22 окт.
[177] Урал. 1905. 21 окт.
[178] Северо-Западный край. 1905. 30 окт.
[179] Курский листок. 1905. 26 окт.
[180] *Шульгин В.В.* Дни. 1920 год. М., 1989. С. 86.
[181] Баку. 1905. 1 нояб.
[182] ОР РГБ. Ф. 215. К. 2. Д. 7. Л. 64 об. (Воспоминания М.М. Осоргина).
[183] Забайкалье. 1905. 11 нояб.
[184] Дело о погроме в г. Томске в 1905 г. Отчет о судебном заседании Томского окружного суда. Томск, 1909. С. 6.
[185] Вятский вестник. 1904. 27 окт.
[186] Новое обозрение. 1905. 30 окт.
[187] Русские ведомости. 1905. 28 окт.
[188] ГАРФ. Ф 102. Оп 255 (2). Д. 70. Л. 226—227.
[189] *Новомирский Д.И.* Анархическое движение в Одессе// Очерки истории анархического движения в Одессе. М, 1926. С. 253.
[190] Киевский и Одесский погромы в отчетах сенаторов Турау и Кузминского. СПб., 1907. С. 160.
[191] Погромы // Еврейская энциклопедия. СПб., 1912. Т. 12. С. 618; *Обнинский В.* Полгода русской революции: Сборник материалов.
[192] ГАРФ. Ф. 124. Оп. 45. Д. 1835—1926; Оп. 65. Д. 54—219.
[193] Киевский и Одесский погромы. С. 172.
[194] Там же. С. 87.
[195] Южные ведомости. 1906. 28 нояб.
[196] Там же.
[197] *Бухбиндер Н.А.* История еврейского рабочего движения в России. Л., 1925. С. 316.
[198] *Ленин В.И.* Доклад о революции 1905 года // Полн. собр. соч. Т. 30. С. 324.
[199] История Коммунистической партии Советского Союза: В 6 т. М., 1966. Т. 2. С. 100.
[200] Ленинский сборник. М.; Л., 1934. Т. 26. С. 157.
[201] Киевский и Одесский погромы. С. 48.
[202] Киевское слово. 1905. 29 нояб.
[203] Русские ведомости. 1905. 30 окт.

[204] Киевский и Одесский погромы. С. 172.
[205] Юг. 1905. 5 нояб.
[206] ГАРФ. Ф. 102.00. 1905 (2). Д. 2000. Ч. 16. Л. 108 об.
[207] *Юшневский П.Н.* 1905 год в Туле // ОР РГБ. Ф. 261. К. 21. Д. 12. Л. 97.
[208] *Косарев И.* Октябрьские дни в Иваново-Вознесенске // 1905 год в Иваново-Вознесенском районе. Иваново-Вознесенск, 1925. С. 154.
[209] ГАРФ. Ф. 102.00 1905 (2). Д. 2000. Ч. 16. Л. 5.
[210] Приднепровский край. 1905. 3 нояб.
[211] Приволжский край. 1905. 25 окт.
[212] ГАРФ. Ф. 102.00. 1905 (2). Д. 2000. Ч. 11. Л. 35.
[213] Баку. 1905. 28 окт.
[214] ГАРФ. Ф. 102.00 1905 (2). Д. 2000. Ч. 2. Л. 22 об. 23.
[215] *Шульгин В.В.* Дни. 1920 год. С. 89.
[216] Полтавский вестник. 1905. 1 нояб.
[217] РГИА. Ф. 1392. Оп. 1. Д. 9. Л. 23.
[218] Астраханские губернские ведомости. 1905. 2 нояб.
[219] *Миронер Х.* Рабочее движение в Балте // 1905 год: Революционное движение в Одессе и Одесщине: Сб. материалов и воспоминаний. Одесса, 1926. Кн. 2. С. 252.
[220] ГАРФ. Ф. 124. Он. 65. Д. 56. Л. 10 об.
[221] Товарищ Бауман: Сборник воспоминаний и документов о жизни, деятельности и смерти тов. Баумана. М.; Л., 1925. С. 54.
[222] *Самойлов Ф.Н.* Воспоминания об Иваново-Вознесенском рабочем движении. 1903—1905 гг. 2-е изд. М., б. г. Ч. 1. С. 81.
[223] *Косарев И.* Указ соч. С. 157.
[224] ГАРФ. Ф. 124. Оп. 45. Д. 1848. Л. 13.
[225] Там же. Ф. 102. Оп. 255. Д. 70. Л. 229.
[226] Сибирская жизнь. 1905. 2 нояб.
[227] *Милюков П.Н.* Воспоминания. Нью-Йорк, 1955. Т. 1. С. 313.
[228] Революция 1905—1907 гг.: Документы и материалы. Ч. 1. С. 531.
[229] Ярославский вестник. 1905. 25 окт.
[230] ГАРФ. Ф. 102.00. 1905 (2). Д. 2000. Ч. 16. Л. 34.
[231] Баку. 1905. 11 нояб.
[232] *Киржниц А.* Указ. соч. С. 59.
[233] Пролетарская революция. 1922. £ 12. С. 135—136.
[234] ГАРФ. Ф. 595. Оп. 1. Д. 24. Л. 5 об.
[235] *Киржниц А.* Указ. соч. С. 61.
[236] *Хасанов Х.Х.* Революция 1905—1907 гг. в Татарии. М., 1965. С. 134.
[237] Казанский телеграф. 1905. 8 нояб.
[238] *Милованов М.* К событиям 1905 года в Ростове-на-Дону // 1905 г. в воспоминаниях его участников. Ростов-на-Дону. 1925. С. 13.
[239] ГАРФ. Ф. 102.00. 1905 (2). Д. 2000. Ч. 16. Л. 89 об.
[240] Там же. Ч. 7. Д. 21.
[241] Дело о погроме в Орше. СПб., 1908. С. 16.

[242] *Шумацкий Я.* Революционная провинция (записки пролетария). М., 1926. С. 36.
[243] Юг. 1905. 30 окт.
[244] Приднепровский край. 1905. 3 нояб.
[245] Юг. 1905. 1 нояб.
[246] Елисаветградские новости. 1905. 30 окт.
[247] Голос Тавриды. 1905. 29 окт.
[248] Новое обозрение. 1905. 29 окт.
[249] Южная Россия. 1905. 26 окт.
[250] Наша жизнь. 1905. 12 нояб.
[251] ГАРФ. Ф. 102.00. 1905 (2). Ч. 2. Л. 34.
[252] Там же. Л. 103.
[253] *Дан Ф.* Общая политика правительства // Общественное движение в России. Т. 4. Ч. 1. С. 349.
[254] Наша жизнь. 1905. 19 нояб.
[255] ОР РГБ. Ф. 664. К. 1. Д. II. Л. 24.
[256] Дневник Императора Николая II. С. 221.
[257] ГАРФ. Ф. 102.00. 1905. Д. 1750. Л. 16—16 об.
[258] РГИА . Ф. 1392. Оп. 1. Д. 9. Л. 14.
[259] Киевский и Одесский погромы. С. 169.
[260] ГАРФ. Ф. 102.00. Оп. 255. Д. 69. Л. 223; Ф. 102.00. 1905 (2). Д. 2000. Ч. 9. Л. 33 об.
[261] Дело об октябрьском погроме в Симферополе: Судебный отчет. Симферополь, 1907. С. 18.
[262] Киевские отклики. 1905. 24 окт.
[263] *Степной Н.* Томский костер. 1905 год. Воспоминания. М.; Л., 1925. С. 7.
[264] Томские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1905. 23 нояб.
[265] ГАРФ. Ф. 102.00. 1905. Д. 2561. Л. 31.
[266] Русские ведомости. 1905. 22 окт.
[267] Киевское слово. 1905. 23 окт.
[268] Голос Тавриды. 1905. 3 нояб.
[269] Ведомости Одесского градоначальства. 1905. 25 окт.
[270] Киевлянин. 1905. 28 окт.
[271] ГАРФ. Ф. 102.00. 1905 (2). Д. 2000. Ч. 2. Л. 82 об.
[272] Крымский вестник. 1905. 25 окт.
[273] Саратовский дневник. 1905. 23 окт. 28 окт.
[274] Забайкалье. 1905. 11 нояб.
[275] Ярославские отголоски. 1907. 15 февр.
[276] *Хасанов Х.Х.* Указ. соч. С. 142.
[277] ГАРФ. Ф. 124. Оп. 45. Д. 1835—1926; Оп. 65. Д. 54—219.
[278] Там же. Оп. 45. Д. 1902. Л. 104 об.
[279] Киевские новости. 1905. 25 окт.
[280] ГАРФ. Ф. 124. Оп. 65. Д. 104. Л. 12.
[281] Там же. Ф. 102.00. 1905 (2). Д. 2000. Ч. 6. Л. 123—125.

[282] Приднепровский край. 1905. 2 нояб.
[283] Таганрогский вестник. 1905. 2 нояб.
[284] ГАРФ. Ф. 124. Оп. 65. Д. 183
[285] Приднепровский край. 1905. 3 нояб.
[286] ГАРФ. Ф. 124. Оп. 65. Д. 100. Л. 23 об.
[287] Там же. Ф. 102.00 1905 (2). Д. 2000. Ч. 20. Л. 31.
[288] Там же. Ф. 124. Оп. 65. Д. 154. Л. 14 об.
[289] *Михайлов Л.А.* Рыбинск в революции 1905—1907 гг. Ярославль, 1965. С. 5.
[290] *Зайцев А.* Забастовки железнодорожников в 1905 г. в Ярославской губернии // Ярославль в первой русской революции. Ярославль, 1925. С. 137.
[291] Нижегородская газета. 1905. 17 нояб.
[292] Елисаветградские новости. 1905. 26 окт.
[293] *Косарев И.* Указ. соч. С. 159.
[294] Киевские отклики. 1905. 26 окт.
[295] Право. 1906. № 2. С. 91.
[296] Дневник З.В. Арановой (Голицыной)// ОР РГБ. Ф. 12. К. 1. Д. 1. Л. 21.
[297] ГАРФ. Ф. 124. Оп. 65. Д. 147. Л. 50.
[298] Дело о погроме в Орше. С. 70.
[299] Северо-Западное слово. 1905. 17 нояб.

Глава III

[300] Краткий очерк деятельности Тамбовского Серафимского союза русских людей с 1 октября 1905 по 1 октября 1906. Харьков, 1906. С. 1—2.
[301] Общественно-политические процессы и движения в Нижегородской губернии в конце XIX — начале XX в. Т. 1. Нижний Новгород, 2001, С. 66
[302] Волгарь. 1905. 26 окт.
[303] Общественно-политические процессы и движения в Нижегородской губернии в конце XIX — начале XX в. Т. 1. С. 64.
[304] Съезды русских людей состоялись 8—12 февраля 1906 г. в Петербурге, 6—12 апреля 1906 г. в Москве, 1—7 октября 1906 г. в Киеве, 26 апреля — 1 мая 1907 г. в Москве.
[305] ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1178. Л. 4.
[306] Третий Всероссийский съезд русских людей. С. 184.
[307] Устав Всенародного русского союза. М., 1906.
[308] Русское знамя. 1907. 1 авг.
[309] Дневник Бориса Никольского // Красный архив. 1934. Т. 2(63). С. 85.
[310] Там же. С. 86.
[311] ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 497. Л. 45.

[312] *Герасимов А.В.* На лезвии с террористами. М., 1985. С. 149
[313] Дневник Г.О. Рауха // Красный архив. 1926. Т. 6(19). С. 90.
[314] *Герасимов А.В.* Указ. соч. С. 149.
[315] ГАРФ. Ф.1467. Оп 1. Д. 862. Л. 45 об.
[316] Политические партии России. Конец XIX — начало XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 196.
[317] Правые партии. Т. 1. С. 95
[318] Речи по погромным делам. Киев, 1908. Вып. 2. С. 76.
[319] ГАРФ. Ф. 102. 00. 1915. Д. 244. Т. 1. Л. 20.
[320] Устав общества под названием Союз русского народа. СПб., б. г.
[321] Там же. С. 13.
[322] Южные ведомости. 1907. 4 янв.
[323] Русское знамя. 1907. 29 июля.
[324] Третий Всероссийский съезд русских людей. С. 186.
[325] Постановления IV Всероссийского съезда объединенного русского народа в Москве. Саратов, 1907. С. 11.
[326] ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 910а. Л. 82.
[327] Киевлянин. 1907. 6 июля.
[328] РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 46. Л. 251.
[329] РГАЛИ. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 116. Л. 38.
[330] Русское знамя. 1907. 29 июля.
[331] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 804. Л. 7.
[332] Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М.; Л., 1924—1927. Т. 6. С. 176.
[333] Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве. Ф. 442. Оп. 858. Д. 456. Л. 4.
[334] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 269. Л. 92.
[335] Владимирец. 1907. 22 авг.
[336] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 411. Л. 24.
[337] *Левицкий В.* Указ. соч. С. 406.
[338] *Спирин Л.М.* Указ. соч. С. 167.
[339] ГАРФ. Ф. 102. 00. 1906 (2). Д. 828. Ч. 1—22. вв.; РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 157.
[340] ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1907. Д. 164.
[341] Там же. Л. 298 об.
[342] *Аврех А.Я.* Царизм и IV Дума. 1912—1914. М, 1981. С. 226.
[343] *Шелохаев В.В.* Численность и состав партии октябристов // Политические партии России. 1905—1907 гг.: Количественный анализ. С. 146.
[344] Владимирец. 1907. 19 окт.
[345] ГАРФ. Ф. 588. Он. 2. Д. 121. Л. 37 об.
[346] РГИА СССР. Ф. 1282. Оп. 187. Д. 31. Л. 23—26.
[347] Почаевские известия. 1906. 30 нояб.; 1907. 6 июня.
[348] *Спирин Л.М.* Указ. соч. С. 166—167.
[349] *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России. 1911—1917 гг. С. 82.

[350] *Толочко А.П.* Черносотенцы в Сибири (1905 — февраль 1917 г.). Омск, 1999, С. 91 и 97.

[351] *Бузмаков Е.Л.* Черносотенные организации в Сибири. 1905—1917 гг.: Дисс. канд. ист. наук. Томск, 2000. С. 232—238.

[352] Это любительская краеведческая работа по Сунтарскому улусу, основанная на устных источниках и семейных преданиях, за достоверность которых нельзя полностью поручиться. Однако эти данные не выглядят фантастическими с учетом того обстоятельства, что из всех черносотенных организаций особенно действовал активно в Сибири как раз Русский народный союз имени Михаила Архангела. Возможно, когда-нибудь будут обнаружены документы, подтверждающие распространение черносотенства до самых северных пределов.

[353] Русский народ. 1907. 17 июня.

[354] *Герасимов А.В.* Указ. соч. С. 159.

[355] Список членов Русского Собрания с приложением исторического очерка собрания. СПб., 1906.

[356] ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 848. Л. 49.

[357] Там же. Ф. 102.00. 1906 (2). Д. 828. Ч. 7. Л. 4.

[358] Там же. Ч. 14. Л. 3.

[359] *Редигер А.Ф.* Записки военного министра. С. 110.

[360] Гражданин. 1906. № 8. С. 5.

[361] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 127. Л. 87.

[362] Там же. 1907. Д. 807. Л. 1. об.

[363] Там же. Ф. 588. Оп. 1. Д. 95. Л. 2.

[364] Государственный архив Ярославской области, отдел рукописей. Оп. 2. Д. 1164. Л. 10—11.

[365] Устав и основоположения Союза русского народа. С. 6.

[366] Почаевские известия. 1906. 20 сент.

[367] *Евлогий.* Путь моей жизни; воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной. Париж, 1947. С. 245—246.

[368] Цит. по: *Такер Р.* Сталин. Путь к власти 1879—1929. М., 1990. С. 91.

[369] Ярославский вестник. 1905. 15 дек.

[370] *Бузмаков Е.Л.* Черносотенные организации в Сибири. 1905—1917 гг. С. 64.

[371] Сусанин. 1907. 29 марта.

[372] Открытое письмо председателя Главного совета Союза русского народа А.И. Дубровина митрополиту Санкт-Петербургскому Антонию. М., б. г.

[373] Русский народ. 1908. 4 марта.

[374] Русское знамя. 1912. 22 авг.

[375] ГАРФ Ф. 588. Оп. 1. Д. 1254. Л. 21—24.

[376] В ярославском отделе в 1906 г. — 5231 р. 51 к. (Русский народ. 1907. 21 янв.), в бакинском с сентября 1909 г. по март 1910 г. —

4921 р. 50 к.(Вестник Союза русского народа. 1910. 10 сент.), в николаевском отделе в 1912 г. — 5249 р. 86 к. (Вестник Союза русского народа, 1913. 16 февр.).

[377] Например, в 1908 г. Главный совет истратил 117 342 р. 20 к. (ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 608.).

[378] Устав общества под названием Союз русского народа. С. 14.

[379] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 608, 609.

[380] Там же. Ф. 102. Оп. 265. Д. 205. Л. 94.

[381] Союз русского народа. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. М.; Л., 1929. С. 39.

[382] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 56. Л. 18

[383] Там же. Л. 2 об.

[384] Там же. Ф. 588. Оп. 2. Д. 121. Л. 34.

[385] Там же. Ф. 102. 00. 1916. Д. 307. Лит. А. Т. 1. Л. 179.

[386] Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 857. Л. 13 об.

[387] Там же. Д. 862. Л. 125—128.

[388] РГИА. Ф. 776. Оп. 33. Ч. 2. Д. 408. Л. 63—65.

[389] ГАРФ. Ф. 102. 00. 1905. Д. 999. Ч. 39. Л. 42.

[390] *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 112.

[391] РГИА. Ф. 776. Оп. 16. Ч. 1. Л. 15 об., 24 об.

[392] Там же. Оп. 22. Д. 30 б. Л. 385.

[393] Там же.

[394] Правомонархическое движение в Нижегородской губернии (1905—1917 гг). Автореф. канд. дисс. Нижний Новгород, 2002. С. 31.

[395] Русское знамя. 1907. 4 июля.

[396] РГИА. Ф. 776. Оп. 16. Ч. 1. Д. 581. Л. 87.

[397] *Летенков Э.В.* Из истории рептильного фонда // Вестник ЛГУ. Сер. история. 1973. № 14. С. 139.

Глава VI

[398] Вестник партии народной свободы. 1906. 6. С. 441—447.

[399] Русское знамя. 1906. 23 марта.

[400] Там же. 1906. 18 апр.

[401] Московские ведомости. 1906. 9 апр.

[402] *Васильев Н.И., Гальперин Г.Б.* Первая российская революция и самодержавие. Л., 1975. С. 129.

[403] Гражданин. 1906. № 5. С. 8.

[404] Дневник А. А. Половцева // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 101.

[405] Протоколы секретного совещания в апреле 1906 года под председательством бывшего императора по пересмотру Основных законов // Былое. 1917. Т. 4(26). С. 204.

[406] Там же. С. 205.

[407] Там же. С. 208.

[408] Там же. С. 244.
[409] *Лопухин А.А.* Отрывки из воспоминаний (По поводу воспоминаний С.Ю. Витте). М.; Пг., 1923. С. 88.
[410] *Витте С.Ю.* Указ. соч. С. 87.
[411] *Антонов-Саратовский В.П.* Красный год. Ч. 1. М.; Л., 1927. С. 126.
[412] Саратовский дневник. 1905. 25, 28 окт.
[413] Государственная дума. Созыв первый. Сессия 1. Т. 2. С. 1131.
[414] Там же. С. 1139.
[415] *Левицкий Б.* Указ. соч. С. 355.
[416] Труды первого съезда уполномоченных дворянских обществ. 2-е изд. СПб., 1910. С. 115.
[417] Там же. С. 7.
[418] ГАРФ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 7. Л. 17.
[419] Русское знамя. 1906. 13 мая.
[420] ОР РГБ. Ф. 664. К. 1. Д. 11. Л. 60.
[421] ГАРФ. Ф. 859. Оп. 1. Д. 11. Л. 52.
[422] Третий всероссийский съезд русских людей. С. 188.
[423] *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в 1902—1907. Л., 1981. С. 239.
[424] ГАРФ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 76. Л. 6.
[425] Труды второго съезда уполномоченных дворянских обществ. СПб., 1906. С. 66.
[426] Там же. С. 20.
[427] Там же. С. 50.
[428] *Вайсберг И.Д.* Совет объединенного дворянства и его влияние на политику самодержавия: Дисс. канд. ист. наук. М., 1956. С. 11.
[429] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 37. Л. 3.
[430] Там же. Л. 4.
[431] Там же. Л. 6.
[432] Русское знамя. 1907. 9 янв.
[433] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 153. Л. 10.
[434] Там же. Д. 154. Л. 67.
[435] Киевлянин. 1906. 20 нояб.
[436] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 165. Л. 18.
[437] Владимирский край. 1907. 28 янв.
[438] Вестник партии народной свободы. 1907. № 6; *Смирнов А.* Как прошли выборы во II Государственную думу. СПб., 1907.
[439] Одесские новости. 1906. 11 анр.; 1907. 30 янв.
[440] Воспоминания Ф.А. Головина о II Государственной думе // Исторический архив. 1959. № 4. С. 148.
[441] Русское знамя. 1907. 11 февр.
[442] Там же. 23 февр.
[443] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 184. Л. 97.
[444] Государственная дума. Созыв второй. Стенографический отчет. СПб., 1907. Т. 2. С. 1829.

[445] Там же. С. 1533.
[446] *Маклаков В.А.* Вторая Государственная дума. Воспоминания современника. Париж, 1936. С. 95—93.
[447] ГАРФ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 359. Л. 195.
[448] *Милюков П.Н.* Вторая Дума. СПб., 1908. С. 173—174.
[449] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 183. Л. 32.
[450] Русское знамя. 1907. 29 апр.
[451] *Шванебах П.Х.* Записки сановника // Голос минувшего. 1918. № 1—3. С. 136.
[452] *Шульгин В.В.* Дни. 1920 год.
[453] Дневник А.С. Суворина. М.; Пг., 1923. С. 338.
[454] ГАРФ. Ф. 102.00. 1905. Д. 999 Ч. 39. Т. 1. Л. 20.
[455] Там же. Ф. 124. 1906. Оп. 44. Д. 963. Ч. 1. Л. 2.
[456] *Редигер А.Ф.* Указ соч. С. 100.
[457] ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 852. Л. 15 об.
[458] *Герасимов А.В.* На лезвии с террористами. С. 150.
[459] *Мительман М., Глебов Б., Ульянский А.* История Путиловского завода 1801—1917. 3-е изд. М., 1933. С. 222.
[460] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 497. Л. 15.
[461] Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 862. Л. 109.
[462] Там же. Ф. 116. Оп. 1. Д. 427. Л. 15 об.
[463] Там же. Ф. 102. 4 д-во. 1910. Д. 258. Л. 29.
[464] Там же. Ф. 102.00. 1905. Д. 999. Ч. 39. Лит. А. Л. 108.
[465] Там же. Ф. 102. Оп. 265. Д. 199. Л. 81 об.
[466] Там же. Ф. 116. Он. 1. Д. 291. Л. 44.
[467] Там же. Ф. 588 Оп. 1. Д 95. Л 4—4 об.
[468] Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 862. Л. 68 об.
[469] Там же. Ф. 102.00. 1905. Д. 999. Ч. 39. Л. 5.
[470] *Герасимов А.В.* Указ. соч. С. 152
[471] Там же. Ф. 102.00. 1908. Д. 9. Ч. 72. Л. 35.
[472] Там же. Ф. 124. Оп. 45. 1907. Д. 701. Л. 1—3.
[473] Там же. Ф. 102.00. 1906 (1). Д. 905. Л. 3—3 об.
[474] Там же. Ф. 102.00. 1905. Д. 999. Ч. 101. Л. 11.
[475] Там же.
[476] Там же. Д. 1255. Ч. 27. Л. 8.
[477] Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Коллекция рукописей. Оп. 2., № 1164. Л. 9 об.
[478] ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 847. Л. 10.
[479] Там же. Л. 12.
[480] Там же. Ф. 102. Он. 265. Д. 111. Л. 62.
[481] Там же. Ф. 102. 1905. Д. 999. Ч. 39. Лит. А. Т. 1. Л. 20 об. 30.
[482] Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве. Ф. 268. Оп. 1. Д. 112. Л. 25 об.
[483] Русь. 1907. 6 марта.

[484] ГАРФ. Ф. 102.00. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. 1. Л. 120
[485] Там же. Ч. 39. Лит. А. Л. 105.
[486] Daily Telegraph. 1907. № 251.
[487] ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 122. Л. 20.
[488] Зритель. 1905. № 24. С. 8.
[489] Былое. 1923, № 21. С. 188.
[490] Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 599. Л. 6.
[491] Там же. Л. 5 об.
[492] Там же. Д. 598. Л. 139 об.
[403] Там же. Л. 6.
[494] Там же. Ф. 124. Он. 65. Д. 26. Л. 71 об.
[495] Там же. Ф. 1467. Он. 1. Д. 862. Л. 15 об.
[496] Там же. Л. 86—87.
[497] Там же. Ф. 124. Оп. 65. Д. 30. Л. 14.
[498] Русское знамя. 1907. 31 янв.
[499] Там же. 1907. 4 февр.
[500] ГАРФ. Ф. 124. Оп. 65. Д. 30. Л. 15 об.
[501] Там же. Л. 17.
[502] Русь. 1907. 14 июля.
[503] ГАРФ. Ф. 124. Оп. 65. Д. 30. Л. 20—21.
[504] Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 852. Л. 35.
[505] Речь. 1907. 5 апр.
[506] ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 863. Л. 30.
[507] *Пруссаков А.* Доктор Зубровин и компания. СПб., 1909. С. 84.
[508] *Пруссаков А.И.* Кто убил Герценштейна. СПб., б. г. С. 19.
[509] ГАРФ. Ф. 124. Оп. 65. 1907. Д. 26. Л. 96.
[510] Там же. Оп. 57. 1907. Д. 110. Л. 6.
[511] Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 862. Л. 95.
[512] Там же. Ф. 124. Оп. 65. 1907. Д. 26. Л. 130.
[513] Там же. Ф. 124. Оп. 65. 1907. Д. 27. Л. 100.
[514] *Леонов М.И.* Партия социалистов-революционеров в 1905—1907 гг. М., 1997. С. 128, 129.

Глава V

[515] Друг. 1907. 10 июня.
[516] ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 853. Л. 30.
[517] Русское знамя. 1907. 29 июля.
[518] Русский народ. 1907. 21 нояб.
[519] Голос Москвы. 1907. 1 нояб.
[520] Наши депутаты. Государственная дума 3-го созыва (сост. М.М. Боинович). СПб., 1908.
[521] *Юрский Г.* Правые в третьей Государственной думе. Харьков, 1912.
[522] Голос Москвы. 1907. 5 окт.

[523] Товарищ. 1907. £ 387.
[524] Речь. 1907. 12 окт.
[525] Выборы по г. Москве в Государственную думу 3-го созыва. М., 1908. С. 146.
[526] Голос Москвы. 1907. 23 окт.
[527] Киевлянин. 1908. 1 янв.
[528] Там же. 1907. 24 окт.
[529] Голос Москвы. 1907. 30 окт.
[530] Там же. 1910. 30 янв.
[531] Новое время. 1910. 2 февр.
[532] Там же. 1910. 7 окт.
[533] Воспоминания М.М. Осоргина //ОР РГБ. Ф. 215.К.2. Д. 7. Л. 201.
[534] *Пуришкевич В.М.* В дни бранных бурь и непогоды. Сборник стихотворений. Т. 1. СПб., 1912. С. 279.
[535] *Дупенский П.* (Пуришкевич В.М.) Дневник непременного члена министерской передней. СПб., 1913. С. 212—213.
[536] Речи членов Государственной думы Маркова и Пуришкевича по запросу о Финляндии 12 и 13 мая 1908 г. СПб., 1908. С. 32.
[537] Цит. по: *Аврех А.Я.* Столыпин и Третья Дума. М., 1968. С. 66.
[538] *Юрский Г.* Правые в Третьей Государственной думе. С. 25.
[539] Речи членов Государственной думы Маркова и Пуришкевича. С. 40.
[540] Государственная дума. Созыв третий. Сессия 1. Ч. 3. С. 370.
[541] Там же. С. 700.
[542] Правые партии. Т. 2. С. 51—52
[543] Союз русского народа. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. С. 242.
[544] Русское знамя. 1907. 21 авг.
[545] Русское знамя. 1907. 21 окт.
[546] Русское знамя. 1909. 15 марта.
[547] Голос Москвы. 1909. 30 апр.
[548] *Аврех А.Я.* Столыпин и Третья Дума. М., 1968. С. 79—80.
[549] *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. М., 1978. С. 151.
[550] Русское знамя. 1911. 11 марта.
[551] Новое время. 1911. 10 марта.
[552] Свет. 1911. 11 марта.
[553] *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 544.
[554] ОР РГБ. Ф. 664. К. 1. Д. 12. Л. 20.
[555] Дневник А.А. Бобринского // Красный архив. 1928. Т. 1(26). С. 146.

Глава VI

[556] Голос Москвы. 1911. 15 марта.
[557] Русское знамя. 1911. 13 марта.
[558] Там же. 1911. 15 марта.

[559] Стенографические отчеты Государственной думы третьего созыва. Сессия 4. Ч. 3. С. 763.
[560] Там же. С. 2894.
[561] Земщина. 1911. 17 марта.
[562] Речь. 1908. № 69.
[563] РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 237а. Л. 137.
[564] Вече. 1908. 16 февр.
[565] Русский народный союз имени Михаила Архангела. Программа и устав. СПб., 1909. С. 5.
[566] Там же. С. 6.
[567] Голос Москвы. 1908. 8 апр.
[568] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 360. Л. 78.
[569] Там же. Д. 318. Л. 68.
[570] Падение царского режима. Т. 6. С. 194.
[571] Там же. Ф. 588. Он. 1. Д. 910а. Л. 39 об.
[572] ГАРФ. Ф. 102.00. 1909. Д. 178. Л. 194.
[573] Там же. Л. 220.
[574] Речь. 1910. 4 авг.
[575] Правые партии. Т. 1. С. 395.
[576] Вестник Союза русского народа. 1910. 13 авг.
[577] ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 863. Л. 30
[578] Земщина. 1910. 2 февр.
[579] Московские ведомости. 1910. 14 марта.
[580] Куда временщики ведут Союз русского народа? СПб., 1910. С. 614.
[581] Русское знамя. 1910. 11 июня.
[582] Речь. 1910. 5 июня.
[583] Там же. 1910. 6 июня.
[584] Там же. 1910. 4 авг.
[585] Русское знамя. 1913. 22 июня.
[586] Земщина. 1912. 28 мая. Приложение.
[587] Куда временщики ведут Союз русского народа? СПб., 1910.
[588] Вестник Союза русского народа. 1910. 6 авг.
[589] Там же. 1910. 4 июня.
[590] Там же. 1911. 23 дек.
[591] Куда временщики ведут Союз русского народа? С. 96.
[592] Речь. 1910. 3 авг.
[593] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 16. Л. 1—3.
[594] Курская быль. 1910. 17 авг.
[595] Союз русского народа. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. С. 251.
[596] ГАРФ. Ф. 588. Оп. 2. Д. 123. Л. 37—38.
[597] Там же. Д. 16. Л. 34 об.
[598] Там же.
[599] *Борк А.* Кто губит Союз русского народа? СПб., 1910. С. 2.
[600] Вестник Союза русского народа. 1910. 10 сент.

601 Земщина. 1911. 15 нояб.
602 Земщина. 1912. 5 июля.
603 Там же. 1912. 1 авг.
604 Устав и основоположения Союза русского народа. С. 15.
605 Русское знамя. 1906. 19 сент.
606 *Козьмин Б.П.* С.В. Зубатов и его корреспонденты. Среди охранников, жандармов и провокаторов. М., 1928. С. 77.
607 Русский народ. 1907. 12 дек.
608 ГАРФ. Ф. 102. 00. 1905. Д. 1255. Ч. 32. Л. 1.
609 Устав Союза русских рабочих людей. Киев, 1907. С. 2.
610 РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 68. Л. 5
611 ГАРФ. Ф. 102. 00. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. 2. Л. 501.
612 Русское богатство. 1906. № 8. С. 168.
613 Новая газета. 1906. 17 нояб.
614 Постановления IV Всероссийского съезда объединенного русского народа. С. 9.
615 ГАРФ. Ф. 102. 00. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. 1. Л. 70 об.
616 Старая и новая Даниловка. Рассказы рабочих фабрики имени М.В. Фрунзе. М., 1940. С. 113.
617 *Weinberg R.* Op. cit P. 69.
618 ЦГИА Украины в г. Киеве. Ф. 335. Оп. 1. Д. 79. Л. 113.
619 ГАРФ. Ф. 102. 00. 1905. Д. 999. Ч. 39. Л. А. Т. 1. С. 148.
620 Там же. С. 122.
621 Там же. Оп. 265. Д. 199. Л. 81.
622 Одесские новости. 1907. 13 апр.
623 *Пержан.* Среди грузчиков. Революционное движение в Одессе и Одессщине. Кн. 2. Одесса, 1926. С. 182.
624 ГАРФ. Ф. 102. 00. 1906 (2). Д. 828. Ч. 15. Л. 15. 25. Свет над заставой: Из истории Московского завода «Серп и молот». 2-е изд. доп. М., 1976. С. 62.
625 Свет над заставой: Из истории Московского завода «Серп и молот». 2-е изд.; доп. М., 1976. С. 62.; Красная летопись. 1929. № 1(28). С. 166.
626 Красная летопись. 1929. № 1 (28). С. 166.
627 История Путиловского завода. С. 278.
628 Утро. 1907. 2 марта.
629 Владимирский край. 1907. 20 янв.
630 Набат. 1907. 29 апр.
631 ЦГИА Украины в г. Киеве. Ф. 335. Оп. 1. Д. 231. Л. 236.
632 *Розанов М.Д.* Обуховцы: История завода «Большевик». 2-е изд. Л., 1965. С. 198.
633 *Ростов Н.* С первой волной. Воспоминания о пятом годе // Каторга и ссылка. 1925. № 7(20). С. 52.

[634] ГАРФ. Ф. 102. 00. 1905. Д. 999. Ч. 39. Л. 1.
[635] *Паялин Н.П.* Завод имени Ленина. 1857—1918. М.; Л. 1933. С. 207.
[636] Столетие 1857—1957. К юбилею завода «Красный выборжец». Л., 1957. С. 38.
[637] Курьер. 1906. № 11.
[638] *Паялин Н.П.* Волжские ткачи. 1722—1917. Т. 1.
[639] ГАРФ. Ф. 102. 00. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. 1. С. 227.
[640] Там же. 1906 (2). Д. 200. Л. 19.
[641] *Любош С.Б.* Русский фашист Владимир Пуришкевич. С. 42.
[642] Земщина. 1910. 20 мая.
[643] Речь. 1911. 5 июля.
[644] ГАРФ. Ф. 588. Оп. 2. Д. 122. Л. 19.
[645] ЦГИА Украины в г. Киеве. Ф. 268. Оп. 1. Д. 112. Л. 27.
[646] Одесский вестник. 1911. 27 авг.
[647] Государственная дума. Созыв третий. Сессия 5. Ч. 3. С. 2753.
[648] Земщина. 1912. 9 апр.
[649] Русское знамя. 1912. 10 апр.
[650] Государственная дума. Созыв третий. Сессия 5. Ч. 3. С. 1700.
[651] Там же. С. 2752.
[652] Там же. С. 2745.
[653] Там же. С. 1689.
[654] Там же. С. 2756.
[655] Там же. С. 1707.
[656] Гроза. 1912. 8 авг.
[657] Земщина. 1912. 23 сент.
[658] Там же. 29 июля.
[659] Невская звезда. 1912. 24 мая.
[660] ГАРФ. Ф. 102. 00. 1913. Д. 341. Пр. 3. Л. 71.
[661] Союз русского народа. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. С. 192.
[662] Северная правда. 1913. 4 авг.
[663] *Бадаев А.Е.* Большевики в Государственной думе. Воспоминания. 8-е изд. М., 1954. С. 305.
[664] Русское знамя. 1906. № 99.
[665] *Василевский Е.Г.* Идейная борьба вокруг столыпинской аграрной реформы. М., 1960.
[666] *Пестржецкий Д.* Опыт аграрной программы. СПб., 1906. С. 5.
[667] *Салтыков А.А.* Голодная смерть под фирмой дополнительного надела. СПб., 1906. С. 13.
[668] *Пестржецкий Д.* Опыт аграрной программы. С. 57.
[669] *Горемыкин М.* Аграрный вопрос. СПб., 1907. С. 56.
[670] *Пестржецкий Д.* Опыт аграрной программы. С. 57.
[671] *Ермолов А.С.* Наш земельный вопрос. СПб., 1906. С. 55.
[672] *Гурко В.* Отрывочные мысли по крестьянскому вопросу. СПб., 1906. С. 13.

[673] *Горемыкин М.* Аграрный вопрос. С. 150.
[674] *Пестржецкий Д.* Пищевое довольствие крестьян и принудительное отчуждение. СПб., 1906. С. 41.
[675] *Горемыкин М.* Аграрный вопрос. С. 148—149
[676] *Пестржецкий Д.* Пищевое довольствие крестьян и принудительное отчуждение. С. 67.
[677] *Дубровский С.М.* Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1973. С. 218.
[678] *Леветский В.Ф.* К решению аграрного вопроса // Аграрный вопрос. М., 1907. Т. 2. С. 239.
[679] *Пестржецкий Д.* Опыт аграрной программы. С. 6.
[680] Материалы высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб., 1903. Ч. 1. С. 302—307.
[681] ГАРФ. Ф. 102. 00. Д. 999. Ч. 39. Т. 2. Л. 513—515.
[682] Там же. Т. 3. Лит. Б. Л. 104.
[683] Там же. 4 д-во. 1908. Д. 238. Л. 5-5 об.
[684] Смоленский вестник. 1907. 7 июля.
[685] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 77. Л. 4.
[686] *Шульгин В.В.* Дни. 1920 г. С. 241.
[687] Члены Государственной думы. Первый созыв. Портреты и биографии. М., 1906; Члены Государственной думы. Второй созыв. Портреты и биографии. М., 1907.
[688] Почаевские известия. 1907. 13 февр.
[689] Там же. 1907. 16 февр.
[690] Там же.
[691] Там же. 1907. 21 марта.
[692] *Евлогий.* Путь моей жизни. С. 184.
[693] *Пичкуренко А.Я.* О выборах в III Государственную думу по крестьянской курии // Ученые зап. Калининградского педагогического ин-та. 1962. Вып. 8. С. 64.
[694] Речь. 1907. 22 окт.
[695] Цит по: *Аврех А.Я.* Аграрный вопрос в III Думе // Исторические зап. 1958. Т. 62. С. 61.
[696] Речь 1907. 19 окт.
[697] Свет. 1908. 24 окт.
[698] Там же. 1908. 23 окт.
[699] Государственная дума. Созыв третий. Сессия 2. Ч. 2. С. 932.
[700] Там же. С. 925.
[701] Новое время. 1908. 6 дек.
[702] Там же.
[703] Там же.
[704] Государственная дума. Созыв третий. Сессия 2. Ч. 1. С. 200.
[705] Там же. Сессия 1. С. 930.

[706] Там же. С. 1250.
[707] Там же. С. 1000.
[708] Там же. С. 1250.
[709] Там же. Сессия 2. Ч. I. С. 1250.
[710] Там же. С. 1246.
[711] Там же. С. 1250.
[712] Голос Москвы. 1908. 16 марта.
[713] Речь. 1908. 7 марта.
[714] Свет. 1908. 14 нояб.
[715] Там же.
[716] *Ленин В.И.* Аграрные прения в III Думе // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 316.
[717] Там же.
[718] Вече. 1908. № 150.
[719] Свет. 1911. 8 марта.
[720] Государственная дума. Созыв третий. Сессия 4. Ч. 3. С. 810.
[721] Голос Москвы. 1911. 10 марта.
[722] Земщина. 1911. 20 марта.
[723] Там же. 1912. 12 февр.
[724] Звезда. 1912. 23 февр.
[725] Правда. 1912. 24 мая.
[720] Гроза. 1912. 20 мая.
[727] Русское знамя. 1913. 12 янв.
[728] Там же. 1908. 8 нояб.
[729] Там же. 1908. 10 нояб.
[730] Там же. 1908. 11 нояб.
[731] Там же. 1908. 5 дек.
[732] Там же. 1908. 2 нояб.
[733] Там же. 1908. 10 дек.
[734] Старое Вече. 1911. 12 авг.
[735] Русское знамя. 1913. 3 авг.
[736] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 16. Л. 13 об.
[737] Там же. Д. 17. Л. 32.
[738] Жизнь Волыни. 1912. 10 июня.
[739] Правда. 1912. 29 мая.
[740] Русское знамя. 1914. 24 янв.
[741] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 309. Л. 71.
[742] Там же. Д. 74.
[743] Там же. Д. 47. Л. 2 об.
[744] Там же. Д. 56. Л. 3 об.
[745] Там же. Д. 58. Л. 6 об.
[746] Речь. 1912. 6 июля.
[747] Правда. 1912. 5 мая.
[748] Цит по: *Аврех А.Я.* Царизм и IV Дума. 1912—1914 гг. С. 234—238; *Степанов С.А.* Банкротство аграрной программы черносотенных союзов. Якутск, 1981. С. 10—13.

[749] ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1914. Д. 136. Л. 15.
[750] Там же. Ф. 102. 00. 1912. Д. 244. Л. 21.
[751] *Аврех А.Я.* Царизм и IV Дума. 1912—1914 гг. С. 235.
[752] ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1914. Д. 136. Л. 12.
[753] Там же.
[754] Там же. Ф. 102. 00. 1906 (2). Д. 13. Ч. 21. Л. 145—145 об.
[755] *Аврех А.Я.* Царизм и IV Дума. 1912—1914 гг. С. 234.
[756] Киевская мысль. 1914. 20 апр.
[757] Речь. 1914. 22 апр.
[758] Киевская мысль. 1914. 21 апр.
[759] ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1914. Д. 136. Л. 2.
[760] Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 851. Л. 41 об.
[761] Там же. Ф. 102. 00. 1915. Д. 167. Ч. 39. Л. 161.
[762] Правые партии. Т. 1. С. 321.
[763] Там же. С. 319.
[764] *Корбут М.К.* Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. Казань. 1930. С. 260.
[765] Молодые силы. 1909. 12 апр.
[766] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 238. Л. 35.
[767] Там же. Ф. 102.00. 1908. Д. 7. Л. 157 об.
[768] Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 862. С. 129.
[769] Вестник корпорации академистов императорского Новороссийского университета. 1909. 14 мая.
[770] РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 152.
[771] Вестник корпорации академистов императорского Новороссийского университета. 1908. Окт.
[772] Земщина. 1912. 11 марта.
[773] Там же. 1910. 12 окт.
[774] Там же. 11 окт.
[775] Утро России. 1911. 24 марта.
[776] Звезда. 1911. 4 февр.
[777] ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 120. С. 2.
[778] Вестник корпорации академистов императорского Новороссийского университета. 1908. Окт.
[779] Студенческая жизнь. 1910. 21 февр.
[780] *Пуришкевич В.* Школьная подготовка второй русской революции. СПб., 1913; *Он же.* Перед грозою. Правительство и русская народная школа. СПб., 1914; *Он же.* Материалы к вопросу о разложении современного русского университета. СПб., 1914.
[781] Студенческая жизнь. 1910. 7 марта.
[782] Там же. 1910. 14 марта
[783] Студенческий мир. 1910. 18 март.
[784] Вестник русского народа. 1910. 19 нояб.
[785] Земщина. 1910. 11 нояб.
[786] Новое время. 1910. 11 дек.
[787] Русское знамя. 1911. 8 февр.

[788] Голос студенчества. 1910, 25 нояб.
[789] Земщина. 1910. 10 дек.
[790] Звезда. 1910. 12(30) дек.
[791] Земщина. 1910. 11 дек.
[792] Земщина. 1911. 6 февр.
[793] Одесский вестник. 1911. 22 янв
[794] Новое время. 1911. 17 февр.
[795] Речь. 1911. 26 февр.
[796] *Маклаков В.А.* Власть и общественность на закате старой России. Воспоминания современника. Т. 1. С. 187.
[797] Речь. 1913. 17 дек.
[798] Русское знамя. 1911. 22 июня.
[799] Там же. 1913. 25 июня
[800] Там же. 1913. 26 апр.
[801] Там же. 1911. 9 дек.
[802] Там же. 1912. 30 нояб.

Глава VII

[803] *Илиодор*. Видение монаха. Почаев. 1907. С. 9, 12.
[804] Царицынский вестник. 1912. 25 апр.
[805] Почаевские известия. 1908. 16 окт.
[806] ГАРФ. Ф.102. 4 д-во. 1908. Д. 62. Ч. 3. Т. 2.
[807] ГАРФ. Ф.102. ОО. 1911. Д. 246. С. 6.
[808] *Стремоухов П.П.* Моя борьба с епископом Гермогеном и Илиодором. (Из воспоминаний сенатора П.П. Стремоухова)// Архив русской революции. 1925. Т. 16. С. 40.
[809] Былое. 1926. № 24. С. 196, 198, 204, 207.
[810] ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1912. Д. 119. Т. 2. Ч. 1. С. 153—154.
[811] *Илиодор*. Святой черт. М., 1917. С. 157.
[812] Речь. 1912. 1 дек.
[813] Наиболее полная разработка ритуальной версии содержится в книге *Замысловского Г.Г.* Убийство Андрюши Ющинского. Пг., 1917; наиболее полное изложение версии о причастности шайки Веры Чеберяк приводится в монографии *Тагера А.С.* Царская Россия и дело Бейлиса. М., 1933. На английском языке была издана книга: *Samuel M.* Blood accusation: The Strange history of Beilis Case. London, 1967 — русский перевод: *Самуэль М.* Кровавый навет. Странная история дела Бейлиса. Нью-Йорк, 1975.
[814] *Шолом-Алейхем*. Кровавая шутка. Необыкновенный роман. М., 1991; *Malamud B.* The Fixer, 1966. русский перевод: *Маламуд Б.* Мастер. М., 2002; *Рябов Г.* Конь бледный еврея Бейлиса. М., 2000.

[815] *Степанов С.А.* Черная сотня в России. 1905—1914 гг. М., 1992. С. 265—321; *Рууд Ч., Степанов С.* Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М., 1993. С. 301—331.
[816] ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1911. Д. 148. Л. 6.
[817] Там же. Л. 4 об.
[818] ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 494. Л. 245.
[819] Речь. 1911. 14 июля.
[820] Утро России. 1911. 2 июля.
[821] Дело Бейлиса: Стенографический отчет. Киев, 1913. Т. 1. С. 101.
[822] ГАРФ. Ф. 102.00. 1911. Д. 157. Т. 1. Л. 9.
[823] Государственная дума. Созыв третий. Сессия 4. Т. 3. С. 3116.
[824] Там же. С. 3145.
[825] Там же. С. 3142.
[826] Там же. С. 3146.
[827] *Кошко А.Ф.* О деле Бейлиса // Новый журнал. Нью-Йорк, 1968. Кн. 91. С. 169—171.
[828] Государственный архив Киевской области (ГАКО). Ф. 864. Оп. 6. Д. 64. Л. 221.
[829] Русское знамя. 1911. 7 июля.
[830] Гроза. 1911. 22 июля.
[831] New-York American. 1914. 22 febrary.
[832] ГАКО. Ф. 864. Оп. 6. Д. 65. Л. 109, 129, 137, 144.
[833] Гроза. 1911. 12 авг.
[834] Дело Бейлиса. Стенографический отчет. Т. 1. С. 333.
[835] Земщина. 1911. 11 авг.
[836] Земщина. 1911. 28 авг.
[837] *Столыпин А.А.* П.А. Столыпин. Париж, 1927. С. 95.
[838] *Лазарев Е.* Дмитрий Богров и убийство Столыпина // Воля России. 1926. № 8. С. 51.
[839] *Марголин А.* Украина и политика Антанты (Записки еврея и гражданина). Берлин, 1921. С. 30.
[840] ГАКО. Ф. 864. Оп. 10. Д. 6. Л. 81.
[841] ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 494. Л. 128.
[842] ГАРФ. Ф. 124. Оп. 65. Д. 223. Л. 190.
[843] ГАКО. Ф. 864. Оп. 10. Л. 6. Л. 12 об.
[844] Там же. Л. 9 об.
[845] ГАРФ. Ф. 102. 00. 1911. Д. 157. Т. 2. Л. 139.
[846] Там же. Л. 232.
[847] Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 494. Л. 207.
[848] *Короленко В.Г.* Собр. соч. в 10 т. М., 1955. Т. 9. С. 651.
[849] ГАРФ. Ф. 102.00 1911. Д. 157. Т. 2. Л. 186.
[850] *Margolin A.* The Jews of Eastern Europe. New York, 1926. P. 210.
[851] Дело Бейлиса. Стенографический отчет. Т. 1. С. 566.
[852] ГАРФ. Ф. 102.00. Д. 157. Т. 1. Л. 40 об.
[853] Там же. Ф. 102. 00. Д. 157. Т. 1. Л. 30.

[854] *Берберова Н.* Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Нью-Йорк, 1986. С. 121—138.
[855] Дело Бейлиса. Стенографический отчет. Т. 1. С. 255.
[856] ГАРФ. Ф. 102. 00. 1970. Д. 157. Т. 3. Л. 220.
[857] Дело Бейлиса. Стенографический отчет. Т. 1. С. 255.
[858] Тайна крови у евреев: Экспертиза И.Е. Пранайтиса. СПб., 1913. С. 26.
[859] Дело Бейлиса. Стенографический отчет. Т. 2. С. 402.
[860] *Грузенберг О.О.* Вчера. Воспоминания. Париж, 1938. С. 113—114.
[861] Дело Бейлиса. Стенографический отчет. Т. 3. С. 197.
[862] ГАРФ. Ф. 102. 00. 1911. Д. 157. Т. 3. Л. 220.
[863] Киевская мысль. 1913. 29 сент.
[864] Дело Бейлиса: Стенографические отчеты. Т. 3. С. 18.
[865] Там же. С. 118.
[866] Киевская мысль 1913. 25 окт.
[867] Дело Бейлиса. Стенографический отчет. Т. 3. С. 18.
[868] ГАРФ. Ф. 102.00. 1911. Т. 157. Т. 3. Л. 157.
[869] Там же. Л. 217.
[870] Русские ведомости. 1913. 1 нояб.
[871] ГАРФ. Ф. 102. 00. 1911. Д. 157. Т. 3. Л. 213.
[872] Вестник Союза русского народа. 1914. 30 янв.
[873] ГАРФ. Ф. 124. Оп. 65. Д. 223. Л. 190.
[874] ГАРФ. Ф. 102, 4 д-во. 1913. Д. 146. Л. 2.

Глава VIII

[875] *Дурново П.Н.* Записка. Февраль 1914 // Красная новь. 1922. № 6 (10). С. 182—199.
[876] *Пайпс Р.* Русская революция. М., 1994. Ч. 1. С. 239.
[877] Вестник Союза русского народа. 1914. 16 мая.
[878] Земщина. 1914. 20 сент.
[879] Исторический архив. 1994. № 5. С. 36.
[880] Речь. 1915. 28 янв.
[881] *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России. 1911—1917 гг. С. 347.
[882] Правые партии. Т. 2. С. 664.
[883] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 49. Л. 3 об.
[884] Русское знамя. 1914. 22 авг; Там же. 1915. 6 янв.
[885] РГИА. Ф. 1006. Он. 1, Д. 4-б. Л. 343.
[886] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 51.
[887] Утро России. 1916. 18 нояб.
[888] Русское знамя. 1914. 22 авг.
[889] Там же. 1914. 24 авг.
[890] Цит. по: *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России. С. 22.
[891] Устав общества под названием «Отечественный патриотический союз». М., 1915. С. 13.

[892] Правые партии. Т. 2. С. 461.
[893] Земщина. 1914. 20 авг.
[894] Русское знамя. 1914. 3 авг.
[895] Правые партии. Т. 2. С. 514.
[896] Русское знамя. 1915. 9 дек.
[897] Вестник Союза русского народа. 1914. 27 сент.
[898] Земщина. 1914. 13 авг.
[899] Русское знамя. 1914. 17 авг.
[900] Земщина. 1914, 11 нояб.
[901] Русское знамя. 1915. 30 янв.
[902] См.: *Кирьянов Ю.И.* Майские беспорядки в Москве в 1915 г. //Вопросы истории. 1994. № 12; *Рябиченко С.* Погромы. 1915 год: Три дня из жизни неизвестной Москвы. М., 2000.
[903] ГАРФ. Ф. 102. 00. 1915. Д. 246. Ч. 2. Л. 100.
[904] *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция. Т. 1. Нью-Йорк, 1960. С. 151.
[905] *Шульгин В.В.* Дни. М., 1989. С. 120.
[906] Союз русского народа: По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. С. 99.
[907] Там же. С. 339.
[908] Исторический архив. 1994. 35. С. 52.
[909] Падение царского режима. Т. 2. С. 354.
[910] Падение царского режима. Т. 4. С. 129.
[911] Союз русского народа. Но материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. С. 134.
[912] Правые партии. Т. 2. С. 494—495.
[913] Совещание монархистов 21—23 ноября 1915 г. в Петрограде. Постановление и краткий отчет. М., 1915. С. 29.
[914] Голос Руси. 1916. 8 окт.
[915] РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 4-б. Л. 283. 324.
[916] Правые партии. Т 2. С. 741.
[917] *Юсупов Ф.Ф.* Конец Распутина. Воспоминания. М., 1990. С. 74.
[918] ОР РГБ. Ф. 261. Карт. 21. Д. 12. Л. 92.
[919] Из воспоминаний А.Н. Хвостова // Голос минувшего. 1923. № 2. С. 162.
[920] *Мосолов А.* При дворе императора. С. 13.
[921] *Крыжановский С.Е.* Воспоминания. Петрополис, б.г. С. 148.
[922] *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Т. 2. С. 110.
[923] *Белецкий С.П.* Воспоминания // Архив русской революции. Т. 12. С. 61.
[924] *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция. Кн. 2. С. 50.
[925] *Гессен И.В.* Беседа с Хвостовым // Архив русской революции. Т. 12. С. 78.
[926] Падение царского режима. Т. 1. С. 103.
[927] Государственная дума. Созыв четвертый. Сессия 5. Стб. 27.

[928] Земщина. 1916. 12 нояб.
[929] Государственная дума. Созыв четвертый. Сессия 5. Стб. 261—288.
[930] Дневник члена Государственной думы В.М. Пуришкевича. Рига. 1924. С. 21—22.
[931] Государственная дума. Созыв четвертый. Сессия 5. СПб. 288.
[932] Земщина. 1916. 23 нояб.
[933] Государственная дума. Созыв четвертый. Сессия 5. Стб. 360—361.
[934] *Родзянко М.В.* Крушение империи. Харьков, 1990. С. 189.
[935] Земщина. 1916. 25 нояб.
[936] Дневник члена Государственной думы В.М. Пуришкевича. С. 10.
[937] Цит. по: *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 57. Подлинник письма не сохранился, оно впервые было опубликовано в «Русском слове» 9 марта 1917 г., причем текст был получен сотрудником газеты от самого великого князя.
[938] Переписка Николая и Александры Романовых. Москва—Петроград. 1923—1927. Т. 5. С. 128—129.
[939] *Палей.* Мои воспоминания о русской революции // Февральская революция. Мемуары. М.; Л., 1925. С. 338—339.
[940] Архив русской революции. Т. 12. С. 36.
[941] *Юсупов Ф.Ф.* Конец Распутина. Воспоминания. С. 51.
[942] Дневник члена Государственной думы В.М. Пуришкевича. С. 71.
[943] Там же. С. 83.
[944] *Юсупов Ф.Ф.* Конец Распутина. Воспоминания. С. 102.
[945] *Данилов Ю.Н.* Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С. 300

Глава IX

[946] ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1004. Л. 88.
[947] Там же. Ф. 116. Оп. 1. Д. 51. Д. 39.
[948] *Родзянко М.В.* Крушение империи. С. 214.
[949] Правые партии. Т. 2. С. 625.
[950] *Марков Н.Е.* Войны темных сил. М., 2002. С. 183.
[951] *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России. 1911—1917. С. 416.
[952] Речь. 1917. 14 апреля.
[953] *Шульгин В.В.* Дни. 1920. М., 1989. С. 253.
[954] *Милюков П.Н.* Воспоминания М., 1991. С. 468.
[955] Земщина. 1916. 16 дек.
[956] *Блок А.* Записные книжки. 1901—1920. М., 1965. С. 350, 358.
[957] *Блок А.* Записные книжки. 1901—1920. С. 379.
[958] *Коренев С.А.* Чрезвычайная комиссия по делам о бывших министрах // Архив русской революции. Т. 7. С. 26.
[959] Цит. по: *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России. 1911—1917. С. 421.
[960] *Пуришкевич В.* Вперед! Под двухцветным флагом. 1917. С. 36.

[961] Красный архив. 1928. Т. 1(26). С. 179.
[962] Там же. С. 181.
[963] Там же. С. 171, 173, 183.
[964] Цит. по: *Городецкий Е.Н.* Рождение советского государства. 1917—1918 гг. М., 1965. С. 346.
[965] «27-го февраля мы могли стать гражданами...». Тюремные записки В.М. Пуришкевича. Декабрь 1917 — март 1918 г. // Исторический архив. 1996. № 5—6. С. 124—126.
[966] Предисловие Владимира Пуришкевича к брошюре Михаила Пуришкевича Республика или монархия? Ростов-на-Дону, 1919. С. 5.
[967] *Краснов В.* Из воспоминаний о 1917—1920 гг. // Архив русской революции. Т. 8. С. 32.
[968] Благовест. Ростов-на-Дону, 1919. № 1. С. 23.
[969] *Марков Н.Е.* Войны темных сил. С. 374.
[970] *Смолин М.Б.* Монархический ригоризм имперского зубра // *Марков Н.Е.* Войны темных сил. С. 18.
[971] *Марков Н.Е.* Войны темных сил. С. 398—399.
[972] *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903—1919. М., 1992. Кн. 2. С. 393.
[973] Дневник Троцкого. Запись от 9 апр. 1935 г. Цит. по: *Пайпс Р.* Русская революция. М., 1994. Т. 2. С. 460—461.
[974] Цит. по: *Мельгунов С.П.* Красный террор в России. 1918—1923. Берлин, 1924. С. 66.
[975] *Польский М.* Новые Мученики Российские. Джорданвиль, 1949.
[976] Документы о судьбе А.И. Дубровина были опубликованы В.Г. Макаровым (ЦА ФСБ России) и А.В. Репниковым (РГАСПИ). К сожалению, я располагаю только интернет-ссылкой на эти документы.
[977] Цит. по: *Солженицын А.И.* Двести лет вместе. Т. 1. С. 451.
[978] Российский гражданин. 1916. № 46. С. 13—14.
[979] Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 190—195.
[980] Известия. 1924. 12 июня.
[981] *Ильин И.А.* Дневник. Письма. Документы (1903—1938). М., 1999. С. 222.
[982] *Марков Н.Е.* Войны темных сил. С. 156, 186.
[983] *Лакер У.* Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М., 1994. С. 73.
[984] *Шульгин В.В.* 1920 год. М., 1929. С. 283.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ 5

Глава I У ИСТОКОВ ЧЕРНОСОТЕННОГО ДВИЖЕНИЯ . . 13

1. Идеология черной сотни 13
2. В защиту самодержавия 50

Глава II ПОГРОМНЫЙ ДЕБЮТ 70

Глава III ЧЕРНОСОТЕННЫЕ СОЮЗЫ: СТРУКТУРА, ЧИСЛЕННОСТЬ, СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ . 111

Глава IV ПРАВЫЕ ПЕРЕХОДЯТ В НАСТУПЛЕНИЕ 165

1. Штурм Таврического дворца 165
2. Черносотенные боевые дружины 192
3. Черный террор 205

Глава V МОНАРХИСТЫ В ТРЕТЬЕИЮНЬСКОЙ МОНАРХИИ 222

1. Фракция крайне правых 222
2. Черная сотня и правительство 239
3. Раскол Союза русского народа 247

Глава VI РАБОЧИЕ, КРЕСТЬЯНЕ, СТУДЕНТЫ 265

1. Крайне правые и рабочие 265
2. Черная сотня в деревне 293
3. Правое студенчество 324

Глава VII ПОПУЛИЗМ И АНТИСЕМИТИЗМ 341

1. Мятежный иеромонах 341
2. Ритуальное дело 360

Глава VIII ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА 396

1. От патриотического единения к конфронтации 396
2. Черная сотня против темных сил 423

Глава IX КРУШЕНИЕ 442

1. Падение самодержавия 442
2. Монархическая эмиграция 482

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 502

ПРИМЕЧАНИЯ 507

Сергей Степанов

ЧЕРНАЯ СОТНЯ

Ответственный редактор *А. Колпакиди*
Художник *А. Козаченко*
Компьютерная верстка *А. Григорьев*
Корректор *Н. Митрофанова*

ЛР № 065715 от 05.03.1998
ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15, к. 4
Для корреспонденции:
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, 18, к. 5
Контактный тел.: (095) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@ eksmo.ru

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16.
Многоканальный тел. 411-50-74. **E-mail: reception@eksmo-sale.ru**

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 932-74-71.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская»,ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

ООО Дистрибьюторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА».
Киев, ул. Луговая, д. 9. Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49;
e-mail: **sale@eksmo.com.ua**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Санкт-Петербурге:
РДЦ СЗКО, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть книжных магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК»
представляет самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо».
Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 10.12.2004
Формат 84×108 $^1/_{32}$. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бум. тип.
Усл. печ. л. 28,73.
Тираж 4100 экз. Заказ № 5110

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Издательство «Эксмо» представляет

серия **РУССКИЕ ТАЙНЫ**

В серии «Русские тайны» выходят сенсационные книги самых известных российских историков-публицистов и профессиональных разведчиков. Для широкого круга читателей — материалы из особых секретных папок КГБ и зарубежных архивов, ранее запрещенные для печати!

ТАКЖЕ В СЕРИИ:

С. Степанов «Черная сотня»

РУССКИЕ ТАЙНЫ

Еврейские погромы и Кровавый навет, "Протоколы сионских мудрецов" и террористические акты, возрождение традиций допетровской Руси и утверждение Православия — все это Черная сотня.

За этими суровыми словами не только судьбы десятков тысяч русских людей и таких организаций, как "Союз русского народа" или "Союз Михаила Архангела", но и трагическая попытка последних поборников Империи сплотить русских людей под знаменами Православия, Самодержавия, Народности.

Книга Сергея Степанова не только блестящий и полный рассказ об истории черносотенного движения, с ее страниц встают яркие портреты его лидеров — таких, как В. Пуришкевич, А. Дубровин, Н. Марков, Илиодор.

ISBN 5-699-08156-9
9 785699 081561 >